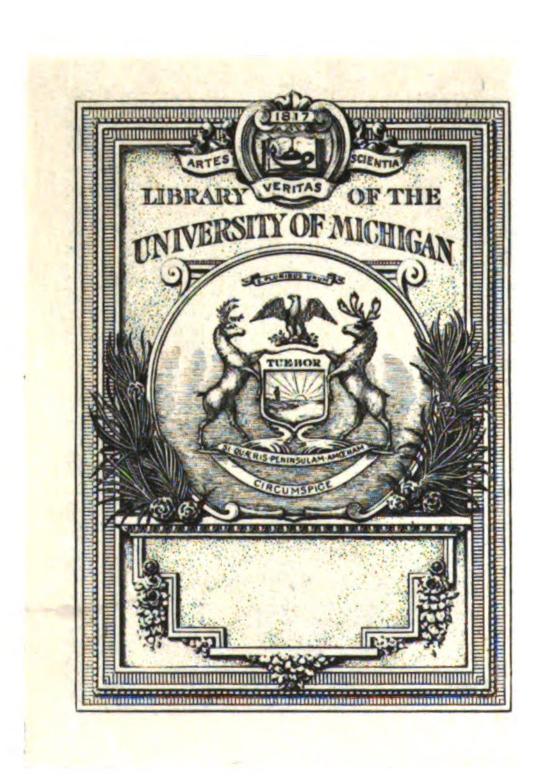

1817
ARTES
SCIENTIA
VERITAS
LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF MICHIGAN
TUEBOR
SI QUÆRIS PENINSULAM AMŒNAM
CIRCUMSPICE

Изданіе товарищества „ЗНАНІЕ“ (СПБ., Невскій, 92).

Gor'kii, M

М. Горькій.

РАЗСКАЗЫ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ВТОРОЕ изданіе товарищества „ЗНАНІЕ“.

15 Пятнадцатая тысяча.

Цѣна 1 рубль.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1901.

Типографія Спб. акц. общ. печ. дѣла въ Россіи Е. Евдокимовъ, Троицкая, 18.

Александру Ивановичу Ланину

М. Горькій.

Оглавленіе I тома.

МАКАРЪ ЧУДРА.

(1892.)

Съ моря дулъ влажный и холодный вѣтеръ, разнося по степи задумчивую мелодію плеска набѣгавшей на берегъ волны и шелеста прибрежныхъ кустовъ. Изрѣдка его порывы приносили съ собою иззябшіе, сморщенные и желтые листья и бросали ихъ въ костеръ, раздувая пламя, отчего окружавшая насъ мгла осенней ночи вздрагивала и, пугливо отодвигаясь, открывала на мигъ слѣва—безграничную степь, справа—безконечное море и прямо противъ меня массивную фугуру Макара Чудры, стараго цыгана, сторожившаго коней своего табора, раскинутаго шагахъ въ пятидесяти отъ насъ.

Не обращая ни малѣйшаго вниманія на то, что холодныя волны вѣтра, распахнувъ чекмень, обнажили его волосатую бронзовую грудь и безжалостно бьютъ ее, онъ полулежалъ въ красивой, свободной и сильной позѣ, лицомъ ко мнѣ, методически потягивалъ изъ своей громадной трубки, выпускалъ изо рта и носа густые клубы дыма и, неподвижно уставивъ глаза куда-то черезъ мою голову въ мертво молчавшую темь степи, разговаривалъ со мной, не умолкая и не дѣлая ни одного движенія къ защитѣ отъ рѣзкихъ ударовъ вѣтра.

— Такъ ты ходишь? Это хорошо! Ты славную долю выбралъ себѣ, соколъ. Такъ и надо: ходи и смотри, насмотрѣлся, лягъ и умирай—вотъ и все!

— Жизнь? Иные люди? — продолжалъ онъ, скептически выслушавъ мое возраженіе на его „такъ и надо“.— Эге! А тебѣ что до того? Развѣ ты самъ не жизнь? А другіе люди живутъ безъ тебя и проживутъ безъ тебя. Развѣ ты думаешь, что ты кому-то нуженъ? Ты не хлѣбъ и не палка, ну и не нужно тебя никому.

— Учиться и учить, говоришь ты? А ты можешь научиться сдѣлать людей счастливыми? Нѣтъ, не можешь. Ты посѣдѣй сначала, да и говори, что надо учить. Чему учить? Всякій знаетъ, что ему нужно. Которые умнѣе, тѣ берутъ что есть, которые поглупѣе—тѣ ничего не получаютъ, и всякій самъ учится...

— Смѣшные они, тѣ твои люди. Сбирались въ кучу и давятъ другъ друга, а мѣста на землѣ вонъ сколько,— онъ широко повелъ рукой на степь.—И все работаютъ. Зачѣмъ? кому? Никто не знаетъ. Видишь, какъ человѣкъ пашетъ, и думаешь: вотъ онъ по каплѣ съ потомъ силы свои источитъ на землю, а потомъ ляжетъ въ нее и сгніетъ въ ней. Ничего по немъ не останется, ничего онъ не видитъ съ своего поля и умираетъ, какъ родился, дуракомъ.

— Что же, онъ родился затѣмъ, что ли, чтобъ поковырять землю, да и умереть, не успѣвъ даже могилы самому себѣ выковырять? Вѣдома ему воля? Ширь степная понятна? Говоръ морской волны веселитъ ему сердце? Эге! Онъ рабъ—какъ только родился, и во всю жизнь рабъ, да и все тутъ! Что онъ съ собой можетъ сдѣлать? Только удавиться, коли поумнѣетъ немного.

— А я, вотъ, смотри, въ 58 лѣтъ столько видѣлъ, что коли написать все это на бумагѣ, такъ въ тысячу такихъ торбъ, какъ у тебя, не положишь. А ну-ка, скажи, въ какихъ краяхъ я не былъ? И не скажешь. Ты и не знаешь такихъ краевъ, гдѣ я бывалъ. Такъ нужно жить: иди, иди—и все тутъ. Долго не стой на одномъ мѣстѣ—чего въ немъ? Вонъ какъ день и ночь вѣчно бѣгаютъ, гоняясь другъ за другомъ, вокругъ

земли, такъ и ты бѣгай отъ думъ про жизнь, чтобъ не разлюбить ея. А задумаешься—разлюбишь жизнь, это всегда такъ бываетъ. И со мной это было. Эге! Было, соколъ.

— Въ тюрьмѣ я сидѣлъ, въ Галичинѣ. Зачѣмъ я живу на свѣтѣ?—помыслилъ я какъ-то разъ со скуки— скучно въ тюрьмѣ, соколъ, э, какъ скучно! — и взяла меня тоска за сердце, какъ посмотрѣлъ я изъ окна на поле, взяла и сжала его, какъ клещами. Кто скажетъ, зачѣмъ онъ живетъ? Никто не скажетъ, соколъ! И спрашивать себя про это не надо. Живи, и все тутъ. И похаживай да посматривай кругомъ себя, вотъ и тоска не возьметъ никогда. Я тогда чуть не удавился поясомъ, вотъ какъ!

— Хе! Говорилъ я съ однимъ человѣкомъ. Строгій человѣкъ изъ вашихъ, русскихъ. Нужно, говоритъ онъ, жить не такъ, какъ ты самъ хочешь, а такъ, какъ сказано въ Божьемъ словѣ. Богу покоряйся, и Онъ дастъ тебѣ все, что попросишь у Него. А самъ онъ весь въ дырьяхъ, рваный. Я и сказалъ ему, чтобы онъ себѣ новую одежду попросилъ у Бога. Разсердился онъ и прогналъ меня, ругаясь. А до того говорилъ, что надо прощать людей и любить ихъ. Вотъ бы и простилъ мнѣ, коли моя рѣчь обидѣла его милость. Тоже учитель! Учатъ они меньше ѣсть, а сами ѣдятъ по десять разъ въ сутки.

Онъ плюнулъ въ костеръ и замолчалъ, снова набивая трубку. Вѣтеръ вылъ о чемъ-то жалобно и тихо, во тьмѣ ржали кони и изъ табора плыла нѣжная и страстная пѣсня-думка. Это пѣла красавица Нонка, дочь Макара. Я зналъ ея голосъ густого грудного тембра, всегда какъ-то странно недовольно и требовательно звучавшій—пѣла ли она пѣсню, говорила ли „здравствуй“. На ея смугломъ матовомъ лицѣ замерла надменность царицы, а въ подернутыхъ какой-то тѣнью темнокарихъ глазахъ сверкало сознаніе обаянія и неотразимости

своей красоты и презрѣнія ко всему, что не она сама.

Макаръ подалъ мнѣ трубку.

— Кури! Хорошо поетъ дѣвка? То-то! Хотѣлъ ты, чтобъ такая тебя полюбила? Нѣтъ? Хорошо! Такъ надо— не вѣрь дѣвкамъ и держись отъ нихъ дальше. Дѣвкѣ цѣловаться лучше и пріятнѣй, чѣмъ мнѣ трубку курить, а поцѣловалъ ее —и умерла воля въ твоемъ сердцѣ. Привяжетъ она тебя къ себѣ чѣмъ-то, чего не видно и порвать нельзя, и отдашь ты ей всю душу, а тебѣ только остальное. Вѣрно! Берегись дѣвокъ! Лгутъ всегда, гадюки. Люблю, говоритъ, больше всего на свѣтѣ, а ну-ка, уколи ее булавкой, и она разорветъ тебѣ сердце. Знаю я! Эге, сколько я знаю! Ну, соколъ, хочешь скажу одну быль? А ты ее запомни и какъ запомнишь, вѣкъ свой будешь свободной птицей...

„Былъ на свѣтѣ Зобаръ, молодой цыганъ, Лойко Зобаръ. Вся Венгрія и Чехія, и Славонія, и все, что кругомъ моря, знало его, — удалый былъ малый! Не было по тѣмъ краямъ деревни, въ которой бы пятокъ-другой жителей не давалъ Богу клятвы убить Лойко, а онъ себѣ жилъ, и ужъ коли ему понравился конь, такъ хоть полкъ солдатъ поставь сторожить того коня—все равно Зобаръ на немъ гарцовать станетъ! Эге! развѣ онъ кого боялся? Да приди къ нему сатана со всей своей свитой, такъ онъ бы, коли бъ не пустилъ въ него ножа, то навѣрно бы крѣпко поругался, а что чертямъ подарилъ бы по пинку въ рыла—это ужъ какъ разъ!

„И всѣ таборы его знали или слыхали о немъ. Онъ любилъ только коней и ничего больше, и то не долго— поѣздитъ, да и продастъ, а деньги, кто хочетъ, тотъ и возьми. У него не было завѣтнаго — нужно тебѣ его сердце, онъ самъ бы вырвалъ его изъ груди да тебѣ и отдалъ, только бы тебѣ отъ того хорошо было. Вотъ онъ какой былъ, соколъ!

„Нашъ таборъ кочевалъ въ то время по Буковинѣ,— это годовъ 10 назадъ тому. Разъ,—это ночью весенней

я помню было, — сидимъ мы: я вотъ, Данила солдатъ, что съ Кошутомъ воевалъ вмѣстѣ, и Нуръ старый, и всѣ другіе, и Радда, Данилова дочка.

„Ты Нонку мою знаешь? Царица-дѣвка! Ну, а Радду съ ней равнять нельзя — много чести Нонкѣ! О ней, этой Раддѣ, словами и не скажешь ничего. Можетъ быть ея красоту можно бы на скрипкѣ сыграть, да и то тому, кто эту скрипку какъ свою душу знаетъ.

„Много посушила она сердецъ молодецкихъ, ого, много! На Моравѣ одинъ магнатъ, старый, чубатый, увидалъ ее и остолбенѣлъ. Сидитъ на конѣ и смотритъ, дрожа, какъ въ огневицѣ. Красивъ онъ былъ, какъ чортъ въ праздникъ, жупанъ шитъ золотомъ, на боку сабля, какъ молнія сверкаетъ, чуть конь ногой топнетъ... вся эта сабля въ камняхъ драгоцѣнныхъ и голубой бархатъ на шапкѣ, точно неба кусокъ,—важный былъ господарь старый! Смотрѣлъ, смотрѣлъ, да и говоритъ Раддѣ: Гей! Поцѣлуй, кошель денегъ дамъ. — А та отвернулась въ сторону, да и только!—Прости, коли обидѣлъ, взгляни хоть поласковѣй,—сразу сбавилъ спеси старый магнатъ и бросилъ къ ея ногамъ кошель — большой кошель, братъ! А она его будто невзначай пнула ногой въ грязь, да и все тутъ.

— „Эхъ, дѣвка!—охнулъ онъ, да и плетью по коню — только пыль взвилась тучей.

„А на другой день снова явился.—Кто ея отецъ?— громомъ гремитъ по табору. Данила вышелъ. Продай дочь, что хочешь возьми! — А Данила и скажи ему:— Это только паны продаютъ все отъ своихъ свиней до своей совѣсти, а я съ Кошутомъ воевалъ и ничѣмъ не торгую!—Взревѣлъ было тотъ, да и за саблю, но кто-то изъ насъ сунулъ зажженный трутъ въ ухо коню, онъ и унесъ молодца. А мы снялись, да и пошли. День идемъ и два, смотримъ — догналъ! Гей, вы, говоритъ, передъ Богомъ и вами совѣсть моя чиста, отдайте дѣвку въ жены мнѣ; все подѣлю съ вами, богатъ я сильно!—

Горитъ весь и, какъ ковыль подъ вѣтромъ, качается въ сѣдлѣ. Мы задумались.

— „А ну-ка, дочь, говори! — сказалъ себѣ въ усы Данила.

— „Кабы орлица къ ворону въ гнѣздо по своей волѣ вошла, чѣмъ бы она стала?—спросила насъ Радда.

Засмѣялся Данила и всѣ мы съ нимъ.

— „Славно, дочка! Слышалъ, господарь? Не идетъ дѣло! Голубокъ ищи—тѣ податливѣй. И пошли мы впередъ.

„А тотъ господарь схватилъ шапку, бросилъ ее оземь и поскакалъ, поскакалъ такъ, что земля задрожала. Вотъ она какова была Радда, соколъ!

„Да! такъ вотъ разъ ночью сидимъ мы и слышимъ—музыка плыветъ по степи. Хорошая музыка! кровь загоралась въ жилахъ отъ нея и звала она куда-то. Всѣмъ намъ, мы чуяли, отъ той музыки захотѣлось чего-то такого, послѣ чего бы и жить ужъ не нужно было, или, коли жить, такъ царями надъ всей землей,—вотъ какая, соколъ!

„А она все ближе. Вотъ изъ темноты вырѣзался конь, а на немъ человѣкъ сидитъ и играетъ, подъѣзжая къ намъ. Остановился у костра, пересталъ играть и, улыбаясь, смотритъ на насъ.

— „Эге, Зобаръ, да это ты!—крикнулъ ему Данила радостно. Такъ вотъ онъ Лойко Зобаръ!

„Усы легли на плечи и смѣшались съ кудрями вороненой стали, очи, какъ ясныя звѣзды, горятъ, а улыбка—цѣлое солнце, ей-Богу! Точно его ковàли ковалѝ изъ одного куска желѣза вмѣстѣ съ конемъ. Стоитъ весь, какъ въ крови, въ огнѣ костра и сверкаетъ зубами, смѣясь. Эге, будь я проклятъ, коли я его не любилъ уже, какъ себя, раньше, чѣмъ онъ мнѣ слово сказалъ или просто замѣтилъ, что и я тоже живу на бѣломъ свѣтѣ!

„Вотъ, соколъ, какіе люди бываютъ! Взглянетъ онъ тебѣ въ очи и полонитъ твою душу, и ничуть тебѣ это

не стыдно, а еще и гордо для тебя. Съ такимъ человѣкомъ ты и самъ лучше становишься сразу же. Мало, другъ, такихъ людей! Ну, такъ и ладно, коли мало. Много хорошаго было бы на свѣтѣ, такъ его и за хорошее не считали бъ. Такъ-то! А слушай-ка дальше.

„Радда и говоритъ: — Хорошо ты, Лойко, играешь! Кто это дѣлалъ тебѣ скрипку такую звонкую и чуткую? А тотъ смѣется: — я самъ дѣлалъ! И сдѣлалъ ее не изъ дерева, а изъ груди молодой дѣвушки, которую любилъ крѣпко, а струны изъ ея сердца мною свиты. Вретъ еще немного скрипка, ну да я умѣю смычокъ въ рукахъ держать исправно! Видишь?

„Извѣстно, нашъ братъ старается сразу затуманить дѣвкѣ очи, чтобъ они не зажгли его сердца, а сами подернулись бы по тебѣ грустью, вотъ и Лойко тожъ. Но не на ту попалъ. Радда отвернулась въ сторону и, зѣвнувъ, сказала:—А еще говорили, что Зобаръ уменъ и ловокъ — вотъ лгутъ люди, и пошла прочь.

— „Эге, красавица, у тебя остры зубы!—сверкнулъ очами Лойко и слѣзъ съ коня. — Здравствуйте, браты! Вотъ и я къ вамъ!

—„Просимъ гостя, орелъ! — сказалъ Данила въ отвѣтъ ему. Поцѣловались, поговорили и легли спать... Крѣпко спали. А на утро, глядимъ, у Зобара голова повязана тряпкой. Что это? А это конь зашибъ его копытомъ соннаго.

„Э, э, э! Поняли мы, кто тотъ конь, и улыбнулись въ усы, и Данила улыбнулся. Что жъ, развѣ Лойко не стоилъ Радды? Ну, ужъ нѣтъ! Дѣвка какъ ни хороша, да у ней душа узка и мелка, и хоть ты пудъ золота повѣсь ей на шею, все равно, лучше того, какова она есть, ей не быть. А ну, ладно!

„Живемъ мы, да живемъ на томъ мѣстѣ; дѣла у насъ о ту пору хорошія были, и Зобаръ съ нами. Это былъ товарищъ! И мудръ былъ, какъ старикъ, и свѣдущъ во всемъ, и грамоту русскую и венгерскую понималъ.

Бывало, пойдетъ говорить—вѣкъ бы не спалъ, слушалъ его! А играетъ—убей меня громъ, коли на свѣтѣ еще кто-нибудь такъ игралъ, какъ Зобаръ! Проведетъ бывало по струнамъ смычкомъ—и вздрогнетъ у тебя сердце, проведетъ еще разъ—и замретъ оно, слушая, а онъ играетъ и улыбается. И плакать, и смѣяться хотѣлось въ одно время, слушая его пѣсни. Вотъ тебѣ сейчасъ кто-то стонетъ горько изъ-подъ смычка, стонетъ, проситъ помощи и рѣжетъ тебѣ грудь, какъ ножомъ. А вотъ степь говоритъ небу сказки, тихія, печальныя сказки. Плачетъ дѣвушка, провожая добра-молодца! Добрый молодецъ кличетъ дѣвицу въ степь на свиданіе. И вдругъ—гей! Громомъ гремитъ вольная, живая пѣсня, и само солнце, того и гляди, затанцуетъ по небу подъ ту пѣсню! Вотъ какъ, соколъ!

„Каждая жила въ твоемъ тѣлѣ понимала ту пѣсню и весь ты становился рабомъ ея. И коли бы тогда крикнулъ Лойко: „въ ножи, товарищи!“—то и пошли бы мы всѣ въ ножи, съ кѣмъ указалъ бы онъ. Все онъ могъ сдѣлать съ человѣкомъ, и всѣ любили его, крѣпко любили, только Радда одна не смотритъ на парня; и ладно, коли бъ только это, а то и подсмѣивается надъ нимъ. Крѣпко она задѣла за сердце Зобара, то-то крѣпко! Зубами скрипитъ, дергая себя за усъ, Лойко, очи темнѣе бездны смотрятъ, а порой въ нихъ такое сверкнетъ, что за душу страшно становится. Уйдетъ ночью въ степь далеко удалый Лойко и плачетъ до утра тамъ его скрипка, плачетъ, хоронитъ Зобарову волю. А мы лежимъ, да слушаемъ и думаемъ: какъ быть? И знаемъ, что коли два камня другъ на друга катятся, становиться межъ ними нельзя — изувѣчатъ. Такъ и шло дѣло.

„Разъ сидѣли мы всѣ въ сборѣ и говорили о дѣлахъ. Скучно стало. Данила и проситъ Лойко:—„Спой, Зобаръ, пѣсенку, повесели душу!“—Тотъ повелъ окомъ на Радду, что неподалеку отъ него лежала кверху

лицомъ да смотрѣла въ небо, и ударилъ по струнамъ. Такъ и заговорила скрипка, точно это и вправду дѣвичье сердце было! И запѣлъ Лойко:

Гей-гопъ! Въ груди горитъ огонь,
А степь такъ широка!
Какъ вѣтеръ быстръ мой борзый конь,
Тверда моя рука!

„Повернула голову Радда и, привставъ, усмѣхнулась въ очи пѣвуну. Вспыхнулъ, какъ заря, онъ.

Гей, гопъ-гей! Ну жъ, товарищъ мой!
Поскачемъ, что ль, впередъ!?
Одѣта степь суровой мглой,
А тамъ разсвѣтъ насъ ждетъ!
Гей-гопъ! Летимъ и встрѣтимъ день.
Взвивайся въ вышину!
Да только гривой не задѣнь
Красавицу луну!

„Вотъ пѣлъ! Никто ужъ такъ не поетъ теперь! А Радда и говоритъ, точно воду цѣдитъ:

— „Ты бы не залеталъ такъ высоко, Лойко, неравно упадешь, да въ лужу носомъ, усы запачкаешь, смотри. Звѣремъ посмотрѣлъ на нее Лойко, а ничего не сказалъ—стерпѣлъ парень и поетъ себѣ:

Гей-гопъ! Вдругъ день придетъ сюда,
А мы съ тобой спимъ.
Эй, гей! Вѣдь мы съ тобой тогда
Въ огнѣ стыда сгоримъ!

— „Это пѣсня!—сказалъ Данила,—никогда не слыхалъ такой пѣсни; пусть изъ меня сатана себѣ трубку сдѣлаетъ, коли вру я! — Старый Нуръ и усами поводилъ, и плечами пожималъ, и всѣмъ намъ по душѣ была удалая Зобарова пѣсня! Только Раддѣ не понравилась.

— „Вотъ такъ однажды комаръ гудѣлъ, орлиный клекотъ передразнивая,—сказала она, точно снѣгомъ въ насъ кинула.

— „Можетъ быть, ты, Радда, кнута хочешь?—потянулся Данила къ ней, а Зобаръ бросилъ наземь шапку, да и говоритъ, весь черный, какъ земля:

— „Стой, Данила! Горячему коню—стальныя удила! Отдай мнѣ дочку въ жены!

— „Вотъ сказалъ рѣчь! — усмѣхнулся Данила,— да возьми, коли можешь, да хочешь!

— „Добро! — молвилъ Лойко, и говоритъ Раддѣ:

— „Ну, дѣвушка, послушай меня немного, да не кичись! Много я вашей сестры видѣлъ, эге много! А ни одна не тронула моего сердца такъ, какъ ты. Эхъ, Радда, полонила ты мою душу! Ну что жъ? Чему быть, такъ то и будетъ, и... эхъ! нѣтъ такого коня, на которомъ отъ самого себя ускакать можно бъ было!... Беру тебя въ жены передъ Богомъ, своей честью, твоимъ отцомъ и всѣми этими людьми. Но смотри, волѣ моей не перечь— я все-таки свободный человѣкъ и буду жить такъ, какъ я хочу! — и онъ подошелъ къ ней, стиснувъ зубы и сверкая глазами. Смотримъ мы, протянулъ онъ ей руку, — вотъ, думаемъ, и надѣла узду на степного коня Радда! Вдругъ видимъ, взмахнулъ онъ руками и оземь затылкомъ грохъ!...

„Что за диво? Точно пуля ударила въ сердце малаго. А это Радда захлестнула ему ременное кнутовище за ноги, да и дернула къ себѣ, — вотъ отчего упалъ Лойко.

„И снова ужъ лежитъ дѣвка, не шевелясь, да усмѣхается, молча. Мы смотримъ, что будетъ, а Лойко сидитъ на землѣ и сжалъ руками голову, точно боится, что она у него лопнетъ сейчасъ. А потомъ всталъ тихо, да и пошелъ въ степь, ни на кого не глядя. Нуръ шепнулъ мнѣ:—Смотри за нимъ! — И поползъ я за Зоборомъ по степи въ темнотѣ ночной. Такъ-то, соколъ!“

Макаръ выколотилъ пепелъ изъ трубки и снова сталъ набивать ее. Я закутался плотнѣе въ чекмень и, лежа,

смотрѣлъ въ его старое лицо, черное отъ загара и вѣтра. Онъ сурово и строго качалъ головой и что-то шепталъ про-себя; густые сѣдые усы шевелились, и вѣтеръ трепалъ ему волосы на головѣ. Онъ былъ похожъ на старый дубъ, обожженный молніей, но все еще мощный, крѣпкій и гордый силой своей. Море шепталось попрежнему съ берегомъ, и вѣтеръ все также носилъ его шопотъ по степи. Нонка уже не пѣла, а собравшіяся на небѣ тучи сдѣлали осеннюю ночь еще темнѣй и страшнѣй.

„Шелъ Лойко нога за ногу, повѣся голову и опустивъ руки, какъ плети, и, придя въ балку къ ручью, сѣлъ на камень и охнулъ. Такъ охнулъ, что у меня сердце кровью облилось отъ жалости, но все жъ не подошелъ къ нему. Словомъ горю не поможешь—вѣрно!? То-то! Часъ онъ сидитъ, другой сидитъ и третій не шелохнется—сидитъ.

„И я лежу неподалеку. Ночь свѣтлая, мѣсяцъ серебромъ всю степь залилъ и далеко все видно.

„Вдругъ вижу: отъ табора спѣшно Радда идетъ.

Весело мнѣ стало, эхъ, важно! — думаю, — удалая дѣвка Радда! Вотъ она подошла къ нему, онъ и не слышитъ. Положила ему руку на плечо; вздрогнулъ Лойко, разжалъ руки и поднялъ голову. И какъ вскочитъ, да за ножъ! Ухъ, порѣжетъ дѣвку, вижу я, и ужъ хотѣлъ, крикнувъ до табора, побѣжать къ нимъ, вдругъ слышу:

— „Брось! Голову разобью!—Смотрю: у Радды въ рукѣ пистоль и она въ лобъ Зобару цѣлитъ. Вотъ сатана дѣвка! А ну, думаю, они теперь равны по силѣ, что будетъ дальше?

— „Слушай! — Радда заткнула за поясъ пистоль и говоритъ Зобару:—Я не убить тебя пришла, а мириться, бросай ножъ! Тотъ бросилъ и хмуро смотритъ ей въ очи. Дивно это было, братъ! Стоятъ два человѣка и звѣрями смотрятъ другъ на друга, а оба такіе хорошіе,

удалые люди. Смотритъ на нихъ ясный мѣсяцъ, да я— и все тутъ.

— „Ну, слушай меня, Лойко: я тебя люблю!—говоритъ Радда. Тотъ только плечами повелъ, точно связанный по рукамъ и ногамъ.

— „Видала я молодцовъ, а ты удалѣй и краше ихъ душой и лицомъ. Каждый изъ нихъ усы себѣ бы сбрилъ—моргни я ему глазомъ, всѣ они пали бы мнѣ въ ноги, захоти я того. Но что толку? Они и такъ не больно-то удалы, а я бы ихъ всѣхъ обабила. Мало осталось на свѣтѣ удалыхъ цыганъ, мало, Лойко. Никогда я никого не любила, Лойко, а тебя люблю. А еще я люблю волю! Волю-то я, Лойко, люблю больше, чѣмъ тебя. А безъ тебя мнѣ не жить, какъ не жить и тебѣ безъ меня. Такъ вотъ я хочу, чтобъ ты былъ моимъ и душой и тѣломъ, слышишь?—Тотъ усмѣхнулся.

— „Слышу! Весело сердцу слушать твою рѣчь! Ну-ка, скажи еще!

— „А еще вотъ что, Лойко: все равно, какъ ты ни вертись, я тебя одолѣю, моимъ будешь. Такъ не теряй же даромъ времени—впереди тебя ждутъ мои поцѣлуи да ласки... крѣпко цѣловать я тебя буду, Лойко! Подъ поцѣлуй мой позабудешь ты свою удалую жизнь... и живыя пѣсни твои, что такъ радуютъ молодцовъ цыганъ, не зазвучатъ по степямъ больше—пѣть ты ужъ будешь любовныя, нѣжныя пѣсни мнѣ, твоей Раддѣ... Такъ не теряй даромъ времени, — сказала я это, значитъ, ты завтра покоришься мнѣ, какъ старшему товарищу юнаку. Поклонишься мнѣ въ ноги передъ всѣмъ таборомъ и поцѣлуешь правую руку мою—и тогда я буду твоей женой!

„Вотъ чего захотѣла чортова дѣвка! Этого и слыхомъ не слыхано было; только встарину у черногорцевъ такъ было, говорили старики, а у цыганъ — никогда! Побратимство съ дѣвкой! Ну-ка, соколъ, выдумай что ни то посмѣшнѣе? Годъ поломаешь голову, не выдумаешь!

„Прянулъ въ сторону Лойко и крикнулъ на всю степь, какъ раненый въ грудь. Дрогнула Радда, но не выдала себя.

— „Ну, такъ прощай до завтра, а завтра ты сдѣлаешь, что я велѣла тебѣ. Слышишь, Лойко!

— „Слышу! Сдѣлаю,—застоналъ Зобаръ и протянулъ къ ней руки. Она и не оглянулась на него, а онъ зашатался, какъ сломанное вѣтромъ дерево, и палъ на землю, рыдая и смѣясь.

„Вотъ какъ замаяла молодца проклятая Радда. Насилу я привелъ его въ себя.

„Эхе! Какому дьяволу нужно, чтобы люди горе горевали? Кто это любитъ слушать, какъ стонетъ, разрываясь отъ горя, человѣческое сердце? Вотъ и думай тутъ!...

„Воротился я въ таборъ и разсказалъ о всемъ старикамъ. Подумали и рѣшили подождать, да посмотрѣть— что будетъ изъ всего этого. А было вотъ что. Когда собрались всѣ мы вечеромъ вокругъ костра, пришелъ и Лойко. Былъ онъ смущенъ и похудѣлъ за ночь страшно, глаза ввалились; онъ опустилъ ихъ въ землю и, не подымая, сказалъ намъ:

— „Вотъ какое дѣло, товарищи: смотрѣлъ въ свое сердце этой ночью и не нашелъ мѣста въ немъ старой вольной жизни моей. Радда тамъ живетъ только—и все тутъ! Вотъ она, красавица Радда, улыбается, какъ царица! Она любитъ свою волю больше меня, а я ее люблю больше своей воли, и рѣшилъ я Раддѣ поклониться въ ноги, такъ она велѣла, чтобъ всѣ видѣли, какъ ея красота покорила удалого Лойко Зобара, который до нея игралъ съ дѣвушками, какъ кречетъ съ утками. А потомъ она станетъ моей женой и будетъ ласкать и цѣловать меня, такъ что уже мнѣ и пѣсенъ пѣть вамъ не захочется, и воли моей я не пожалѣю! Такъ ли, Радда?—Онъ поднялъ глаза и сумно посмотрѣлъ на нее. Она молча и строго кивнула головой и рукой указала себѣ на ноги. А мы смотрѣли

и ничего не понимали. Даже уйти куда-то хотѣлось, лишь бы не видать, какъ Лойко Зобаръ упадетъ въ ноги дѣвкѣ—пусть эта дѣвка и сама Радда. Стыдно было чего-то и жалко, и грустно.

— „Ну!—крикнула Радда Зобару.

— „Эге, не торопись, успѣешь, надоѣстъ еще...—засмѣялся онъ. Точно сталь зазвенѣла,—засмѣялся.

— „Такъ вотъ и все дѣло, товарищи! Что остается? А остается попробовать, такое ли у Радды моей крѣпкое сердце, какимъ она мнѣ его показывала. Попробую же,—простите меня, братцы!

„Эхъ! мы и догадаться еще не успѣли, что хочетъ дѣлать Зобаръ, а ужъ Радда лежала на землѣ и въ груди у нея по рукоять торчалъ кривой ножъ Зобара. Оцѣпенѣли мы.

„А Радда вырвала ножъ, бросила его въ сторону и, зажавъ рану прядью своихъ черныхъ волосъ, улыбаясь, сказала громко и внятно:

— „Прощай, Лойко! я знала, что ты такъ сдѣлаешь!...—да и умерла...

„Понялъ ли дѣвку, соколъ?! Вотъ какая, будь я проклятъ на вѣки вѣчные, дьявольская дѣвка была! Эге!

— „Эхъ! да и поклонюсь же я тебѣ въ ноги, королева гордая!—на всю степь гаркнулъ Лойко, да бросившись наземь, прильнулъ устами къ ногамъ мертвой Радды и замеръ. Мы сняли шапки и стояли молча.

„Что скажешь въ такомъ дѣлѣ, соколъ? То-то! Нуръ сказалъ было: „надо связать его!“ Не поднялись бы руки вязать Лойко Зобара, ни у кого не поднялись бы, и Нуръ зналъ это. Махнулъ онъ рукой, да и отошелъ въ сторону. А Данила поднялъ ножъ, брошенный въ сторону Раддой, и долго смотрѣлъ на него, шевеля сѣдыми усами; на томъ ножѣ еще не застыла кровь Радды и былъ онъ такой кривой и острый. А потомъ подошелъ Данила къ Зобару и сунулъ ему ножъ въ спину какъ разъ противъ сердца. Тоже отцомъ былъ Раддѣ старый солдатъ Данила!

— „Вотъ такъ!—повернувшись къ Данилѣ, ясно сказалъ Лойко и ушелъ догонять Радду.

„А мы смотрѣли. Лежала Радда, прижавъ къ груди руку съ прядью волосъ, и открытые глаза ея были въ голубомъ небѣ, а у ногъ ея раскинулся удалой Лойко Зобаръ. На лицо его пали кудри и не видно было его лица.

„Стояли мы и думали. Дрожали усы у стараго Данилы и насупились густыя брови его. Онъ глядѣлъ въ небо и молчалъ, а Нуръ, сѣдой какъ лунь, легъ внизъ лицомъ на землю и заплакалъ такъ, что ходуномъ заходили его стариковскія плечи.

„Было тутъ надъ чѣмъ плакать, соколъ! Такъ-то!...

„Идешь ты, ну и иди твоимъ путемъ, не сворачивая въ сторону. Прямо и иди. Можетъ, и загинешь даромъ. Вотъ и все, соколъ!“

Макаръ замолчалъ и, спрятавъ въ кисетъ трубку, запахнулъ на груди чекмень. Накрапывалъ дождь, вѣтеръ сталъ сильнѣе и море рокотало глухо и сердито. Одинъ за другимъ къ угасавшему костру подходили кони и, осмотрѣвъ насъ большими, умными глазами, неподвижно останавливались, окружая насъ плотнымъ кольцомъ.

— Гопъ, гопъ, эгой!—крикнулъ имъ ласково Макаръ и, похлопавъ ладонью шею своего любимаго вороного коня, сказалъ, обращаясь ко мнѣ:

— Спать пора!—завернулся съ головой въ чекмень и, могуче вытянувшись на землѣ, умолкъ. Мнѣ не хотѣлось спать. Я смотрѣлъ въ темь степи къ морю, и въ воздухѣ передъ моими глазами плавала царственно красивая и гордая фигура Радды. Она прижала руку съ прядью черныхъ волосъ къ ранѣ на груди, и сквозь ея смуглые, тонкіе пальцы сочилась капля по каплѣ кровь, падая на землю огненно-красными звѣздочками.

А за ней по пятамъ плылъ удалой молодецъ Лойко Зобаръ; его лицо завѣсили пряди густыхъ черныхъ

кудрей, и изъ-подъ нихъ капали частыя, холодныя и крупныя слезы...

Усиливался дождь, и море распѣвало мрачный и торжественный гимнъ гордой парѣ красавцевъ цыганъ— Лойко Зобару и Раддѣ, дочери стараго солдата Данилы.

А они оба кружились во тьмѣ ночи плавно и безмолвно и никакъ не могъ красавецъ-пѣвунъ Лойко поровняться съ гордой Раддой...

О Чижѣ, который лгалъ, и о Дятлѣ—любителѣ истины.

(1892.)

Это очень правдивая исторія, и я начну ее такъ:

...Вдругъ изъ всѣхъ пѣвчихъ птицъ той рощи, въ которой произошелъ этотъ любопытный случай, привлекла къ себѣ общее вниманіе одна, запѣвшая пѣсни, исполненныя не только надеждъ, но и увѣренности.

До той поры всѣ птицы, испуганныя внезапно наступившей сѣренькой и хмурой погодой, пѣли пѣсни, которыя только потому и назывались пѣснями, что ихъ пѣли; въ нихъ преобладали унылыя и безнадежныя ноты, и птицы-слушатели сначала называли ихъ хрипѣньемъ умирающихъ, но потомъ понемногу привыкли и даже стали находить въ нихъ разныя красоты, что, однако, стоило имъ большого труда.

Тонъ всему въ рощѣ давали вороны, птицы по существу своему мизантропическія и, кромѣ болѣе или менѣе громкаго карканья, ни къ чему не способныя. Въ другое время на нихъ бы не обратили вниманія, но теперь, когда ихъ голоса преобладали, ихъ слушали и даже считали очень мудрыми птицами. А онѣ, подмѣчая послѣднее обстоятельство, мрачно распѣвали:

Карр!... Въ борьбѣ съ суровымъ рокомъ
Намъ, ничтожнымъ, нѣтъ спасенья.
Все, на что ни взглянешь окомъ, —

Боль и горе, прахъ и тлѣнье...
Карр!... Страшны удары рока!...
Мудрый пусть имъ покорится...

Карр... карр!... Скучная пѣсня!... но сильная, ибо она угнетала всю рощу.

И вдругъ зазвучали смѣлыя пѣсни...

Вся роща, много слышавшая пѣсенъ, встрепенулась и съ напряженнымъ вниманіемъ прислушивалась, удивленно и тихо шелестя вѣтвями. И даже соловьи, которые всегда поютъ недурно, потому что они жрецы чистаго искусства, съ удовольствіемъ слушали и говорили:

— „А вѣдь у этого пѣвца есть искорка!“...

И, говоря такъ, втайнѣ гордились своимъ безпристрастіемъ.

— „Слышите?“ спрашивали они другъ у друга и слушали улыбаясь.

А пѣвецъ пѣлъ:

Я слышу карканье воронъ,
Смущённыхъ холодомъ и тьмой...
Я вижу мракъ, — но что мнѣ онъ,
Коль добръ и ясенъ разумъ мой?...
За мной кто смѣлъ! Да сгинетъ тьма!
Душѣ живой—въ ней мѣста нѣтъ!
Зажжемъ сердца огнемъ ума
И воцарится всюду свѣтъ!...

— „Сильно спѣто!“ комментировали соловьи... „Молодо, самонадѣянно, не музыкально — но сильно...“ и, глубокомысленно почистивъ носики, они слушали дальше

Кто честно смерть пріялъ въ бою,
Тотъ развѣ палъ и побѣжденъ?
Палъ тотъ, кто, робко грудь свою
Прикрывъ, ушелъ изъ битвы вонъ...
Друзья! и тотъ палъ, кто, боясь
Труда, волненій, боли ранъ,
О битвѣ судитъ, погрузясь
Въ философическій туманъ...

— „Гм... у него очень оригинальные взгляды!“ отмѣтили соловьи. „Хотѣлось бы знать, что это за птица!...“ полюбопытствовали они.

Друзья! пусть падшіе молчать.
Имъ очи съѣлъ сомнѣній дымъ;
Въ сердцахъ ихъ честь и гордость спятъ...
Друзья! давайте, крикнемъ имъ:
Прочь! вашихъ мудрствованій чадъ
Темнѣе сдѣлалъ эту ночь,
И отравляетъ онъ, какъ ядъ,
Умы и души юныхъ... Прочь!...
Прочь!... Здѣсь объявлена богамъ
За право первенства война!

— „Это смѣло!“ сказали соловьи. „О, да!... это очень смѣлая пѣсня!...“

Роща слушала и ощущала нѣчто хорошее и сильное, это ощущеніе наполняло ее тепломъ и свѣтомъ, и даже старыя, сѣрымъ туманомъ покрытыя, вѣтви деревьевъ зашептали о прошлыхъ дняхъ. То были славные весенніе дни, когда въ рощѣ только что начинали расцвѣтать цвѣты и надежды, когда птицы пѣли звучные гимны солнцу, а свободное отъ тучъ небо казалось безконечно глубокимъ, и точно звало оно птицъ попытать силу крыльевъ — достигнуть его глубины. То были хорошіе дни, когда не нужно было принуждать себя жить, потому что жить хотѣлось, ибо была цѣль и была надежда достичь ее. И эти дни явились передъ рощей и, какъ звѣзды, заблистали въ туманѣ, скрывавшемъ отъ нея небо.

Птицы встрепенулись и ожили. Гдѣ пѣвецъ? Пусть онъ приметъ дань восторга и благодарности! Это, должно быть, великолѣпная, красивая птица!

Онѣ собрались цѣлой тучей и съ пѣніемъ ринулись туда, откуда навстрѣчу имъ летѣли бодрые и гордые звуки.

Но когда онѣ прилетѣли, то увидали, что это просто чижъ—самый заурядный, маленькій, сѣренькій, съ восковымъ носикомъ чижъ. Онъ сидѣлъ на вѣткѣ орѣш-

ника и былъ смущенъ оказанной ему честью; мизерный, взъерошенный и суетящійся, онъ возбудилъ во всѣхъ недоумѣніе и никому не понравился.

Прочь!... Здѣсь объявлена богамъ
За право первенства война!

Когда это кричитъ орелъ, соколъ, ястребъ, наконецъ, — это и красиво, и мощно; но чижъ... чижъ, объявляющій войну богамъ... тутъ есть нѣкоторое несоотвѣтствіе, что-то странное и смѣшное. И потомъ, это прямо таки обидно для всѣхъ остальныхъ птицъ. Почему именно чижъ, а не щегленокъ, зябликъ, снѣгирь?...

Пораженныя и обиженныя птицы смотрѣли на чижа и думали: „Что же теперь будетъ?"

Умы и души юныхъ... Прочь!

И невольно имъ вспомнилась эта смѣшная синица, которая однажды хотѣла зажечь море...

Но тутъ одинъ находчивый щегленокъ спросилъ чижа:

— Послушайте-ка, это вы сейчасъ пѣли?

— Я...— отвѣтилъ чижъ — да, это я пѣлъ.

— Гм... а чѣмъ вы это докажете? Т.-е. мы, конечно, не сомнѣваемся въ вашихъ способностяхъ, но...

Чижъ вздрогнулъ, у него встали дыбомъ перья и онъ запѣлъ:

Во тьмѣ нами созданной ночи
Проносятся сѣрыя совы....
И блещутъ ихъ мрачныя очи
И злы, и угрюмо суровы!...
И гулко ихъ крики несутся,
Смѣются они и рыдаютъ,
Проклятья въ нихъ дню раздаются,
И ночь они смѣхомъ встрѣчаютъ...
О, если бы мрака оковы
Съ моей юной рощи упали,
Исчезли бы дикія совы
И соколы только бъ летали!...
Но соколы,—слабы и хилы,—
Забилися робко въ ущелья
И злятся безъ чести и силы

Подъ звуки чужого веселья.
Ихъ крылья уныло повисли,
Постыдно сердца у нихъ дремлютъ,
И голосу чести и мысли
Свободныя птицы не внемлютъ...

Нѣкоторымъ птицамъ эта пѣсня показалась личностью и онѣ засвистали чижу, а щегленокъ сказалъ:

— Хорошо, это достаточно для насъ! Но, вотъ что— скажите: вы, такъ сказать, будите наше сознаніе... гм.!... а какія собственно у васъ права на это? Т.-е. я хочу сказать — во имя чего поете вы?!

Чижъ изумился и молча смотрѣлъ на публику.

— Мы, видите ли, хотимъ гарантировать себя отъ ошибокъ, которыхъ, вы знаете, у насъ было многонько таки, и съ этой цѣлью мы хотѣли бы знать ваши исходные и конечные пункты, — знать, куда и зачѣмъ насъ зовутъ?—поставилъ вопросъ щегленокъ и, довольный собой, засвисталъ что-то чужое: у щеглятъ нѣтъ своихъ пѣсенъ, какъ извѣстно.

Чижъ встрепенулся...

— Я исхожу изъ непоколебимаго убѣжденія въ высокомъ призваніи птицъ, какъ конечнаго, самаго сложнаго и мудраго акта въ творчествѣ природы. Мы не должны уставать и должны всегда бороться и все побѣдить, чтобъ оправдать самихъ себя въ своихъ глазахъ, чтобы имѣть право сказать: все прошедшее, настоящее и будущее — это мы, а не слѣпая сила стихій. Путь, по которому мы должны идти, мнѣ не знакомъ, но я увѣренъ, что нужно идти впередъ. Тамъ страна, достойная быть наградой за тѣ труды, которые понесли мы въ пути! Тамъ вѣчный, неизсякаемый свѣтъ, тамъ невѣдомыя намъ чудеса; тамъ мы насладимся созерцаніемъ нашей силы, и весь міръ будетъ ареной нашихъ дѣяній, величіе которыхъ невозможно представить намъ теперь, тамъ мысль наша разрѣшитъ все, и наши чувства, осложненныя до чудеснаго, откроютъ предъ нами новый міръ неиспытанныхъ наслажденій; тамъ она — жизнь,

достойная насъ!... Уважайте и любите другъ друга и, идя гордой и смѣлой дружиной къ побѣдѣ, не сомнѣвайтесь ни въ чемъ, ибо что есть выше васъ?... Обернитесь назадъ и посмотрите, чѣмъ вы были раньше,—тамъ, на разсвѣтѣ жизни?... Вся ваша вѣра тогда — не стоила одной капли сомнѣнія теперь... Научившись такъ страшно сомнѣваться во всемъ, вамъ пришла пора — увѣровать въ себя, ибо только великая сущность можетъ дойти до такого сомнѣнія, до какого дошли вы!...

Туда — въ страну счастья. Туда — въ это чудное „впередъ"!...

— „Впередъ!" — крикнули птицы, ибо въ ихъ сердцахъ загорѣлась гордость собой.

Слезы вдохновенія переполняли глаза чижа, и онъ все говорилъ и звалъ туда — впередъ! И всѣ птицы пѣли и всѣмъ стало такъ легко, хорошо и всѣ чувствовали, что въ сердцахъ родилось такое страстное желаніе жизни и счастья.

— Позвольте, позвольте!... Я прошу слова... Слово мнѣ!...

Это кричалъ дятелъ съ верхушки осины, и когда его услыхали, то ему тотчасъ же дали слово, потому что онъ кричалъ очень громко.

— Мм. Гг. и Гг.! — заговорилъ дятелъ. — Рекомендуюсь: я дятелъ. Я питаюсь червяками и люблю истину, которой неуклонно служу, и которая понуждаетъ меня сказать вамъ, что васъ нагло обманываютъ. Всѣ эти пѣсни и фразы, слышанныя вами здѣсь, Мм. Гг., не болѣе, какъ безстыдная ложь, что я и буду имѣть честь доказать вамъ съ фактами въ рукахъ... Съ фактами въ рукахъ, Мм. Гг.! А спросите г-на Чижа, гдѣ тѣ факты, которыми онъ могъ бы подтвердить то, что сказалъ? Ихъ нѣтъ у него, а именно они-то и нужны ему болѣе, чѣмъ мнѣ; они — все, Мм. Гг., и всѣ мы — не болѣе, какъ только крошечные факты, подтверждающіе грандіозный фактъ мудрости и мощи природы, которой мы должны подчиняться, какъ дѣти подчиняются матери.

Разсмотримъ безпристрастно, что есть тамъ — впереди, куда зоветъ насъ г. Чижъ. Всѣ вы вылетали на опушку рощи и знаете, что сейчасъ же за нею начинается поле, лѣтомъ голое и сожженное, зимой покрытое холоднымъ снѣгомъ; тамъ, на краю его, стоитъ деревня и въ ней живетъ Гришка, человѣкъ, занимающійся птицеловствомъ. Вотъ первая станція по пути „впередъ", о которомъ такъ много наговорилъ здѣсь г-нъ Чижъ.

Предполагая, что мы устремимся впередъ сообразно его желанію,—въ безкорыстіи котораго я позволяю себѣ усомниться, ибо знаю, что чижи, какъ и всѣ другія существа, не прочь отъ популярности, славы и т. п., предполагая, что мы благополучно минуемъ сѣти Гришки и пролетимъ мимо деревни, мы опять-таки очутимся въ полѣ; а на концѣ его снова встрѣтимъ деревню, а потомъ снова—поле, деревня, поле... и, такъ какъ земля кругла, то мы и должны будемъ необходимо долетѣть до той самой рощи, въ которой въ данный моментъ я имѣю высокую честь говорить съ вами.

Эта ли та страна, въ которой, по словамъ г-на Чижа, мы получимъ награду за наши труды?... Это ли она?!...

— Я знаю васъ, Мм. Гг. и Гг., я знаю, какъ высоко вы летаете, но... какъ ни горько мнѣ говорить вамъ это, — я знаю и то, что никто изъ насъ не взлеталъ и не можетъ взлетѣть выше самого себя.

Попытка г-на Чижа завоевать себѣ ваше вниманіе путемъ отуманиванія васъ блестящими и громкими фразами, ясно указываетъ на степень высоты его мнѣнія о васъ, какъ о здравомыслящихъ существахъ!?.. Эта попытка должна быть строго наказана, Мм. Гг. и Гг.!...

И, преисполненный сознанія высоты выполненной имъ общественной обязанности, мудрый дятелъ, окинувъ торжествующимъ взглядомъ слушателей, сталъ долбить кору осины, на вѣтвяхъ которой онъ возсѣдалъ.

Птицы молча смотрѣли на Чижа и видѣли, какъ изъ

его глазъ одна за другой скатывались слезинки. О чемъ онъ могъ плакать, какъ не о своей винѣ предъ ними?! Такой мизерный, сѣренькій и лживый чижъ!

А онъ понуро смотрѣлъ туда вдаль и его глазки точно прощались тамъ съ чѣмъ-то.

Молчала роща и птицы безшумно разлетались по своимъ мѣстамъ. Улетѣлъ и дятелъ, сопровождаемый почтительнымъ преклоненіемъ предъ его мудростью.

День былъ такой грустный; онъ точно расплакаться о чемъ-то собирался.

И вотъ Чижъ, который лгалъ, остался одинъ. Неподвижный и подавленный, онъ сидѣлъ на вѣткѣ орѣшника, и только одна сойка съ любопытствомъ поглядывала на него изъ робкой дрожащей листвы осины. Но это ей скоро наскучило и, насмѣшливо свистнувъ, она улетѣла.

А чижъ остался и, сидя на вѣткѣ орѣшника, думалъ:

— Я солгалъ, да, я солгалъ, потому что мнѣ неизвѣстно, что тамъ за рощей, но вѣдь вѣрить и надѣяться такъ хорошо!... Я же только и хотѣлъ пробудить вѣру и надежду, — и вотъ почему я солгалъ... Онъ, дятелъ, можетъ быть, и правъ, но на что нужна его правда, когда она камнемъ ложится на крылья и не позволяетъ высоко взлетать въ небеса?

И, оглянувшись кругомъ, бѣдный, маленькій чижъ нахохлился.

Вотъ и вся исторія... Прочитавъ ее, ты, конечно, увидишь, что Чижъ благороденъ, но не имѣетъ вѣры и поэтому нищъ духомъ; дятелъ благоразуменъ, но пошлъ, а птицы-слушатели отзывчивы лишь потому, что любопытны, но они въ сущности черствы сердцемъ и мелки, мелки, позорно мелки... Увидавъ это, ты подумаешь, что я невѣрно разсказалъ эту до слезъ смѣшную исторію. Думай такъ, если это тебя утѣшаетъ, думай!...

ЕМЕЛЬЯНЪ ПИЛЯЙ.

(1893.)

— Ничего больше не остается дѣлать, какъ идти на соль! Солона эта проклятущая работа, а все жъ таки надо взяться, потому что этакъ-то, неровенъ часъ, и съ голоду подохнешь.

Проговоривъ это, мой товарищъ Емельянъ Пиляй въ десятый разъ вынулъ изъ кармана кисетъ и, убѣдившись, что онъ такъ же пустъ, какъ былъ пустъ и вчера, вздохнулъ, сплюнулъ и, повернувшись на спину, посвистывая, сталъ смотрѣть на безоблачное, дышавшее зноемъ небо. Мы съ нимъ лежали на песчаной косѣ верстахъ въ 3-хъ отъ Одессы, откуда ушли, не найдя работы, и теперь, голодные, обсуждали вопросъ, куда идти. Емельянъ протянулся на пескѣ головой въ степь и ногами къ морю, и волны, набѣгая на берегъ и мягко шумя, мыли его голыя и грязныя ноги. Жмурясь отъ солнца, онъ то потягивался какъ котъ, то сдвигался ниже къ морю, и тогда волна окачивала его чуть не до плечъ. Это ему нравилось, настраивая его на лѣниво-меланхолическій ладъ.

Я взглянулъ въ сторону гавани, гдѣ возвышался сплошной лѣсъ мачтъ, окутанныхъ клубами тяжелаго черносизаго дыма, и откуда плылъ надъ моремъ нестройный, глухой шумъ якорныхъ цѣпей, свистъ локо-

мотивовъ, подававшихъ грузъ, и оживленные голоса рабочихъ, грузившихъ суда. Я не усмотрѣлъ тамъ ничего, чтобы возродило нашу угасшую надежду на заработокъ, и, вставая на ноги, сказалъ Емельяну:

— Ну, что жъ, идемъ на соль!

— Такъ... иди!... А ты сладишь?—вопросительно протянулъ онъ, не глядя на меня.

— Тамъ увидимъ.

— Такъ, значитъ, идемъ?—не шевеля ни однимъ членомъ, повторилъ Емельянъ.

— Ну, конечно!

— Ага! Что жъ, это дѣло... пойдемъ! А эта проклятая Одесса—пусть ее черти проглотятъ!—останется тутъ, гдѣ она и есть. Портовый городъ! Чтобъ те провалиться сквозь землю!

— Ладно, вставай и пойдемъ; руганью не поможешь.

— Куда пойдемъ? Это на соль-то?... Такъ. Только вотъ видишь ли, братику, на соли этой тоже толку не будетъ, хоть мы и пойдемъ.

— Да вѣдь ты же говорилъ, что нужно туда идти.

— Это вѣрно, я говорилъ. Что я говорилъ, такъ говорилъ; ужъ я отъ своихъ словъ не откажусь. А только не будетъ толку, это тоже вѣрно.

— Да почему?

— Почему? А ты думаешь, что тамъ насъ дожидаются, дескать, пожалуйте, господа Емельянъ да Максимъ, сдѣлайте милость, ломайте ваши кости, получайте наши гроши!... Ну нѣтъ, такъ-то не бываетъ! Дѣло стоитъ вотъ какъ: теперь ты и я—полные хозяева нашихъ шкуръ...

— Ну ладно, будетъ! Пойдемъ!

— Погоди! Должны мы пойти къ господину завѣдывающему этою самою солью и сказать ему со всѣмъ нашимъ почтеніемъ: милостивый господинъ, многоуважаемый грабитель и кровопійца, вотъ мы пришли предложить вашему живоглотію оныя наши шкуры, не благо-

угодно ли вамъ будетъ содрать ихъ за 60 копеекъ въ суточки! И тогда послѣдуетъ...

— Ну вотъ что, ты вставай и пойдемъ. До вечера придемъ къ рыбацкимъ заводамъ, поможемъ выбрать неводъ—накормятъ ужиномъ, можетъ быть.

— Ужиномъ? Это справедливо. Они накормятъ; рыбачки народъ хорошій. Пойдемъ, пойдемъ... Но ужъ толку, братецъ ты мой, мы съ тобой не отыщемъ, потому—незадача намъ съ тобой всю недѣлю, да и все тутъ.

Онъ всталъ весь мокрый, потянулся и засунулъ руки въ карманы штановъ, сшитыхъ имъ изъ двухъ мучныхъ мѣшковъ, пошарилъ тамъ и юмористически оглядѣлъ пустыя руки, вынувъ ихъ и поднеся къ лицу.

— Ничего!.. Четвертый день ищу и все — ничего! Дѣла, братецъ ты мой!

Мы пошли берегомъ, изрѣдка перекидываясь другъ съ другомъ замѣчаніями. Ноги вязли въ мокромъ пескѣ, перемѣшанномъ съ раковинами, мелодично шуршавшими отъ мягкихъ ударовъ набѣгавшихъ волнъ. Изрѣдка попадались выброшенныя волной студенистыя медузы, рыбки, куски дерева странной формы, намокшіе и черные... Съ моря набѣгалъ славный свѣжій вѣтерокъ, опахивалъ насъ прохладой и летѣлъ въ степь, вздымая маленькіе вихри песчаной пыли.

Емельянъ, всегда веселый, видимо унывалъ, и я, замѣчая это, сталъ пытаться развлечь его.

— Ну-ка, Емеля, разскажи что-нибудь, что ли, изъ твоей жизни!

— Разсказалъ бы я тебѣ, братъ, да говорилка слаба стала, потому—брюхо пустуетъ. Брюхо въ человѣкѣ — главное дѣло, и какого хочешь урода найди — а безъ брюха не найдешь, дудки! А какъ брюхо покойно, значитъ, и душа жива; всякое дѣяніе человѣческое отъ брюха происходитъ... ну, да ты это и самъ знаешь.

Онъ помолчалъ.

— Эхъ, братъ, коли бы теперь тысячу рублей море

мнѣ швырнуло—бацъ! Сейчасъ открылъ бы кабакъ; тебя въ приказчики, самъ устроилъ бы подъ стойкой постель и прямо изъ боченка въ ротъ себѣ трубку провелъ. Чуть захотѣлось испить отъ источника веселія и радости, сейчасъ я тебѣ команду: Максимъ, отверни кранъ!—и... буль-буль-буль... прямо въ горло! Глотай, Емеля! Хо-орошее дѣло, бѣсъ меня удави! А мужика бы этого, черноземнаго барина—ухъ ты!... грабь.... дери шкуру!... выворачивай наизнанку. Придетъ опохмеляться—„Емельянъ Павлычъ! дай въ долгъ стаканчикъ!“—А?.. Что?.. Въ долгъ?! Не дамъ въ долгъ!—„Емельянъ Павлычъ, будь милосердъ!“—Изволь, буду: вези телѣгу, шкаликъ дамъ. Ха-ха-ха! Я бы его, чорта тугопузаго, пронзилъ!

— Ну, что ужъ ты такъ жестоко! Смотри-ка—вонъ онъ голодаетъ, мужикъ-то.

— Какъ-съ? Голодаетъ?.. Хорошо-съ! Правильно-съ! А я не голодаю? Я, братецъ ты мой, со дня моего рожденія голодаю, а этого въ законѣ не писано. Нда-съ! Онъ голодаетъ... почему? Неурожай? Сомнительно. У него сначала въ башкѣ неурожай, а потомъ уже на полѣ, вотъ что! Почему въ другихъ прочихъ имперіяхъ неурожая нѣтъ?! Потому, что тамъ у людей головы не затѣмъ придѣланы, чтобъ можно было въ затылкѣ скрести; тамъ думаютъ,—вотъ что-съ! Тамъ, братъ ты мой, дождь можно отложить до завтра, коли онъ сегодня не нуженъ, и солнце можно на заднiй планъ отодвинуть, коли оно слишкомъ усердствуетъ. А у насъ какія свои мѣры есть? Никакихъ мѣръ, братецъ ты мой... Нѣтъ, это что! Это все шутки. А вотъ кабы дѣйствительно тысячу рублей и кабакъ, это бы дѣло серьезное...

Онъ замолчалъ и по привычкѣ полѣзъ за кисетомъ, вынулъ его, выворотилъ наизнанку, посмотрѣлъ и, зло плюнувъ, бросилъ въ море.

Волна подхватила грязный мѣшечекъ, понесла-было его отъ берега, но, разсмотрѣвъ этотъ даръ, негодующе выбросила снова на берегъ.

— Не берешь? Врешь, возьмешь!—и, схвативъ мокрый кисетъ, Емельянъ сунулъ въ него камень и, размахнувшись, бросилъ далеко въ море.

Я засмѣялся.

— Ну, что ты скалишь зубы-то?... Люди тоже! Читаетъ книжки, съ собой ихъ носитъ даже, а понимать человѣка не умѣетъ! Кикимора четырехглазая!

Это относилось ко мнѣ, и потому, что Емельянъ называлъ меня четырехглазой кикиморой, я заключилъ, что степень его раздраженія противъ меня очень сильна: онъ только въ моменты острой злобы и ненависти ко всему существующему позволялъ себѣ смѣяться надъ моими очками; вообще же это невольное украшеніе придавало мнѣ въ его глазахъ вѣсу и значенія настолько, что въ первые дни знакомства онъ не могъ обращаться ко мнѣ иначе какъ на „вы“ и тономъ, полнымъ почтенія, несмотря на то, что я въ парѣ съ нимъ грузилъ уголь на какой-то румынскій пароходъ и весь такъ же, какъ и онъ, былъ оборванъ, исцарапанъ и черенъ, какъ сатана.

Я извинился передъ нимъ и, желая его успокоить до нѣкоторой степени, началъ разсказывать о заграничныхъ имперіяхъ, пытаясь доказать ему, что его свѣдѣнія объ управленіи облаками и солнцемъ относятся къ области миѳовъ.

— Ишь ты!.. Вотъ какъ!.. Ну!.. Такъ, такъ...—вставлялъ онъ изрѣдка; но я чувствовалъ, что интересъ его къ заграничнымъ имперіямъ и ходу жизни въ нихъ противъ обыкновенія не великъ и онъ почти не слушаетъ меня, упрямо глядя вдаль передъ собою.

— Все это такъ, братъ милый,—перебилъ онъ меня, неопредѣленно махнувъ рукою. — А вотъ что я тебя спрошу: ежели бы намъ навстрѣчу теперь попался человѣкъ съ деньгами и большими деньгами,—подчеркнулъ онъ, мелькомъ заглянувъ сбоку подъ мои очки,—такъ ты какъ бы, ради пріобрѣтенія шкурѣ твоей всякаго аттрибуту... укокошилъ бы его?

Я вздрогнулъ.

— Нѣтъ, конечно,—отвѣчалъ я.—Никто не имѣетъ права покупать своего счастья цѣною жизни другого человѣка.

— Угу! Да... Это въ книжкахъ сказано дѣльно, но только для ради совѣсти, а на самомъ-то дѣлѣ тотъ самый баринъ, что первый такія слова придумалъ, кабы ему, значитъ, туго пришлось,—навѣрняка бы при удобномъ случаѣ, для сохранности своей, кого-нибудь обездушилъ. Права! Вотъ они, права!—у моего носа красовался внушительный жилистый кулакъ Емельяна.—И всякъ человѣкъ только разнымъ способомъ всегда этимъ правомъ и руководствуется. Права тоже!...

Емельянъ нахмурился, спрятавъ глаза глубоко подъ брови, длинныя и выцвѣтшія.

Я молчалъ, зная по опыту, что возражать ему, когда онъ золъ, безполезно.

Онъ швырнулъ въ море попавшійся подъ ногу кусокъ дерева и, вздохнувъ, проговорилъ:

— Покурить бы теперь...

Взглянувъ направо въ степь, я увидѣлъ двухъ чабановъ, лежавшихъ на землѣ и смотрѣвшихъ на насъ.

— Здорово, панове!—окликнулъ ихъ Емельянъ,—а нѣтъ ли у васъ табаку?

Одинъ изъ чабановъ повернулъ голову къ другому, выплюнулъ изо рта изжеванную имъ былинку и лѣниво проговорилъ:

— Табаку просятъ, э, Михаль?

Михаилъ взглянулъ на небо, очевидно испрашивая у него разрѣшенія заговорить съ нами, и обернулся къ намъ.

— Здравствуйте!—сказалъ онъ,—гдѣ жъ вы идете?

— Къ Очакову на соль.

— Эге! Что же, туда васъ приглашали?

Мы молчали, располагаясь около нихъ на землѣ.

— А ну, Никита, подбери кишеню, чтобъ ее галки не склевали.

Никита хитро улыбнулся въ усъ и подобралъ кишеню. Емельянъ скрипѣлъ зубами.

— Такъ вамъ табаку надо?

— Давно не курили,—сказалъ я, смущенный пріемомъ и не рѣшаясь сказать прямо.

— Что жъ такъ? А вы бы покурили.

— Гей ты, чортовъ хохолъ! Цыцъ! Давай, коли хочешь дать, а не смѣйся! Выродокъ! Аль потерялъ душу-то, шляясь по степи? Двину вотъ по башкѣ, и не пикнешь!—гаркнулъ Емельянъ, вращая бѣлками глазъ.

Чабаны дрогнули и вскочили, взявшись за свои длинныя палки и ставъ плотно другъ къ другу.

— Эге, братики! вотъ какъ вы просите!... а ну, что жъ, идите!...

Чортовы хохлы хотѣли драться, въ чемъ у меня не было ни малѣйшаго сомнѣнія. Емельянъ, судя по его сжатымъ кулакамъ и горѣвшимъ дикимъ огнемъ глазамъ, тоже былъ непрочь отъ драки. Я не имѣлъ ни силъ, ни охоты участвовать въ баталіи и попытался примирить стороны:

— Стойте, братцы! Товарищъ погорячился—не бѣда вѣдь! А вы вотъ что—дайте, коли не жаль, табаку, и мы пойдемъ себѣ своей дорогой.

Михаилъ взглянулъ на Никиту, Никита—на Михаила и оба усмѣхнулись.

— Такъ бы сразу и сказать вамъ!

Затѣмъ Михаилъ полѣзъ въ карманъ свиты, выволокъ оттуда объемистый кисетъ и протянулъ мнѣ:

— А ну, забери табаку!

Никита сунулъ руку въ кишеню и затѣмъ протянулъ ее мнѣ съ большимъ хлѣбомъ и кускомъ сала, щедро посыпаннымъ солью. Я взялъ. Михаилъ усмѣхнулся и подсыпалъ мнѣ еще табаку. Никита буркнулъ: „прощайте!“ Я поблагодарилъ.

Емельянъ угрюмо опустился на землю и довольно громко прошипѣлъ: „чортовы свиньи!“

Хохлы пошли въ глубь степи тяжелымъ развалистымъ шагомъ, поминутно оглядываясь на насъ. Мы сѣли на землю и, не обращая болѣе на нихъ вниманія, стали ѣсть вкусный полубѣлый хлѣбъ съ саломъ. Емельянъ громко чавкалъ, сопѣлъ и почему-то старательно избѣгалъ моихъ взглядовъ.

Вечерѣло. Вдали надъ моремъ родился мракъ и плылъ надъ нимъ, покрывая легкимъ голубоватымъ флёромъ мелкую зыбь. Въ той же дали, казалось, со дна моря, поднялась гряда желто-лиловыхъ облаковъ, окаймленныхъ розовымъ золотомъ, и, еще болѣе сгущая мракъ, плыла на степь. А въ степи, тамъ, далеко-далеко на краю ея, раскинулся громадный пурпуровый вѣеръ изъ лучей заката и красилъ землю и небо такъ мягко и нѣжно. Волны все бились о берегъ и море—тутъ розоватое, тамъ темно-синее—было дивно красиво и мощно.

— Теперь покуримъ! Чортъ васъ, хохловъ, растаскай!—и, очевидно, покончивъ съ хохлами, Емельянъ свободно вздохнулъ.—Мы дальше пойдемъ или тутъ заночуемъ?

Мнѣ было лѣнь идти дальше.

— Заночуемъ! — рѣшилъ я.

— Ну и заночуемъ! — и онъ растянулся на землѣ, разглядывая небо.

Воцарилось молчаніе. Емельянъ курилъ и поплевывалъ; я смотрѣлъ кругомъ и молча наслаждался дивной картиной вечера. По степи звучно плылъ монотонный плескъ волнъ о берегъ.

— А клюнуть денежнаго человѣка по башкѣ — что ни говори—пріятно; особенно ежели умѣючи дѣло обставить,—неожиданно проговорилъ Емельянъ.

— Будетъ тебѣ болтать,—раздраженно замѣтилъ я.

— Болтать?! Чего тутъ болтать! Это дѣло будетъ сдѣлано, вѣрь моей совѣсти! 47 лѣтъ мнѣ, и лѣтъ двадцать я надъ этой операціей голову ломаю. Какая моя жизнь? Собачья жизнь. Нѣтъ ни конуры, ни куска,—

хуже собачьей! Человѣкъ я развѣ? Нѣтъ, братъ, не человѣкъ, а хуже червя и звѣря! Кто можетъ меня понимать? Никто не можетъ! А ежели я знаю, что люди могутъ хорошо жить, то почему же мнѣ не жить? Э? Чортъ васъ возьми, дьяволы!

Онъ вдругъ повернулся ко мнѣ лицомъ и быстро проговорилъ:

— Знаешь, однажды я чуть-чуть было не того... да не удалось малость... будь я, анаѳема, проклятъ, duракъ былъ, жалѣлъ. Хочешь, разскажу?

Я торопливо изъявилъ свое согласіе, и Емельянъ, закуривъ, началъ:

„Было это, братецъ ты мой, въ Полтавѣ... лѣтъ восемь тому назадъ. Жилъ я въ приказчикахъ у одного купца, лѣсомъ онъ торговалъ. Жилъ съ годъ ничего себѣ гладко; потомъ вдругъ запилъ, пропилъ рублей шестьдесятъ хозяйскихъ. Судили меня за это, законопатили въ арестантскія роты на три мѣсяца и прочее такое—по положенію. Вышелъ я, отсидѣвъ срокъ,—куда теперь? Въ городѣ знаютъ; въ другой перебраться не съ чѣмъ и не въ чемъ. Пошелъ къ одному знакомому темному человѣчку; кабакъ онъ держалъ и воровскія дѣла завершалъ, укрывая разныхъ молодчиковъ и ихъ дѣлишки. Малый — хорошей души, честнѣющій на диво и съ умной головой. Книжникъ былъ большой, многое множество читалъ и имѣлъ очень большое понятіе о жизни. Такъ я, значитъ, къ нему: а ну, молъ, Павелъ Петровъ, вызволи!—Ну что жъ, говоритъ, можно! Человѣкъ человѣку, коли они одной масти, помогать долженъ. Живи, пей, ѣшь, присматривайся. Умная башка, братецъ ты мой, этотъ Павелъ Петровъ! Я къ нему имѣлъ большое уваженіе и онъ меня тоже очень любилъ. Бывало, днемъ сидитъ онъ за стойкой и читаетъ книгу о французскихъ разбойникахъ... у него всѣ книги были о разбойникахъ; слушаешь, слушаешь... дивные ребята были, дивныя дѣла дѣла-

ли—и непремѣнно проваливались съ трескомъ. Ужъ, кажется, голова и руки—ахъ ты мнѣ! а въ концѣ книги вдругъ—подъ судъ—цапъ! и баста! все прахомъ пошло.

„Сижу я у этого Павла Петрова мѣсяцъ и другой, слушаю его чтеніе и разные разговоры. И смотрю—ходятъ темные молодчики, носятъ свѣтлыя вещички: часики, браслеты и прочее такое, и вижу—толку на грошъ нѣтъ во всѣхъ ихъ операціяхъ. Слямзитъ вещь—Павелъ Петровъ дастъ за нее половину цѣны,—онъ, братъ, честно платилъ, — сейчасъ гей! давай!... Пиръ, шикъ, крикъ и—ничего не осталось! Плевое дѣло, братецъ ты мой! То одинъ попадетъ подъ судъ, то другой угодитъ туда же...

„Изъ-за какихъ такихъ важныхъ причинъ? По подозрѣнію въ кражѣ со взломомъ, при чемъ украдено на сто рублей!—Сто рублей! Развѣ человѣческая жизнь сто рублей стоитъ?—Дубье!... Вотъ я и говорю Павлу Петрову:

— Все это, Павелъ Петровъ, глупо и не заслуживаетъ приложенія рукъ.—„Гмъ! какъ тебѣ сказать?"—говоритъ. „Съ одной,—говоритъ,—стороны—курочка по зернышку клюетъ, а съ другой—дѣйствительно во всѣхъ дѣлахъ уваженія къ себѣ самому нѣтъ; вотъ въ чемъ суть! Развѣ, говоритъ, человѣкъ, понимающій себѣ цѣну, позволитъ свою руку пачкать кражею двугривеннаго со взломомъ?! Ни въ какомъ разѣ! Теперь, говоритъ, хоть бы я, человѣкъ, прикосновенный моимъ умомъ къ образованію Европы, и продамъ себя за сто рублей?" И начинаетъ онъ мнѣ доказывать на примѣрахъ, какъ долженъ поступать понимающій себя человѣкъ. Долго мы говорили въ такомъ родѣ. Потомъ я говорю ему:— Давно, молъ, у меня, Павелъ Петровъ, есть въ мысляхъ попытать счастья на этой дорогѣ, и вотъ, молъ, вы человѣкъ опытный въ жизни, помогите мнѣ совѣтомъ, какъ, значитъ, и что.—„Гмъ!—говоритъ—это можно! А не оборудовать ли тебѣ какое ни то дѣльце на свой рискъ и по своему разсчету, безъ помочей? Такъ, напримѣръ... Обоймовъ-то,—говоритъ,—съ лѣсного двора

черезъ Ворсклу въ единственномъ числѣ на бѣговыхъ возвращается; а какъ тебѣ извѣстно, при немъ всегда есть деньжонки, да и на лѣсномъ отъ приказчика онъ получаетъ выручку. Выручка недѣльная; въ день торгуютъ они на три сотни и больше. Что ты можешь на это сказать?"—Я задумался. Обоимовъ—это тотъ самый купецъ, у котораго я служилъ въ приказчикахъ. Дѣло—дважды хорошее: и отместка ему за поступокъ со мной, и смачный кусокъ урвать можно.—Нужно обмозговать,—говорю.—„Не безъ этого, отвѣчаетъ Павелъ Петровъ."

Онъ замолчалъ и медленно сталъ вертѣть папироску. Закатъ почти угасъ, только маленькая розовая лента, съ каждой секундой все болѣе блѣднѣя, чуть окрашивала край пухового облака, точно въ какой-то истомѣ неподвижно застывшаго въ потемнѣвшемъ небѣ. Въ степи было такъ тихо и грустно, и непрерывно лившійся съ моря ласковый плескъ волнъ какъ-то еще больше оттѣнялъ своимъ монотоннымъ и мягкимъ звукомъ эту грусть и тишь. Со всѣхъ сторонъ вставали странныя длинныя сѣрыя тѣни и беззвучно плыли къ намъ по гладкой, утомленной дневнымъ зноемъ и крѣпко спавшей степи. А надъ моремъ одна за другой ярко вспыхивали звѣздочки, такія чистенькія, новенькія, точно вчера только сдѣланныя для украшенія этого глубокаго бархатнаго южнаго неба.

„Н-да, братокъ, покумекалъ я надъ этимъ дѣломъ и въ ту же ночь въ кусты около Ворсклы залегъ, имѣя съ собой шкворень желѣзный фунтовъ въ двѣнадцать вѣсомъ. Дѣло-то было въ октябрѣ, помню—въ концѣ. Ночь—самая подходящая: темно, какъ въ душѣ человѣческой... Мѣсто — лучше желать не надо. Сейчасъ тутъ мостъ и на самомъ съѣздѣ съ него доски выбиты,—значитъ, поѣдетъ шагомъ. Лежу, жду. Злобы, братъ ты мой, въ ту пору у меня хватило бы хоть на десять купцовъ. И такъ я себѣ это дѣло просто представилъ, что проще и нельзя: стукъ!—и баста!..."

Емельянъ всталъ но ноги.

„Н-да!... Такъ вотъ и лежу, знаешь, и все у меня готово. Разъ!—и получи денежки. Такъ-то.—Бацъ! значитъ, и все тутъ!

„Ты, можетъ, думаешь, что человѣкъ въ себѣ воленъ? Дудки, братокъ! Разскажи-ка мнѣ, что ты завтра сдѣлаешь? Ерунда! никакъ ты не можешь сказать, направо или налѣво пойдешь завтра. Н-да!... Лежалъ я и ждалъ одного, а вышло совсѣмъ не то. Совсѣмъ несообразное дѣло вышло!

„Вижу: отъ города идетъ кто-то... пьяный какъ будто, шатается... въ рукахъ палка. Бормочетъ что-то; несокладно бормочетъ и плачетъ... слышу—всхлипываетъ... Еще ближе подошелъ, смотрю—баба! Тьфу тебѣ, треклятая! намылю шею, думаю, подойди-ка. А она идетъ къ мосту прямо и вдругъ какъ крикнетъ: „милый, за что?!“ Ну, братъ, и крикнула!—Я такъ и вздрогнулъ. Что за притча? думаю. А она претъ прямо на меня. Лежу, прижался къ землѣ, дрожу весь... куда моя злоба дѣвалась! Вотъ-вотъ налѣзетъ, ногой наступитъ сейчасъ! А она опять какъ завопитъ: „за что?! за что?!...“ и бухъ наземь, какъ стояла, почти рядомъ со мной. И заревѣла она тутъ, братецъ ты мой, такъ, что я и сказать тебѣ не могу—сердце рвалось, слушая. Лежу, однако, ни гугу. А она реветъ. Тоска меня взяла. Бѣгу, думаю себѣ, прочь. А тутъ мѣсяцъ вышелъ изъ тучи, да таково ясно и свѣтло, просто страхъ. Приподнялся я на локоть и глянулъ на нее... И тутъ, братъ, все и пошло прахомъ, всѣ мои планы и полетѣли къ чертямъ! Смотрю—такъ сердце и ёкнуло: ма-аленькая дѣвчоночка, дите совсѣмъ... бѣленькая, кудряшки на щечкахъ, глазенки большіе такіе—смотрятъ такъ... и плечики дрожатъ-дрожатъ... а изъ глазъ-то слезы крупнущія одна за другой такъ и бѣгутъ, и бѣгутъ.

„Жалость меня, братъ ты мой, забрала. Вотъ я, значитъ, и давай кашлять: кхе! кхе! кхе!—Какъ она крик-

петъ: „Кто это? Кто? Кто тутъ?!“... Испугалась, значитъ... Ну, я сейчасъ тово... на ноги всталъ и говорю: — Это, молъ, я.—„Кто вы?“—говоритъ. А глаза-то у самой вò-какіе сдѣлались и вся такъ какъ студень дрожитъ. „Кто вы?“—говоритъ.

Онъ засмѣялся.

„Кто я-то, молъ? Вы прежде всего не бойтесь меня, барышня,—я вамъ худа не сдѣлаю. Я—такъ себѣ человѣкъ, изъ босой команды, молъ я. Да. Совралъ, значитъ, ей; не говорить же вѣдь, чудакъ ты, что я, молъ, купца убить залегъ тутъ! А она мнѣ въ отвѣтъ: „Все, говоритъ, мнѣ равно, я топиться пришла сюда“. И такъ это она сказала, что меня ажъ ознобъ взялъ — серьезно ужъ очень, братецъ ты мой. Ну, что тутъ дѣлать?“

Емельянъ сокрушенно развелъ руками и смотрѣлъ на меня, широко и добродушно улыбаясь.

„И вдругъ тутъ, братецъ ты мой, заговорилъ я. О чемъ заговорилъ—не знаю; но такъ заговорилъ, что ажъ самъ себя заслушался; больше все насчетъ того, что она молодая и такая красавица. А что она красавица, такъ это ужъ такъ, то-есть—раскрасавица. Эхъ ты, братъ ты мой! Ну, ужъ! А звали Лизой. Такъ вотъ я, значитъ, и говорю; а что — кто его знаетъ — что? Сердце говорило. Да! А она все смотритъ, серьезно такъ и пристально, и вдругъ какъ улыбнется!...“—заоралъ Емельянъ на всю степь со слезами въ голосѣ и на глазахъ и потрясая въ воздухѣ сжатыми кулаками.

„Какъ улыбнулась, такъ я и растаялъ; хлопъ передъ ней на колѣни: барышня, говорю, барышня!... и все тутъ! А она, братецъ ты мой, взяла меня за голову руками, глядитъ мнѣ въ лицо и улыбается, какъ на картинѣ; шевелитъ губами—сказать хочетъ что-то; а потомъ осилилась и говоритъ: „Милый вы мой, вы тоже несчастный, какъ и я! Да? Скажите, хорошій мой!“ — Н-да, другъ ты мой, вотъ оно что! Да не все еще, а и поцѣловала она меня тутъ въ лобъ, братъ... вотъ какъ! Чуешь?!

Ей Богу! Эхъ ты, голубь! Знаешь, лучше этого у меня въ жизни-то за всѣ 47 лѣтъ ничего не было! А?! То-то! А зачѣмъ я пошелъ? Эхъ ты, жизнь!...“

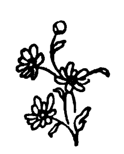
Онъ замолчалъ, кинувъ голову на руки. Подавленный странностью разсказа, я молчалъ и смотрѣлъ на море, чудно колыхавшееся и похожее на чью-то громадную грудь, ровно и глубоко дышавшую въ крѣпкомъ снѣ.

„Ну, а потомъ она встаетъ и говоритъ мнѣ: „Проводите меня домой“. Пошли мы. Я иду—ногъ подъ собой не чую, а она мнѣ все разсказываетъ, какъ и что. Понимаешь ты, она одна дочь была у родителей, купцы же они были,—ну, и того, значитъ, балованная; а потомъ тутъ студентъ пріѣхалъ и сталъ, значитъ, ее тамъ учить, и влюбились они другъ въ друга. Онъ потомъ уѣхалъ, а она стала его ждать—какъ, дескать, кончитъ тамъ свою науку, чтобы пріѣхать вѣнчаться; уговоръ у нихъ такой былъ. А онъ не пріѣхалъ, а прислалъ ей письмо: дескать, ты мнѣ не пара. Дѣвкѣ, конечно, обидно. Вотъ она было и того, значитъ. Ну, разсказываетъ она это мнѣ, и дошли мы такимъ манеромъ съ ней до дома, гдѣ она жила. „Ну, говоритъ, голубчикъ, прощайте! Завтра я, говоритъ, уѣду отсюда. Вамъ денегъ, можетъ быть, надо? Скажите, не стѣсняйтесь“. Нѣтъ, говорю, барышня, не надо, спасибо вамъ! „Ну, добрый вы мой, не стѣсняйтесь, скажите, возьмите!“—пристаетъ она. А я такой оборванный былъ, однако, говорю: не надо, барышня. Знаешь, братъ, какъ-то не до того было, не до денегъ. Простились мы съ ней. Она такъ ласково говоритъ: „Никогда-де я не забуду тебя; совсѣмъ, дескать, ты чужой человѣкъ, а такой мнѣ...“ Ну, это наплевать,—оборвалъ Емельянъ, снова принимаясь закуривать.

„Ушла она. Сѣлъ я на скамью у воротъ. Грустно мнѣ стало. Ночной сторожъ идетъ. Ты, говоритъ, чего тутъ торчишь, али слямзить хочешь чего ни то?—

Крѣпко эти самыя слова взяли меня за сердце! Я его въ морду—рразъ! Крикъ, свистъ... въ часть! Ну, что жъ, въ часть такъ въ часть; вали хоть во всю цѣлую—мнѣ все равно; я какъ двинулъ его снова! Сѣлъ на лавочку и бѣжать не хотѣлъ. Ночевалъ; поутру отпустили. Иду къ Павлу Петрову. „Гдѣ погуливалъ?"—спрашиваетъ, усмѣхаясь. Поглядѣлъ я на него — человѣкъ какъ и вчера; но какъ будто что-то новое вижу. Ну, конечно, разсказалъ ему все, какъ и что. Слушалъ онъ серьезно таково и потомъ сказалъ мнѣ: „Вы, говоритъ, Емельянъ Никитичъ—дуракъ и болванъ; и не угодно ли, говоритъ, вамъ убраться вонъ!"—Ну, что жъ тутъ?! Али онъ не правъ? Я ушелъ и все тутъ.—Такъ то вотъ было дѣльце, братокъ!"

Онъ замолчалъ и растянулся на землѣ, закинувъ руки подъ голову и глядя на небо—бархатное и звѣздное. И кругомъ все молчало. Шумъ прибоя сталъ еще мягче и тише и долеталъ до насъ слабымъ соннымъ вздохомъ.

ДѢДЪ АРХИПЪ И ЛЕНЬКА.

(1894.)

Ожидая паромъ, оба они легли въ тѣнь отъ берегового обрыва и долго молча смотрѣли на быстрыя и мутныя волны Кубани, плескавшіяся у ихъ ногъ. Ленька задремалъ, а дѣдъ Архипъ, чувствуя тупую, давящую боль въ груди, не могъ уснуть. На темно-коричневомъ фонѣ земли ихъ отрепанныя и скорченныя фигуры едва выдѣлялись двумя жалкими комками, одинъ—побольше, другой — поменьше; и ихъ утомленныя усталостью и зноемъ, загорѣлыя и пыльныя физіономіи были совсѣмъ подъ цвѣтъ бурымъ лохмотьямъ, покрывавшимъ ихъ тѣла.

Костлявая и длинная фигура дѣдушки Архипа вытянулась поперекъ узкой полоски песку, что желтой лентой тянулся вдоль берега, между обрывомъ и рѣкой, а задремавшій Ленька, маленькій, хрупкій, въ своихъ лохмотьяхъ казавшійся корявымъ сучкомъ, отломленнымъ отъ дѣда—стараго изсохшаго дерева, принесеннаго и выброшеннаго сюда на песокъ холодными и сильными волнами рѣки,—сбоку его свернулся калачикомъ.

Дѣдъ, приподнявъ на локтѣ голову, смотрѣлъ на противоположный берегъ, залитый солнцемъ и бѣдно окаймленный рѣдкими кустами ивняка, изъ котораго въ

одномъ мѣстѣ высовывался черный бортъ парома. Тамъ было скучно и пусто. Сѣрая полоса дороги уходила отъ рѣки въ глубь степи; она была какъ-то безпощадно пряма и суха и этимъ наводила на дѣда уныніе.

Его тусклые и воспаленные глаза, съ красными, опухшими вѣками, безпокойно и жалобно моргали, а испещренное морщинами лицо замерло въ выраженіи томительной тоски и боли. Онъ то и дѣло сдержанно каплялъ и, безпокойно поглядывая на внука, прикрывалъ ротъ рукой. Кашель былъ хриплъ, удушливъ, заставлялъ дѣда приподниматься съ земли и выжималъ на его глазахъ крупныя капли слезъ.

Кромѣ его кашля, да тихаго шороха волнъ о песокъ, въ степи не было никакихъ звуковъ... Она лежала по обѣ стороны рѣки, громадная, бурая, сожженная солнцемъ, и только тамъ, далеко на горизонтѣ, еле видное старческимъ глазамъ, пышно волновалось золотое море пшеницы и прямо въ него падало ослѣпительно яркое небо. На немъ вырисовывались три стройныя фигуры далекихъ тополей; казалось, что они то уменьшаются, то становятся выше, а небо и пшеница, накрытая имъ, колеблются, поднимаясь и опускаясь... или вдругъ все скрывалось за блестящей, серебряной пеленой степного марева...

Эта пелена, струистая, яркая и обманчивая, иногда притекала изъ дали почти къ самому берегу рѣки, и тогда сама она была какъ бы рѣкой, вдругъ излившейся съ неба, такой же чистой и спокойной, какъ оно, и появившейся затѣмъ, чтобы оживить измученную зноемъ степь. Но она пропадала.

Тогда дѣдъ Архипъ, незнакомый съ этимъ явленіемъ, какъ великороссъ, раньше не бывавшій въ степи и вытиснутый въ нее голодомъ, — потиралъ свои глаза и тоскливо думалъ про-себя, что эта жара да степь отнимаютъ у него и зрѣніе, какъ отняли остатки силы въ ногахъ, уже не одолѣвавшихъ, какъ прежде, на родинѣ

по 30-ти верстъ въ день и теперь еле способныхъ пройти половину.

Сегодня ему было болѣе плохо и тошно, чѣмъ всегда за послѣднее время. Онъ чувствовалъ, что скоро умреть, и хотя относился къ этому совершенно равнодушно и безъ думъ, какъ къ необходимой повинности, но ему бы хотѣлось умереть далеко, въ своей Орловской губерніи, и еще его сильно смущала мысль о внукѣ... Куда дѣнется Ленька?...

Онъ ставилъ передъ собой этотъ вопросъ по нѣскольку разъ въ день и всегда при этомъ въ немъ что-то сжималось, холодѣло и становилось такъ тошно, скверно, что ему хотѣлось сейчасъ же воротиться домой, въ Россію...

Но тогда вспоминался Крымъ, голыя степи, грубые и жесткіе чабаны, ихъ громадныя, злыя собаки, татары—озорники и жадные, и нѣкоторое происшествіе, случившееся съ нимъ въ Тамани,—происшествіе, за которое ему и Ленькѣ чуть-чуть не пришлось попасть въ тюрьму...

И потомъ — далеко идти въ Россію... все равно не дойдешь и умрешь же гдѣ-нибудь въ дорогѣ. Здѣсь по Кубани подаютъ милостыню щедро; народъ все зажиточный, хотя тяжелый и насмѣшливый. Не любятъ нищихъ, потому что богаты...

Можно придумать для Леньки другое что-нибудь. Все равно, онъ сирота и здѣсь, и дома въ Россіи...

И остановивъ на внукѣ увлаженный слезой взглядъ, дѣдъ осторожно погладилъ своей шершавой рукой его голову.

Тотъ зашевелился и поднялъ на него голубые глаза, большіе, глубокіе, не по-дѣтски серьезно-вдумчивые и казавшіеся еще больше на его худомъ, изрытомъ оспой личикѣ, съ тонкими, безкровными губами, потрескавшимися отъ жары и степного вѣтра, и съ острымъ носомъ.

— Идетъ? — спросилъ онъ и, приложивъ щиткомъ руку къ глазамъ, посмотрѣлъ на рѣку, холодно отражавшую лучи солнца.

— Нѣтъ еще, не идетъ. Стоитъ. Чего ему здѣсь? Не зоветъ никто, ну и стоитъ онъ себѣ... — медленно заговорилъ Архипъ, продолжая гладить внука по головѣ.— Дремалъ ты?

Ленька неопредѣленно покрутилъ головой и вытянулся на пескѣ. Они помолчали.

— Кабы я плавать умѣлъ, купаться бы сталъ,—пристально глядя на рѣку, заявилъ Ленька. Голосъ у него былъ странно глухъ и бѣденъ выраженіемъ.

— Быстра больно рѣка-то! Нѣтъ у насъ такихъ рѣкъ. Чего треплетъ? Бѣжитъ, точно опоздать боится...

И Ленька недовольно отвернулся отъ воды.

— А вотъ что,—заговорилъ дѣдъ, подумавъ,—давай распояшемся, пояски-то свяжемъ, я тебя за ногу прикручу, ты и лѣзь, купайся...

— Ну-у!...—резонно протянулъ Ленька.—Чего выдумалъ! Али ты думаешь, не стащитъ она тебя? И утонемъ оба.

— У бережка... А вѣдь вѣрно! стащитъ. Ишь, какъ претъ!... Чай, весной-то разольется—ухъ ты!... И покосу тутъ бѣда! Безъ краю покосу!

Ленькѣ не хотѣлось говорить и онъ оставилъ слова дѣда безъ отвѣта, взявъ въ руки комъ сухой глины и разминая его пальцами въ пыль съ серьезнымъ и сосредоточеннымъ выраженіемъ на лицѣ.

Дѣдъ смотрѣлъ на него и о чемъ-то думалъ, щуря глаза.

— Вѣдь вотъ...—тихо и монотонно заговорилъ Ленька, стряхивая съ рукъ пыль.—Земля эта теперь... взялъ я ее въ руки, растеръ и стала пыль... крохотные кусочки одни только, чуть глазомъ видно...

— Ну, такъ что жъ?—спросилъ Архипъ и закашлялся, посматривая сквозь выступившія на глазахъ слезы

въ большіе, сухо-блестящіе глаза внука и на его худое и острое лицо.—Ты къ чему это?—добавилъ онъ, когда прокашлялся.

— Такъ...—качнулъ головой Ленька.—Къ тому, что, молъ, вся-то она эвона какая!...—онъ махнулъ рукой за рѣку.—И всего на ней понастроено... Сколько мы съ тобой городовъ прошли! Страсть! А людей вездѣ сколько!

И, не умѣя уловить свою мысль, Ленька снова молча задумался, посматривая вокругъ себя.

Дѣдъ тоже помолчалъ немного и потомъ, плотно подвинувшись къ внуку, ласково заговорилъ:

— Умница ты моя! Правильно сказалъ ты—пыль все... и города, и люди, и мы съ тобой—пыль одна. Эхъ, ты, Ленька, Ленька!... кабы грамоту тебѣ!... далеко бы ты пошелъ. Точно ты взрослый человѣкъ, обо всемъ разсуждаешь... Зябликъ ты, птичка Божія!... И что съ тобой только будетъ?...

Дѣдъ прижалъ голову внука къ себѣ и поцѣловалъ ее.

— Погоди!...—высвобождая свои льняные волосы изъ корявыхъ, дрожащихъ пальцевъ дѣда, немного оживляясь, крикнулъ Ленька.—Какъ ты говоришь? пыль? города и все?

— А такъ ужъ устроено Богомъ, голубь. Все—земля, а сама земля — пыль. И все умираетъ на ней... Вотъ какъ! И долженъ потому человѣкъ жить въ трудѣ и смиреніи. Вотъ и я тоже умру скоро...—перескочилъ дѣдъ и тоскливо добавилъ: — куда ты тогда пойдешь безъ меня-то?

Ленька часто слышалъ отъ дѣда этотъ вопросъ, и ему уже порядкомъ надоѣло разсуждать на тему о смерти, а потому онъ молча отвернулся въ сторону, сорвалъ былинку, положилъ ее въ ротъ и сталъ медленно жевать.

Но у дѣда это было больное мѣсто.

— Что жъ ты молчишь? Какъ, молъ, ты безъ меня-

то будешь?—тихо спросилъ онъ, наклоняясь къ внуку и снова кашляя.

— Говорилъ ужъ...—разсѣянно и недовольно произнесъ Ленька, искоса взглядывая на дѣда.

Ему не нравились эти разговоры еще и потому, что зачастую они кончались ссорою. Дѣдъ подолгу распространялся по поводу близости своей смерти. Ленька сначала слушалъ его сосредоточенно, пугался представлявшейся ему новизны положенія, плакалъ, но постепенно утомлялся—и наступала реакція: онъ не слушалъ дѣда, отдаваясь своимъ мыслямъ, а дѣдъ, замѣчая это, сердился и начиналъ говорить о томъ, что онъ, Ленька, глупъ, не любитъ дѣда, не цѣнитъ его заботъ, и, наконецъ, доходилъ до того, что упрекалъ Леньку въ желаніи скорѣйшаго наступленія его, дѣдовой, смерти.

— Что говорилъ? Глупенькій ты еще, не можешь ты понимать своей жизни. Сколько тебѣ отъ роду? Одиннадцатый годъ только. И хилый ты, негодный къ работѣ. Куда жъ ты пойдешь? Добрые люди, думаешь, помогутъ? Кабы у тебя вотъ деньги были, такъ они бы помогли тебѣ прожить ихъ—это такъ. А милостыню-то собирать не сладко и мнѣ старику. Каждому поклонись, каждаго попроси. И ругаютъ тебя, и колотятъ часомъ, и гонятъ... Рази, ты думаешь, человѣкомъ считаютъ нищаго-то? Никто! Десять лѣтъ по міру хожу—знаю. Кусокъ-то хлѣба въ тыщу рублей цѣнятъ. Подастъ, да и думаетъ, что ужъ ему сейчасъ же райскія двери отворятъ. Ты думаешь, подаютъ зачѣмъ больше? Чтобы совѣсть свою успокоить; вотъ зачѣмъ, другъ, а не изъ жалости! Ткнетъ тебѣ кусокъ, ну ему и не стыдно самому-то ѣсть. Сытый человѣкъ—звѣрь. И никогда онъ не жалѣетъ голоднаго, потому что не знаетъ его. Враги другъ другу—сытый да голодный, вѣки вѣчные они сучкомъ въ глазу другъ у друга будутъ. Потому и невозможно имъ жалѣть и понимать другъ друга... И для сытаго нищій, какъ грязь.

Дѣдушка воодушевился злобой и тоской. Отъ этого у него тряслись губы и старческіе тусклые глаза быстро шмыгали въ красныхъ рамкахъ рѣсницъ и вѣкъ, а морщины на пергаменномъ лицѣ выступили чаще и рѣзче.

Ленька не любилъ его такимъ и немного боялся чего-то.

— Вотъ я тебя и спрашиваю, что ты станешь дѣлать съ міромъ? Ты—хилый ребеночекъ, а міръ-то—звѣрь. И проглотитъ онъ тебя сразу. А я не хочу этого... Люблю вѣдь я тебя, дитятко!... Одинъ ты у меня и я у тебя одинъ... Какъ же я буду умирать-то? Невозможно мнѣ умереть, а ты чтобъ остался... На кого?... Господи!... за что Ты не возлюбилъ раба Твоего?!... Жить мнѣ не въ мочь и умирать мнѣ нельзя, потому — дите... оберечь долженъ. Пестовалъ семь годовъ... на рукахъ моихъ... старыхъ... Господи, помоги мнѣ!...

Дѣдушка сѣлъ и заплакалъ, уткнувъ голову въ колѣни дрожащихъ ногъ. И плечи у него вздрагивали отъ рыданій, хриплыхъ и неровно вырывавшихся изъ больной груди.

Рѣка торопливо катилась вдаль и звучно плескалась о берегъ, точно желая заглушить этимъ плескомъ рыданія старика. Ярко улыбалось безоблачное небо, изливая изъ себя жгучій зной, и, улыбаясь, спокойно слушало мятежный шумъ мутныхъ волнъ...

— Будетъ, не плачь, дѣдушка!—глядя въ сторону, почему-то суровымъ тономъ проговорилъ Ленька и, повернувъ къ дѣду лицо, насупленное и мрачное, добавилъ:—говорили обо всемъ ужъ вѣдь. Не пропаду. Поступлю въ трактиръ куда-ни-то...

— Забьютъ...—сквозь слезы простоналъ дѣдъ.

— Можетъ, и не забьютъ. А вотъ, какъ не забьютъ!—съ нѣкоторымъ задоромъ вскричалъ Ленька,—тогда что? Вотъ тогда и выйду на дорогу. Не больно-то я и дамся каждому!...

Но тутъ Ленька вдругъ почему-то осѣкся и, задумчиво помолчавъ, тихонько сказалъ:

— А то въ монастырь уйду...

— Кабы въ монастырь! — вздохнулъ дѣдъ, оживляясь, и снова началъ корчиться въ припадкѣ удушливаго кашля.

Надъ ихъ головами раздался крикъ и скрипъ колесъ...

— Паро-о-омъ!... Паро-о... гей! — сотрясала воздухъ чья-то могучая глотка.

Собесѣдники вздрогнули и вскочили на ноги, подбирая котомки и палки.

Пронзительно скрипя, на песокъ въѣхала двухколесная арба. Въ ней стоялъ казакъ и, закинувъ голову въ мохнатой, надвинутой на одно ухо шапкѣ, приготовлялся гикнуть, вбирая въ себя широко открытымъ ртомъ воздухъ, отчего его широкая, выпяченная впередъ грудь выпячивалась еще болѣе. Бѣлые зубы ярко сверкали въ шелковой рамѣ черной бороды, начинавшейся отъ глазъ, широко раскрытыхъ и отъ напряженія налитыхъ кровью. Изъ-подъ разстегнутой рубахи и чохи, небрежно наброшенной на плечи, виднѣлось волосатое, загорѣлое на солнцѣ тѣло. И отъ всей его фигуры, прочной и большой, какъ и отъ лошади, мясистой, пѣгой и тоже уродливо большой, отъ колесъ арбы, высокихъ, стянутыхъ толстыми шинами,—разило сытостью, силой, здоровьемъ и сознаніемъ всего этого.

— Гей!... Гей!...

Дѣдъ и внукъ стащили съ своихъ головъ шапки и низко поклонились.

— Здравствуйте!—гулко отрубилъ пріѣхавшій и, посмотрѣвъ на тотъ берегъ, гдѣ изъ кустовъ выползалъ медленно и неуклюже черный паромъ, сталъ пристально оглядывать нищихъ.—Изъ Россіи?

— Изъ нея, милостивецъ!—съ поклономъ отвѣтилъ Архипъ.

— Голодно тамъ у васъ, а?

Онъ спрыгнулъ съ арбы на землю и сталъ что-то подтягивать въ упряжкѣ.

— И тараканы съ голода мрутъ.

— Хо, хо! И тараканы мрутъ? Значитъ, ажъ крошекъ не осталось, все поѣли? Ловко ѣдите. А вотъ работаете, должно, погано. Потому какъ хорошо работать станешь, не будетъ голоду.

— Тутъ, кормилецъ, главная причина—земля. Упирается, не родитъ. Высосали землю-то мы.

— Земля?—тряхнулъ казакъ головой.—Земля всегда должна родить, на то она и дана человѣку. Говори: не земля, а руки. Руки плохи. Эге! Отъ хорошихъ рукъ камень не отобьется, родитъ. Въ Черноморьѣ бывалъ? Тамъ, дѣдъ, и камни пашутъ!

Подъѣхалъ паромъ.

Двое здоровыхъ краснорожихъ казаковъ, флегматично упираясь толстыми ногами въ полъ парома, съ трескомъ ткнули его о берегъ, покачнулись, бросили изъ рукъ канатъ и, взглянувъ другъ на друга, стали отдуваться.

— Жарко?—оскалилъ зубы пріѣхавшій, вводя на паромъ свою лошадь и дотрогиваясь рукой до шапки.

— Эге!—отвѣтилъ одинъ изъ паромщиковъ, глубоко засунувъ руки въ карманы шароваръ, и, подойдя къ арбѣ, заглянулъ въ нее и повелъ носомъ, сильно втянувъ въ себя воздухъ.

Другой сѣлъ на полъ и, кряхтя, сталъ снимать сапогъ.

Дѣдъ и Ленька вошли на паромъ и прислонились къ борту, посматривая на казаковъ.

— Ну, ѣдемъ!—скомандовалъ хозяинъ арбы.

— А ты не везешь ничего съ собой попить?—спросилъ у него тотъ, что осматривалъ арбу.

Снимавшій сапогъ снялъ его и, зачѣмъ-то прищуривъ глазъ, смотрѣлъ въ голенище.

— Ничего. А что? развѣ въ Кубани воды мало?

— Воды!... я не о водѣ.

— А о горилкѣ? Не везу горилки.

— Какъ же это ты не везешь?—задумался спрашивавшій, уставивъ глаза въ полъ парома.

— Ну-ну, ѣдемъ!

Казакъ сталъ надѣвать сапогъ. Другой поплевалъ на руки и взялся за канатъ. Переѣзжавшій сталъ помогать ему, чтобъ паромъ дрогнулъ и тронулся.

— А ты, дѣдъ, что же не поможешь?—обратился паромщикъ, возившійся съ сапогомъ, къ Архипу.

— Гдѣ мнѣ, родной!—жалобнымъ тономъ и качая головой пропѣлъ тотъ.

— И не надо имъ помогать. Они и одни управятся!

И, какъ бы желая убѣдить дѣда въ истинѣ своихъ словъ, онъ грузно опустился на колѣни и легъ на палубѣ парома.

Его товарищъ лѣниво ругнулъ его и, не получивъ отвѣта, громко затопалъ ногами, упираясь въ палубу.

— Видишь, Леня, какіе люди!—крупные, сытые. Эта сторона—рай крестьянину...—прошепталъ Архипъ, наклоняясь къ Ленькѣ, смотрѣвшему черезъ бортъ въ воду.

Отбиваемый теченіемъ, съ глухимъ шумомъ плескавшимъ о его бока, паромъ вздрагивалъ и качался, медленно подвигаясь впередъ.

— Вонъ онъ какой боровъ! Говоритъ—„руки... плохо работаете“, а самъ во снѣ не видалъ такой работы!—шепталъ дѣдъ.—За что однимъ Богъ даетъ много, другимъ—мало?...—и помолчавъ, какъ бы ожидая отвѣта отъ Леньки, отвѣтилъ себѣ самъ:—для испытанія души. Которая душа возропщетъ, та и погибнетъ безъ радости и покоя въ жизни...

Глядя на воду, Ленька чувствовалъ, что у него сладко кружится голова и глаза, утомленные быстрымъ бѣгомъ волнъ, дремотно слипаются. Глухой шопотъ дѣда, скрипъ каната и сочный плескъ волнъ убаюкивали

его все болѣе; онъ хотѣлъ опуститься на палубу въ дремотной истомѣ, и вдругъ что-то качнуло его такъ, что онъ упалъ.

Широко раскрывъ глаза, онъ посмотрѣлъ кругомъ. Надъ нимъ смѣялись казаки, причаливая паромъ за обгорѣлый пень на берегу.

— Что, заснулъ? Хилый ты. Садись въ арбу, довезу до станицы. И ты, дѣдъ, садись.

Благодаря казака монотоннымъ, гнусавымъ голосомъ, дѣдъ, кряхтя, влѣзъ въ арбу. Ленька тоже прыгнулъ туда, и они поѣхали въ клубахъ мелкой черной пыли, заставлявшей дѣда то и дѣло задыхаться отъ кашля.

Казакъ затянулъ пѣсню. Пѣлъ онъ странными звуками, отрывая ноты въ рединѣ и доканчивая ихъ свистомъ; порой речитативомъ начиналъ фразу и, оборвавъ ее, затягивалъ что-то высокимъ фальцетомъ. Казалось, онъ развиваетъ звуки съ клубка, какъ нитки, и, когда ему встрѣчается узелъ, обрываетъ ихъ.

Пѣсня вполнѣ гармонировала съ безконечной степью, которая была такъ же монотонна и которую кое-гдѣ перерѣзывали полосы миражей, струившихся въ воздухѣ.

Колёса жалобно скрипѣли, вилась пыль; дѣдъ, тряся головой, не переставая кашлялъ, а Ленька думалъ о томъ, что вотъ сейчасъ пріѣдутъ они въ станицу и нужно будетъ гнусавымъ голосомъ пѣть подъ окнами: Господи, Іисусе Христе... Снова станичные мальчики будутъ задирать его, а бабы надоѣдать разспросами о Россіи и о многомъ другомъ... Нехорошо въ эту пору смотрѣть и на дѣда, который кашляетъ чаще, горбится ниже, отчего ему самому неловко и больно, и говоритъ такимъ жалобнымъ голосомъ, то и дѣло всхлипывая и разсказывая о томъ, чего нигдѣ и никогда не было... Говоритъ, напримѣръ, что въ Россіи на улицахъ мретъ народъ, да такъ и валяется, и убрать некому, потому

что всѣ люди обалдѣли отъ голода... Ничего этого они съ дѣдомъ не видали нигдѣ. А нужно все это для того, чтобъ больше подавали. Но куда ее, милостыню, здѣсь дѣнешь? Дома—тамъ можно всегда продать по 40 копеекъ и даже по полтинѣ за пудъ, а здѣсь никто не покупаетъ. Потомъ приходится эти куски, иногда очень вкусные, выбрасывать изъ котомокъ въ степи. И зачѣмъ дѣдъ балуется—ходитъ изъ одной станицы въ другую?.. Хоть бы жилъ по недѣлѣ въ станицѣ; а то придетъ, обходитъ, насбираетъ и бѣжитъ дальше, какъ воръ отъ погони... Однажды Ленька заговорилъ съ нимъ объ этомъ, и онъ отвѣтилъ, сердясь и тоскливо:

— Глупый ты, молчи, знай! Не можешь ты понимать моихъ заботъ о тебѣ. И чего я хочу, не можешь знать. А я, можетъ, счастья тебѣ ищу, отъ крестьянской жизни хочу избавить... Такъ-то! и молчи, знай, поэтому.

— Сбирать пойдете?—обратился къ нимъ казакъ, оглядывая ихъ скорченныя фигуры черезъ плечо.

— Ужъ конечно, почтенный человѣкъ!—со вздохомъ отвѣтилъ ему дѣдъ Архипъ.

— Встань на ноги, дѣдъ, покажу, гдѣ живу,—ночевать ко мнѣ придете.

Дѣдъ попробовалъ встать, но упалъ, ударившись бокомъ о края арбы, и глухо застоналъ.

— Эхъ ты, старый!..—буркнулъ казакъ, соболѣзнуя. —Ну, все равно, не гляди; придетъ пора на ночлегъ идти, спроси Чернаго, Андрея Чернаго, это я и есть. А теперь слѣзай. Прощайте!

Дѣдъ и внукъ очутились передъ кучкой тополей и осокорей. Изъ-за ихъ стволовъ виднѣлись крыши, заборы, повсюду—направо и налѣво—къ небу вздымались такія же кучки. Ихъ зеленая листва была одѣта сѣрой пылью, а кора толстыхъ, прямыхъ стволовъ потрескалась отъ жары.

Прямо передъ нищими между двухъ дощатыхъ за-

боровъ тянулся узкій проулокъ, въ который скрылся привезшій ихъ казакъ, и они направились въ этотъ проулокъ усталой, развалистой походкой много ходившихъ пѣшкомъ людей.

— Ну, какъ мы, Леня, пойдемъ—вмѣстѣ или порознь?—спросилъ дѣдъ и, не дожидаясь отвѣта, прибавилъ:—вмѣстѣ бы лучше—мало больно тебѣ подаютъ. Не умѣешь ты просить-то...

— А куда много-то надо? все равно вѣдь не поѣдаешь...—хмуро отвѣтилъ Ленька, оглядываясь вокругъ.

— Куда? Чудашка ты!... А вдругъ подвернется человѣкъ, да и купитъ? Вотъ-те и куда!... Деньги дастъ. А деньги дѣло большое; ты съ ними небось не пропадешь, какъ умру-то я.

И, ласково усмѣхаясь, дѣдъ погладилъ внука рукой по головѣ.

— Ты знаешь ли, сколько я за путину-то скопилъ? а?

— А сколько?—равнодушно спросилъ Ленька.

— Одиннадцать съ полтиной!.., Видишь?!

Но на Леньку не произвели впечатлѣнія эта сумма и ликующій тонъ дѣда.

— Эхъ ты, малышъ, малышъ!—вздохнулъ дѣдъ.— Такъ порознь, что ли, идемъ?

— Порознь...

— Ну... Къ церкви приходи, буде.

— Ладно.

Дѣдъ свернулъ въ проулокъ налѣво, а Ленька пошелъ дальше. Сдѣлавъ шаговъ десять, онъ услыхалъ дребезжащій возгласъ: „Благодѣтели и кормильцы!...“ Этотъ возгласъ былъ похожъ на то, какъ бы по разстроеннымъ гуслямъ провели ладонью съ самой густой до тонкой струны. Ленька вздрогнулъ и прибавилъ шагу. Всегда, когда слышалъ онъ просьбы дѣда, ему становилось непріятно и какъ-то тоскливо, а когда дѣду

отказывали, онъ даже робѣлъ, ожидая, что вотъ сейчасъ разревется дѣдушка.

До слуха его еще долетали дрожащія, жалкія ноты дѣдова голоса, плутавшія въ сонномъ и знойномъ воздухѣ надъ станицей. Кругомъ было все такъ тихо, точно ночью. Ленька подошелъ къ плетню и сѣлъ въ тѣни отъ свѣсившихся черезъ него на улицу вѣтвей вишни. Гдѣ-то гулко жужжала пчела...

Сбросивъ котомку съ плечъ, Ленька положилъ на нее голову и, немного посмотрѣвъ въ небо сквозь листву надъ его лицомъ, крѣпко заснулъ, укрытый отъ взглядовъ прохожихъ густымъ бурьяномъ и рѣшетчатой тѣнью плетня...

Проснулся онъ разбуженный странными звуками, колебавшимися въ воздухѣ, уже посвѣжѣвшемъ отъ близости вечера. Кто-то плакалъ неподалеку отъ него. Плакали по-дѣтски—задорно и неугомонно. Звуки рыданій замирали въ тонкой, минорной нотѣ и вдругъ снова и съ новой силой вспыхивали и лились, все приближаясь къ нему. Онъ поднялъ голову и черезъ бурьянъ поглядѣлъ на дорогу.

По ней шла дѣвочка лѣтъ семи, красивая, чисто одѣтая, съ краснымъ и вспухшимъ отъ слезъ лицомъ, которое она то и дѣло вытирала подоломъ бѣлой ситцевой юбки. Шла она медленно, шаркая босыми ногами по дорогѣ, вздымая густую пыль и, очевидно, не зная, куда и зачѣмъ она идетъ. У нея были большіе черные глаза, теперь обиженные, грустные и влажные, и маленькія, тонкія, розовыя ушки, такъ шаловливо выглядывавшія изъ прядей каштановыхъ волосъ, растрепанныхъ и падавшихъ ей на лобъ, щеки и плечи.

Въ общемъ, она показалась Ленькѣ очень смѣшной, несмотря на свои слезы,—смѣшной и веселой... И озорница должно быть!...

— Ты чего плачешь?—спросилъ онъ, вставая на ноги, когда она поровнялась съ нимъ.

Она вздрогнула и остановилась, сразу переставъ плакать, но все еще потихоньку всхлипывая. Потомъ, когда она нѣсколько секундъ посмотрѣла на него, у нея снова дрогнули губы, смѣшно сморщилось лицо, грудь колыхнулась, и, снова громко зарыдавъ, она пошла.

Ленька почувствовалъ, какъ у него что-то сжалось внутри, и вдругъ онъ тоже пошелъ за ней.

— А ты не плачь! Большая ужъ... стыдно, чай!...— заговорилъ онъ, еще не поровнявшись съ ней, и потомъ, когда догналъ ее, заглянулъ ей въ лицо и переспросилъ снова, для чего-то пожавъ плечами:—Ну, чего ты разревѣлась?

— Да-а!...—протянула она.—Кабы тебѣ...—и вдругъ опустилась въ пыль на дорогу, закрывъ лицо руками, и отчаянно заревѣла.

— Ну!—пренебрежительно махнулъ рукой Ленька.— Баба!... Какъ есть—баба. Фу ты!...

Но это не помогло ни ей, ни ему. Ленькѣ, глядя, какъ между ея тонкими, розовыми пальцами струились одна за другой слезинки, стало тоже грустно и захотѣлось плакать. Онъ наклонился надъ нею и, осторожно поднявъ руку, чуть дотронулся до ея волосъ; но тотчасъ же, испугавшись своей смѣлости, отдернулъ руку прочь. А она все плакала и ничего не говорила.

— Слышь!...—помолчавъ, началъ Ленька, чувствуя настоятельную потребность помочь ей.—Слышь!... чего ты это? Поколотили, что ли?... Такъ вѣдь пройдетъ! А то, можетъ, другое что? Ты скажи! Дѣвочка... а? скажи-ка мнѣ про это — и легче будетъ! Потеряла, что ли, чего? Поискали бы вмѣстѣ...

Дѣвочка, не отнимая рукъ отъ лица, печально качнула головой и, наконецъ, сквозь рыданія медленно отвѣтила ему, поводя плечами:

— Платокъ... потеряла!... Батька съ базара привезъ... голубой, съ цвѣтками, а я надѣла... и потеряла. И за-

плакала снова сильнѣе и громче, всхлипывая и стонущимъ голосомъ выкликая странное: о-о-о!...

Ленька почувствовалъ себя безсильнымъ помочь ей и, робко отодвинувшись отъ нея, задумчиво и грустно посмотрѣлъ въ потемнѣвшее небо. Ему было тяжело и очень жаль дѣвочку.

— Не плачь!... можетъ, найдется какъ ни то...—тихонько прошепталъ онъ, но, замѣтивъ, что она не слышитъ его утѣшенія, отодвинулся еще дальше отъ нея и подумалъ, что навѣрное отъ отца достанется ей дома за эту потерю. И тотчасъ же ему представилось, что отецъ, большой и черный казакъ, колотитъ ее, а она, захлебываясь слезами и вся дрожа отъ страха и боли, валяется у него въ ногахъ...

Онъ всталъ и пошелъ прочь, чувствуя себя убитымъ и обиженнымъ своей неспособностью помочь ей чѣмъ-нибудь; но, отойдя шаговъ пять, снова круто повернулся, остановился противъ нея, прижавшись къ плетню, и старался вспомнить что-нибудь такое ласковое и доброе... Не вспоминалось почему-то никакихъ ласковыхъ словъ.

— Ушла бы ты съ дороги, дѣвочка! Да ужъ перестань, что ли, плакать-то! Пойди домой, да и скажи все, какъ было. Потеряла, молъ... Что ужъ больно?...

Онъ началъ говорить это тихимъ, соболѣзнующимъ голосомъ и, кончивъ возмущеннымъ восклицаніемъ, обрадовался, видя, что она поднимается съ земли.

— Вотъ и ладно!...—улыбаясь и оживленно продолжалъ онъ.—Иди-ка вотъ. Хочешь, я съ тобой пойду и разскажу все? Заступлюсь за тебя, не бойся!

И Ленька гордо повелъ плечами, оглянувшись вокругъ себя.

— Не надо...—прошептала она, медленно отряхая пыль съ платья и все всхлипывая.

— А то—пойду?—съ полнѣйшей готовностью громко заявилъ Ленька и сдвинулъ себѣ на ухо картузъ.

Теперь онъ стоялъ передъ ней, широко разставивъ ноги, отчего надѣтые на немъ лохмотья какъ-то храбро заершились. Онъ твердо постукивалъ палкой о землю и смотрѣлъ на нее упорно, а его большіе и грустные глаза свѣтились такимъ гордымъ и смѣлымъ чувствомъ.

Дѣвочка искоса посмотрѣла на него, размазывая по своему личику слезы, и, снова вздохнувъ, сказала:

— Не надо... не ходи... Мамка не любитъ нищихъ-то.

И пошла отъ него прочь, раза два оглянувшись назадъ.

Ленькѣ сдѣлалось скучно. Онъ незамѣтно, медленными движеніями измѣнилъ свою рѣшительную, вызывающую позу, снова сгорбился, присмирѣлъ и, закинувъ за спину свою котомку, висѣвшую до этого на рукѣ, крикнулъ вслѣдъ дѣвочкѣ, когда она уже скрывалась за поворотомъ проулка:

— Прощай!

Она обернулась къ нему на ходу и исчезла.

Кругомъ стало скучнѣй и темнѣй. Приближался вечеръ и въ воздухѣ стояла та особенная, тяжелая духота, которая предвѣщаетъ грозу. Солнце уже было низко и вершины тополей зардѣлись легкимъ румянцемъ. Но отъ вечернихъ тѣней, окутавшихъ ихъ вѣтви, они, высокіе и неподвижные, стали гуще, выше и казались Ленькѣ задумавшимися о чемъ-то и точно ожидавшими чего-то страшнаго... Небо надъ ними тоже темнѣло, дѣлалось бархатнымъ и точно опускалось ниже къ землѣ. Гдѣ-то далеко говорили люди и еще гдѣ-то дальше, но въ другой сторонѣ—пѣли. Эти звуки, тихіе, но густые и безпрерывно колебавшіеся въ воздухѣ, казалось, тоже были пропитаны духотой.

Ленькѣ стало еще скучнѣе и даже боязно чего-то. Онъ захотѣлъ пойти къ дѣду, оглянулся вокругъ себя и быстро пошелъ впередъ по переулку. Просить милостыню ему совсѣмъ не хотѣлось. Онъ шелъ и чувство-

валъ, что у него въ груди сердце бьется такъ часто, часто, и что ему какъ-то особенно лѣнь идти и думать... Но дѣвочка не выходила изъ его памяти, и ему думалось о томъ, что съ ней теперь? Пришла ли она домой? Богатая она?... Коли она изъ богатаго дома, будутъ ее бить; всѣ богатые—скряги; а коли бѣдная, то, можетъ, и не будутъ... Въ бѣдныхъ домахъ ребятъ-то больше любятъ, потому что отъ нихъ работы ждутъ. Одна за другой думы назойливо шевелились въ его головѣ и съ каждой минутой томительное и щемящее чувство тоски, какъ тѣнь сопровождавшее его думы, становилось тяжелѣе и овладѣвало имъ все болѣе.

И тѣни вечера становились удушливѣе и гуще. Навстрѣчу Ленькѣ попадались казаки и казачки и проходили мимо, не обращая на него вниманія, уже успѣвъ привыкнуть къ наплыву голодающихъ изъ Россіи. Онъ тоже лѣниво скользилъ потускнѣвшимъ взглядомъ по ихъ сытымъ, крупнымъ фигурамъ и быстро шелъ къ церкви, крестъ которой сіялъ за зеленью деревьевъ впереди его.

Навстрѣчу ему несся рѣзвый шумъ возвращавшагося стада. Вотъ и церковь, низенькая и широкая, съ пятью главами, выкрашенными голубой краской, обсаженная кругомъ тополями, вершины которыхъ переросли ея кресты, облитые лучами заката и сіявшіе сквозь зелень розоватымъ золотомъ.

Вонъ и дѣдъ трусйтъ къ паперти, согнувшись подъ тяжестью котомки, и озирается по сторонамъ, приставивъ ладонь ко лбу.

За дѣдомъ тяжелой, развалистой походкой шагаетъ станичникъ въ шапкѣ, низко надвинутой на лобъ, и съ палкой въ рукѣ.

— Что, пуста котомка-то?—спросилъ дѣдъ, подходя ко внуку, остановившемуся, ожидая его, у церковной ограды.

— А я вонъ сколько!...—и, кряхтя, онъ свалилъ

съ плечъ на землю свой холщевый, туго набитый мѣшокъ.

— Ухъ!... хорошо здѣсь подаютъ! Ахти, хорошо!... Ну, а ты чего такой надутый?

— Голова болитъ...—тихо молвилъ Ленька, опускаясь на землю рядомъ съ дѣдомъ, прижавшимся спиной къ кучѣ сложенныхъ кирпичей и съ выраженіемъ жадности и удовольствія гладившимъ рукой по собранной милостынѣ.

— Ну?... Усталъ... Сморился!... Вотъ ночевать пойдемъ сейчасъ. Какъ казака-то того звать? а?

— Андрей Черный.

— Вѣрно, Черный! Вотъ мы и спросимъ: а гдѣ, молъ, тутъ Черный Андрей? Вотъ къ намъ человѣкъ идетъ... у него и спросимъ. Да... Хорошій народъ, сытый! И все пшеничный хлѣбъ ѣдятъ. Здравствуйте, добрый человѣкъ!

Казакъ подошелъ къ нимъ вплоть и медленно проговорилъ въ отвѣтъ на привѣтствіе дѣда:

— И вы здравствуйте!

Затѣмъ, широко разставивъ ноги и остановивъ на нищихъ большіе, но ничего не выражавшіе глаза, молча почесался.

Ленька смотрѣлъ на него пытливо, дѣдъ моргалъ своими старческими глазами вопросительно, казакъ все молчалъ и, наконецъ, высунувъ до половины языкъ, сталъ ловить имъ конецъ своего уса. Удачно кончивъ эту операцію, онъ втащилъ усъ въ ротъ, пожевалъ его, снова вытолкнулъ изо рта языкомъ и, наконецъ, прервалъ молчаніе, уже ставшее томительнымъ, лѣниво проговоривъ:

— Ну... пойдемте въ сборную.

— Зачѣмъ?—встрепенулся дѣдъ.

У Леньки дрогнуло что-то внутри.

— А надо... Велѣно. Ну!

Онъ поворотился къ нимъ спиной и пошелъ было,

но, оглянувшись назадъ и видя, что оба они не трогаются съ мѣста, снова и уже сердито крикнулъ:

— Чего жъ еще?!

Тогда дѣдъ и Ленька быстро встали на ноги и пошли за нимъ.

Ленька упорно смотрѣлъ на дѣда и, видя, что у него трясутся губы и голова и что онъ, боязливо озираясь вокругъ себя, быстро шаритъ у себя за пазухой, чувствовалъ, что дѣдъ опять нашалилъ чего-то, какъ и тогда въ Тамани. Ему стало боязно и тошно, когда онъ представилъ себѣ ту таманьскую исторію. Тамъ дѣдъ стянулъ со двора бѣлье и его поймали съ нимъ. Смѣялись, ругали, били даже и, наконецъ, ночью выгнали вонъ изъ станицы. Ночь была такая темная... Они ночевали съ дѣдомъ гдѣ-то на берегу пролива въ пескѣ, и море всю ночь грозно урчало... Песокъ скрипѣлъ, передвигаемый набѣгавшими на него волнами... А дѣдъ всю ночь стоналъ и шопотомъ молился Богу, называя себя воромъ и прося прощенія.

— Ленька!...

Ленька вздрогнулъ отъ толчка въ бокъ и посмотрѣлъ на дѣда. У того лицо вытянулось, стало суше и сѣрѣе и все дрожало.

Казакъ шелъ впереди шаговъ на пять, курилъ трубку, обивалъ палкой головки репейника и не оборачивался на нихъ.

— На̀ вотъ, возьми... брось... въ бурьянъ... да замѣть, гдѣ бросишь!... чтобы взять послѣ... можно...— чуть слышно прошепталъ дѣдъ и, плотно прижавшись на ходу ко внуку, сунулъ ему въ руку какую-то тряпицу, свернутую въ комокъ.

Ленька отстранился, дрогнувъ отъ страха, сразу наполнившаго холодомъ все его существо, и подошелъ ближе къ забору, около котораго густо разросся бурьянъ. Напряженно глядя на широкую спину казака-конвоира, онъ протянулъ въ сторону руку и, посмотрѣвъ на нее,

бросилъ тряпку въ бурьянъ... Бросилъ и сталъ, пораженный.

Падая, тряпка развернулась, и въ глазахъ Леньки промелькнулъ голубой съ цвѣтами платокъ, моментально заслоненный образомъ маленькой плачущей дѣвочки. Она встала передъ нимъ, какъ живая, заслонивъ собой и казака, и дѣда, и все окружающее... Звуки ея рыданій снова ясно раздались въ ушахъ Леньки и ему показалось, что передъ нимъ на землю падаютъ свѣтлыя капельки слезъ, закрывая отъ него весь міръ и наполняя его грудь тоскливымъ холодомъ...

Въ этомъ, почти невмѣняемомъ состояніи онъ пришелъ позади дѣда въ сборную, слышалъ глухое гудѣніе, разобрать которое не могъ и не хотѣлъ, точно сквозь туманъ видѣлъ, какъ изъ котомки дѣда высыпали куски на большой столъ, и эти куски, падая глухо и мягко, стучали о столъ... Затѣмъ надъ ними склонилось много головъ въ высокихъ шапкахъ; головы и шапки были хмуры и мрачны и сквозь туманъ, облекавшій ихъ, качаясь, грозили чѣмъ-то страшнымъ... Потомъ вдругъ дѣдъ, хрипло бормоча что-то, какъ волчокъ завертѣлся въ рукахъ двухъ дюжихъ молодцовъ...

— Напрасно, православные!... Неповиненъ, видитъ Господь!...—пронзительно взвизгнулъ дѣдъ.

Ленька, заплакавъ, опустился на полъ.

Тогда подошли и къ нему. Подняли, посадили на лавку и обшарили всѣ лохмотья, покрывавшіе его маленькое тѣльце. А потомъ вдругъ все остановилось.

Въ горлѣ Леньки остановились слезы, точно онѣ скипѣлись въ большой шаръ, затруднявшій ему дыханіе, остановилось невнятное бормотаніе дѣда и возбужденный гулъ голосовъ порвался сразу, точно его кто-то выбросилъ вонъ изъ комнаты.

— Брешетъ Даниловна, чортова баба!—громыхнулъ кто-то, точно ударивъ по ушамъ Леньки своимъ густымъ и раздраженнымъ голосомъ.

— А можетъ, они спрятали гдѣ?—крикнули въ отвѣтъ еще громче.

И снова загудѣли густыя басовыя ноты.

Ленька чувствовалъ, что всѣ эти звуки точно бьютъ его по головѣ, и ему стало такъ больно, что онъ потерялъ сознаніе, вдругъ точно нырнувъ въ какую-то черную яму, раскрывшую передъ нимъ бездонный зѣвъ.

А когда онъ очнулся, то почувствовалъ, что его голова лежитъ на колѣняхъ дѣда, и увидѣлъ, что прямо надъ лицомъ его наклонилось дѣдово лицо, жалкое и сморщенное болѣе, чѣмъ всегда, и изъ дѣдовыхъ глазъ, испуганно моргавшихъ, капаютъ на его, Ленькинъ, лобъ маленькія мутныя слезы и очень щекотятъ, скатываясь по щекамъ на шею...

— Оклемался ли, родной?!... Пойдемъ-ка отсюда. Пойдемъ,—отпустили проклятые!

Ленька поднялся съ колѣнъ дѣда и сѣлъ рядомъ съ нимъ, чувствуя, что въ его головѣ налито что-то тяжелое и что она вотъ-вотъ упадетъ съ плечъ... Онъ взялъ ее руками и закачался изъ стороны въ сторону, тихо стоная.

— Болитъ головонька-то? Родненькій ты мой!... Измучили они насъ съ тобой... Звѣри! Кинжалъ пропалъ, вишь ты, да платокъ дѣвчонка потеряла, ну они и навалились на насъ. Мы, дескать, нищіе, ну, значитъ, и воры!... Охъ, Господи Боже!... за что наказуешь?!...

Скрипучій голосъ дѣда какъ-то царапалъ Леньку, и онъ чувствовалъ, что внутри его разгорается такая острая искорка, которая заставляетъ его отодвинуться отъ дѣда дальше.

Онъ отодвинулся и хмуро посмотрѣлъ въ его лицо, изъ морщинъ котораго на Леньку, казалось ему, смотрятъ маленькія, поганыя, лживыя змѣйки... Онъ вздрогнулъ и посмотрѣлъ вокругъ...

Они съ дѣдомъ сидѣли у выхода изъ станицы, подъ густой тѣнью вѣтвей коряваго осокоря. Уже настала ночь, взошла луна и ея молочно-серебристый свѣтъ,

обливая ровное и широкое степное пространство, сдѣлалъ его какъ бы уже, чѣмъ оно было днемъ, уже и еще пустыннѣй и грустнѣй. Издалека, со степи, слитой съ небомъ, вздымались лиловыя тучки и тихо плыли надъ ней, закрывая луну и бросая на землю густыя тѣни. Тѣни плотно ложились на землю, медленно, задумчиво ползли по ней и вдругъ пропадали, точно уходя въ землю черезъ трещины отъ жгучихъ ударовъ солнечныхъ лучей... Изъ станицы доносились голоса и кое-гдѣ въ ней вспыхивали огоньки, точно перемигиваясь съ ярко-золотыми звѣздами въ небѣ.

— Пойдемъ, милый!... идти надо,—сказалъ дѣдъ.

— Посидимъ—еще!...—тихо сказалъ Ленька.

Ему нравилась степь. Днемъ, идя по ней, онъ любилъ смотрѣть впередъ, туда, гдѣ сводъ неба, казалось, опирается на ея широкую грудь... И тамъ онъ представлялъ себѣ большіе чудные города, населенные такими невиданными имъ добрыми людьми, у которыхъ не нужно будетъ просить хлѣба—сами дадутъ безъ просьбъ... И когда она, все шире развертываясь передъ его глазами, вдругъ выдвигала изъ себя станицу, уже знакомую ему и похожую строеніями и людьми на всѣ тѣ, которыя онъ видѣлъ прежде, ему дѣлалось грустно и обидно за этотъ обманъ...

Но степь на другой день снова развертывалась передъ нимъ широко и свободно и снова заставляла его рисовать себѣ невиданные города, тамъ далеко, на краю, скрытые ею...

И теперь онъ задумчиво смотрѣлъ вдаль, откуда выползали медленно тучи. Онѣ казались ему дымомъ тысячъ трубъ того города, который такъ ему хотѣлось видѣть... Его созерцаніе прервалъ глухой кашель дѣда.

Ленька пристально взглянулъ въ смоченное слезами лицо дѣда, жадно глотавшаго воздухъ.

Освѣщенное луной и перекрытое странными тѣнями, падавшими на него отъ лохмотьевъ шапки, отъ бровей

и бороды, это лицо, съ судорожно двигавшимся ртомъ и широко раскрытыми глазами, свѣтившимися какимъ-то затаеннымъ восторгомъ—было и страшно, и жалко, и возбуждало въ Ленькѣ то новое для него чувство, что заставляло его отодвигаться отъ дѣда подальше...

— Ну, посидимъ, посидимъ!...—бормоталъ онъ и, глупо ухмыляясь, шарилъ за пазухой.

Ленька отвернулся и снова сталъ смотрѣть вдаль.

— Ленька! Леночка!... Погляди-ка!...—вдругъ всхлипнулъ дѣдъ восторженно и, весь корчась отъ удушливаго кашля, протянулъ внуку что-то длинное и блестящее.— Въ серебрѣ! серебро вѣдь!... полсотни стоитъ!...—шепталъ онъ.

Руки и губы у него дрожали отъ жадности и боли и все лицо передергивалось.

Ленька вздрогнулъ и оттолкнулъ его руку.

— Спрячь скорѣй!.. ахъ, дѣдушка, спрячь!...—умоляюще прошепталъ онъ, быстро оглядываясь кругомъ.

— Ну... чего ты, дурашка? боишься, милый?... Заглянулъ я въ окно, а онъ виситъ... я его цапъ, да и подъ полу... а потомъ спряталъ въ кустахъ. Шли вонъ изъ станицы, я будто шапку уронилъ, наклонился и взялъ его... Дураки они!... И платокъ взялъ... вотъ онъ гдѣ!...

И выхвативъ изъ своихъ лохмотьевъ дрожащими руками платокъ, дѣдъ потрясъ имъ передъ лицомъ Леньки.

Передъ глазами Леньки разорвалась какая-то туманная завѣса и встала такая картина:—Онъ и дѣдъ быстро, насколько могутъ, идутъ по улицѣ станицы, избѣгая взглядовъ встрѣчныхъ людей, идутъ пугливо, и Ленькѣ кажется, что каждый, кто хочетъ, въ правѣ бить ихъ обоихъ, плевать на нихъ, ругаться... Все окружающее—заборы, дома, деревья—въ какомъ-то странномъ туманѣ и колеблются точно отъ вѣтра... и гудятъ чьи-то суровые, сердитые голоса... Этотъ тяжелый путь безконечно долгъ и выходъ изъ станицы въ поле не виденъ за плотной массой шатающихся домовъ, которые то прдви-

гаются къ нимъ, точно желая задавить ихъ, то уходятъ куда-то, смѣясь имъ въ лицо темными пятнами своихъ оконъ... И вдругъ изъ одного окна звонко раздается: „Воришки! Воришки! Воришка, воренокъ!...“ Ленька украдкой бросаетъ взглядъ въ сторону и видитъ въ окнѣ ту дѣвочку, которую давеча онъ видѣлъ плачущей и хотѣлъ защищать... Она поймала его взглядъ и высунула ему языкъ, а ея синіе глазки сверкали зло и остро и кололи Леньку, какъ иглы.

Эта картина воскресла въ памяти мальчика и моментально исчезла, оставивъ по себѣ злую улыбку, которую онъ бросилъ въ лицо дѣду.

Дѣдъ все говорилъ что-то, говорилъ, прерывая себя кашлемъ, махалъ руками, радостно улыбался чему-то, трясъ головой и отиралъ потъ, крупными каплями выступавшій въ морщинахъ его лица.

Тяжелая, изорванная и лохматая туча закрыла луну, и Ленькѣ почти не видно было лица дѣда... Но онъ поставилъ рядомъ съ нимъ плачущую дѣвочку, вызвавъ ея образъ передъ собой, и мысленно какъ бы измѣрялъ ихъ обоихъ... Немощный, скрипучій, жадный и рваный дѣдъ рядомъ съ ней, обиженной имъ, плачущей, но здоровой, свѣжей, красивой, показался ему ненужнымъ и почти такимъ же злымъ и дряннымъ, какъ Кощей въ сказкѣ. Какъ это можно? За что онъ обидѣлъ ее? Онъ не родной ей...

А дѣдъ скрипѣлъ:

— Кабы сто рублей... скопить!... Умеръ бы я тогда покойно...

— Ну!...—вдругъ вспыхнуло что-то въ Ленькѣ.—Молчи ужъ ты! Умеръ бы, умеръ бы... А не умираешь вотъ... Воруешь!...—взвизгнулъ Ленька и вдругъ, весь дрожа, вскочилъ на ноги.—Воръ ты старый!... У-у!—и сжавъ маленькій, сухой кулачокъ, онъ потрясъ имъ передъ носомъ внезапно замолкшаго дѣда и снова грузно опустился на землю, продолжая сквозь зубы: — У дити

укралъ... Ахъ, хорошо!... Старый, а туда же... Не будетъ тебѣ на томъ свѣтѣ прощенья за это!...

Вдругъ вся степь всколыхнулась и, охваченная ослѣпительно голубымъ свѣтомъ, расширилась... Одѣвавшая ее мгла дрогнула и исчезла на моментъ... Грянулъ ударъ грома и, рокоча, покатился надъ степью, сотрясая и ее, и небо, по которому теперь быстро летѣла густая толпа черныхъ тучъ, утопившая въ себѣ луну.

Стало темно. Далеко гдѣ-то еще, молча, но грозно, сверкнула молнія и спустя секунду снова слабо рыкнулъ громъ... Потомъ наступила тишина, которой, казалось, не будетъ конца.

Ленька крестился. Дѣдъ сидѣлъ неподвижно и молча, точно онъ сросся съ стволомъ дерева, къ которому прислонился спиной.

— Дѣдушка!...—прошепталъ Ленька, въ мучительномъ страхѣ ожидая новаго удара грома.—Идемъ въ станицу!

Небо снова дрогнуло и, снова вспыхнувъ голубымъ пламенемъ, бросило на землю могучій металлическій ударъ. Какъ будто тысячи листовъ желѣза сыпались на землю, ударяясь другъ о друга...

— Дѣдушка!...—крикнулъ Ленька.

Крикъ его, заглушаемый отзвукомъ грома, прозвучалъ какъ ударъ въ маленькій, разбитый колоколъ.

— Что ты... внучекъ мой... Боишься... а!...—хрипло проговорилъ дѣдъ, не шевелясь.

Въ его словахъ звучали горечь и боль, и насмѣшка. Ленькѣ они показались произнесенными чужимъ.

Стали падать крупныя капли дождя и ихъ шорохъ звучалъ такъ таинственно, точно предупреждалъ о чемъ-то... Вдали онъ уже выросъ въ сплошной, широкій звукъ, похожій на треніе громадной щеткой по сухой землѣ,—а тутъ, около дѣда и внука, каждая капля, падая на землю, звучала коротко и отрывисто и умирала безъ эха. Удары грома все приближались и небо вспыхивало чаще.

— Не пойду я въ станицу! Пусть меня, стараго пса

и вора... здѣсь дождь потопитъ... и громъ убьетъ!...—задыхаясь заговорилъ дѣдъ.—Не пойду!... Иди одинъ... Вотъ она, станица... Иди!... Не хочу я, чтобъ ты сидѣлъ тутъ... пошелъ!... Иди, иди!... Иди!...

Дѣдъ уже кричалъ глухо и сипло.

— Дѣдушка!... прости!... придвигаясь къ нему, взмолился Ленька.

— А!... Не пойду... Не прощу... Семь лѣтъ я тебя няньчилъ!... Все для тебя... и жилъ... для тебя. Рази мнѣ надо что?... Умираю вѣдь я... Умираю... а ты говоришь—воръ... Для чего воръ? для тебя... вѣдь для тебя это все... Вотъ возьми... возьми... бери... На жизнь твою... на всю... копилъ... ну и воровалъ... Богъ видитъ все.. Онъ знаетъ... что воровалъ... знаетъ... Онъ меня накажетъ. О-онъ не помилуетъ меня, стараго пса... за воровство. И наказалъ ужъ... Господи! наказалъ Ты меня!... а? наказалъ?... Рукой ребенка убилъ Ты меня!... Вѣрно, Господи!... Правильно!... Справедливъ Ты, Господи!... Иду на судъ Твой... Пошли по душу мою... Охъ!... вотъ и... все!...

Голосъ дѣда поднялся до пронзительнаго визга, вселившаго въ грудь Леньки холодный ужасъ.

Удары грома, сотрясая степь и небо, рокотали теперь такъ гулко и торопливо, точно каждый изъ нихъ хотѣлъ сказать землѣ что-то необходимо нужное для нея, и всѣ они, перегоняя одинъ другого, ревѣли почти безъ паузъ. Раздираемое молніями небо дрожало, дрожала и степь, то вся вспыхивая синимъ огнемъ, то погружаясь въ холодный, тяжелый и тѣсный мракъ, странно суживавшій ее. Иногда молнія освѣщала даль. Эта даль, казалось, торопливо убѣгаетъ отъ шума и рева...

Полилъ дождь, и его капли, блестя, какъ сталь при блескѣ молніи, скрыли собой привѣтно мигавшіе огоньки станицы.

Ленька замиралъ отъ ужаса, холода и какого-то тоскливаго чувства вины, рожденнаго крикомъ дѣда. Онъ уставилъ передъ собою широко раскрытые глаза и, боясь

моргнуть ими даже и тогда, когда капли воды, стекая съ его вымоченной дождемъ головы, попадали въ нихъ, прислушивался къ голосу дѣда, тонувшему въ морѣ могучихъ звуковъ.

Ленька чувствовалъ, что дѣдъ сидитъ неподвижно, но ему казалось, что онъ долженъ пропасть, уйти куда-то и оставить его тутъ одного. Онъ, незамѣтно для себя, понемногу придвигался къ дѣду и, когда коснулся его локтемъ, вздрогнулъ, ожидая чего-то страшнаго...

Разорвавъ небо, молнія освѣтила ихъ обоихъ, рядомъ другъ съ другомъ, скорченныхъ, маленькихъ, обливаемыхъ потоками воды съ вѣтвей дерева...

Дѣдъ махалъ рукой въ воздухѣ и все бормоталъ что-то, уже уставая и задыхаясь.

Взглянувъ ему въ лицо, Ленька крикнулъ отъ страха... При синемъ блескѣ молніи оно казалось мертвымъ, а вращавшіеся на немъ тусклые глаза были безумны.

— Дѣдушка!... Пойдемъ!... взвизгнулъ онъ, ткнувъ свою голову въ колѣни дѣда.

Дѣдъ склонился надъ нимъ, обнявъ его своими руками, тонкими и костлявыми, крѣпко прижалъ къ себѣ и, тиская его, вдругъ взвылъ сильно и пронзительно, какъ волкъ, схваченный капканомъ.

Доведенный этимъ воемъ чуть не до сумасшествія, Ленька вырвался отъ него, вскочилъ на ноги и стрѣлой помчался куда-то впередъ, широко раскрывъ глаза, ослѣпляемый молніями, падая, вставая и уходя все глубже въ тьму, которая то исчезала отъ синяго блеска молніи, то снова плотно охватывала обезумѣвшаго отъ страха мальчика.

Громъ ревѣлъ и молніи блистали все чаще и грознѣй. А дождь, падая, шумѣлъ такъ холодно, монотонно, тоскливо... и, наконецъ, казалось, что въ степи ничего и никогда не было, кромѣ шума дождя, блеска молніи и раздраженнаго грохота грома.

Поутру другого дня, выбѣжавъ за околицу, станичные мальчики тотчасъ же воротились назадъ и сдѣлали въ станицѣ тревогу, объявивъ, что видѣли подъ осокорью вчерашняго нищаго и что онъ, должно быть, зарѣзанъ, такъ какъ около него брошенъ кинжалъ.

Но когда старшіе казаки пришли смотрѣть, такъ ли это, то оказалось, что не такъ. Старикъ былъ живъ еще. Когда къ нему подошли, онъ попытался подняться съ земли, но не могъ. У него отнялся языкъ, какъ оказалось, и онъ спрашивалъ всѣхъ о чемъ-то слезящимися глазами и все искалъ ими въ толпѣ, но ничего не находилъ и не получалъ никакого отвѣта.

Къ вечеру онъ умеръ, и зарыли его тамъ же, гдѣ взяли, подъ осокорью, находя, что на погостѣ его хоронить не слѣдуетъ: во-первыхъ—онъ чужой, во-вторыхъ—воръ, а въ-третьихъ—умеръ безъ покаянія. Около него въ грязи нашли кинжалъ и платокъ.

А черезъ два или три дня нашелся Ленька.

Надъ одной степной балкой, недалеко отъ станицы, стали кружиться стаи воронъ, и когда пошли посмотрѣть туда, нашли мальчика, который лежалъ, раскинувъ руки и лицомъ внизъ, въ жидкой грязи, оставшейся послѣ дождя на днѣ балки.

Сначала рѣшили похоронить его на погостѣ, потому что онъ еще ребенокъ, но, подумавъ, положили рядомъ съ дѣдомъ подъ той же осокорью. Насыпали холмъ земли и на немъ поставили грубый каменный крестъ.

ЧЕЛКАШЪ.

(1894—1895.)

Потемнѣвшее отъ поднятой въ гавани пыли голубое южное небо мутно; жаркое солнце тускло смотритъ въ зеленоватое море точно сквозь тонкую сѣрую вуаль. Оно не можетъ отразиться въ водѣ, то и дѣло разсѣкаемой ударами веселъ, пароходныхъ винтовъ, острыми килями турецкихъ фелюгъ и другихъ парусныхъ судовъ, бороздящихъ по всѣмъ направленіямъ тѣсную гавань, въ которой закованныя въ гранитъ свободныя волны моря, подавленныя громадными тяжестями, скользящими по ихъ хребтамъ, бьются о борта судовъ, о берега, бьются и ропщутъ, вспѣненныя ударами, загрязненныя разнымъ хламомъ.

Звонъ якорныхъ цѣпей, грохотъ сцѣпленій у вагоновъ, подвозящихъ грузъ, металлическій вопль желѣзныхъ листовъ, откуда-то падающихъ на камень мостовой, глухой стукъ дерева, дребезжаніе извозчичьихъ телѣгъ, свистки пароходовъ, то пронзительно рѣзкіе, то глухо ревущіе, крики грузчиковъ, матросовъ и таможенныхъ солдатъ,—всѣ эти звуки сливаются въ оглушительную симфонію трудового дня и, мятежно колыхаясь, стоятъ въ небѣ надъ гаванью, какъ бы боясь всплыть выше и исчезнуть въ немъ. А къ нимъ вздымаются съ земли все новыя и новыя волны—то глухія, рокочущія, онѣ сурово сотрясаютъ все кругомъ, то рѣзкія, гремящія, рвутъ пыльный, знойный воздухъ.

Гранитъ, желѣзо, дерево, мостовая гавани, суда и люди—все дышитъ мощными звуками бѣшено-страстнаго гимна Меркурію. Но голоса людей, еле слышные въ немъ, слабы и смѣшны. И сами люди, первоначально родившіе этотъ шумъ, смѣшны и жалки: ихъ фигурки, пыльныя, оборванныя, юркія, согнутыя подъ тяжестью товаровъ, лежащихъ на ихъ спинахъ, суетливо бѣгаютъ то туда, то сюда въ тучахъ пыли, въ морѣ зноя и звуковъ, и такъ они ничтожны, малы по сравненію съ окружающими ихъ желѣзными колоссами, грудами товаровъ, гремящими вагонами и всѣмъ, что они создали. Созданное ими поработило и обезличило ихъ.

Стоя подъ парами, тяжелые гиганты-пароходы то свистѣли, то шипѣли, то какъ-то глубоко вздыхали, и въ каждомъ рожденномъ ими звукѣ чудилась насмѣшливая нота ироническаго презрѣнія къ сѣрымъ, пыльнымъ фигурамъ людей, ползавшихъ по ихъ палубамъ и наполнявшихъ ихъ глубокіе трюмы продуктами своего рабскаго труда. До слезъ смѣшны были длинныя вереницы грузчиковъ, носившихъ на плечахъ своихъ тысячи пудовъ хлѣба въ желѣзные животы судовъ для того, чтобы заработать нѣсколько фунтовъ того же хлѣба для своего желудка. Рваные, потные, отупѣвшіе отъ усталости, шума и зноя люди и могучія, блестѣвшія на солнцѣ дородствомъ и безмятежностью машины, созданныя этими людьми,—машины, которыя въ концѣ концовъ приводились въ движеніе все-таки не паромъ, а мускулами и кровью своихъ творцовъ... въ этомъ сопоставленіи была цѣлая поэма жестокой и холодной ироніи.

Шумъ—подавлялъ, пыль, раздражая ноздри,—слѣпила глаза, зной—пекъ тѣло и изнурялъ его, и все кругомъ—казалось напряженнымъ, назрѣвшимъ, теряющимъ терпѣніе, готовымъ разразиться какой-то грандіозной катастрофой, взрывомъ, за которымъ въ освѣженномъ имъ воздухѣ будетъ дышаться свободно и легко, на землѣ воцарится

тишина, а этотъ пыльный шумъ, оглушительный, раздражающій, доводящій до тоскливаго бѣшенства, исчезнетъ, и въ городѣ, на морѣ, въ небѣ станетъ тихо, ясно, славно... Но это только казалось. Это казалось потому, что человѣкъ еще не усталъ надѣяться на лучшее и желаніе чувствовать себя свободнымъ не умерло въ немъ...

Раздалось двѣнадцать мѣрныхъ и звонкихъ ударовъ въ колоколъ. Когда послѣдній мѣдный звукъ замеръ, дикая музыка труда уже звучала тише почти на половину. Черезъ минуту еще она превратилась въ глухой недовольный ропотъ. Теперь голоса людей и плескъ моря стали слышнѣй. Это—наступило время обѣда.

I.

Когда грузчики, бросивъ работать, разсыпались по всей гавани шумными группами, покупая себѣ у торговокъ разную снѣдь и усаживаясь обѣдать тутъ же на мостовой, въ тѣнистыхъ уголкахъ, срѣди нихъ появился Гришка Челкашъ, старый травленый волкъ, хорошо знакомый гаванскому люду, какъ заядлый пьяница и ловкій, смѣлый воръ. Онъ былъ босъ, въ старыхъ, вытертыхъ плисовыхъ штанахъ, безъ шапки, въ грязной ситцевой рубахѣ съ разорваннымъ воротомъ, открывавшимъ его подвижныя, сухія и угловатыя кости, обтянутыя коричневой кожей. По всклокоченнымъ чернымъ съ просѣдью волосамъ и смятому, острому, хищному лицу былю видно, что онъ только-что проснулся. Въ одномъ буромъ усѣ у него торчала соломина, другая соломина запуталась въ щетинѣ лѣвой бритой щеки, а за ухо онъ заткнулъ себѣ маленькую, только-что сорванную, вѣтку липы. Длинный, костлявый, немного сутулый, онъ медленно шагалъ по камнямъ и, поводя своимъ горбатымъ, хищнымъ носомъ, кидалъ вокругъ себя острые взгляды, поблескивая холодными сѣрыми глазами и высматривая кого-то среди грузчиковъ. Его бурые усы, густые и длинные, то и дѣло

вздрагивали, какъ у кота, а заложенныя за спину руки потирали одна другую, нервно перекручиваясь длинными, кривыми и цѣпкими пальцами. Даже и здѣсь, среди сотенъ такихъ же, какъ онъ, рваныхъ и рѣзкихъ босяцкихъ фигуръ, онъ сразу обращалъ на себя вниманіе своимъ сходствомъ съ степнымъ ястребомъ своей хищной худобой и этой прицѣливающейся походкой, плавной и покойной съ виду, но внутренно возбужденной и зоркой, какъ летъ той хищной птицы, которую онъ напоминалъ.

Когда онъ поровнялся съ одной изъ группъ босяковъ-грузчиковъ, расположившихся въ тѣни подъ грудой корзинъ съ углемъ, ему навстрѣчу всталъ коренастый малый съ глупымъ, въ багровыхъ пятнахъ лицомъ и поцарапанной шеей, очевидно, недавно сильно избитый. Онъ всталъ и пошелъ рядомъ съ Челкашемъ, вполголоса говоря:

— Флотскіе двухъ мѣстъ мануфактуры хватились... Ищутъ. Слышь, Гришка?

— Ну?—спросилъ Челкашъ, спокойно смѣривъ его глазами.

— Чего—ну? Ищутъ, молъ. Больше ничего.

— Меня, что ли, спрашивали, чтобъ помогъ поискать?

И Челкашъ съ острой улыбкой посмотрѣлъ туда, гдѣ возвышался пакгаузъ Добровольнаго флота.

— Пошелъ инъ къ чорту!

Товарищъ повернулъ назадъ.

— Эй, погоди! Кто это тебя изукрасилъ? Ишь какъ испортили вывѣску-то... Мишку не видалъ здѣсь?

— Давно не видалъ!—крикнулъ тотъ, уходя къ своимъ товарищамъ.

Челкашъ пошелъ дальше, встрѣчаемый всѣми, какъ человѣкъ хорошо знакомый. Но онъ, всегда веселый и ѣдкій, былъ сегодня, очевидно, не въ духѣ и отвѣчалъ на разспросы отрывисто и рѣзко.

Откуда-то изъ-за бунта товара вывернулся таможенный сторожъ, темно-зеленый, пыльный и воинственно-

прямой. Онъ загородилъ дорогу Челкашу, вставъ передъ нимъ въ вызывающей позѣ, схватившись лѣвой рукой за ручку кортика, а правой пытаясь взять Челкаша за воротъ.

— Стой! Куда идешь?

Челкашъ отступилъ шагъ назадъ, поднялъ глаза на сторожа и сухо улыбнулся.

Красное, добродушно-хитрое лицо служиваго пыталось изобразить грозную мину, для чего надулось, стало круглымъ, багровымъ, двигало бровями, таращило глаза и было очень смѣшно.

— Сказано тебѣ—въ гавань не смѣй ходить, рёбра изломаю! А ты опять?—грозно кричалъ сторожъ.

— Здравствуй, Семенычъ! мы съ тобой давно не видались,—спокойно поздоровался Челкашъ и протянулъ ему руку.

— Хоть бы вѣкъ тебя не видать! Иди, иди!...

Но Семенычъ все-таки пожалъ протянутую руку.

— Вотъ что скажи,—продолжалъ Челкашъ, не выпуская изъ своихъ цѣпкихъ пальцевъ руки Семеныча и пріятельски-фамильярно потряхивая ее,—ты Мишку не видалъ?

— Какого еще Мишку? Никакого Мишки не знаю! Пошелъ, братъ, вонъ! а то пакгаузный увидитъ, онъ те...

— Рыжаго, съ которымъ я прошлый разъ работалъ на „Костромѣ"?—стоялъ на своемъ Челкашъ.

— Съ которымъ воруешь вмѣстѣ, вотъ какъ скажи! Въ больницу его свезли, Мишку твоего, ногу отдавило чугунной штыкой. Поди, братъ, пока честью просятъ, поди, а то въ шею провожу!...

— Ага, ишь ты! а ты говоришь—не знаю Мишки... Знаешь вотъ. Ты чего же такой сердитый, Семенычъ?...

— Вотъ что, Гришка, ты мнѣ зубы не заговаривай, а иди!...

Сторожъ началъ сердиться и, оглядываясь по сторонамъ, пытался вырвать свою руку изъ крѣпкой руки

Челкаша. Челкашъ спокойно посматривалъ на него изъподъ своихъ густыхъ бровей, улыбался себѣ въ усы и, не отпуская его руки, продолжалъ разговаривать:

— Ты не торопи меня. Я вотъ наговорюсь съ тобой вдосталь и уйду. Ну, сказывай, какъ живешь?... жена, дѣтки—здоровы?—И зловѣще сверкая глазами, онъ, оскаливъ зубы насмѣшливой улыбкой, добавилъ: — въ гости къ тебѣ собираюсь, да все времени нѣтъ—пью все вотъ...

— Ну... ну... ты это брось!... Ты... не шути, дьяволъ костлявый! Я, братъ, въ самомъ дѣлѣ... Али ты ужъ по домамъ, по улицамъ грабить собираешься?

— Зачѣмъ? И здѣсь на нашъ съ тобой вѣкъ добра хватитъ. Ей Богу хватитъ, Семенычъ! Ты, слышь, опять два мѣста мануфактуры слямзилъ?... Смотри, Семенычъ, осторожнѣй! не попадись какъ-нибудь!...

Возмущенный нахальствомъ Челкаша, Семенычъ весь затрясся, брызгая слюной и пытаясь что-то сказать. Челкашъ отпустилъ его руку и спокойно зашагалъ длинными ногами назадъ, къ воротамъ гавани. Сторожъ, неистово ругаясь, двинулся за нимъ.

Челкашъ повеселѣлъ; онъ тихо посвистывалъ сквозь зубы и, засунувъ руки въ карманы штановъ, шелъ медленной походкой свободнаго человѣка, отпуская направо и налѣво колкіе смѣшки и шутки. Вслѣдъ ему платили тѣмъ же.

— Ишь ты, Гришка, начальство-то какъ тебя оберегаетъ!—крикнулъ кто-то изъ толпы грузчиковъ, уже пообѣдавшихъ и валявшихся на землѣ, отдыхая.

— Я—босый, ну такъ вотъ Семенычъ слѣдитъ, какъ бы мнѣ ногу не напортить на что,—отвѣтилъ Челкашъ.

Подошли къ воротамъ. Два солдата ощупали Челкаша и легонько вытолкнули его на улицу.

— Не пускайте вы его!—крикнулъ Семенычъ, оставшійся во дворѣ гавани.

Челкашъ перешелъ черезъ дорогу и сѣлъ на тумбочку

противъ дверей кабака. Изъ воротъ гавани съ грохотомъ выѣзжала безконечная вереница нагруженныхъ телѣгъ. Навстрѣчу имъ неслись порожнія телѣги съ извозчиками, подпрыгивавшими на нихъ. Гавань изрыгала воющій громъ, ѣдкую пыль и сотрясала землю.

Привыкшій къ этой бѣшеной сутолокѣ, Челкашъ, возбужденный сценой съ Семенычемъ, чувствовалъ себя прекрасно. Впереди ему улыбался солидный заработокъ, требовавшій немного труда и много ловкости. Онъ былъ увѣренъ, что ея хватитъ у него и, щуря глаза, мечталъ о томъ, какъ загуляетъ завтра поутру, когда все будетъ справлено и въ его карманѣ явятся кредитныя бумажки... Затѣмъ ему вспомнился товарищъ Мишка, который очень пригодился бы сегодня ночью, если бы не сломалъ себѣ ногу. Челкашъ про-себя обругался, думая, что одному ему, безъ Мишки, пожалуй, и не справиться со всѣмъ этимъ. Какова-то будетъ ночь?... Онъ посмотрѣлъ на небо и вдоль по улицѣ.

Шагахъ въ шести отъ него, у троттуара, на мостовой, прислонясь спиной къ тумбочкѣ, сидѣлъ молодой парень въ синей пестрядиной рубахѣ, въ такихъ же штанахъ, въ лаптяхъ и въ оборванномъ рыжемъ картузѣ. Около него лежала маленькая котомка и коса безъ черенка, обернутая въ жгутъ изъ сѣна, аккуратно перекрученный веревочкой. Парень былъ широкоплечъ, коренастъ, русъ, съ загорѣлымъ и обвѣтреннымъ лицомъ и съ большими голубыми глазами, смотрѣвшими на Челкаша довѣрчиво и добродушно.

Челкашъ оскалилъ зубы, высунулъ языкъ и, сдѣлавъ страшную рожу, упорно уставился на него вытаращенными глазами.

Парень, сначала недоумѣвая, смигнулъ, но потомъ вдругъ расхохотался, крикнулъ сквозь смѣхъ: ахъ, чудакъ! и, почти не вставая съ земли, неуклюже перевалился отъ своей тумбочки къ тумбочкѣ Челкаша, волоча свою котомку по пыли и постукивая пяткой косы о камни.

— Что, братъ, погулялъ, видно, здорово!... — обратился онъ къ Челкашу, дернувъ его штанину.

— Было дѣло, сосунокъ, было этакое дѣло!—открыто сознался Челкашъ. Ему сразу понравился этотъ здоровый, добродушный парень съ ребячьими свѣтлыми глазами.—Съ косовицы, что ли?

— Какъ же!... Косили версту—выкосили грошъ. Плохи дѣла-то! Нар-роду—уйма! Голодающій этотъ самый приплелся... цѣну сбили, хоть не берись. Шесть гривенъ въ Кубани платили. Дѣла!... А раньше-то, говорятъ, три цѣлковыхъ цѣна, четыре, пять!...

— Раньше!... Раньше-то за одно поглядѣнье на русскаго человѣка тамъ трешню платили. Я вотъ годовъ десять тому назадъ этимъ самымъ и промышлялъ. Придешь въ станицу—русскій, молъ, я!—Сейчасъ тебя поглядятъ, пощупаютъ, подивуются и—получи три рубля! Да напоятъ, накормятъ. И живи, сколько хочешь!

Парень, слушая Челкаша, сначала широко открывалъ ротъ, выражая на круглой физіономіи недоумѣвающее восхищеніе, но потомъ, понявъ, что этотъ оборванецъ вретъ, шлепнулъ губами и захохоталъ. Челкашъ сохранялъ серьезную мину, скрывая улыбку въ своихъ усахъ.

— Чудакъ, говоришь будто правду, а я слушаю да вѣрю... Нѣтъ, ей Богу, раньше тамъ...

— Ну, а я про что? Вѣдь и я говорю, что, молъ, тамъ раньше...

— Поди ты!...—махнулъ рукой парень.—Сапожникъ, что ли? Али портной?... ты-то?

— Я-то?—переспросилъ Челкашъ и, подумавъ, сказалъ:—Рыбакъ я...

— Рыба-акъ! Ишь ты! Что же, ловишь рыбу?...

— Зачѣмъ рыбу? Здѣшніе рыбаки не одну рыбу ловятъ. Больше утопленниковъ, старые якорья, потонувшія суда—все! Удочки такія есть для этого...

— Ври, ври!... Изъ тѣхъ, можетъ, рыбаковъ, которые про себя поютъ:

Мы закидываемъ сѣти
По сухіимъ берегамъ,
Да по амбарамъ, по клѣтямъ!...

— А ты видалъ такихъ?—спросилъ Челкашъ, съ усмѣшкой поглядывая на него и думая, что этотъ славный парень очень глупъ.

— Нѣтъ, видать гдѣ же! Слыхивалъ...

— Нравятся?

— Они-то? Какъ же!... Ничего ребята, вольные... свободные...

— А что тебѣ... свобода?... Ты развѣ любишь свободу?

— Да вѣдь какъ же? Самъ себѣ хозяинъ, пошелъ—куда хошь, дѣлай—что хошь... Еще бы! Коли сумѣешь себя въ порядкѣ держать, да на шеѣ у тебя камней нѣтъ,—первое дѣло! Гуляй знай, какъ хошь, Бога только помни...

Челкашъ презрительно сплюнулъ и прервалъ свои вопросы, отвернувшись отъ парня.

— Сейчасъ вотъ мое дѣло...—вдругъ вдохновился тотъ.—Какъ отецъ у меня умеръ, хозяйство малое, мать старуха, земля вся высосана, что я долженъ дѣлать? Жить надо. А какъ? Неизвѣстно. Пойду я въ зятья въ хорошій домъ. Ладно. Кабы выдѣлили дочь-то!... Нѣтъ вѣдь—тесть-дьяволъ не выдѣлитъ. Ну, и буду я ломить на него... долго... года. Вишь какія дѣла-то! А кабы мнѣ рублей ста полтора заробить, сейчасъ бы я это на ноги всталъ и Антипу-то на-ко-ся, выкуси! Хошь выдѣлить Марѳу? Нѣтъ? не надо! Слава Богу, дѣвокъ въ деревнѣ не одна она. И былъ бы я, значитъ, совсѣмъ свободенъ, самъ по себѣ... Н-да!—Парень вздохнулъ.—А теперь ничего не подѣлаешь иначе, какъ въ зятья идти. Думалъ было я: вотъ, молъ, на Кубань-то пойду, рублевъ два ста тяпну,—шабашъ! баринъ!... Анъ оно и тю-тю!... не выгорѣло. Ну, и пойдешь въ зятья! Въ батраки... Потому своимъ хозяйствомъ не справлюсь я... ни въ какомъ разѣ! Эхе-хе!...

Парню сильно не хотѣлось идти въ зятья. У него даже лицо потускнѣло и сдѣлалось печальнымъ. Онъ тяжело заерзалъ на землѣ и вывелъ Челкаша изъ раздумья, въ которое тотъ погрузился подъ его рѣчи.

Челкашъ почувствовалъ, что ему уже не хочется разговаривать, но почему-то все-таки спросилъ еще:

— Теперь куда жъ ты?

— Да вѣдь куда? Извѣстно домой.

— Ну, братъ, мнѣ это неизвѣстно... можетъ, ты въ Турцію собрался...

— Въ Ту-урцію!...—протянулъ парень.—Кто жъ это туда ходитъ изъ православныхъ? Сказалъ тоже!...

— Экой ты дуракъ!—вздохнулъ Челкашъ и снова отворотился отъ собесѣдника, на этотъ разъ почувствовавъ полное нежеланіе кинуть ему хотя бы слово. Въ немъ этотъ здоровый деревенскій парень что-то будилъ...

Смутное, медленно назрѣвавшее, досадливое чувство копошилось гдѣ-то глубоко и мѣшало ему сосредоточиться и обдумать все то, что нужно было сдѣлать въ эту ночь.

Обруганный парень бормоталъ что-то вполголоса, изрѣдка бросая на босяка косые взгляды. У него смѣшно надулись щеки, оттопырились губы и суженные глаза какъ-то черезчуръ часто и смѣшно помаргивали. Онъ, очевидно, не ожидалъ, что его разговоръ съ этимъ усатымъ оборванцемъ кончится такъ быстро и обидно.

Оборванецъ не обращалъ больше на него вниманія. Онъ задумчиво посвистывалъ, сидя на тумбочкѣ и отбивая по ней тактъ голой, грязной пяткой.

Парню хотѣлось поквитаться съ нимъ.

— Эй ты, рыбакъ! Часто это ты запиваешь-то?—началъ было онъ, но въ тотъ же моментъ рыбакъ быстро обернулъ къ нему лицо, спросивъ его:

— Слушай, сосунъ! Хочешь сегодня ночью работать со мной? а? Говори скорѣй!

— Чего работать?—недовѣрчиво спросилъ парень.

— Ну, чего!... чего заставлю... Рыбу ловить поѣдемъ. Грести будешь...

— Такъ... Что же? Ничего. Работать можно. Только вотъ... не влетѣть бы во что съ тобой. Больно ты закомуристъ... теменъ ты...

Челкашъ почувствовалъ нѣчто вродѣ ожога въ груди и съ холодной злобой вполголоса проговорилъ:

— А ты не болтай, чего не смыслишь. Я те вотъ долбану по башкѣ-то, такъ тогда у тебя въ ней просвѣтлѣетъ...

Онъ соскочилъ съ тумбочки, дернулъ лѣвой рукой свой усъ, а правую сжалъ въ желѣзный жилистый кулакъ и заблестѣлъ глазами.

Парень испугался. Онъ быстро оглянулся вокругъ и, робко моргая, тоже вскочилъ съ земли. Мѣряя другъ друга глазами, они помолчали.

— Ну?—сурово спросилъ Челкашъ. Онъ кипѣлъ и вздрагивалъ отъ оскорбленія, нанесеннаго ему этимъ молоденькимъ теленкомъ, котораго онъ во все время разговора съ нимъ презиралъ, а теперь сразу возненавидѣлъ за то, что у него такіе чистые голубые глаза, здоровое, загорѣлое лицо, короткія, крѣпкія руки, за то, что онъ имѣетъ гдѣ-то тамъ деревню, домъ въ ней, за то, что его приглашаетъ въ зятья зажиточный мужикъ, за всю его жизнь прошлую и будущую, а больше всего за то, что онъ, этотъ ребенокъ по сравненію съ нимъ, Челкашомъ, смѣетъ любить свободу, которой не знаетъ цѣны и которая ему не нужна. Всегда непріятно видѣть, что человѣкъ, котораго ты считаешь хуже и ниже себя, любитъ или ненавидитъ то же, что и ты, и такимъ образомъ становится похожимъ на тебя.

Парень смотрѣлъ на Челкаша и чувствовалъ въ немъ хозяина.

— Вѣдь я...—заговорилъ онъ,—непрочь... Я радъ. Работы вѣдь и ищу. Мнѣ все равно у кого работать, у тебя или у другого. Я только къ тому сказалъ, что не

похожъ ты на рабочаго человѣка... больно ужъ тово... драный. Ну, я вѣдь знаю, что это со всякимъ можетъ быть. Господи, рази я не видалъ пьяницъ! Эхъ, сколько!... да еще и не такихъ, какъ ты.

— Ну, ладно, ладно! Такъ согласенъ?—уже мягче переспросилъ Челкашъ.

— Я-то? Айда!... съ моимъ удовольствіемъ! Говори цѣну.

— Цѣна у меня по работѣ. Какая работа будетъ. Какой уловъ, значитъ... Пятитку можешь получить. Понялъ?

Но теперь дѣло касалось денегъ, а тутъ крестьянинъ хотѣлъ быть точнымъ и требовалъ той же точности отъ своего нанимателя. У парня вновь вспыхнуло недовѣріе и подозрительность.

— Это мнѣ не рука, братъ! Мнѣ бы синицу въ руки...

Челкашъ вошелъ въ роль:

— Не толкуй, погоди! Идемъ въ трактиръ!

И они пошли по улицѣ рядомъ другъ съ другомъ, Челкашъ—съ важной миной хозяина, покручивая усы, парень—съ выраженіемъ полной готовности подчиниться, но все-таки полный недовѣрія и боязни.

— А какъ тебя звать?—спросилъ Челкашъ.

— Гавриломъ!—отвѣтилъ парень.

Когда они пришли въ грязный и закоптѣлый трактиръ, Челкашъ, подойдя къ буфету, фамильярнымъ тономъ завсегдатая заказалъ бутылку водки, щей, поджарку изъ мяса, чаю, и, перечисливъ требуемое, коротко бросилъ буфетчику: „въ долгъ все!", на что буфетчикъ молча кивнулъ головой. Тутъ Гаврила сразу преисполнился уваженіемъ къ своему хозяину, который, несмотря на свой видъ жулика, пользуется такой извѣстностью и довѣріемъ.

— Ну, вотъ мы теперь закусимъ и поговоримъ толкомъ. Пока ты посиди, а я схожу кое-куда.

Онъ ушелъ. Гаврила осмотрѣлся кругомъ. Трактиръ помѣщался въ подвалѣ; въ немъ было сыро, темно и весь онъ былъ полонъ удушливымъ запахомъ перегорѣлой водки, табачнаго дыма, смолы и еще чего-то остраго. Противъ Гаврилы, за другимъ столомъ, сидѣлъ пьяный человѣкъ въ матросскомъ костюмѣ, съ рыжей бородой, весь въ угольной пыли и смолѣ. Онъ урчалъ, поминутно икая, пѣсню, всю изъ какихъ-то перерванныхъ и изломанныхъ словъ, то страшно шипящихъ, то гортанныхъ. Онъ былъ, очевидно, не русскій.

Сзади его помѣстились двѣ молдаванки, оборванныя, черноволосыя, загорѣлыя и тоже скрипѣвшія какую-то пѣсню пьяными голосами.

Потомъ изъ тьмы выступали еще какія-то фигуры, всѣ странно растрепанныя, всѣ полупьяныя, крикливыя, безпокойныя...

Гаврилѣ стало жутко тутъ одному. Ему захотѣлось, чтобы хозяинъ воротился скорѣе. А шумъ въ трактирѣ сливался въ одну ноту, и казалось, что это рычитъ какое-то огромное животное. Оно обладаетъ сотней разнообразныхъ голосовъ, раздраженно, слѣпо рвется вонъ изъ этой каменной ямы и не находитъ выхода на волю... Гаврила чувствовалъ, какъ въ его тѣло всасывается что-то опьяняющее и тягостное, отъ чего у него кружилась голова и туманились глаза, любопытно и со страхомъ бѣгавшіе по трактиру...

Пришелъ Челкашъ, и они стали ѣсть и пить, разговаривая. Съ третьей рюмки Гаврила опьянѣлъ. Ему стало весело и хотѣлось сказать что-нибудь пріятное своему хозяину, который,—славный парень!—ничего не видя, такъ вкусно угостилъ его. Но слова, цѣлыми волнами подливавшіяся ему къ горлу, почему-то не сходили съ языка, вдругъ отяжелѣвшаго.

Челкашъ смотрѣлъ на него и, насмѣшливо улыбаясь, говорилъ:

— Наклюкался!... Э-эхъ, тюря!... съ пяти рюмокъ!... какъ работать-то будешь?...

— Другъ!...—лепеталъ Гаврила.—Не бойсь! Я тебѣ уважу!... т.-е. вотъ какъ!... Дай поцѣлую тебя!... а?...

— Ну, ну!... На̀, еще клюкни!

Гаврила пилъ и дошелъ, наконецъ, до того, что у него въ глазахъ все стало колебаться ровными, волнообразными движеніями. Это было непріятно и отъ этого тошнило. Лицо у него сдѣлалось глупо-восторженное. Пытаясь сказать что-нибудь, онъ смѣшно шлепалъ губами и мычалъ. Челкашъ, пристально поглядывая на него, точно вспоминалъ что-то, крутилъ свои усы и все улыбался, теперь уже хмуро и зло.

А трактиръ ревѣлъ пьянымъ шумомъ. Рыжій матросъ спалъ, облокотясь на столъ.

— Ну-ка, идемъ!—сказалъ Челкашъ, вставая.

Гаврила попробовалъ подняться, но не смогъ и, крѣпко обругавшись, засмѣялся безсмысленнымъ смѣхомъ пьянаго.

— Развезло!—молвилъ Челкашъ, снова усаживаясь противъ него на стулъ.

Гаврила все хохоталъ, тупыми глазами поглядывая на хозяина. И тотъ смотрѣлъ на него пристально, зорко и задумчиво. Онъ видѣлъ предъ собою человѣка, жизнь котораго попала въ его волчьи лапы. Онъ, Челкашъ, чувствовалъ себя въ силѣ повернуть ее и такъ, и этакъ. Онъ могъ разломать ее, какъ карту, и могъ помочь ей установиться въ прочныя крестьянскія рамки. Чувствуя себя господиномъ другого, онъ наслаждался и думалъ о томъ, что этотъ парень никогда не изопьетъ такой чаши, какую судьба дала испить ему, Челкашу... И онъ завидовалъ и сожалѣлъ объ этой молодой жизни, подсмѣивался надъ ней и даже огорчался за нее, представляя, что она можетъ еще разъ попасть въ такія руки, какъ его... И всѣ чувства въ концѣ концовъ слились у Челкаша въ одно—нѣчто

отеческое и хозяйственное. Малаго было жалко и малый былъ нуженъ. Тогда Челкашъ взялъ Гаврилу подъ мышки и, легонько толкая его сзади колѣномъ, вывелъ на дворъ трактира, гдѣ сложилъ на землю въ тѣнь отъ полѣнницы дровъ, а самъ сѣлъ около него и закурилъ трубку. Гаврила немного повозился, помычалъ и заснулъ.

II.

— Ну, готовъ? — вполголоса спросилъ Челкашъ у Гаврилы, возившагося съ веслами.

— Сейчасъ! Уключина вотъ шатается, — можно разокъ вдарить весломъ?

— Ни-ни! Никакого шуму! Надави ее руками крѣпче, она и войдетъ себѣ на мѣсто.

Оба они тихо возились съ лодкой, привязанной къ кормѣ одной изъ цѣлой флотиліи парусныхъ барокъ, пагруженныхъ дубовой клепкой, и большихъ турецкихъ фелюгъ, на половину разгруженныхъ, на половину еще занятыхъ пальмой, сандаломъ и толстыми кряжами кипариса.

Ночь была темная, по небу двигались толстые пласты лохматыхъ тучъ и море было покойно, черно и густо, какъ масло. Оно дышало влажнымъ соленымъ ароматомъ и ласково звучало, плескаясь о борта судовъ, о берегъ и чуть-чуть покачивая лодку Челкаша. На далекое пространство отъ берега съ моря подымались темные остовы судовъ, вонзая въ небо острыя мачты съ разноцвѣтными фонарями на вершинахъ. Море отражало огни фонарей и было усѣяно массой желтыхъ пятенъ. Они красиво трепетали на его бархатной груди, мягкой, матово-черной и такъ ровно, могуче вздымавшейся. Море спало здоровымъ, крѣпкимъ сномъ работника, который сильно усталъ за день.

— Ѣдемъ! — сказалъ Гаврила, спуская весла въ воду.

— Есть! — Челкашъ сильнымъ ударомъ руля выгналъ лодку въ полосу воды между барками, она быстро поплыла по скользкой водѣ, и вода подъ ударами веселъ загоралась голубоватымъ фосфорическимъ сіяніемъ. Длинная лента такого сіянія, мягко сверкая, вилась за кормой лодки.

— Ну, что голова? болитъ? — ласково спросилъ Челкашъ.

— Страсть!... какъ чугунъ гудитъ... Намочу ее водой сейчасъ.

— Зачѣмъ? Ты на̀-ко вотъ нутро помочи, можетъ, скорѣе очухаешься, — и онъ протянулъ Гаврилѣ бутылку.

— Ой ли? Господи благослови!...

Послышалось тихое булькanье.

— Эй ты! радъ?... будетъ!—остановилъ его Челкашъ.

Лодка помчалась снова, безшумно и легко вертясь среди судовъ... Вдругъ она вырвалась изъ ихъ толпы, и море—безконечное, могучее, блестящее—развернулось передъ ними, уходя въ синюю даль, гдѣ изъ водъ его вздымались въ небо горы тучъ — лилово-сизыхъ, съ желтыми пуховыми каймами по краямъ, зеленоватыхъ, цвѣта морской воды и тѣхъ скучныхъ, свинцовыхъ тучъ, что бросаютъ отъ себя такія тоскливыя, тяжелыя тѣни, угнетающія умъ и душу. Онѣ ползли такъ медленно одна на другую и, то сливаясь, то обгоняя другъ друга, мѣшали свои цвѣта и формы, поглощая сами себя и вновь возникая въ новыхъ очертаніяхъ, величественныя и угрюмыя... И что-то роковое было въ этомъ медленномъ движеніи бездушныхъ массъ. Казалось, что тамъ, на краю моря, ихъ безконечно много и что они всегда будутъ такъ равнодушно всползать на небо, задавшись тупо злой цѣлью не позволять ему никогда больше блестѣть надъ соннымъ моремъ милліонами своихъ золотыхъ очей—разноцвѣтныхъ звѣздъ, живыхъ и мечтательно сіяющихъ, воз-

буждающихъ высокія желанія въ людяхъ, которымъ дорогъ ихъ святой и чистый блескъ.

— Хорошо море?—спросилъ Челкашъ.

— Ничего! Только боязно въ немъ,—отвѣтилъ Гаврила, ровно и сильно ударяя веслами по водѣ. Вода чуть слышно звенѣла и плескалась подъ ударами длинныхъ веселъ, плескалась и все блестѣла этимъ теплымъ голубымъ свѣтомъ фосфора.

— Боязно! Экая дура!... — насмѣшливо проворчалъ Челкашъ.

Онъ, воръ и циникъ, любилъ море. Его кипучая, нервная натура, жадная на впечатлѣнія, никогда не пресыщалась созерцаніемъ этой темной широты, безкрайной, свободной и мощной. И ему было обидно слышать такой отвѣтъ на свой вопросъ о красотѣ того, что онъ любилъ. Сидя на кормѣ, онъ рѣзалъ своимъ весломъ воду и смотрѣлъ впередъ спокойно, полный желанія ѣхать долго и далеко по этой бархатной глади.

На морѣ въ немъ всегда поднималось широкое, теплое чувство, охватывавшее всю его душу и немного очищавшее ее отъ житейской скверны. Онъ цѣнилъ это и любилъ видѣть себя лучшимъ тутъ, среди воды и воздуха, гдѣ думы о жизни и сама жизнь всегда теряютъ—первыя—остроту, вторая—цѣну. По ночамъ надъ моремъ плавно носится мягкій шумъ его соннаго дыханія, этотъ необъятный звукъ вливаетъ въ душу человѣка спокойствіе и, ласково укрощая ея злые порывы, родитъ въ ней могучія мечты...

— А снасть-то гдѣ? Э!—вдругъ спросилъ Гаврила, безпокойно оглядывая лодку.

Челкашъ вздрогнулъ.

— Снасть? Она у меня въ кормѣ.

— Какая же это снасть? — снова съ подозрѣніемъ въ голосѣ освѣдомился Гаврила.

— Какая?... подпуска и...

Но Челкашу стало стыдно врать предъ этимъ маль-

чишкой, скрывая истинныя свои задачи, и ему было жаль тѣхъ думъ и чувствъ, которыя уничтожилъ этотъ парень своимъ вопросомъ. Онъ разсердился. Знакомое ему острое жженіе въ груди и у горла передернуло его, и онъ внушительно и жестко сказалъ Гаврилѣ:

— Ты вотъ что, сидишь, ну и сиди! А не въ свое дѣло носа не суй. Наняли тебя грести, ты и греби. А коли будешь языкомъ трепать, будетъ плохо. Понялъ?...

На минуту лодка дрогнула и остановилась. Весла остались въ водѣ, вспѣнивая ее, и Гаврила безпокойно завозился на скамьѣ.

— Греби!

Рѣзкое ругательство потрясло воздухъ. Гаврила взмахнулъ веслами. Лодка точно испугалась и пошла быстрыми, нервными толчками, съ шумомъ разрѣзая воду.

— Ровнѣй!...

Челкашъ привсталъ съ кормы, не выпуская весла изъ рукъ и воткнувъ свои холодные глаза въ блѣдное, съ трясущимися губами лицо Гаврилы. Изогнувшійся, наклоняясь впередъ, онъ походилъ на кошку, готовую прыгнуть. Слышно было злое скрипѣніе зубовъ и робкое пощелкиваніе какими-то костяшками.

— Кто кричитъ?—раздался съ моря суровый окрикъ.

— Ну, дьяволъ, греби же!... тише веслами!... убью, собаку!... Ну же, греби!... Разъ, два! Ну! Пикни только!... Рразорву!...—шипѣлъ Челкашъ.

— Богородице... дѣво...—шепталъ Гаврила, дрожа и изнемогая отъ страха и усилій.

Лодка плавно повернулась и пошла назадъ къ гавани, гдѣ огни фонарей столпились въ разноцвѣтную группу и видны были стволы мачтъ.

— Эй! кто оретъ?—донеслось снова.

Теперь голосъ былъ дальше, чѣмъ въ первый разъ. Челкашъ успокоился.

— Самъ ты, другъ, и орешь! — сказалъ онъ по на-

правленію криковъ и затѣмъ обратился къ Гаврилѣ, все еще шептавшему молитву: — Ну, братъ, счастье твое! Кабы эти дьяволы погнались за нами — конецъ тебѣ. Чуешь? Я бы тебя сразу... къ рыбамъ!...

Теперь, когда Челкашъ говорилъ спокойно и даже добродушно, Гаврила, все еще дрожащій отъ страха, взмолился:

— Слушай, отпусти ты меня! Христомъ прошу, отпусти! Высади куда-нибудь! Ай-ай-ай!... Про-опалъ я совсѣмъ!... Ну, вспомни Бога, отпусти! Что я тебѣ? Не могу я этого!... Не бывалъ я въ такихъ дѣлахъ... Первый разъ... Господи! Пропаду вѣдь я! Какъ ты это, братъ, обошелъ меня? а? Грѣшно тебѣ!... Душу вѣдь губишь!... Ну, дѣла-а...

— Какія дѣла?—сурово спросилъ Челкашъ.—А? Ну, какія дѣла?

Его забавлялъ страхъ парня, и онъ наслаждался и страхомъ Гаврилы, и тѣмъ, что вотъ какой онъ, Челкашъ, грозный человѣкъ.

— Темныя дѣла, братъ... Пусти для Бога!... Что я тебѣ?... а? Милый...

— Ну, молчи! Не нуженъ былъ бы ты, такъ я тебя не бралъ бы. Понялъ?—ну и молчи!

— Господи!—рыдая, вздохнулъ Гаврила.

— Ну-ну!... куксись у меня!—оборвалъ его Челкашъ.

Но Гаврила теперь уже не могъ удержаться и, тихо всхлипывая, плакалъ, сморкался, ерзалъ по лавкѣ, но гребъ сильно, отчаянно. Лодка мчалась стрѣлой. Опять на дорогѣ встали темные корпуса судовъ и лодка опять потерялась въ нихъ, волчкомъ вертясь въ узкихъ полосахъ воды между бортами.

— Эй ты! слушай! Буде спроситъ кто о чемъ — молчи, коли живъ быть хочешь! Понялъ?

— Эхма!...—безнадежно вздохнулъ Гаврила въ отвѣтъ на суровое приказаніе и горько добавилъ:—Судьбина моя пропащая!...

— Не вой!—внушительно шепнулъ Челкашъ.

Гаврила отъ этого шопота потерялъ всякую способность соображать что-либо и помертвѣлъ, охваченный холоднымъ предчувствіемъ бѣды. Онъ машинально опускалъ весла въ воду, откидывался назадъ, вынималъ ихъ, бросалъ снова и все время упорно смотрѣлъ на свои лапти.

Сонный шумъ волнъ гудѣлъ угрюмо и былъ страшенъ. Вотъ гавань... За ея гранитной стѣной слышались людскіе голоса, плескъ воды, пѣсня и тонкіе свистки.

— Стой!—шепнулъ Челкашъ.—Бросай весла! Упирайся руками въ стѣну! Тише, чортъ!...

Гаврила, цѣпляясь руками за скользкій камень, повелъ лодку вдоль стѣны. Лодка двигалась безъ шороха, скользя бортомъ по наросшей на камнѣ слизи.

— Стой!... Дай весла! дай сюда! А паспортъ у тебя гдѣ? въ котомкѣ? Дай котомку! Ну, давай скорѣй! Это, милъ другъ, для того, чтобы ты не удралъ... Теперь не удерешь. Безъ веселъ-то ты бы кое-какъ могъ удрать, а безъ паспорта побоишься. Жди! Да смотри, коли ты пикнешь—на днѣ моря найду!...

И вдругъ, уцѣпившись за что-то руками, Челкашъ поднялся на воздухъ и исчезъ на стѣнѣ.

Гаврила вздрогнулъ... Это вышло такъ быстро. Онъ почувствовалъ, какъ съ него сваливается, сползаетъ та проклятая тяжесть и страхъ, который онъ чувствовалъ при этомъ усатомъ худомъ ворѣ... Бѣжать теперь!... И онъ, свободно вздохнувъ, оглянулся кругомъ. Слѣва отъ него возвышался черный корпусъ безъ мачтъ, какой-то огромный гробъ, безлюдный и пустой... Каждый ударъ волны въ его бока родилъ въ немъ глухое, гулкое эхо, похожее на тяжелый вздохъ. Справа надъ водой тянулась сырая каменная стѣна мола, какъ холодная и тяжелая змѣя. Сзади виднѣлись тоже какіе-то черные остовы, а спереди, въ отверстіе между стѣной и

бортомъ этого гроба, видно было море, молчаливое, пустынное, съ черными надъ нимъ тучами. И онѣ медленно двигались, огромныя, тяжелыя, источая изъ тьмы своей ужасъ и готовыя раздавить человѣка тяжестью своей. Все было холодно, черно, зловѣще. Гаврилѣ стало страшно. Этотъ страхъ былъ хуже страха, навѣяннаго на него Челкашемъ; онъ охватилъ грудь Гаврилы крѣпкимъ объятіемъ, сжалъ его въ робкій комокъ и приковалъ къ скамьѣ лодки...

А кругомъ все молчало. Ни звука, кромѣ вздоховъ моря, и казалось, что это молчаніе вотъ-вотъ разразится чѣмъ-то страшнымъ, бѣшено-громкимъ, чѣмъ-то такимъ, что потрясетъ все море до дна, разорветъ тяжелыя стаи тучъ на небѣ и раскидаетъ по пустынѣ моря всѣ эти черныя суда. Тучи ползли по небу такъ же медленно и скучно, какъ и раньше, но ихъ все больше вздымалось изъ моря, и можно было, глядя на небо, думать, что и оно—тоже море, только море взволнованное и опрокинутое надъ другимъ, соннымъ, покойнымъ и гладкимъ. Тучи походили на волны, ринувшіяся на землю внизъ кудрявыми сѣдыми хребтами, и на пропасти, изъ которыхъ вырваны эти волны вѣтромъ, и на зарождавшіеся валы, еще не покрытые зеленоватой пѣной бѣшенства и гнѣва.

Гаврила чувствовалъ себя раздавленнымъ этой мрачной тишиной и красотой и чувствовалъ, что онъ хочетъ видѣть скорѣе хозяина. А какъ онъ тамъ останется?... Время шло медленно, медленнѣе, чѣмъ ползли тѣ тучи по небу... И тишина отъ времени становилась все зловѣщѣй... Но вотъ за стѣной мола послышался плескъ, шорохъ и что-то похожее на шопотъ. Гаврилѣ показалось, что онъ сейчасъ умретъ...

— Эй! Спишь? Держи!... осторожно!...—раздался глухой голосъ Челкаша.

Со стѣны спускалось что-то кубическое и тяжелое. Гаврила принялъ это въ лодку. Спустилось еще одно

такое же. Затѣмъ поперекъ стѣны вытянулась длинная фигура Челкаша, откуда-то явились весла, къ ногамъ Гаврилы упала его котомка, и тяжело дышавшій Челкашъ усѣлся на кормѣ.

Гаврила радостно и робко улыбался, глядя на него.

— Усталъ?—спросилъ онъ.

— Не безъ того, теля! Ну-ка, гребни добре! Дуй во всю силу!... Хорошо ты, братъ, заработалъ! Полъ-дѣла сдѣлали. Теперь только у чертей между глазъ проплыть, а тамъ—получай денежки и ступай къ своей Машкѣ. Машка-то есть у тебя? Эй, дитятко?

— Н...нѣту! — Гаврила старался во всю силу, работая грудью, какъ мѣхами, и руками, какъ стальными пружинами. Вода подъ лодкой рокотала и голубая полоса за кормой теперь была шире. Гаврила сразу весь облился потомъ, но продолжалъ грести во всю силу. Переживъ дважды въ эту ночь такой страхъ, онъ теперь боялся пережить его въ третій разъ и желалъ одного: скорѣе кончить эту проклятую работу, сойти на землю и бѣжать отъ этого человѣка, пока онъ въ самомъ дѣлѣ не убилъ или не завелъ его въ тюрьму. Онъ рѣшилъ не говорить съ нимъ ни о чемъ, не противорѣчить ему, дѣлать все, что онъ велитъ, и, коли удастся благополучно развязаться съ нимъ, завтра же отслужить молебенъ Николаю Чудотворцу... Изъ его груди готова была вылиться страстная молитва... Но онъ сдерживался, пыхтѣлъ, какъ паровикъ, и молчалъ, исподлобья кидая взгляды на Челкаша.

А тотъ, сухой, длинный, нагнувшійся впередъ и похожій на птицу, готовую летѣть куда-то, смотрѣлъ во тьму впередъ лодки своими ястребиными очами и, поводя хищнымъ, горбатымъ носомъ, одной рукой цѣпко держалъ ручку руля, а другой теребилъ свой усъ, вздрагивавшій отъ улыбокъ, то и дѣло кривившихъ его тонкія губы. Челкашъ былъ доволенъ своей удачей, собой и этимъ парнемъ, такъ сильно запуганнымъ имъ

и превратившимся въ его раба. Онъ предвкушалъ широкій кутежъ завтра, а теперь наслаждался своей силой и порабощеніемъ этого молодого, свѣжаго парня. Онъ смотрѣлъ, какъ тотъ старался, и ему стало жалко, захотѣлось ободрить его.

— Эй! — усмѣхаясь, тихо заговорилъ онъ. — Что, здорово ты перепугался? а?

— Н...ничего!... — выдохнулъ Гаврила и крякнулъ.

— Да ужъ теперь ты не очень наваливайся на весла. Теперь шабашъ. Вотъ еще только одно бы мѣсто пройти... Отдохни-ка...

Гаврила послушно пріостановился, вытеръ рукавомъ рубахи потъ съ лица и снова опустилъ весла въ воду.

— Ну, греби тише. Чтобы вода не разговаривала. Воротца одни надо миновать. Тише, тише... А то, братъ, тутъ народы серьезные... Какъ разъ изъ ружья пошалить могутъ. Такую шишку на лбу набьютъ, что и не охнешь.

Лодка теперь кралась по водѣ почти совершенно беззвучно. Только съ веселъ капали голубыя капли, и когда онѣ падали въ море, на мѣстѣ ихъ паденія вспыхивало не надолго тоже голубое пятнышко. Ночь становилась все темнѣе и молчаливѣй. Теперь небо уже не походило на взволнованное море — тучи расплылись по немъ и покрыли его ровнымъ, тяжелымъ пологомъ, низко опустившимся надъ водой и неподвижнымъ. А море стало еще спокойнѣй, чернѣй и сильнѣе пахло теплымъ, соленымъ запахомъ и ужъ не казалось такимъ широкимъ, какъ раньше.

— Эхъ, кабы дождь пошелъ! — прошепталъ Челкашъ. — Такъ бы мы и проѣхали, какъ за занавѣской.

Слѣва и справа отъ лодки изъ черной воды поднялись какія-то зданія—баржи, неподвижныя, мрачныя и тоже черныя. На одной изъ нихъ двигался огонь, кто-то ходилъ съ фонаремъ. Море, гладя ихъ бока, звучало просительно и глухо, а они отвѣчали ему эхомъ, гул-

кимъ и холоднымъ, точно спорили, не желая уступить ему въ чемъ-то.

— Кордоны!...—чуть слышно шепнулъ Челкашъ.

Съ момента, когда онъ велѣлъ Гаврилѣ грести тише, Гаврилу снова охватило острое выжидательное напряженіе. Онъ весь подался впередъ, во тьму, и ему казалось, что онъ растетъ,—кости и жилы вытягивались въ немъ съ тупой болью, голова, заполоненная одной мыслью, болѣла, кожа на спинѣ вздрагивала, а въ ноги вонзались маленькія, острыя и холодныя иглы. Глаза ломило отъ напряженнаго разсматриванья тьмы, изъ которой онъ ждалъ — вотъ-вотъ встанетъ нѣчто и гаркнетъ на нихъ: „Стой, воры!...“

Теперь, когда Челкашъ шепнулъ: „кордоны!“, Гаврила дрогнулъ: острая, жгучая мысль прошла сквозь него, прошла и задѣла по туго натянутымъ нервамъ, — онъ хотѣлъ крикнуть, позвать людей на помощь къ себѣ... Онъ уже открылъ ротъ и привсталъ немного на лавкѣ, выпятилъ грудь, вобралъ въ нее много воздуха и открылъ ротъ... но вдругъ, пораженный ужасомъ, ударившимъ его, какъ плетью, закрылъ глаза и свалился съ лавки.

...Впереди лодки, далеко на горизонтѣ изъ черной воды моря поднялся огромный огненно-голубой мечъ, поднялся, разсѣкъ тьму ночи, скользнулъ своимъ остріемъ по тучамъ въ небѣ и легъ на грудь моря широкой голубой полосой. Онъ легъ, и въ полосу его сіянія изъ мрака выплыли невидимыя до той поры суда, черныя, молчаливыя, обвѣшанныя пышной ночной мглой. Казалось, они долго были на днѣ моря, увлеченныя туда могучей силой бури, и вотъ теперь поднялись оттуда по велѣнію огненнаго меча, рожденнаго моремъ,— поднялись, чтобъ посмотрѣть на небо и на все, что поверхъ воды... Ихъ такелажъ обнималъ собой мачты и казался цѣпкими водорослями, поднявшимися со дна вмѣстѣ съ этими черными гигантами, опутанными ихъ

сѣтью. И онъ опять поднялся кверху съ моря, этотъ странный голубой мечъ, поднялся, сверкая, снова разсѣкъ ночь и снова легъ уже въ другомъ направленіи. И опять тамъ, гдѣ онъ легъ, всплыли изъ мрака остовы судовъ, невидимыхъ до его появленія.

Лодка Челкаша остановилась и колебалась на водѣ, какъ бы недоумѣвая. Гаврила лежалъ на днѣ, закрывъ лицо руками, а Челкашъ толкалъ его весломъ и шипѣлъ бѣшено, но тихо:

— Дуракъ, это крейсеръ таможенный... Это фонарь электрическій!... Вставай, дубина! Вѣдь на насъ свѣтъ бросятъ сейчасъ!... Погубишь, чортъ, и себя, и меня! Ну!...

И наконецъ, когда одинъ изъ ударовъ острымъ концомъ весла сильнѣе другихъ опустился на спину Гаврилы, онъ вскочилъ, все еще боясь открыть глаза, сѣлъ на лавку и, ощупью схвативъ весла, двинулъ лодку.

— Тише! Убью вѣдь! Ну, тише!... Эка дуракъ, чортъ тебя возьми!... Чего ты испугался? Ну? харя!... Фонарь да зеркало — только и всего. Тише веслами!... кислый чортъ!... Наклоняютъ зеркало такъ и этакъ и освѣщаютъ море, чтобъ видѣть—не плывутъ ли гдѣ такіе, какъ мы съ тобой. За контрабандой это слѣдятъ. Насъ не задѣнутъ—далеко отплыли они. Не бойся, парень, не задѣнутъ. Теперь мы... Челкашъ торжествующе оглянулся кругомъ.—Кончено, выплыли!... Фу-у!... Н-ну, счастливъ ты, дубина стоеросовая!...

Гаврила молчалъ, гребъ и, тяжело дыша, искоса смотрѣлъ туда, гдѣ все поднимался и опускался этотъ огненный мечъ. Онъ никакъ не могъ повѣрить Челкашу, что это только фонарь съ рефлекторомъ. Холодное голубое сіяніе, разрубавшее тьму, заставляя море свѣтиться серебрянымъ блескомъ, имѣло въ себѣ нѣчто необъяснимое, и Гаврила опять впалъ въ гипнозъ тоскливаго страха. И вновь предчувствіе тяготило ему грудь. Онъ гребъ, какъ машина, и все сжимался, точно

ожидалъ удара сверху, и ничего, никакого желанія не было уже въ немъ—онъ былъ пустъ и обездушенъ. Волненія этой ночи выглодали, наконецъ, изъ него все человѣческое въ немъ.

А Челкашъ снова торжествовалъ: полная удача!... Его привычные къ потрясеніямъ нервы уже успокоились. У него сладострастно вздрагивали усы и въ глазахъ разгорался жадный огонекъ. Онъ чувствовалъ себя великолѣпно, посвистывалъ сквозь зубы, глубоко вдыхалъ въ себя влажный воздухъ моря, оглядывался кругомъ и добродушно улыбался, когда его глаза останавливались на Гаврилѣ.

Вѣтеръ пронесся и разбудилъ море, вдругъ заигравшее частой зыбью. Тучи сдѣлались какъ бы тоньше и прозрачнѣй, но все небо было обложено ими. Несмотря на то, что вѣтеръ, хотя еще легкій, свободно носился надъ моремъ, тучи были неподвижны и точно думали какую-то сѣрую, скучную думу.

— Ну, ты, братъ, очухайся! пора ужъ! Ишь, тебя какъ — точно изъ кожи-то твоей весь духъ выдавили, одинъ мѣшокъ костей остался! Другъ милый!... Конецъ ужъ всему. Эй!...

Гаврилѣ все-таки было пріятно слышать человѣческій голосъ, хотя это и говорилъ Челкашъ.

— Я слышу,--тихо сказалъ онъ.

— То-то! Мякишъ... Ну-ка, садись на руль, а я въ весла, усталъ вѣдь, поди!

Гаврила машинально перемѣнилъ мѣсто. Когда Челкашъ, мѣняясь съ нимъ мѣстами, взглянулъ ему въ лицо и замѣтилъ, что онъ шатается на дрожащихъ ногахъ, ему стало еще больше жаль парня. Онъ хлопнулъ его по плечу.

— Ну, ну, не робь! Заработалъ зато хорошо. Я те, братъ, награжу богато. Четвертной билетъ хочешь получить? а?

— Мнѣ... ничего не надо. Только на берегъ бы...

Челкашъ махнулъ рукой, плюнулъ и принялся грести, далеко назадъ забрасывая весла своими длинными руками.

Море проснулось. Оно играло маленькими волнами, рождая ихъ, украшая бахромой пѣны, сталкивая другъ съ другомъ и разбивая въ мелкую пыль. Пѣна, тая, шипѣла и вздыхала,—и все кругомъ было заполнено музыкальнымъ шумомъ и плескомъ. Тьма какъ бы стала живѣй.

— Ну, скажи мнѣ... — заговорилъ Челкашъ,—придешь ты въ деревню, женишься, начнешь землю копать, хлѣбъ сѣять, жена дѣтей народитъ, кормовъ не будетъ хватать; ну, будешь ты всю жизнь изъ кожи лѣзть... Ну, и что? Много въ этомъ смаку?

— Какой ужъ смакъ!—робко и вздрагивая отвѣтилъ Гаврила,—чего тутъ...

Кое-гдѣ вѣтеръ прорывалъ тучи и изъ разрывовъ смотрѣли голубые кусочки неба съ одной—двумя звѣздочками на нихъ. Отраженныя играющимъ моремъ, эти звѣздочки прыгали по волнамъ, то исчезая, то вновь блестя.

— Правѣе держи!—сказалъ Челкашъ.—Скоро ужъ, чай, пріѣдемъ. Н-да!... Кончили. Работка важная! Вотъ видишь какъ?... Ночь одна—и полтысячи я тяпнулъ! а? какъ это?

— Полтысячи?!—недовѣрчиво протянулъ Гаврила, но сейчасъ же испугался и быстро спросилъ, толкая ногой тюки въ лодкѣ:—А это что же будетъ за вещь?

— Это—шелкъ. Дорогая вещь. Все-то, коли по цѣнѣ продать, такъ и за тысячу хватитъ. Ну, я не дорожусь... Ловко это?...

— Н-да-а?...—вопросительно протянулъ Гаврила. — Кабы мнѣ такъ-то вотъ!—вздохнулъ онъ, сразу вспомнивъ деревню, свое убогое хозяйство, его нужды, свою мать и все то далекое, родное, ради чего онъ ходилъ на работу, ради чего измучился такъ въ эту ночь. Его охватила волна воспоминаній о своей деревенькѣ, сбѣ-

гавшей по крутой горѣ внизъ, къ рѣчкѣ, скрытой въ лѣсу березъ, ветелъ, рябинъ, черемухи... Эти воспоминанія вдохнули въ него нѣчто теплое и немного ободрили его.—Эхъ, важно бы!... грустно вздохнулъ онъ.

— Н-да!... Я думаю, ты бы сейчасъ по чугункѣ домой... Ужъ и полюбили бы тебя дѣвки дома, а-ахъ какъ!... Любую бери! Домъ бы себѣ сгрохалъ... ну, для дома денегъ, положимъ, маловато...

— Это вѣрно... для дому нехватка. У насъ дорогъ лѣсъ-то.

— Ну-къ, что жъ? Старый бы поправилъ. Лошадь какъ? есть?

— Лошадь? Она и есть, да больно стара... чортъ.

— Ну, значитъ, лошадь. Ха-арошую лошадь! корову... Овецъ... Птицы разной... А?

— Не говори!... Кабы этакъ-то! Охъ ты, Господи! вотъ ужъ пожилъ бы!...

— Н-да, братъ, житьишко было бы ничего себѣ... Я тоже понимаю толкъ въ этомъ дѣлѣ. Было когда-то свое гнѣздо... Отецъ-то былъ изъ первыхъ богатѣевъ въ селѣ...

Челкашъ гребъ медленно. Лодка колыхалась на волнахъ, шаловливо плескавшихся о ея борта, еле двигалась по темному морю, а оно играло все рѣзвѣй и рѣзвѣй. Двое людей мечтали, покачиваясь на водѣ и задумчиво поглядывая вокругъ себя. Челкашъ началъ наводить Гаврилу на мысль о деревнѣ, желая немного ободрить и успокоить его. Сначала онъ говорилъ, скептически посмѣиваясь себѣ въ усы, но потомъ, подавая реплики собесѣднику и напоминая ему о радостяхъ крестьянской жизни, въ которыхъ самъ онъ давно разочаровался, забылъ о нихъ и вспоминалъ только теперь,—онъ постепенно увлекся, и вмѣсто того, чтобы разспрашивать парня о деревнѣ и ея дѣлахъ, незамѣтно для себя сталъ самъ разсказывать ему:

— Главное въ крестьянской жизни—это, братъ, сво-

бода! Хозяинъ ты есть самъ себѣ. У тебя твой домъ—грошъ ему цѣна—да онъ твой. У тебя земля своя—всего итого ея горсть—да она твоя! Курица у тебя своя, яйцо свое, яблоко свое! Король ты на своей землѣ!... И потомъ порядокъ... Утромъ всталъ—работа... весной одна, лѣтомъ другая, осенью, зимой опять иная. Куда ни пойди, воротишься въ свой домъ. Тепло!... Покой!... Король вѣдь? Такъ ли?—воодушевленно закончилъ Челкашъ длинный перечень крестьянскихъ преимуществъ и правъ и почему-то запамятовавъ объ обязанностяхъ.

Гаврила глядѣлъ на него съ любопытствомъ и тоже воодушевлялся. Онъ во время этого разговора успѣлъ уже забыть, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и видѣлъ предъ собой такого же крестьянина, какъ и самъ онъ, прилѣпленнаго навѣки къ землѣ потомъ многихъ поколѣній, связаннаго съ ней воспоминаніями дѣтства, самовольно отлучившагося отъ нея и отъ заботъ о ней и понесшаго за эту отлучку должное наказаніе.

— Это, братъ родимый, вѣрно! Ахъ, какъ вѣрно! Вотъ гляди-ка на себя, что ты теперь такое безъ земли? ага!... Землю, братъ, какъ мать, не забудешь надолго.

Челкашъ одумался... Онъ почувствовалъ это раздражающее жженіе въ груди, являвшееся всегда, чуть только его самолюбіе—самолюбіе безшабашнаго удальца—бывало задѣто кѣмъ-либо, и особенно тѣмъ, кто не имѣлъ цѣны въ его глазахъ.

— Замололъ!...—сказалъ онъ свирѣпо;—ты, можетъ, думалъ, что я все это въ серьезъ... Держи карманъ шире!

— Да, чудакъ-человѣкъ!...—снова оробѣлъ Гаврила.—Развѣ я про тебя говорю? Чай, такихъ-то, какъ ты—много! Эхъ, сколько несчастнаго народу на свѣтѣ!... Шатающихъ...

— Садись, тюлень, въ весла!—кратко скомандовалъ Челкашъ, почему-то сдержавъ въ себѣ цѣлый потокъ горячей ругани, хлынувшей ему къ горлу.

Они опять перемѣнились мѣстами, при чемъ Челкашъ,

перелѣзая на корму черезъ тюки, ощутилъ въ себѣ острое желаніе дать Гаврилѣ пинка, чтобы онъ слетѣлъ въ воду, и въ то же время не нашелъ силы взглянуть ему въ лицо.

Короткій разговоръ смолкъ, но теперь даже отъ молчанія Гаврилы на Челкаша вѣяло деревней... Онъ вспоминалъ прошлое, забывая править лодкой, повернутой волненіемъ и плывшей куда-то въ море. Волны точно понимали, что эта лодка потеряла цѣль, и, все выше подбрасывая ее, легко играли ею, вспыхивая подъ веслами своимъ ласковымъ голубымъ огнемъ. А передъ Челкашемъ быстро неслись картины прошлаго, далекаго прошлаго, отдѣленнаго отъ настоящаго цѣлой стѣной изъ одиннадцати лѣтъ босяцкой жизни. Онъ успѣлъ посмотрѣть себя ребенкомъ, свою деревню, свою мать, краснощекую, пухлую женщину, съ добрыми сѣрыми глазами, отца—рыжебородаго гиганта, съ суровымъ лицомъ; видѣлъ себя женихомъ и видѣлъ жену, черноглазую Анѳису, съ длинной косой, полную, мягкую, веселую... снова себя красавцемъ, гвардейскимъ солдатомъ; снова отца, уже сѣдого и согнутаго работой, и мать, морщинистую, осѣвшую къ землѣ; посмотрѣлъ и картину встрѣчи его деревней, когда онъ возвратился со службы; видѣлъ и то, какъ гордился передъ всей деревней отецъ своимъ Григоріемъ, усатымъ, здоровымъ солдатомъ, ловкимъ красавцемъ... Память, этотъ бичъ несчастныхъ, оживляетъ даже камни прошлаго и даже въ выпитый нѣкогда ядъ подливаетъ капли меда... и это все затѣмъ только, чтобы добить человѣка сознаніемъ ошибокъ и, заставивъ его полюбить это прошлое, лишить надеждъ на будущее.

Челкашъ чувствовалъ себя овѣяннымъ примиряющей, ласковой струей родного воздуха, донесшаго съ собой до его слуха и ласковыя слова матери, и солидныя рѣчи истоваго крестьянина-отца, много забытыхъ звуковъ и много сочнаго запаха матушки-земли, только-

что оттаявшей, только-что вспаханной и только-что покрытой изумруднымъ шелкомъ озими... И онъ чувствовалъ себя сбитымъ, упавшимъ, жалкимъ и одинокимъ, вырваннымъ и выброшеннымъ навсегда изъ того порядка жизни, въ которомъ выработалась та кровь, что течетъ въ его жилахъ.

— Эй! а куда же мы ѣдемъ? — спросилъ вдругъ Гаврила.

Челкашъ дрогнулъ и оглянулся тревожнымъ взоромъ хищника.

— Ишь, чортъ занесъ!... Ничего... Гребни-ка погуще... Сейчасъ пріѣдемъ.

— Задумался?—улыбаясь спросилъ Гаврила.

Челкашъ зорко посмотрѣлъ на него. Малый совсѣмъ пришелъ въ себя; онъ былъ покоенъ, веселъ и даже какъ будто торжествовалъ. Молодъ онъ былъ очень, вся жизнь у него въ рукахъ. И ничего онъ не знаетъ. Это плохо! Развѣ вотъ земля удержитъ его... Челкашу, когда въ его головѣ мелькнули эти мысли, стало еще грустнѣе, и на вопросъ Гаврилы онъ угрюмо буркнулъ:

— Усталъ я... Да и качаетъ...

— Покачиваетъ, это вѣрно... Такъ теперь мы, значитъ, ужъ не попадемся съ этимъ?—Гаврила ткнулъ ногой въ тюки.

— Нѣтъ... Будь покоенъ. Сейчасъ вотъ сдамъ и денежки получу..: Н-да!...

— Пять сотенъ?

— Не меньше, чай...

— Это тово... деньга! Кабы мнѣ, горюну!... Эхъ, и сыгралъ бы я пѣсенку съ ними!...

— По крестьянству?

— Никакъ больше! Сейчасъ бы...

И Гаврила понесся на крыльяхъ мечты. Челкашъ казался пришибленнымъ. Усы у него обвисли, правый бокъ, захлестанный волнами, былъ мокръ, глаза ввалились и потеряли блескъ. Онъ былъ очень жалокъ и тя-

желъ. Все хищное въ его фигурѣ какъ-то стушевалось приниженной задумчивостью, смотрѣвшей даже изъ складокъ его грязной рубахи.

— А усталъ и я здорово... Сморился.

— Вотъ сейчасъ пріѣдемъ... Вонъ гдѣ...

Челкашъ круто повернулъ лодку и направилъ ее къ чему-то черному, высовывавшемуся изъ воды.

Небо снова все покрылось тучами и посыпался дождь, мелкій, теплый, весело звякавшій, падая на хребты волнъ.

— Стой! тише!—скомандовалъ Челкашъ.

Лодка стукнулась носомъ о корпусъ барки.

— Спятъ, что ли, черти?...—ворчалъ Челкашъ, цѣпляясь багромъ за какія-то веревки, спускавшіяся съ борта.—Трапъ не спущенъ... Дождь пошелъ еще... не могъ раньше-то! Эй вы, губки!... Эй-Эй!...

— Селкашъ это?—раздалось сверху ласковое мурлыканье.

— Ну, спускай трапъ!

— Калимера, Селкашъ!

— Спускай трапъ, копченый дьяволъ! — взревѣлъ Челкашъ.

— О, сердытій пришелъ сегодня... Элоу!

— Лѣзь, Гаврила!—обратился Челкашъ къ товарищу.

Въ минуту они были на палубѣ, гдѣ три темныхъ бородатыхъ фигуры, оживленно болтая другъ съ другомъ на странномъ колючемъ языкѣ, смотрѣли за бортъ въ лодку Челкаша. Четвертый, завернутый въ длинную хламиду, подошелъ къ нему и молча пожалъ ему руку, потомъ подозрительно оглянулъ Гаврилу.

— Припаси къ утру деньги,—коротко сказалъ ему Челкашъ. — А теперь я спать иду. Гаврила, идемъ! Ѣсть хочешь?

— Спать бы...—отвѣтилъ Гаврила, и черезъ пять минутъ храпѣлъ въ грязномъ трюмѣ барки, а Челкашъ,

сидя рядомъ съ нимъ, примѣрялъ себѣ на ногу чей-то сапогъ и, задумчиво сплевывая въ сторону, злобно и грустно свистѣлъ сквозь зубы. Потомъ онъ вытянулся рядомъ съ Гаврилой и, не снимая съ ноги надѣтый сапогъ, заложивъ руки подъ голову, сталъ сосредоточенно смотрѣть въ палубу, поводя усами.

Барка тихо покачивалась на игравшей водѣ, гдѣ-то поскрипывало дерево жалобнымъ звукомъ, дождь мягко сыпался на палубу и плескались волны о борта... Все это было грустно и звучало, какъ колыбельная пѣснь матери, не имѣющей надеждъ на счастье своего сына...

Челкашъ, оскаливъ зубы, приподнялъ голову, огляд ѣлся вокругъ... и, прошептавъ что-то, снова улегся... Раскинувъ ноги, онъ сталъ похожъ на большія ножницы.

III.

Онъ проснулся первымъ, тревожно оглянулся вокругъ, сразу успокоился и посмотрѣлъ на Гаврилу, еще спавшаго. Тотъ сладко всхрапывалъ и во снѣ улыбался чему-то всѣмъ своимъ дѣтскимъ, здоровымъ, загорѣлымъ лицомъ. Челкашъ вздохнулъ и полѣзъ вверхъ по узкой веревочной лѣстницѣ. Въ отверстіе трюма смотрѣлъ свинцовый кусокъ неба. Было свѣтло, но по осеннему скучно и сѣро.

Челкашъ вернулся часа черезъ два. Лицо у него было красно, усы лихо закручены кверху, на губахъ сіяла добродушно-веселая улыбка. Онъ былъ одѣтъ въ длинные крѣпкіе сапоги, въ куртку, въ кожаные штаны и походилъ на охотника. Весь его костюмъ былъ потертъ, но крѣпокъ и очень шелъ къ нему, дѣлая его фигуру шире, скрадывая его костлявость и придавая ему воинственный видъ.

— Эй, теленокъ, вставай!... — толкнулъ онъ ногой Гаврилу.

Тотъ вскочилъ и, не узнавая его со сна, испуганно уставился на него мутными глазами. Челкашъ захохоталъ.

— Ишь ты какой!...—широко улыбнулся, наконецъ, Гаврила.—Бариномъ сталъ!

— У насъ это скоро. Ну, и пугливъ же ты! ай-ай! Сколько разъ умирать-то вчера ночью собирался? а? скажи-ка!

— Да вишь ты, самъ посуди, впервой я на такое дѣло! Вѣдь можно было душу загубить на всю жизнь!

— Ну, а еще разъ поѣхалъ бы? а?

— Еще?... Да вѣдь... это... какъ тебѣ... сказать? Изъ-за какой корысти?... вотъ что!

— Ну, ежели бы двѣ радужныхъ?

— Два ста рублевъ, значитъ? Ничего... Это можно...

— Стой! А какъ душу-то загубишь?...

— Да вѣдь, можетъ... и не загубишь!—улыбнулся Гаврила.—Не загубишь, а человѣкомъ на всю жизнь сдѣлаешься.

Челкашъ весело хохоталъ.

— Ну, ладно! будетъ шутки шутить. Ѣдемъ на берегъ... Собирайся!

— Да мнѣ чего же? Я готовъ...

И вотъ они снова въ лодкѣ. Челкашъ на рулѣ, Гаврила на веслахъ. Надъ ними небо, сѣрое, ровно затянутое тучами, и ихъ лодкой играетъ мутно-зеленое море, шумно подбрасывая ее на волнахъ, пока еще мелкихъ, весело бросающихъ въ нее свѣтлыя, соленыя брызги. Далеко по носу лодки видна желтая полоса песчанаго берега, а за кормой уходитъ вдаль свободное, игривое море, все изрытое бѣгающими стаями волнъ, кое-гдѣ уже убранныхъ пышной и бѣлой бахромой пѣны. Тамъ же, вдали, видно много судовъ, качающихся на груди моря, далеко влѣво—цѣлый лѣсъ мачтъ и бѣлыя груды домовъ города. Оттуда по морю льется глухой гулъ, рокочущій и вмѣстѣ съ плескомъ волнъ создающій хо-

рощую, сильную музыку... И на все наброшена тонкая пелена пепельнаго тумана, отдаляющаго предметы другъ отъ друга...

— Эхъ, разыграется къ вечеру-то добре! — кивнулъ Челкашъ головой на море.

— Буря?—спросилъ Гаврила, мощно бороздя волны веслами. Онъ былъ уже мокръ съ головы до ногъ отъ этихъ брызгъ, разбрасываемыхъ по морю вѣтромъ.

— Эге!...—подтвердилъ Челкашъ.

Гаврила пытливо посмотрѣлъ на него...

— Ну, сколько жъ тебѣ дали?—спросилъ онъ, наконецъ, видя, что Челкашъ не собирается начать разговора.

— Вотъ! — сказалъ Челкашъ, протягивая Гаврилѣ что-то вынутое изъ кармана.

Гаврила увидалъ радужныя бумажки, и все въ его глазахъ приняло яркіе, радужные оттѣнки.

— Эть ты!... А я вѣдь думалъ: вралъ ты мнѣ!... Это... сколько?

— Пятьсотъ сорокъ! Ловко!

— Л-ловко!...—прошепталъ Гаврила, жадными глазами провожая пятьсотъ сорокъ, снова спрятанные въ карманъ.—Э-эхъ-ма!... Кабы этакія деньги!...—и онъ угнетенно вздохнулъ.

— Гульнемъ мы съ тобой, парнюга! — съ восхищеніемъ вскрикнулъ Челкашъ.—Эхъ, хватимъ!... Не думай, я тебѣ, братъ, отдѣлю... Сорокъ отдѣлю! а? Доволенъ? Хочешь, сейчасъ дамъ?

— Коли... не обидно тебѣ... что же? Я приму!

Гаврила весь трепеталъ отъ ожиданія и еще отъ чего-то остраго и сосавшаго ему грудь.

— Ха-ха-ха!... Ахъ ты, чортова кукла! Приму! Прими, братъ, пожалуйста! Очень я тебя прошу, прими! Не знаю я, куда мнѣ такую кучу денегъ дѣвать! Избавь ты меня, прими-ка, на!...

Челкашъ протянулъ Гаврилѣ нѣсколько красныхъ

бумажекъ. Тотъ взялъ ихъ дрожащей рукой, бросилъ весла и сталъ прятать куда-то за пазуху, жадно сощуривъ глаза и шумно втягивая въ себя воздухъ, точно онъ пилъ что-то жгучее. Челкашъ съ насмѣшливой улыбкой поглядывалъ на него. А Гаврила уже снова схватилъ весла и гребъ нервно, торопливо, точно пугаясь чего-то и опустивъ глаза внизъ. У него вздрагивали плечи и уши.

— А жаденъ ты!... Не хорошо... Впрочемъ, что же?... Крестьянинъ...—задумчиво сказалъ Челкашъ.

— Да вѣдь съ деньгами-то что можно сдѣлать!...—воскликнулъ Гаврила, вдругъ весь вспыхивая страстнымъ возбужденіемъ. И онъ отрывисто, торопясь, точно догоняя свои мысли и съ лету хватая слова, заговорилъ о жизни въ деревнѣ съ деньгами и безъ денегъ. Почетъ, довольство, свобода, веселье!...

Челкашъ слушалъ его внимательно, съ серьезнымъ лицомъ и съ глазами, сощуренными какой-то думой. По временамъ онъ улыбался довольной улыбкой.

— Пріѣхали!—прервалъ, наконецъ, Челкашъ рѣчь Гаврилы.

Волна подхватила лодку и ловко ткнула ее въ песокъ.

— Ну, братъ, теперь кончено. Лодку нужно вытащить подальше, чтобы не смыло. Придутъ за ней. А мы съ тобой—прощай!... Отсюда до города верстъ восемь. Ты что, опять въ городъ вернешься? а?

На лицѣ Челкаша все сіяла добродушно-хитрая улыбка и весь онъ имѣлъ видъ человѣка, задумавшаго нѣчто весьма пріятное для себя и неожиданное для Гаврилы. Засунувъ руку въ карманъ, онъ шелестѣлъ тамъ бумажками.

— Нѣтъ... я... не пойду... Я...—Гаврила задыхался и давился чѣмъ-то. Въ немъ бурлила цѣлая тьма желаній, словъ, чувствъ, взаимно поглощавшихъ другъ друга и палившихъ его, какъ огнемъ.

Челкашъ посмотрѣлъ на него, недоумѣвая.

— Что это тебя корчитъ?—спросилъ онъ.

— Такъ это...—Но лицо Гаврилы то краснѣло, то дѣлалось сѣрымъ, и онъ мялся на мѣстѣ, не то желая броситься на Челкаша, не то разрываемый инымъ желаніемъ, исполнить которое ему было трудно.

Челкашу сдѣлалось не по себѣ при видѣ такого возбужденія въ этомъ парнѣ. Онъ ждалъ, чѣмъ оно разразится.

Гаврила началъ какъ-то странно смѣяться смѣхомъ, похожимъ на рыданіе. Голова его была опущена, выраженія его лица Челкашъ не видалъ, смутно видны были уши Гаврилы, то краснѣвшія, то блѣднѣвшія.

— Ну тя къ чорту! — махнулъ рукой Челкашъ.— Влюбился ты въ меня, что ли? Мнется, какъ дѣвка!... Али разставанье со мной тошно? Эй, сосунъ! Говори, что ты? А то уйду я!...

— Уходишь!?—звонко крикнулъ Гаврила.

Песчаный и пустынный берегъ дрогнулъ отъ его крика и намытыя волнами моря желтыя волны песку точно всколыхнулись. Дрогнулъ и Челкашъ. Вдругъ Гаврила сорвался съ своего мѣста, бросился къ ногамъ Челкаша, обнялъ ихъ своими руками и дернулъ къ себѣ. Челкашъ пошатнулся, грузно сѣлъ на песокъ и, скрипнувъ зубами, рѣзко взмахнулъ въ воздухѣ своей длинной рукой, сжатой въ кулакъ. Но онъ не успѣлъ ударить, остановленный стыдливымъ и просительнымъ шопотомъ Гаврилы:

— Голубчикъ!... Дай ты мнѣ... эти деньги! Дай, Христа ради!... Что онѣ тебѣ?... Вѣдь въ одну ночь... только въ ночь... А мнѣ года нужны... Дай... молиться за тебя буду! Вѣчно... въ трехъ церквахъ... о спасеніи души твоей!... Вѣдь ты ихъ на вѣтеръ... а я бы въ землю... Эхъ, дай мнѣ ихъ! Вѣдь что въ нихъ тебѣ?... Али тебѣ дорого? Ночь одна... и богатъ! Сдѣлай доброе дѣло! Пропащій вѣдь ты... Нѣтъ тебѣ пути... А я бы... охъ, дай ты ихъ мнѣ!

Челкашъ, испуганный, изумленный и озлобленный, сидѣлъ на пескѣ, откинувшись назадъ и упираясь въ него руками, сидѣлъ, молчалъ и страшно таращилъ глаза на парня, уткнувшагося головой въ его колѣни и шептавшаго, задыхаясь, свои мольбы. Онъ оттолкнулъ его, наконецъ, вскочилъ на ноги и, сунувъ руки въ карманъ, бросилъ въ Гаврилу радужныя бумажки.

— На̀, собака! Жри...—крикнулъ онъ, дрожа отъ возбужденія, острой жалости и ненависти къ этому жадному рабу. И, бросивъ деньги, онъ почувствовалъ себя героемъ. Удальство свѣтилось въ его глазахъ, во всей фигурѣ.

— Самъ я хотѣлъ тебѣ больше дать. Разжалобился вчера я... вспомнилъ деревню... Подумалъ: дай, помогу парню. Ждалъ я, что ты сдѣлаешь, попросишь—нѣтъ? А ты... Эхъ, войлокъ! Нищій!... Развѣ изъ-за денегъ можно такъ... истязать себя? Дуракъ! Жадные черти!... Себя не помнятъ... За пятакъ себя-то продаете!... а?...

— Голубчикъ!... Спаси Христосъ тебя! Вѣдь это теперь у меня что?... тысячи!... я теперь... богачъ!...—визжалъ Гаврила въ восторгѣ, весь вздрагивая и пряча деньги за пазуху.—Эхъ ты, милый!... Вовѣкъ не забуду!... Никогда!... И женѣ, и дѣтямъ закажу... молись!

Челкашъ слушалъ его радостные вопли, смотрѣлъ на сіявшее, искаженное восторгомъ жадности лицо и чувствовалъ, что онъ — воръ, гуляка, оторванный отъ всего родного — никогда не будетъ такимъ жаднымъ, низкимъ, не помнящимъ себя. Никогда не станетъ такимъ!... И эта мысль и ощущеніе, наполняя его сознаніемъ своей свободы и удали, удерживали его около Гаврилы на пустынномъ морскомъ берегу.

— Осчастливилъ ты меня! — кричалъ Гаврила и, схвативъ руку Челкаша, тыкалъ ею себѣ въ лицо.

Челкашъ молчалъ и по-волчьи скалилъ зубы. Гаврила все изливался:

— Вѣдь я что думалъ? Ѣдемъ мы сюда... я деньги...

видѣлъ... думаю... хвачу я его... тебя... весломъ... рразъ!... денежки себѣ, его въ море... тебя-то... а? Кто, молъ, его хватится? И найдутъ, не станутъ допытываться—какъ, да кто его это... убилъ-то! Не такой, молъ, онъ человѣкъ, чтобъ изъ-за него шумъ подымать!... Ненужный онъ на землѣ! Кому за него встать? Ишь какъ!... а?...

— Дай сюда деньги!...—рявкнулъ Челкашъ, хватая Гаврилу за горло...

Гаврила рванулся разъ, два... другая рука Челкаша змѣей обвилась вокругъ него... трескъ разрываемой рубахи — и Гаврила лежалъ на пескѣ съ безумно вытаращенными глазами, цапаясь пальцами рукъ за воздухъ и взмахивая ногами. Челкашъ, прямой, сухой, хищный, зло оскаливъ зубы, смѣялся дробнымъ, ѣдкимъ смѣхомъ и его усы нервно прыгали на угловатомъ, остромъ лицѣ. Никогда, за всю жизнь его не били такъ больно и никогда онъ не былъ такъ озлобленъ.

— Что, счастливъ ты?—сквозь смѣхъ спросилъ онъ Гаврилу и, повернувшись къ нему спиной, пошелъ прочь, по направленію къ городу. Но онъ не сдѣлалъ двухъ шаговъ, какъ Гаврила кошкой изогнулся, сталъ на одно колѣно и, широко размахнувшись въ воздухѣ, бросилъ въ него круглый камень, злобно крикнувъ:

— Рразъ!...

Челкашъ крякнулъ, схватился руками за затылокъ, качнулся впередъ, повернулся къ Гаврилѣ и упалъ лицомъ въ песокъ. Гаврила замеръ, глядя на него. Вотъ онъ шевельнулъ ногой, попробовалъ поднять голову и вытянулся, вздрогнувъ, какъ струна. Тогда Гаврила бросился бѣжать вдаль, гдѣ надъ туманной степью висѣла мохнатая черная туча и было темно. Волны шуршали, взбѣгая на песокъ, сливаясь съ нимъ и снова взбѣгая. Пѣна шипѣла и брызги воды летали по воздуху.

Посыпался дождь. Сначала рѣдкій, онъ быстро перешелъ въ плотный, крупный, лившійся съ неба тон-

кими струйками. Онѣ сплетали цѣлую сѣть изъ нитокъ воды—сѣть, сразу закрывшую собой даль степи и даль моря... Гаврила исчезъ за ней. Долго ничего не было видно, кромѣ дождя и длиннаго человѣка, лежавшаго на пескѣ у моря. Но вотъ изъ дождя снова появился бѣгущій Гаврила; онъ летѣлъ птицей и, подбѣжавъ къ Челкашу, упалъ передъ нимъ и сталъ ворочать его на землѣ. Его рука окунулась въ теплую красную слизь... Онъ дрогнулъ и отшатнулся съ безумнымъ, блѣднымъ лицомъ.

— Братъ, встань-кось! — шепталъ онъ подъ шумъ дождя въ ухо Челкашу.

Челкашъ очнулся и толкнулъ Гаврилу отъ себя, хрипло сказавъ:

— Поди... прочь!...

— Братъ! Прости... дьяволъ это меня...—дрожа шепталъ Гаврила, цѣлуя руку Челкаша.

— Иди... Ступай...—хрипѣлъ тотъ.

— Сними грѣхъ съ души!... Родной! Прости!...

— Про... уйди ты!... Уйди къ дьяволу! — вдругъ крикнулъ Челкашъ и сѣлъ на пескѣ. Лицо у него было блѣдное, злое, глаза мутны и закрывались, точно онъ сильно хотѣлъ спать.—Чего тебѣ... еще? Сдѣлалъ... свое дѣло... и иди! Пошелъ!—и онъ хотѣлъ толкнуть убитаго горемъ Гаврилу ногой, но не смогъ, и снова свалился бы, если бъ Гаврила не удержалъ его, обнявъ за плечи. Лицо Челкаша было теперь въ уровень съ лицомъ Гаврилы. Оба были блѣдны, жалки и страшны.

— Тьфу!—плюнулъ Челкашъ въ широко открытые глаза своего работника.

Тотъ смиренно вытерся рукавомъ и прошепталъ:

— Что хошь дѣлай... Не отвѣчу словомъ. Прости для Христа!

— Гнусъ!... И блудить-то не умѣешь!...—презрительно крикнулъ Челкашъ, сорвалъ изъ-подъ своей куртки рубаху и молча, изрѣдка поскрипывая зубами, сталъ

обвязывать себѣ голову.—Деньги взялъ?—сквозь зубы процѣдилъ онъ.

— Не бралъ я ихъ, братъ! Не надо мнѣ!... бѣда отъ нихъ!...

Челкашъ сунулъ руку въ карманъ своей куртки, вытащилъ пачку денегъ, одну радужную бумажку положилъ обратно въ карманъ, а все остальное кинулъ Гаврилѣ.

— Возьми и ступай!

— Не возьму, братъ... Не могу! Прости!

— Берри, говорю!...—взревѣлъ Челкашъ, страшно вращая глазами.

— Прости!... Тогда возьму...—робко сказалъ Гаврила и палъ въ ноги Челкаша на сырой песокъ, щедро поливаемый дождемъ.

— Врешь, возьмешь, гнусъ! — увѣренно сказалъ Челкашъ, и, съ усиліемъ поднявъ его голову за волосы, онъ сунулъ ему деньги въ лицо.

— Бери! бери! Не даромъ работалъ, чай. Бери, не бойсь! Не стыдись, что человѣка чуть не убилъ! За такихъ людей, какъ я, никто не взыщетъ. Еще спасибо скажутъ, какъ узнаютъ. Нà, бери! Никто ничего не узнаетъ о твоемъ дѣлѣ, а награды оно стоитъ. Ну, вотъ!...

Гаврила видѣлъ, что Челкашъ смѣется, и ему стало легче. Онъ крѣпко сжалъ деньги въ рукѣ.

— Братъ! а простишь меня? Не хошь? а?—слезливо спросилъ онъ.

— Родимой!...—въ тонъ ему отвѣтилъ Челкашъ, подымаясь на ноги и покачиваясь.—За что? Не за что! Сегодня ты меня, завтра я тебя...

— Эхъ, братъ, братъ!...—скорбно вздохнулъ Гаврила, качая головой.

Челкашъ стоялъ передъ нимъ и странно улыбался, а тряпка на его головѣ, понемногу краснѣя, становилась похожей на турецкую феску.

Дождь лилъ, какъ изъ ведра. Море глухо роптало и волны бились о берегъ теперь уже бѣшено и гнѣвно.

Два человѣка помолчали.

— Ну, прощай! — насмѣшливо и холодно сказалъ Челкашъ, пускаясь въ путь.

Онъ шатался, у него дрожали ноги и онъ такъ странно держалъ голову, точно боялся потерять ее.

— Прости, братъ!...—еще разъ попросилъ Гаврила.

— Ничего! — холодно отвѣтилъ Челкашъ, пускаясь въ путь.

Онъ пошелъ, пошатываясь и все поддерживая голову ладонью лѣвой руки, а правой тихо дергая свой бурый усъ.

Гаврила долго смотрѣлъ ему вслѣдъ, пока онъ не исчезъ въ дождѣ, все гуще лившемъ изъ тучъ тонкими, безконечными струйками и окутывавшемъ степь непроницаемой стального цвѣта мглой.

Потомъ Гаврила снялъ свой мокрый картузъ, перекрестился, посмотрѣлъ на деньги, зажатыя въ ладони, свободно и глубоко вздохнулъ, спряталъ ихъ за пазуху и широкими, твердыми шагами пошелъ берегомъ въ сторону, противоположную той, гдѣ скрылся Челкашъ.

Море выло, швыряло большія тяжелыя волны на прибрежный песокъ, разбивая ихъ въ брызги и пѣну. Дождь ретиво сѣкъ воду и землю... вѣтеръ ревѣлъ... Все кругомъ наполнялось воемъ, ревомъ, гуломъ... За дождемъ не видно было ни моря, ни неба.

Скоро дождь и брызги волнъ смыли красное пятно на томъ мѣстѣ, гдѣ лежалъ Челкашъ, смыли слѣды Челкаша и слѣды молодого парня на прибрежномъ пескѣ... И на пустынномъ берегу моря не осталось ничего въ воспоминаніе о маленькой драмѣ, разыгравшейся между двумя людьми.

СТАРУХА ИЗЕРГИЛЬ.

(1895.)

I.

Я слышалъ эти разсказы подъ Аккерманомъ, въ Бессарабіи, на морскомъ берегу.

Однажды вечеромъ, кончивъ дневной сборъ винограда, партія молдаванъ, съ которой я работалъ, вся ушла на берегъ моря, а я и старуха Изергиль остались подъ густой тѣнью виноградныхъ лозъ и, лежа на землѣ, молчали, глядя, какъ таютъ въ глубокой мглѣ ночи и темной зелени листвы силуэты тѣхъ людей, что пошли къ морю.

Они шли, пѣли и смѣялись; мужчины—бронзовые, съ пышными, черными усами и густыми кудрями до плечъ, въ короткихъ курткахъ и широкихъ шароварахъ; женщины и дѣвушки—веселыя, гибкія, какъ лозы, съ темносиними глазами, — тоже бронзовыя. Ихъ волосы, шелковыя и черныя, были распущены, и вѣтеръ, теплый и легкій, играя ими, звякалъ монетами, вплетенными въ нихъ. Вѣтеръ текъ широкой, ровной волной, но иногда онъ точно прыгалъ черезъ что-то невидимое и, рождая сильный порывъ, развѣвалъ волосы женщинъ въ фантастическія гривы, вздымавшіяся вокругъ ихъ головъ. Это дѣлало женщинъ странными и сказочными. Онѣ уходили все дальше отъ насъ, а ночь и фантазія одѣвали ихъ все прекраснѣе.

Кто-то игралъ на скрипкѣ... дѣвушка пѣла мягкимъ контральто, слышался смѣхъ... и воображеніе рисовало всѣ звуки гирляндой разноцвѣтныхъ лентъ, рѣявшихъ

въ воздухѣ надъ темными фигурами людей, поглощаемыхъ мглой.

Воздухъ былъ пропитанъ острымъ запахомъ моря и жирными испареніями земли, незадолго до вечера обильно смоченной дождемъ. Еще и теперь по небу бродили обрывки тучъ, пышные, странныхъ очертаній и красокъ, тутъ—мягкія, какъ клубы дыма, сизые и пепельно-голубые, тамъ—рѣзкіе, какъ обломки скалъ, матово-черные или коричневые. Между ними ласково блестѣли темноголубые клочки неба, украшенные золотыми крапинками звѣздъ. И все это—звуки и запахи, тучи и люди—было волшебно красиво, но грустно, казалось началомъ чудной сказки. Все было дивно и гармонично, но казалось остановившимся въ своемъ ростѣ и умирающимъ, такъ какъ мало было шума, живого, нервнаго шума, пылающаго отъ времени все ярче; шумъ же, который былъ—былъ слабъ, часто прерывался и все гасъ, удаляясь и перерождаясь въ печальные вздохи сожалѣнія о чемъ-то, можетъ быть, о счастьѣ, которое такъ неуловимо и случайно.

Я созерцалъ все это, и во мнѣ рождались фантастическія желанія: хотѣлось превратиться въ пыль и быть разнесеннымъ повсюду вѣтромъ; хотѣлось разлиться теплой рѣкой по степи, вливаться въ море и дышать въ небо опаловымъ туманомъ; хотѣлось наполнить собой весь этотъ чарующе-печальный вечеръ... и было грустно почему-то.

— Что ты не пошелъ съ ними? — кивнувъ мнѣ головой, спросила по-русски старуха Изергиль.

Время согнуло ее пополамъ, черные когда-то глаза были тусклы и слезились. Ея сухой голосъ звучалъ безъ вибраціи, онъ хрустѣлъ, точно старуха говорила костями. Какъ еще она могла говорить!...

— Не хочу,—отвѣтилъ я ей на вопросъ.

— У!... стариками родитесь вы, русскіе. Мрачные всѣ, какъ демоны... Боятся тебя наши дѣвушки... А вѣдь ты молодой и сильный...

Луна взошла. Ея дискъ былъ великъ, кроваво-красенъ, и она казалась вышедшей изъ нѣдръ этой степи, которая на своемъ вѣку такъ много поглотила человѣческаго мяса и выпила крови, отчего, навѣрное, и стала такой жирной и щедрой. На насъ упали кружевныя тѣни отъ листвы, я и старуха покрылись ими, какъ сѣтью, и онѣ дрожали. И по степи, влѣво отъ насъ, поплыли тѣни отъ облаковъ, пропитанныхъ голубымъ сіяніемъ луны и ставшихъ прозрачнѣй и свѣтлѣй. Чуть-чуть долетали до насъ звуки съ моря: то плакала скрипка, то смѣялась дѣвушка, то парень пѣлъ гибкимъ баритономъ, и все это мѣшалось съ ритмическимъ плескомъ волнъ о берегъ.

— Смотри, вонъ идетъ Ларра!

Я смотрѣлъ туда, куда старуха указывала своей дрожащей рукой съ кривыми пальцами, и видѣлъ: тамъ плыли тѣни, ихъ было много, и одна изъ нихъ, темнѣй и гуще, чѣмъ другія, плыла быстрѣй и ниже сестеръ, потому что она падала отъ клочка облака, которое было ниже къ землѣ, чѣмъ другія, и неслось скорѣе, чѣмъ они.

— Никого нѣтъ тамъ!—сказалъ я.

— Ты слѣпъ больше меня, старухи. Смотри—вонъ онъ, темный, бѣжитъ степью.

Я посмотрѣлъ еще и снова не видѣлъ ничего, кромѣ тѣни.

— Это тѣнь! Почему ты зовешь ее Ларра?

— Потому что это онъ. Онъ уже сталъ теперь какъ тѣнь,—пора! Онъ живетъ тысячи лѣтъ, солнце высушило его тѣло, кровь и кости, и вѣтеръ распылилъ ихъ. Вотъ что можетъ сдѣлать Богъ съ человѣкомъ за гордость!...

— Разскажи мнѣ, какъ это было! — попросилъ я старуху, чувствуя впереди одну изъ славныхъ сказокъ, сложенныхъ въ степяхъ.

И она разсказала мнѣ эту сказку.

* * *

„Многія тысячи лѣтъ прошли съ той поры, какъ случилось это. Далеко за моремъ, на восходъ солнца, есть страна большой рѣки, и въ той странѣ каждый древесный листъ и стебель травы даетъ столько тѣни, сколько нужно человѣку, чтобъ свободно укрыться въ ней отъ солнца, которое жестоко жарко тамъ.

„Вотъ какая щедрая земля въ той странѣ.

„На ней жило могучее племя людей, имѣвшихъ стада и на охоту за звѣрями тратившихъ свою силу и мужество. Они пировали послѣ охоты, пѣли пѣсни и играли съ дѣвушками, которыя тамъ хороши, какъ огонь.

„Однажды, во время пира, одну изъ нихъ, черноволосую и нѣжную, какъ ночь, унесъ орелъ, спустившись съ неба. Стрѣлы, пущенныя въ него мужчинами племени, упали, жалкія, обратно на землю. Тогда пошли искать дѣвушку, но не нашли ея. И забыли о ней, какъ забываютъ обо всемъ на землѣ“.

Старуха вздохнула и замолчала. Ея скрипучій голосъ звучалъ такъ, какъ будто это роптали всѣ забытые вѣка, воплотившись въ ея груди тѣнями воспоминаній. И море тихо аккомпанировало началу одной изъ тѣхъ древнихъ легендъ, которыя, можетъ быть, создались на его берегахъ.

„Но черезъ 20 лѣтъ она сама пришла, измученная и изсохшая, а съ нею былъ юноша, красивый и сильный, какъ сама она двадцать лѣтъ назадъ. И когда ее спросили, гдѣ была она, она разсказала, что орелъ унесъ ее въ горы и жилъ съ нею тамъ какъ съ женой. Вотъ его сынъ, а отца нѣтъ ужъ больше, ибо когда онъ сталъ слабѣть, то поднялся въ послѣдній разъ высоко въ небо и, сложивъ крылья, тяжело упалъ оттуда на острые уступы горы, упалъ и насмерть разбился о нихъ...

„Всѣ смотрѣли съ удивленіемъ на сына орла и видѣли, что онъ ничѣмъ не лучше ихъ, только глаза его были холодны и горды, какъ у царя птицъ. И разговаривали съ нимъ, а онъ отвѣчалъ, если хотѣлъ, или

молчалъ, и когда пришли старѣйшіе мужи племени, онъ говорилъ съ ними, какъ съ равными себѣ. Это оскорбило ихъ, и они, назвавъ его неоперенной стрѣлой съ неотточеннымъ наконечникомъ, сказали ему, что ихъ чтутъ и имъ повинуются тысячи такихъ, какъ онъ, и тысячи вдвое старше его. А онъ, смѣло глядя на нихъ, отвѣчалъ, что такихъ, какъ онъ, нѣтъ больше; если всѣ чтутъ ихъ—онъ не хочетъ дѣлать этого. О!... тогда ужъ совсѣмъ разсердились они. Разсердились и сказали:

— „Ему нѣтъ мѣста среди насъ! Пусть идетъ, куда хочетъ.

„Онъ засмѣялся и пошелъ, куда захотѣлось ему, — къ одной красивой дѣвушкѣ, которая пристально смотрѣла на него; пошелъ къ ней и, подойдя, обнялъ ее. А она была дочь одного изъ старѣйшинъ, осудившихъ его. И хотя онъ былъ красивъ, она оттолкнула его, потому что боялась отца. Она оттолкнула его да и пошла прочь отъ него, а онъ ударилъ ее и, когда она упала, всталъ ногой на ея грудь, всталъ такъ, что изъ ея устъ кровь брызнула къ небу и она вздохнула тяжко, извилась змѣей и умерла.

„Всѣхъ, кто видѣлъ это, сковалъ страхъ, такъ какъ первый разъ еще на глазахъ ихъ такъ убивали женщину. И долго всѣ молчали, глядя на нее, лежавшую съ открытыми глазами и съ окровавленнымъ ртомъ, безмолвно просившими мести, и на него, который стоялъ одинъ противъ всѣхъ, рядомъ съ ней, и былъ такъ холоденъ и гордъ, что не опустилъ своей головы и какъ бы вызывалъ на нее кару. Потомъ, когда одумались, то схватили, связали и такъ оставили, находя, что убить его сейчасъ же — слишкомъ просто, не унизительно для него и не удовлетворитъ ихъ“.

Ночь росла и крѣпла и, наполняясь странными, тихими звуками, принимала все болѣе фантастическій колоритъ. Въ степи печально посвистывали суслики, въ листвѣ винограда дрожалъ стеклянный стрекотъ кузнечиковъ, лист-

ва вздыхала и шепталась, и полный дискъ луны, раньше кроваво-красный, блѣднѣлъ, удаляясь отъ земли, блѣднѣлъ и все обильнѣе лилъ на степь голубоватую мглу...

„И вотъ они собрались, чтобы придумать эту казнь, достойную его преступленія... Предполагали разорвать его лошадьми—и это казалось имъ мало; предлагали пустить въ него всѣмъ по стрѣлѣ, но отвергли и это; предлагали сжечь его, но дымъ костра не позволилъ бы видѣть его мученій; предлагали многое—и не находили ничего настолько хорошаго, чтобы понравилось всѣмъ и удовлетворило ихъ. А его мать стояла передъ ними на колѣняхъ и молчала, не находя слезъ и словъ, чтобы умолять ихъ о пощадѣ. Долго говорили они, и вотъ одинъ мудрецъ сказалъ, подумавъ долго:

— „Спросимъ его, почему онъ сдѣлалъ это?

„И они спросили его объ этомъ. Онъ сказалъ:

— „Развяжите меня! Я не буду говорить съ вами связанный.

„А когда развязали его, онъ спросилъ: — „Что вамъ нужно?“—Спросилъ такъ, точно они были рабы...

— „Ты слышалъ...—сказалъ мудрецъ.

— „Зачѣмъ я буду объяснять вамъ мои поступки?

— „Чтобъ быть понятымъ нами. Ты, гордый, слушай! Все равно, ты умрешь вѣдь... Дай же намъ понять то, что ты сдѣлалъ. Мы остаемся жить и намъ полезно знать больше, чѣмъ мы знаемъ...

— „Хорошо, я скажу, хотя я, можетъ быть, самъ не вѣрно понимаю то, что случилось. Я убилъ ее потому, мнѣ кажется, что меня оттолкнула она... А мнѣ было нужно ее.

— „Но вѣдь она не твоя!—сказали ему.

— „Развѣ вы пользуетесь только своимъ? Я вижу, что каждый человѣкъ имѣетъ своею только рѣчь, руки и ноги... а владѣетъ онъ животными, женщинами, землей... и многимъ еще...

„Ему сказали на это, что за все, что человѣкъ бе-

реть, онъ платитъ собой: своимъ умомъ и силой, своей свободой и жизнью. А онъ отвѣчалъ, что онъ хочетъ сохранить себя цѣлымъ.

„Долго говорили съ нимъ и, наконецъ, изъ его отвѣтовъ увидали, что онъ считаетъ себя первымъ на землѣ и что, кромѣ себя, онъ не видитъ ничего. Всѣмъ даже страшно стало, когда поняли, на какое одиночество онъ обрекалъ себя. У него не было ни племени, ни матери, ни подвиговъ, ни скота, ни жены, и онъ не хотѣлъ ничего этого“.

На берегу смѣялась дѣвушка славнымъ, веселымъ смѣхомъ и пѣлъ кто-то высокимъ теноромъ. Иногда ему подтягивали нѣсколько человѣкъ сразу. Стая звуковъ вылетала на воздухъ и вдругъ пропадала, точно ее схватывалъ кто-то всю сразу, схватывалъ и пряталъ...

„Когда всѣ тѣ люди увидали, что не будетъ ему ничего свыше, они снова принялись судить о томъ, какъ наказать его. Но теперь не долго они говорили, ибо тотъ мудрый, не мѣшавшій пока имъ говорить, заговорилъ самъ:

— „Стойте! Наказаніе есть. Это страшное наказаніе; вы не выдумаете такого въ тысячу лѣтъ! Наказаніе ему въ немъ самомъ! Пустите его, пусть онъ будетъ свободенъ. Вотъ его наказаніе.

„И тутъ произошло великое. Грянулъ громъ съ неба, на которомъ не было тучъ. Это силы подтверждали рѣчь мудраго. Всѣ поклонились и разошлись. А онъ, этотъ юноша, который теперь уже имѣлъ имя Ларра, что значитъ: отверженный, выкинутый вонъ,—этотъ юноша громко смѣялся вслѣдъ людямъ, которые бросили его, смѣялся и оставался одинъ свободный, какъ отецъ его. Но отецъ его не былъ человѣкомъ... А этотъ — былъ человѣкъ. И вотъ онъ сталъ жить, вольный, какъ птица. Онъ приходилъ въ племя и похищалъ скотъ, дѣвушекъ,—все, что хотѣлъ. Въ него стрѣляли, но стрѣлы не могли пронизать его тѣла, обвитаго невидимымъ

человѣку. покрываломъ высшей кары. Онъ былъ ловокъ, хищенъ, силенъ, жестокъ и не встрѣчался съ людьми лицомъ къ лицу. Издали видѣли только его. И всякій, кто видѣлъ, всегда пускалъ въ него столько стрѣлъ, сколько желалъ. И долго онъ, одинокій, такъ вился около людей, долго, не одинъ десятокъ длинныхъ годовъ. Но человѣкъ не можетъ всю жизнь дѣлать одно и то же. Нельзя всегда наслаждаться—потеряешь цѣну наслажденію и захочется страдать... И вотъ однажды онъ подошелъ близко къ людямъ, и когда они бросились на него, онъ не тронулся съ мѣста и ничѣмъ не показалъ, что будетъ защищаться. Тогда одинъ изъ людей догадался и крикнулъ быстро и громко:

— „Не троньте его! Онъ хочетъ умереть!

„И всѣ остановились, не желая облегчить участь того, кто дѣлалъ имъ зло, не желая убивать его. Остановились и смѣялись надъ нимъ. А онъ дрожалъ, слыша этотъ смѣхъ, и все искалъ чего-то на своей груди, хватаясь за нее руками. И вдругъ онъ бросился на людей, поднявъ камень. Но они, уклоняясь отъ его ударовъ, не нанесли ему ни одного, и когда онъ, утомленный, съ тоскливымъ крикомъ упалъ на землю, то отошли въ сторону и наблюдали за нимъ. И вотъ онъ всталъ и, поднявъ потерянный кѣмъ-то въ борьбѣ съ нимъ ножъ, ударилъ имъ себя въ грудь. Но сломался ножъ, точно въ камень ударили имъ. И снова онъ упалъ на землю и долго бился головой объ нее. Но земля отстранялась отъ него, углубляясь отъ ударовъ его головы.

— „Онъ не можетъ умереть,—съ радостью сказали тѣ, что видѣли все это.

„И они ушли, оставивъ его одного. Онъ лежалъ кверху лицомъ и видѣлъ—высоко въ небѣ черными точками плавали могучіе орлы. Онъ лежалъ, и въ его глазахъ было столько тоски, что можно было бы отравить ею всѣхъ людей міра. Итакъ, съ той поры остался

онъ одинъ свободный и ищущій смерти. И вотъ онъ ходитъ, ходитъ повсюду... Видишь, онъ сталъ ужъ какъ тѣнь и такимъ онъ будетъ вѣчно. Онъ не понимаетъ ни рѣчи людей, ни ихъ поступковъ,—ничего. И все ищетъ, ходитъ, ходитъ... Ему нѣтъ жизни и смерть не улыбается ему. И нѣтъ ему мѣста среди людей... Вотъ какъ былъ пораженъ человѣкъ за гордость!“

Старуха вздохнула, замолчала, и ея голова, опустившись на грудь, нѣсколько разъ странно качнулась.

Я посмотрѣлъ на нее. Старуху одолѣвалъ сонъ, показалось мнѣ. Мнѣ стало почему-то вдругъ страшно жалко ее. Конецъ разсказа она вела такимъ возвышеннымъ, чему-то угрожающимъ тономъ, а все-таки въ этомъ тонѣ звучала боязливая, рабская нота.

На берегу запѣли,—странно запѣли. Сначала раздался контральто—онъ пропѣлъ двѣ-три ноты, и раздался другой голосъ, начавшій пѣсню сначала, а первый все лился впереди его...—третій, четвертый, пятый вступили въ пѣсню въ томъ же порядкѣ. И вдругъ ту же пѣсню, опять-таки сначала, запѣлъ хоръ мужскихъ голосовъ.

Получилось что-то удивительно оригинальное. Каждый голосъ женщинъ звучалъ совершенно отдѣльно, всѣ они казались разноцвѣтными ручьями и, точно скатываясь откуда-то сверху по уступамъ, прыгая и звеня, вливаясь въ густую волну мужскихъ голосовъ, плавно лившуюся кверху, потонули въ ней, вырывались изъ нея, заглушали ее и снова одинъ за другимъ взвивались, чистые и сильные, высоко вверхъ. И мелодія была оригинальна: мужчины пѣли безъ вибрацій, и могучіе звуки ихъ голосовъ гудѣли глухо, какъ бы разсказывая о чемъ-то печальномъ, а голоса женщинъ, догоняя другъ друга, точно торопились разсказать то же самое прежде мужчинъ и звенѣли колокольчиками весело, живо, съ массой смѣющихся трелей.

Шума волнъ не слышно было за голосами...

II.

— Слышалъ ли ты, чтобъ гдѣ-нибудь еще такъ пѣли?—спросила Изергиль, поднимая голову и улыбаясь своимъ беззубымъ ртомъ.

— Не слыхалъ. Никогда не слыхалъ..,—шепнулъ я ей.

— Ага!... и не услышишь. Мы любимъ пѣть. И красивы мы всѣ. Только красавцы могутъ хорошо пѣть,— красавцы, которые любятъ жить. Мы любимъ жить. Смотри-ка, развѣ не устали за день тѣ, которые поютъ тамъ? Съ восхода по закатъ работали, взошла луна, и уже поютъ. Тѣ, которые не умѣютъ жить, легли бы спать уже. Тѣ, которымъ жизнь мила и которые дорожатъ ею вотъ—поютъ.

— Но здоровье...—началъ было я.

— Здоровья всегда хватитъ на жизнь. Здоровье! Развѣ ты, имѣя деньги, не тратилъ бы ихъ? Здоровье то же золото. Знаешь ты, что я дѣлала, когда была молодой? Я ткала ковры съ восхода по закатъ, не вставая почти. Я, какъ солнечный лучъ, живая была и вотъ должна была сидѣть неподвижно, какъ камень. И сидѣла до того, что, бывало, всѣ кости у меня трещатъ. А какъ придетъ ночь, я бѣжала къ тому, кого любила, цѣловаться съ нимъ. Девять верстъ было до него. И обратно, значитъ—девять же. Знаешь, сколько это выходитъ?... Итакъ вотъ я бѣгала три мѣсяца, пока была любовь; всѣ ночи этого времени бывала у него. И вотъ до какой поры дожила—хватило крови! А сколько любила! Сколько поцѣлуевъ взяла и дала!...

Я посмотрѣлъ ей въ лицо. Ея черные глаза были все-таки тусклы, ихъ не оживило воспоминаніе. Луна ясно освѣщала ея черное, сморщенное лицо, и я видѣлъ сухія, потрескавшіяся губы, провалившійся внутрь за-

остренный подбородокъ съ сѣдыми волосами на немъ и сморщенный носъ, загнутый, какъ клювъ совы. На мѣстѣ щекъ были черныя ямы, и въ одной изъ нихъ лежала прядь пепельно-сѣдыхъ волосъ, выбившихся изъ-подъ красной тряпки, которою была обмотана ея голова. Кожа на лицѣ, шеѣ и рукахъ была тонка, вся изрѣзана морщинами, и при каждомъ движеніи старой Изергиль можно было ждать, что сухая кожа разорвется вся, развалится кусками и предо мной явится голый скелетъ съ тусклыми черными глазами.

— Разскажи мнѣ, какъ ты любила!—попросилъ я ее.

Тогда она снова начала разсказывать своимъ хрустящимъ голосомъ:

„Я жила съ матерью подъ Фальми, на самомъ берегу Бырлата; и мнѣ было пятнадцать лѣтъ, когда онъ явился къ нашему хутору въ лодкѣ. Былъ онъ такой высокій, гибкій, черноусый, веселый. Сидитъ въ лодкѣ и такъ звонко кричитъ онъ намъ въ окна: „Эй, нѣтъ ли у васъ вина... и поѣсть мнѣ?“ Я посмотрѣла въ окно сквозь вѣтви ясеней и вижу: рѣка вся голубая отъ луны, а онъ, въ бѣлой рубахѣ и въ широкомъ кушакѣ съ распущенными на боку концами, стоитъ себѣ одной ногой въ лодкѣ, а другой на берегу. И покачивается, и что-то поетъ. Увидалъ меня, говоритъ: „Вотъ какая красавица живетъ тутъ!... А я и не зналъ про это!“ Точно онъ ужъ зналъ всѣхъ красавицъ до меня! Я дала ему вина и вареной свинины... А черезъ четыре дня дала уже и всю себя... Мы все катались съ нимъ въ лодкѣ по ночамъ. Онъ пріѣдетъ и посвиститъ тихо, какъ сусликъ, а я и выпрыгну, какъ рыба, въ окно на рѣку къ нему. И ѣдемъ... Онъ былъ рыбакомъ съ Прута, и потомъ, когда мать узнала про все и побила меня, уговаривалъ все меня уйти съ нимъ въ Добруджу и дальше, въ дунайскія гирла. Но мнѣ ужъ не нравился онъ тогда — только поетъ да цѣлуется,

ничего больше. Скучно это было уже. Въ то время гуцулы шайкой ходили по тѣмъ мѣстамъ, и у нихъ были любезныя тутъ... Такъ вотъ тѣмъ весело было. Иная ждетъ, ждетъ своего карпатскаго молодца, думаетъ, что онъ уже въ тюрьмѣ или убитъ гдѣ-нибудь въ дракѣ,—и вдругъ онъ одинъ, а то съ двумя-тремя товарищами, какъ съ неба упадетъ къ ней. Подарки подносилъ богатые—легко же вѣдь доставалось все ему!—и пируетъ у нея, и хвалится ею передъ своими товарищами. А ей любо это. Я и попросила одну подругу, у которой былъ гуцулъ, показать мнѣ ихъ... Какъ ее звали? Забыла какъ... Все стала забывать теперь. Лѣтъ семь десятковъ прошло съ той поры, все забудешь! Она меня познакомила съ молодцомъ. Былъ хорошъ... Рыжій былъ, весь рыжій—и усы и кудри. Огненная голова была у него... И былъ онъ такой печальный, ласковый иногда, а иногда какъ звѣрь ревѣлъ и дрался. Разъ ударилъ меня въ лицо... А я, какъ кошка, вскочила ему на грудь, да и впилась зубами въ щеку... Съ той поры у него на щекѣ стала ямка, и онъ любилъ, когда я цѣловала ее..."

— А рыбакъ куда дѣвался?—спросилъ я.

— Рыбакъ?—А онъ... тутъ... Онъ присталъ къ нимъ, къ гуцуламъ. Сначала все уговаривалъ меня и грозилъ бросить въ воду, а потомъ—ничего, присталъ къ нимъ и другую завелъ... Ихъ обоихъ и повѣсили вмѣстѣ—и рыбака, и этого гуцула. Гуцула звали „Клестъ" за его рыжіе волосы. Я ходила смотрѣть, какъ ихъ вѣшали. Въ Добруджѣ это было. Рыбакъ шелъ на казнь блѣдный и плакалъ, а гуцулъ трубку курилъ. Идетъ себѣ и куритъ, руки въ карманахъ, одинъ усъ на плечѣ лежитъ, а другой на грудь свѣсился. Увидалъ меня, вынулъ трубку и кричитъ: „прощай!"... Я цѣлый годъ жалѣла его. Эхъ!... Это ужъ тогда съ ними было, какъ они хотѣли уйти въ Карпаты къ себѣ. На прощанье пошли къ одному румыну въ гости, тамъ ихъ и поймали. Двоихъ только, а нѣсколькихъ убили, а осталь-

ные ушли... Все-таки румыну заплатили послѣ... Хуторъ сожгли и мельницу, и хлѣбъ весь. Нищимъ сталъ.

— Это ты сдѣлала?—наудачу спросилъ я.

— Много было друзей у гуцуловъ, не одна я... Кто былъ ихъ лучшимъ другомъ, тотъ и справилъ имъ поминки...

Пѣсня на берегу моря уже умолкла, и старухѣ аккомпанировалъ теперь шумъ морскихъ волнъ; задумчивый, мятежный шумъ былъ славнымъ аккомпаниментомъ разсказу о мятежной жизни. Чуть слышнымъ доносился съ морского берега смутный говоръ и смѣхъ людей. Все мягче становилась ночь, и все больше разрождалось въ ней голубого сіянія луны, а неопредѣленные звуки хлопотливой жизни ея невидимыхъ обитателей становились тише, заглушаемые возраставшимъ шорохомъ волнъ... ибо усиливался вѣтеръ.

„А то еще турка любила я. Въ гаремѣ у него была, въ Скутари. Цѣлую недѣлю жила,—ничего... Но скучно стало...—все женщины, женщины... Восемь было ихъ у него... Цѣлый день ѣдятъ и спятъ и болтаютъ глупыя рѣчи... Или ругаются, квохчутъ, какъ курицы... Онъ былъ ужъ немолодой, этотъ турокъ. Сѣдой почти и такой важный, богатый. Говорилъ—какъ владыка... Глаза были черные... Прямые глаза... Смотрятъ прямо въ душу. Очень онъ любилъ молиться. Я его въ Букурешти увидала... Ходитъ по рынку, какъ царь, и смотритъ такъ важно, важно. Я ему улыбнулась. Въ тотъ же вечеръ меня схватили на улицѣ и привезли къ нему. Онъ кипарисъ и пальму продавалъ, а въ Букурешти пріѣхалъ купить что-то. „Ѣдешь ко мнѣ?“ говоритъ.—О, да, поѣду! „Хорошо!“ И я поѣхала. Богатый онъ былъ, этотъ турокъ. И сынъ у него уже былъ—черненькій мальчикъ, гибкій такой... Ему лѣтъ шестнадцать было. Съ нимъ я и убѣжала отъ турка... Убѣжала въ Болгарію, въ Ломъ-Паланку... Тамъ меня одна болгарка ножомъ ударила въ грудь за жениха или за мужа своего—ужъ не помню.

Хворала я долго въ монастырѣ одномъ. Женскій это былъ монастырь. Ухаживала за мной одна дѣвушка, полька... и къ ней изъ монастыря другого,—около Арцеръ-Паланки, помню,—ходилъ братъ, тоже монашекъ... Такой... какъ червякъ, все извивался предо мной... И когда я выздоровѣла, то ушла съ нимъ... въ Польшу его.“

— Погоди!... А гдѣ маленькій турокъ?

— Мальчикъ? Онъ умеръ, мальчикъ. Отъ тоски по дому или отъ любви... но сталъ сохнуть онъ такъ, какъ неокрѣпшее деревцо, которому слишкомъ много перепало солнца... такъ и сохъ все... Помню, лежитъ, весь уже прозрачный и голубоватый, какъ льдинка, а все еще въ немъ горитъ любовь... И все проситъ наклониться и цѣловать его... Я любила его и, помню, много цѣловала... Потомъ ужъ онъ совсѣмъ сталъ плохъ—не двигался почти. Лежитъ и такъ жалобно, какъ нищій милостыни, проситъ меня лечь съ нимъ рядомъ и грѣть его. Я ложилась. Ляжешь съ нимъ... онъ сразу загорится весь. Однажды я проснулась, а онъ ужъ холодный... мертвый... Я плакала надъ нимъ. Кто скажетъ? Можетъ, вѣдь, это я и убила его. Вдвое старше его я была тогда ужъ. И была такая сильная, сочная... а онъ что же?... мальчикъ!...

Она вздохнула и—первый разъ я видѣлъ это у нея—перекрестилась трижды, шепча что-то сухими губами.

— Ну,—подсказалъ я ей, видя, что она молчитъ,—отправилась ты въ Польшу...

— Да... съ тѣмъ маленькимъ полячкомъ. Онъ былъ смѣшной и подлый. Когда ему нужна была женщина, онъ ластился ко мнѣ, какъ котъ, и съ его языка горячій медъ текъ, а когда онъ меня не хотѣлъ, то щелкалъ меня словами, какъ кнутомъ. Разъ какъ-то шли мы по берегу рѣки, и вотъ онъ сказалъ мнѣ свое гордое, обидное слово. О! О!... я разсердилась! Я закипѣла, какъ смола! Я взяла его на руки и, какъ ребенка,—онъ вѣдь былъ маленькій,—подняла вверхъ, сдавивъ ему бока такъ, что онъ посинѣлъ весь. И вотъ я размахнулась и бро-

сила его съ берега въ рѣку. Онъ кричалъ все... Смѣшно такъ кричалъ. Я смотрѣла на него сверху, а онъ барахтался тамъ, въ водѣ. Я ушла тогда. И больше не встрѣчалась съ нимъ. Я была счастлива на это: никогда не встрѣчалась послѣ съ тѣми, которыхъ когда-то любила. Это нехорошія встрѣчи, все равно какъ бы съ покойниками.

Старуха замолчала, вздыхая. Я представлялъ себѣ воскрешаемыхъ ею людей. Вотъ онъ, огненно-рыжій, усатый гуцулъ, который идетъ умирать, спокойно покуривая трубку, сильный, рѣшительный малый... У него навѣрное были холодные голубые глаза, которые на все смотрѣли сосредоточенно и твердо. Вотъ рядомъ съ нимъ черноусый рыбакъ съ Прута; онъ плачетъ, не желая умирать, и на его лицѣ, блѣдномъ отъ предсмертной тоски, потускнѣли веселые глаза, и усы, смоченные слезами, печально обвисли по угламъ искривленнаго рта. Вотъ онъ, старый важный турокъ, навѣрное фаталистъ и деспотъ, и рядомъ съ нимъ его сынъ, блѣдный и хрупкій цвѣтокъ востока, отравленный поцѣлуями. А вотъ тщеславный полякъ, галантный и жестокій, краснорѣчивый и голодный... И всѣ они только блѣдныя тѣни, а та, которую они цѣловали, сидитъ рядомъ со мной живая, но изсушенная временемъ, безъ тѣла и безъ крови, съ сердцемъ безъ желаній, съ глазами безъ огня... тоже почти тѣнь.

А она продолжала говорить:

„Въ Польшѣ стало трудно мнѣ. Тамъ живутъ холодные и лживые люди. Я не знала ихъ змѣинаго языка. Всѣ шипятъ... Что шипятъ? Это Богъ далъ имъ такой змѣиный языкъ за то, что они лживы. Шла я тогда, не зная куда, и видѣла, какъ они собирались бунтовать съ вами, русскими. И наконецъ, я дошла до города Бохніи. Жидъ одинъ купилъ меня; не для себя купилъ, а чтобы торговать мною. Я согласилась на это. Чтобы жить, надо умѣть что-нибудь дѣлать. Я ничего не умѣла и

вотъ за это платила собой. Но я подумала тогда, что вѣдь если я достану немного денегъ, чтобы воротиться къ себѣ на Бырлатъ, я порву цѣпи, какъ бы онѣ крѣпки ни были. И жила я тамъ. Ходили ко мнѣ богатые паны и пировали со мной и у меня. Это имъ дорого стоило. Дрались изъ-за меня они, разорялись. Одинъ добивался меня долго и разъ вотъ что сдѣлалъ: пришелъ, а слуга за нимъ идетъ съ мѣшкомъ. Вотъ панъ взялъ въ руки тотъ мѣшокъ и опрокинулъ его надъ моей головой. Золотыя монеты стукали меня по головѣ, и мнѣ весело было слушать ихъ звонъ, когда онѣ падали на полъ. Но я все-таки выгнала пана. У него было такое толстое, сырое лицо, и животъ—какъ большая подушка. Онъ смотрѣлъ, какъ сытая свинья. Да, выгнала я его, хотя онъ и говорилъ, что продалъ всѣ земли свои и дома, и коней, чтобы осыпать меня золотомъ. Я тогда любила одного достойнаго пана съ изрубленнымъ лицомъ. Все лицо было у него изрублено крестъ-на-крестъ саблями турокъ, съ которыми онъ незадолго передъ тѣмъ воевалъ за грековъ. Вотъ человѣкъ!... Что ему греки, если онъ полякъ? А онъ пошелъ, бился рядомъ съ ними противъ ихъ враговъ. Изрубили его, у него вытекъ одинъ глазъ отъ ударовъ и два пальца на лѣвой рукѣ были тоже отрублены... Что ему греки, если онъ полякъ? А вотъ что: онъ любилъ подвиги. А когда человѣкъ любитъ подвиги, онъ всегда сумѣетъ ихъ сдѣлать и найдетъ, гдѣ это можно. Въ жизни, знаешь ли ты, всегда есть мѣсто подвигамъ. И тѣ, которые не находятъ ихъ для себя, тѣ просто лѣнтяи или просто трусы, или не понимаютъ жизни, потому что, кабы люди понимали жизнь, каждый захотѣлъ бы оставить послѣ себя свою тѣнь въ ней. И тогда она не пожирала бы людей безслѣдно... О, этотъ рубленный былъ хорошій человѣкъ! Онъ готовъ былъ идти на край свѣта, чтобы дѣлать что-нибудь. Навѣрное, ваши убили его во время бунта. А зачѣмъ вы ходили бить венгровъ? Ну-ну, молчи!...“

И, приказывая мнѣ молчать, старая Изергиль вдругъ замолчала сама и задумалась.

„Знала также я и венгра одного. Онъ однажды ушелъ отъ меня,—зимой это было, — и только весной, когда стаялъ снѣгъ, нашли его въ полѣ съ прострѣленной головой. Вотъ какъ! Видишь—не меньше чумы губитъ любовь людей; коли посчитать — не меньше... Что я говорила? О Польшѣ... Да, тамъ я сыграла свою послѣднюю игру. Встрѣтила одного шляхтича... Вотъ былъ красивъ! Какъ чортъ. Я же стара ужъ была, эхъ, стара! Было ли мнѣ четыре десятка лѣтъ? Пожалуй, что и было... А онъ былъ еще и гордъ, и избалованъ нами, женщинами. Дорого онъ мнѣ сталъ... да. Онъ хотѣлъ сразу такъ себѣ взять меня, но я не далась. Я не была никогда рабой ничьей. А съ жидомъ я ужс кончила, много денегъ дала ему... И уже въ Краковѣ жила. Тогда у меня все было, и лошади, и золото, и слуги... Онъ ходилъ ко мнѣ, гордый демонъ, и все хотѣлъ, чтобъ я сама кинулась ему въ руки. Мы поспорили съ нимъ... вотъ какъ!... Я даже,—помню,—дурнѣла отъ этого. Долго это тянулось... Я взяла свое: онъ на колѣняхъ упрашивалъ меня... Но только взялъ, какъ ужъ и бросилъ. Тогда поняла я, что стала стара... Охъ, это было мнѣ не сладко! вотъ ужъ не сладко!... Я вѣдь любила его, этого чорта... а онъ, встрѣчаясь со мной, смѣялся мнѣ... подлъ онъ былъ! И другимъ онъ смѣялся надо мной, а я все это знала. Ну, ужъ горько было мнѣ, скажу. Но онъ былъ тутъ, близко, и я все-таки любовалась имъ. А какъ вотъ ушелъ онъ биться съ вами, русскими, тошно стало мнѣ. Ломала я себя, но не могла сломать... И рѣшила поѣхать за нимъ. Онъ около Варшавы былъ, въ лѣсу.

„Но когда я пріѣхала, то узнала, что ужъ побили ихъ ваши... и что онъ въ плѣну, недалеко въ деревнѣ.

„Значитъ,—подумала я,—не увижу уже его больше.

А видѣть хотѣлось. Ну, я стала стараться увидать... Нищей одѣлась, хромой, и пошла, завязавъ лицо, въ ту деревню, гдѣ былъ онъ. Вездѣ казаки и солдаты... дорого мнѣ стоило быть тамъ! Узнала я, гдѣ они, поляки, сидятъ, и вижу, что трудно попасть туда. А нужно мнѣ это было. И вотъ ночью подползала я къ тому мѣсту, гдѣ они были. Ползу по огороду между грядъ и вижу: часовой стоитъ на моей дорогѣ... А ужъ слышно мнѣ— поютъ поляки и говорятъ громко. Поютъ пѣсню одну... къ Матери Бога... И тотъ тамъ же поетъ... Аркадэкъ мой. Мнѣ горько стало, какъ подумала я, что раньше за мной ползали... а вотъ оно пришло время — и я за человѣкомъ поползла змѣей по землѣ и, можетъ, на смерть свою ползу. А этотъ часовой уже слушаетъ, выгнулся впередъ. Ну, что же мнѣ? встала я съ земли и пошла на него. Ни ножа у меня нѣтъ, ничего, кромѣ рукъ да языка. Жалѣю, что не взяла ножа. Шепчу... „погоди!"... А онъ, солдатъ этотъ, уже приставилъ къ горлу мнѣ штыкъ. Я говорю ему шопотомъ: „не коли, погоди, послушай, коли у тебя душа есть! Не могу тебѣ ничего дать, а прошу тебя"... Онъ опустилъ ружье и также шопотомъ говоритъ мнѣ: „пошла прочь, баба! пошла! Чего тебѣ?" Я сказала ему, что сынъ у меня тутъ запертъ... „Ты понимаешь, солдатъ, — сынъ! Ты вѣдь тоже чей-нибудь сынъ, да? Такъ вонъ посмотри на меня—у меня есть такой же, какъ ты, и вонъ онъ гдѣ! Дай мнѣ посмотрѣть на него, можетъ, онъ умретъ скоро... и можетъ, тебя завтра убьютъ... будетъ плакать твоя мать о тебѣ? И вѣдь тяжко будетъ тебѣ умереть, не взглянувъ на нее, твою мать? И моему сыну тяжко же. Пожалѣй же себя и его, и меня—мать!"...

„Охъ, какъ долго говорила я ему! Шелъ дождь и мочилъ насъ. Вѣтеръ вылъ и ревѣлъ, и толкалъ меня то въ спину, то въ грудь. Я стояла и качалась передъ этимъ каменнымъ солдатомъ... А онъ все говорилъ: „нѣтъ!" И каждый разъ, какъ я слышала его холодное

слово, еще жарче во мнѣ вспыхивало желанiе видѣть того Аркадэка... Я говорила и мѣрила глазами солдата— онъ былъ маленькiй, сухой и все кашлялъ. И вотъ я упала на землю передъ нимъ и, охвативъ его колѣни, все упрашивала его горячими словами, свалила солдата на землю. Онъ упалъ въ грязь. Тогда я быстро повернула его лицомъ къ землѣ и придавила его голову въ лужу, чтобъ онъ не кричалъ. Онъ не кричалъ, а только все барахтался, стараясь сбросить меня со своей спины. Я же обѣими руками втискивала его голову глубже въ грязь. Онъ и задохнулся... Тогда я бросилась къ амбару, гдѣ пѣли поляки. „Аркадэкъ!"... шептала я въ щели стѣнъ. Они догадливые, эти поляки,—и, услыхавъ меня, перестали пѣть. Вотъ его глаза противъ моихъ. „Можешь ты выйти отсюда?"—„Да, черезъ полъ!" сказалъ онъ.—„Ну, иди же". И вотъ четверо ихъ вылѣзло изъподъ этого амбара: трое и Аркадэкъ мой. „Гдѣ часовые?" спросилъ Аркадэкъ.—„Вонъ лежитъ!"... И они пошли тихо-тихо, согнувшись къ землѣ, прямо къ мѣсту, гдѣ лежалъ тотъ солдатъ, и когда проходили мимо, то ругали его, а Аркадэкъ, поднявъ ружье, прокололъ спину солдата штыкомъ. Дождь все сильнѣе шелъ, а вѣтеръ вылъ такъ громко. Мы ушли изъ деревни и долго молча шли лѣсомъ. Быстро такъ шли. Аркадэкъ держалъ меня за руку, и его рука была горяча и дрожала. О!... мнѣ такъ хорошо было съ нимъ, пока онъ молчалъ. Послѣднiя это были минуты—хорошiя минуты моей жадной жизни. Но вотъ мы вышли на лугъ и остановились. Они благодарили меня всѣ четверо. Охъ, какъ они долго и много говорили мнѣ что-то! Я все слушала и смотрѣла на своего пана. Что же онъ сдѣлаетъ мнѣ? И вотъ онъ обнялъ меня и сказалъ такъ важно... Не помню, что онъ сказалъ, но такъ выходило, что теперь онъ въ благодарность за то, что я увела его, будетъ любить меня... И сталъ онъ на колѣни предо мной, улыбаясь, и сказалъ мнѣ: „моя королева!" Вотъ какая лживая собака была

это!... Ну, тогда я дала ему пинка ногой и ударила бы его въ лицо, да онъ отшатнулся и вскочилъ. Грозный и блѣдный стоитъ онъ предо мной... Стоятъ и тѣ трое, хмурые всѣ. И всѣ молчатъ. Я посмотрѣла на нихъ... Мнѣ тогда стало—помню—только скучно очень, и такая лѣнь напала на меня... Холодная лѣнь. Я сказала имъ: „идите!“ Они, псы, спросили меня: „Ты воротишься туда указать нашъ путь?“ Вотъ какіе подлые! Ну, все-таки ушли они. Тогда и я пошла... А на другой день взяли меня ваши, но скоро отпустили. Тогда увидала я, что пора мнѣ завести гнѣздо, будетъ жить кукушкой! Ужъ тяжела стала я, и ослабѣли крылья, и перья потускнѣли... Пора, пора! Тогда я уѣхала въ Галицію, а оттуда въ Добруджу. И вотъ уже около трехъ десятковъ лѣтъ живу здѣсь. Былъ у меня мужъ, молдаванинъ; умеръ съ годъ тому времени. И живу я вотъ. Одна живу... Нѣтъ, не одна, а вонъ съ тѣми.“

Старуха махнула рукой къ морю. Тамъ все было тихо. Иногда рождался какой-то краткій, обманчивый звукъ и умиралъ тотчасъ же.

— Любятъ они меня. Много я разсказываю имъ разнаго. Имъ это надо. Еще молодые все... И мнѣ хорошо съ ними. Смотрю и думаю: вотъ и я, было время, такой же была... Только тогда, въ мое время, больше было въ человѣкѣ силы и огня, и оттого жилось веселѣе и лучше... Да!..

И она замолчала. Я смотрѣлъ на нее пристально и долго. Мнѣ грустно было рядомъ съ ней. Она же дремала, качая головой, и тихо, тихо шептала что-то... можетъ быть молилась.

Съ моря поднималась туча—черная, тяжелая, суровыхъ очертаній, похожая на горный хребетъ. Она ползла въ степь. Съ ея вершины срывались клочья облаковъ, неслись впередъ ея и гасили звѣзды одну за другой. Море шумѣло. Недалеко отъ насъ, въ лозахъ винограда, цѣловались, шептали и вздыхали. Глубоко въ степи выла собака... Воздухъ становился удушли-

вымъ и раздражалъ нервы страннымъ запахомъ, щекотавшимъ ноздри. Отъ облаковъ падали на землю густыя стаи тѣней и ползли по ней, ползли, исчезали, являлись снова... Луна погасла, на ея мѣстѣ осталось только мутное опаловое пятно, и оно иногда совсѣмъ закрывалось сизымъ клочкомъ облака. И въ степной дали, теперь уже черной и страшной, какъ бы притаившейся и скрывшей въ себѣ что-то, вспыхивали маленькіе голубые огоньки. То тамъ, то тутъ они на мигъ являлись и гасли, точно нѣсколько людей, разсыпавшихся по степи далеко другъ отъ друга, искали въ ней что-то, зажигая спички, которыя вѣтеръ тотчасъ же гасилъ. Это были очень странные голубые языки огня, намекавшіе на что-то сказочное.

— Видишь ты искры?—спросила меня Изергиль.

— Вонъ тѣ, голубыя?—указывая ей на степь, сказалъ я.

— Голубыя? Да, это онѣ... Значитъ, летаютъ все-таки! Ну-ну... Я уже вотъ не вижу ихъ больше. Не могу я теперь многаго видѣть.

— Откуда эти искры?—спросилъ я старуху.

Я слышалъ кое-что раньше о происхожденіи ихъ, этихъ искръ, но мнѣ хотѣлось послушать, какъ разскажетъ о томъ же старая Изергиль.

— Эти искры отъ горящаго сердца Данко. Было на свѣтѣ сердце, которое однажды вспыхнуло огнемъ... И вотъ отъ него эти искры. Я разскажу тебѣ про все это... Тоже старая сказка... Старое все, старое! Видишь ты, сколько въ старинѣ всего?... А теперь вотъ нѣтъ ничего такого—ни дѣлъ, ни людей, ни сказокъ такихъ, какъ встарину... Почему? Ну-ка, скажи! Не скажешь... Что ты знаешь? Что вы знаете, всѣ молодые? Эхе-хе!... Смотрѣли бы въ старину зорко—тамъ всѣ отгадки найдутся... А вотъ вы не смотрите и не умѣете жить оттого... Я не вижу развѣ жизнь? Охъ, все вижу, хоть и плохи мои глаза! И вижу я, что не живутъ люди, а все

примѣряются, примѣряются и кладутъ на это всю свою жизнь. И когда обворуютъ сами себя, истративъ время, то начнутъ плакаться на судьбу. Что же тутъ судьба? Каждый самъ себѣ судьба! Всякихъ людей я нынче вижу, а вотъ сильныхъ нѣтъ! Гдѣ жъ они?... И красавцевъ становится все меньше.

Старуха задумалась о томъ, куда дѣвались изъ жизни сильные и красивые люди и, думая, осматривала темную степь, какъ бы ища въ ней отвѣта.

Я ждалъ ея разсказа и молчалъ, боясь, что если спрошу ее о чемъ-либо, она опять отвлечется въ сторону. Я зналъ, что когда она отправляется въ бурное море своихъ воспоминаній, оно вѣетъ на нее философіей, и часто случалось, что конецъ той или иной легенды гибъ подъ гнетомъ этой философіи, свободной и простой, но въ изложеніи старой Изергиль представлявшей изъ себя какой-то странный клубокъ разноцвѣтныхъ нитокъ, хитро перепутанныхъ временемъ.

III.

И вотъ она начала разсказывать:

„Жили на землѣ встарину одни люди, гдѣ — не знаю. Знаю, что большіе непроходимые лѣса окружали съ трехъ сторонъ таборы этихъ людей, а съ четвертой— была степь. Были это веселые, сильные и смѣлые люди, не желавшіе многаго... Должно быть, цыгане. И вотъ пришла однажды такая смутная пора: явились откуда-то иныя племена и прогнали прежнихъ въ глубь лѣса. Тамъ были болота и тьма, потому что лѣсъ былъ старый, и такъ густо переплелись его вѣтви, что сквозь нихъ не видать было неба, и лучи солнца еле могли пробить себѣ дорогу до болотъ сквозь густую листву. Но когда его лучи падали на воду болотъ, то подымался смрадъ, и отъ него люди гибли одинъ за другимъ. Тогда стали плакать жены и дѣти этого племени, а

отцы задумались и впали въ тоску. Нужно было уйти изъ этого лѣса, и для того были двѣ дороги: одна — назадъ, — тамъ были сильные и злые враги, другая — впередъ, — тамъ стояли великаны-деревья, плотно обнявши другъ друга могучими вѣтвями и опустивъ свои узловатые корни глубоко въ цѣпкій илъ болота. Эти деревья стояли молчаливо и неподвижно, какъ каменныя, днемъ въ сѣромъ сумракѣ и еще плотнѣе сдвигались вокругъ тѣхъ людей по вечерамъ, когда загорались костры. И всегда, днемъ и ночью, вокругъ тѣхъ людей было кольцо, которое точно собиралось раздавить ихъ, привыкшихъ къ степному простору. А еще страшнѣй было тогда, когда вѣтеръ билъ по вершинамъ деревьевъ и весь лѣсъ глухо гудѣлъ, точно грозилъ и пѣлъ похоронную пѣсню тѣмъ людямъ, что укрылись въ немъ отъ враговъ. Это были все-таки сильные люди и могли бы они пойти биться насмерть съ тѣми, что однажды побѣдили ихъ, но они не могли умереть въ бояхъ, потому что у нихъ были завѣты, и коли бъ умерли они, то пропали бъ съ ними изъ жизни и завѣты тѣ. И потому они сидѣли и думали въ длинныя ночи, подъ глухой шумъ лѣса, въ ядовитомъ смрадѣ болота. Они сидѣли, и тѣни отъ костровъ прыгали вокругъ нихъ въ безмолвной пляскѣ, и всѣмъ казалось, что это не тѣни пляшутъ, а торжествуютъ злые духи лѣса и болота... Люди все сидѣли и думали. Но ничто—ни работа, ни женщины—не изнуряютъ тѣла и души людей такъ, какъ изнуряютъ тоскливыя думы, что сосутъ сердце, какъ змѣи. И ослабли отъ думъ тѣ люди... Страхъ родился среди нихъ и сковалъ имъ крѣпкія руки, ужасъ родили женщины своимъ плачемъ надъ трупами умершихъ отъ смрада и надъ судьбой скованныхъ страхомъ живыхъ,—и трусливыя слова стали слышны въ лѣсу, сначала робкія и тихія, а потомъ все громче и громче... Уже хотѣли идти къ врагу и принести ему въ даръ себя и волю свою, и никто ужъ, испуганный

смертью, не боялся рабской жизни... Но тутъ явился Данко и спасъ всѣхъ одинъ.“

Старуха, очевидно, часто разсказывала о горящемъ сердцѣ Данко: фразы являлись длинными и гладкими лентами. Она говорила пѣвуче, и голосъ ея, скрипучій и глухой, ясно рисовалъ предо мной шумъ того лѣса, среди котораго умирали отъ ядовитаго дыханія болота несчастные, загнанные люди...

„Данко — это одинъ изъ тѣхъ людей, молодой красавецъ. Красивые всегда смѣлы. И вотъ онъ говоритъ имъ, своимъ товарищамъ:

— „Не своротить камня съ пути думою. Кто ничего не дѣлаетъ, съ тѣмъ ничего не станется. Что мы тратимъ силы на думу да тоску? Вставайте, пойдемъ въ лѣсъ и пройдемъ его сквозь, вѣдь имѣетъ же онъ конецъ—все на свѣтѣ имѣетъ конецъ! Идемте! Ну! Гей!..“

„Посмотрѣли на него и увидали, что онъ лучшій изъ всѣхъ, потому что въ очахъ его свѣтилось много силы и живого огня.

— „Веди ты насъ!“—сказали они.

„Тогда онъ повелъ...“

Старуха помолчала и посмотрѣла въ степь, гдѣ все густѣла тьма. Искорки горящаго сердца Данко вспыхивали гдѣ-то далеко и казались голубыми воздушными цвѣтами, расцвѣтавшими только на мигъ.

„Повелъ ихъ Данко. Дружно всѣ пошли за нимъ, вѣрили въ него. Трудный путь это былъ! Темно было, и на каждомъ шагу болото разѣвало свою жадную гнилую пасть, глотая людей, и деревья заступали дорогу могучей стѣной. Переплелись ихъ вѣтки между собой, какъ змѣи, протянулись всюду корни, и каждый шагъ много стоилъ пота и крови тѣмъ людямъ. Долго шли они... Все гуще становился лѣсъ, все меньше было силъ! И вотъ они стали роптать на Данко, говоря, что напрасно онъ, молодой и неопытный, повелъ ихъ куда-то. А онъ шелъ впереди ихъ и былъ бодръ и ясенъ.

„Но однажды гроза грянула надъ лѣсомъ, и зашептали деревья глухо и грозно. И стало тогда въ лѣсу такъ темно, точно въ немъ собрались сразу всѣ ночи, сколько ихъ было на свѣтѣ съ той поры, какъ онъ родился. Шли маленькіе люди, между большихъ деревьевъ и въ грозномъ шумѣ молній шли они, и, качаясь, великаны-деревья скрипѣли и гудѣли сердитыя пѣсни, а молніи, летая надъ вершинами лѣса, освѣщали его на минутку синимъ холоднымъ огнемъ и исчезали такъ же быстро, какъ и являлись, пугая и дразня людей. И деревья, освѣщенныя холоднымъ огнемъ молній, казались живыми, простирающими вокругъ людей, уходившихъ изъ плѣна тьмы, корявыя, длинныя руки, сплетая ихъ въ густую сѣть и пытаясь остановить тѣхъ людей. А изъ тьмы вѣтвей смотрѣло на идущихъ что-то страшное, темное и холодное. Это былъ трудный путь, и люди, утомленные имъ, пали духомъ. Но имъ стыдно было сознаться себѣ въ безсиліи, и вотъ они въ злобѣ и гнѣвѣ обрушились на Данко, человѣка, который шелъ впереди ихъ. И стали они упрекать его въ неумѣніи управлять ими,—вотъ какъ!

„Остановились они и подъ торжествующій шумъ лѣса, среди дрожащей тьмы, усталые и злые, стали судить Данко.

— „Ты,—сказали они,—ничтожный и вредный человѣкъ для насъ! Ты повелъ насъ и утомилъ, и за это ты погибнешь!

„И молніи и громъ подтвердили ихъ приговоръ.

— „Вы сказали: „веди!“ — и я повелъ! — крикнулъ Данко, становясь противъ нихъ грудью.—Во мнѣ есть мужество вести, вотъ потому я повелъ васъ! А вы? Что сдѣлали вы въ помощь себѣ? Вы только шли и не умѣли сохранить мужество на путь болѣе долгій! Вы только шли, шли себѣ, какъ стадо овецъ!

„Но эти слова разъярили ихъ еще болѣе.

— „Ты умрешь! Ты умрешь!—ревѣли они.

„А лѣсъ все гудѣлъ и гудѣлъ, вторя ихъ крикамъ, и молніи разрывали тьму въ клочья. Данко смотрѣлъ на тѣхъ, ради которыхъ онъ понесъ трудъ, и видѣлъ, что они какъ звѣри. Много людей стояло вокругъ него, но не было на лицахъ ихъ благородства и нельзя было ему ждать пощады отъ нихъ. Тогда и въ его сердцѣ вскипѣло негодованіе, но отъ жалости къ людямъ оно погасло. Онъ любилъ людей тѣхъ и думалъ, что, можетъ быть, безъ него они погибнутъ. И вотъ его сердце вспыхнуло яркимъ огнемъ желанія спасти ихъ и вывести на легкій путь, и тогда въ его очахъ засверкали лучи того могучаго огня... А они, увидавъ это, подумали, что онъ разсвирѣпѣлъ, отчего такъ ярко и разгорѣлись очи его, и они насторожились, какъ волки, ожидая, что онъ будетъ бороться съ ними, и стали плотнѣе окружать его, чтобы легче имъ было схватить и убить Данко. А онъ уже понялъ ихъ думу, оттого еще ярче загорѣлось въ немъ сердце, ибо эта ихъ дума родила въ немъ тоску.

„А лѣсъ все пѣлъ свою мрачную пѣсню, и громъ все гремѣлъ, и лилъ дождь...

— „Что сдѣлаю я для людей!?—сильнѣе грома крикнулъ Данко.

„И вдругъ онъ разорвалъ руками себѣ грудь и вырвалъ изъ нея свое сердце и высоко поднялъ его надъ головой.

„Оно же пылало такъ ярко, какъ солнце, и ярче солнца, и весь лѣсъ замолчалъ, освѣщенный этимъ факеломъ великой любви къ людямъ, а тьма разлетѣлась отъ свѣта его и тамъ, глубоко въ лѣсу, дрожащая, пала въ гнилой зѣвъ болота. Люди же, изумленные, стали какъ камни.

— „Идемъ!—крикнулъ Данко, и бросился впередъ на свое мѣсто, высоко держа горящее сердце и освѣщая имъ путь людямъ.

„Они бросились за нимъ, любопытные и очаро-

ванные. Тогда лѣсъ снова зашумѣлъ, удивленно качая вершинами, но его шумъ былъ заглушенъ топотомъ бѣгущихъ людей. Всѣ бѣжали быстро и смѣло, увлекаемые чудеснымъ зрѣлищемъ горящаго сердца. И теперь гибли, но гибли безъ жалобъ и слезъ. А Данко все былъ впереди, и сердце его все пылало, пылало!

„И вотъ вдругъ лѣсъ разступился передъ нимъ, разступился и остался сзади, плотный и нѣмой, а Данко и всѣ тѣ люди сразу окунулись въ цѣлое море солнечнаго свѣта и чистаго воздуха, промытаго дождемъ. Гроза была тамъ, сзади нихъ, надъ лѣсомъ, а тутъ сіяло солнце, вздыхала степь, блестѣла трава въ брильянтахъ дождя и золотомъ сверкала рѣка... Былъ вечеръ, и отъ лучей заката рѣка казалась красной, какъ та кровь, что била горячей струей изъ разорванной груди Данко.

„Кинулъ взоръ впередъ себя на ширь степи гордый умирающій смѣльчакъ Данко,—кинулъ онъ радостный взоръ на развернувшуюся передъ нимъ свободную землю и засмѣялся гордо. А потомъ упалъ и умеръ.

„Тихо шептали удивленныя деревья, оставшіяся позади, и трава, смоченная кровью Данко, вторила имъ.

„Люди же, радостные и полные надеждъ, не замѣтили смерти его и не видали, что еще пылаетъ рядомъ съ трупомъ Данко его смѣлое сердце. Только одинъ осторожный человѣкъ замѣтилъ это и, боясь чего-то, наступилъ на гордое сердце ногой... И вотъ оно, разсыпавшись въ искры, угасло...“

— Вотъ откуда онѣ, голубыя искры степи, что являются передъ грозой!

* * *

Теперь, когда старуха кончила свою красивую сказку, въ степи стало страшно тихо, точно и она была поражена силой смѣльчака Данко, который сжегъ для людей свое сердце и умеръ, не прося у нихъ ничего въ награду себѣ. Прислонясь спиной къ корзинамъ съ виноградомъ, старуха дремала, изрѣдка вздрагивая. Я смот-

рѣлъ на нее и думалъ: сколько еще сказокъ и воспоминаній осталось въ ея памяти? И думалъ о великомъ горящемъ сердцѣ Данко, и о человѣческой фантазіи, создавшей столько красивыхъ и сильныхъ легендъ, о старинѣ въ которой были герои и подвиги, и о печальномъ времени, бѣдномъ сильными людьми и крупными событіями, богатомъ холоднымъ недовѣріемъ, смѣющимся надо всѣмъ,—жалкомъ времени мизерныхъ людей съ мертворожденными сердцами...

Дунулъ вѣтеръ и обнажилъ изъ-подъ лохмотьевъ сухую грудь старухи Изергиль, засыпавшей все крѣпче. Я прикрылъ ея старое тѣло и самъ легъ на землю около нея. Въ степи было тихо и темно. По небу все ползли тучи, медленно, скучно... Море шумѣло такъ глухо и печально. Старуха Изергиль крѣпко спала... Она могла не проснуться никогда больше.

ОДНАЖДЫ ОСЕНЬЮ...

РАЗСКАЗЪ БЫВАЛАГО ЧЕЛОВѢКА.

(1895.)

...Однажды осенью мнѣ привелось стать въ очень непріятное и неудобное положеніе: въ городѣ, куда я только-что пріѣхалъ и гдѣ у меня не было ни одного знакомаго человѣка,—я очутился безъ гроша въ карманѣ и безъ квартиры.

Продавъ въ первые дни все то изъ костюма, безъ чего возможно было обойтись, я ушелъ изъ города въ мѣстность, называемую „Устье“, гдѣ были пароходныя пристани и въ навигаціонное время кипѣла бойкая трудовая жизнь, а теперь было пустынно и тихо, ибо дѣло происходило въ послѣднихъ числахъ октября.

Шлепая ногами по сырому песку и упорно разглядывая его съ желаніемъ открыть въ немъ какіе ни суть остатки питательныхъ веществъ, я бродилъ одиноко среди пустынныхъ зданій и торговыхъ ларей и думалъ о томъ, какъ хорошо быть сытымъ...

При данномъ состояніи культуры голодъ души можно удовлетворить скорѣе, чѣмъ голодъ тѣла. Вы бродите по улицамъ, васъ окружаютъ зданія, недурныя по внѣшности и—можно безошибочно сказать—недурно

обставленныя изнутри—это можетъ возбудить у васъ отрадныя мысли объ архитектурѣ, о гигіенѣ и еще о многомъ другомъ мудромъ и высокомъ; вамъ встрѣчаются удобно и тепло одѣтые люди,—они вѣжливы, всегда сторонятся отъ васъ, деликатно не желая замѣчать печальнаго факта вашего существованія. Ей Богу, душа голоднаго человѣка всегда питается лучше и здоровѣе души сытаго,—вотъ положеніе, изъ котораго можно сдѣлать очень остроумный выводъ въ пользу сытыхъ!...

...Наступалъ вечеръ, шелъ дождь и съ сѣвера порывисто дулъ вѣтеръ. Онъ свистѣлъ въ пустыхъ ларяхъ и лавчонкахъ, билъ въ заколоченныя досками окна гостиницъ, и волны рѣки отъ его ударовъ пѣнились, шумно плескали на песокъ берега, высоко взметывая свои бѣлые хребты, и неслись одна за другой въ мутную даль, стремительно прыгая другъ черезъ друга... Казалось, что рѣка чувствовала близость зимы и въ страхѣ бѣжала куда-то отъ оковъ льда, который могъ въ эту же ночь набросить на нее сѣверный вѣтеръ. Небо было тяжело и мрачно, съ него неустанно сыпались еле видныя глазомъ капельки дождя, и печальную элегію въ природѣ вокругъ меня подчеркивали двѣ обломанныя и уродливыя ветлы и опрокинутая вверхъ дномъ лодка у ихъ корней.

Опрокинутый челнъ съ проломленнымъ дномъ и ограбленныя холоднымъ вѣтромъ деревья, жалкія и старыя... Все кругомъ разрушено, безлюдно и мертво, а небо точитъ неизсякаемыя слезы. Пустынно и мрачно было вокругъ—казалось, все умираетъ, скоро останусь въ живыхъ я одинъ, и меня тоже ждетъ холодная смерть.

А мнѣ тогда было восемнадцать лѣтъ — хорошая пора!

Я ходилъ, ходилъ по холодному и сырому песку, выбивая зубами трели въ честь голода и холода, и вдругъ, въ тщетныхъ поискахъ съѣстного, зайдя за одинъ изъ

ларей,—увидалъ за нимъ скорченную на землѣ фигуру въ женскомъ платьѣ, мокромъ отъ дождя и плотно приставшемъ къ склоненнымъ плечамъ. Остановившись надъ ней, я всмотрѣлся въ то, что она дѣлала. Оказалось, она роетъ руками яму въ пескѣ, подкапываясь подъ одинъ изъ ларей.

— Это зачѣмъ тебѣ?—спросилъ я, присаживаясь на корточки около нея.

Она тихо вскрикнула и быстро вскочила на ноги. Теперь, когда она стояла и смотрѣла на меня широко раскрытыми сѣрыми глазами, полными боязни,—я видѣлъ, что это дѣвушка моихъ лѣтъ, съ очень миловиднымъ личикомъ, къ сожалѣнію, украшеннымъ тремя большими синяками. Это его портило, хотя синяки были расположены съ замѣчательной пропорціональностью—по одному, равной величины, подъ глазами и одинъ побольше на лбу, какъ разъ надъ переносицей. Въ этой симметріи была видна работа артиста, очень изощрившагося въ дѣлѣ порчи человѣческихъ физіономій.

Дѣвушка смотрѣла на меня, и боязнь въ ея глазахъ постепенно гасла... Вотъ она отряхнула руки отъ песка, поправила ситцевый платокъ на головѣ, поежилась и сказала:

— Ты, чай, тоже ѣсть хочешь?... Ну-ка, рой... у меня руки устали. Тамъ,—она кивнула головой на ларь,—навѣрно хлѣбъ есть... а то и колбаса. Этотъ ларь торгуетъ еще...

Я сталъ рыть. Она же, немного подождавъ и посмотрѣвъ на меня, присѣла рядомъ и стала помогать мнѣ...

Мы работали молча. Я не могу сказать теперь, помнилъ ли я въ тотъ моментъ объ уголовномъ кодексѣ, о морали и о собственности и прочихъ вещахъ, о которыхъ, по мнѣнію многихъ свѣдущихъ людей, слѣдуетъ помнить во всѣ моменты жизни. Желая быть возможно ближе къ истинѣ, я долженъ признаться,—кажется, я былъ настолько углубленъ въ дѣло подкопа

подъ ларь, что совершенно позабылъ о всемъ прочемъ, кромѣ того, что могло оказаться въ этомъ ларѣ...

Вечерѣло. Тьма—сырая, мозглая, холодная—все болѣе сгущалась вокругъ насъ. Волны шумѣли какъ бы глуше, чѣмъ ранѣе, а дождь барабанилъ о доски ларя все звучнѣе и чаще... Гдѣ-то уже продребезжала трещотка ночного сторожа...

— Есть у него полъ или нѣтъ?—тихо спросила моя помощница. Я не понялъ, о чемъ она говоритъ, и промолчалъ...

— Я говорю—есть полъ у ларя? Коли есть, такъ мы напрасно ломаемся. Подроемъ яму,—а тамъ, можетъ, толстыя доски еще... Какъ ихъ отдерешь? Лучше замокъ сломать... замокъ-то плохонькій...

Хорошія идеи рѣдко посѣщаютъ головы женщинъ;—но, какъ вы видите, онѣ все-таки посѣщаютъ ихъ... Я всегда цѣнилъ хорошія идеи и всегда старался пользоваться ими по мѣрѣ возможности.

Найдя замокъ, я дернулъ его и вырвалъ вмѣстѣ съ кольцами... Моя соучастница мгновенно изогнулась и змѣей вильнула въ открывшееся четырехугольное отверстіе ларя. Оттуда раздался ея одобрительный возгласъ:

— Молодецъ!

Одна маленькая похвала женщины для меня дороже цѣлаго диѳирамба со стороны мужчины, будь онъ краснорѣчивъ, какъ всѣ древніе и новые ораторы, взятые вмѣстѣ. Но тогда я былъ настроенъ менѣе любезно, чѣмъ теперь, и, не обративъ вниманія на комплиментъ моей подруги, кратко и со страхомъ спросилъ ее:

— Есть что-нибудь?

Она монотонно принялась перечислять мнѣ свои открытія.

— Корзина съ бутылками... Мѣшки пустые... Зонтикъ... Ведро желѣзное.

Все это было не съѣдобно. Я чувствовалъ, что мои надежды гаснутъ... Но вдругъ она оживленно крикнула:

— Ага! вотъ онъ...

— Кто?

— Хлѣбъ... Коровай... Только мокрый... Держи!

Къ ногамъ моимъ выкатился коровай и за нимъ она, моя доблестная подруга. Я уже отломилъ кусочекъ, засунулъ его въ ротъ и жевалъ...

— Ну-ка, дай мнѣ... Да тоже отсюда надо и уходить. Куда бы намъ идти?—Она пытливо посмотрѣла во тьму на всѣ четыре стороны... Было темно, мокро, шумно...

— Вонъ тамъ лодка опрокинута... айда-ка туда?

— Идемъ!—И мы пошли, обламывая на ходу нашу добычу и набивая ею рты... Дождь усиливался, рѣка ревѣла, откуда-то доносился протяжный насмѣшливый свистокъ,—точно это нѣкто большой и никого не боящійся освистывалъ всѣ земные порядки, и этотъ скверный осенній вечеръ, и насъ, двухъ его героевъ... Сердце болѣзненно ныло отъ этого свиста; тѣмъ не менѣе я жадно ѣлъ, въ чемъ мнѣ не уступала и дѣвушка, шедшая съ лѣвой стороны отъ меня.

— Какъ тебя зовутъ?—зачѣмъ-то спросилъ я ее.

— Наташа!—кратко отвѣчала она, звучно чавкая.

Я посмотрѣлъ на нее—у меня больно сжалось сердце, я посмотрѣлъ во тьму впереди меня и—мнѣ показалось, что ироническая рожа моей судьбы улыбается мнѣ загадочно и холодно...

...По дереву лодки неугомонно стучалъ дождь, и мягкій шумъ его наводилъ на грустныя мысли, и вѣтеръ свистѣлъ, влетая въ проломленное дно—въ щель, гдѣ билась какая-то щепочка, билась и трещала безпокойнымъ и жалобнымъ звукомъ. Волны рѣки плескались о берегъ и звучали такъ монотонно и безнадежно, точно разсказывали о чемъ-то, невыносимо скучномъ и тяжеломъ, надоѣвшемъ имъ до отвращенія, о

чемъ-то такомъ, отъ чего имъ хотѣлось бы убѣжать и о чемъ имъ все-таки необходимо говорить. Шумъ дождя сливался съ ихъ плескомъ, и надъ опрокинутой лодкой плавалъ какъ бы вздохъ—протяжный, безконечный, тяжелый вздохъ земли, обиженной и утомленной этими вѣчными смѣнами яркаго и теплаго лѣта—осенью холодной, туманной и сырой. И вѣтеръ все носился надъ пустыннымъ берегомъ и вспѣненной рѣкой, носился и пѣлъ унылыя пѣсни...

Помѣщеніе подъ лодкой было лишено какого-либо комфорта: въ немъ было тѣсно, сыро, въ пробитое дно сыпались мелкія, холодныя капли дождя... врывались струи вѣтра... Мы сидѣли молча и дрожали отъ холода. Мнѣ хотѣлось спать, помню. Наташа прислонилась спиной къ борту лодки, скорчившись въ маленькій комокъ. Обнявъ руками колѣни и положивъ на нихъ подбородокъ, она упорно смотрѣла на рѣку, широко раскрывъ свои глаза... на бѣломъ пятнѣ ея лица они казались громадными отъ синяковъ подъ ними. Она не двигалась, и эта неподвижность и молчаніе—я чувствовалъ—постепенно родитъ во мнѣ страхъ предъ моей сосѣдкой... Мнѣ хотѣлось заговорить съ ней, но я не зналъ, съ чего начать.

Она заговорила сама.

— Экая окаянная жизнь!...—внятно, раздѣльно, съ глубокимъ убѣжденіемъ въ тонѣ произнесла она.

Но это не была жалоба. Въ этихъ словахъ было слишкомъ много равнодушія для жалобы. Просто человѣкъ подумалъ, какъ умѣлъ, подумалъ и пришелъ къ извѣстному выводу, который и высказалъ вслухъ и на который я не могъ возразить, не противорѣча себѣ. Поэтому я молчалъ. А она, какъ бы не замѣчая меня, продолжала сидѣть неподвижно.

— Хоть бы сдохнуть, что ли...—снова проговорила Наташа, на этотъ разъ тихо и задумчиво. И снова въ ея словахъ не звучало ни одной ноты жалобы. Видно было,

что человѣкъ, подумавъ про жизнь, посмотрѣлъ на себя и спокойно пришелъ къ убѣжденію, что для охраненія себя отъ издѣвательствъ жизни онъ не въ состояніи сдѣлать что-либо другое, кромѣ того, какъ именно „сдохнуть“..

Мнѣ стало невыразимо тошно и больно отъ такой ясности мышленія, и я чувствовалъ, что если буду молчать еще, то навѣрное заплачу... А это было бы стыдно предъ женщиной, тѣмъ болѣе, что вотъ она не плакала же. Я рѣшилъ заговорить съ ней.

— Кто это тебя избилъ?—спросилъ я, не придумавъ ничего умнѣе и деликатнѣе.

— Да все Пашка же...—ровно и громко отвѣтила она.

— А онъ кто?...

— Любовникъ... Булочникъ одинъ...

— Часто онъ тебя бьетъ?...

— Да какъ напьется, такъ и бьетъ... Часто!

И вдругъ, придвинувшись ко мнѣ, она начала разсказывать о себѣ, Пашкѣ и существующихъ между ними отношеніяхъ. Она—„дѣвица изъ гуляющихъ, которыя“...—а онъ булочникъ съ рыжими усами и очень хорошо играетъ на гармоникѣ. Ходилъ онъ къ ней въ „заведеніе“, и ей очень понравился, потому что человѣкъ онъ веселый и одѣвается чисто. Поддевка въ пятнадцать рублей, и сапоги съ „наборомъ“ у него... По этимъ причинамъ она въ него влюбилась, и онъ сталъ ея „кредитнымъ“. А когда онъ сталъ ея „кредитнымъ“, то занялся тѣмъ, что отбиралъ у нея тѣ деньги, которыя ей давали другіе гости на конфеты, и напиваясь на эти деньги, сталъ бить ее,—это бы еще ничего,—а сталъ „путаться“ съ другими дѣвицами на ея глазахъ...

— Али это мнѣ не обидно? Я не хуже другихъ прочихъ... Значитъ, это онъ издѣвается надо мной, подлецъ. Третьягодня я вотъ отпросилась у хозяйки гулять,

пришла къ нему, а у него Дунька пьяная сидитъ. И онъ тоже подъ шефе. Я говорю ему: „подлецъ ты, подлецъ! Жуликъ ты!“ Онъ избилъ меня всю. И пинками, и за волосы—всячески... Это бы еще ничего! А вотъ порвалъ всю... это какъ теперь? Какъ я къ хозяйкѣ явлюсь? Все порвалъ: и платье и кофточку—новенькая еще совсѣмъ... пятишницу дали за нее!... и платокъ сдернулъ съ головы... Господи! Какъ мнѣ теперь быть?—вдругъ взвыла она тоскующимъ, надорваннымъ голосомъ.

И вѣтеръ вылъ, становясь все крѣпче и холоднѣе... У меня снова зубы принялись танцовать. А она тоже ежилась отъ холода, придвинувшись настолько близко ко мнѣ, что я уже видѣлъ сквозь тьму блескъ ея глазъ...

— Какіе всѣ вы мерзавцы, мужчины. Растоптала бы я васъ всѣхъ, изувѣчила. Издыхай который изъ васъ... плюнула бы въ морду ему, а не пожалѣла! Подлыя хари!... Канючите, канючите, виляете хвостомъ, какъ подлыя собаки, а поддастся вамъ дура, и готово дѣло! Сейчасъ вы ее и подъ ноги себѣ... Шематоны паршивые...

Ругалась она очень разнообразно, но въ ругательствахъ ея не было силы: ни злобы, ни ненависти къ „паршивымъ шематонамъ“ не слышалъ я въ нихъ. Вообще тонъ ея рѣчи былъ несоотвѣтственно содержанію спокоенъ и голосъ грустно бѣденъ нотами.

Но все это дѣйствовало на меня сильнѣе самыхъ краснорѣчивыхъ и убѣдительныхъ пессимистическихъ книгъ и рѣчей, которыхъ я слышалъ немало и раньше, и позднѣе, и по сей день слышу и читаю. И это потому, видите ли, что агонія умирающаго всегда гораздо естественнѣе и сильнѣе самыхъ точныхъ и художественныхъ описаній смерти.

Мнѣ было скверно,—навѣрное, больше отъ холода, чѣмъ отъ рѣчей моей сосѣдки по квартирѣ. Я тихонько застоналъ и заскрипѣлъ зубами.

И почти въ то же мгновеніе ощутилъ на себѣ двѣ холодныя маленькія руки,—одна изъ нихъ коснулась моей шеи, другая легла мнѣ на лицо и вмѣстѣ съ тѣмъ прозвучалъ тревожный, тихій, ласковый вопросъ:

— Ты что?

Я готовъ былъ подумать, что это спрашиваетъ меня кто-то другой, а не Наташа, только-что заявившая, что всѣ мужчины мерзавцы и желавшая всѣмъ имъ гибели. Но она заговорила уже быстро и торопливо...

— Что ты? а? Холодно что ли? Смерзаешь? Ахъ ты какой! Сидитъ и молчитъ... какъ сычъ! Да ты бы давно сказалъ мнѣ, что холодно, молъ... Ну... ложись на землю... протягивайся... и я лягу... вотъ! Теперь обнимай меня руками... крѣпче... Ну вотъ, и должно быть тебѣ тепло теперь... А потомъ—спинами другъ къ другу ляжемъ... Какъ-нибудь скоротаемъ ночь-то... Ты что, запилъ что ли? Съ мѣста прогнали?... Ничего!...

Она меня утѣшала... Она меня ободряла...

Будь я трижды проклятъ!—Сколько было ироніи надо мной въ этомъ фактѣ! Подумайте!—Вѣдь я въ то время былъ серьезно озабоченъ судьбами человѣчества, мечталъ о реорганизаціи соціальнаго строя, о политическихъ переворотахъ, читалъ разныя дьявольски-мудрыя книги, глубина мысли которыхъ, навѣрное, недосягаема была даже для авторовъ ихъ,—я въ то время всячески старался приготовить изъ себя „крупную общественно-активную силу“. Мнѣ казалось даже, что отчасти я уже выполнилъ мою задачу; во всякомъ случаѣ въ то время я въ представленіяхъ о себѣ самомъ уже доходилъ до признанія за собой исключительнаго права на существованіе, какъ за величиной для жизни необходимой и вполнѣ способной сыграть въ ней крупную историческую роль! И меня-то согрѣвала своимъ тѣломъ продажная женщина, несчастное, избитое, загнанное существо, которому нѣтъ мѣста въ жизни и нѣтъ цѣны, и которому я не догадался помочь раньше,

чѣмъ она мнѣ помогла сама, а если бъ и догадался, то едва ли бы сумѣлъ дѣйствительно помочь ей чѣмъ-либо.

Ахъ, я готовъ былъ думать, что все это происходитъ со мной во снѣ, въ нелѣпомъ снѣ, въ тяжеломъ снѣ...

Но, увы! мнѣ нельзя было этого подумать, ибо на меня сыпались холодныя капли дождя, крѣпко къ моей груди прижималась теплая грудь женщины, въ лицо мнѣ вѣяло ея теплое дыханіе, хотя и съ легонькимъ букетомъ водки... но—такое живительное... Вылъ и стоналъ вѣтеръ, стучалъ дождь о лодку, плескались волны, и оба мы, крѣпко сжимая другъ друга, все-таки дрожали отъ холода. Все это было вполнѣ реально, и я увѣренъ, никто не видалъ такого тяжелаго и сквернаго сна, какъ эта дѣйствительность.

А Наташа все говорила о чемъ-то, говорила такъ ласково и участливо, какъ только женщины могутъ говорить. Подъ вліяніемъ ея рѣчей, наивныхъ и ласковыхъ, внутри меня тихо затеплился нѣкій огонекъ, и отъ него что-то растаяло въ моемъ сердцѣ.

Тогда изъ моихъ глазъ градомъ полились слезы, смывшія съ сердца моего много злобы, тоски, глупости и грязи, накипѣвшей на немъ предъ этой ночью... Наташа же уговаривала меня:

— Ну, полно, миленькій, не реви! Полно! Богъ дастъ, поправишься, опять на мѣсто поступишь... и все такое...

И все цѣловала меня... много, безъ счета, горячо...

Эти были первые женскіе поцѣлуи, преподнесенные мнѣ жизнью, и это были лучшіе поцѣлуи, ибо всѣ послѣдующіе страшно дорого стоили и рѣшительно ничего не давали мнѣ.

— Ну, не реви же, чудакъ! Я тебя завтра устрою, коли тебѣ некуда дѣваться...—какъ сквозь сонъ слышалъ я тихій, убѣдительный шопотъ...

...До разсвѣта мы лежали въ объятіяхъ другъ друга...

А когда разсвѣло, вылѣзли изъ-подъ лодки и пошли въ городъ... Потомъ дружески простились и болѣе не встрѣчались никогда, хотя я съ полгода разыскивалъ по всѣмъ трущобамъ эту милую Наташу, съ которой провелъ описанную мною ночь однажды осенью...

Если она уже умерла—какъ это хорошо для нея!—въ мирѣ да почіетъ! А если жива—миръ душѣ ея! И да не проснется въ душѣ ея сознаніе паденія... ибо это было бы страданіемъ излишнимъ и безплоднымъ для жизни...

ОШИБКА.

(ЭПИЗОДЪ).

(1895).

Сельскій учитель не у дѣлъ, Кириллъ Ивановичъ Ярославцевъ, опершись локтями о столъ и туго сжавъ виски ладонями, смотрѣлъ тупыми глазами на разсыпанныя передъ нимъ статистическія карточки и пытался выдавить изъ своихъ утомленныхъ работой мозговъ представленіе о томъ, что же надлежитъ теперь дѣлать съ этими четырехугольными листами бумаги?

Это никакъ не удавалось ему. Въ головѣ глухо шумѣло, и ему казалось, что она налита чѣмъ-то густымъ и тяжелымъ, что больно давитъ изнутри на глаза, стремясь излиться наружу. Цифры съ карточекъ то вдругъ исчезали, то появлялись и снова холодно и сухо свидѣтельствовали о чемъ-то; то уменьшались до крохотныхъ, неясныхъ каракулекъ; то вдругъ выростали въ крупныя, странныя и поджарыя фигуры. Кириллъ Ивановичъ слѣдилъ за ихъ игрой и чувствовалъ, что въ немъ, гдѣ-то глубоко, выростаетъ и формируется тяжелая и безпокойная мысль. Она еще была неясна ему, но она непремѣнно появится, и тогда ему будетъ еще хуже и больнѣе, чѣмъ теперь.

Послѣднее время его стали все чаще и чаще преслѣдовать эти мысли, гнетущія душу, окрашивающія

все въ темный цвѣтъ—нѣчто вродѣ осеннихъ тучъ, такія же сырыя и холодныя, оставлявшія за собой на душѣ ржавчину тоски и тупого равнодушія ко всему. Было что-то роковое въ этой медленности, съ которой онѣ формировались въ сознаніи, и никогда и ничѣмъ ему не удавалось задержать ихъ ростъ и развитіе. Онъ дѣлалъ такія попытки: вставалъ изъ-за стола, ходилъ по комнатѣ и пѣлъ или шелъ къ кому-нибудь изъ знакомыхъ, но онѣ заглушали пѣсню и всюду ползали за нимъ, не оставляя его и внѣ дома.

Сначала онъ упорно боролся съ ними, но потомъ увидалъ, что эта борьба не влечетъ за собой никакихъ послѣдствій, кромѣ утомленія души, и всегда ведетъ къ тому, что онѣ давятъ его сильнѣе, становясь сами образнѣе и ярче отъ его сопротивленія имъ. Тогда онъ уступалъ, и ужъ если чувствовалъ, что вотъ онѣ идутъ, то прямо ложился на диванъ и, заложивъ руки подъ голову, безъ борьбы отдавалъ себя во власть имъ.

Такъ оставался онъ часа по два, по три, а иногда и по цѣлымъ ночамъ, какъ бы расколотый на двѣ части, при чемъ одна, отъ времени становившаяся все меньше, жалобно и безпомощно слѣдила за другой, которою овладѣли эти тяжелыя думы, перетиравшія, подобно жерновамъ, все хорошее и свѣтлое, что есть въ жизни, и все, чѣмъ надѣляетъ ее мечта, въ сухую, безцвѣтную пыль.

Онъ лежалъ, упорно глядя въ потолокъ да слушая біеніе своего сердца и звукъ маятника часовъ въ комнатѣ квартирной хозяйки. Такъ-такъ! такъ-такъ!—мѣрно билъ маятникъ и точно подтверждалъ своимъ увѣреннымъ и твердымъ звукомъ справедливость того, что навязывали думы сознанію Кирилла Ивановича. Наконецъ, онъ привыкъ къ нимъ, какъ больной къ своимъ припадкамъ, зналъ, что онѣ неотвратимы, и только чувствовалъ смутный страхъ, когда онѣ давали знать о

томъ, что идутъ на него. Потомъ этотъ страхъ временно исчезалъ, подавленный ихъ работой, и вдругъ черезъ нѣкоторое время являлся снова.

Но онъ являлся уже въ новой формѣ—въ формѣ тоскливой, чего-то ожидающей, неотвязной боязни, которая все возрастала и все напряженнѣе ждала какого-то страшнаго факта. Кириллу Ивановичу казалось, что вотъ появится нѣчто суровое и торжествующее, появится, станетъ у дивана и, грозя, ехидно скажетъ:

— А вѣдь я вижу, о чемъ вы это думаете. Вижу. Я все вижу; самомалѣйшій изгибъ вашего мозга мнѣ ясенъ. Какъ же вы рѣшаетесь думать о томъ, что не подлежитъ вѣдѣнію вашему,—вѣдѣнію человѣка, къ жизни непричастнаго и отъ нея отторгнутаго, а? Какъ же это вы, государь мой? А вы знаете, что за это васъ можно...—и онъ покажетъ, что за „это“ можно сдѣлать съ человѣкомъ.

Представляя себѣ такую картину, Кириллъ Ивановичъ вздрагивалъ и жалобно смотрѣлъ на дверь.

Дверь была тоненькая и хлибкая, а крючокъ проволочный. Отъ посѣщенія этого всезнающаго существа она не оградитъ и ничто не оградитъ отъ его посѣщенія. Кириллу Ивановичу казалось, что оно проникло бы и сквозь каменныя стѣны. И въ ожиданіи его онъ страдалъ, вздрагивая при каждомъ шумѣ и подозрительно присматриваясь къ каждому незнакомому человѣку,—страдалъ и чувствовалъ, что эта тоскливая боязнь съ каждымъ своимъ возрожденіемъ становится все сильнѣе и охватываетъ его все крѣпче, и вотъ-вотъ она возрастетъ, поглотитъ его... и тутъ ужъ воображеніе останавливалось передъ чѣмъ-то темнымъ и полнымъ леденящаго душу ужаса.

— Какъ избавиться отъ всего этого?—думалъ Кириллъ Ивановичъ въ болѣе свѣтлые моменты, и отвѣчалъ себѣ:—Подчиниться. Пусть оно совершенно охватитъ меня, и тогда я перестану его чувствовать...

И въ этотъ разъ онъ тоже хотѣлъ было лечь на диванъ, но вдругъ услыхалъ торопливый скрипъ двери за своею спиной, быстрые шаги и утомленный голосъ:

— Вы дома? Ну, наконецъ, нашелъ одного!... Ф-фу!

Кириллъ Ивановичъ обернулся на стулѣ и увидалъ одного изъ знакомыхъ статистиковъ, котораго въ бюро прозвали Минорнымъ. Онъ сѣлъ на стулъ и, держа въ одной рукѣ бѣлую фуражку, другою вытиралъ со лба крупный потъ. Лицо у него было блѣдно и измято, глаза воспалены и весь онъ производилъ впечатлѣніе человѣка крайне уставшаго.

Кириллъ Ивановичъ подошелъ къ нему и крѣпко, молча, съ удовольствіемъ пожалъ ему руку. Этотъ человѣкъ своимъ появленіемъ отдалялъ приступъ думъ.

— Бѣгалъ по жарѣ, какъ сумасшедшій,—никого!— говорилъ Минорный, иначе—Петръ Васильевичъ Бабкинъ, съ неудовольствіемъ поджимая губы, и зажмуривъ глаза, нервно провелъ по нимъ пальцемъ, какъ бы смахивая съ рѣсницъ что-то.

— А кого вамъ нужно?—хотѣлъ спросить Кириллъ Ивановичъ, но не успѣлъ.

— Вотъ видите что... вы только, пожалуйста, не отказывайтесь... потому что я больше не могу ужъ. Двѣ ночи напролетъ возился, будетъ! Это свинство со стороны Ляхова и всѣхъ другихъ... Да, вѣдь я не сказалъ вамъ, въ чемъ дѣло... Этотъ... какъ его?... Кравцовъ! Сошелъ съ ума... да. Третій день вотъ... Все, знаете, говоритъ, говоритъ, чортъ не разберетъ, что такое! Впрочемъ, иногда очень сознательныя и умныя вещи. Ну, такъ вотъ... я былъ при немъ кряду два дня и больше не могу... Страшно усталъ. Онъ буенъ, если ему противорѣчить, лѣзетъ драться, а давать ему волю нельзя. Ерундитъ страшно! Началъ мазать стѣны ваксой... Раздѣлся до-нага и давай себѣ чистить щеткой голую грудь. Воображаетъ себя геніемъ добра и дерется. Смѣшно и жалко... И утомительно. Бываетъ докторъ. Хлопочутъ о

помѣщеніи въ больницу, но все такъ медленно. А главное, возмутительно формальны и черствы мы всѣ! Приходятъ, знаете, посмотрятъ на него въ дверную щель, посочувствуютъ и удерутъ. Всѣмъ некогда, у всѣхъ какія-то дѣла явились. Я больше не могу, увѣряю васъ! Пойдите вы, голубчикъ, а? Тамъ теперь Лыжинъ... Вы, я знаю, мало знакомы были съ этимъ несчастнымъ; но развѣ это теперь не все равно? Не такъ ли? Вы пойдете?

— Да, я... конечно. Я могу... хоть сейчасъ!—медленно протянулъ Кириллъ Ивановичъ.

— Именно сейчасъ!—внушительно и торопливо воскликнулъ Минорный и пояснилъ:—Этотъ Лыжинъ и остался тамъ только на условіи, что его часа черезъ два смѣнятъ... Вотъ и прекрасно... идите-ка! Вы сильный, вамъ это будетъ не трудно. И какъ это я не догадался давеча прямо къ вамъ махнуть?... Не измаялся бы такъ... Ну, такъ вы идете?

— Хорошо... идемте.

Минорный поднялся со стула, быстрымъ жестомъ бросилъ себѣ на голову фуражку, поправилъ ее и, отворивъ дверь, оглянулся на Кирилла Ивановича.

Послѣдній задумчиво и медленно натягивалъ на себя пальто, закусивъ нижнюю губу и упорно глядя на ноги Минорнаго.

— Знаете что, Ярославцевъ? — живо заговорилъ тотъ.—Вѣдь вамъ извѣстна его квартира? Такъ идите, милый, одинъ, а я домой прямо, а? Хорошо? Ну, и спасибо! Не повѣрите, ну, чортъ знаетъ, до чего я...

Но заключительныхъ словъ его фразы Кириллъ Ивановичъ уже не слыхалъ—Минорный унесъ ихъ съ собой въ глубь сѣней, и тамъ они были заглушены тонкимъ, взбудоражившимъ нервы Кирилла Ивановича визгомъ двери. Отъ этого визга онъ вздрогнулъ, скорчилъ болѣзненную гримасу и опустился на стулъ, побужденный къ этому гнетущею тяжестью, упавшею на него изъ сообщенія Минорнаго о печальномъ фактѣ.

Какъ только Минорный сказалъ фамилію Кравцова, Кириллъ Ивановичъ воспроизвелъ передъ собой фигуру человѣка средняго роста, сухого, угловатаго, нервнаго, съ черными, всегда вздрагивавшими усами и съ горящимъ, блуждающимъ взглядомъ миндалевидныхъ черныхъ же глазъ. По морщинистому бѣлому лбу этого человѣка странно двигались густыя брови, то всползая къ жесткимъ, ершистымъ волосамъ, то вдругъ спрыгивая внизъ и совершенно закрывая впадины глазъ. Въ разговорѣ онъ иногда удерживалъ одну бровь—лѣвую, прижимая ее длиннымъ пальцемъ лѣвой же руки; это не мѣшало другой брови всползать къ волосамъ, и тогда все лицо говорившаго перекашивалось и принимало мучительно-острое выраженіе напряженнаго желанія проникнуть куда-то недосягаемо для другихъ, глубоко, и постичь что-то непостижимое никому. Глаза же въ это время метали искры, и въ нихъ было цѣлое море не то тоски, не то мучительнаго восторга.

Давно уже всѣ считали его человѣкомъ ненормальнымъ, и онъ каждый день подтверждалъ такой взглядъ на себя, высказывая сегодня желаніе учиться математикѣ, чтобы постичь тонкости астрономіи; завтра—уйти въ деревню, чтобы обрести тамъ равновѣсіе души; уѣхать въ Америку и бродить тамъ въ степяхъ, конвоируя гурты скота; поступить на фабрику, чтобы развивать среди рабочихъ теоріи соціализма; учиться музыкѣ, ремеслу, рисованію. Необходимость для себя всего этого онъ доказывалъ всегда увѣренно и ясно, а если его оспаривали—съ бѣшеною горячностью. Главнымъ источникомъ своихъ желаній онъ выставлялъ чувство самосохраненія.

— „Ничего не дѣлая, погибнешь черезчуръ глупо для человѣка. Всѣ скоты дѣлаютъ нѣчто, я же человѣкъ и долженъ творить!“—вспомнилъ Кириллъ Ивановичъ двѣ его фразы. Принято было называть его „метафизикомъ“ за такія и другія въ этомъ же родѣ рѣчи. Онъ никогда

не умѣлъ привести строго-логическихъ доводовъ въ пользу того или другого изъ своихъ воззрѣній, поступковъ, желаній и всегда отдѣлывался краткими афоризмами въ догматическомъ тонѣ, и за пристрастіе къ такимъ афоризмамъ считался человѣкомъ, живущимъ, прежде всего, для громкаго слова. Къ нему привыкли и не обращали на него особеннаго вниманія. Ляховъ— очень образованный и умный человѣкъ, крупный чиновникъ въ акцизѣ—говорятъ, любилъ его и считалъ за талантливаго человѣка, но безъ почвы и равновѣсія психическихъ рессурсовъ съ желаніями. Кириллъ Ивановичъ тоже не обращалъ на него вниманія и, встрѣчаясь съ нимъ, никогда не пытался ясно представить себѣ, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло, вполнѣ полагаясь на чуткость и вѣрность взгляда тѣхъ людей, которые дали Кравцову эпитетъ ненормальнаго и психопата.

Но теперь этотъ Кравцовъ вдругъ сталъ мучительно интересенъ. Дней пять тому назадъ Кириллъ Ивановичъ вмѣстѣ съ нимъ катался въ лодкѣ, говорилъ и ничего особеннаго не замѣтилъ за нимъ. Кажется, онъ былъ даже меньше возбужденъ, чѣмъ обыкновенно. И вотъ этотъ-то самый человѣкъ сошелъ съ ума. А тогда они сидѣли въ лодкѣ рядомъ, и онъ своимъ отрывистымъ стилемъ, но вѣско и вполнѣ ясно для него, Кирилла Ивановича, доказывалъ, что демонизмъ, символизмъ и иныя болѣзненныя формы мысли есть бѣшеная, но необходимая реакція противъ распространенія матеріализма, и что кредитъ матеріализма скоро и непремѣнно будетъ подорванъ въ глазахъ всѣхъ мыслящихъ людей. Кириллъ Ивановичъ снова вспомнилъ металлически-звенѣвшія фразы:

— „Причина современнаго шатанія мысли—въ оскудѣніи идеализма. Тѣ, что изгнали изъ жизни весь романтизмъ, раздѣли насъ до-нага; вотъ отчего мы стали другъ къ другу сухи, другъ другу гадки. Еще мы не настолько психически окрѣпли, чтобъ безъ вреда для себя до конца

выслушивать правду. Кто знаетъ, можетъ быть, высшая истина не только невыгодна, но и прямо-таки вредна намъ?

— „А что же теперь говоритъ этотъ человѣкъ,— теперь, когда онъ сумасшедшій? И что такое быть сумасшедшимъ?“

Кириллъ Ивановичъ вспомнилъ, что кто-то опредѣлилъ сумасшествіе, какъ преобладаніе дѣятельности какого-нибудь одного изъ свойствъ психики надъ всѣми другими, а еще кто-то—какъ пораженіе памяти какимъ-либо однимъ фактомъ или мыслью.

Ему представилась внутренность какого-то пружиннаго механизма: массы спиральныхъ пружинъ сокращаются и расширяются, взаимно сообщая другъ другу силу и движеніе, и изъ этого движенія рождается мысль. Вдругъ одна изъ пружинъ почему-то начинаетъ сокращаться сильнѣе другихъ—полная путаница среди остальныхъ, пока онѣ не возьмутъ новаго такта или пока она не возьметъ стараго такта. Или вдругъ въ ихъ систему вторгается извнѣ нѣчто тяжелое, поражающее, и падаетъ какъ разъ на ту пружину, что записываетъ прошедшее, и вотъ она, пораженная ударомъ, не можетъ ужъ больше отмѣтить чего-либо иного и вѣчно пишетъ одну и ту же мысль, воспроизводитъ одно и то же явленіе.

— „Все это очень просто и очень жалко. Зачѣмъ нужно, чтобъ человѣкъ сходилъ съ ума? Развѣ на его долю мало всѣхъ иныхъ болѣзней и несчастій?“—подумалъ Кириллъ Ивановичъ, и вспомнилъ, что вѣдь ему нужно идти туда, къ больному.

Но онъ не всталъ и не пошелъ, а продолжалъ думать, сидя на стулѣ, въ пальто и фуражкѣ.

— „Да... такъ вотъ я пойду къ нему. Приду. Нужно будетъ что-нибудь сказать ему. Что же? Сказать ему такъ: „Ахъ, братъ, какъ ты дурно поступилъ, сойдя съ ума!“—это будетъ очень глупо. И потомъ я не знаю, насколько это дурно, что человѣкъ сошелъ съ ума.

Можетъ быть, это даже хорошо. Если это—полное подчиненіе идеѣ, то это не можетъ быть дурно. А вдругъ онъ сталъ теперь геніемъ?... Вѣдь было доказано, что геніи—сумасшедшіе. Никто не разсказалъ, какъ создаются геніи. Можетъ быть, сходя съ ума, т.-е. отдаваясь въ рабство идеѣ или порабощая идею..."

Кириллъ Ивановичъ ощущалъ въ себѣ желаніе повторять каждое слово по нѣскольку разъ, но почему-то боялся дѣлать это. Слова казались ему разноцвѣтными пятнами, вродѣ легкихъ облаковъ, разсѣянныхъ въ безграничномъ пространствѣ. Онъ летаетъ за ними, ловитъ ихъ и сталкиваетъ другъ съ другомъ; отъ этого получается радужная полоса, которая и есть мысль. Если ее вобрать въ себя вмѣстѣ съ воздухомъ и затѣмъ выдохнуть, то она зазвучитъ и отъ этого получается рѣчь.

— „Однако, какъ это все просто!"—и онъ довольно засмѣялся.—„Декаденты—тонкіе люди. Тонкіе и острые, какъ иглы,—они глубоко вонзаются въ неизвѣстное",—съ удовольствіемъ, щелкнувъ пальцами, произнесъ онъ.

Дверь отворилась и въ отверстіе просунулась голова квартирной хозяйки.

— Сидитъ одѣтый и смѣется, и разговариваетъ самъ съ собой... Тоже занятіе! Самоваръ подавать, али уходите куда?

Хозяйка говорила ворчливо, а смотрѣла ласково. Глаза у нея были маленькіе, но живые; отъ нихъ къ вискамъ легли складки тонкихъ морщинокъ, и это придавало имъ улыбающійся блескъ.

Отъ ея рѣчи Кириллъ Ивановичъ почувствовалъ себя какъ бы только-что возвратившимся откуда-то и очень утомленнымъ.

— Самоваръ? Нѣтъ... не надо!—и онъ махнулъ рукой.— Я ухожу... можетъ быть, до утра. Знаете, одинъ мой знакомый сошелъ съ ума. Какъ вы полагаете, это что такое?

— Чтой-то, Господи! Одинъ недавно пристрѣлился, другой сошелъ съ ума... ну, дружки у васъ!... ай-ай!... Что такое—говорите? Извѣстно что—Божья воля.

— Божья воля? — задумчиво произнесъ Кириллъ Ивановичъ и зачѣмъ-то снялъ съ головы фуражку.— Это странно, знаете... очень странно... да!

— Который это сошелъ, русый, трепаный, въ сѣрыхъ штанахъ, или тотъ—веселый, въ золотомъ песнэ?—спросила хозяйка.

На ея толстомъ, морщинистомъ лицѣ и въ тонѣ ея вопроса звучало много жалости, отчего Кириллу Ивановичу стало грустно.

— Нѣтъ, не эти, а знаете—черный, въ крылаткѣ, съ тростью и съ прыгающими бровями,—серьезно и тихо отвѣчалъ Кириллъ Ивановичъ и почувствовалъ, что у него щекочетъ въ горлѣ и на глазахъ навертываются слезы.

— Не примѣтила такого. Видно, рѣдко бывалъ, не встрѣчала. Идите-инъ. Да долго-то не надо тамъ торчать... Самъ-то вонъ какой желтый сталъ!—сурово говорила хозяйка.

Кириллъ Ивановичъ снова надѣлъ фуражку, всталъ и молча пошелъ изъ комнаты, полный грустнаго чувства и утомленія.

— Дверь-то заприте!—крикнула вслѣдъ ему хозяйка.

— Не надо!—печально кивнулъ онъ головой.

Было уже около шести часовъ вечера, но іюльскій зной еще не спалъ—имъ дышали и камни мостовой, и стѣны зданій, и безоблачное небо. Пыльные листья деревьевъ, перевѣшиваясь черезъ заборы, не шелестѣли; все было неподвижно и казалось напряженнымъ и ожидающимъ какого-то толчка.

Изъ открытыхъ оконъ бѣлаго дома на Кирилла Ивановича хлынула волна растрепанныхъ и негармоничныхъ звуковъ рояля; они безтолково запрыгали въ воздухѣ надъ его головой; онъ вздрогнулъ, остановился

и оглянулся вокругъ, какъ бы желая посмотрѣть, что сдѣлается съ улицей отъ этого шума. Но все оставалось неподвижнымъ, а звуки уже исчезли такъ же безсмысленно, какъ и явились. Точно это рояль самъ встряхнулъ всѣми своими струнами изъ желанія нарушить знойную тишину, встряхнулъ и разслабленно умолкъ.

— „Какъ кратко и печально бытіе звука!"—мелькнула у Кирилла Ивановича посторонняя мысль, и, какъ бы въ видѣ эха ея, въ немъ разлилось острое желаніе взять высокимъ фальцетомъ нѣсколько переливчатыхъ нотъ а-о-э-о-а!—какъ это дѣлаютъ пѣвцы изъ народа. Но онъ подавилъ въ себѣ это желаніе и пошелъ дальше, наклонивъ голову подъ наплывомъ стаи новыхъ мыслей и стараясь формировать ихъ въ слова, сообразно съ тактомъ шаговъ. Отъ этого каждое слово раздавалось гдѣ-то внутри его, какъ ударъ въ большой барабанъ. Эти думы въ тактъ шаговъ вызывали за собой ощущеніе пріятной легкости и пустоты въ груди, въ животѣ, во всемъ тѣлѣ. Казалось, что мускулы растаяли отъ жары и остались только тонкіе, упругіе нервы, настроенные меланхолически-спокойно, но выжидательно, какъ и все кругомъ.

— „О чемъ онъ теперь говоритъ и какъ думаетъ?— размышлялъ Кириллъ Ивановичъ о Кравцовѣ.—И что я съ нимъ буду дѣлать? Понимать его, навѣрно, нельзя... Зачѣмъ же я при немъ буду?... И съ какими моральными фондами? Съ любопытствомъ? Или мнѣ его жалко, или такъ, по обязанности?... Сумасшествіе—это почти смерть. Если онъ еще не совсѣмъ сошелъ съ ума, то я буду присутствовать при его агоніи. Замѣчательно, почему человѣкъ возбуждаетъ къ себѣ больше вниманія, когда онъ погибаетъ, а не тогда, когда онъ здравъ и въ безопасности? Иногда мы при жизни совершенно не замѣчаемъ человѣка, нимало не интересуемся имъ, и вдругъ, услыхавъ, что онъ при смерти или померъ уже, жалѣемъ,

говоримъ о немъ... Точно смерть или ея приближеніе сближаютъ и насъ другъ съ другомъ. Тутъ, навѣрное, есть глубокій смыслъ... Если только тутъ нѣтъ крупной лжи, изстари привычной намъ и поэтому незамѣтной для насъ. А можетъ, наблюдая чужую гибель, мы вспоминаемъ о необходимости погибнуть и самимъ намъ и вотъ жалѣемъ себя въ лицѣ другого. Въ этомъ есть нѣчто хитрое и, пожалуй, постыдное... А впрочемъ, и все обыденное въ этой жизни—хитрое и постыдное... А вотъ сожалѣніе—жестоко... Жалость и жестокость!... Да вѣдь это два совершенно однородныя слова!... Удивительно, какъ это до сей поры никто не замѣчалъ, что это—синонимы по смыслу! Надо написать объ этомъ статью... Пусть одною ошибкой будетъ меньше".

Параллельно съ своимъ открытіемъ, Кириллъ Ивановичъ возстановилъ въ памяти нѣкоторый случай изъ своей жизни въ деревнѣ. Какъ-то разъ у одного изъ крестьянъ упала въ оврагъ тёлка и сломала себѣ обѣ переднія ноги. Чуть не вся деревня сбѣжалась смотрѣть на нее... А она, такая жалкая, лежала на днѣ оврага и, жалобно мыча, смотрѣла на всѣхъ большими влажными глазами и все пыталась встать, но снова падала. Толпа стояла вокругъ нея и больше съ любопытствомъ, чѣмъ съ состраданіемъ, наблюдала за ея движеніями и слушала ея стоны. И онъ тоже смотрѣлъ, хотя это было не интересно и очень грустно. Вдругъ откуда-то появился кузнецъ Матвѣй, высокій, черный, суровый и выпачканный углями. Рукава у него были засучены и въ одной рукѣ онъ держалъ тяжелую полосу желѣза. Вотъ онъ обвелъ всѣхъ строгимъ, тяжело укоряющимъ взглядомъ черныхъ глазъ, посмотрѣлъ и на него, Кирилла Ивановича, и, нахмуривъ брови и вдругъ качнувъ головой, громко сказалъ:

— Дураки! чѣмъ любуетесь?

А потомъ взмахнулъ своею желѣзиной и ударилъ тёлку по головѣ. Ударъ прозвучалъ глухо и мягко, но

черепъ все-таки раскололся, и это было очень страшно. Тёлка больше не мычала и не жаловалась на боль своими большими и влажными глазами... А Матвѣй вытеръ кровь со своего оружія о землю и спокойно ушелъ.

— „Вотъ онъ какъ жалѣлъ, этотъ Матвѣй! Можетъ быть, онъ такъ же бы поступилъ и съ человѣкомъ безнадежно больнымъ. Морально это или не морально? Во всякомъ случаѣ это сильно, прежде всего сильно, и потому оно морально и хорошо. Я люблю хорошее, и это—морально; я слабъ—и, значитъ, я хорошъ! Вотъ какъ!...“

— Ярославцевъ! Стойте, вы куда?—раздался звучный окрикъ.

Кириллъ Ивановичъ вздрогнулъ и оглянулся. На крыльцѣ хорошенькаго домика стоялъ Лыжинъ, засунувъ руки въ карманы, и улыбался. Тогда Кириллъ Ивановичъ сообразилъ, что вѣдь тутъ именно и живетъ Кравцовъ.

— Я къ вамъ... то-есть къ нему...

— Ага! Ну, вотъ спасибо, что поторопились, а то у меня, знаете, работищи безъ конца, и все спѣшно. Никуда не выхожу даже. Это вотъ Минорный вытащилъ меня, соскучившись слушать премудрости Кравцова. Все, знаете, говоритъ! Только сейчасъ задремалъ. Докторъ опредѣлилъ, что пока все это не опасно, просто сильное нервное возбужденіе—только; по-моему—тоже. Говоритъ онъ, право, не безсмысленнѣе, чѣмъ всегда говорилъ, но вотъ много черезчуръ—это такъ. Ну, такъ вы мнѣ позвольте улетучиться. Придетъ, навѣрное, Ляховъ; скажите ему: докторъ былъ и рекомендовалъ кали, кали и кали... До свиданія.

Онъ протянулъ Ярославцеву руку, тотъ молча стиснулъ ее и, задержавъ въ своей рукѣ, шопотомъ спросилъ:

— Отчего это онъ, по-вашему?

— Отчего? Гмъ... Какъ это скажешь? Знаете, всегда вѣдь онъ былъ съ зайцемъ въ головѣ... Навѣрное, данъ

рѣшительный толчокъ... Какой? Кто знаетъ? Развѣ Ляховъ...

Кириллъ Ивановичъ во время рѣчи Лыжина упорно разсматривалъ его лицо, здоровое, широкое, обросшее рыжеватою бородой,—лицо, которое было бы добродушно и красиво, если бъ его не портили маленькіе, живые сѣрые глазки, блуждавшіе по сторонамъ, никогда не останавливаясь на лицѣ собесѣдника. Этотъ господинъ, по мнѣнію Кирилла Ивановича, въ глубинѣ души былъ строго равнодушенъ ко всему, крайне эгоистиченъ и ловко скрывалъ все это за дѣланною живостью и быстрою рѣчью. Кириллъ Ивановичъ никогда не любилъ его, но теперь почему-то не хотѣлъ, чтобъ онъ уходилъ.

Ему очень нравилось умѣнье Лыжина ловко скрывать себя. Кириллъ Ивановичъ захотѣлъ спросить его, какъ это онъ дѣлаетъ, и нельзя ли и ему, Кириллу Ивановичу, тоже скрыть себя? Это было бы хорошо. Являются думы, а Кирилла Ивановича нѣтъ! Является грозное „нѣчто", а Кириллъ Ивановичъ скрытъ! Тогда обманутыя думы надуются, какъ пузыри, лопнутъ и разлетятся въ пыль, а грозное „нѣчто" сгрызетъ само себя въ мятежной злобѣ на исчезнувшаго Кирилла Ивановича, который послѣ этого все-таки и не откроетъ себя, ибо лучше быть скрытымъ отъ всего, безопаснѣе, спокойнѣе—никто не тронетъ... Богъ знаетъ, о чемъ думаютъ люди, когда встрѣчаются и говорятъ другъ съ другомъ!...

И онъ смотрѣлъ въ лицо Лыжина ласкающе и мягко, желая попросить его остаться еще не надолго здѣсь съ нимъ и поговорить.

— Захочетъ пить—давайте изъ бутылки на окнѣ, это тоже какая-то умиротворяющая спеція, вродѣ кали. Ну-съ, иду! Addio!

Онъ перекинулъ на руку пальто и пошелъ. Кириллу Ивановичу хотѣлось крикнуть вслѣдъ ему: „Погодите!"—

но Лыжинъ въ это время самъ обернулся на ходу и почему-то съ улыбкой произнесъ:

— Завтра, навѣрное, все оформится и его отправятъ.

И снова перекинувъ пальто съ руки на руку, быстро зашагалъ по улицѣ.

Ярославцевъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ и сталъ соображать, что ему теперь дѣлать: идти въ комнату, гдѣ лежитъ тотъ, или ожидать здѣсь, когда онъ проснется и заговоритъ? Ему представлялось, что какъ только Кравцовъ проснется, такъ сейчасъ же выкрикнетъ высокую, звонкую ноту, вслѣдъ за ней начнетъ говорить быстро и громко, такъ, какъ говорятъ бойкія бабы-торговки, и такъ, что это будетъ походить на барабанную дробь.

Онъ думалъ и шелъ, наклонивъ голову, не отдавая себѣ отчета въ томъ, куда идетъ, вдругъ объятый какимъ-то фаталистическимъ спокойствіемъ. Всѣ его думы вдругъ какъ бы сгорѣли и на душу ему осыпался ихъ пепелъ,—осыпался и покрылъ ее теплымъ пластомъ тихой печали о чемъ-то...

Скверный аптечный запахъ заставилъ его очнуться въ то время, когда онъ стоялъ передъ дверью въ маленькую комнату, въ которой царилъ хаотическій безпорядокъ: стулья были сдвинуты на средину и стояли неправильнымъ полукругомъ передъ койкой; на полу валялись рваныя бумажки, книги, грязные черепки тарелки, красный вязаный шарфъ и кожаная сумка. Передъ койкой стоялъ круглый столъ къ аптечными бутылками и стаканомъ жидкаго чая. Изъ-за доски этого стола не видно было головы человѣка, спокойно вытянувшагося, вверхъ грудью, на койкѣ. Одно изъ двухъ оконъ комнаты было завѣшено синею тряпкой, другое заставлено банками цвѣтовъ, и сквозь нихъ видны были кусты шиповника, акацін и сирени въ палисадникѣ.

Быстро осмотрѣвъ все это, Кириллъ Ивановичъ поднялся на цыпочки, поднялъ кверху указательный па-

лецъ правой руки, какъ бы предостерегая отъ чего-то самъ себя, и двинулся къ койкѣ, плавно взмахивая въ тактъ своихъ движеній лѣвой рукой. Подойдя къ столу, онъ нагнулся черезъ него и, удерживая дыханіе, заглянулъ въ лицо больного.

Оно очень похудѣло съ той поры, какъ Кириллъ Ивановичъ видѣлъ его въ послѣдній разъ, но и только. Вообще же оно было спокойно, какъ у всѣхъ спящихъ людей. Кириллъ Ивановичъ облегченно вздохнулъ. Онъ представлялъ себѣ, что эта болѣзнь наложила на лицо Кравцова какой-нибудь уродливый отпечатóкъ, искривила, изломала его. И онъ отошелъ прочь, ýлыбаясь, въ высшей степени довольный своей ошибкой. Ему нравилось, что все это такъ просто.

Но вдругъ, обернувшись въ сторону, онъ увидалъ, что со стѣны на него смотритъ чье-то искривленное странной улыбкой лицо, блѣдное, съ прищуренными глазами и все дрожащее отъ сдерживаемаго возбужденія. Въ уровень съ этимъ лицомъ была поднята рука съ вытянутымъ указательнымъ пальцемъ,—она какъ бы грозила Кириллу Ивановичу и вмѣстѣ съ лицомъ была полна ехиднаго торжества надъ нимъ.

По жиламъ Кирилла Ивановича вмѣстѣ съ кровью пролилась холодная тоска, сжавшая ему сердце предчувствіемъ чего-то неотразимаго и рокового, и подавленный ею, онъ тихо опустился на стулъ. Потомъ онъ почувствовалъ, что подъ кожей лѣваго бока у него вздуваются и тотчасъ же лопаются какіе-то пузырьки, отчего ему стало холодно и такъ тоскливо непріятно. Онъ снова всталъ, стараясь не смотрѣть на ту стѣну, съ которой ему грозили, и съ гнетущимъ ужасомъ вспоминая, гдѣ онъ видѣлъ раньше это исковерканное лицо, въ которомъ есть черты, очень близко знакомыя ему?

„Неужели это оно... то существо, которому все извѣстно?“

Передъ Кирилломъ Ивановичемъ вдругъ распахну-

лась темная пропасть безъ дна и края, полная безформеннаго, гнетущаго мрака. Онъ заглянулъ въ нее и отшатнулся въ ужасѣ, крѣпко зажмуривъ глаза. Его тянуло внизъ, и онъ почувствовалъ, что если не откроетъ глазъ, то сейчасъ же полетитъ туда и будетъ летѣть безъ конца, замирая отъ страха и съ каждою секундой все сильнѣе ощущая его.

Онъ дрогнулъ, быстро взглянулъ передъ собой и вздохнулъ свободно и легко: онъ былъ тутъ въ комнатѣ Кравцова, и подъ ногами у него былъ полъ, твердый полъ, въ чемъ Кириллъ Ивановичъ и убѣдился, сильно надавивъ его ногой. Тогда ему снова страстно захотѣлось еще разъ взглянуть туда, на стѣну... Осторожно приподнимаясь со стула и въ то же время поворачиваясь назадъ, онъ увидалъ его, это лицо; но теперь оно было только жалко и, выражая напряженное и боязливое ожиданіе чего-то, замерло въ этой минѣ. Тутъ онъ узналъ себя, ибо это онъ былъ весь исполненъ ожиданія и боязни.

— „Это зеркало... Д-да-а!“ — догадался онъ и увидѣлъ, что рама зеркала была сверху, справа и слѣва закрыта повѣшеннымъ на него бѣлымъ полотенцемъ, а снизу ее скрывали рамки карточекъ; обои комнаты были тоже бѣлые,—вотъ почему зеркало было незамѣтно и такъ напугало его. Но это открытіе не убило въ немъ тоскливаго предчувствія, даже еще принесло съ собой нѣчто, подчеркивающее это предчувствіе. Кириллъ Ивановичъ, глядя на свое отраженіе, задумался.

— „А вѣдь это я самъ схожу съ ума!“—вдругъ проникся онъ весь острою мыслью, вызвавшею во всемъ его существѣ холодную дрожь и тихую, ноющую боль, точно всѣ его мускулы сразу напитались промозглою и влажною сыростью погреба. Ему захотѣлось кричать, звать себѣ на помощь, и онъ почувствовалъ, что уже оторвался отъ земли и падаетъ куда-то сквозь палящіе зноемъ и замораживающіе кровь слои воздуха. Въ

его груди нестерпимо непріятно заныло; онъ схватился за нее руками и сталъ крѣпко растирать ее. А въ головѣ билась уничтожающая мысль и, не затемняя ея, кружились еще какіе-то обрывки мыслей, воспоминаній, цѣлый вихрь, точно въ его мозгахъ все было разорвано, разбито, исковеркано и въ ужасѣ разбѣгалось передъ нею, передъ этою мыслью о сумасшествіи, деспотически поработившей все, что было до нея. Онъ открылъ ротъ, глубоко вздохнулъ и, вобравъ въ себя страшно много пахучаго воздуха комнаты, напрягъ грудь, чтобы крикнуть.

— Дуракъ! Противная рожа!—раздался презрительный и насмѣшливый голосъ.—Что ты строишь себѣ гримасы, когда ты самъ есть не болѣе, какъ гнусная гримаса природы? Шпіонъ! Что можетъ быть пакостнѣе? Ф-фа!...

Кириллъ Ивановичъ быстро обернулся съ выпяченною впередъ грудью. Съ койки, упершись локтями въ подушку и подпирая подбородокъ ладонями, смотрѣлъ на него Кравцовъ воспаленными глазами, полными ядовитой ироніи и лихорадочнаго блеска. Усы его ехидно вздрагивали и брови медленно всползали кверху, къ щетинистымъ волосамъ, стоявшимъ на головѣ ершомъ. Губы были искривлены въ сардоническую улыбку; онъ поводилъ ноздрями; все лицо его неустанно содрогалось, образуя тутъ и тамъ кривые узоры морщинъ, и онъ былъ уродливъ и страшенъ.

— „Вотъ кто сумасшедшій!“ — вспыхнулъ новою мыслью Кириллъ Ивановичъ, и эта новая мысль уничтожила ту, которая угнетала его до этого момента.

Онъ выдохнулъ изъ себя цѣлый столбъ воздуха и почувствовалъ, что весь холодъ и ужасъ, сковавшіе его мозгъ, исчезли. Ему было невыразимо пріятно смотрѣть на искаженное лицо Кравцова, и чѣмъ больше онъ смотрѣлъ, тѣмъ ярче сознавалъ себя, тѣмъ теплѣе и легче становилось въ его груди.

— „Вотъ что значитъ—сумасшедшій!—воскликнулъ онъ внутренно, съ усиленнымъ и радостнымъ біеніемъ

сердца.—На кого онъ похожъ?... На того дьявола, котораго одинъ святой поймалъ въ своемъ рукомойникѣ и запечаталъ его тамъ на мученія своимъ крестнымъ знаменіемъ!“

Это сравненіе еще болѣе подняло Кирилла Ивановича въ своихъ глазахъ, и онъ сейчасъ же, вслѣдъ за нимъ, съ глубокою вѣрою въ себя и съ восхищеніемъ подумалъ:

— „Развѣ это не вѣрно? Развѣ человѣкъ съ мыслью, затемненной безуміемъ, способенъ на такой широкій шагъ въ прошлое за образомъ, нужнымъ его мысли?“

А Кравцовъ все говорилъ ѣдкія слова, не сводя пылающихъ глазъ съ Кирилла Ивановича.

— Слушай, ты, безобразіе во образѣ! Ты—шпіонъ!

Кириллъ Ивановичъ взялъ стулъ, подвинулъ его къ койкѣ и съ пріятною улыбкой сѣлъ на него, протягивая руку Кравцову и говоря:

— Маркъ Даниловичъ, что съ вами? Это же я!

— Ну, да, это ты! Я знаю, ты — это ты шпіонъ и пришелъ наблюдать, какъ я думаю. Ха-ха! Ты не узнаешь, не откроешь ни одной моей мысли. А я спасу ихъ всѣхъ, ибо знаю, что имъ нужно... Я понялъ!

— Маркъ Даниловичъ!—убѣдительно, ласково и радостно говорилъ Ярославцевъ.—Развѣ вы меня забыли?

— Тебя? Забыть? Нѣтъ, васъ нельзя забыть, вы всюду... Вы—это мухи, вы—это тараканы, клопы, блохи, пыль, камни стѣнъ! Вамъ прикажутъ—и вы принимаете на себя всѣ формы, воплощаетесь во все, изслѣдуете все... и слѣдите, какъ, о чемъ и зачѣмъ люди думаютъ. Но вы все-таки слабы! Я же—могучъ! Во мнѣ пылаетъ безсмертный огонь желанія подвига! И вотъ я, какъ Моисей изъ Египта, выведу васъ изъ жизни, помойной ямы, гдѣ вамъ такъ хорошо дышится. Выведу, и придемъ мы въ обѣтованную страну, гдѣ воздухъ слишкомъ чистъ для васъ и гдѣ поэтому вы не можете жить. Тамъ я напою моихъ братій изъ кастальскаго

источника свободы и возбужу души ихъ къ жизни творчества... къ жизни подвиговъ... къ жизни всепрощенія и возсозданія человѣка! А вы, какъ египтяне, погонитесь за нами и исчезнете, потонете, захлебнетесь въ морѣ собственной гнусности и найдете смерть! Ибо вы въ себѣ носите смерть!

— „Это онъ о чемъ?"—думалъ Кириллъ Ивановичъ, понемногу теряя свою радость подъ торжественныя и громкія рѣчи Кравцова, глаза котораго испускали острые, свѣтлые лучи, коловшіе Кирилла Ивановича въ лицо и грудь тонкими, палящими уколами.

— „А! Онъ вѣдь читалъ отцовъ церкви... зачѣмъ-то... Августина и Оригена... и Златоуста... и искалъ все Назіанзина... да... Зачѣмъ онъ это читалъ? Развѣ нечего читать кромѣ? Значитъ, онъ давно ужъ... того... Очень смѣшной человѣкъ!... О чемъ онъ говоритъ? Ба!—внезапно просіялъ Кириллъ Ивановичъ.—Онъ меня называетъ шпіономъ—значитъ у него манія преслѣдованія! Онъ говоритъ про себя: „Я, какъ Моисей!"—значитъ, у него манія величія! Господи, какъ все это просто! Наука! Вотъ наука! Она всегда, какъ факелъ. Бѣдный человѣкъ!"

И Кириллъ Ивановичъ почувствовалъ, что онъ сейчасъ заплачетъ отъ жалости къ Кравцову, снова охваченный теплымъ и радостнымъ сознаніемъ правильности своей мысли.

А съ его бѣдною мыслью творилось что-то странное: то она опускалась въ какой-то мрачный ухабъ, теряя горизонты; то вдругъ поднималась куда-то высоко и свободно охватывала собой огромное пространство; то текла медленно и лѣниво, какъ бы изнемогая; то быстро стремилась къ чему-то, задѣвая по дорогѣ массу разнородныхъ предметовъ; то снова точно падала внизъ и исчезала. Тогда Кириллъ Ивановичъ чувствовалъ только тревожное біеніе своего сердца и больше ничего.

Кравцовъ вдругъ весь извился змѣей и сѣлъ на

койкѣ, въ одномъ бѣльѣ, съ раскрытою грудью, возбужденный и мрачно-торжественный.

— Ты, слушай! Ты меня не пустишь на подвигъ? Пусти! Я пойду и созову всѣхъ ихъ въ поле. Тамъ соберемся всѣ мы, нищіе духомъ, и грустно уйдемъ отъ жизни нищіе духомъ! Но не радуйся! И всѣ твои— пусть они не радуются нашему пораженію, хотя мы и признаемъ его, ибо уходимъ изъ жизни нищіе духомъ и съ разбитыми щитами надеждъ въ рукахъ, и безъ брони вѣры, потерянной нами въ битвахъ. Мы воротимся богатые силой творить и вооруженные крѣпкою вѣрой въ себя, ея же нѣтъ крѣпче оружія! Ты понялъ? И мы укроемся свѣжими цвѣтами мечты о счастьѣ. Ты пустишь меня на этотъ подвигъ? Зато я, по возвращеніи въ жизнь, прощу тебя перваго и первому тебѣ въ гнусное сердце дуну духомъ возрожденія. Эй, ты, камень! Пусти меня!

— „Кого онъ хочетъ спасать и обновлять?"—медленно вертѣлись мысли въ головѣ Кирилла Ивановича.

Ему уже снова не жалко было Кравцова, онъ даже немного злился на него за то, что онъ, не переставая, говорилъ свои торжественныя слова и они, звеня въ головѣ Кирилла Ивановича, мѣшаютъ ему уловить нѣкоторую важную мысль. Дѣло въ томъ, что въ головѣ Кирилла Ивановича все вдругъ окрасилось въ разные цвѣта, онъ ясно почувствовалъ и видѣлъ это: передъ его глазами плавали и кружились круглыя пятна — желтыя, синія, красныя. Ихъ было много, всѣ они быстро вертѣлись и изъ нихъ выбивалось и никакъ не могло выбиться одно, ярко-зеленое и многообѣщающее. Это непремѣнно что-нибудь о вѣрѣ. Но голосъ Кравцова сотрясалъ воздухъ и все дрожало, сливалось, путалось между собой.

— „Ахъ, какъ онъ громко!—съ тоской воскликнулъ про-себя Кириллъ Ивановичъ. — Чего онъ хочетъ? Э. уродъ! Думы! Изъ нихъ порой рождаются идеи яркія,

идеи, окрашивающія жизнь бойкими красками. Чего же онъ хочетъ? чего можно хотѣть, кромѣ свободы думать?“

Ему вспомнилось чье-то опредѣленіе русской разночинной интеллигенціи: „диллетантична, нежизнеспособна и болѣзненно-честолюбива“. „Вотъ и этотъ тоже болѣзненно-честолюбивъ. Сидѣлъ бы спокойно, молчалъ и думалъ. Кто знаетъ, что изъ этого можетъ выйти? А его вотъ тянетъ куда-то въ поле, кого-то вести изъ жизни вонъ!—Что такое—вонъ изъ жизни?“

Кириллъ Ивановичъ вспомнилъ какую-то картинку, на ней былъ изображенъ человѣкъ съ дудочкой во рту. Онъ стоялъ на берегу рѣки и игралъ на своей дудочкѣ, а къ нему со всѣхъ сторонъ бѣжали крысы и мыши. Въ этомъ человѣкѣ было что-то общее съ Маркомъ Кравцовымъ. Смѣшно! И Кириллъ Ивановичъ вдругъ расхохотался, качаясь на стулѣ изъ стороны въ сторону.

Кравцовъ откинулся назадъ, оперся спиной о стѣну и замолчалъ, наклонивъ на грудь голову.

— Вотъ... торжествуетъ Іуда! — громко прошепталъ онъ, исподлобья глядя на Кирилла Ивановича.

Тотъ дрогнулъ и испуганно уставился на Кравцова. Они долго молча разсматривали другъ друга—Кириллъ Ивановичъ выжидательно и робко, а Кравцовъ—пытливо и угрюмо. Кириллъ Ивановичъ почувствовалъ, что лучистые глаза больного притягиваютъ его къ себѣ, и, наклонясь на стулѣ, облокотился у ногъ Кравцова о койку.

Стало внушительно тихо. На улицѣ уже стемнѣло, и отъ кустовъ палисадника на стекла оконъ и подоконники легли вечернія тѣни. Наконецъ, Кравцовъ вдругъ улыбнулся и тихо сказалъ:

— А, вѣдь, я васъ знаю!

— Конечно! — утвердительно кивнулъ головой Кириллъ Ивановичъ и добавилъ почти шопотомъ:—Вы бы говорили. А то такъ очень страшно... уже ночь.

— Говорить? Съ вами? Вѣдь, я васъ знаю!—Вы—Ярославцевъ, статистикъ? Вамъ теперь стыдно?

— Мнѣ? Нѣтъ, ничего. Но страшно.

— Да! Это такъ! Страшно! Бойтесь будущаго! Въ немъ вашъ итогъ!

Они оба теперь говорили шопотомъ и оба старались сказать каждую новую фразу еще тише, чѣмъ предыдущую. Несмотря на сумракъ въ комнатѣ, Кириллъ Ивановичъ еще видѣлъ лицо Кравцова и сардоническую улыбку на немъ. Его все сильнѣе тянуло къ этому человѣку съ лучистыми глазами.

— Итогъ, вы говорите?—спросилъ онъ помолчавъ.—Это что же?

— Это подсчетъ всѣмъ мерзостямъ вашей жизни. Безпристрастный подсчетъ,—внушительно прошепталъ Кравцовъ. — Вы думаете, что вашею статистикой и ограничивается все, да?—Нѣтъ, вы ошиблись, человѣкъ! Есть еще статистика совѣсти, ею управляю я! Я не даю пощады... и знаю цѣну факта! Я васъ уже подсчиталъ!

— Не надо пугать человѣка!—жалобно попросилъ Кириллъ Ивановичъ собесѣдника.

— Человѣка—да, но шпіона—надо! Зачѣмъ вы шпіонъ? Зачѣмъ вы слѣдите, какъ я думаю? Боже мой, вѣдь я только думаю! Отъ этого вредно мнѣ и только мнѣ! Думать—это даже благонамѣренно, потому что отъ думъ человѣкъ погибаетъ самъ, и вы не тратите своихъ копеекъ на то, чтобы погубить его!

Шопотъ Кравцова вдругъ порвался, и металлически звякнуло громкое слово:

— День-ги! А, да... вы хотите денегъ за мою свободу думать? Вы продаетесь? Сколько?

— Послушай! — сказалъ убѣдительно, но все-таки шопотомъ Кириллъ Ивановичъ.—Не кричи, услышатъ! Они всегда близко!

— Услышатъ?... А ты тоже боишься? Почему же? Вѣдь ты мерзавецъ, и тебѣ можно говорить громко, а?...

Слушай, пусти меня! Я иду дѣлать простое и полезное дѣло. Оно легально, увѣряю тебя. Я хочу вывести вонъ изъ жизни всѣхъ тѣхъ людей, которые, несмотря на свои пятна, есть все-таки самые свѣтлые люди въ жизни... Они погибаютъ отъ тоски одиночества и вашего гоненія на нихъ. Они, видишь ли, задыхаются въ смрадѣ жизни, которымъ ты дышишь легко. Это твоя стихія... но они... Дай мнѣ спасти ихъ!—крикнулъ онъ громко.

Кирилла Ивановича охватила волна ѣдкой злобы. Онъ всталъ передъ койкой и тихо, оскорбительно-ясно зашипѣлъ въ лицо Кравцову:

— Ты не кричи! Я тебѣ скажу... Ты—сумасшедшій, вотъ что! Понимаешь? Ты со-шелъ съ у-ма! Да... Спасти!... кого? Я—Ярославцевъ, Кириллъ Ярославцевъ, а ты—сошелъ съ ума!... Лягъ! Понялъ?! Ну?!... и все...

Онъ снова опустился на стулъ, тяжело дыша и часто моргая глазами. Кравцовъ схватилъ себя за голову и страшно закачался изъ стороны въ сторону.

Снова стало внушительно и пугающе-тихо. Взошла луна, и въ душный сумракъ комнаты черезъ окно влился голубой свѣтъ и легъ полосой на полу.

Вспышка злобы совершенно уже ослабила Кирилла Ивановича, а страхъ передъ будущей минутой все росъ въ немъ. Въ тишинѣ и глубокомъ полумракѣ комнаты безмолвно совершалось нѣчто таинственное и стройное—происходила какая-то разрушительная работа.

На голубую полосу луннаго свѣта, лежавшую на полу, пали узоры тѣней отъ цвѣтовъ на окнѣ, и вмѣстѣ это походило на нѣкоторую хартію, исчерченную мрачными гіероглифами, говорившими о глубокихъ тайнахъ жизни и о безсиліи ума передъ ними. Кириллъ Ивановичъ взглянулъ на это и быстро отвернулся, ощущая въ груди какіе-то толчки.

— „Все кончается!“—тихо прошепталъ онъ, и ему стало невыразимо грустно.

Кравцовъ поднялъ голову и молча посмотрѣлъ на него, двинувъ бровями. Кириллъ Ивановичъ вдругъ заплакалъ, обнялъ его ноги, крѣпко сжалъ ихъ и ткнулся въ нихъ своею головой, всхлипывая, какъ ребенокъ.

— Мнѣ... страшно...

— Будущаго?—тихимъ и торжествующимъ восклицаніемъ спросилъ Кравцовъ, нагибаясь надъ нимъ и весь вздрагивая мелкою дрожью.

— Говорите все сначала... говорите!—шепталъ Кириллъ Ивановичъ.

— Ага! Я побѣдилъ еще одного!—тоже шепталъ Кравцовъ, отдирая его голову отъ своихъ ногъ.—Это хорошо... Побѣда... съ перваго шага!... Ты каешься, да?... Садись... иди сюда, я разскажу тебѣ все.

Онъ пытался отнять руки Кирилла Ивановича отъ своихъ ногъ, стиснутыхъ ими, и поднять его голову, но Кириллъ Ивановичъ не уступалъ ему, все крѣпче прижимаясь и что-то бормоча сквозь рыданія.

Наконецъ, Кравцовъ оставилъ его въ покоѣ; наклонясь надъ нимъ, онъ уперся руками въ койку и заговорилъ тихо, но торжественно и важно:

— Ты знаешь людей въ плѣну у жизни? Это тѣ люди, которые хотѣли быть героями, а стали статистиками и учителями. Они нѣкогда боролись съ жизнью, но были побѣждены ею и взяты въ плѣнъ ея мелочами... Вотъ о нихъ-то говорю я и это ихъ хочу спасти... Ты понялъ? Они погибаютъ, ибо гонимы, ибо всѣ смотрятъ на нихъ, какъ на враговъ, а сами они враги себѣ. Разсѣянные повсюду, они погибаютъ отъ сомнѣнія и тоски... и отъ невозможности свободно ходить, говорить и думать... И вотъ ихъ я соберу воедино и выведу вонъ изъ жизни въ пустыню и тамъ устрою имъ будку всеобщаго спасенія. Ты видишь—будка, а не коммуна, не фаланстеръ—это легально, не правда ли? А я одинъ стану надъ всѣми ими и научу ихъ всему, что знаю. Я знаю много, больше, чѣмъ есть предметовъ для

знанія, ибо я знаю всѣ ихъ плюсъ—мое знаніе!.. Мы источимъ по каплѣ соки наши на песокъ пустыни и оживимъ ее, застроивъ зданіями счастья! Среди насъ будетъ возвышаться надъ всѣми будка всеобщаго спасенія и на вершинѣ ея, подъ стекляннымъ колпакомъ, буду вѣчно вращаться я самъ и смотрѣть за порядкомъ среди тѣхъ, что вручены мнѣ судьбой. Я буду строгъ, но не по-человѣчески справедливъ. Я знаю высшую справедливость. Я наложу на всѣхъ одну обязанность—творить. Твори, ибо ты человѣкъ!—прикажу я каждому. Это будетъ грандіозно! И когда мы создадимъ свое царство, въ которомъ все будетъ гармонія, то созовемъ всѣхъ шпіоновъ и всѣхъ сильныхъ земли и всѣ глупые народы созовемъ и скажемъ имъ: „Вотъ вы гнали насъ, а мы создали вамъ вѣчный образъ жизни! Вотъ вамъ онъ, слѣдуйте ему! Мы же, возрожденные изъ пепла, идемъ творить, вѣчно творить... Вотъ наша задача“. И мы, бывшіе бѣдняки, уйдемъ, обогативъ бывшихъ крезовъ богатствомъ духа и силы жить. Побѣда!.. Тогда я скажу всему міру: „Люди, одѣньтесь въ свѣтлое, ибо ночь исчезла и не придетъ больше“. Вотъ какую идею родилъ я изъ несчастій и мукъ моей жизни, я, гонимый и затравленный, я, измученный собой и уязвленный язвой желанія быть творцомъ жизни. Ты хочешь быть?—твори новое! Дай что-нибудь людямъ, дай имъ, ибо они жалки и бѣдны! Тогда какъ ты со мной, значитъ—ты объединился съ истиной. Ты будешь первый ученикъ мой—не плачь! Мы вмѣстѣ будемъ творить! Эй, ты, ребенокъ, ты слабъ еще! Ты тоже оскорбленъ? Ничего! Скоро ты возродишься къ жизни новой, къ жизни, въ которой мы будемъ принимать участіе и будемъ вслухъ, громко, безъ боязни говорить о всемъ, о чемъ хотимъ, а? Ты не вѣришь мнѣ, человѣкъ? Вѣрь! Хотя это кажется и несбыточнымъ, но вѣрь все-таки. Я твой добрый геній, я орелъ будущаго! Ручаюсь тебѣ, что всѣ слова твоего сердца и ума получатъ жизнь,

ихъ услышатъ, надъ ними будутъ думать, ихъ поймутъ, и ты получишь должное—славу человѣка, который жилъ для жизни и людей. Вѣрь мнѣ, мы напьемся изъ полной чаши жизни и всѣ наши чувства будутъ звучать звуками удовлетворенія. Знаешь ты, что сказалъ Григорій Богословъ о Юліанѣ, который и есть отвлеченная формула отступленія отъ истины и угнетенія вѣры? И ты, можетъ быть, какъ всѣ, тоже думалъ, что Юліанъ—это цезарь? Голубчикъ! Не вѣрь этой пошлой истинѣ, она стара; возьми изъ нея идею, но забудь о ней. Жизнь—въ будущемъ, и тамъ она наша. Въ прошломъ только идеи, тамъ нѣтъ лицъ. А мы съ тобой есть лица и потому возьмемъ идеи, которыя нужны намъ для ступенекъ къ лѣстницѣ счастья, по которой мы войдемъ въ вѣчное блаженство, какъ ангелы во снѣ Іакова, какъ творцы жизни, обновители духа!

Его торжественный шопотъ превратился, наконецъ, въ потокъ словъ, все рѣже и рѣже оживлявшійся мыслью, и, наконецъ, просто въ слова безъ смысла, связанныя между собой, казалось, только единствомъ буквъ въ нихъ. Онъ говорилъ теперь возбужденно и внушительно, сверкая глазами на Кирилла Ивановича.

— Спасеніе... Паскаль... пока...

Очевидно, его мысли кипѣли и мчались куда-то такъ быстро, что онъ не успѣвалъ уже послѣдовательно заключать ихъ въ слова.

Кириллъ Ивановичъ давно уже поднялъ голову и сталъ передъ койкой на колѣни, все обнимая ноги Кравцова. Теперь онъ закинулъ голову немного назадъ и съ восхищеніемъ смотрѣлъ въ лицо Кравцова, не отрываясь ни на секунду отъ него.

На полу все еще лежала эта голубая хартія луны и тѣней, но начертанные на ней гіероглифы измѣнились, стали проще формой, но еще темнѣе цвѣтомъ. Вся комната была заполнена волнующимися звуками

торжественнаго шопота. Тихая и темная ночь смотрѣла въ окно.

Двѣ человѣческія фигуры, лицомъ къ лицу другъ съ другомъ, не обращали вниманія на то, что въ дверь поочередно заглядывали то голова женщины въ черномъ платкѣ, то голова мужчины въ шапкѣ и съ черною бородой. За дверью тоже слышался шопотъ. А Кравцовъ, все такъ же упираясь руками въ койку, склонился къ лицу Кирилла Ивановича и все говорилъ, говорилъ. Это продолжалось почти до разсвѣта. И уже когда мгла за окномъ посѣрѣла, онъ измученный свалился на подушку и сразу замеръ.

Кириллъ Ивановичъ быстро всталъ, пугливо оглянулся и подскочилъ къ нему. Разсвѣтало. Онъ сдернулъ съ себя пальто, занавѣсилъ имъ окно и, снова подойдя къ койкѣ, прошепталъ:

— Ничего, говори!

Но Кравцовъ, должно быть, уже не могъ говорить; онъ только кивнулъ головой и, вздохнувъ, отвернулся къ стѣнѣ. Тогда Кириллъ Ивановичъ сѣлъ у него въ ногахъ на койку и, обнявъ свои колѣни руками, сталъ смотрѣть глазами любви и восторга на несчастнаго созидателя всеобщаго спасенія.

На четырехугольномъ бѣломъ пятнѣ подушки его черная голова сначала выдѣлялась рѣзко, а потомъ стала таять и растаяла. Тогда на мѣстѣ ея появилась желтая, безбрежная и сухая пустыня, и въ ней все трупы... много труповъ людей, лежащихъ въ разныхъ позахъ и отдыхающихъ отъ утомленія въ пути. А далеко на краю пустыни сіялъ кроваво-красный шаръ, спускаясь куда-то внизъ, а съ неба падали мягкія и темныя тѣни, окутывая усталыхъ людей... Потомъ все стало темно. Это наступила ночь, явился сонъ и раздался въ тишинѣ пустыни бредъ спящихъ. Среди нихъ одинъ человѣкъ не спалъ, стоя среди нихъ и зорко глядя въ небо, гдѣ было много звѣздъ, а ниже ихъ неподвижно стояли въ

воздухѣ три черныя точки. Это были орлы пустыни, и человѣкъ смотрѣлъ на нихъ подозрительно и въ ожиданіи.

И потомъ Кириллъ Ивановичъ видѣлъ дорогу, заполненную исходящими изъ плѣна жизни людьми. Ихъ было много. Среди нихъ были и дѣти; они плакали на рукахъ матерей и отцовъ. А отцы и матери молча шли въ пыли и въ рубищахъ, и черезъ ихъ глаза Кириллъ Ивановичъ видѣлъ ихъ души въ тоскѣ и въ лохмотьяхъ, изорванныя, изношенныя души много страдавшихъ людей. Впереди всѣхъ шелъ онъ, великій человѣкъ, котораго всѣ слушались и на котораго смотрѣли съ надеждой, а рядомъ съ нимъ Кириллъ Ивановичъ видѣлъ себя. Являлась тьма и все скрывала собой.

И онъ, Кириллъ Ивановичъ, видѣлъ работу созиданія будки всеобщаго спасенія... и снова тьму... И видѣлъ торжественное возвращеніе въ жизнь... и снова тьму... И, наконецъ, только тьму, которой не было края и дна и которая дышала на него, въ лицо ему и въ душу печальнымъ холодомъ. Отъ дуновенія тьмы онъ качался, чувствовалъ, что онъ оторвется отъ земли и полетитъ куда-то, и жилъ этимъ острымъ чувствомъ, мѣшавшимъ ему сдѣлать малѣйшее движеніе. И ему было такъ тоскливо-больно, холодно, боязно.

Все крѣпче сжимаясь въ комокъ, онъ широко раскрывалъ глаза, стараясь увидѣть вдали тьмы то, что должно было случиться съ нимъ, ибо онъ чувствовалъ, что вотъ скоро, сейчасъ, въ будущую секунду, нѣчто освободитъ его изъ власти ужаса.

Лучи солнца упали ему въ лицо. Онъ вздрогнулъ, зажмурилъ глаза и улыбнулся блѣдною улыбкой больного ребенка.

И затѣмъ, такъ же неподвижно, какъ и раньше, но уже съ закрытыми глазами, сидѣлъ долго...

Поутру, часовъ въ семь, пришли Ляховъ, Минорный и человѣкъ въ золотыхъ очкахъ и съ самоувѣреннымъ

лицомъ. Они вошли въ дверь тихо, по одному, и за ними въ сѣняхъ остались какія-то странныя фигуры людей.

— Ну, что? Не буянилъ?—сказалъ Ляховъ, высокій человѣкъ съ печальнымъ и блѣднымъ лицомъ, Кириллу Ивановичу, который при ихъ появленіи спустилъ ноги съ койки и смотрѣлъ на нихъ съ ясною улыбкой.

Кириллъ Ивановичъ пожалъ протянутую ему руку Ляхова и съ тихимъ восторгомъ посмотрѣлъ ему въ лицо.

— Вы уже пришли?... Значитъ, пора?

— Да...—произнесъ Ляховъ и пристально посмотрѣлъ въ лицо спящаго Кравцова.

— Какъ же, дождемся, когда проснется?—спросилъ Минорный господина въ очкахъ.

— Я полагаю, прямо такъ взять и въ карету. Идите сюда!

Онъ махнулъ рукой къ себѣ, и въ дверь вошли двое здоровыхъ ребятъ въ бѣлыхъ фартукахъ.

— Возьмите осторожно больного!

Тутъ Кириллъ Ивановичъ подошелъ къ койкѣ, сталъ у ея изголовья такъ, что закрылъ лицо Кравцова, удивленно посмотрѣлъ на всѣхъ и тихо, но внушительно спросилъ:

— Куда взять?... Его взять? Куда взять?

— Въ домъ, конечно, сказалъ Минорный.

— Въ лѣчебницу,—одновременно произнесъ докторъ и пристально уставился чрезъ очки въ лицо Кирилла Ивановича.

Ляховъ все смотрѣлъ на Кравцова за спину Кирилла Ивановича и кусалъ себѣ нижнюю губу.

Кириллъ Ивановичъ крѣпко потеръ себѣ лобъ, какъ бы съ усиліемъ вспоминая что-то.

— Д-да!... Въ лѣчебницу!... А зачѣмъ же, собственно?... И кто вы?—и Кириллъ Ивановичъ тихонько дотронулся до рукава доктора.

— Я—докторъ, завѣдующій домомъ для душевнобольныхъ, сказалъ господинъ въ очкахъ, не переставая разсматривать Кирилла Ивановича.

„Интеллигентный человѣкъ, значитъ!"—сообразилъ Кириллъ Ивановичъ и протянулъ ему руку.

— Мнѣ пріятно видѣть васъ.... и я радъ, что вы тоже идете за нимъ,—кивнулъ онъ на Кравцова.

— Мы пріѣхали въ каретѣ,—вмѣшался Минорный, тоже подозрительно оглядывая Кирилла Ивановича.

— Ну, это напрасно,—махнулъ рукой тотъ,—мы пойдемъ всѣ пѣшкомъ, онъ—особенно.

— Да, вѣдь, онъ буянить будетъ на улицѣ!—тихо воскликнулъ Минорный.

— То-есть, какъ это?—удивился Кириллъ Ивановичъ.

— Да вы что, батенька?... Образумьтесь! Или вы тоже, какъ онъ, съ ума сошли?...

— Позвольте!—остановилъ докторъ Минорнаго.

Кириллъ Ивановичъ вспыхнулъ и оглянулъ всѣхъ съ улыбкой недовѣрія и со страхомъ въ глазахъ. Трое людей стояли и смотрѣли на него тоже съ какимъ-то боязливымъ любопытствомъ и догадкой. Кириллъ Ивановичъ то краснѣлъ, то блѣднѣлъ отъ какой-то внутренней работы. Улыбка исчезла изъ его глазъ, и они, странно расширясь, вдругъ ярко вспыхнули какою-то мыслью.

— Господа!—просительно зашепталъ онъ, сжимая руки и хрустя пальцами.—Господа! Что вы? Это ошибка! Вы считаете его безумнымъ? Это обидная ошибка, господа! Оскорбительная ошибка! Послушайте меня—оставьте его такъ, какъ онъ есть. Дайте ему исполнить задуманное имъ дѣло. Это великое, необходимое дѣло! Вы знакомы съ его идеей? Нѣтъ? Какъ же вы, господа, рѣшаетесь на такое рѣзкое отношеніе къ нему?... Это... странно! Вы послушайте! Я постигъ его, я усвоилъ его идею. Вѣдь согласитесь, я же разумный человѣкъ. Вотъ Бабкинъ засвидѣтельствуетъ это и господинъ Ляховъ.

Да!... Какъ же вы?... Это возмутительно! Это недостойно васъ! Вы вникните въ суть его ученія: мы подлѣемъ, умирая морально, мы умираемъ смертью безумія, мы пошло умираемъ физически. Все это отъ тоски по желаніямъ, отъ скорби одиночества, отъ недостатка жизни, въ которой намъ не даютъ мѣста. Развѣ я говорю неразумно? А, господа!... Намъ запрещено жить. Почему запрещено, господа? Развѣ мы преступны?... И еще скажите, развѣ онъ, предлагая намъ выйти съ нимъ за границы жизни въ песчаныя, необитаемыя пустыни, развѣ онъ не правъ? Онъ приведетъ насъ обратно сюда... когда мы воскреснемъ духомъ. Господа, господа!... Что вы хотите дѣлать... Вѣдь такъ у васъ всѣ сумасшедшіе, всѣ, кто хочетъ счастья другимъ и кто простираетъ руку помощи... кто горячо жалѣетъ и много любитъ бѣдныхъ, загнанныхъ жизнью и затравленныхъ другъ другомъ людей...

Наконецъ, онъ задохнулся и умолкъ, обводя всѣхъ испуганными глазами, изъ которыхъ текли крупныя слезы. Губы у него дрожали. Казалось, вотъ онъ сейчасъ зарыдаетъ. И у Минорнаго тоже дрожали губы.

— Вотъ... видите... какъ оно... заразительно... а я двое сутокъ...—шепталъ онъ доктору.

Тотъ почесалъ себѣ пальцемъ переносицу, приподнявъ очки, и, видимо, тоже пораженный, пробормоталъ:

— Д-да, знаете... Странный случай!

Ляховъ стоялъ и смотрѣлъ на всѣхъ, странно улыбаясь и все покусывая себѣ губу. Всѣ замолчали. Кириллъ Ивановичъ смахивалъ со щекъ слезинки и стоялъ у койки съ убитымъ лицомъ. Въ его глазахъ свѣтилось цѣлое море меланхоліи. Онъ стоялъ и обводилъ глазами комнату. За троими людьми противъ него стояло еще двое въ бѣлыхъ фартукахъ, и за дверью въ сѣняхъ виднѣлись еще головы... И всѣ они упорно и молча ждали чего-то, ждали именно отъ него, ибо всѣ смот-

рѣли въ его сторону. Кириллъ Ивановичъ печально улыбнулся и робко сказалъ:

— Простите меня, господа! Вы правы, такъ какъ васъ много! Я не оспариваю ваше право... и я ухожу... если могу?

— Подождите минуточку!—любезнымъ жестомъ остановилъ его докторъ.

— Извольте!—и Кириллъ Ивановичъ покорно сѣлъ на стулъ, согласно указанію доктора.

Проснулся Маркъ Кравцовъ. Онъ быстро поднялся, сѣлъ на койкѣ и, сурово оглянувъ публику, наполнявшую комнату, громко спросилъ:

— Вы кто?

— Слушай, Маркъ, хочешь кататься?—спросилъ его Ляховъ.

— Не обманывай меня, іезуитъ! Ты хочешь чего-то... Я знаю тебя... и всѣхъ васъ!... А! Вы пришли взять меня!... Но я не дамся безъ борьбы! Нѣтъ! Я васъ разсѣю, какъ пыль!... Меня взять! Нѣтъ!...

Но на него уже накинули какой-то длинный мѣшокъ. Онъ барахтался въ немъ, пока его не спеленали въ немъ, какъ ребенка. Вотъ его подняли на руки и понесли, а онъ, рыдая и извиваясь всѣмъ корпусомъ, кричалъ:

— Нѣтъ!... Нѣтъ!... Нѣтъ!...

Въ комнатѣ остался Ляховъ. Онъ подошелъ къ стѣнѣ, снялъ съ нея какую-то фотографію и, обратясь къ Кириллу Ивановичу, который съ неподвижною до ужаса сосредоточенностью въ глазахъ смотрѣлъ куда-то въ уголъ, ласково сказалъ ему:

— Ну, пойдемте и мы!

Кириллъ Ивановичъ покорно всталъ и, не сказавъ ни слова, пошелъ.

— Я ворочусь черезъ часъ!—сказалъ Ляховъ какой-то женщинѣ, запирая дверь комнаты Кравцова.

— Я ворочусь черезъ часъ!—какъ эхо повторилъ

за нимъ Кириллъ Ивановичъ Ярославцевъ, взглянувъ на него своими мертвыми глазами.

Теперь они оба въ лѣчебницѣ—и Кириллъ Ивановичъ Ярославцевъ, и Маркъ Даниловичъ Кравцовъ. На выздоровленіе Кравцова есть надежды, на выздоровленіе его ученика—нѣтъ никакихъ.

Они встрѣчаются другъ съ другомъ на прогулкахъ въ саду заведенія. Когда Кириллъ Ивановичъ издали увидитъ черноусое и всегда пылающее возбужденіемъ лицо Марка Даниловича, онъ мелкими шажками бѣжитъ къ нему и, снимая колпакъ, тихо шепчетъ:

— Говори, учитель!...

Кириллъ Ивановичъ говоритъ очень мало и всегда не иначе, какъ робкимъ шопотомъ. Если Кравцовъ ходитъ, то Кириллъ Ивановичъ, согнувшись, семенитъ за нимъ, а если онъ сидитъ, то Кириллъ Ивановичъ садится у его ногъ, жалко смотритъ ему въ лицо и изрѣдка просительно шепчетъ:

— Говори, учитель!...

И учитель говоритъ своему ученику возмущенно и строго о гоненіяхъ духа и страданіяхъ духа, торжественно и важно о будкѣ всеобщаго спасенія и съ гордостью о самомъ себѣ, великомъ учителѣ и пророкѣ разбитыхъ жизнью людей.

МОЙ СПУТНИКЪ.

(ИСТОРІЯ ОДНОГО ПУТЕШЕСТВІЯ.)

(1896.)

I.

Встрѣтилъ я его въ одесской гавани. Дня три кряду мое вниманіе останавливала на себѣ его коренастая, плотная фигура, съ лицомъ кавказскаго типа, обрамленнымъ красивой бородкой. Онъ то и дѣло мелькалъ предо мной: я видѣлъ, какъ онъ по цѣлымъ часамъ стоялъ на гранитѣ мола, засунувъ въ ротъ набалдашникъ трости, и тоскливо разглядывалъ мутную воду гавани своими черными миндалевидными глазами; десять разъ въ день онъ проходилъ мимо меня походкой безпечнаго фланера. Кто онъ?... Я сталъ слѣдить за нимъ. Онъ же, какъ бы нарочно поддразнивая меня, все чаще и чаще попадался мнѣ на глаза, и наконецъ, я привыкъ различать его модный, клѣтчатый, свѣтлый костюмъ и черную шляпу художника, его лѣнивую походку и даже его тупой, скучный взглядъ. Онъ былъ положительно необъяснимъ здѣсь, въ гавани, среди свиста пароходовъ и локомотивовъ, звона цѣпей, криковъ рабочихъ, среди всей этой бѣшено-нервной сутолоки порта, охватывавшей человѣка со всѣхъ сторонъ, притуплявшей его умъ и нервы. Всѣ люди порта были порабощены гигантскими механизмами, требовавшими отъ нихъ неусыпнаго вниманія и неустанной работы, всѣ суетились

около пароходовъ и вагоновъ, нагружая и разгружая ихъ... Всѣ были озабочены, утомлены, всѣ бѣгали, кричали, ругались въ пыли, въ поту... среди трудовой сутолоки медленно расхаживала эта странная фигура съ мертвенно-скучнымъ лицомъ, равнодушная ко всему...

Наконецъ, уже на четвертый день, въ обѣдъ, я натолкнулся на него и рѣшилъ во что бы то ни стало узнать, кто онъ. Расположившись неподалеку отъ него съ арбузомъ и хлѣбомъ, я сталъ ѣсть и разсматривать его, придумывая, какъ бы поделикатнѣе завязать съ нимъ бесѣду.

Онъ стоялъ, прислонясь къ грудѣ цыбиковъ чая, и, безцѣльно поглядывая вокругъ себя, барабанилъ пальцами по своей трости, какъ по флейтѣ.

Мнѣ, человѣку въ костюмѣ босяка, съ лямкой грузчика на спинѣ и перепачканному въ угольной пыли, трудно было вызвать его, франта, на разговоръ. Но, къ моему удивленію, я увидалъ, что онъ не отрываетъ глазъ отъ меня и они разгораются у него такимъ непріятнымъ, жаднымъ, животнымъ огнемъ. Я рѣшилъ, что объектъ моихъ наблюденій голоденъ, и, быстро оглянувшись вокругъ, спросилъ его тихонько:

— Хотите ѣсть?

Онъ вздрогнулъ, алчно оскалилъ чуть не сотню плотныхъ, здоровыхъ зубовъ и тоже подозрительно оглянулся.

На насъ никто не обращалъ вниманія. Тогда я сунулъ ему полъ-арбуза и кусокъ пшеничнаго хлѣба. Онъ схватилъ все это и исчезъ, присѣвъ за груду товара. Иногда оттуда высовывалась его голова въ шляпѣ, сдвинутой на затылокъ и открывавшей смуглый, потный лобъ. Его лицо блестѣло отъ широкой улыбки, и онъ почему-то все подмигивалъ мнѣ, ни на секунду не переставая жевать. Я сдѣлалъ ему знакъ подождать меня, ушелъ купить мяса, купилъ, принесъ, отдалъ ему и сталъ около ящиковъ такъ, что совершенно загородилъ моего бѣднаго франта отъ постороннихъ взгля-

довъ. До этого онъ ѣлъ и все хищно оглядывался, точно боялся, что у него отнимутъ кусокъ; теперь онъ сталъ ѣсть спокойнѣе, но все-таки такъ быстро и жадно, что мнѣ стало больно смотрѣть на этого изголодавшагося человѣка, и я повернулся спиной къ нему.

— Благодару! Очэнъ благодару!—онъ потрясъ меня за плечо, потомъ схватилъ мою руку, стиснулъ ее и тоже жестоко сталъ трясти.

Черезъ пять минутъ онъ уже разсказывалъ мнѣ, кто онъ.

Грузинъ, князь Шакро Птадзе, одинъ сынъ у отца, богатаго кутаисскаго помѣщика, онъ служилъ конторщикомъ на одной изъ станцій закавказской желѣзной дороги и жилъ вмѣстѣ съ однимъ товарищемъ. Этотъ товарищъ вдругъ исчезъ, захвативъ съ собой деньги и цѣнныя вещи князя Шакро, и вотъ князь пустился догонять его. Какъ-то случайно онъ узналъ, что товарищъ взялъ билетъ до Батума; князь Шакро отправился туда же. Но въ Батумѣ оказалось, что товарищъ поѣхалъ въ Одессу. Тогда князь Шакро взялъ у нѣкоего Вано Свапидзе, парикмахера,—тоже товарища, одних лѣтъ съ собой, но не похожаго по примѣтамъ,—паспортъ и двинулся въ Одессу. Тутъ онъ заявилъ полиціи о кражѣ, ему обѣщали найти, онъ ждалъ двѣ недѣли, проѣлъ всѣ свои деньги, и вотъ уже четвертыя сутки не ѣлъ ни крошки.

Я слушалъ его разсказъ, звучавшій искренно, перемѣшанный съ ругательствами, смотрѣлъ на него, вѣрилъ ему, и мнѣ было жалко мальчика. Онъ былъ еще мальчикъ, ему шелъ двадцатый годъ, а по наивности ему можно было дать еще меньше. Онъ часто и съ глубокимъ негодованіемъ упоминалъ о крѣпкой дружбѣ, связывавшей его съ воромъ-товарищемъ, укравшимъ такія вещи, за которыя суровый отецъ Шакро навѣрное „зарэжетъ“ сына „кынжаломъ“, если сынъ не найдетъ ихъ.—Я подумалъ, что если не помочь этому малому, жадный городъ засосетъ его. Я зналъ, какія иногда

ничтожныя случайности пополняютъ классъ босяковъ; а тутъ для князя Шакро были налицо всѣ шансы попасть въ это почтенное, но не чтимое сословіе. Мнѣ захотѣлось помочь ему. Моего заработка не хватило бы на билетъ до Батума, поэтому я пошелъ по конторамъ просить безплатнаго проѣзда для Шакро. Я доказывалъ необходимость помощи вѣско,—мнѣ вѣско отказывали. Я предложилъ Шакро пойти къ полицеймейстеру просить билетъ, онъ замялся и сообщилъ мнѣ, что не пойдетъ. Почему? Оказалось, что онъ не заплатилъ денегъ хозяину номеровъ, въ которыхъ стоялъ, а когда съ него потребовали денегъ, онъ ударилъ кого-то; потомъ онъ скрылся и теперь справедливо полагаетъ, что полиція не скажетъ ему спасибо за неплатежъ этихъ денегъ и за ударъ; да, кстати, онъ и не твердо помнитъ—одинъ ударъ или два дано имъ, три или четыре.

Положеніе осложнялось. Я рѣшилъ, что буду работать, пока не заработаю достаточно денегъ для него на проѣздъ до Батума, но увы! оказалось, что это случилось бы не скоро, очень не скоро, ибо проголодавшійся Шакро ѣлъ за троихъ и больше.

Въ то время, вслѣдствіе наплыва „голодающихъ“, поденныя цѣны въ гавани стояли низко, и изъ восьмидесяти копеекъ заработка мы вдвоемъ проѣдали шестьдесятъ. Къ тому же, еще до встрѣчи съ княземъ, я рѣшилъ пойти въ Крымъ, и мнѣ не хотѣлось оставаться надолго въ Одессѣ. Тогда я предложилъ князю Шакро пойти со мной пѣшкомъ на такихъ условіяхъ: если я не найду ему попутчика до Тифлиса, то самъ доведу его, а если найду, то мы распростимся.

Князь посмотрѣлъ на свои щегольскія ботинки, на шляпу, на брюки, погладилъ курточку, подумалъ, вздохнулъ не разъ и, наконецъ, согласился. И вотъ мы съ нимъ отправились изъ Одессы въ Тифлисъ пѣшкомъ.

II.

Когда мы пришли въ Херсонъ, я зналъ моего спутника, какъ малаго наивно-дикаго, крайне неразвитого, веселаго—когда онъ былъ сытъ, унылаго—когда голоденъ, какъ сильное и добродушное животное.

Дорогой онъ разсказывалъ мнѣ о Кавказѣ, о жизни помѣщиковъ-грузинъ, о ихъ забавахъ и отношеніи къ крестьянамъ. Его разсказы были интересны, своеобразно красивы, но рисовали предо мной разсказчика крайне не лестно для него. Разсказываетъ онъ, напримѣръ, такой случай:

Къ одному богатому князю съѣхались сосѣди на пирушку; пили вино, ѣли чурекъ и шашлыкъ, ѣли лавашъ и пилавъ, и потомъ князь повелъ гостей въ конюшню. Осѣдлали коней. Князь взялъ себѣ лучшаго и пустилъ его по полю. Горячій конь былъ это! Гости хвалятъ его стати и быстроту, князь снова скачетъ, но вдругъ въ поле выносится крестьянинъ на бѣлой лошади и обгоняетъ коня князя, — обгоняетъ и... гордо смѣется. Стыдно князю передъ гостями!... Сдвинулъ онъ сурово брови, подозвалъ жестомъ крестьянина, и когда тотъ подъѣхалъ къ нему, то ударомъ шашки князь срубилъ ему голову и выстрѣломъ изъ револьвера въ ухо убилъ коня, а потомъ объявилъ о своемъ поступкѣ властямъ. И его осудили въ каторгу...

Шакро передаетъ мнѣ это тономъ сожалѣнія о князѣ. Я пытаюсь ему доказать, что жалѣть тутъ нечего, но онъ поучительно говоритъ мнѣ:

— Князей мало, крестьянъ много. За одного крестьянина нельзя судить князя. Что такое крестьянинъ? Вотъ!—и Шакро показываетъ мнѣ комокъ земли. — А князь—какъ звѣзда!

Мы споримъ, и онъ сердится. Когда онъ сердится, то оскаливаетъ зубы, какъ волкъ, и лицо у него дѣлается острымъ.

— Молчи, Максимъ! Ты не знаешь кавказской жизни,—кричитъ онъ мнѣ.

Мои доводы безсильны предъ его непосредственностью, и то, что для меня ясно, ему смѣшно. Моя логика не задѣвала его мозга, и когда съ большимъ трудомъ я ставилъ его втупикъ доказательствами правильности моихъ воззрѣній и ихъ превосходства, онъ не долго задумывался и говорилъ мнѣ:

— Ступай на Кавказъ, живи тамъ. Увидишь, что я сказалъ правду. Всѣ такъ дѣлаютъ,значитъ—такъ нужно. Зачѣмъ я буду тебѣ вѣрить, если ты одинъ только говоришь: это не такъ, а тысячи говорятъ—это такъ?

Тогда я молчалъ, понимая, что нужно возражать не словами, а фактами ему, человѣку, который вѣритъ въ то, что жизнь, какова она есть, вполнѣ законна и справедлива. Я молчалъ, а онъ торжествовалъ, такъ какъ твердо вѣрилъ въ свое знаніе жизни и считалъ его истиннымъ, непоколебимымъ, справедливымъ. И мое молчаніе давало ему право повышать тонъ своихъ разсказовъ о кавказской жизни, полной дикой красоты, полной огня и оригинальности. Эти разсказы, интересуя и увлекая меня, въ то же время возмущали и бѣсили своей жестокостью, поклоненіемъ богатству и силѣ и отсутствіемъ того, что называютъ обязательной для каждаго человѣка моралью. Какъ-то разъ я спросилъ его, знаетъ ли онъ ученіе Христа?

— Канэчно!—пожавъ плечами, отвѣтилъ онъ.

Но когда я разспросилъ его, то оказалось, что онъ знаетъ столько: былъ Христосъ, который возсталъ противъ еврейскихъ законовъ, и евреи распяли Его за это на крестѣ. Но Онъ былъ Богъ, и потому не умеръ на крестѣ, а вознесся на небо и тогда далъ людямъ новый законъ жизни...

— Какой?—спросилъ я.

Онъ посмотрѣлъ на меня съ насмѣшливымъ недоумѣніемъ и спросилъ:

— Ты христіэнинъ? Ну! Я тоже христіэнинъ. На зэмлэ почти всэ христіэнэ. Ну что же ты спрашиваешь? Видишь, какъ всэ живутъ... Это и есть законъ Христа.

Я, возбужденный, сталъ разсказывать ему о жизни Христа. Онъ слушалъ сначала со вниманіемъ, потомъ оно постепенно ослабѣвало и, наконецъ, заключилось зѣвкомъ.

Видя, что меня не слушаетъ его сердце, я снова обращался къ его уму и говорилъ съ нимъ о выгодахъ взаимопомощи, о выгодахъ знанія, о выгодахъ законности, о выгодахъ, все о выгодахъ...

— Кто силенъ, тотъ самъ себѣ законъ! Ему не нужно учиться, онъ, и слѣпой, найдетъ свой путь, — лѣниво возразилъ мнѣ князь Шакро.

Онъ умѣлъ быть вѣрнымъ самому себѣ. Это возбуждало во мнѣ уваженіе къ нему; но онъ былъ дикъ, жестокъ, и я чувствовалъ, какъ у меня иногда вспыхивала искра ненависти къ князю Шакро. Но я не терялъ надежды найти точки соприкосновенія между нами и почву, на которой мы оба могли бы сойтись и понимать другъ друга.

Я сталъ проще говорить съ княземъ, старался подойти къ нему ближе. Онъ видѣлъ мои попытки и, должно быть, понимая ихъ, какъ сознаніе мною его превосходства надо мной, принималъ все болѣе покровительственный тонъ въ разговорѣ со мной. Я страдалъ, видя, какъ мои доводы разбиваются въ пыль о каменную стѣну его міропониманія...

Мы прошли Перекопъ и подходили къ крымскимъ горамъ. Уже второй день видѣли мы ихъ на горизонтѣ. Онѣ были голубыя и казались легкими грядами облаковъ. Я любовался ими издали и мечталъ о южномъ берегѣ Крыма. А князь напѣвалъ свои грузинскія пѣсни и былъ хмуръ. У насъ вышли всѣ деньги, и заработать пока было негдѣ. Мы стремились въ Ѳеодосію, гдѣ въ то время начинались работы по устройству гавани.

Князь говорилъ мнѣ, что и онъ тоже будетъ работать и что, заработавъ денегъ, мы поѣдемъ моремъ до Батума. Въ Батумѣ у него много знакомыхъ, и онъ сразу найдетъ мнѣ мѣсто... дворника или сторожа. Онъ хлопалъ меня по плечу и покровительственно говорилъ, сладко прищелкивая языкомъ:

— Я тэбэ устрою т-такую жизнь! цце, цце! Вино будэшь пить—сколько хочэшь, баранины—сколько хочэшь! Жэнишься на грузынкэ, на толстой грузынкэ, цце, цце, цце!... Она тэбэ будэтъ лавашь печь, дэтэй родить, много дэтэй, цце, цце!

Это „цце, цце!" сначала удивляло меня, потомъ стало раздражать, потомъ уже доводило до тоскливаго бѣшенства. Въ Россіи такимъ звукомъ подманиваютъ свиней, на Кавказѣ имъ выражаютъ восхищеніе, сожалѣніе, удовольствіе, горе.

Шакро уже сильно потрепалъ свой модный костюмъ, и его ботинки лопнули во многихъ мѣстахъ. Трость и шляпу мы продали въ Херсонѣ. Вмѣсто шляпы онъ купилъ себѣ старую фуражку желѣзнодорожнаго чиновника.

Когда онъ въ первый разъ надѣлъ ее на голову,— надѣлъ сильно набекрень,—то спросилъ меня:

— Идэтъ на мэна? Красыво?

III.

И вотъ мы въ Крыму. Мы прошли Симферополь и направлялись къ Ялтѣ.

Я шелъ въ нѣмомъ восхищеніи передъ красотой природы этого дивнаго куска земли, отовсюду ласкаемаго моремъ. Князь вздыхалъ, горевалъ и, бросая вокругъ себя печальные взгляды, пытался набивать свой пустой желудокъ какими-то странными ягодами. Знакомство съ ихъ питательными свойствами не всегда схо-

дило ему съ рукъ благополучно, и часто онъ съ злымъ юморомъ говорилъ мнѣ:

— Если мэна вывэрнэтъ наизнанку, какъ пойду далшэ? а? скажи, какъ?

Возможности что-либо заработать намъ не представлялось, и мы, не имѣя ни гроша на хлѣбъ, питались фруктами и надеждами на будущее. А князь Шакро начиналъ уже упрекать меня въ непредпріимчивости и въ лѣни, и въ „роторазэвайствэ“, какъ онъ выражался. Онъ вообще становился тяжелъ, но больше всего угнеталъ меня разсказами о своемъ баснословномъ аппетитѣ. Оказывалось, что онъ, позавтракавъ въ 12 часовъ „маленкимъ барашкэмъ“, съ тремя бутылками вина, въ 2 часа могъ безъ особыхъ усилій съѣдать за обѣдомъ три тарелки какой-то „чахахбили“ или „чихиртмы“, цѣлую миску пилава, цѣлый шампуръ *) шашлыка, „сколько хочишь толмы“ и еще много разныхъ кавказскихъ яствъ, и при этомъ выпивалъ вина— „сколко хотэлъ“. Онъ по цѣлымъ днямъ разсказывалъ мнѣ о своихъ гастрономическихъ наклонностяхъ и познаніяхъ,—разсказывалъ, чмокая, съ горящими глазами, оскаливая зубы, скрипя ими, звучно втягивая въ себя и глотая голодную слюну, въ изобиліи брызгавшую изъ его краснорѣчивыхъ устъ. Въ такіе моменты онъ внушалъ мнѣ отвращеніе, которое я съ трудомъ могъ скрывать отъ него.

Какъ-то разъ, около Ялты, я нанялся вычистить фруктовый садъ отъ срѣзанныхъ сучьевъ, взялъ впередъ за день плату и на всю полтину купилъ хлѣба и мяса. Когда я принесъ купленное, меня позвалъ садовникъ, и я ушелъ на зовъ, сдавъ покупки эти Шакро, который отказался отъ работы подъ предлогомъ головной боли. Возвратившись черезъ часъ, я убѣдился, что Шакро, говоря о своемъ аппетитѣ, не выходилъ изъ

*) Шампуръ—желѣзный прутъ, на которомъ жарятъ шашлыкъ.

границъ правды: отъ купленаго мной не осталось ни крошки. Это былъ не товарищескій поступокъ, но я смолчалъ—на мое горе, какъ оказалось впослѣдствіи.

Шакро замѣтилъ мое молчаніе и воспользовался имъ по-своему. Съ этого времени началось нѣчто удивительно нелѣпое. Я работалъ, а онъ, подъ разными предлогами отказываясь отъ работы, ѣлъ, спалъ и понукалъ меня. Я не толстовецъ. Мнѣ было смѣшно и грустно смотрѣть на него, здороваго парня, алчно смотрѣвшаго на меня, когда я, усталый, возвращался, кончивъ работу, къ нему, гдѣ-нибудь въ тѣнистомъ уголкѣ дожидавшемуся меня; но еще грустнѣе и обиднѣе было видѣть, что онъ смѣется надо мной за то, что я работаю. Онъ смѣялся, потому что выучился просить и потому что я въ его глазахъ былъ какой-то безжизненной чучелой. Когда онъ началъ сбирать милостыню, то сначала конфузился меня, а потомъ, когда мы подходили къ татарской деревушкѣ, онъ сталъ на моихъ глазахъ приготовляться къ сбору. Для этого онъ опирался на палку и волочилъ ногу по землѣ, какъ будто она у него болѣла, зная, что скупые татары не подадутъ здоровому парню. Я спорилъ съ нимъ, доказывалъ ему постыдность такого занятія... Онъ смѣялся.

— Я нэ умѣю работать!—кратко возражалъ онъ мнѣ.

Ему подавали скудно. Я въ то время начиналъ прихварывать. Путь становился труднѣе день ото дня и мои отношенія съ Шакро все тяжелѣй. Онъ теперь ужъ настоятельно требовалъ, чтобъ я его кормилъ.

— Ты мэнэ вэдешь? Вэди! Разви можно такъ далэко мнэ идти пэшкомъ? а? я нэ привыкъ. Я умэрэть могу отъ этого! Что ты мэнэ мучаишь, убиваишь? Эсли я вумру, какъ будитъ всэ? Мать будытъ плакать, атэцъ будытъ плакать, товарищы будутъ плакать! Сколько это слезъ?

Я слушалъ такія рѣчи, но не сердился на нихъ. Въ то время во мнѣ начала закрадываться странная

мысль, побуждавшая меня выносить все это. Бывало— спитъ онъ, а я сижу рядомъ съ нимъ и, разсматривая его спокойное, неподвижное лицо, повторяю про-себя, какъ бы догадываясь о чемъ-то:

— Мой спутникъ... спутникъ мой...

И въ сознаніи моемъ порою смутно возникала мысль, что Шакро только пользуется своимъ правомъ, когда онъ такъ увѣренно и смѣло требуетъ отъ меня помощи ему и заботъ о немъ. Въ этомъ требованіи былъ характеръ, была сила. Онъ меня порабощалъ, я ему поддавался и изучалъ его, слѣдилъ за каждой дрожью его физіономіи, пытаясь представить себѣ, гдѣ и на чемъ онъ остановится въ этомъ процессѣ захвата чужой личности. Онъ же чувствовалъ себя прекрасно, пѣлъ, спалъ и подсмѣивался надо мной, когда ему этого хотѣлось. Иногда мы съ нимъ расходились дня на два, на три въ разныя стороны; я снабжалъ его хлѣбомъ и деньгами, если онѣ были, и говорилъ, гдѣ ему ожидать меня. Когда мы сходились снова, то онъ, проводившій меня подозрительно и съ грустной злобой, встрѣчалъ такъ радостно, торжествующе и всегда, смѣясь, говорилъ:

— Я думалъ, ты убэжалъ адынъ, бросилъ мэня. Ха, ха, ха!...

Я давалъ ему ѣсть, разсказывалъ о красивыхъ мѣстахъ, которыя видѣлъ, и разъ, говоря о Бахчисараѣ, кстати разсказалъ о Пушкинѣ и привелъ его стихи. На него не производило все это никакого впечатлѣнія.

— Э, стыхи! Это пэсни, не стыхи! Я зналъ одного человэка, грузына, Мато Лежава, тотъ пэлъ пэсни! Это пэсни!... Запоетъ — ай, ай, ай!... Громко... очэнъ громко пэлъ! Точно у него въ горлэ кинжаломъ ворочаютъ!... Онъ зарэзалъ одного духанщика, въ Сибырь тепэръ пошелъ...

Послѣ каждаго возвращенія къ нему я все больше и ниже падалъ въ его мнѣніи, и онъ не умѣлъ скрывать этого отъ меня.

Дѣла наши шли далеко не хорошо. Я еле находилъ возможность заработать рубль—полтора въ недѣлю, и, само собою разумѣется, этого было менѣе чѣмъ мало двоимъ. Сборы Шакро не дѣлали экономіи въ пищѣ. Его желудокъ былъ маленькою пропастью, поглощавшей все безъ разбора—виноградъ, дыни, соленую рыбу, хлѣбъ, сушеные фрукты—и отъ времени она какъ бы все увеличивалась въ объемѣ и все больше требовала, жертвъ.

Шакро сталъ торопить меня уходить изъ Крыма резонно заявляя мнѣ, что скоро уже осень, а путь еще далекъ. Я согласился съ нимъ. Къ тому же я успѣлъ посмотрѣть эту часть Крыма, и мы пошли на Ѳеодосію, въ чаяніи „зашибить“ тамъ „деньгу“, которой у насъ все-таки не было. Снова приходилось питаться фруктами и надеждами на будущее...

Бѣдное будущее! Отъ избытка надеждъ, возлагаемыхъ людьми на него, оно теряетъ почти всю свою прелесть, чуть только становится настоящимъ!

Отойдя верстъ двадцать отъ Алушты, мы остановились ночевать. Я уговорилъ Шакро идти берегомъ, хотя это былъ длиннѣйшій путь, но мнѣ хотѣлось надышаться моремъ. Мы разожгли костеръ и лежали около него. Вечеръ былъ дивный. Темно-зеленое море билось о скалы внизу подъ нами; голубое небо торжественно молчало вверху, а вокругъ насъ тихо шумѣли ароматическіе кустарники и деревья. Всходила луна. Отъ узорчатой зелени чинаръ пали тѣни и ползали по камнямъ. Пѣла какая-то птица, пѣла задорно и звучно. Ея серебряныя трели таяли въ воздухѣ, полномъ тихаго и ласковаго шума волнъ, и, когда онѣ исчезали, слышалось нервное стрекотанье какого-то насѣкомаго. Костеръ горѣлъ весело, и его огонь казался большимъ пылающимъ букетомъ красныхъ и желтыхъ цвѣтовъ. Онъ тоже рождалъ тѣни, и эти тѣни весело прыгали вокругъ насъ, какъ бы рисуясь своею живостью предъ

лѣнивыми тѣнями луны. Иногда раздавались въ воздухѣ странные звуки. Широкій горизонтъ моря былъ пустыненъ, небо надъ нимъ безоблачно, и я чувствовалъ себя на краю земли, созерцающимъ пространство—эту чарующую душу загадку... Упоенный торжественной красотой ночи, я какъ бы таялъ въ дивной гармоніи красокъ, звуковъ и запаховъ, пугливое чувство близости къ чему-то великому наполняло мою душу и сердце трепетно замирало отъ наслажденія жить...

Вдругъ Шакро громко расхохотался:

— Ха, ха, ха!... Какая у тебя глупая рожа! Савсэмъ какъ у барана! А, ха, ха, ха!...

Я испугался, точно надо мной внезапно грянулъ громъ. Но это было хуже. Это было смѣшно, да, но какъ же это было обидно!... Онъ, Шакро, плакалъ отъ смѣха; я чувствовалъ себя готовымъ плакать отъ другой причины. У меня въ горлѣ стоялъ камень, я не могъ говорить и смотрѣлъ на него дикими глазами, чѣмъ еще больше усиливалъ его смѣхъ. Онъ катался по землѣ, поджавъ животъ; я же все еще не могъ придти въ себя отъ нанесеннаго мнѣ оскорбленія... ибо мнѣ было нанесено тяжкое оскорбленіе, и тѣ немногіе, которые, я надѣюсь, поймутъ его,—потому что, можетъ быть, сами испытали нѣчто подобное,—тѣ снова взвѣсятъ въ своей душѣ эту тяжесть.

— Перестань!!—бѣшено крикнулъ я.

Онъ испугался, вздрогнулъ, но все еще не могъ сдержаться, пароксизмы смѣха все еще схватывали его, онъ надувалъ щеки, таращилъ глаза и вдругъ снова разражался хохотомъ. Тогда я всталъ и пошелъ прочь отъ него. Я шелъ долго, безъ думъ, почти безъ сознанія, полный жгучимъ ядомъ одиночества и обиды. Я обнималъ всю природу и, молча, всей душой объяснялся ей въ любви, въ горячей любви, человѣка, который немножко поэтъ... а она, въ лицѣ Шакро, расхохоталась надо мной за мое увлеченіе! Я далеко

зашелъ бы въ составленіи обвинительнаго акта противъ природы, Шакро и всѣхъ порядковъ жизни, но за мной раздались быстрые шаги.

— Не сэрдысь!—сконфуженно произнесъ Шакро, тихонько касаясь моего плеча.—Ты молился? Я нэ зналъ. Я нэ молюсь самъ...

Онъ говорилъ робкимъ тономъ нашалившаго ребенка, и я, несмотря на мое возбужденіе, не могъ не видѣть его жалкой физіономіи, смѣшно искривленной смущеніемъ и страхомъ.

— Я тэбя нэ трону болше. Вэрно! Ныкогда!

Онъ отрицательно трясъ головой.

— Я выжу, ты смырный. Работаешь. Мэня не заставляешь. Думаю — почэму? Значитъ — глупый онъ, какъ баранъ...

Это онъ меня утѣшалъ! Это онъ извинялся предо мной! Конечно, послѣ такихъ утѣшеній и извиненій мнѣ ничего не оставалось болѣе, какъ простить ему не только прошлое, но и будущее.

Черезъ полчаса онъ крѣпко спалъ, а я сидѣлъ рядомъ съ нимъ и смотрѣлъ на него. Во снѣ даже сильный человѣкъ кажется беззащитнымъ и безпомощнымъ, а Шакро былъ жалокъ. Его толстыя губы были полуоткрыты и, вмѣстѣ съ поднятыми бровями, нарисовали на его лицѣ чисто-дѣтскую мину робкаго удивленія. Дышалъ онъ ровно, спокойно, но иногда возился и бредилъ, говоря просительно и торопливо цѣлыя фразы по-грузински. Вокругъ насъ царила та напряженная тишина, отъ которой всегда ждешь чего-то и которая, если бъ могла продолжаться долго, сводила бы съ ума человѣка своимъ совершеннымъ покоемъ и отсутствіемъ звука, этой яркой тѣни движенія. Тихій шорохъ волнъ не долеталъ до насъ,—мы находились въ какой-то ямѣ, поросшей цѣпкими кустарниками и казавшейся мохнатымъ зѣвомъ окаменѣвшаго животнаго. Я смотрѣлъ на Шакро и думалъ: „Это мой спутникъ... Я могу бро-

сить его здѣсь, но не могу уйти отъ него, ибо имя его — легіонъ... Это спутникъ всей моей жизни... онъ до гроба проводитъ меня...“

IV.

Ѳеодосія обманула наши ожиданія. Когда мы пришли, тамъ было около четырехсотъ человѣкъ, чаявшихъ, какъ и мы, работы и тоже принужденныхъ удовлетвориться ролью зрителей постройки мола. Работали турки, греки, грузины, смоленцы, полтавцы, босяки. Всюду— и въ городѣ, и вокругъ него—бродили группами сѣрыя, удрученныя фигуры „голодающихъ“, и рыскали волчьей рысью азовскіе и таврическіе босяки.

Насъ тоже сначала приняли за голодающихъ и покормились-было около насъ, стянувъ въ толпѣ съ плечъ Шакро чекмень, купленный мной для него, и срѣзавъ у меня котомку, но, по нѣкоторомъ препирательствѣ, возвратили намъ все это, такъ какъ усмотрѣли духовное и общественное родство между собой и нами, а босяки—народъ благородный, хотя и продувныя бестіи...

Затѣмъ мы, видя, что тутъ намъ дѣлать нечего и что молъ хотятъ строить безъ насъ, обидѣлись и пошли въ Керчь.

Мой спутникъ держалъ свое слово и не трогалъ меня; но онъ сильно голодалъ и былъ мраченъ, какъ Дарьяльское ущелье. Онъ прямо-таки по-волчьи щелкалъ зубами, видя, какъ кто-нибудь ѣлъ, и приводилъ меня въ ужасъ описаніями количествъ разной пищи, которую онъ готовъ былъ поглотить. Съ нѣкоторыхъ поръ онъ началъ вспоминать о женщинахъ. Сначала вскользь, со вздохами сожалѣнія, потомъ чаще, съ алчными улыбками „восточнаго чэлавэка“, онъ, наконецъ, дошелъ до того, что не могъ уже пропустить мимо себя ни одной особы женскаго пола, какихъ бы лѣтъ и наружности она ни была, чтобъ не подѣлиться со

мной какой-нибудь практически-философской сальностью по поводу той или другой ея статьи. Онъ трактовалъ о женщинахъ такъ свободно, съ такимъ знаніемъ предмета, и смотрѣлъ на нихъ съ такой удивительно прямой точки зрѣнія, что я только отплевывался... Однажды я попробовалъ доказать ему, что женщина—существо ничѣмъ не худшее его, но, видя, что онъ не только обижается на меня за мои взгляды, а даже готовъ придти въ бѣшенство за униженіе, каковому, по его мнѣнію, я подвергалъ его, —оставилъ мои попытки до поры, пока онъ, Шакро, будетъ сытъ.

На Керчь мы шли уже не берегомъ, а степью, въ видахъ сокращенія пути, и въ котомкѣ у насъ была всего только одна ячменная лепешка фунта въ три, купленая у татарина на послѣдній нашъ пятакъ. По этой грустной причинѣ, придя въ Керчь, мы были не только не въ состояніи искать работы, но прямо-таки еле двигали ногами. Попытки Шакро просить хлѣба по деревнямъ не приводили ни къ чему, вездѣ кратко отвѣчали: „много васъ!...“ Это была великая истина: дѣйствительно, до ужаса много было людей, искавшихъ куска хлѣба въ этотъ тяжелый годъ. Они шли пѣшкомъ, партіями отъ трехъ до двадцати и болѣе, шли съ ребятами, неся ихъ на рукахъ и таща за руки, и все это были такіе прозрачные ребята, съ синеватой кожей, подъ которой, казалось, текла не кровь, а какая-то нездоровая, тухлая и мутная жижица... И кости ихъ торчали изъ-подъ этой изношенной кожи такъ угловато краснорѣчиво, что при одномъ взглядѣ на нихъ въ сердце била тупая тоска, и оно ныло невыносимой, надоѣдливой болью.

Голодные, полуголые и истомленные дорогой, эти ребята даже и не кричали, они только поглядывали вокругъ острыми, разноцвѣтными глазенками, жадно поблескивавшими при видѣ бахчи или поля еще нескошенной пшеницы, и когда переводили съ тоской свои

взгляды на лица большихъ, тогда казалось, что они спрашиваютъ—зачѣмъ ихъ произвели на свѣтъ?... Иногда ѣхала телѣга, и въ ней качалась скелетообразная старуха, правя лошадью, а вокругъ нея торчали эти дѣтскія головки съ печальными глазами и выразительно молчали, поглядывая на чужую имъ землю. Лошадь, костлявая и вытертая, еле идетъ и такъ жалобно помахиваетъ своей ершистой головой съ запутанной гривой... А кругомъ нея и за ней идутъ вереницей „большіе". Головы у нихъ опущены, руки — какъ плети и глаза тусклые и растерянные, не сверкаютъ даже голодной лихорадкой, полные чѣмъ-то невыразимымъ, но поражающе скорбнымъ. И все это двигалось такъ крадучись, медленно и тихо по чужой землѣ, точно эти вышвырнутые несчастіемъ люди своимъ присутствіемъ боялись нарушить покой людей болѣе счастливыхъ, къ которымъ они пришли...

Ихъ много попадалось намъ — этихъ похоронныхъ процессій безъ покойниковъ... Бывало, поровнявшись съ нами или когда мы нагонимъ ихъ, они спросятъ насъ тихо и робко:

— Далече тутъ, ребята, до деревни?

И когда мы отвѣтимъ, они вздыхаютъ и молчатъ, поглядывая на насъ.

Мой спутникъ терпѣть не могъ этихъ непобѣдимыхъ конкурентовъ ему въ сборѣ милостыни. Запасъ его жизненныхъ силъ, несмотря на трудность пути и плохое питаніе, не позволялъ ему пріобрѣсти такого испитого и жалкаго вида, какимъ они, по справедливости, могли гордиться, какъ нѣкоторымъ совершенствомъ, и онъ, еще издали видя ихъ, говорилъ:

— Опэть идутъ! Фу, фу, фу! Чэго ходятъ? Чэво ѣдутъ? Развэ Россыя тэсна? Нэ понымаю! Очень глупый народъ въ Россыи!

И когда я объяснялъ ему причины, побудившія глу-

ный русскій народъ ходить и ѣхать по Крыму, онъ, недовѣрчиво качая головой, возражалъ:

— Нэ понимаю! Какъ можно!... У насъ въ Грузіи нэ бываетъ такихъ глупостэй!

Итакъ, мы прибыли въ Керчь сильно утомленными и голодными. Мы пришли поздно вечеромъ и принуждены были ночевать подъ мостками съ пароходной пристани на берегъ. Намъ не мѣшало спрятаться: мы знали, что изъ Керчи, незадолго до нашего прихода, былъ вывезенъ весь лишній народъ—босяки, и побаивались, что попадемъ въ полицію; а такъ какъ Шакро путешествовалъ съ чужимъ паспортомъ, то это могло повести къ серьезнымъ осложненіямъ въ нашей судьбѣ.

Волны пролива всю ночь щедро осыпали насъ брызгами, и на разсвѣтѣ мы вылѣзли изъ-подъ мостковъ мокрые и иззябшіе. Цѣлый день ходили мы по берегу, и все, что удалось заработать,—это гривенникъ, полученный мною съ какой-то попадьи, которой я отнесъ мѣшокъ дынь съ базара.

Теперь нужно было переправиться черезъ проливъ въ Тамань. Ни одинъ лодочникъ не соглашался взять насъ гребцами на тотъ берегъ, какъ я ни просилъ объ этомъ. Всѣ были возстановлены противъ босяковъ, незадолго передъ нами натворившихъ тутъ много геройскихъ подвиговъ, а насъ не безъ основанія причисляли къ ихъ категоріи.

Когда насталъ вечеръ, я, со зла на свои неудачи и на весь міръ, рѣшился на нѣсколько рискованную штуку и съ наступленіемъ ночи привелъ ее въ исполненіе.

V.

Ночью я и Шакро тихонько подошли къ таможенной брандвахтѣ, около которой стояли три шлюпки, привязанныя цѣпями къ кольцамъ, ввинченнымъ въ каменную стѣну набережной. Было темно, дулъ вѣтеръ, шлюп-

ки толкались одна о другую, цѣпи звенѣли... И мнѣ было легко и удобно раскачать кольцо и выдернуть его изъ камня.

Надъ нами, на высотѣ аршинъ пяти, ходилъ таможенный солдатъ-часовой и насвистывалъ сквозь зубы. Когда онъ останавливался близко къ намъ, я прекращалъ работу, но это было излишней осторожностью; онъ не могъ предположить, что человѣкъ сидитъ по горло въ водѣ, рискуя быть оторваннымъ волной. Къ тому же цѣпи звучали безпрерывно и безъ моей помощи. Шакро уже растянулся на днѣ шлюпки и шепталъ мнѣ что-то, чего я не могъ разобрать за шумомъ волнъ. Кольцо въ моихъ рукахъ... Волна схватила лодку и сразу отбросила ее саженъ на пять отъ берега. Я держался за цѣпь и плылъ рядомъ съ ней, потомъ влѣзъ въ нее. Мы сняли двѣ настовыя доски и, укрѣпивъ ихъ въ уключинахъ вмѣсто веселъ, поплыли...

Надъ нами летѣли тучи, подъ нами метались волны, и Шакро, сидѣвшій на кормѣ, то пропадалъ изъ моихъ глазъ, проваливаясь вмѣстѣ съ кормой лодки въ водяныя ямы, то подымался высоко надо мной и, крича, почти падалъ на меня. Я посовѣтовалъ ему привязать свои ноги къ скамьѣ лодки, что уже сдѣлалъ самъ, и не кричать, коли онъ не хочетъ, чтобы часовой услыхалъ его. Тогда онъ замолчалъ. Я видѣлъ бѣлое пятно на мѣстѣ его лица. Онъ все время держалъ руль. Намъ некогда было перемѣниться ролями и мы боялись переходить по лодкѣ съ мѣста на мѣсто. Я кричалъ ему, какъ ставить лодку, и онъ, сразу понимая меня, дѣлалъ все такъ быстро, какъ будто родился морякомъ. Доски, замѣнявшія весла, мало помогали мнѣ и только натирали мозоли на рукахъ. Вѣтеръ дулъ въ корму намъ, и я мало заботился о томъ, куда насъ несетъ, стараясь только о томъ, чтобы носъ стоялъ поперекъ пролива. Это было легко установить, такъ какъ еще были видны огни Керчи. Волны заглядывали къ намъ черезъ борта

и гнѣвно шумѣли, сталкиваясь другъ съ другомъ; чѣмъ больше выносило насъ въ проливъ, тѣмъ онѣ становились сильнѣй и шумнѣй. Уже слышался какой-то ревъ, гипнотизировавшій умъ и душу... А лодка все неслась—быстрѣй и быстрѣй, и становилось очень трудно держать курсъ. Мы то и дѣло проваливались въ глубокія ямы и взлетали на водяные бугры, а ночь становилась все темнѣй и тучи опускались ниже. Огни за кормой пропали во мракѣ, и тогда стало страшно. Казалось, что это пространство гнѣвной воды не имѣло уже больше границъ. Ничего не было видно, кромѣ волнъ, летѣвшихъ изъ мрака навстрѣчу лодкѣ. Онѣ съ трескомъ вышибли одну доску изъ моей руки, я самъ бросилъ другую на дно лодки и крѣпко схватился обѣими руками за борта. Шакро вылъ дикимъ голосомъ каждый разъ, какъ лодка подпрыгивала вверхъ. Я чувствовалъ себя жалкимъ и безсильнымъ въ этомъ мракѣ, окруженный разгнѣванной стихіей и оглушенный ея шумомъ. Я смотрѣлъ въ тупой и холодной тоскѣ и видѣлъ вокругъ себя страшное однообразіе—всюду только эти волны съ бѣловатыми гривами, разсыпавшимися въ соленыя брызги, и тучи надо мной, густыя, лохматыя, тоже были похожи на волны... Я понималъ только одно: все, что творится вокругъ меня, можетъ быть неизмѣримо сильнѣе и страшнѣе, и мнѣ было обидно, что оно сдерживается и не хочетъ быть такимъ. Смерть неизбѣжна. Но этотъ безстрастный, все нивеллирующій законъ необходимо чѣмъ-нибудь скрашивать, такъ какъ ужъ очень онъ тяжелъ и грубъ. Если бы мнѣ предстояло сгорѣть въ огнѣ или утонуть въ болотной трясинѣ, я постарался бы выбрать первое—все-таки какъ-то приличнѣе...

. . . .

— Поставимъ парусъ!—крикнулъ Шакро.

— Гдѣ онъ?—спросилъ я.

— Изъ моего чэкмэня...

— Бросай его сюда! Не выпускай руля!...

Шакро молча завозился на кормѣ.

— Дэржы!...

Онъ бросилъ мнѣ свой чекмень. Кое-какъ ползая по дну лодки, я оторвалъ отъ наста еще доску, надѣлъ на нее рукавъ плотной одежды, поставилъ ее къ скамьѣ лодки, приперъ ногами и только-что взялъ въ руки другой рукавъ и полу, какъ случилось нѣчто неожиданное... Лодка прыгнула какъ-то высоко, потомъ полетѣла внизъ, и я очутился въ водѣ, держа въ одной рукѣ чекмень, а другой уцѣпившись за веревку, протянутую по внѣшней сторонѣ борта. Волны съ шумомъ прыгали черезъ мою голову и я глоталъ соленогорькую воду. Она наполнила мои уши, ротъ, носъ... Крѣпко вцѣпившись руками въ веревку, я поднимался и опускался на водѣ, стукаясь головой о бортъ, и, вскинувъ чекмень на дно лодки, старался вспрыгнуть на него самъ. Одно изъ десятка моихъ усилій удалось, я осѣдлалъ лодку и тотчасъ же увидѣлъ Шакро, который кувыркался въ водѣ, уцѣпившись обѣими руками за тѣ же веревки, которыя я только-что выпустилъ. Онѣ, оказалось, обходили всю лодку кругомъ, продѣтыя въ желѣзныя кольца, ввинченныя въ борта.

— Живъ!—крикнулъ я ему.

Въ этотъ моментъ онъ высоко подпрыгнулъ надъ водой и также брякнулся на дно лодки. Я подхватилъ его, и мы очутились лицомъ къ лицу, другъ съ другомъ. Я сидѣлъ на лодкѣ, какъ на конѣ, всунувъ ноги въ бечевки, какъ въ стремена, — но это было ненадежно: любая волна могла легко выбить меня изъ сѣдла. Шакро уцѣпился руками за мои колѣни и ткнулся головой мнѣ въ грудь. Онъ весь дрожалъ, и я чувствовалъ, какъ тряслись его челюсти. Нужно было что-нибудь дѣлать. Дно было скользко, точно смазанное масломъ. Я сказалъ Шакро, чтобъ онъ спускался снова въ воду и держался за веревки съ одного борта, а я такъ

же устроюсь на другомъ. Вмѣсто отвѣта, онъ началъ толкать меня головой въ грудь. Волны въ дикой пляскѣ то и дѣло прыгали черезъ насъ, и мы еле держались; одну ногу мнѣ страшно рѣзало веревкой. Всюду въ полѣ зрѣнія рождались высокіе бугры воды и съ шумомъ исчезали.

Я повторилъ Шакро сказанное уже тономъ приказанія. Онъ еще сильнѣе сталъ стукать меня своей головой въ грудь. Медлить было нельзя. Я оторвалъ отъ себя его руки одну за другой и сталъ толкать его въ воду, стараясь, чтобъ онъ задѣлъ своими руками за веревки. И тутъ произошло нѣчто, испугавшее меня больше всего въ эту ночь.

— Топишь мэня?—прошепталъ Шакро и взглянулъ мнѣ въ лицо.

Это было дѣйствительно страшно! Страшенъ былъ его вопросъ, еще страшнѣе тонъ вопроса, въ которомъ звучала и робкая покорность факту, и робкая просьба пощады, и послѣдній вздохъ человѣка, потерявшаго надежду избѣжать рокового конца. Но еще страшнѣе были глаза на мертвенно-блѣдномъ мокромъ лицѣ!...

Я крикнулъ ему:

— Держись крѣпче!—и спустился въ воду самъ, держась за веревку. Я ударился о что-то ногой, и въ первый моментъ не могъ ничего понять отъ боли. Но потомъ понялъ. Во мнѣ вспыхнуло что-то горячее, я опьянѣлъ и почувствовалъ себя сильнымъ, какъ никогда...

— Земля!—крикнулъ я.

Можетъ быть, великіе мореплаватели, открывавшіе новыя земли, при видѣ ихъ кричали это слово съ бо́льшимъ чувствомъ, чѣмъ я, но сомнѣваюсь, чтобъ они могли кричать громче меня. Шакро завылъ, и мы бросились въ воду. Но мы оба быстро охладѣли; воды было еще по грудь намъ, и нигдѣ не видѣлось какихъ-либо болѣе существенныхъ признаковъ сухого берега. Волны здѣсь были слабѣе и уже не прыгали, а лѣниво

перекатывались черезъ насъ. Къ счастью, я не выпустилъ изъ рукъ шлюпки. И вотъ, мы съ Шакро стали по ея бортамъ и, держась за спасательныя веревки, осторожно пошли куда-то, ведя за собой лодку, уже приведенную нами въ естественное положеніе.

Шакро бормоталъ что-то и смѣялся. Я озабоченно поглядывалъ вокругъ. Было темно. Сзади и справа отъ насъ шумъ волнъ былъ сильнѣе, впереди и влѣво—тише; мы пошли влѣво. Почва была твердая, песчаная, но вся въ ямахъ; иногда мы недоставали дна и гребли ногами и одной рукой, другой держась за лодку; иногда воды было только по колѣно. На глубокихъ мѣстахъ Шакро вылъ, а я дрожалъ въ страхѣ. И вдругъ спасеніе—впереди насъ засверкалъ огонь...

Шакро заоралъ что есть мочи; но я твердо помнилъ, что лодка казенная, и тотчасъ же заставилъ его вспомнить объ этомъ. Онъ замолчалъ, но черезъ нѣсколько минутъ раздались его рыданія. Я не могъ успокоить его—нечѣмъ было.

Воды все становилось меньше... по колѣно... по щиколотокъ... Воды нѣтъ ужъ больше! Мы съ Шакро все тащили казенную лодку; но тутъ у насъ не стало силъ, и бросили ее. На пути у насъ лежала какая-то черная коряга. Мы перепрыгнули черезъ нее—и оба босыми ногами попали въ какую-то колючую траву. Это было больно и со стороны земли негостепріимно, но мы не обращали на это вниманія и побѣжали на огонь. Онъ былъ въ верстѣ отъ насъ и, весело пылая, казалось, смѣялся навстрѣчу намъ, а тьма страшно колыхалась вокругъ него...

VI.

...Три громадныя, кудластыя собаки, выскочивъ откуда-то изъ тьмы, бросились на насъ. Шакро, все время судорожно рыдавшій, страшно взвылъ и упалъ на землю. Я швырнулъ въ собакъ мокрымъ чекменемъ и

наклонился, шаря рукой камня или палки. Ничего не было, только трава колола руки. Собаки дружно наскакивали. Я засвисталъ что есть мочи, вложивъ въ ротъ два пальца. Онѣ отскочили, и тотчасъ же послышался топотъ и говоръ бѣгущихъ людей.

Чрезъ нѣсколько минутъ мы были у костра въ кругу изъ четырехъ чабановъ, одѣтыхъ въ овчины шерстью вверхъ. Они молча, пристально и подозрительно смотрѣли на насъ и слушали мой разсказъ.

Двое сидѣли на землѣ и курили, выпуская дымъ громадными клубами; одинъ—высокій, съ густой черной бородой и въ высокой казацкой папахѣ—стоялъ сзади насъ, опершись на палку съ громадной шишкой изъ корня на концѣ; четвертый, молодой русый парень, помогалъ плакавшему Шакро раздѣваться. Неподалеку отъ каждаго изъ нихъ лежали ихъ внушавшія уваженіе палки. Саженяхъ въ пяти отъ насъ земля на большомъ пространствѣ была покрыта толстымъ пластомъ чего-то густого, сѣраго и волнообразнаго, похожаго на весенній, уже начавшій таять снѣгъ. Только долго и пристально всматриваясь, можно было разобрать отдѣльныя фигуры овецъ, плотно прильнувшихъ одна къ другой. Ихъ было тутъ не одинъ десятокъ тысячъ, плотно сдавленныхъ сномъ и мракомъ ночи въ густой, теплый и толстый пластъ, покрывавшій степь. Иногда онѣ блеяли жалобно и пугливо...

Я сушилъ чекмень надъ огнемъ и говорилъ чабанамъ все по правдѣ, разсказалъ и о способѣ, которымъ добылъ лодку.

— Гдѣ жъ она, та лодка?—спросилъ меня суровый сѣдой старикъ, не сводившій съ меня глазъ.

Я сказалъ имъ.

— Пойди, Михалъ, пошукай!...

Михалъ, тотъ чернобородый, вскинулъ палку на плечо и отправился къ берегу.

Чекмень высохъ. Шакро надѣлъ было его на голое тѣло, но старикъ сказалъ:

— Поди! побѣгай прежде, чтобъ разогрѣть кровь. Бѣги вокругъ костра, ну!

Шакро сначала не понялъ, но потомъ вдругъ сорвался съ мѣста и, голый, началъ танцовать невообразимо дикій танецъ, мячикомъ перелетая черезъ костеръ, кружась на одномъ мѣстѣ, топая ногами о землю, крича во всю мочь, размахивая руками. Это была уморительная картина. Двое чабановъ покатывались по землѣ, хохоча во все горло, а старикъ съ серьезнымъ, невозмутимымъ лицомъ старался отбивать ладонями тактъ пляски, но не могъ его уловить, присматривался къ танцу Шакро, качая головой и шевеля усами, и все покрикивалъ густымъ басомъ:

— Гай-га! Такъ, такъ! Гай-га! Буцъ, буцъ!

Освѣщенный огнемъ костра, Шакро извивался змѣей, принималъ самыя разнообразныя позы, прыгалъ на одной ногѣ, выбивалъ частую дробь обѣими, и его блестящее въ огнѣ тѣло покрывалось крупными каплями пота. Эти капли отъ огня казались красными, какъ кровь.

Теперь уже всѣ трое чабановъ били въ ладони, а я, дрожа отъ холода, сушился у костра и думалъ, что переживаемое приключеніе сдѣлало бы счастливымъ какого-нибудь поклонника Купера и Жюля-Верна: есть и кораблекрушеніе, и гостепріимные аборигены, и пляска дикихъ вокругъ костра... И думая такъ, я очень безпокоился о томъ, каково будетъ самое лучшее мѣсто всякаго приключенія—его конецъ.

Шакро уже сидѣлъ на землѣ, закутанный въ чекмень, и ѣлъ что-то, поглядывая на меня своими черными глазами, въ которыхъ искрилось нѣчто, возбуждавшее во мнѣ непріятное чувство. Его одежда сушилась, повѣшенная на палки, воткнутыя въ землю около костра. Мнѣ тоже дали ѣсть хлѣба и соленаго сала.

Пришелъ Михалъ и, молча, сѣлъ рядомъ со старикомъ.

— Ну?—спросилъ старикъ.

— Есть лодка!—кратко сказалъ Михалъ.

— Ее не смоетъ?

— Нѣтъ!

И они всѣ замолчали, снова разглядывая меня.

— Что жъ,—спросилъ Михалъ, ни къ кому собственно не обращаясь,—свести ихъ въ станицу къ атаману?—А можетъ, прямо къ таможеннымъ?

„Вотъ и конецъ!"—подумалъ я. Михалу не отвѣчалъ никто. Шакро ѣлъ-себѣ и помалкивалъ.

— Можно къ атаману свести... и къ таможеннымъ тоже... И то гарно, и другое,—сказалъ, помолчавъ, старикъ.

— Коли они украли казенную штуку, то и слѣдуетъ имъ за это дать гонку...

— Погоди, дѣдъ...—началъ я.

Но онъ не обратилъ на меня никакого вниманія.

— Не кради! Да! А если имъ гонки не дать, то они и еще сдѣлаютъ такое...

Старикъ говорилъ возмутительно равнодушно, и когда онъ кончилъ, его товарищи молча кивнули головами.

— Вотъ такъ-то! Укралъ, ну, и терпи, коли попался... да! Михалъ! Это штука... лодка тамъ?

— Эге, тамъ.

— Что жъ... ее не смоетъ вода?

— Ни... не смоетъ.

— Такъ и пускай ее стоитъ тамъ. А завтра лодочники поѣдутъ до Керчи и захватятъ ее съ собой. Что жъ бы имъ не захватить пустую лодку? Э?

— Ну, вотъ... А теперь вы... хлопцы-рванцы... того... якъ его?... Не боялись вы оба? Нѣтъ? те-те!... А еще бы полверсты, то и быть бы вамъ въ морѣ. Что жъ бы вы подѣлали, коли бъ выкинуло въ море? А? Утонули бы, какъ топоры оба... да! Утонули бы, и все тутъ.

Старикъ замолчалъ и сталъ съ насмѣшливой улыбкой въ усахъ смотрѣть на меня.

— Что жъ ты молчишь, парнюга?—спросилъ онъ меня.

Мнѣ надоѣли его разсужденія, которыя я, не понимая, принималъ за издѣвательство надъ нами.

— Да вотъ слушаю тебя!—сказалъ я довольно сердито.

— Ну, и что жъ?—поинтересовался старикъ.

— Ну, и ничего.

— А чего жъ ты дразнишься? Развѣ то порядокъ дразнить старшаго, чѣмъ самъ ты?

Я молчалъ, сознавая, что дѣйствительно не порядокъ.

— А ѣсть ты не хочешь еще?—продолжалъ старикъ.

— Не хочу.

— Ну, не ѣшь. Не хочешь—и не ѣшь. А можетъ, на дорогу взялъ бы хлѣба?

Я вздрогнулъ отъ радости, но не выдалъ себя.

— На дорогу взялъ бы...—спокойно сказалъ я.

— Эге!.. Такъ дайте жъ имъ на дорогу хлѣба и сала тамъ... А можетъ, еще что есть? то и этого дайте.

— А развѣ жъ они пойдутъ?—спросилъ Михалъ.

Остальные двое подняли глаза на старика.

— А чего жъ бы имъ съ нами дѣлать?

— Да вѣдь къ атаману мы ихъ хотѣли... а то къ таможеннымъ...—разочарованно заявилъ Михалъ.

Шакро завозился около костра и любопытно высунулъ голову изъ чекменя. Онъ былъ покоенъ.

— Что жъ имъ дѣлать у атамана? Нечего, пожалуй, имъ у него дѣлать. Послѣ ужъ они пойдутъ къ нему... коли захотятъ.

— А лодка какъ же?—не уступалъ Михалъ.

— Лодка?—переспросилъ старикъ.—Что жъ лодка? Стоитъ она тамъ?

— Стоитъ...—отвѣтилъ Михалъ.

— Ну, и пусть ее стоитъ. А утромъ вотъ Ивашка сгонитъ ее къ пристани... тамъ ее возьмутъ до Керчи. Больше и нечего дѣлать съ лодкой.

Я пристально смотрѣлъ на стараго и не могъ уловить ни малѣйшаго движенія на его флегматичномъ, загорѣломъ и обвѣтренномъ лицѣ, по которому прыгали тѣни отъ костра.

— А не вышло бы грѣха какого часомъ...—началъ сдаваться Михалъ.

— Коли ты не дашь воли языку, то грѣха не должно бы, пожалуй, выйти. А если ихъ довести до атамана, то это, думаю я, безпокойно будетъ и намъ, и имъ. Намъ надо свое дѣло дѣлать, имъ—идти.—Эй! далеко еще вамъ идти?—спросилъ старикъ, хотя я уже говорилъ ему, какъ далеко.

— До Тифлиса...

— Много пути! Вотъ видишь, а атаманъ задержитъ ихъ; а коли онъ задержитъ, когда они прійдутъ? Такъ ужъ пусть же они идутъ себѣ, куда имъ дорога. А?

— А что жъ? Пускай идутъ!—согласились товарищи старика, когда онъ, кончивъ свои медленныя рѣчи, плотно сжалъ губы и вопросительно оглянулъ всѣхъ ихъ, крутя пальцами свою сивую бороду.

— Ну, такъ идите же къ Богу, ребята! — махнулъ рукой старикъ.—А лодку мы отправимъ на мѣсто. Такъ ли?

— Спасибо тебѣ, дѣдъ!—скинулъ я шапку.

— А за что жъ спасибо?

— Спасибо, братъ, спасибо! — взволнованно повторилъ я.

— Да за что жъ спасибо? Вотъ чудно! Я говорю — идите къ Богу, а онъ мнѣ—спасибо! Развѣ ты боялся, что я къ дьяволу тебя пошлю, э?

— Былъ грѣхъ, боялся!...—сказалъ я.

— О!...—и старикъ поднялъ брови.—Зачѣмъ же мнѣ направлять человѣка по дурному пути? Ужъ лучше я его по тому пошлю, которымъ самъ иду. Можетъ быть, еще встрѣтимся, такъ ужъ знакомы будемъ. Часомъ помочь другъ другу придется... До свідкі...

Онъ снялъ свою мохнатую баранью шапку и поклонился намъ. Поклонились и его товарищи. Мы спросили дорогу на Анапу и пошли. Шакро смѣялся надъ чѣмъ-то...

VII.

— Ты чему смѣешься?—спросилъ я его.

Я былъ въ восхищеніи отъ стараго чабана и его жизненной морали, я былъ въ восхищеніи и отъ свѣжаго предразсвѣтнаго вѣтерка, вѣявшаго прямо намъ въ грудь, и отъ того, что небо очистилось отъ тучъ, скоро разсвѣтаетъ, на ясное небо выйдетъ солнце и родится блестящій красавецъ-день...

Шакро хитро подмигнулъ мнѣ глазомъ и расхохотался еще сильнѣй. Я тоже улыбался, слыша его веселый, здоровый смѣхъ. Два-три часа, проведенные нами у костра чабановъ, и вкусный хлѣбъ съ саломъ оставили отъ утомительнаго путешествія только легонькую ломоту въ костяхъ; но это ощущеніе должно было исчезнуть отъ ходьбы.

— Ну, чего жъ ты смѣешься? Радъ, что живъ остался, да? Живъ, да еще и сытъ?

Шакро отрицательно мотнулъ головой, толкнулъ меня локтемъ въ бокъ, сдѣлалъ мнѣ гримасу, снова расхохотался и, наконецъ, заговорилъ своимъ ломанымъ языкомъ:

— Нэ панымаишь, почэму смэшно? Нэтъ? Сэчасъ будишь. знать! Знаишь, что я сдэлалъ бы, когда бы насъ павэли къ этому атаману-таможану? Нэ знаишь? Я бы сказалъ про тэбя: онъ мэня утопить хотэлъ! И сталъ бы плакать. Тогда бы мэня стали жалэть и не посадыли бы въ турму! Панымаишь?

Я хотѣлъ сначала понять это какъ шутку, но, увы! онъ сумѣлъ меня убѣдить въ серьезности своего намѣренія. Онъ такъ основательно и ясно убѣждалъ меня

въ этомъ, что я, вмѣсто того, чтобы взбѣситься на него за этотъ наивный цинизмъ, преисполнился къ нему, и ужъ кстати—къ себѣ, чувствомъ глубокой жалости. Что иное можно чувствовать къ человѣку, который съ свѣтлѣйшей улыбкой и самымъ искреннимъ тономъ разсказываетъ тебѣ о своемъ намѣреніи убить тебя? Что съ нимъ дѣлать, если онъ смотритъ на этотъ поступокъ, какъ на милую и остроумную шутку?

Я съ жаромъ пустился доказывать ему всю безнравственность его намѣренія. Онъ очень просто возражалъ мнѣ, что я не понимаю его выгодъ и забываю о проживаніи по чужому билету и о томъ, что за это не хвалятъ...

Вдругъ у меня блеснула одна жестокая мысль...

— Погоди,—сказалъ я,—да ты вѣришь въ то, что я дѣйствительно хотѣлъ топить тебя?

— Нэтъ!... Когда ты мэня въ воду толкалъ—вэрилъ, когда самъ ты пошелъ—нэ вэрилъ!

— Слава Богу!—воскликнулъ я.—Ну, и за это спасибо!

— Нэтъ, нэ гавари спасыбо! Я тэбэ скажу спасыбо! Тамъ, у костра, тэбэ холодно было, мнѣ холодно было... Чэкмэнь твой,—ты нэ взялъ его сэбэ. Ты его высушилъ и далъ мнѣ. А сэбэ нычэго нэ взялъ. Вотъ тэбэ спасыбо! Ты очэнь харошій человэкъ — я панымаю. Придемъ въ Тыфлысъ, за все получишь. Къ отцу тэбя павэду. Скажу отцу—вотъ человэкъ! Карми его, пои его, а мэня къ ишакамъ въ хлэвъ запры! Вотъ какъ скажу! Жить у насъ будэшь, садовникомъ будэшь, пить будэшь вино, ѣсть чего хочэшь!... ахъ, ахъ, ахъ!... очень харашо будэтъ тэбѣ жить! Очэнь просто!... Пей, ѣшь изъ адной чашки со мной!...

Онъ долго и подробно рисовалъ прелести жизни, которую собирался устроить мнѣ у себя въ Тифлисѣ. А я подъ его говоръ думалъ о великомъ несчастіи тѣхъ людей, которые, вооружившись новой моралью,

новыми желаніями, одиноко ушли впередъ и потерялись въ жизни и встрѣчаютъ на дорогѣ своей спутниковъ, чуждыхъ имъ, неспособныхъ понимать ихъ... Тяжела жизнь такихъ одинокихъ! Безвольно носятся они въ воздухѣ... Но они носятся въ немъ какъ сѣмена добрыхъ злаковъ, хотя и рѣдко сгниваютъ въ почвѣ плодотворной...

Свѣтало. Даль моря уже блестѣла розоватымъ золотомъ.

— Я спать хочу!—сказалъ Шакро.

Мы остановились. Онъ легъ въ яму, вырытую вѣтромъ въ сухомъ пескѣ недалеко отъ берега, и, съ головой закутавшись въ чекмень, скоро заснулъ. Я сидѣлъ рядомъ съ нимъ и смотрѣлъ въ море.

Оно жило своей широкой жизнью, полной мощнаго движенія. Стаи волнъ съ шумомъ катились на берегъ и разбивались о песокъ, а онъ слабо шипѣлъ, впитывая воду. Взмахивая бѣлыми гривами, передовыя волны съ шумомъ ударялись грудью о берегъ и отступали, отраженныя имъ, а ихъ уже встрѣчали другія, шедшія поддержать ихъ. Обнявшись крѣпко въ пѣнѣ и брызгахъ, онѣ снова катились на берегъ и били его въ стремленіи расширить предѣлы своей жизни. Отъ горизонта до берега, на всемъ протяженіи моря, рождались эти гибкія и сильныя волны и все шли, шли плотной массой, тѣсно связанныя другъ съ другомъ единствомъ цѣли... Солнце все ярче освѣщало ихъ хребты, и у далекихъ волнъ, на горизонтѣ, они казались кроваво-красными. Ни одной капли не пропадало безслѣдно въ этомъ титаническомъ движеніи водной массы, которая, казалось, воодушевлена какой-то сознательной цѣлью и вотъ достигаетъ ея этими широкими, ритмичными ударами. Увлекательна была красивая храбрость передовыхъ, задорно прыгавшихъ на молчаливый берегъ, и хорошо было смотрѣть, какъ вслѣдъ за ними спокойно и дружно идетъ все море, могучее море, уже

окрашенное солнцемъ во всѣ цвѣта радуги и полное сдержаннаго сознанія своей красоты и силы...

Изъ-за мыса, разсѣкая волны, выплылъ громадный пароходъ и, важно качаясь на взволнованномъ лонѣ моря, понесся по хребтамъ волнъ, бѣшено бросавшихся на его борта. Красивый и сильный, блестящій на солнцѣ своимъ металломъ, въ другое время онъ, пожалуй, могъ бы навести на мысль о гордомъ творчествѣ людей, порабощающихъ стихіи... Но рядомъ со мной лежалъ человѣкъ-стихія.

VIII.

Мы шли по Терской области. Шакро былъ растрепанъ и оборванъ на диво и былъ чертовски золъ, хотя уже не голодалъ теперь, такъ какъ заработка было достаточно. Онъ оказался неспособнымъ къ какой-либо работѣ. Однажды попробовалъ стать къ молотилкѣ отгребать солому и черезъ полдня сошелъ, натеревъ граблями кровавыя мозоли на ладоняхъ. Другой разъ стали корчевать держи-дерево, и онъ сорвалъ себѣ мотыгой кожу съ шеи.

Шли мы довольно медленно,—два дня работаешь, а день идешь. Ѣлъ Шакро крайне несдержанно, и, по милости его сластолюбія, я никакъ не могъ скопить столько денегъ, чтобъ имѣть возможность пріобрѣсти ему какую-либо часть костюма. А у него всѣ части—сонмище разнообразныхъ дыръ, дико скомбинированныхъ разноцвѣтными заплатами. Я уговаривалъ его не заходить въ станичные трактиры и не пить тамъ его излюбленнаго вина, но онъ не обращалъ на меня вниманія.

Однажды въ какой-то станицѣ онъ вытащилъ изъ моей котомки съ большимъ трудомъ, тайно отъ него, но для него же скопленные пять рублей и вечеромъ явился въ домъ, гдѣ я работалъ въ огородѣ, пьяный и съ какой-то толстой бабой-казачкой, которая поздоровалась со мною такъ:

— Здравствуй, еретикъ проклятый!

А когда я, удивленный такимъ эпитетомъ, спросилъ ее, почему же я еретикъ, она съ апломбомъ отвѣтила мнѣ:

— А потому, дьяволъ, что запрещаешь парню женскій полъ любить! Развѣ ты можешь запрещать, коли законъ позволяетъ?... Анаѳема ты!...

Шакро стоялъ рядомъ съ ней и утвердительно кивалъ головой. Онъ былъ очень пьянъ и когда дѣлалъ какое-либо движеніе, то весь развинченно качался. Нижняя губа у него отвисла. Тусклые глаза смотрѣли мнѣ въ лицо безсмысленно-упорно.

— Ну, ты, чего жъ вытаращилъ зенки на насъ? Давай его деньги!—закричала храбрая баба.

— Какія деньги?—изумился я.

— Давай, давай! А то я тебя въ войсковую сведу! Давай тѣ полтораста рублей, что взялъ у него въ Одессѣ!

Что мнѣ было дѣлать? Чортова баба съ пьяныхъ глазъ въ самомъ дѣлѣ могла пойти въ войсковую избу, и тогда станичное начальство, строгое къ разному странствующему люду, арестовало бы насъ. Кто знаетъ, что могло выйти изъ этого ареста для меня и Шакро! И вотъ, я началъ дипломатически обходить бабу, что, конечно, не стоило большихъ усилій. Кое-какъ при помощи трехъ бутылокъ вина я умиротворилъ ее. Она свалилась на землю между арбузовъ и заснула. Я уложилъ Шакро, а рано утромъ другого дня мы съ нимъ вышли изъ станицы, оставивъ бабу съ арбузами.

Полубольной съ похмелья, съ измятымъ и опухшимъ лицомъ, Шакро ежеминутно плевался и тяжко вздыхалъ. Я пробовалъ разговаривать съ нимъ, но онъ не отвѣчалъ мнѣ и только поматывалъ своей кудластой головой, какъ усталая лошадь.

День становился жаркимъ, и воздухъ былъ наполненъ тяжелыми испареніями сырой почвы, поросшей

травой, густой и высокой, чуть не по плечи намъ. Всюду кругомъ насъ неподвижно стояло зеленое бархатное море и дышало въ знойное небо сочными ароматами, отъ которыхъ кружилась голова...

Для сокращенія пути, мы шли узкой тропинкой, по которой взадъ и впередъ ползали маленькія красныя змѣйки, извиваясь у насъ подъ ногами. Справа отъ насъ, на горизонтѣ, тянулась гряда облаковъ, сверкавшихъ на солнцѣ серебромъ, — то былъ Дагестанскій хребетъ. Тишина, царившая вокругъ, усыпляла и погружала въ мечтательно-дремотное состояніе. Слѣдомъ за нами, по небу медленно двигались черныя густыя стаи тучъ. Сливаясь другъ съ другомъ, онѣ покрыли все небо сзади насъ, тогда какъ впереди оно было еще ясно, хотя уже клочья облаковъ выбѣжали въ него и рѣзво неслись куда-то впередъ, обгоняя насъ и все гуще покрывая небо. Далеко гдѣ-то рокоталъ громъ и его ворчливые звуки все приближались. Крупныя капли дождя стали падать и ударяться о траву. Трава металлически шелестѣла.

Намъ негдѣ было укрыться. Вотъ стало темно, и шелестъ травы зазвучалъ хоть и громче, но какъ-то испуганно. Грянулъ громъ—и тучи дрогнули, охваченныя синимъ огнемъ. Потомъ стало темно, и серебристая цѣпь горъ пропала во тьмѣ. Крупный дождь полился ручьями, и одинъ за другимъ удары грома начали грозно и непрерывно рокотать въ пустынной степи. Трава, сгибаемая ударами вѣтра и дождя, ложилась на землю и шуршала блѣднымъ звукомъ. И все дрожало, волновалось. Молніи, слѣпя глаза, рвали тучи... Въ голубомъ блескѣ ихъ вдали вставала горная цѣпь, сверкая синими огнями, серебряная и холодная, а когда молніи гасли, она исчезала, какъ бы проваливаясь въ темную пропасть. Все гремѣло, вздрагивало, отталкивало звуки и родило ихъ.—Точно небо, мутное и гнѣвное, огнемъ очищало себя отъ пыли и всякой мерзости, подняв-

шейся до него съ земли, и земля, казалось, дрожитъ въ страхѣ предъ гнѣвомъ его.

Шакро дрожалъ и ворчалъ, какъ испуганная собака. А мнѣ было весело, и я какъ-то приподнялся надъ обыкновеннымъ, наблюдая эту могучую мрачную картину степной грозы. Дивный хаосъ увлекалъ и настраивалъ на героическій ладъ, охватывая душу грозной и дикой гармоніей...

И мнѣ захотѣлось принять участіе въ ней, выразить чѣмъ-нибудь переполнившее меня чувство восхищенія передъ этой тайной силой, сокрушающей тьму и тучи. Голубое пламя, охватывавшее небо, казалось, горѣло и въ моей груди; и чѣмъ мнѣ было выразить мое великое волненіе и мой восторгъ предъ грандіозной картиной природы?... Я запѣлъ—громко, во всю силу. Ревѣлъ громъ, блистали молніи, шуршала трава, а я пѣлъ и чувствовалъ себя въ полномъ родствѣ со всѣми звуками... Я безумствовалъ; это простительно, ибо не вредило никому, кромѣ меня. Я былъ полонъ желанія какъ можно больше схватить и впитать въ себя живой и могучей красоты и силы, бушевавшей въ степи, и стать ближе къ ней... Буря на морѣ и гроза въ степи!—я не знаю болѣе грандіозныхъ явленій въ природѣ.

Итакъ, я кричалъ себѣ, будучи твердо увѣренъ, что не обезпокою никого таковымъ поведеніемъ и никого не поставлю въ необходимость подвергнуть строгой критикѣ мой образъ дѣйствій. Но вдругъ меня сильно дернули за ноги, и я невольно и буквально сѣлъ въ лужу...

Въ лицо мнѣ смотрѣлъ Шакро серьезными и гнѣвными глазами.

— Ты сошелъ съ ума? Нэ сошелъ? Нэтъ? Ну, за-амалчи! нэ крычи! я тэбэ разорву глотку! панымаишь?

Я изумился и сначала спросилъ его, чѣмъ я ему мѣшаю...

— Пугаишъ! понялъ? Громъ гремитъ—Богъ гаворитъ, а ты арешь... Что ты о себѣ думаишь?

Я заявилъ ему, что я имѣю право пѣть, если хочу, равно какъ и онъ.

— А я нэ хачу!—категорически сказалъ онъ.

— Не пой!—согласился я.

— И ты нэ пой!—строго внушалъ Шакро.

— Нѣтъ, я ужъ лучше буду...

— Послушай, что ты думаишь?—гнѣвно заговорилъ Шакро.—Кто есть ты такой? есть у тэбэ домэ? Есть у тэбэ мать? отэцъ? Есть родные? зэмли? Кто ты на зэмлѣ? Ты—человэкъ, думаишь? Это я человэкъ! У мэнэ все есть!...—Онъ постукалъ себя въ грудь.—Я князь!... А ты... ты—нычего! Нычего нэтъ! Ты говоришь — я тотъ-то!... Кто еще это скажитъ?! А мэнэ знаитъ Кутаисъ, Тыфлысъ!... Panымаишь? Ты нэ иди протывъ мэнэ! Ты мнѣ служишь?—Будышь доволенъ! Я заплачу тэбэ въ дэсять разъ! Ты такъ дэлаешь мнѣ? Ты нэ можишь дэлать иное; ты самъ гаварылъ, что Богъ вэлѣлъ служить всѣмъ бэзъ награды! Я тэбэ награжу! Зачэмъ ты мэнэ мучаишь? учишь, пугаишь? Хочешь, чтобы я былъ, какъ ты? Это нэ харашо! Нэльзя дѣлать пахожимъ на сэбэ!... Эхъ, эхъ, эхъ!... Фу, фу!...

Онъ говорилъ, чмокалъ, фыркалъ, вздыхалъ... Я смотрѣлъ ему въ лицо, разинувъ ротъ отъ изумленія. Онъ, очевидно, выливалъ предо мной всѣ возмущенія, обиды и недовольства мною, накопленныя за все время нашего путешествія. Для вящшей убѣдительности онъ тыкалъ мнѣ пальцемъ въ грудь и трясъ меня за плечо и, въ особенно сильныхъ мѣстахъ, налѣзалъ на меня своей тушей. Насъ поливалъ дождь, надъ нами непрерывно грохоталъ громъ, и Шакро, чтобъ быть услышаннымъ мною, кричалъ во все горло.

Трагикомизмъ моего положенія выступилъ предо мной яснѣе всего и заставилъ меня расхохотаться что было моихъ силъ...

Шакро, плюнувъ, отвернулся отъ меня.

IX.

...Чѣмъ ближе мы подходили къ Тифлису, тѣмъ Шакро становился сосредоточеннѣе и угрюмѣе. Что-то новое появилось на его исхудаломъ, но все-таки неподвижномъ лицѣ. Недалеко отъ Владикавказа мы зашли въ черкесскій аулъ и подрядились тамъ собирать кукурузу.

Проработавъ два дня среди черкесовъ, почти не говорившихъ по-русски и безпрестанно смѣявшихся надъ нами и ругавшихъ насъ по-своему, мы рѣшили уйти изъ аула, испуганные все возраставшимъ среди аульниковъ враждебнымъ отношеніемъ къ намъ. Мы отошли верстъ десять отъ аула, когда Шакро вдругъ вытащилъ изъ-за пазухи свертокъ лезгинской кисеи и съ торжествомъ показалъ мнѣ, воскликнувъ:

— Больши нэ надо работать! Продадымъ—купымъ всего! Хватытъ до Тыфлыса! Панымаишь?

Я былъ возмущенъ до бѣшенства и, вырвавъ кисею, бросилъ ее въ сторону и оглянулся назадъ. Черкесы не шутятъ. Незадолго предъ этимъ мы слышали отъ казаковъ такую исторію: одинъ босякъ, уходя изъ аула, гдѣ работалъ, захватилъ съ собой желѣзную ложку. Черкесы догнали его, обыскали, нашли при немъ эту ложку и, распоровъ ему кинжаломъ животъ, сунули глубоко въ рану ложку, а потомъ спокойно уѣхали, оставивъ его въ степи, гдѣ казаки и подняли его полуживымъ. Онъ разсказалъ это имъ и умеръ на дорогѣ въ станицу. Казаки неразъ и очень строго предостерегали насъ отъ черкесовъ, разсказывая такія и иныя въ этомъ духѣ поучительныя исторіи,—не вѣрить имъ я не имѣлъ основанія.

Я сталъ напоминать Шакро о нихъ. Онъ стоялъ предо мной, слушалъ и вдругъ, молча, оскаливъ зубы и сощуривъ глаза, кошкой бросился на меня. Минутъ

пять мы основательно колотили другъ друга, и, наконецъ, Шакро съ гнѣвомъ крикнулъ мнѣ:

— Будэтъ!...

Измученные, мы долго молчали, сидя другъ противъ друга... Шакро жалко посмотрѣлъ туда, куда я швырнулъ красную кисею, и заговорилъ:

— За что дрались? Фа, фа, фа!... Очэнь глупо. Развэ я у тэбэ укралъ? Что тэбэ жалко? Минэ тэбэ жалко, патаму и укралъ... Работаишь ты, я нэ умэю... Что минэ дѣлать? Хотэлъ помочь тэбэ... Цце, цце!...

Я попытался объяснить ему, что есть кража...

— Пожалуйста, ма-алчи! У тэбэ галава какъ дерево...—презрительно отнесся онъ ко мнѣ и объяснилъ:

— Умирать будишь—красть будишь? Ну! А развэ это жизнь? Малчи!

Боясь снова раздражить его, я молчалъ. Это былъ уже второй случай кражи. Еще раньше, когда мы были въ Черноморьѣ, онъ стащилъ у грековъ-рыбаковъ карманные вѣсы. Тогда мы тоже едва не подрались.

— Ну, идемъ далшэ? — сказалъ онъ, когда оба мы нѣсколько успокоились, примирились и отдохнули.

Мы пошли дальше. Онъ съ каждымъ днемъ становился все мрачнѣй и смотрѣлъ на меня странно, исподлобья. Какъ-то разъ, когда мы уже прошли Дарьяльское ущелье и спускались съ Гудаура, онъ заговорилъ:

— Дэнь—два пройдетъ—въ Тыфлысъ придемъ. Цце, цце,—почмокалъ онъ языкомъ и расцвѣлъ весь удовольствіемъ.—Приду домой,—гдэ былъ? Путэшествовалъ! Въ баню пайду... ага! Ѣсть буду много... ахъ, много! Скажу матэри—очень хачу ѣсть. Скажу отцу—просты мэнэ! я видэлъ много горя и жизнь видэлъ... разнаго рода! Босяки очэнь харрошій народъ! Встрэчу когда, дамъ рубль, павэду въ духанъ, скажу—пей вино, я самъ былъ босякъ! Скажу отцу еще про тэбэ... Вотъ человэкъ,—былъ минэ какъ старшій братъ... Училъ мэнэ. Билъ мэнэ, собака... Кормилъ. И тэпэрь, скажу, корми

ты его за это. Годъ корми. Годъ корми—вотъ сколько! Слышишь, Максымъ?

Я любилъ слушать, когда онъ говорилъ такъ; онъ пріобрѣталъ въ такіе моменты нѣчто простое и дѣтское. Такія рѣчи были мнѣ и потому интересны, что я не имѣлъ въ Тифлисѣ ни одного человѣка знакомаго, а близилась зима—на Гудаурѣ насъ уже встрѣтила вьюга. Я надѣялся немного на Шакро.

Мы шли быстро. Вотъ и Мцхетъ — древняя столица Иберіи. Завтра придемъ въ Тифлисъ.

Еще издали, верстъ за пять, я увидалъ столицу Кавказа, сжатую между двухъ горъ. Конецъ пути! Я былъ радъ чему-то, Шакро—равнодушенъ. Онъ тупыми глазами смотрѣлъ впередъ и сплевывалъ въ сторону голодную слюну, то и дѣло съ болѣзненной гримасой хватаясь за животъ. Это онъ неосторожно поѣлъ сырой морковки, нарванной по дорогѣ.

— Ты думаешь, я — грузинскій дварянинъ — пайду въ мой городъ днемъ такой, какъ я есть, рваный и грязный? Нэ-этъ!... Мы падаждемъ, вэчера. Стой!

Мы сѣли у стѣны какого-то пустого зданія и, свернувъ по послѣдней папироскѣ, дрожа отъ холода, покурили. Съ военно-грузинской дороги дулъ рѣзкій и сильный вѣтеръ. Шакро сидѣлъ, напѣвая сквозь зубы какую-то грустную пѣсню... Я думалъ о теплой комнатѣ и о другихъ преимуществахъ осѣдлой жизни предъ жизнью кочевой.

— Идемъ!—поднялся Шакро съ рѣшительнымъ лицомъ.

Стемнѣло. Городъ зажигалъ огни. Это было красиво: огоньки постепенно, одинъ за другимъ, выпрыгивали откуда-то во тьму, глухо окутавшую долину, въ которую спрятался городъ.

— Слушай! ты дай мэнэ этотъ башлыкъ, чтобъ я закрылъ лицо... а то узнаютъ мэнэ знакомые, можетъ быть...

Я далъ башлыкъ. Мы идемъ по Ольгинской улицѣ. Шакро насвистываетъ нѣчто рѣшительное.

— Максымъ! Видишь станцію конки — Верійскій мостъ? Сыди тутъ, жди! Пажалуста, жди! Я зайду въ адынъ домъ, спрошу товарища про своихъ, отца, мать...

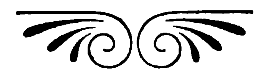
— Ты недолго?

— Сэйчасъ! Адынъ момэнтъ!...

Онъ быстро сунулся въ какой-то темный и узкій переулокъ и исчезъ въ немъ... навсегда.

Я никогда больше не встрѣчалъ этого человѣка — моего спутника въ теченіе почти четырехъ мѣсяцевъ жизни, но я часто вспоминаю о немъ съ добрымъ чувствомъ и веселымъ смѣхомъ.

Онъ научилъ меня многому, чего не найдешь въ толстыхъ фоліантахъ, написанныхъ мудрецами, — ибо мудрость жизни всегда глубже и обширнѣе мудрости людей.

ДѢЛО СЪ ЗАСТЕЖКАМИ.

(1896.)

...Насъ было трое пріятелей—Семка Каргуза, я и Мишка—бородатый гигантъ съ большими синими глазами, вѣчно ласково улыбавшимися всему и вѣчно опухшими отъ пьянства. Мы обитали въ полѣ, за городомъ, въ старомъ полуразрушенномъ зданіи, почему-то называвшемся „стекляннымъ заводомъ“,—можетъ быть, потому, что въ его окнахъ не было ни одного цѣлаго стекла,—и брались за разныя работы, не брезгуя ничѣмъ: чистили дворы, рыли канавы, погреба, помойныя ямы, разбирали старыя зданія и заборы и однажды даже попробовали построить курятникъ. Но это намъ не удалось—Семка, всегда относившійся педантически честно къ взятымъ на себя обязанностямъ, усомнился въ нашемъ знакомствѣ съ архитектурой курятниковъ и однажды въ полдень, когда мы отдыхали, взялъ да и снесъ въ кабакъ выданные намъ гвозди, двѣ новыя доски и топоръ работодателя. За это насъ прогнали съ работы; но такъ какъ взять съ насъ было нечего—къ намъ не предъявили никакихъ претензій въ удовлетвореніе нанесеннаго нами ущерба. Мы перебивались „съ хлѣба на воду“ и всѣ трое ощущали вполнѣ естественное и законное въ такомъ положеніи недовольство нашей судьбой.

Иногда оно принимало острую форму, вызывавшую

въ насъ враждебное чувство ко всему окружающему и увлекавшее на подвиги довольно буйственные и предусмотрѣнные „Уложеніемъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями"; но вообще мы были меланхолично тупы, озабочены пріисканіемъ заработка и крайне слабо реагировали на всѣ тѣ впечатлѣнія бытія, отъ которыхъ нельзя было чѣмъ-либо поживиться.

Въ свободное отъ занятій время,—а его было всегда больше, чѣмъ намъ требовалось,—мы мечтали.

Семка, самый старшій и положительный человѣкъ изъ насъ, коренастый пензякъ, бывшій огородникъ, волею судьбы совершенно спившійся и съ годъ тому назадъ, по пути въ Нижній на ярмарку, гдѣ онъ надѣялся какимъ-то образомъ „поправиться", застрявшій въ К...—Семка, озлобленный скептикъ, мечталъ опредѣленно и ясно. Онъ хотѣлъ немногаго:

— Эхъ, ты, мать твою поймать, да за отца замужъ отдать!—говорилъ онъ, бывало, когда мы, положивъ наши пустые животы на землю, растягивались гдѣ-нибудь въ тѣни за городомъ и пытались освѣтить наше будущее, полегоньку, но настойчиво заглядывая въ его мракъ.—Ежели бы махнуть въ Сибирь! Я бы тамъ нашелъ свою дорогу. Встрѣлъ бы хорошаго человѣка и сейчасъ къ нему въ науку... Другъ, молъ, ты милый, возьми въ долю свою!—Тюрьма вмѣстѣ и сума пополамъ. Оборудовали бы мы съ нимъ послѣ того два-три дѣльца... и я бы, значитъ, былъ покоенъ... н-да...

— Зачѣмъ же непремѣнно въ Сибирь идти нужно?—спросилъ я его какъ-то разъ.

— Зачѣмъ? Тамъ, братъ, настоящій фартовый народъ и есть... Много его... легко найтить... А здѣсь... здѣсь ни въ жисть не встрѣнешь хорошаго человѣка... А ежели въ одиночку взяться... даромъ пропадешь—навыку нѣтъ... рука не набита...

Мишка не умѣлъ мечтать вслухъ, но не было ни малѣйшаго сомнѣнія, что онъ упорно и много мечтаетъ

про-себя. Стоило только взглянуть на его добрѣйшіе синіе глаза, всегда устремленные куда-то вдаль, и увидать тихую, пьяную улыбку, постоянно шевелившую его густые усы и бороду, постоянно вмѣщавшую въ себѣ разные предметы, не имѣвшіе съ ней ничего общаго, вродѣ птичьихъ перьевъ, соломы, стружекъ, крошекъ хлѣба, яичныхъ скорлупъ и т. п.,—стоило разъ взглянуть въ его простецкое открытое лицо, чтобъ сразу увидать въ немъ, Мишкѣ, типичнѣйшаго мечтателя-мужика.

Я тоже мечталъ... но направленіе моихъ мечтаній и по сей день интересно только для меня одного....

Мы всѣ трое встрѣтились въ ночлежномъ домѣ недѣли за двѣ до факта, о которомъ я хочу разсказать, считая его интереснымъ.

Черезъ два-три дня мы были уже друзьями, т.-е. ходили всюду вмѣстѣ, повѣряли другъ другу свои намѣренія и желанія, дѣлили поровну все, что перепадало кому-либо одному изъ насъ, и вообще заключили между собой безмолвный оборонительный и наступательный союзъ противъ жизни, обращавшейся съ нами крайне враждебно.

Мы весьма усердно отыскивали въ теченіе дня возможность что ни то разобрать, распилить, выкопать, перетаскать, и если таковая возможность представлялась, то сначала довольно ревностно принимались за работу.

Но потому, должно быть, что въ душѣ каждый изъ насъ считалъ себя предназначеннымъ для выполненія болѣе высшихъ функцій, чѣмъ, напримѣръ, копаніе помойныхъ ямъ или чистка ихъ,—что еще хуже, прибавляю для непосвященныхъ въ это дѣло,—часа черезъ два работы намъ она переставала нравиться. Потомъ Семка начиналъ сомнѣваться въ ея надобности для жизни.

— Копаютъ яму... А для чего? Для помоевъ. А просто бы такъ лить на дворъ? Нельзя, вишь. Пахнуть,

дескать, будетъ. Ишь ты! Помои будутъ пахнуть! Скажутъ тоже у бездѣлья-то. Выброси, напримѣръ, огурецъ соленый—чѣмъ онъ будетъ пахнуть, коли онъ маленькій? Полежитъ день—и нѣтъ его... сгнилъ. Это вотъ ежели человѣка мертваго выбросить на солнце, онъ, дѣйствительно, попахнетъ, потому—гадина крупная.

Такія Семкины сентенціи и умозаключенія сильно охлаждали нашъ трудовой пылъ... И это было довольно выгодно для насъ, если работа была взята поденно, но при сдѣльной работѣ всегда выходило такъ, что плата за нее забиралась и проѣдалась нами ранѣе, чѣмъ работа была доведена до конца. Тогда мы шли къ хозяину просить „прибавки"; онъ же въ большинствѣ случаевъ гналъ насъ вонъ и грозилъ съ помощью полиціи заставить насъ докончить трудъ, уже оплаченный имъ. Мы возражали, что голодные мы не можемъ работать, и болѣе или менѣе возбужденно настаивали на прибавкѣ, чего въ большинствѣ случаевъ и достигали.

Конечно, это было непорядочно, но, право же, это было очень выгодно, и мы не причемъ, если въ жизни все устроено такъ неловко, что порядочность поступка всегда почти стоитъ противъ выгодности его.

Пререканія съ работодателями всегда бралъ на себя Семка и, поистинѣ, артистически-ловко велъ ихъ, излагая доказательства своей правоты тономъ человѣка, измученнаго работой и изнывающаго подъ тяжестью ея...

А Мишка смотрѣлъ, молчалъ и хлопалъ своими голубыми глазами, то и дѣло улыбаясь доброй, умиротворяющей улыбкой, какъ бы пытаясь сказать что-то и не находя въ себѣ рѣшимости. Онъ говорилъ вообще очень мало и только въ пьяномъ видѣ бывалъ способенъ сказать нѣчто вродѣ спича.

— Братцы мои!—восклицалъ онъ тогда, улыбаясь, и при этомъ его губы странно вздрагивали, въ горлѣ

першило, и онъ нѣсколько времени послѣ начала рѣчи кашлялъ, прижимая горло рукой...

— Н-ну?—досадливо и нетерпѣливо поощрялъ его Семка.

— Братцы вы мои! Живемъ мы, какъ собаки... И даже не въ примѣръ хуже... А за что? Неизвѣстно. Но, надо полагать, по волѣ Господа Бога. Все дѣлается по Его волѣ... а, братцы? Ну, вотъ... Значитъ, мы достойны собачьяго положенія, потому что люди мы плохіе. Плохіе мы люди, а? Ну, вотъ... Я и говорю теперь: такъ намъ, псамъ, и надо. Вѣрно я вѣрю? Выходитъ — это намъ по дѣламъ нашимъ. Значитъ, должны мы терпѣть нашу судьбу... а? Вѣрно?

— Дуракъ!—кратко и равнодушно отвѣчалъ Семка на тревожные и пытливые вопросы товарища.

А тотъ виновато ежился, робко улыбался и молчалъ, моргая слипавшимися отъ опьянѣнія глазами.

Однажды намъ „пофартило“.

Мы, ожидая спроса на наши руки, толкались по базару и наткнулись на маленькую, сухую старушку съ лицомъ сморщеннымъ и строгимъ. Голова у нея тряслась, и на совиномъ носѣ попрыгивали большія очки въ тяжелой серебряной оправѣ; она ихъ постоянно поправляла, сверкая маленькими, сухо блестѣвшими глазками.

— Вы что—свободны? Работы ищете?—спросила она насъ, когда мы всѣ трое съ вожделѣніемъ уставились на нее.

-- Хорошо,—сказала она, получивъ отъ Семки быстрый, почтительный и утвердительный отвѣтъ.—Вотъ мнѣ надо бы разломать старую баню и вычистить колодецъ... Сколько бы вы взяли за это?

— Надо посмотрѣть, барыня, какая такая будетъ у нихъ, т.-е. у баньки вашей, величина...—вѣжливо и резонно сказалъ Семка.—И опять же колодецъ... Разные они бываютъ. Иногда очень глубокіе...

Насъ пригласили посмотрѣть, и черезъ часъ мы, уже вооруженные топорами и дреколіемъ, лихо раскачивали стропила бани, взявшись разрушить ее и вычистить колодецъ за пять рублей. Баня помѣщалась въ углу стараго запущеннаго сада. Невдалекѣ отъ нея въ кустахъ вишни стояла бесѣдка, и съ потолка бани мы видѣли, что старушка сидитъ въ бесѣдкѣ на скамьѣ и, держа на колѣняхъ большую развернутую книгу, внимательно читаетъ ее... Иногда она бросала въ нашу сторону внимательный и острый взглядъ, книга на ея колѣняхъ шевелилась, и на солнцѣ блестѣли ея массивныя, очевидно, серебряныя застежки...

Нѣтъ работы спорѣе, чѣмъ работа разрушенія...

Мы усердно возились въ клубахъ сухой и ѣдкой пыли, поминутно чихая, кашляя, сморкаясь и протирая глаза; баня трещала и разсыпалась, полусгнившая и старая, какъ ея хозяйка...

— Ну-ка, наляжь, братцы, дружно-о!—командовалъ Семка, и вѣнецъ надъ вѣнцомъ кряхтя падалъ на землю.

— Какая бы это у нея книга? Толстенная такая,— задумчиво спросилъ Мишка, опираясь на стягъ и отирая ладонью потъ съ лица. Мгновенно превратившись въ мулата, онъ поплевалъ на руки, размахнулся стягомъ, желая всадить его въ щель между бревнами, всадилъ и добавилъ также задумчиво:—Ежели Евангелье—больно толсто будто...

— А тебѣ что?—полюбопытствовалъ Семка...

— Мнѣ-то? Ничего... Люблю я послушать книгу... священную ежели... У насъ въ деревнѣ былъ солдатъ Африканъ, такъ тотъ бывало какъ начнетъ псалтырь честь... ровно барабанъ бьетъ... Ловко читалъ!

— Ну, такъ что жъ?—снова спросилъ Семка, свертывая папироску...

— Ничего... Хорошо больно... Хоть оно непонятно... а все-таки слово этакое... на улицѣ ты его не услышишь...

Непонятно оно, а все-таки чувствуешь, что это слово для души.

— Непонятно, ты говоришь... а все-таки видно, что глупъ ты, какъ пень лѣсной...—передразнилъ Семка товарища.

— Извѣстно... ты всегда ругаешься...—вздохнулъ тотъ.

— А съ дураками какъ говорить? Развѣ они могутъ что понимать? Валяй-ка вотъ эту гнилушину... о-о!

Баня разсыпалась, окружаясь обломками и утопая въ тучахъ пыли, отъ которой листья ближайшихъ деревьевъ уже посѣрѣли. Іюльское солнце не щадило нашихъ спинъ и плечъ, распаривая ихъ... По нашимъ пестрымъ отъ пота и грязи физіономіямъ нельзя бы было опредѣлить, къ которой именно изъ четырехъ цвѣтныхъ расъ мы принадлежимъ.

— А книга-то въ серебрѣ,—снова заговорилъ Мишка.

Семка поднялъ голову и пристально посмотрѣлъ въ сторону бесѣдки.

— Похоже,—кратко изрекъ онъ...

— Значитъ, Евангилье...

— Ну, и Евангилье... Такъ что?

— Ничего...

— Этого добра у меня полны карманы. А ты бы!... коли священное писаніе любишь, пошелъ бы, да и сказалъ ей: почитайте, молъ, мнѣ, бабушка. Намъ, молъ, этого взять неоткуда... Въ церкви мы, по неприличности и грязнотѣ нашей, не ходимъ... а душа, молъ, у насъ тоже... какъ слѣдуетъ... на своемъ мѣстѣ... Подька, ступай!

— А и впрямь... пойду?

— И пойди...

Мишка бросилъ стягъ, одернулъ рубаху, размазалъ ея рукавомъ пыль по рожѣ и спрыгнулъ съ бани внизъ.

— Турнетъ она тебя, лѣшмана...—проворчалъ Семка, скептически улыбаясь, но съ крайнимъ любопытствомъ провожая фигуру товарища, пробиравшагося среди лопуховъ къ бесѣдкѣ. Онъ, высокій, согнувшійся, съ обнаженными грязными руками, грузно раскачиваясь на ходу и задѣвая за кусты, тяжело двигался впередъ и улыбался смущенно и кротко. Старушка подняла голову навстрѣчу подходившему босяку и спокойно мѣрила его глазами.

На стеклахъ ея очковъ и на ихъ серебряной оправѣ играли лучи солнца.

Она не „турнула" его, вопреки предположенію Семки. Намъ не слышно было за шумомъ листвы, о чемъ говорилъ Мишка съ хозяйкой; но вотъ мы видимъ, что онъ грузно опускается на землю къ ногамъ старухи, и такъ, что его носъ почти касается раскрытой книги. Его лицо степенно и спокойно; онъ—мы видимъ—дуетъ въ свою бороду, стараясь согнать съ нея пыль, возится и, наконецъ, усаживается въ неуклюжей позѣ, вытянувъ шею впередъ и выжидающе разсматривая сухія маленькія руки старушки, методично перевертывающія листы книги...

— Ишь ты... лохматый песъ!... Отдыхъ себѣ сдѣлалъ... Айда—и мы? Чего такъ-то? Онъ тамъ будетъ прохлаждаться, а мы ломи за него. Айда?

Черезъ двѣ-три минуты мы съ Семкой тоже сидѣли на землѣ по оба бока нашего товарища. Старушка ни слова не сказала встрѣчу намъ, она только посмотрѣла на насъ пристально и сухо и снова начала перекидывать листы книги, ища въ ней чего-то... Мы сидѣли въ пышномъ зеленомъ кольцѣ свѣжей пахучей листвы, и надъ нами было раскинуто, ласковое и мягкое, безоблачное небо. Иногда пролеталъ вѣтерокъ, и листья начинали шелестѣть тѣмъ таинственнымъ звукомъ, который всегда такъ смягчаетъ душу, родитъ въ ней тихое, умиротворяющее чувство и заставляетъ задумываться о

чемъ-то неясномъ, но близкомъ человѣку, очищающемъ его отъ внутренней грязи, или, по меньшей мѣрѣ, заставляющемъ временно забывать о ней и дышать легко и ново...

— „Павелъ, рабъ Іисуса Христа...“—раздался голосъ старушки. Онъ старчески дребезжалъ и прерывался, но былъ полонъ благочестія и суровой важности. При первыхъ звукахъ его Мишка истово перекрестился, Семка заерзалъ по землѣ, выискивая болѣе удобную позу. Старушка окинула его глазами, не переставая читать.

— „Я весьма желаю увидѣть васъ, чтобы преподать вамъ нѣкое дарованіе духовное къ утвержденію вашему, т.-е. утѣшаться съ вами вѣрою общею, вашею и моею“.

Семка, какъ истинный язычникъ, громко зѣвнулъ, его товарищъ укоризненно вскинулъ на него синими глазами и низко опустилъ свою лохматую голову, всю въ пыли...

Старушка, не переставая читать, тоже строго взглянула на Семку, и это его смутило. Онъ повелъ носомъ, скосилъ глаза и—должно быть, желая изгладить впечатлѣніе своего зѣвка—глубоко и благочестиво вздохнулъ.

Нѣсколько минутъ прошли спокойно. Вразумительное и монотонное чтеніе дѣйствовало успокоительно.

— „Ибо открывается гнѣвъ Божій съ неба на всякое нечестіе и...“

— Что тебѣ нужно?—вдругъ крикнула чтица на Семку.

— А... а ничего! Вы извольте читать,—я слушаю!—смиренно объяснилъ онъ.

— Зачѣмъ ты трогаешь застежки своей грязной ручищей?—сердилась старушка.

— Любопытно... потому—работа очень ужъ тонкая! А я это понимаю—слесарное дѣло мнѣ извѣстно... Вотъ я и пощупалъ.

— Слушай! — сухо приказала старушка. — Скажи мнѣ—о чемъ я тебѣ читала?

— Это извольте! Я вѣдь понимаю...

— Ну, говори...

— Проповѣдь... стало быть, поученіе насчетъ вѣры, а также и нечестія... Очень просто и... все вѣрно! Такъ за душу и щиплетъ!

Старушка печально потрясла головой и оглядѣла всѣхъ насъ съ укоромъ.

— Погибшіе... Камни вы... Ступайте работать!

— Она, тово... разсердилась будто бы?—виновато улыбаясь, заявилъ Мишка.

А Семка почесался, зѣвнулъ и, посмотрѣвъ вслѣдъ хозяйки, не оборачиваясь удалявшейся по узкой дорожкѣ сада, задумчиво произнесъ:

— А застежки-то у книжицы серебряныя...

И онъ улыбнулся во всю рожу, какъ бы предвкушая что-то.

Переночевавъ въ саду около развалинъ бани, уже совершенно разрушенной нами за день, къ полудню другого дня мы вычистили колодецъ, вымочились въ водѣ, выпачкались въ грязи и, въ ожиданіи разсчета, сидѣли на дворѣ у крыльца, разговаривая другъ съ другомъ и рисуя себѣ сытный обѣдъ и ужинъ въ близкомъ будущемъ; заглядывать же въ болѣе отдаленное никто изъ насъ не имѣлъ охоты...

— Ну, какого чорта старая вѣдьма не идетъ еще,—нетерпѣливо, но вполголоса возмущался Семка. — Подохла, что ли?

— Экъ онъ ругается!—укоризненно покачалъ головой Мишка.—И чего, напримѣръ, ругается? Старушка—настоящая Божья. А онъ ее ругаетъ. Этакій характеръ у человѣка...

— Разсудилъ...—усмѣхнулся его товарищъ... Пугало... огородное...

Эта пріятная и интересная бесѣда друзей была прервана появленіемъ хозяйки. Она подошла къ намъ и, протягивая руку съ деньгами, презрительно сказала:

— Получите и... убирайтесь. Хотѣла я вамъ отдать баню распилить на дрова, да вы не стоите этого.

Неудостоенные чести распилить баню, въ чемъ, впрочемъ, мы и не нуждались теперь, мы молча взяли деньги и пошли.

— Ахъты, старая кикимора!—началъ Семка, чуть только мы вышли за ворота.—На-ко-ся! Не стоимъ! Жаба дохлая!—Ну-ка, вотъ скрипи теперь надъ своей книгой...

Моментально сунувъ руку въ карманъ, онъ выдернулъ изъ него двѣ блестящія металлическія штучки и, торжествуя, показалъ ихъ намъ.

Мишка остановился, любопытно вытягивая голову впередъ и вверхъ къ поднятой рукѣ Семки.

— Застежки отломалъ?—спросилъ онъ удивленно...

— Онѣ самыя... Серебряныя!... Кому не надо—рубль дастъ.

— Ахъ, ты! Когда это ты? Спрячь... отъ грѣха...

— И спрячу...

Мы молча пошли дальше по улицѣ.

— Ловко...—задумчиво говорилъ Мишка самъ себѣ.—Взялъ да и отломилъ... Н-да... А книга-то хорошая... Старуха... обидится, чай, на насъ...

— Нѣтъ... что ты! Вотъ она насъ позоветъ назадъ, да на чай дастъ...—трунилъ Семка.

— А сколько ты за нихъ хошь?

— Послѣдняя цѣна—девять гривенъ. Ни гроша не уступлю... себѣ дороже... Видишь—ноготь сломалъ!

— Продай мнѣ...—робко спросилъ Мишка.

— Тебѣ? Ты что—запонки хочешь завести себѣ?... Купи, ха-арошія запонки выйдутъ... какъ разъ къ твоей харѣ.

— Нѣтъ, право, продай!—и Мишка понизилъ тонъ просьбы...

— Купи, говорю... Сколько дашь?

— Бери... сколько тамъ есть на мою долю?

— Рубль двадцать...

— А тебѣ сколь за нихъ?...

— Рубль!...

— Чай, уступи... для друга!...

— Дура нетрепанная! На кой-те ихъ дьяволъ?

— Да ужъ ты продавай знай...

Наконецъ торгъ былъ заключенъ, и застежки перешли за девяносто копеекъ въ руки Мишки.

Онъ остановился и сталъ вертѣть ихъ въ рукахъ, наклонивъ кудластую голову и наморщивъ брови и пристально разсматривая два кусочка серебра.

— Нацѣпи ихъ на носъ себѣ...—посовѣтовалъ ему Семка...

— Зачѣмъ?—серьезно возразилъ Мишка...—Не надо. Я ихъ старушкѣ стащу. Вотъ, молъ, мы, старушка, нечаянно захватили эти штуковины, такъ ты ихъ... опять пристрой къ мѣсту... къ книгѣ этой самой... Только вотъ ты ихъ съ мясомъ выдралъ... это какъ теперь?

— Да ты, чортъ, взаправду понесешь?—разинулъ ротъ Семка.

— А какъ?... Видишь ты, такая книга... нужно, чтобъ она въ полной цѣлости была... ломать отъ нея куски разные не годится... И старушка тоже... обидится... А ей умирать надо... Вотъ я и того... Вы меня, братцы, подождите съ минутку... а я добѣгу назадъ...

И раньше чѣмъ мы успѣли удержать его, онъ крупными шагами исчезъ за поворотомъ улицы...

— Ну, и мокрица-человѣкъ! Жиделяга грязная!—возмутился Семка, понявъ суть факта и его возможныя послѣдствія.

И отчаянно ругаясь черезъ два слова въ третье, онъ началъ убѣждать меня:

— Айда, скорѣй! Провалитъ онъ насъ... Теперь сидитъ, чай, поди, руки у него назадъ... а старая корга ужъ и за будочникомъ послала!... Вотъ-те и водись съ этакимъ пакостникомъ! Да онъ не за сизо-перышко въ тюрьму тебя вопретъ! Нѣтъ, каковъ мерзавецъ-чело-

вѣкъ?! Какая подлой души тварь съ товарищемъ такъ поступить можетъ?! Ахъ, ты, Господи! Ну, и люди стали! Айда, чортъ, чего ты растяпился! Ждешь? Жди, чортъ васъ всѣхъ, мошенниковъ, возьми! Тьфу, анаѳемы! Не идешь? Ну такъ...

Посуливъ мнѣ нѣчто невѣроятно скверное, Семка ожесточенно ткнулъ меня кулакомъ въ бокъ и быстро пошелъ прочь...

Мнѣ хотѣлось знать, что дѣлаетъ Мишка съ нашей бывшей хозяйкой, и я тихонько отправился къ ея дому. Мнѣ не думалось, что я подвергаюсь какой-либо опасности или непріятности.

И я не ошибся.

Подойдя къ дому и приложившись глазомъ къ щели въ заборѣ, я увидѣлъ и услышалъ только слѣдующее: старуха сидѣла на ступенькахъ крыльца, держала въ рукахъ „выдранныя съ мясомъ" застежки своей библіи и черезъ очки пытливо и строго смотрѣла въ лицо Мишки, стоявшаго ко мнѣ задомъ...

Несмотря на строгій и сухой блескъ ея острыхъ глазъ, по угламъ губъ у нея образовалась мягкая складка кожи; видно было, что старушка хочетъ скрыть добрую улыбку,—улыбку прощенія.

Изъ-за спины старухи смотрѣли какія-то три рожи: двѣ женскія, одна красная и повязанная пестрымъ платкомъ, другая простоволосая, съ бѣльмомъ на лѣвомъ глазу, а изъ-за ея плечъ высовывалась физіономія мужчины, клинообразная, въ сѣдыхъ бачкахъ и съ вихромъ на лбу... Она то и дѣло странно подмаргивала обоими глазами, какъ бы говоря Мишкѣ:

— Утекай, братъ, скорѣй!

Мишка мямлилъ, пытаясь объясниться:

— ...Такая рѣдкостная книга. Вы, говоритъ, всѣ— скоты и псы... собаки. Я и думаю... Господи—вѣрно!

Такъ надо говорить по правдѣ... сволочи мы и окаянные люди... подлецы. И опять же, думаю: барыня—старушка, можетъ, у ней и утѣха одна, что вотъ книга—да и все тутъ... Теперь застежки... много ли за нихъ дадутъ? А ежели при книгѣ, то онѣ—вещь! Я и помыслилъ... дай-ка, молъ, я обрадую старушку Божію, отнесу ей вещь назадъ... Ктому же мы, слава те Господи, заработали малу толику на пропитаніе. Счастливо оставаться! Я ужъ пойду.

— Погоди!—остановила его старуха. —Понялъ ты, что я вчера читала?...

— Я-то? Гдѣ мнѣ понять! Слышу—это такъ... да и то какъ слышу? Развѣ у насъ уши для слова Божія? Намъ оно непонятно. Сердцемъ это точно что слышишь, а ухо не принимаетъ у насъ... Прощевайте...

— Та-акъ! — протянула старуха... — Нѣтъ, ты погоди...

Мишка тоскливо вздохнулъ на весь дворъ и по-медвѣжьи затоптался на мѣстѣ. Его уже, очевидно, тяготило это объясненіе...

— А хочешь ты, чтобъ я еще почитала тебѣ?

— Ммъ... товарищи ждутъ...

— Ты плюнь на нихъ... Ты хорошій малый... брось ихъ.

— Хорошо...—тихо согласился Мишка.

— Бросишь? Да?

— Брошу...

— Ну, вотъ... умница!... Совсѣмъ ты дитя... а борода вонъ какая... до пояса почти... Женатъ ты?...

— Вдовый... померла жена-то...

— А зачѣмъ ты пьешь? Вѣдь ты пьяница?

— Пьяница... Пью.

— Зачѣмъ?

— Пью-то? По глупости пью. Глупъ, ну и пью. Конечно, ежели бы человѣку умъ... да рази бы онъ самъ себя портилъ?—уныло говорилъ Мишка.

— Вѣрно разсудилъ... Ну вотъ, ты и копи умъ...

накопи, да и поправься... ходи въ церковь... слушай Божіе слово... въ немъ вся мудрость.

— Оно, конечно...—почти простоналъ Мишка.

— А я еще почитаю тебѣ... хочешь?...

— Извольте...—умиралъ отъ тоски Мишка.

Старуха достала откуда-то изъ-за себя библію, порылась въ ней, и дворъ огласился ея дрожащимъ голосомъ:

— „Итакъ, неизвинителенъ ты, всякій человѣкъ, судящій другого, ибо тѣмъ же судомъ, какимъ судишь другого, осуждаешь себя, потому что, судя другого, дѣлаешь то же!"

Мишка тряхнулъ головой и почесалъ себѣ лѣвое плечо.

—„...Неужели думаешь ты, человѣкъ, что избѣжишь суда Божія?"

— Барыня! — плачевно заговорилъ Мишка, — отпустите меня для Бога... Я вдругорядь лучше приду послушаю... а теперь больно мнѣ ѣсть хочется... такъ-те вотъ и пучитъ животъ-отъ... Съ вечера мы не ѣмши...

Барыня сильно хлопнула книгой.

— Ступай! Иди!—отрывисто и рѣзко прозвучало на дворѣ...

— Покорнѣйше благодаримъ!...—И онъ чуть не бѣгомъ направился къ воротамъ...

— Нераскаянныя души... Звѣриныя сердца,—шипѣло по двору вслѣдъ ему...

Черезъ полчаса мы съ нимъ сидѣли въ трактирѣ и пили чай съ калачомъ.

— Какъ буравомъ она меня сверлила...—говорилъ Мишка, ласково улыбаясь мнѣ своими милыми глазами.—Стою я и думаю.... Ахъ, ты, Господи! И зачѣмъ только пошелъ я? На муку пошелъ... Гдѣ бы ей взять у меня эти застежки, да и отпустить меня,—она разго-

воръ затѣяла. Экій народъ-чудакъ! Съ ними хочешь по совѣсти поступать, а они свое гнутъ... Я по простотѣ души говорю ей: вотъ-те барыня твои застежки, не жалуйся на меня... а она говоритъ: нѣтъ, погоди, ты разскажи, зачѣмъ ты ихъ мнѣ принесъ? И пошла жилы изъ меня тянуть... Я ажъ взопрѣлъ отъ ея разговору... право ей Богу.

И онъ все улыбался своей безконечно - кроткой улыбкой...

Семка, надутый, взъерошенный и угрюмый, серьезно сказалъ ему, когда онъ кончилъ свою Одиссею:

— Умри ты лучше, пень милый! А то завтра тебя съ такими твоими выкрутасами мухи али тараканы съѣдятъ...

— Ну ужъ! Ты скажешь слово. Дава-ко выпьемте по стакашку... за окончаніе дѣла!

И мы дружно выпили по стакашку за окончаніе этого курьезнаго дѣла.

ПѢСНЯ О СОКОЛѢ.

(1896.)

Море дремлетъ.

Огромное, лѣниво вздыхающее здѣсь у берега, оно уже уснуло и неподвижно вдали, облитой голубымъ сіяніемъ луны. Бархатисто-мягкое и черное, оно слилось тамъ съ синимъ южнымъ небомъ и крѣпко спитъ, отражая въ себѣ прозрачную ткань перистыхъ облаковъ, неподвижныхъ и не скрывающихъ собою золотыхъ узоровъ звѣздъ. Кажется, что небо все ниже наклоняется надъ моремъ, желая понять то, о чемъ шепчутъ неугомонныя волны, сонно всползая на берегъ.

Горы, поросшія деревьями, фантастически изогнутыми нордъ-остомъ, рѣзкими взмахами подняли свои вершины въ синюю пустыню надъ ними, и сухіе, суровые контуры ихъ округлились, одѣтые теплой и ласковой мглой южной ночи.

Горы важно-задумчивы. Съ нихъ на пышные зеленоватые гребни волнъ упали черныя тѣни и одѣваютъ ихъ, какъ бы желая остановить это единственное движеніе и заглушить немолчный плескъ воды и вздохи пѣны,—всѣ звуки, которые нарушаютъ тайную тишину, разлитую вокругъ вмѣстѣ съ голубымъ серебромъ сіянія луны, еще скрытой за горными вершинами.

— А-ала-ахъ-а-акбаръ!...—тихо вздыхаетъ Надыръ-

Рагимъ-Оглы, старый крымскій чабанъ, всегда минорно настроенный, высокій, сѣдой, сожженный южнымъ солнцемъ, сухой и мудрый старикъ.

Мы съ нимъ лежимъ на пескѣ у громаднаго камня, оторвавшагося отъ родной ему горы, одѣтаго тѣнью, поросшаго мхомъ и такого печальнаго, хмураго. На тотъ его бокъ, который обращенъ къ морю, волны набросали тины и водорослей, обвѣшанный ими камень кажется привязаннымъ къ узкой песчаной полоскѣ, отдѣляющей море отъ горъ. Пламя нашего костра освѣщаетъ его со стороны, обращенной къ горѣ, оно вздрагиваетъ, и по старому камню, изрѣзанному часто сѣтью глубокихъ трещинъ, бѣгаютъ тѣни. Онъ кажется думающимъ и чувствующимъ...

Мы съ Рагимомъ варимъ уху изъ только-что наловленныхъ бычковъ и оба находимся въ томъ исключительномъ настроеніи, когда все кажется призрачнымъ, одухотвореннымъ, позволяющимъ проникать въ себя, когда на сердцѣ такъ чисто, легко и нѣтъ иныхъ желаній, кромѣ желанія думать.

А море ластится къ берегу, и волны звучатъ такъ меланхолично-ласково, точно просятъ погрѣться къ костру. Иногда въ общей гармоніи плеска слышится болѣе повышенная и такая шаловливо-коварная нота— это одна изъ волнъ посмѣлѣе подползла ближе къ намъ. Рагимъ уже сравнилъ волны съ женщинами и заподозрилъ ихъ въ желаніи обнять и расцѣловать насъ.

Онъ лежитъ грудью на пескѣ, головой къ морю, и вдумчиво смотритъ въ мутную даль, опершись локтями и положивъ голову на ладони. Мохнатая баранья шапка съѣхала ему на затылокъ, и съ моря вѣетъ свѣжестью въ его высокій лобъ, весь въ мелкихъ морщинахъ. Онъ философствуетъ, не справляясь, слушаю ли я его, и не обращая на меня ни малѣйшаго вниманія, точно онъ говоритъ съ моремъ:

— „Вѣрный Богу человѣкъ идетъ въ рай. А кото-

рый не служитъ Богу и пророку? Можетъ, онъ вотъ въ этой пѣнѣ... И тѣ серебряныя пятна на водѣ, можетъ, онъ же... кто знаетъ?“

Темное, могуче размахнувшееся море свѣтлѣетъ, мѣстами на немъ появляются небрежно брошенные блики луны. Она уже выплыла изъ-за мохнатыхъ вершинъ горъ и теперь задумчиво льетъ свой свѣтъ на море, тихо вздыхающее ей навстрѣчу.

— Рагимъ!... Разскажи сказку...—прошу я старика.

— Зачѣмъ?—спрашиваетъ Рагимъ, не оборачиваясь ко мнѣ.

— Такъ! Я люблю твои сказки.

— Я тебѣ всѣ ужъ разсказалъ... Больше не знаю...

Это онъ хочетъ, чтобы я попросилъ его. Я прошу.

— Хочешь, я разскажу тебѣ пѣсню?—соглашается Рагимъ.

Я хочу слышать старую пѣсню, и онъ унылымъ речитативомъ, стараясь сохранить своеобразную степную мелодію пѣсни и страшно коверкая русскія слова, разсказываетъ.

I.

„Высоко въ горы вползъ Ужъ и легъ тамъ въ сыромъ ущельѣ, свернувшись въ узелъ и глядя въ море.

„Высоко въ небѣ сіяло солнце, и горы зноемъ дышали въ небо, и бились волны внизу о камень...

„И по ущелью, во тьмѣ и въ брызгахъ, потокъ стремился навстрѣчу морю, скача чрезъ камни.

„Весь въ бѣлой пѣнѣ, сѣдой и сильный, онъ рѣзалъ гору и падалъ въ море, сердито воя.

„Вдругъ въ то ущелье, гдѣ Ужъ свернулся, палъ съ неба Соколъ съ разбитой грудью, въ крови на перьяхъ...

„Съ короткимъ крикомъ онъ палъ на землю и бился грудью въ безсильномъ гнѣвѣ о твердый камень...

„Ужъ испугался, отползъ проворно, но скоро понялъ, что жизни птицы двѣ-три минуты...

„Подползъ онъ ближе къ разбитой птицѣ и прошипѣлъ онъ ей прямо въ очи:

— „Что, умираешь?

— „Да, умираю!—отвѣтилъ Соколъ, вздохнувъ глубоко.—Я славно пожилъ!... Я знаю счастье!... Я храбро бился!... Я видѣлъ небо... Ты не увидишь его такъ близко!... Эхъ, ты, бѣдняга!

— „Ну, что же небо?—пустое мѣсто... Какъ мнѣ тамъ ползать? Мнѣ здѣсь прекрасно... тепло и сыро!

„Такъ Ужъ отвѣтилъ свободной птицѣ и усмѣхнулся въ душѣ надъ нею за эти бредни.

„И такъ подумалъ: „летай иль ползай, конецъ извѣстенъ: всѣ въ землю лягутъ, все прахомъ будетъ...“

„Но Соколъ смѣлый вдругъ встрепенулся, привсталъ немного и по ущелью повелъ очами.

„Сквозь сѣрый камень вода сочилась, и было душно въ ущельѣ темномъ и пахло гнилью.

„И крикнулъ Соколъ съ тоской и болью, собравъ всѣ силы:

— „О, если бъ въ небо хоть разъ подняться!... Врага прижалъ бы я... къ ранамъ груди и... захлебнулся бъ моей онъ кровью!... О, счастье битвы!...

„А Ужъ подумалъ: „должно быть, въ небѣ и въ самомъ дѣлѣ пожить пріятно, коль онъ такъ стонетъ!“...

„И предложилъ онъ свободной птицѣ: „А ты подвинься на край ущелья и внизъ бросайся“.

„Быть можетъ, крылья тебя поднимутъ и поживешь еще немного въ твоей стихіи.

„И дрогнулъ Соколъ и, слабо крикнувъ, пошелъ къ обрыву, скользя когтями по слизи камня.

„И подошелъ онъ, расправилъ крылья, вздохнулъ всей грудью, сверкнулъ очами и внизъ скатился.

„И самъ, какъ камень, скользя по скаламъ, онъ быстро падалъ, ломая крылья, теряя перья...

„Волна потока его схватила и, кровь омывши, одѣла въ пѣну, умчала въ море.

„А волны моря съ печальнымъ ревомъ о камень бились... И трупа птицы не видно было въ морскомъ пространствѣ...

II.

„Въ ущельи лежа, Ужъ долго думалъ о смерти птицы, о страсти къ небу.

„И вотъ взглянулъ онъ въ ту даль, что вѣчно ласкаетъ очи мечтой о счастьѣ.

— „А что онъ видѣлъ, умершій Соколъ, въ пустынѣ этой безъ дна и края? Зачѣмъ такіе, какъ онъ, умерши, смущаютъ душу своей любовью къ полетамъ въ небо? Что имъ тамъ ясно? А я вѣдь могъ бы узнать все это, взлетѣвши въ небо хоть не надолго.

„Сказалъ и — сдѣлалъ. Въ кольцо свернувшись, онъ прянулъ въ воздухъ и узкой лентой блеснулъ на солнцѣ.

„Рожденный ползать—летать не можетъ!... Забывъ объ этомъ, онъ палъ на камни, но не убился, а разсмѣялся...

— „Такъ вотъ въ чемъ прелесть полетовъ въ небо! Она—въ паденьи!... Смѣшныя птицы! Земли не зная, на ней тоскуя, онѣ стремятся высоко въ небо и ищутъ жизни въ пустынѣ знойной. Тамъ только пусто. Тамъ много свѣта, но нѣтъ тамъ пищи и нѣтъ опоры живому тѣлу. Зачѣмъ же гордость? Зачѣмъ укоры? Затѣмъ, чтобъ ею прикрыть безумство своихъ желаній и скрыть за ними свою негодность для дѣла жизни? Смѣшныя птицы!... Но не обмануть теперь ужъ больше меня ихъ рѣчи! Я самъ все знаю! Я—видѣлъ небо... Взлеталъ въ него я, его измѣрилъ, позналъ паденье, но не разбился, а только крѣпче въ себя я вѣрю. Пусть тѣ, что землю любить не могутъ, живутъ обманомъ... Я знаю правду.

И ихъ призывамъ я не повѣрю. Земли творенье—землей живу я.

„И онъ свернулся въ клубокъ на камнѣ, гордясь собою.

„Блестѣло море все въ яркомъ свѣтѣ, и грозно волны о берегъ бились.

„Въ ихъ львиномъ ревѣ гремѣла пѣсня о гордой птицѣ, дрожали скалы отъ ихъ ударовъ, дрожало небо отъ грозной пѣсни:

„Безумству храбрыхъ поемъ мы славу!

„Безумство храбрыхъ — вотъ мудрость жизни! О смѣлый Соколъ! Въ бою съ врагами истекъ ты кровью... Но будетъ время—и капли крови твоей горючей, какъ искры, вспыхнутъ во мракѣ жизни и много смѣлыхъ сердецъ зажгутъ безумной жаждой свободы, свѣта!

„Пускай ты умеръ!... Но въ пѣснѣ смѣлыхъ и сильныхъ духомъ всегда ты будешь живымъ примѣромъ, призывомъ гордымъ къ свободѣ, къ свѣту!

„Безумству храбрыхъ поемъ мы пѣсню!...“

...Молчитъ опаловая даль моря, меланхолично плещутъ волны на песокъ, и я молчу, глядя на Рагима, кончившаго разсказывать морю пѣсню о Соколѣ. На водѣ все больше серебряныхъ пятенъ отъ лунныхъ лучей... Нашъ котелокъ тихо закипаетъ.

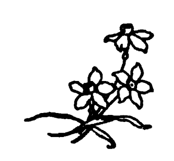
Одна изъ волнъ игриво вскатывается на берегъ и, вызывающе шумя, ползетъ къ головѣ Рагима.

-- Куда идешь?... Пшла!—машетъ на нее Рагимъ рукой, и она покорно скатывается обратно въ море.

Мнѣ нимало не смѣшна и не страшна выходка Рагима, одухотворяющаго волны. Все кругомъ смотритъ странно-живо, мягко, ласково. Море такъ внушительно спокойно, и чувствуется, что въ свѣжемъ дыханіи его на горы, еще не остывшія отъ дневного зноя, скрыто

много мощной, сдержанной силы. По темно-синему небу золотымъ узоромъ звѣздъ написано нѣчто торжественное, чарующее душу, смущающее умъ сладкимъ ожиданіемъ какого-то откровенія.

Все дремлетъ, но дремлетъ напряженно-чутко, и кажется, что вотъ въ слѣдующую секунду все встрепенется и зазвучитъ въ стройной гармоніи неизъяснимо сладкихъ звуковъ. Эти звуки разскажутъ про тайны міра, разъяснятъ ихъ уму, а потомъ погасятъ его, какъ призрачный огонекъ, и увлекутъ съ собой душу высоко въ темно-синюю бездну, откуда навстрѣчу ей трепетные узоры звѣздъ тоже будутъ звучать дивной музыкой откровенія...

НА ПЛОТАХЪ.

(1896.)

I.

...Грузныя тучи медленно ползутъ надъ сонной рѣкой; кажется, что онѣ спускаются все ниже и ниже; кажется, что вдали ихъ сѣрые лохмотья коснулись поверхности быстрыхъ и мутныхъ весеннихъ волнъ, и что тамъ, гдѣ они коснулись воды—встала до небесъ непроницаемая стѣна облаковъ, заградившая собою теченіе рѣки и путь плотамъ.

И волны безуспѣшно, подмывая эту стѣну, бьются о нее съ тихимъ, жалобнымъ рокотомъ, бьются и, отброшенныя ею, разбѣгаются вправо и влѣво, гдѣ лежитъ сырая тьма весенней свѣжей ночи.

Но плоты плывутъ впередъ, и даль отодвигается предъ ними въ пространство, полное тяжелыхъ облачныхъ массъ.

Береговъ не видать—ихъ скрыла ночь и оттолкнули куда-то широкія волны разлива.

Рѣка—какъ море. И небо надъ нею, все окутанное облаками, тяжело, сыро и скучно.

Ни воздуха, ни яркихъ красокъ нѣтъ въ этой сѣрой и мутной картинѣ.

Плоты скользятъ по водѣ быстро и безшумно, а навстрѣчу имъ изъ тьмы выдвигается пароходъ, выбрасывая изъ трубы веселую толпу искръ и глухо ударяя по водѣ плицами колесъ...

Два красныхъ фонаря на отводахъ все увеличиваются; становятся ярче, а фонарь на мачтѣ тихо покачивается изъ стороны въ сторону и таинственно подмигиваетъ тьмѣ.

Пространство наполнено шумомъ разбиваемой воды и тяжелыми вздохами машины.

— По-оглядывай!—раздается на плотахъ сильный грудной окликъ.

У рулевыхъ веселъ, въ хвостѣ плота, стоятъ двое: Митя—сынъ сплавщика, русый, хилый, задумчивый парень лѣтъ 22-хъ, и Сергѣй—работникъ, хмурый, здоровый дѣтина въ рыжей бородѣ; изъ ея рамки выдаются крѣпкіе, крупные зубы, не закрытые верхней губой, насмѣшливо вздернутой кверху.

— Клади лѣво!—снова сотрясаетъ тьму громкій крикъ спереди плотовъ.

— Знамъ и сами! чего орешь?—недовольно ворчитъ Сергѣй и, вздыхая, наваливается грудью на весло.

— О—ухъ! Вороти крѣпчае, Митюкъ!

Митрій, упираясь ногами въ сырыя брёвна, тянетъ къ себѣ тонкими руками тяжелую жердь—руль и хрипло кашляетъ.

— Гни!... бери лѣвѣй!... черти, дьяволы! — кричатъ спереди тревожно и озлобленно.

— Ори! Твой-то чахлый сынъ соломину о колѣно не переломитъ, а ты его на руль ставишь, да и орешь потомъ на всю рѣку. Жаль было еще работника нанять кощею-снохачу. Ну, и рви теперь глотку-то!...

Сергѣй ворчитъ уже громко, очевидно, не опасаясь, что его услышатъ, и даже какъ бы желая этого...

Пароходъ мчится мимо плотовъ, съ ропотомъ выметывая изъ-подъ колесъ пѣнистыя волны. Брёвна рас-

качиваются на водѣ, и скрученныя изъ сучьевъ связи скрипятъ жалобнымъ и сырымъ звукомъ.

Освѣщенныя окна парохода смотрятъ на рѣку, и плоты, какъ рядъ огненныхъ глазъ, отражаются на взволнованной водѣ свѣтлыми, трепещущими пятнами и исчезаютъ.

Волны сильно плещутъ на плоты, брёвна прыгаютъ, и Митрій, покачиваясь на ногахъ, крѣпко прижимается къ рулю, боясь упасть.

— Ну, ну!—насмѣшливо урчитъ Сергѣй,—заплясалъ. Вотъ отецъ-то гарнетъ тебѣ опять... А то пойдетъ, да всадитъ тебѣ въ бокъ-то раза, тогда не такъ запляшешь! Бери право! Ой—ну! О, о!...

И упругими, какъ стальныя пружины, руками Сергѣй мощно ворочаетъ свое весло, глубоко разрывая имъ воду...

Энергичный, высокій, немного злой и насмѣшливый, онъ стоитъ такъ, точно приросъ къ бревнамъ босыми ногами, и въ сильно напряженной позѣ, готовый каждую секунду поворотить плоты, зорко смотритъ впередъ.

— Ишь, отецъ-то у тебя какъ обнимаетъ Марьку-то! Ну-ну, и дьяволы же! Ни стыда, ни совѣсти! И чего ты, Митряй, не уйдешь куда отъ нихъ, чертей поганыхъ?... а? Слышь, что ли?

— Слышу!—вполголоса говоритъ Митрій, не глядя туда, гдѣ Сергѣй, сквозь тьму, видитъ его отца.

— Слышу-у! Эхъ, ты, тюря! — дразнится Сергѣй и иронически хохочетъ.

— Дѣла!—продолжаетъ онъ, подзадориваемый апатіей Митрія. Ну, и старикъ чортъ! Женилъ сына, отбилъ сноху и—правъ! Старый галманъ!

Митрій молчитъ и смотритъ назадъ по рѣкѣ, гдѣ тоже образовалась стѣна густыхъ облаковъ.

Теперь облака вездѣ, и кажется, что плоты не плывутъ, а неподвижно стоятъ въ этой густой и черной водѣ, подавленной тяжелыми темно-сѣрыми грудами

тучъ, упавшими въ нее съ неба и заградившими ей путь.

Рѣка кажется бездоннымъ омутомъ, со всѣхъ сторонъ окруженнымъ горами, высокими до неба и одѣтыми ґустымъ покровомъ тумана.

Кругомъ—томительно тихо, и вода точно ждетъ чего-то, уже слабо поплескивая на плоты. Много грусти, и какой-то робкій вопросъ слышится въ этомъ бѣдномъ звукѣ, единственномъ среди ночи и еще болѣе оттѣняющемъ ея тишину...

— Вѣтру бы теперь дунуть... — говоритъ Сергѣй.— Нѣтъ, не надо вѣтру—потому онъ дождя нагонитъ,— возражаетъ онъ самъ себѣ и начинаетъ набивать трубку, покряхтывая.

Вспыхиваетъ спичка, слышно хрипѣніе въ засоренномъ чубукѣ, и красный огонекъ, то разгораясь, то угасая, освѣщаетъ какъ бы ныряющее во тьмѣ широкое лицо Сергѣя.

— Митрій!—раздается его голосъ. Теперь онъ менѣе угрюмъ и въ немъ яснѣе звучитъ смѣшливая нота.

— А?—вполголоса отвѣчаетъ Митрій, не отводя глазъ изъ дали, гдѣ онъ пристально разсматриваетъ что-то своими большими и грустными глазами.

— Какъ же это, братъ ты мой, а?

— Чего?—отзывается Митрій недовольно.

— Женился-то?! Смѣхи! Какъ это было-то? Ну, пошли вы, значитъ, съ женой спать? Ну, какъ же?! Ха, ха, ха!

— Эй, вы! Ржете тамъ! По-оглядыва-ай!—угрожающе пронеслось надъ рѣкой.

— Ишь, реветъ, снохачъ анаѳемскій!—съ восхищеніемъ отмѣчаетъ Сергѣй и снова возвращается къ интересующей его темѣ.

— Ну, скажи, что ли? Мить! Скажи ужъ, чай! а?

— Отстань, Серега!—говорилъ ужъ вѣдь! — проси-

тельно шепчетъ Митрій; но, должно быть, зная, что отъ Сергѣя не отвяжешься, торопливо начинаетъ:

— Ну, пришли мы спать. Я и говорю ей: не могу, молъ, я мужевать съ тобой, Марья. Ты дѣвка здоровая, я человѣкъ больной, хилый. И совсѣмъ, молъ, я жениться не желалъ, а батюшка, молъ, силкомъ меня— женись, говоритъ, да и все! Я, молъ, вашу сестру не люблю, а тебя больше всѣхъ. Бойка больно... Да... И ничего я этого не могу... понимашь... Пакость одна, да грѣхъ... Дѣти тоже... За нихъ отвѣтъ Богу дать надо...

— Пакость!—взвизгиваетъ Сергѣй и громогласно хохочетъ.—Ну, и что жъ она, Марька-то? а?

— Ну... Что же, говоритъ, мнѣ дѣлать теперь? Плачетъ сидитъ. Чѣмъ, говоритъ, я тебѣ не по сердцу? Али, говоритъ, я уродина какая? Безстыдница она, Серега!... и злая. Что же, говоритъ, мнѣ съ моимъ здоровьемъ къ свекру что ли идти? Я говорю: какъ хошь, молъ... Куда хошь иди. Мнѣ, молъ, супротивъ души невозможно поступить... Любовь кабы была! А такъ—что же? Дѣдушка Иванъ говорилъ — смертный грѣхъ это дѣло. Скоты мы съ тобой, что ли, молъ? Плачетъ все. Загубили, говоритъ, мою дѣвичью красоту. Жалко ее было мнѣ. Ничего, молъ, какъ-нибудь обойдесся. А то, молъ, въ монастырь иди. Она ругаться: дуракъ ты, говоритъ, Митька, подлецъ...

— А, б-батюшки!—восхищеннымъ шопотомъ шипитъ Сергѣй.—Такъ ты ей и откололь—въ монастырь?

— Такъ и сказалъ!—просто говоритъ Митя.

— А она тебя—дуракомъ?—повышаетъ тонъ Сергѣй.

— Да... обругала.

— За дѣло, братъ! А-ахъ и за дѣло! Вздуть бы еще надо!—вдругъ мѣняетъ тонъ Сергѣй. Теперь онъ говоритъ строго и внушительно.

— Развѣ ты можешь супротивъ закону идти? А ты— пошелъ! Установлено—ну, значитъ, и шабашъ! Не моги

спорить. А ты на-ко-ся! Экъ выворотилъ корягу. Въ монастырь! Дурья голова! Вѣдь дѣвкѣ-то что надо? Али монастырь? Ну, и люди нынче! Ты подумай — что вышло? Самъ ты ни бэ, ни мэ, ни ку-ка-ре-ку, дѣвку погубилъ... полюбовницей стариковой стала — старика во грѣхъ снохаческій ввелъ. Сколько ты закона нарушилъ? Го-олова!

— Законъ-то, Сергѣй, въ душѣ. Одинъ законъ про всѣхъ: не дѣлай такого, что противъ души твоей, и никакого ты худа на землѣ не сдѣлаешь,—тихо и умиротворяюще проговорилъ Митрій, тряхнувъ головой.

— А ты вотъ сдѣлалъ!—энергично возразилъ Сергѣй.—Въ душѣ! Экъ тоже... Мало ли что въ душѣ-то есть. Всему запрета не полагать—нельзя. Душа, душа... Ее, братъ, понимать надо, а потомъ ужъ и того...

— Нѣтъ, ты это не такъ, Сергѣй! — горячо заговорилъ Митрій, точно вспыхнулъ вдругъ.—Душа-то, братъ, всегда чиста, какъ росинка. Въ скорлупкѣ она, вотъ что! Глубоко она. А коли ты къ ней прислушаешься, такъ не ошибешься. Всегда по-божески будетъ, коли по душѣ сдѣлано. Въ душѣ вѣдь Богъ-то, и законъ, значитъ, въ ней. Богомъ она создана, Богомъ въ человѣка вдунута. Нужно только въ нее заглянуть умѣть. Нужно только не жалѣючи себя...

— Эй, вы! Деймоны сонные! Гляди въ оба!—раскатисто загремѣло и поплыло по рѣкѣ.

По силѣ звука чувствовалось, что кричитъ человѣкъ здоровый, энергичный, довольный собой, человѣкъ съ большой и ясно сознанной имъ жизнеспособностью. Кричалось не потому, что окрикъ былъ вызванъ сплавщиками, а потому, что душа была полна чѣмъ-то радостнымъ и сильнымъ, и оно — это радостное и сильное— просилось вонъ, на волю, и вотъ—вырвалось въ этомъ гремящемъ, энергичномъ звукѣ.

— Ишь, какъ тявкнулъ, старый чортъ!—съ удоволь-

ствіемъ отмѣтилъ Сергѣй и зорко посмотрѣлъ впередъ, усмѣхаясь.

— Милуются голубки! Завидно не бывать, Митька?

Митрій равнодушно посмотрѣлъ туда, къ переднимъ весламъ, гдѣ, работая, двѣ человѣческія фигуры перебѣгали по плотамъ справа налѣво и, останавливаясь близко другъ къ другу, иногда сливались въ одну плотную, темную массу.

— Не завидно, молъ?—повторилъ Сергѣй.

— Что мнѣ? Ихъ грѣхъ—ихъ отвѣтъ,—тихо сказалъ Митя.

— Та-акъ!—иронически протянулъ Сергѣй и подложилъ табаку въ трубку. Снова во тьмѣ заблестѣлъ красный огонекъ.

А ночь становилась все гуще, и сѣрыя тучи, черныя, все ниже спускались надъ тихой, широкой рѣкой.

— Гдѣ жъ это ты, Митрій, нахваталъ такой мудрости великой, а? Али ужъ у тебя это врожденная? Не въ отца ты, братокъ. Герой у тебя отецъ-отъ. Смотри-ка— 52 ему, а онъ какую кралечку милуетъ! Сокъ одинъ баба. И любитъ она его,—что ужъ тутъ! Любитъ, братъ. Нельзя не любить козыря такого. Король козырей, бардадынъ отецъ-отъ у тебя. Работаетъ—любо глядѣть, достатокъ большой; почета—хошь отбавляй, и голова на мѣстѣ. Н-да. А ты вотъ ни въ мать, ни въ отца. Мить? А что бы отецъ-отъ сдѣлалъ, кабы покойница Анѳиса жива была? Чудно! Посмотрѣлъ бы я, какъ она его... Тоже баба была—бой, матка-то твоя... Подъ пару Силану-то.

Митрій молчалъ, облокотясь на весло и глядя въ воду.

Сергѣй тоже замолчалъ. Спереди плотовъ доносился звонкій женскій смѣхъ. Ему вторилъ басовитый смѣхъ мужчины. Затканныя мглой ихъ фигуры были еле видны Сергѣю, съ любопытствомъ и зорко смотрѣвшему на нихъ сквозь тьму. Можно было видѣть, что мужчина

высокъ и стоитъ у весла, широко разставивъ ноги, въ полъ-оборота къ кругленькой, маленькой женщинѣ, прислонившейся грудью къ другому веслу саженяхъ въ полутора отъ перваго. Она грозитъ мужчинѣ пальцемъ, разсыпчато и задорно посмѣиваясь. Сергѣй отвернулся со вздохомъ сокрушенія и, сосредоточенно помолчавъ, заговорилъ опять:

— Эхма! И ладно же имъ тамъ. Мило! Мнѣ бы вотъ такъ-то бобылю—шаталѣ! Ни въ жисть бы отъ такой бабы не ушелъ! Эхъ, ты! Такъ бы все и мялъ ее въ рукахъ, не выпускалъ. На̀, чувствуй, какъ люблю... Чортъ-те! Не везетъ вотъ мнѣ на бабу... Не любятъ, видно, бабы рыжихъ-то. Н-да. Капризная она—баба эта... А шельма! Жадна жить. Митя! Эй, спишь?

— Нѣтъ,—тихо отвѣтилъ Митя.

— То-то! Какъ же ты, братъ, жизнь проходить будешь! Вѣдь ежели говорить правду—одинъ ты, какъ перстъ. Тяжело! Куда жъ ты себя теперь опредѣлишь? Житья тебѣ настоящаго на людяхъ не найти. Смѣшонъ больно. Али это человѣкъ, который постоять за себя не умѣетъ! Нужно, братъ, зубы да когти. Всякій тебя будетъ забиждать. Рази ты можешь оборониться? Чѣмъ тебѣ оборониться? Эхэ-хэ! Чуденъ! Куда жъ ты?

— Я-то?—вновь встрепенулся Митя. — Я уйду. Я, братъ, осенью нынѣ—на Кавказъ и—кончено! Господи! Только бы скорѣе отъ васъ! Бездушные! Безбожные вы всѣ люди, бѣжать отъ васъ—одно спасенье! Зачѣмъ вы живете? Гдѣ у васъ Богъ? Слово у васъ одно... Али вы во Христѣ живете? Эхъ вы, волки вы! А тамъ иные люди, живы души ихъ во Христѣ, и сердца ихъ содержатъ любовь и о спасеніи міра страждутъ. А вы? Эхъ, вы! Звѣри, пакость рыкающіе. Есть иные люди. Видѣлъ я ихъ. Звали меня. Къ нимъ и уйду. Книгу святого Писанія принесли мнѣ они. Читай, говоритъ, человѣкъ Божій, братъ нашъ любезный, читай слово истинно... И читалъ я, и обновилась душа моя отъ

слова Божія. Уйду. Брошу васъ, волки безумные;—отъ плоти другъ друга питаетесь вы. Анаѳема вамъ!

Митрій говорилъ это страстнымъ шопотомъ и задыхался отъ переполнявшаго его чувства презрительной злобы къ безумнымъ волкамъ и отъ жажды тѣхъ людей, души которыхъ мыслятъ о спасеніи міра.

Сергѣй былъ ошеломленъ. Онъ помолчалъ, широко открывъ ротъ и держа въ рукѣ свою трубку, подумалъ, оглянулся кругомъ и изрекъ густымъ и угрюмымъ голосомъ:

— Ишь, какъ взъѣлся!.. Злой тоже. Напрасно чёлъ книгу-то. Кто ё знаетъ, какая тамъ она? Ну... вали, вали, утекай, а то совсѣмъ испортиться можешь. Айда! бѣги, пока не озвѣрѣлъ совсѣмъ... А что жъ это за люди тамъ на Кавказѣ? Монахи? Аль, можетъ, староверы? Они молоканы что ли? а?

Но Митрій потухъ уже такъ же быстро, какъ и вспыхнулъ. Онъ ворочалъ весломъ, задыхаясь отъ усилій, и что-то шепталъ быстро и нервно.

Сергѣй долго ждалъ его отвѣта и не дождался. Его здоровую, несложную натуру давила эта мрачная, мертвенно-тихая ночь, ему хотѣлось напомнить себѣ самому о жизни, будить эту тишину звуками и всячески тревожить и вспугивать это притаившееся созерцательное молчаніе тяжелой массы воды, медленно лившейся въ море, и уныло застывшія въ воздухѣ неподвижныя груды облаковъ. На томъ концѣ плота жили и его возбуждали къ жизни.

Оттуда то и дѣло долеталъ то тихій, довольный смѣхъ, то отрывочныя восклицанія, стушеванныя тишиной и тьмой этой ночи, полной запаха весны, возбуждавшаго горячее желаніе жить.

— Брось, Митрій, куда воротишь? Ругнетъ старикъ-то, смотри,—замѣтилъ онъ, наконецъ, не вынося болѣе молчанія и видя, что Митрій безцѣльно буравитъ воду

весломъ. Митрій остановился, отеръ вспотѣвшій лобъ и замеръ, прислонясь грудью къ веслу и тяжело дыша.

— Мало сегодня пароходовъ, чего-то... Кой часъ плывемъ, а всего одинъ встрѣтился.

И видя, что Митрій не собирается отвѣтить на это замѣчаніе, Сергѣй резонно объяснилъ самъ себѣ:

— Это потому, что навигація еще не открылась. Начинается только еще. А живо мы сплывемъ въ Казань-то—здорово тащитъ Волга. Хребетъ у нея богатырскій—все подниметъ. Ты чего стоишь? Осерчалъ, что ли, а? Мить? Эй!

— Ну, что?—недовольно спросилъ Митрій.

— Ничего, чудакъ человѣкъ... Чего, молъ, молчишь? Думаешь все? Брось. Вредно это человѣку. Эхъ, ты, мудрецъ, мудришь ты, мудришь, а что разума-то у тебя нѣтъ, это тебѣ и невдомекъ! Ха, ха!

И Сергѣй, посмѣявшись, въ сознаніи своего превосходства крѣпко крякнулъ, помолчалъ, засвисталъ было, но оборвалъ свистъ и продолжалъ развивать свою мысль далѣе.

— Думы! Ха! Али это для простого человѣка занятіе? Вонъ, глянь-ко, отецъ-отъ твой не мудритъ—живетъ. Милуетъ твою жену, да подсмѣивается съ ней надъ тобой, дуракомъ мудрымъ. Такъ-то! Чу, какъ они? Ахъ, ты, дуй ихъ горой! Поди, уже беременна Марька-то! Не бойсь, не въ тебя дите-то будетъ. Такой же, надо полагать, ухарь, какъ и самъ Силанъ Петровъ. А твоимъ вѣдь зачислится ребенокъ-то. Дѣла! Ха, ха! „Тятька",— скажетъ тебѣ. А ты ему, значитъ, не тятька, а братъ будешь. А тятька-то у него—дѣдушка! Эхъ, ты, ловко! Эки пакостники! А удальцы народы! а? Такъ вѣдь, Митя?

— Сергѣй!—раздался страстный, взволнованный, чуть не рыдающій шопотъ.—Христа-ради прошу, не рви ты мою душу, не жги меня, отстань! Молчи! Христомъ-Богомъ прошу, не говори со мной, не растравляй меня, не соси мою кровь. Брошусь въ рѣку я, грѣхъ ляжетъ

на тебя большой! Душу мою загублю я, не трожь ты меня! Богомъ кляну—прошу!...

Тишину ночи разорвалъ болѣзненно-визгливый вопль, и Митрій, какъ стоялъ, опустился на брёвна, точно его пришибло что-то тяжелое, упавшее на него сверху изъ угрюмыхъ тучъ, нависшихъ надъ чёрной рѣкой.

— Ну, ну, ну!—боязливо заворчалъ Сергѣй, поглядывая, какъ его товарищъ метался по бревнамъ, точно обожженный огнемъ.

— Чудакъ человѣкъ! Этакій чудакъ... сказалъ бы, чай... коли не тово тебѣ... не этово...

— Всю дорогу ты мучишь меня... за что? Ворогъ я тебѣ? а? ворогъ?—горячо шепталъ Митя...

— Чудакъ ты, братъ! Ахъ, какой чудакъ!—смущенно и обиженно бормоталъ Сергѣй.—Рази я зналъ что? Мнѣ твоя душа невѣдома, чай!

— Забыть я хочу это, пойми! Забыть на всю жизнь! Позоръ мой... мука лютая... Свирѣпые вы люди! Уйду я! Навѣкъ уйду... Не въ мочь мнѣ...

— Да уходи!...—гаркнулъ Сергѣй на всю рѣку, подкрѣпилъ восклицаніе громоподобнымъ циничнымъ ругательствомъ и сразу осѣкся, какъ-то съежился и присѣлъ, очевидно, тоже подавленный развернувшейся предъ нимъ душевной драмой, не понимать которой теперь онъ не могъ уже.

— Эй вы! Вамъ орутъ! Оглохли, что ль!?—носился надъ рѣкой голосъ Силана Петрова.—Что у васъ? Чего лаете? а-эй!

Должно быть, Силану Петрову нравилось шумѣть на рѣкѣ среди тяжелаго молчанія своимъ густымъ и крѣпкимъ басомъ, полнымъ мощнаго здоровья. Окрики слились одинъ за другимъ, сотрясая воздухъ, теплый и сырой, подавляя своей жизненной силой тщедушную фигуру Митрія, уже снова стоявшаго у весла. Сергѣй, во всю мочь отвѣчая хозяину, въ то же время вполголоса ругалъ его крѣпкой и соленой русской руганью.

Два голоса рвали тишину ночи, будили ее, встряхивали и то сливались въ одну густую ноту, сочную, какъ звукъ большой мѣдной трубы, то, возвышаясь до фальцета, плавали въ воздухѣ, гасли и гибли. Потомъ—снова стало тихо.

Сквозь разрывъ въ тучахъ на темную воду пали желтыя пятна лунныхъ лучей и, посверкавъ съ минуту, исчезли, стертыя сырой тьмой.

Плоты плыли дальше посреди тьмы и молчанія.

II.

У одного изъ переднихъ веселъ стоялъ Силанъ Петровъ, въ широкой красной рубахѣ съ разстегнутымъ воротомъ, обнажившимъ его могучую шею и волосатую, прочную, какъ наковальня, грудь. Шапка сивыхъ волосъ нависла ему на лобъ, и изъ-подъ нея усмѣхались большіе, горячіе каріе глаза. По локоть засученные рукава рубахи обнажали жилистыя руки, крѣпко державшія весло, и, немного подавшись корпусомъ впередъ, Силанъ что-то зорко высматривалъ въ густой тьмѣ дали.

Марька стояла въ трехъ шагахъ отъ него, къ теченію бокомъ, и съ довольной улыбкой поглядывала на широкогрудую фигуру милаго. Оба молчали, занятые наблюденіемъ: онъ—за далью, она—за игрой его живого бородатаго лица.

— Костеръ рыбацкій, должно!—поворотился онъ къ ней лицомъ.—Ничего. Держимъ прямо!—О-охъ!—выдохнулъ онъ изъ себя цѣлый столбъ горячаго воздуха, ровно ударивъ весломъ влѣво и мощно проводя имъ по водѣ.

— Не натужься больно-то, Машурка!—замѣтилъ онъ, видя, что и она дѣлаетъ тоже ловкое движеніе своимъ весломъ.

Кругленькая, полная, съ черными бойкими глазами и румянцемъ во всю щеку, босая, въ одномъ мокромъ

сарафанѣ, приставшемъ къ ея тѣлу и ясно обрисовывавшемъ его,—она повернулась къ Силану лицомъ и, ласково улыбаясь, сказала:

— Ужъ больно ты бережешь меня. Чай, я слава-те Господи!

— Цѣлую—не берегу!—передернулъ плечами Силанъ.

— И не слѣдъ!—вызывающе прошептала она.

И оба они замолчали, оглядывая другъ друга жадными взглядами.

Подъ плотами мелодично журчала вода. Справа, далеко гдѣ-то, запѣли пѣтухи.

Чуть замѣтно колыхаясь подъ ногами, плоты плыли впередъ, туда, гдѣ тьма уже рѣдѣла и таяла, а облака принимали болѣе рѣзкія очертанія и свѣтлые оттѣнки.

— Силанъ Петровичъ! Знаешь, чего они тамъ визжали? Я знаю, право-слово, знаю! Это Митрій жалился на насъ Сережкѣ, да и проскулилъ такъ-то жалобно съ тоски, а Сережка-то и ругнулъ насъ.

Марья пытливо уставилась въ лицо Силана, теперь, послѣ ея словъ—суровое и холодно-упрямое.

— Ну, такъ что?—коротко спросилъ онъ.

— Такъ, молъ. Ничего.

— А коли ничего, такъ и говорить было нечего.

— Да ты не серчай!

— На тебѣ-то? Й радъ бы иной разъ, да не въ силу.

— Любишь Машку? — шаловливо прошептала она, наклонясь къ нему.

— Э-эхъ!—выразительно крякнулъ Силанъ и, протянувъ къ ней свои сильныя руки, сквозь зубы сказалъ:

— Иди что ли... Не задорь...

Она изогнулась, какъ кошка, и мягко прильнула къ нему.

— Опять собьемъ плоты-то!—шепталъ онъ, цѣлуя ея лицо, горѣвшее подъ его губами.

— Будетъ ужъ! Свѣтаетъ... Видно насъ съ того конца.

И кивнувъ головой въ задъ плотовъ, она попыталась оттолкнуться отъ него. Но онъ еще крѣпче прижалъ ее одной рукой, а другой взялъ за руль.

— Видно? Пускай видятъ! Пускай всѣ видятъ! Плюю на всѣхъ. Грѣхъ дѣлаю, точно. Знаю. Ну-къ что жъ? Подержу отвѣтъ Господу. А все жъ таки женой ты его не была. Свободная, стало быть, ты сама своя... Тяжко ему? Знаю. А мнѣ? Али снохачомъ быть лестно? Хоть оно, положимъ, ты не жена ему... А все жъ! Съ моимъ-то почетомъ—каково мнѣ теперь? А передъ Богомъ не грѣхъ? Грѣхъ! Все знаю! И все преступилъ. Потому—стоитъ! Одинъ разъ на свѣтѣ-то живутъ, и кажинный день умереть можно. Эхъ, Марья! Мѣсяцъ бы мнѣ одинъ погодить Митьку-то женить! Ничего бы этого не было. Сейчасъ бы послѣ смерти Анѳисы сватовъ я къ тебѣ заслалъ—и шабашъ! Въ законѣ. Безъ грѣха, безъ стыда. Ошибка моя была. Сгрызетъ она мнѣ лѣтъ пятокъ—десятокъ, ошибка эта. Умрешь отъ нея раньше смерти...

Силанъ Петровъ говорилъ спокойно, рѣшительно, и на его энергичномъ лицѣ отражалось желѣзное упорство, точно онъ сейчасъ вотъ собирался отстаивать предъ кѣмъ-то свое право любить.

— Ну, ладно, брось, не тревожь себя. Было говорено про это неразъ ужъ, — прошептала Марья и, тихонько освободившись отъ его объятій, подошла къ своему веслу. Онъ сталъ работать порывисто и сильно, какъ бы желая дать исходъ той тяжести, что легла ему на грудь и омрачила его красивое лицо.

Свѣтало.

И тучи, рѣдѣя, лѣниво расползались по небу, какъ бы не желая дать мѣста всходившему солнцу. Вода рѣки стала свѣтлой и пріобрѣла холодный блескъ матовой стали.

— Опять онъ, намедни, толковалъ. Батюшка, говоритъ, али это не стыдъ-позоръ тебѣ и мнѣ? Брось ты ее, тебя-то то-есть, — усмѣхнулся Силанъ Петровъ, —

брось, говоритъ, войди въ мѣру. Сынъ, молъ, мой милый, отойди прочь, коли живъ быть хошь! Разорву въ куски, какъ тряпицу гнилую. Ничего отъ твоей добродѣтели не останется. На муку, молъ, себѣ родилъ я тебя, выродка. Дрожитъ. Батюшка! али, говоритъ, я виноватъ? Виноватъ, молъ, комаръ пискливый, — потому камень ты на моей дорогѣ. Виноватъ, молъ, потому постоять за себя не умѣешь. Мертвечина, молъ, ты, стерва тухлая. Кабы, молъ, ты здоровъ былъ,—хоть бы убить тебя можно было, а то и этого нѣтъ. Жалко тебя, кикимору несчастную. Воетъ!—Эхъ, Марья! Плохи люди стали! Другой бы—э-эхма! Выбился бы изъ петли-то скоро. А мы—въ ней! Да, можетъ, такъ и затянемъ другъ друга.

— Это ты о чемъ?—робко спросила Марья, съ испугомъ глядя на него, суроваго, мощнаго и холоднаго.

— Такъ... Умеръ бы онъ... Вотъ что. Кабы умеръ... ловко бы! Все бы въ колею вскочило. Отдалъ бы твоимъ землю, замазалъ бы имъ глотки-то, а съ тобой—въ Сибирь... али на Кубань! Кто такая? Жена моя! Поняла? Документъ бы такой достали... бумагу. Лавку бы открылъ въ деревнѣ гдѣ. И жили бы. И грѣхъ нашъ передъ Господомъ замолили бы. Много ли намъ надо? Помогли бы людямъ жить, а они бы помогли намъ совѣсть успокоить... Хорошо? а? Маша!?...

— Да-а!—вздохнула она и крѣпко, зажмуривъ глаза, задумалась о чемъ-то.

Они помолчали... Журчала вода...

— Чахлъ онъ... Можетъ, скоро умреть,—глухо сказалъ Силанъ Петровъ.

— Дай-ко Ты, Господи, поскорѣе бы!—молитвенно произнесла Марья и перекрестилась.

. . . .

Брызнули сквозь тучи лучи весенняго солнца и заиграли на водѣ золотомъ и радугой. Дунулъ вѣтеръ, все дрогнуло, ожило и засмѣялось. Голубое небо между

тучѣ тоже улыбалось раскрашенной солнцемъ водѣ. А тучи остались уже сзади плотовъ.

Тамъ, собравшись въ тяжелую темную массу, онѣ раздумчиво и неподвижно стояли надъ широкой рѣкой, точно выбирая путь, которымъ скорѣе уйдешь отъ живого солнца весны, богатаго блескомъ и радостью, и врага имъ, матерямъ зимнихъ вьюгъ, запоздавшимъ отступить предъ весной.

Впереди плотовъ сіяло чистое, ясное небо, и солнце, еще холодное по-утреннему, но нестерпимо яркое по-весеннему, важно и красиво всходило все выше въ голубую пустыню неба изъ пурпурно-золотыхъ волнъ рѣки.

Справа отъ плотовъ былъ виденъ коричневый горный берегъ въ зеленой бахромѣ лѣса, слѣва—блѣдно-изумрудный коверъ луговъ блестѣлъ брильянтами росы.

Въ воздухѣ поплылъ сочный запахъ земли, только-что рожденной травы и смолистый ароматъ хвои.

Силанъ Петровъ посмотрѣлъ на заднія вёсла.

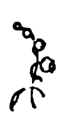
Сергѣй и Митрій точно приросли къ нимъ. Но еще трудно было, за далью, видѣть выраженіе ихъ лицъ.

Онъ перевелъ глаза на Марью.

Ей было холодно. Стоя у весла, она сжалась въ комокъ и стала совсѣмъ круглой. Вся облитая солнцемъ, она смотрѣла впередъ задумчивыми глазами, и на ея губахъ играла та загадочная и чарующая улыбка, которая и некрасивую женщину дѣлаетъ обаятельной и желанной.

— Поглядывай въ оба, ребятушки-и! О-о!...—во всю мочь громыхнулъ Силанъ Петровъ, чувствуя мощный приливъ энергіи и бодрости въ своей широкой груди.

И отъ его крика все кругомъ какъ бы колыхнулось. Долго по горному берегу звучало эхо.

БОЛЕСЬ.

(1896.)

Одинъ знакомый какъ-то разъ вотъ что разсказалъ мнѣ:

„Когда я былъ въ Москвѣ студентомъ, мнѣ довелось жить рядомъ съ одной изъ „этихъ"... знаешь? Она была полька, звали ее Тереза. Высокая такая, сильная брюнетка, съ черными, сросшимися бровями и съ лицомъ большимъ, грубымъ, точно вырубленнымъ топоромъ—она приводила меня въ ужасъ животнымъ блескомъ своихъ темныхъ глазъ, густымъ, басовитымъ голосомъ, извозчичьими ухватками, всей своей громадной мускулистой фигурой рыночной торговки... Я жилъ на чердакѣ, и ея дверь была противъ моей. Я, бывало, никогда не отворялъ моей двери, если зналъ, что она дома. Но это, конечно, случалось рѣдко. Иногда мнѣ приходилось встрѣчаться съ ней на лѣстницѣ, на дворѣ, и она улыбалась мнѣ улыбкой, которую я считалъ хищной и циничной. Неразъ я видѣлъ ее пьяной, съ осовѣлыми глазами, растрепанной, улыбающейся какъ-то особенно безобразно... Въ такихъ случаяхъ она говорила мнѣ:

— „Бывайте здоровы, пане студентъ!—и глупо хохотала, увеличивая мое отвращеніе къ себѣ. Я бы съѣхалъ съ квартиры, чтобъ избавиться отъ такихъ встрѣчъ и привѣтствій, но у меня была такая миленькая комнатка

съ широкимъ видомъ изъ окна, и такъ тихо было въ этой улицѣ... Я терпѣлъ.

И вдругъ, однажды утромъ валяюсь я на койкѣ, стараясь найти какія-либо основанія для того, чтобъ не идти на лекціи,—отворяется дверь, и эта отвратительная Тереза возглашаетъ съ порога басомъ:

— „Бывайте здоровы, пане студентъ!

— „Что вамъ угодно?—говорю. Вижу—лицо у нея смущенное, просительное... Необычное для нея лицо.

— „Видите ли, пане, буду я васъ просить объ одномъ дѣлѣ... Ужъ вы сдѣлайте мнѣ его!

„Я лежу, молчу и думаю:

„Подвохъ! Покушеніе на мою чистоту, ни больше ни меньше!

„Крѣпись, Егоръ.

— „Нужно бы мнѣ, видите, письмо послать на родину,—говоритъ она, и такъ умоляюще, тихо, робко.

„Э, думаю, чортъ съ тобой, изволь! Всталъ, сѣлъ къ столу, взялъ бумагу и говорю:

— „Проходите сюда, садитесь и диктуйте...

„Она проходитъ, осторожно садится на стулъ и съ виноватымъ видомъ смотритъ на меня.

— „Ну-съ, кому письмо?

— „По варшавской дорогѣ, въ городъ Свѣнцяны, Болеславу Кашпуту...

— „Что писать... Говорите...

— „Милый мой Болесь... сердце мое... Мой вѣрный возлюбленный... Да сохранитъ тебя Матерь Божія! Золотое мое сердце, почему ты такъ давно не писалъ своей тоскующей голубкѣ Терезѣ...

Я чуть-чуть не расхохотался. „Тоскующая голубка" двѣнадцати вершковъ роста, съ пудовымъ кулачищемъ и съ такой черной рожей, какъ будто голубка всю жизнь трубы чистила и ни разу не умывалась! Сдержался кос-какъ, спрашиваю:

— „Онъ кто, этотъ Болесть?

— „Болесь, пане студентъ, — какъ будто обидѣлась она на меня за то, что я исковеркалъ имя.—Онъ, Болесь, женихъ мой...

— „Женихъ?!?

— „А чего же панъ такъ удивился? Развѣ жъ у меня, у дѣвушки, не можетъ быть жениха?

„У нея, у дѣвушки?!... Хорошо?

— „О, почему же! Все бываетъ... А давно онъ вашъ женихъ?...

— „Шестой годъ...

„Ого-го!—думаю я. Ну, написали мы письмо. Такое, я вамъ скажу, нѣжное и любовное, что я бы самъ, пожалуй, помѣнялся мѣстомъ съ этимъ Болесемъ, если бъ корреспонденткой была не Тереза, а что-нибудь другое, поменьше ея.

— „Вотъ отъ души спасибо вамъ, пане, за услугу!— говоритъ мнѣ Тереза, кланяясь.—Можетъ, и я могу вамъ чѣмъ послужить?

— „Нѣтъ ужъ, покорно благодарю!

— „А можетъ, у пана рубаха или штаны въ дыркахъ?

„Чувствую, что этотъ мастодонтъ въ юбкѣ вогналъ меня въ краску, и довольно рѣзко заявляю, что не нуждаюсь въ ея услугахъ.

„Ушла.

„Прошло недѣли съ двѣ... Вечеръ. Сижу подъ окномъ и свищу, думая, чѣмъ бы мнѣ отвлечь себя отъ себя? Скучно, а погода скверная, идти никуда не хочется, и отъ скуки я занимался самоанализомъ, помню. Это тоже довольно-таки скучно, но больше ничего дѣлать не хотѣлось. Отворяется дверь—слава Богу! кто-то пришелъ...

— „А что, панъ студентъ не займуется никакимъ спѣшнымъ дѣломъ?

„Тереза! Гмъ...

— „Нѣтъ... а что?

— „Хотѣла бы попросить пана еще письмо написать...

— „Извольте... Къ Болесю?...

— „Нѣтъ, теперь ужъ отъ него...

— „Что-о?

— „О, глупая женщина! Не такъ я, пане, сказала, простите! Теперь ужъ, видите ли, нужно не мнѣ, а одной подругѣ... т.-е. не подругѣ, а... одному знакомому... Онъ самъ не пишетъ... а у него есть невѣста, какъ я же вотъ... Тереза... Такъ вотъ, можетъ быть, панъ напишетъ письмо къ той Терезѣ?

„Смотрю я на нее—рожа у нея смущенная, пальцы дрожатъ, путается чего-то—и... догадываюсь!

— „Вотъ что, сударыня,—говорю,—никакихъ Болесей и Терезъ у васъ нѣтъ и все это вы врете. А около меня вамъ не обрыбиться и въ знакомство вступать я съ вами не хочу... Поняли?

„Она вдругъ какъ-то странно испугалась, растерялась, начала топтаться на одномъ мѣстѣ и стала смѣшно шлепать губами, желая что-то сказать и ничего не говоря. Я жду, что изъ всего этого воспослѣдуетъ, и вижу, и чувствую, что, кажется, немного ошибся, заподозривъ ее въ желаніи совратить меня съ путей благочестія. Тутъ, какъ будто бы, что-то другое.

— „Панъ студентъ,—начала она, и вдругъ, махнувъ рукой, круто повернулась къ двери и ушла. Я остался съ очень сквернымъ чувствомъ на душѣ, слышу—у нея хлопнула дверь, громко такъ—разсердилась, видно, бабища... Подумалъ и рѣшилъ—пойду къ ней и, позвавъ ее сюда, напишу ей все, что тамъ надо.

„Вхожу въ ея комнату—вижу, она сидитъ у стола, облокотилась на него и голову сжала руками.

— „Послушайте,—говорю...

„.... Всегда вотъ, когда я разсказываю эту исторію и дойду до этого мѣста, ужасно нелѣпо чувствую себя... такая глупость! Да-а...

— „Послушайте, говорю...

„Она вскакиваетъ съ мѣста, идетъ на меня, сверкая

глазами, и начинаетъ, положивъ мнѣ руки на плечи, шептать... вѣрнѣе, гудѣть своимъ басомъ...

— „Ну что жъ? Ну? Такъ! Нѣтъ никакого Болеся, нѣтъ... И Терезы тоже нѣтъ! А вамъ что? Вамъ трудно поводить перомъ по бумагѣ, да? Эхъ, вы! А еще такой... бѣленькій! Никого нѣтъ, ни Болеся, ни Терезы, только я одна есть!—Ну, что жъ, ну?

— „Позвольте,—говорю я, ошеломленный этимъ пріемомъ,—въ чемъ дѣло?—Болеся нѣтъ?

— „Да, нѣтъ! Такъ что жъ?

— „А Терезы—тоже нѣтъ?

— „И Терезы нѣтъ! Я—Тереза!

„Ничего не понимаю! Таращу на нее глаза и пытаюсь опредѣлить, кто изъ насъ сошелъ съ ума? А она ушла опять къ столу, порылась тамъ, идетъ ко мнѣ и обиженно говоритъ:

— „Если вамъ ужъ такъ трудно было написать Болесю, то вотъ оно, ваше писанье, возьмите! А мнѣ и другіе напишутъ...

„Вижу—въ рукѣ у меня письмо къ Болесю. Ф-фу!

— „Слушайте, Тереза! Что все это значитъ? Зачѣмъ вамъ нужно, чтобы писали другіе, если я вотъ написалъ, а вы его не послали?

— „Куда?

— „А къ этому... къ Болесю?

— „Да его же нѣтъ!

„Рѣшительно ничего не понимаю! Оставалось только плюнуть и уйти. Но она объяснилась.

— „Что же?—обиженно заговорила она.—Нѣтъ его, такъ и нѣтъ! И развела руками, какъ бы не понимая, почему же это его нѣтъ.

— „А мнѣ хочется, чтобъ онъ былъ... Развѣ жъ я не человѣкъ, какъ всѣ? Конечно, я... я знаю... Но вѣдь никому нѣтъ вреда отъ того, что я пишу ему...

— „Позвольте—кому?

— „Да Болесю жъ!

— „Да вѣдь его нѣтъ?

— „Ахъ, Іезусъ-Марія! Ну что же, что нѣтъ,—ну? Нѣтъ, а будто бы есть!... Я пишу къ нему, ну, и выходитъ, какъ бы онъ есть... А Тереза—это я, и онъ мнѣ отвѣчаетъ, а я опять ему...

„Я понялъ... Мнѣ стало такъ больно, такъ скверно, такъ стыдно чего-то. Рядомъ со мной, въ трехъ шагахъ отъ меня живетъ человѣкъ, у котораго нѣтъ на землѣ никого, кто бы могъ отнестись къ нему любовно, сердечно, и этотъ человѣкъ выдумываетъ себѣ друга!

— „Вотъ вы мнѣ написали письмо къ Болесю, а я его дала другому прочитать, и когда мнѣ читаютъ, я слушаю и думаю, что Болесь есть! И прошу написать письмо отъ Болеся къ Терезѣ... ко мнѣ. Когда такое письмо мнѣ напишутъ да читаютъ, я ужъ совсѣмъ думаю, что Болесь есть. А отъ этого мнѣ легче живется...

„... Да-съ... Чортъ возьми!... Ну, я съ той поры аккуратно сталъ два раза въ недѣлю писать письма къ Болесю и отвѣтъ отъ Болеся къ Терезѣ. Хорошо я писалъ эти отвѣты... Она, бывало, слушаетъ ихъ и реветъ... басомъ этакимъ ревѣла. И за то, что я вызывалъ у нея письмами къ ней отъ воображаемаго Болеся слезы, она мнѣ зачинила всѣ дырки наноскахъ, рубахахъ и прочемъ... Потомъ, мѣсяца черезъ три послѣ этой исторіи, ее посадили за что-то въ тюрьму. А теперь она навѣрное умерла.“

... Мой знакомый сдунулъ пепелъ съ папиросы, задумчиво посмотрѣлъ въ небо и закончилъ:

„Н-да-съ... Чѣмъ больше человѣкъ вкусилъ горькаго, тѣмъ свирѣпѣе жаждетъ онъ сладкаго. А мы этого не понимаемъ, облеченные въ наши ветхія добродѣтели и глядя другъ на друга сквозь дымку самомнѣнія и убѣжденія въ нашей всяческой непогрѣшимости...

„Выходитъ довольно глупо и... очень жестоко. Дескать, падшіе люди... А что такое падшіе люди? Прежде всего—люди, та же самая кость, кровь, то же мясо и тѣ

же нервы, какъ и у насъ. Говорятъ намъ объ этомъ цѣлые вѣка изо дня въ день. А мы слушаемъ и... чортъ знаетъ, какъ это все нелѣпо! Или мы уже совершенно оглохли отъ громкой проповѣди гуманизма?... Въ сущности, сами-то мы тоже падшіе и, пожалуй, очень даже глубоко падшіе... въ пропасть всяческаго самомнѣнія и убѣжденія въ превосходствѣ нашихъ нервовъ и мозговъ надъ мозгами и нервами тѣхъ людей, которые только менѣе хитры, чѣмъ мы, хуже умѣютъ притворяться хорошими, чѣмъ мы притворяемся... А впрочемъ, будетъ объ этомъ. Такъ все это старо... что даже совѣстно говорить... Очень старо... да!...“

ТОСКА.

СТРАНИЧКА ИЗЪ ЖИЗНИ ОДНОГО МЕЛЬНИКА.

(1896.)

... Помолившись Богу, Тихонъ Павловичъ медленно раздѣлся и, почесывая спину, подошелъ къ кровати, наглухо закрытой пестрымъ ситцевымъ пологомъ.

— Господи, благослови!—прошепталъ онъ, затѣмъ широко зѣвнулъ, перекрестивъ ротъ, отдернулъ пологъ и сталъ смотрѣть на мощную, покрытую мягкими складками простыни, фигуру своей жены.

Сосредоточенно и подробно разсмотрѣвъ эту неподвижную, задавленную сномъ кучу жирнаго тѣла, Тихонъ Павловичъ сурово нахмурилъ брови и вполголоса сказалъ:

— Машина!...

Потомъ отвернулся къ столу, погасилъ лампу и снова заворчалъ:

— Сказалъ вѣдь я тебѣ, чорту: идемъ спать на сѣнницу; нѣтъ, не пошла! Колода дубовая! Ну-ка, подвинься малость!

И назидательно ткнувъ жену кулакомъ въ бокъ, онъ улегся съ ней рядомъ, не покрываясь простыней, а затѣмъ еще разъ крѣпко толкнулъ жену локтемъ. Она замычала, завозилась, повернулась къ нему спиной и снова захрапѣла. Тихонъ Павловичъ огорченно вздох-

нулъ и уставился глазами сквозь щель полога въ потолокъ, гдѣ дрожали тѣни, рожденныя луной и неугасимой лампадой, горѣвшей въ углу передъ иконой Спаса Нерукотвореннаго. Въ раскрытое окно лился изъ сада, вмѣстѣ съ тихимъ и теплымъ ночнымъ вѣтромъ, шелестъ листьевъ, запахъ земли и сырой кожи, только что сегодня утромъ содранной съ Гнѣдка и распяленной на стѣнѣ амбара. Доносился мягкій звукъ паденія капель воды съ мельничнаго колеса; въ рощѣ, за плотиной, гукала выпь; мрачный, стонущій звукъ тихо плавалъ въ воздухѣ; когда онъ пропадалъ—листва деревьевъ шумѣла сильнѣе, точно испуганная имъ, и откуда-то доносилась звонкая пѣснь комара.

Прослѣдивъ за тѣнями, что дрожали на потолкѣ, Тихонъ Павловичъ перевелъ глаза въ передній уголъ комнаты. Тамъ, колеблемый вѣтромъ, тихо мигалъ огонекъ лампадки; отъ этого темное лицо Спасителя то прояснялось, то темнѣло, и оно показалось Тихону Павловичу думающимъ большую и тяжелую думу. Онъ вздохнулъ и истово перекрестился.

Гдѣ-то прокричалъ пѣтухъ.

— Неужели двѣнадцать ужъ?—спросилъ самъ себя Тихонъ Павловичъ. Прокричалъ другой пѣтухъ, третій... еще и еще. Наконецъ, гдѣ-то за стѣной во всю мочь гаркнулъ Рыжій, изъ птичника ему отвѣтилъ Черный, и весь птичникъ всполошился, громко и задорно возвѣщая полночь.

— О, черти, — сердито завозился Тихонъ Павловичъ,—заснуть не могу... чтобъ вамъ треснуть!

Когда онъ обругался, ему стало какъ-то легче: проклятая, непонятная грусть, одолѣвшая его съ послѣдней поѣздки въ городъ, меньше давила его, когда онъ сердился,—а когда онъ сердился сильно, такъ и совсѣмъ пропадала. Но за эти дни дома все шло такъ ровно, гладко, что и поругаться-то хорошенько, чтобъ полностью отвести душу,—было нельзя—не съ кѣмъ и

не за что—всѣ подтянулись, замѣтивъ, что „самъ“ сильно не въ духѣ. Тихонъ Павловичъ видѣлъ, что домашніе боятся его и ждутъ грозы, и—чего раньше съ нимъ никогда не было—чувствовалъ себя виноватымъ предъ всѣми. Ему было стыдно за то, что всѣ такіе хмурые и бѣгаютъ отъ него, и еще больше овладѣвало имъ тяжелое, непонятное чувство, привезенное изъ города.

Даже Кузьма Косякъ, новый засыпка, орловецъ, зубоскалъ и задира, молодой парень, веселый и могучій, съ веселыми синими глазами и ровнымъ рядомъ мелкихъ и бѣлыхъ, какъ кипень, зубовъ, всегда оскаленныхъ задорной улыбкой,—даже этотъ Кузька, съ которымъ всегда было за что всласть поругаться, и онъ какъ-то повялъ за послѣднее время, сталъ почтителенъ и услужливъ, пѣсенъ, на которыя былъ большой мастеръ, больше не пѣлъ, мѣткими прибаутками во всѣ стороны не сыпалъ, и Тихонъ Павловичъ, замѣчая за нимъ все это, недовольно думалъ про себя: „хорошъ, видно, я чортъ сталъ!“ И думая такъ, все болѣе подчинялся чему-то, неотвязно сосавшему его сердце.

Тихонъ Павловичъ любилъ чувствовать себя довольнымъ собой и своей жизнью, и когда чувствовалъ такъ, то намѣренно и искусственно усиливалъ свое настроеніе постояннымъ напоминаніемъ себѣ о своей зажиточности, объ уваженіи къ нему сосѣдей и обо всемъ другомъ, что могло возвысить его въ своихъ глазахъ. Всѣ домашніе знали за нимъ эту слабость, которая могла и не быть честолюбіемъ, а только желаніемъ сытаго и здороваго существа, какъ можно полнѣй усладить себя ощущеніемъ своей сытости и здоровья. Это настроеніе порождало у Тихона Павловича нѣкоторую добродушную точку зрѣнія на вещи и хотя не позволяло ему упускать своего, но создало среди знакомыхъ репутацію сердечнаго и широкаго человѣка. И вотъ, вдругъ это стойкое, жизнерадостное чувство куда-то провали-

лось, улетѣло, погасло и на мѣсто его явилось нѣчто новое, тяжелое, непонятное и темное.

— Фу, ты, Господи! — прошепталъ Тихонъ Павловичъ, лежа рядомъ съ женой и прислушиваясь къ мягкимъ вздохамъ ночи за окномъ. Отъ согрѣтой пуховой перины ему стало жарко, душно; онъ безпокойно повозился, предалъ супругу анаѳемѣ, спустилъ ноги на полъ и сѣлъ на кровать, отирая потное лицо.

Въ Болотномъ, селѣ верстахъ въ пяти отъ мельницы, раздались удары сторожевого колокола. Унылые мѣдные звуки, слетая съ колокольни, тихо плавали въ воздухѣ и безслѣдно таяли. Въ саду хрустнула вѣтка, а въ рощѣ снова загукала выпь, точно смѣясь надъ чѣмъ-то глухимъ и мрачнымъ смѣхомъ.

Тихонъ Павловичъ всталъ, подошелъ къ окну и сѣлъ въ глубокое кожаное кресло, недавно купленное имъ за два рубля у раззорившейся сосѣдки, старушки-помѣщицы. Когда холодная кожа прикоснулась къ его тѣлу, онъ вздрогнулъ и оглянулся.

Было жутко. Сквозь цвѣты на подоконникѣ и вѣтви клена передъ окномъ проникли въ комнату лучи луны и нарисовали на полу тѣневой дрожащій узоръ. Одно изъ пятенъ, въ центрѣ узора, очень походило на голову хозяйки кресла. Какъ и тогда, при торгѣ, эта голова, въ темномъ, мохнатомъ чепцѣ, укоризненно качается, и старческія губы шамкаютъ ему, мельнику:

— „Побойся Бога, батюшка! Кресло покойникъ Ѳедоръ Петровичъ передъ самой смертью купилъ, 18 рублей далъ. А давно ли онъ умеръ-то? Совсѣмъ новая вещь, а ты полтора рубля даешь!...“

И покойникъ Ѳедоръ Петровичъ тутъ же, на полу: вотъ его большая, кудластая голова съ густыми хохлацкими усами.

— Господи, помилуй!—вздохнулъ Тихонъ Павловичъ. Потомъ онъ всталъ съ кресла, составилъ цвѣты съ подо-

конника на полъ, а самъ усѣлся на ихъ мѣсто. Тѣни на полу сдѣлались рѣзче и яснѣе.

За окномъ было тихо и грустно. Деревья сада стояли неподвижно, слитыя ночью въ сплошную, темную стѣну, за которой чудилось что-то страшное. А съ колеса мельницы звонко и монотонно капала вода, точно отсчитывая время. Подъ самымъ окномъ сонно покачивались длинные стебли мальвы. Тихонъ Павловичъ перекрестился и закрылъ глаза. Тогда въ его воображеніи стала медленно формироваться городская исторія, выбившая его изъ колеи.

По пыльной, залитой знойными лучами солнца, улицѣ тихо двигается похоронная процессія. Ризы священника и діакона слѣпятъ глаза своимъ блескомъ; въ рукахъ діакона позвякиваетъ кадило, маленькіе клубы голубого дыма таютъ въ воздухѣ.

— Свя-я...—тоненькимъ теноромъ выводитъ маленькій, сѣденькій священникъ.

— Тый!—громовымъ басомъ гудитъ діаконъ, высокій, черный мужчина, въ густой шапкѣ черныхъ волосъ и съ большими глазами, добрыми, то и дѣло улыбающимися.

— Бо-о-же,—сливаются оба голоса вмѣстѣ и оба уносятся въ безоблачную высь къ ослѣпительно сверкающему солнцу, гдѣ все такъ пустынно и покойно.

— Безсме-е-ртный!—реветъ діаконъ, покрывая своимъ могучимъ голосомъ всѣ звуки улицы, дребезгъ пролетокъ, шумъ шаговъ по мостовой и сдержанный говоръ большой толпы, провожающей покойника,—реветъ и, широко раскрывая глаза, поворачиваетъ свое бородатое лицо къ публикѣ, точно хочетъ сказать ей:

— Эхва! Какъ я здорово вывелъ ноту-то!?

Въ гробу лежитъ господинъ въ сюртукѣ, съ худымъ и острымъ лицомъ. На этомъ лицѣ застыла важная, спокойная мина. Гробъ несутъ неровно, и голова покойника сосредоточенно покачивается съ боку на бокъ.

Тихонъ Павловичъ взглянулъ на лицо покойника, вздохнулъ, перекрестился и, увлекаемый толпой, пошелъ за гробомъ, посматривая на діакона, заинтересовавшаго его массивностью голоса и фигуры. Діаконъ шелъ и пѣлъ, а если не пѣлъ, то разговаривалъ съ кѣмъ-нибудь изъ шедшихъ рядомъ съ нимъ. Очевидно, человѣкъ, лежавшій въ гробу, не возбуждалъ у діакона печальныхъ думъ о томъ, что и онъ подлежитъ этой натуральной повинности, что придетъ время, и его вотъ также понесутъ по улицѣ для того, чтобы зарыть въ землю; а онъ, лежа въ гробу, будетъ вотъ такъ же потряхивать головой, и не возьметъ ужъ въ то время ни одной, даже и самой простой ноты.

И Тихону Павловичу стало непріятно смотрѣть на веселаго діакона; онъ остановился и, пропустивъ мимо себя много публики, спросилъ у какого-то гимназиста:

— Кого это хоронятъ, милой?

Тотъ взмахнулъ на него глазами и ничего не сказалъ въ отвѣтъ. Это обидѣло Тихона Павловича...

— Такой молоденькій мальчишка и не имѣетъ никакого вниманія къ старшимъ! Драть бы васъ! Ты что думаешь, я не узнаю, что мнѣ надо? Фря какая!

Онъ пошелъ дальше и снова очутился около гроба. Гробъ несли чтверо, при чемъ шли очень быстро и не въ ногу. У одного изъ несшихъ все сваливалось съ носа пенснэ, и онъ, вскидывая его снова на переносицу, непремѣнно взмахивалъ при этомъ густой гривой рыжихъ волосъ.

— А покойникъ-то, видно, легонькій, — подумалъ Тихонъ Павловичъ;—чиновникъ, надо думать—они больше поджарые...

Шли такъ быстро, точно человѣкъ, лежавшій въ гробу, еще при жизни успѣлъ всѣмъ страшно надоѣсть, и всѣ теперь старались какъ можно скорѣе отдѣлаться отъ него. Тихонъ Павловичъ замѣтилъ это.

— Экъ ихъ гонятъ! Куда торопятся? Тоже люди

Божiи! Чай, поди-ка, какъ живъ былъ человѣкъ, такъ и то, и се, а умеръ — вали скорѣе въ яму: намъ некогда!

И Тихону Павловичу стало грустно: будетъ время, и его вотъ такъ потащатъ. Можетъ быть, скоро ужъ— ему сорокъ семь лѣтъ.

— А это что такое? — спросилъ самъ себя Тихонъ Павловичъ, увидѣвъ на крышкѣ гроба вѣнки, ленты съ надписями золотыми буквами и цвѣты.

— Н-да... Значитъ, персона все-таки важная. А вотъ провожатые—оборвышъ-народъ. Бѣднота все, видно... Кого это хоронятъ?—спросилъ мельникъ поровнявшагося съ нимъ благообразнаго господина въ очкахъ и съ курчавой бородой.

— Писателя...—тихо отвѣтилъ тотъ и, окинувъ фигуру Тихона Павловича взглядомъ, вразумительно добавилъ:—Сочинителя...

— Понимаемъ,—быстро откликнулся Тихонъ Павловичъ.—„Ниву“ выписываемъ, доченка читала насчетъ ихъ. Изъ важныхъ будутъ покойные-то?

— Н-нѣтъ... не изъ важныхъ...—улыбнулся его собесѣдникъ.

— Такъ... Ничего... Все-таки заслуженный мiру человѣкъ. Ина слава солнцу, ина слава лунѣ... звѣзда бо отъ звѣзды разнствуетъ во славѣ... Однако, вѣнки... А жарко сегодня!

У Тихона Павловича неизвѣстно почему щемило сердце, скверно такъ щемило—то будто ущипнетъ его, то какъ-то сдавитъ.

А голосистый дiаконъ все пѣлъ:

— Свя-тый безсмертный!...

И дребезжащiй теноръ священника, чуть пробиваясь сквозь дiаконова баса, робко и тихо просилъ:

— По-омилуй на-асъ...

Глухо топотала ногами толпа провожатыхъ, поднимая съ дороги пыль; покойникъ все качалъ головой, и

надо всѣмъ этимъ безстрастно сіяло знойное, іюльское небо.

И вотъ Тихона-Павловича охватило какое-то угнетеніе—не хотѣлось ни думать, ни разговаривать. Онъ примѣнился къ шагамъ сосѣдей и, охваченный общимъ смутнымъ настроеніемъ толпы, шелъ съ ней, чувствуя только одно это надоѣдливое нытье гдѣ-то глубоко въ груди и не находя ни силъ, ни желанья отдѣлаться отъ него.

Пришли на кладбище, остановились у ямы и поставили гробъ на бугоръ вынутой изъ ямы земли. Сдѣлали это какъ-то неловко, неумѣло. Покойникъ подвалился къ боку гроба, потомъ снова принялъ прежнюю позу; казалось, онъ посмотрѣлъ вокругъ и остался доволенъ тѣмъ, что его перестали трясти и скоро перестанутъ жарить на солнцѣ. Діаконъ все усердствовалъ, сотрясая воздухъ; священникъ не отставалъ отъ него; кто-то изъ толпы подпѣвалъ глухимъ голосомъ. Звуки носились по кладбищу и, путаясь между крестами да чахлыми деревьями, давили Тихона Павловича.

И вотъ оно—самое главное.

Благообразный господинъ, у котораго Тихонъ Павловичъ спрашивалъ о покойникѣ, подошелъ къ краю могилы и, проведя рукой по волосамъ, сказалъ:

— Господа!...

Онъ такъ это сказалъ, что мельникъ даже вздохнулъ, вздрогнулъ и уставился на него. Глаза у господина странно сверкали. Онъ то опускалъ ихъ въ гробъ, то оглядывалъ публику, и пауза между его восклицаніемъ и началомъ рѣчи была такъ длинна, что всѣ, кто былъ на кладбищѣ, успѣли притихнуть и какъ-то замереть въ ожиданіи. И вотъ раздался мягкій, грудной, такой вдумчивый и печальный голосъ. Говорившій плавно помахивалъ рукой въ тактъ своимъ словамъ; его глаза горѣли подъ очками, и хотя Тихонъ Павловичъ плохо понималъ то, что говорилъ этотъ

господинъ, однако, онъ узналъ изъ его рѣчи, что покойникъ былъ бѣденъ, хотя двадцать лѣтъ онъ неустанно трудился на пользу людей, что у него не было семьи, что при жизни никто имъ не интересовался и никто его не цѣнилъ, и что онъ умеръ отъ истощенія, въ больницѣ, одинокій, какимъ онъ былъ всю свою жизнь. Тихону Павловичу стало жаль покойника, и ноющая боль въ груди усилилась. Онъ пристально уставился на него, измѣрилъ глазами его худое, изможденное лицо, маленькую, тонкую и прямую фигурку и вдругъ нашелъ, что этотъ покойникъ похожъ на гвоздь. Онъ улыбнулся своей мысли. И въ то же время благообразный господинъ, повысивъ голосъ, произнесъ: „Удары судьбы одинъ за другимъ падали на его голову, и вотъ она, наконецъ, забила этого человѣка, посвятившаго всего себя неблагодарной, черной подготовительной работѣ по устройству на землѣ хорошей жизни для людей! Для всѣхъ людей, безъ разбора...“

Какъ разъ въ это время глаза оратора остановились на лицѣ Тихона Павловича и, поймавъ его улыбку, сурово сверкнули. Мельникъ смутился и попятился назадъ, чувствуя себя виноватымъ и предъ покойникомъ, и предъ тѣмъ человѣкомъ, что разсказывалъ о немъ.

Солнце пекло безпощадно, синее небо смотрѣло спокойно-глубоко на ниву мертвыхъ, на толпу вокругъ свѣжей могилы, а голосъ оратора все звучалъ, печальный и задушевный.

Тихонъ Павловичъ вертѣлъ головой, разглядывалъ сумрачныя лица слушателей и чувствовалъ, что не его одного, всѣхъ охватываетъ тоска.

— „Засыпали мы наши души хламомъ повседневныхъ заботъ и привыкли жить безъ души, до того привыкли, что и не замѣчаемъ, какіе всѣ мы стали деревянные, безчувственные, мертвые. И люди такіе, какъ онъ, непонятны намъ“...—слушалъ Тихонъ Павловичъ. „Онъ“—это покойникъ, и всѣ, значитъ, покойники,

коли вѣрить этому благообразному господину, — всѣ, потому что у всѣхъ души засыпаны хламомъ.

— Вѣрно!— сказалъ онъ тогда про себя.—Это такъ... Развѣ я не забылъ про свою душу!? Господи!—Тихонъ Павловичъ вздохнулъ и открылъ глаза. Струя теплаго воздуха влилась въ окно изъ сада и обдала замечтавшагося человѣка запахомъ росистой травы, цвѣтовъ и затхлой воды изъ пруда. Тѣни на полу дрожали сильнѣе, точно пробуя подняться и улетѣть. Мельникъ всталъ съ подоконника, снова придвинулъ кресло къ окну и подошелъ къ кровати. Разметавшись по перинѣ, жена сопѣла и всхрапывала, широко раскинувъ пухлыя руки. Эти руки и обнаженная грудь показались Тихону Павловичу чѣмъ-то неумѣстнымъ въ эту ночь и какъ бы задиравшимъ его. Сердито набросивъ на тѣло жены простыню, онъ взялъ подушку и снова, подойдя къ окну, сѣлъ въ кресло, положилъ подушку на подоконникъ, облокотился на нее и сталъ думать. Съ этихъ похоронъ родилось въ немъ что-то такое, что позволяло ему смотрѣть на себя какъ бы совсѣмъ на другого человѣка, хоть и хорошо знакомаго ему, но въ то же время чѣмъ-то новаго.

— Ай, ай, ай, Тихонъ, ай, ай, ай!—прошепталъ онъ, покачавъ головой.—Что же это ты, братецъ мой, а?— упрекнулъ онъ себя не то за старую, не то за новую охватившую его тоскливую жизнь. И ему почему-то вдругъ вспомнилась стая бѣлыхъ голубей, плававшая высоко въ небѣ надъ кладбищемъ въ памятный день похоронъ. Онъ, закрывъ глаза, представилъ себѣ эти бѣлыя точки въ голубомъ небѣ... и снова молча упрекнулъ себя...

— Что, братъ, видно приспичило? Вотъ и живи теперь... майся.

А кругомъ все было такъ отчетливо ясно и въ то же время боязливо тихо, точно ждало чего-то. И внѣобиходныя, безпокойныя, тормозящія правильное теченіе

жизни думы все шевелились въ непривычной къ нимъ головѣ мельника, одна за другой являлись, исчезали и снова являлись, но уже въ большемъ объемѣ, болѣе тяжелыя. Такъ въ ясный лѣтній день по небу пробѣжитъ легкій обрывокъ облака и скроется, растая гдѣ-то въ лучахъ солнца... но вотъ еще одинъ... еще... еще... и хмурая грозовая туча, насупясь и глухо ворча, медленно ползетъ надъ землей. У мельника отъ его думъ явилась какая-то особая, незнакомая ему раньше, способность все подмѣчать и запоминать и ко всему прилагать вопросъ: „а зачѣмъ это нужно?“

Никто изъ людей не застрахованъ отъ наплыва думъ, потрясающихъ привычную имъ жизнь, и всѣхъ одинаково легко можетъ довести до тоски суровый вопросъ: „зачѣмъ?“

— Угнетаемъ мы душу!—вспомнилъ мельникъ восклицаніе оратора и поежился. Тотъ человѣкъ крикнулъ эти слова такимъ чувствительнымъ голосомъ и потомъ печально улыбнулся. И Тихонъ Павловичъ чувствуетъ правоту его словъ.

— Вѣрно—не живетъ душа-то. Дѣла все—главная причина; о душѣ-то подумать некогда. А она вдругъ и тово... и возстала, значитъ. Пустой часъ улучила, да и воспряла... Вотъ-те и дѣла! И къ чему очень ужъ много дѣловъ затѣвать, коли все равно умрешь? Для чего готовимъ себя, ежели гольемъ жизнь-то взять? Для... смерти... Съ чѣмъ пойдемъ предъ лицо Господа? Вотъ душа-то и напоминаетъ: встрепыхнись, дескать, человѣкъ, потому что часъ твой тебѣ невѣдомъ... Господи, помилуй!—Тихонъ Павловичъ вздрогнулъ, перекрестился и посмотрѣлъ въ уголъ на ликъ Спасителя. Тѣни отъ лампады все дрожали на немъ, онъ былъ такъ теменъ и строгъ и, казалось, все думалъ свою большую думу. У мельника въ груди стало холодно. А вдругъ онъ сейчасъ вотъ... или нѣтъ, завтра... Вдругъ онъ завтра

умреть! Это бываеть съ человѣкомъ—сразу, безъ всякой болѣзни упалъ, да и умеръ...

— Анна!—громко зоветъ Тихонъ Павловичъ.—Анна, проснись ты хоть на минутку, ради Бога. Человѣкъ мучается, а она спитъ!

Но жена не слышитъ, подавленная сномъ. И не дождавшись ея отвѣта, Тихонъ Павловичъ всталъ, одѣлся и, сопровождаемый ея храпомъ, вышелъ изъ комнаты на крыльцо, постоялъ на немъ съ минуту и тихонько отправился въ садъ. Уже свѣтало. Востокъ блѣднѣлъ, и узкая алая полоса зари лежала на краю сизой тучи, неподвижно застывшей на горизонтѣ. Клены и липы тихонько качали вершинами; роса падала невидимыми глазомъ каплями; гдѣ-то далеко трещалъ коростель, а за прудомъ въ рощѣ грустно посвистывалъ скворецъ. Свѣжо... И скворцу, должно быть, хорошо...

— А и голова у этого барина! Большія у него думы... Вотъ бы съ нимъ по душѣ поговорить. Онъ бы мнѣ и объяснилъ, какъ и что... А развѣ я самъ что могу? Совсѣмъ и не къ тому у меня голова приспособлена!

Мельникъ печально поникъ своей неприспособленной къ большимъ думамъ головой и все-таки продолжалъ думать.

— Съѣздить развѣ мнѣ къ учителю въ Ямки? Онъ тоже тово... гвоздь. Попъ Алексѣй говоритъ, что это онъ меня пропечаталъ въ газетѣ. Ишь, желторылый аспидъ!

Тихонъ Павловичъ вспомнилъ, какъ ему было стыдно, когда дочь прочитала въ газетѣ о его удалой операціи съ кирюшинскими мужиками, и какъ она, закрывъ лицо газетой, тихонько спросила:

— Папаша, развѣ это такъ было?

Онъ разозлился тогда.

— Развѣ грабитель отецъ-то твой? Такъ было! Дура, чему учишься въ гимназіи-то?

А было-то именно такъ, какъ написалъ учитель. Но не сознаваться же въ этомъ передъ дочерью! Чего она

понимаетъ? Теперь онъ квитъ съ кирюшинскими: когда у него плотину чуть не размыло, и они ее крѣпили—половину своего воротили назадъ: по три цѣлковыхъ за день на рыло содрали съ него. Война! Сплошалъ—и кончено—крышка тебѣ. Да... Учитель-то при этомъ присутствовалъ.

— Что,—говоритъ,—купецъ, и васъ прижали? И смѣется. Лицо у него сухое, желтое, строгое.

— Плохи же вы, все-таки, купецъ... Жадны, а плоховаты.

Мельникъ сердится и чувствуетъ—правда! И жаденъ—правда, и плохъ—тоже правда.

— Скоро ли, о, Господи, разсвѣтетъ?—съ тоской подумалъ онъ.—Скоро ужъ:—алая полоса на краю тучи стала и ярче, и шире.

Вотъ гдѣ-то разговариваютъ люди. Мельникъ подошелъ къ плетню и легъ на скамью возлѣ него, чувствуя, что ему не можется отъ безсонницы. А голоса людей, звучно разносясь въ звонкомъ предутреннемъ воздухѣ, все приближались...

— Не проси, Мотря, не теряй попусту словъ—не останусь!

Тихонъ Павловичъ вздрогнулъ и привсталъ на скамьѣ, опершись на локоть. Говорили близко, тутъ сейчасъ же за плетнемъ, въ кустахъ бузины. Это Кузьма Косякъ, засыпка, съ кѣмъ-то.

— Не проси, говорю! Не въ моей это силѣ, чтобы здѣсь остаться; уйду я за Кубань...

— А я-то какъ же, Кузя? Ты подумай, какъ я безъ тебя-то буду? Вѣдь люблю я тебя, соколика, лю-юблю, вольный ты мой!—отвѣчалъ Кузькѣ низкій женскій контральто.

— Э, Мотря! Многія меня ужъ любили, со всѣми я распрощался, и ничего себѣ—повыходили замужъ да позакисли въ работѣ! Встрѣтишь иной разъ, посмотришь—своимъ глазамъ вѣры нѣтъ. Да развѣ это онѣ—

тѣ самыя, которыхъ я цѣловалъ да миловалъ? Ну-ну! Одна другой вѣдьмистѣй. Нѣтъ ужъ, Мотря, не мнѣ на роду писано жениться, да, дурашка, не мнѣ. Волю мою ни на какую жену, ни на какія хаты не смѣняю. Родился я, слышь, подъ заборомъ и помру подъ нимъ. Судьба такая. По сѣдые волосы вдоль да поперекъ шляться буду... А на одномъ мѣстѣ скучно мнѣ...

— А меня-то? Кузя, меня-то? Я-то куда дѣнусь отъ тебя? Подумай-ка! Али ты меня не любишь ужъ? Али ты меня не жалѣешь?

— Тебя-то, тебя-то... А тебя я здѣсь оставлю... за вдоваго Чекмарева замужъ выйдешь... Дѣти у него есть... да ничего, самъ онъ мужикъ хорошій.

— Не лю-юбишь ты меня!...—какъ-то выдохнула изъ себя, а не сказала женщина.

— Не люблю!... Видно вотъ люблю, коли разговариваю. Не любилъ бы, такъ не возился бы. Съ дѣвками потому и время теряютъ, что любятъ ихъ, а ежели ихъ не любить—куда онѣ тогда? И жалко мнѣ тебя... да вѣдь какъ кого ни жалко, а себя всегда жалчѣй. Было бы, поди-ка, гораздо хуже, если мы съ тобой, поругавшись, разстались. Вѣрно вѣдь? А теперь вотъ по душамъ—любовно, ласково все выходитъ. Я, значитъ, въ свою пойду сторону, ты—въ свою, кому куда судьба. Эхма, чего тутъ толковать! Цѣлуй, что ли, еще разокъ, горлинка!

Звуки поцѣлуевъ коснулись слуха Тихона Павловича и растаяли въ шелестѣ листвы. Скворецъ распѣлся громче и веселѣй, пѣтухи за мельницей встрѣчали разсвѣтъ, и онъ быстро шелъ навстрѣчу пробуждавшейся землѣ.

— Охъ, милый ты мой, Кузя... хорошій ты мой! Возьми ты меня, горюшу!—снова громко зашептала дѣвушка.

— Вотъ-те и на! Она опять за свое... Я ее цѣлую,

милую, какъ путную, а она мнѣ камнемъ на шею виснетъ. Ну дѣвка! И всегда вотъ эта канитель съ вами.

— Да, али я не человѣкъ?...

— Ну, человѣкъ. Ну? А я? Я, значитъ, не человѣкъ? Скажетъ тоже... Сошлись мы съ тобой по-любу... ну, и пришло вотъ время разойтись. Тоже надо по-любу. Тебѣ жить надо, и мнѣ тоже; путать другъ друга намъ не слѣдъ... Жить надо и такъ, и этакъ—во всю чтобы! А ты нюнишь! Дурашка! А ты вспомни: сладко цѣловаться со мной? Ну? Эхъ, ты... аладья...

Снова зазвучали поцѣлуи, прерываемые страстнымъ, задыхающимся шопотомъ и глубокими стонущими вздохами.

Вдругъ вершины деревьевъ и все кругомъ и само небо точно дрогнуло и улыбнулось свѣжей, румяной улыбкой—это первый солнечный лучъ глянулъ на землю. И какъ бы привѣтствуя его, раздался ласковый шумъ пробужденія соннаго сада, дунулъ вѣтерокъ, свѣжій, бодрящій, полный разнообразныхъ запаховъ.

Звучныя, теноровыя рѣчи Кузьки Косяка, полныя сознанія независимости и увѣренности въ правотѣ своей, тоскливо страстный контральто дѣвушки какъ бы смягчили ноющую боль въ груди Тихона Павловича.

— Ахъ, чортъ!—мысленно восклицалъ онъ по адресу засыпки.—Ахъ ты, ухобака!

И онъ почувствовалъ зависть къ этому веселому, вольному человѣку за его умѣнье жить, за его увѣренность въ своей правотѣ; а потомъ мельнику стало стыдно чего-то: не то того, что подслушалъ эту сцену, не то того, что позавидовалъ. Онъ всталъ, вздохнулъ и хотѣлъ пойти домой.

— Пора, Мотря! Пора мнѣ на работу! Смотри, приди ужо!

— Не пришла бы, да не въ мочь мнѣ не придти-то, соколъ мой!—какъ-то простонала дѣвушка.

— Э, не горюй! Время придетъ—слезы утретъ. А

до той поры мы еще повидаемся не разъ. Такъ ли? Сдобнушка! Прощевай!

За спиной Тихона Павловича затрещалъ плетень.

„Какъ по степи вѣтеръ
„Носится, играетъ...

— Эт!... Добрый день, хозяинъ!

Тихонъ Павловичъ снялъ съ головы картузъ и смущенно посмотрѣлъ на работника.

— Здорово!

Тотъ стоялъ передъ нимъ въ свободно-сильной позѣ: изъ-подъ разстегнутой красной рубахи видна была широкая, смуглая грудь, дышавшая глубоко и ровно, рыжіе усы насмѣшливо пошевеливались, бѣлые, частые зубы сверкали изъ-подъ усовъ, синіе, большіе глаза хитро прищурились, и весь Кузьма показался своему хозяину такимъ гордымъ и важнымъ, что мельнику захотѣлось поскорѣе уйти отъ него, чтобъ засыпка не замѣтилъ своего превосходства надъ хозяиномъ.

— Все гуляешь?

— Пока охота да время—чего не гулять? Иное время придетъ—работать буду! Чью нынче засыплю? Домолоть попову рожь али что? Да насчетъ круподерной машины надо бы похлопотать! Деретъ-то она деретъ, да больно глубоко беретъ...

— Да, это можно... Вотъ я тово...—проговорилъ Тихонъ Павловичъ и вдругъ какъ-то помимо воли докончилъ:—А я, братъ, тово... лежалъ тутъ на скамейкѣ, да и слышалъ, какъ ты... съ дѣвкой-то... обходился... Ловко ты съ ними умѣешь...

— Дѣло знакомое!—пошевелилъ усами Кузьма.

— Много, чай, ты ихъ, дѣвокъ-то, перепортилъ?

— А не считалъ... Какая порча? Чай, я не увѣчу ихъ...

— Оно такъ, а все-таки... Напримѣръ, неужто тебѣ, Кузьма, не жалко дѣвку-то?...

— Жалко... всегда бываетъ жалко... Ну, а себя все ужъ жалчѣй!

— А ежели, къ примѣру, ребенокъ? Бывало, вѣдь, а?

— Чай, бывало,—кто ихъ знаетъ...

Кузьмѣ, очевидно, начиналъ надоѣдать допросъ. Онъ переступалъ съ ноги на ногу и, досадливо сжавъ губы, крякнулъ.

А Тихону Павловичу понравилось то, что работникъ смущается его допросомъ, и онъ, уже строго нахмуривъ брови, продолжалъ:

— А грѣхъ—какъ? Вѣдь грѣхъ, чай!

— Чего грѣхъ?

— А такъ-то дѣйствовать...

— Да вѣдь ребята-то однимъ, поди-ка, порядкомъ родятся, что отъ мужа онъ, что отъ прохожаго, — сказалъ Кузьма и скептически сплюнулъ въ сторону.

— Это ты совсѣмъ напрасно. Отъ мужа – онъ въ законѣ, а ежели отъ тебя—куда его? Она, дѣвка-то, возьметъ да отъ сраму въ прудъ дитя-то и сунетъ. А на тебѣ—грѣхъ!—донималъ мельникъ работника, чувствуя при этомъ какое-то удовольствіе.

— Да вѣдь, хозяинъ, коли покрѣпче подумать, — серьезно и сухо заговорилъ Кузьма,—такъ выходитъ, что, какъ ни живи, все грѣшно! И такъ грѣшно, и вотъ этакъ грѣшно,—пояснилъ Кузьма, махнувъ рукой вправо и влѣво.—Сказалъ—грѣшно, промолчалъ—грѣшно, сдѣлалъ — грѣшно и не сдѣлалъ—грѣшно. Рази тутъ разберешь? Въ монастырь, что ли, идти! Чай, неохота.

Помолчали. Отъ свѣжести утра Кузьма вздрогнулъ.

— Веселая у тебя жизнь, братъ, легкая,—вздохнулъ Тихонъ Павловичъ.

— Не жалуюсь,—сказалъ Кузьма, передергивая плечами.

— Жизнь пріятная... да... Ну, что же? Иди инъ засыпай!

— Попову?

— Сыпь попову. Я приду тамъ послѣ... Какъ ты это просто разсуждаешь... право! Все грѣшно... Н-да... Легкій ты, Кузьма... какъ пузырь.

— Пузырь? А пожалуй, и пузырь...

Кузьма внимательно посмотрѣлъ на хозяина.

— Ей Богу. Вонъ Митька у меня пускаетъ: надуетъ его на соломинку, а онъ весь этакій—радугой играетъ и летитъ, полетитъ и лопнетъ.

Кузьма усмѣхнулся.

— Ишь прировняли къ чему!

— Вѣрно вѣдь. А уйдешь ты отъ меня?

— Уйду.

— Да куда тебѣ? Жилъ бы, жалованья-то прибавлю.

— Нѣтъ, не надо. Тошно здѣсь, все равно уйду.

— Жалко мнѣ тебя отпускать-то: работникъ ты хорошій,—задумчиво сказалъ Тихонъ Павловичъ.

— Нѣтъ, я ужъ уйду. Въ степь надо — приволье тамъ... эхъ ты! И мнѣ тоже васъ будетъ жалко—привыкъ. А уйду, потому тянетъ! Самому противъ себя не надо спорить. Коли кто противъ себя заспоритъ, пиши—пропалъ человѣкъ.

— Вотъ это вѣрно, Кузьма. Ахъ, вѣрно! — Тихонъ Павловичъ даже вспыхнулъ весь и потрясъ головой, крѣпко зажмуривъ глаза.—Вотъ я тоже... спорю...

— Тихонъ Павлы-ичъ! иди чай пить,—вскричала откуда-то жена.

— Иду! Иди и ты, Кузьма, начинай съ Богомъ.

Кузьма искоса взглянулъ въ лицо хозяина и пошелъ, посвистывая.

Въ просторной, чистой комнатѣ у окна стоялъ столъ съ шумѣвшимъ на немъ самоваромъ, ковригой бѣлаго хлѣба и кринкой молока. За столомъ сидѣла жена, здоровая, свѣжая, румяная, благодушная, и всюду въ ком-

натѣ было много ласковаго и нежаркаго утренняго солнца.

Тихонъ Павловичъ медленно, покусывая бороду, подошелъ къ столу, держа руки назади и хмуро поглядывая въ спину жены.

— Съ добрымъ утромъ, Павлычъ!—сказала она, оборачивая къ нему голову и привѣтливо улыбаясь.—Что это ты опять сегодня ночью-то не спалъ? Ты бы полѣчился чѣмъ. А то думно ужъ мнѣ стало...

— То-то ты съ думъ-то и гудѣла всю ночь, какъ фабричная труба,—усмѣхнулся мельникъ.—А я все догадывался, съ чего, молъ, это у меня Анна-то такъ засвистываетъ? Анъ это съ думъ...

— Ужъ ты скажешь... Слава Господу, хоть улыбнулся, а то ужъ ты послѣдніе-то дни и не смѣешься, совсѣмъ пропалъ смѣхъ-то у тебя... Сердитый все.

— Пропадетъ, небось, отъ такой жизни,—вполголоса сказалъ Тихонъ Павловичъ.

— Али что неладно въ дѣлахъ-то?—тревожно спросила жена.

— Не о хлѣбѣ единомъ, сказано въ Писаніи... Ну вотъ и оправдалось. Схватило за сердце и сосетъ... и будетъ сосать, пока простора не дашь душѣ... Завалили мы душу-то всякимъ хламомъ, она и стонетъ безъ воздуха-то.

— Въ церковь надо чего ни то пожертвовать—вотъ и пройдетъ все,—посовѣтовала жена.

Мельникъ молчалъ, думая про батюшку Алексѣя. Очень жадный попъ; много разъ онъ подставлялъ ногу мельнику въ его операціяхъ съ окрестными крестьянами...

— А то еще сироту взять...

— Вотъ это пожалуй. У Дябилкиныхъ, къ примѣру.

— Налить еще чаю-то? Ты чего накрылъ стаканъ?

— Не хочу.

Тихонъ Павловичъ смотрѣлъ въ лицо жены, и она

казалась ему такой жирной, приторной, глупой. Чего она улыбается все?

— А доктора все же бы надо позвать. Позвать?

— Поди ты и съ докторомъ вмѣстѣ,—зло сказалъ мельникъ, и, выйдя въ другую комнату, наткнулся на сына, спавшаго на полу. Тихонъ Павловичъ остановился надъ нимъ и сталъ пристально смотрѣть на черную курчавую голову, утонувшую въ складкахъ подушки и сбитой въ кучу простыни. На смуглыхъ щекахъ и на лбу ребенка выступили мелкія капельки пота.

— Ишь ты... развалился,—подумалъ Тихонъ Павловичъ.—Спишь... А какая тебѣ въ жизни дорога лежитъ?...

— Тихонъ Павлы-ичъ! Васъ Кузьма кличетъ!

Это кричитъ съ круподерки косоротая Мареутка. Мельникъ у нея въ прошломъ году ненарокомъ всю семью разорилъ и теперь вспомнилъ это. Ѳома, Марѳуткинъ отецъ, уходя на заработки куда-то, говорилъ ему, стоя у крыльца:

— Нельзя, значитъ, отсрочку-то? Та-акъ... Ну, инъ ладно. Прощай, значитъ, Павлычъ! Богъ тебѣ судья. Полагать надо, отзовутся тебѣ наши сиротскія слезы, взвоешь, значитъ, и ты, другъ милой! Прощай!

И долго Ѳома стоялъ передъ крыльцомъ, почесывая то бокъ, то спину, и съ напряженнымъ лицомъ повторяя одно и то же слово по пяти разъ, тянулъ за душу Тихона Павловича.

— Не полагается отсрочки? Та-акъ... — Наконецъ, мельникъ его прогналъ...

— Да, разныя дѣла бываютъ,—думалъ онъ теперь.— Иное, дѣйствительно, не по закону. А не сдѣлать его нельзя. Уронъ репутаціи будетъ.

Но его не успокоило это разсужденіе. Думы, скопляясь, давили грудь все тяжелѣе.

— Поѣду въ Ямки,—вдругъ рѣшилъ онъ. —Марѳа, скажи Егору--пусть лошадь заложитъ.

У дверей въ круподерку стоялъ Кузьма, весь сѣдой отъ пыли, и посвистывая смотрѣлъ въ небо, гдѣ въ лучахъ солнца таяла маленькая пышная тучка. Въ круподеркѣ что-то бухало и скрипѣло; изъ-за нея съ мельницы летѣли серебряные всплески воды и густой шорохъ. Весь воздухъ былъ наполненъ тяжелыми, охающими звуками и застланъ тонкой дымкой пыли.

— Тихонъ Павлычъ, ремень-то, того гляди, перетрется,—сказалъ Кузьма, сплевывая въ сторону.

— Возьми тамъ у жены новый... Идутъ дѣла?—спросилъ Тихонъ Павловичъ у работника и тотчасъ же замѣтилъ за собой, что никогда онъ раньше не говорилъ съ работникомъ такъ ласково, какъ сегодня.

— Вертятся,—отвѣтилъ Кузьма, исподлобья наблюдая за хозяиномъ.

— Ну, и хорошо... А ты—пузырь, значитъ?

— Ну, пузырь, коли хотите,—неохотно согласился Кузьма и повелъ плечами.

— Легкая у тебя жизнь!... да...

— А на что она тяжелая-то?

— Вѣрно,—согласился мельникъ и вздохнулъ. Онъ никакъ не могъ поймать словами ту думу, о которой хотѣлъ спросить у Кузьмы, и чувствовалъ, что, стоя передъ нимъ такъ—молча и съ опущенной головой—онъ роняетъ въ глазахъ работника свое хозяйское достоинство.

— А ежели... умирать придется... Тогда какъ?

— Придется—ляжемъ и умремъ,—все болѣе подозрительно оглядывая хозяина, отвѣтилъ Кузьма.

— Та-акъ. А другіе-прочіе люди?

— А что другіе? И они умрутъ, придетъ и ихъ время...

— Да-а!—вздохнулъ Тихонъ Павловичъ.—Это такъ—всѣ умрутъ... Грустно это для человѣка...

Кузьма пошевелилъ усами, запустилъ одну руку въ свои рыжіе волосы, другую сунулъ въ карманъ шаро-

варъ и, переступивъ съ ноги на ногу, вдругъ широко улыбнулся.

— Вы бы, хозяинъ, поѣхали до города, да и кутнули тамъ во всю; вотъ оно вамъ и помогло бы! А то у васъ, видно, на душѣ-то, какъ у трубочиста за пазухой. Такъ ли?

И Кузьма дотронулся рукою до плеча хозяина и захохоталъ. Его движеніе и смѣхъ поразили мельника. Онъ какъ бы потерялъ сознаніе своей личности и глупо улыбался работнику, въ то же время чувствуя себя до боли обиженнымъ имъ.

— Ахъ ты, Кузьма... Какъ ты это? Въ Ямки я поѣду, это точно... къ учителю... за разговоромъ...

— Валяйте-ка! Тамъ Дуняша Дикова такимъ васъ разговоромъ угоститъ, что изъ васъ всѣ мысли повыскочутъ, какъ блохи изъ огня,—напутствовалъ Кузьма уходившаго отъ него хозяина.

Минутъ черезъ пять сытый гнѣдко Лукичъ солидной развалистой рысцой бѣжалъ по извилистой, мягкой дорогѣ, съ обѣихъ сторонъ глухо заросшей кустами орѣшника и калины. Гибкія вѣтки задѣвали Тихона Павловича за голову, заглядывали ему въ лицо, и когда листъ попадалъ въ губы, мельникъ поворачивалъ головой, отплевывался и все думалъ о своей пошатнувшейся жизни.

„Плохо все, плохо“,—думается ему.

„Тоже... жизнь! Живешь себѣ какъ всѣ, и ничего бы... А вдругъ нашла вотъ на тебя этакая раздумчивая полоса, и все перевернулось вверхъ тормашками“.

Въ странномъ, прыгающемъ безпорядкѣ осаждаютъ думы голову человѣка, не приспособленнаго къ нимъ, и всѣ онѣ непривычны, чужды, новы ему. И ему жалко прежнихъ спокойныхъ дней, когда все было такъ ясно и хорошо.

Бывало, послѣ вечерняго чая, сидя на крыльцѣ, онъ заставлялъ Митьку читать страшные разсказы изъ „Вокругъ Свѣта“. Около него все семейство: жена, дочь, а

кругомъ такъ тихо, родственно и дорого. Душа чиста и спокойна, думать не о чемъ. Иногда попадается интересная картинка: изображены на ней деревья съ такими громадными узорчатыми листьями; рѣка течетъ; ширь, даль, просторъ, не наши русскіе — пустынные и скучные — а такіе заманчивые. И семейство разсуждаетъ: „вотъ бы гдѣ мельницу-то поставить!“ Поговоривъ объ этомъ, снова всѣ утонуть въ чемъ-то такомъ тепломъ и мягкомъ, какъ пуховикъ, и уже говорить не хочется ни о чемъ больше. Такъ бы все и сидѣлъ, молча и не двигаясь.

Показались Ямки. Разсыпанные по пригорку овины, клѣтушки и избенки, казалось, были кѣмъ-то сразу брошены на землю, да такъ и прихилились испуганно и убито, не смѣя выстроиться въ одну ровную линію. Грязно-сырые, ничтожные, они казались еще жалче и бѣднѣй подъ покровомъ безстрастнаго, глубокаго неба, раскинувшагося надъ ними задумчиво и важно.

— Ишь ты, тоже человѣческое жилье! — думалъ Тихонъ Павловичъ, подъѣзжая къ нимъ. — Въ каждой такой хороминѣ тоже человѣческая душа живетъ, даромъ что постройка-то комариная. Ну, ну, Лукичъ, пошевеливайся!

— Къ учителю ѣду... А зачѣмъ? Для разговору... Чудно... Какой же это будетъ разговоръ? Будетъ онъ меня попрекать, скажетъ: „охъ, ты, человѣкъ, подумай о душѣ-то!“ — и объяснитъ мнѣ мен т. А я ему — вали, не стѣсняйся!... Каюсь — грѣшенъ... Въ газеты ты написалъ правильно... объегорилъ я ихъ. И хоть и они меня объегорили, но они меня одинъ разъ, а я ихъ — три! Хочешь писать — пиши! Валяй! Но допрежде объясни, почему я раньше жилъ и ничего у меня, никакой дурости не было, а нынѣ вотъ я замотался? Предѣлъ это человѣку или его собственное неразуміе? Положено судьбой или самъ онъ выдумалъ?... Н-но, Лукичъ!

Лукичъ фыркалъ отъ пыли, забившейся ему въ ноздр-

ри, помативалъ головой и, солидно вскидывая ноги, подвозилъ своего грѣшнаго хозяина къ Ямкамъ.

Вотъ и школа, похожая больше на бѣляну, опрокинутую вверхъ дномъ, чѣмъ на храмъ науки. У одного изъ ея трехъ оконъ сидитъ учитель, строгая ножомъ какую-то палочку, и равнодушно смотритъ на подъѣхавшаго мельника.

— Добраго здравія, Александръ Ивановичъ! Въ гости къ тебѣ прискакалъ; примешь, что ли?

— Милости прошу,— сказалъ учитель и ушелъ отъ окна.

Сухой тонъ учителя и его серьезное, худое, жесткое лицо смутили Тихона Павловича, и его сердце непріятно сжалось.

Онъ долго копался около телѣжки, завязывая вожжи за облучокъ, прежде чѣмъ войти въ школу, а проходя мимо одного окна, увидѣлъ, что учитель ставитъ на полку какую-то толстую книжицу и улыбается, ѣдко такъ улыбается.

— Еще разъ здравствуй! — съ принужденной развязностью сказалъ мельникъ, протягивая руку учителю. — Ф-фу, какъ жарко!

Учитель молча сунулъ ему холодные, костлявые пальцы и, какъ-то особенно кивнувъ головой на лавку, кратко бросилъ:

— Садитесь...

— Сядемъ,— согласился мельникъ и сѣлъ на скамью у окна, гдѣ прежде сидѣлъ учитель, который теперь, заложивъ руки за спину и покашливая, уже расхаживалъ по комнатѣ, все ускоряя шаги.

Молчаніе. Тихонъ Павловичъ сидѣлъ и, независимо потирая лѣвой рукой колѣно, а пальцами правой расчесывая себѣ бороду, внимательно осматривалъ убогую обстановку маленькой комнаты съ двумя дверьми, одной въ сѣни, а другой въ большую сараеобразную школу. Въ комнатѣ всей мебели — столъ, два стула, койка,

полка съ книгами и деревянный обрубокъ, на которомъ онъ усѣлся. Вотъ учитель подошелъ къ полкѣ и сталъ разсматривать книги на ней, точно желая убѣдиться, тѣ ли это книги, которыя стояли тутъ до пріѣзда гостя. Обоимъ имъ неловко, и оба они ясно это чувствуютъ, отчего имъ еще болѣе неловко, и ихъ молчаніе становится съ каждой минутой все тяжелѣе.

— Дѣло какое имѣете до меня? — спрашиваетъ учитель, подходя отъ полки къ гостю и въ упоръ глядя на него. Лобъ у него наморщенъ, брови хмуро съежились. Ему хочется кашлять, но онъ почему-то удерживается отъ этого, плотно сжавъ губы, что вызываетъ на лицѣ его бурыя пятна и заставляетъ худую, ввалившуюся грудь вздыматься высоко и нервно.

— Хм-мм... — тянетъ мельникъ, отводя глаза въ сторону отъ учителя, и думаетъ про-себя:

— Ледащій какой... Не долго ты, братъ, покашляешь...

Ему вспоминается тотъ „гвоздь", надъ которымъ въ городѣ благообразный господинъ говорилъ рѣчь.

— Какъ бы тебѣ, Александръ Ивановичъ, сказать?

И говоря это, мельникъ все думаетъ: — Надъ этимъ словъ говорить некому будетъ... Такъ въ одиночку и исхизнетъ. Закопаютъ его мужички въ землю — и вся недолга. И больше ничего... Хоть и онъ тоже пишетъ... однако, у него кишка слаба, видно. Пишетъ — и въ деревнѣ живетъ... Какъ бы мнѣ это начать разговоръ?

— Можетъ, чай станете пить? — спросилъ учитель и, наконецъ, страшно закашлялся, схватившись за грудь руками. Лицо у него стало сѣрое, весь онъ изгибался, и въ груди что-то свистѣло, бухало, скрипѣло, точно тамъ были спрятаны старые стѣнные часы и теперь они собирались бить.

— Можно и чаю попить, — рѣшаетъ Тихонъ Павловичъ. — А здорово ты кашляешь! Кажись, съ чего бы это? Время лѣтнее — тепло... а?

— Такъ ужъ... — говоритъ учитель, опускаясь на

стулъ, и въ этихъ двухъ словахъ звучитъ что-то такое очень грустное. Мельникъ почувствовалъ, что на него повѣяло холодной скукой отъ этихъ простыхъ и ничего не говорящихъ словъ.

— Ивановна! поставьте самоваръ,— кричитъ учитель въ окно. Вскорѣ въ сѣняхъ раздается шумъ желѣза, и Тихонъ Павловичъ знаетъ, что это гремитъ самоварная труба, но не знаетъ, съ чего начать разговоръ съ учителемъ.

Тотъ тоже молчитъ, хмуря брови и уставившись лбомъ въ полъ. И снова это молчаніе длится долго и злитъ ихъ обоихъ.

— Труба упала,— сообщаетъ Тихонъ Павловичъ учителю. Тотъ всталъ и, подойдя къ двери, говоритъ:

— Ивановна, труба упала!

— Вижу, чай. Тутъ вѣдь я,—ворчливо отвѣчаютъ ему.

Паденіе трубы какъ бы ободряетъ этихъ двухъ людей, давившихъ другъ друга.

— Ну-съ, такъ вотъ... — говоритъ учитель, потирая лѣвый бокъ.— Вы, значитъ, хотите говорить со мной...

— Это самое... — соглашается мельникъ, кивая головой.

— Хорошо... Я догадываюсь, о чемъ именно...

— Ну?— подымая брови, спрашиваетъ Тихонъ Павловичъ и недовѣрчиво улыбается.

— Конечно, о томъ, что я написалъ про васъ въ газетѣ, — сдвигая брови, говоритъ учитель и зачѣмъ-то озабоченно отдуваетъ щеки и еще суровѣе хмуритъ лобъ.

— Такъ я и думалъ, что это ты писалъ! — воскликнулъ мельникъ. — Ахъ ты...

Учитель, очевидно, не ожидалъ этого восклицанія: онъ широко открылъ глаза и пристально взглянулъ въ лицо гостя.

— Думали!?

— Думалъ! Непремѣнно, молъ, это онъ! Потому толь-

ко двое могутъ это... ты, да попъ Алексѣй. Онъ тоже сердитъ на меня...

— Т.-е., какъ же это тоже? Развѣ я на васъ сердитъ? — удивился учитель.

— А то какъ же!

— Да за что?

— А кто тебя знаетъ! Написалъ — да и все; а я понимай, какъ хочу...

— Позвольте! Я писалъ не по личной непріязни къ вамъ, а изъ чувства справедливости, — вздрагивая и какъ-то точно загораясь, проговорилъ учитель и, поднявъ тонъ, добавилъ:

— Вы не имѣете никакого права говорить, что я написалъ потому, что былъ сердитъ... да!

— Толкуй! — скептически махнулъ рукой мельникъ. — А зачѣмъ же ты писалъ?

— Затѣмъ, что вы поступили съ кирюшинскими крестьянами... не честно!

— О! вотъ какъ ахнулъ! Не честно! А они, когда у меня плотину прорвало, честно дѣлали? Небойсь, ты про нихъ не написалъ вотъ!?

— Но, позвольте! — все болѣе разгорался учитель.

Лицо у него покрылось пятнами, и онъ сталъ какъ-то заикаться, очевидно, желая сказать много, но не зная, съ чего начать. У него странно вздрагивали уши, сверкали глаза, и все его нервное, худое лицо то и дѣло измѣнялось. И мельникъ, глядя на него, тоже закипалъ.

— Чего позвольте! Про меня написалъ — и про нихъ пиши. Коли я съ ними поступилъ не по совѣсти, такъ ты самъ знаешь, что и они со мной поступили этакъ же; на твоихъ глазахъ было. Однако, вотъ ты молчишь! А говоришь — изъ справедливости! Эхъ ты...

— Ну-съ, дальше что же? — спросилъ учитель, и вдругъ, какъ-то весь изогнувшись, кашляя и торопясь, быстро глотая слова, зачастилъ:

— Вы не понимаете... я не могъ... т.-е. я... Вы подозрѣваете меня чортъ знаетъ въ чемъ! Какая у меня можетъ быть... къ вамъ вражда? Т.-е. нѣтъ.. она есть! Она всегда будетъ! — вдругъ высоко выкрикнулъ онъ.

— Ну, вотъ! Ага! А говоришь: по спра-аведливости! Какъ же по справедливости, коли изъ злобы? Эхъ ты! И жить-то тебѣ не долго осталось, а ты людей мутишь! Меня дочь какъ этой твоей писулей смазала! Родная дочь — пойми! За что?

— Позвольте! — уже кричалъ учитель. — Какое мнѣ дѣло до вашей дочери? Я не говорю: я къ вамъ лично чувствую вражду, а говорю — къ группѣ, классу.

— Ты мнѣ мудреныхъ словъ не говори, не надо! Я и такъ тебя понимаю хорошо.

— Нѣтъ, я... Вы оскорбляете меня вашими подозрѣніями! Вы можете опровергнуть меня фактами, доказать, что я невѣрно понялъ событіе, что я не правъ... но говорить...

— Я все съ тобой могу говорить, — стукнувъ себя въ грудь ладонью и, вставая со стула, съ сознаніемъ собственнаго достоинства заявилъ мельникъ: — Я — лицо въ округѣ... Меня на сто верстъ кругомъ знаютъ и уважаютъ, а тебѣ вся цѣна восемнадцать рублей въ мѣсяцъ...

— Я не хочу... — Учитель топнулъ ногой и, весь дрожа, задохнулся отъ волненія и приступа кашля. И пока онъ кашлялъ, со стономъ корчась отъ боли и недостатка воздуха въ пораженныхъ легкихъ, Тихонъ Павловичъ, стоя передъ нимъ въ важной позѣ побѣдителя, но великодушнаго человѣка, громко и отчетливо, съ краснымъ, возбужденнымъ лицомъ и сознаніемъ своей правоты и силы въ тонѣ, отчеканивалъ ему:

— Эхъ ты, справедливый человѣкъ! Обличаешь другого, а самъ себя тоже вотъ обличилъ! Какая тебѣ цѣна послѣ этого? Я, было, къ тебѣ, какъ къ умному, съ разговоромъ пріѣхалъ... поговорить по душѣ про то...

какъ и что... потому какъ душа у меня смутилась... А ты что? Понялъ ты меня? Написалъ? Ну, и что жъ? И написалъ! А кто читалъ? Одинъ попъ читалъ... Я все такой же, какъ былъ, такъ и остался... н-да... Я къ тебѣ пріѣхалъ съ душой, а не съ враждой, а ты гнешь себѣ свое, да кричишь на меня. Можешь ты на меня кричать? 18 руб. въ мѣсяцъ получаетъ, живетъ безъ всякаго закона, одинъ, какъ перстъ, а туда же — справедливость! Э-эхъ! Прощай, братъ! Не обижаюсь я на тебя за твою дерзость, а жаль мнѣ тебя... жаль... Прощай! Плохая твоя жизнь, и всѣ мы умремъ... не надо этого забывать... да!

Тихону Павловичу подъ конецъ его рѣчи сдѣлалось чуть не до слезъ грустно. Учитель, охваченный припадкомъ кашля, сидѣлъ на стулѣ согнувшись и, низко наклонивъ впередъ голову, весь дрожалъ. Одной рукой онъ держался за бокъ, а другой судорожно махалъ въ воздухѣ, должно быть желая остановить расходившагося купца.

Мельнику было жалко смотрѣть на него и въ то же время ему хотѣлось сказать что-то такое чувствительное, что защемило бы сердце учителя тѣмъ же чувствомъ, которымъ полно его, мельниково, сердце. Но ничего такого у него не выходило. Чувствительныхъ словъ не было, хотя голосъ дрожалъ и переливался нотами низкими и какъ бы плачущими. Мельникъ сознавалъ, что все, что произошло между нимъ и учителемъ, очень обидно для обоихъ ихъ, и ему захотѣлось прекратить скорѣе эту тяжелую сцену.

— Прощай! Не поминай лихомъ... предстанешь предъ Господомъ... — И, махнувъ рукой, онъ глубоко напялилъ на голову картузъ и поспѣшно вышелъ вонъ.

— Нѣтъ, позвольте... — раздалось вслѣдъ ему хриплое, возбужденное восклицаніе учителя.

— Ладно! — буркнулъ себѣ подъ носъ мельникъ, отвязывая вожжи.

— Воротитесь... Мы должны... — появился учитель у окна. Онъ высунулся до половины на улицу, держась одной рукой за косякъ, а другой сильно жестикулируя.

— Никто ничего не долженъ... Всѣ мы — люди... — бормоталъ Тихонъ Павловичъ, занося ногу на подножку телѣжки.

— Воротитесь! — крикнулъ учитель.

Онъ очень странно крикнулъ. Тихонъ Павловичъ обернулся и посмотрѣлъ на него. Лицо у него было страшное, глаза мутные, лобъ въ поту и горло спазматически сжималось.

Мельника кольнуло что-то.

— Э... другорядъ пріѣду! Все равно!

И отчаянно махнувъ рукой, онъ больно хлестнулъ вожжами Лукича, сразу подхватившаго телѣжку въ бойкую рысь. Учитель что-то кричалъ вдогонку.

— Катай! — крикнулъ Тихонъ Павловичъ еще разъ, ударивъ лошадь, и даже скрипнулъ зубами, желая заглушить въ себѣ горькое чувство, наполнявшее его.

Выѣхавъ за деревню, онъ нѣсколько остылъ. Лукичъ быстро семенилъ ногами по извилистой дорогѣ среди золотой пустыни вызрѣвшаго хлѣба. Впереди дороги, на горизонтѣ, собиралась туча: темно-сизыя, лохматыя облака сползались въ тяжелую, почти черную массу, и она двигалась навстрѣчу мельнику, бросая отъ себя на землю густую тѣнь. И на душу ему ложились снова тѣни. Онъ дернулъ вожжами и, не думая, своротилъ влѣво, на болѣе широкую и убитую колею. Туча осталась теперь справа, а впереди въ желтомъ морѣ хлѣба былъ виденъ маленькій, темный островокъ лѣса и кое-гдѣ среди холмистой пустыни, ярко залитой солнцемъ, бросались въ глаза широкія, черныя ленты вспаханной земли, одинокія въ богатой нивѣ, бѣдныя, унылыя. Съ нихъ на душу мельника вѣяло чѣмъ-то родственнымъ ей. А хлѣбъ, волнуемый вѣтромъ, тихо шумѣлъ, шепча синему небу надъ нимъ. Лукичъ бѣжалъ, и на-

встрѣчу ему, зеленѣя, приближался островокъ лѣса, обрисовываясь все рельефнѣе на ярко-желтомъ фонѣ нивы и мутно-голубомъ небѣ.

— А вѣдь это я на станцію ѣду!—подумалъ мельникъ, когда изъ-за холма показалась линія телеграфныхъ столбовъ и коричневый уголъ сторожевой будки, утонувшей въ кучѣ земли вокругъ нея.

— А не поѣхать ли мнѣ въ городъ? Лошадь со станціи домой отошлю съ кѣмъ-нибудь... Н-да. Къ учителю съѣздилъ, поговорилъ. Хе-хе! Учитель! А ты учить-то—учи, да и самъ тоже поучивайся, понимай вокругъ-то себя, какъ и что. Какой бы это лѣшій загналъ меня къ тебѣ, кабы душа къ тому не понудила? И долженъ ты, учитель, всегда на такой точкѣ стоять, чтобы человѣку до тебя, не уродуя себя, взобраться можно было. А то—эка вотъ!—вперся со строгостью-то своей выше печной трубы, да и пошелъ оттуда пророчить... Добродѣтели стопудовыя!

Чѣмъ дольше онъ думалъ, тѣмъ яснѣе становилось, что учитель виноватъ. Дѣло было какъ? Онъ, Тихонъ Павловичъ, нарочно далъ ходъ разговору о корреспонденціи для того, чтобы пристыдить и смягчить сердитаго учителя, показавъ ему, какъ у него, мельника, тяжело на душѣ отъ этой корреспонденціи и какъ онъ понимаетъ свою вину. И если бы учитель былъ помягче, онъ бы изобразилъ ему свои думы. А вышло, что учитель-то занесся въ облака... Когда мельникъ убѣдилъ себя, что все это именно такъ и было, ему стало очень больно и обидно.

— Эхъ, люди! Не можете вы обращать вниманія на другого, коли онъ вамъ не нуженъ и вы его не боитесь. Куда какъ хорошо это! А еще учителя—ученые люди! Видно, соблюденіе-то своей строгости дороже вамъ чужой души...

И чувствуя, какъ свободно у него въ головѣ форми-

руются разныя мысли, Тихонъ Павловичъ вдругъ произнесъ вслухъ:

— Теперь бы вотъ намъ съ тобой повоевать, учитель! Неизвѣстно, чья бы еще взяла.

Лукичъ бодро подбѣгалъ къ выплывшей изъ-за холмовъ станціи, а навстрѣчу ему, свистя и разметывая въ воздухѣ толстый жгутъ бѣлаго пара, приближался поѣздъ, наполняя воздухъ тяжелымъ грохотомъ.

И грохоту поѣзда отвѣчали раскаты грома изъ тучи, охватившей мракомъ уже почти двѣ трети неба. Черезъ нѣсколько минутъ Тихонъ Павловичъ сидѣлъ въ вагонѣ и мчался степью, слѣдя глазами за мелькавшими мимо оконъ полосами хлѣба и вспаханной земли.

Черное небо то и дѣло рвали огненныя стрѣлы молніи, и громъ гудѣлъ надъ быстро летѣвшимъ поѣздомъ. Шумъ колесъ на стыкахъ рельсъ и лязгъ сцѣпленій пропадали въ ревѣ грома, а неуловимо быстрыя молніи, мелькая мимо оконъ, слѣпили глаза.

— Куда я ѣду?—подумалъ Тихонъ Павловичъ, робко прижимаясь въ уголъ сидѣнья.

Тамъ, на волѣ, все гремѣло и сотрясалось, точно совершалась какая-то гигантская работа разрушенія...

— Зачѣмъ мнѣ въ городъ?—тоскливо спрашивалъ себя мельникъ.

Его встряхивало, покачивало; блескъ молніи заставлялъ его то и дѣло щурить глаза, грохотъ грома—вздрагивать и креститься. И, наконецъ, онъ задремалъ, жалко прижавшись въ своемъ углу.

II.

— Куда же бы мнѣ пойти? Къ кому?—спросилъ себя Тихонъ Павловичъ, отходя отъ вокзала два квартала, и почувствовалъ, что никого изъ знакомыхъ ему не хочется видѣть, да и вообще ничего не хочется.

Всю дорогу онъ спалъ; пріѣхавъ въ городъ, пошелъ

въ гостинницу, ѣлъ тамъ селянку, пилъ чай и смотрѣлъ въ окно, какъ шелъ дождь.

Дождь шелъ крупный, и долго онъ шелъ—часа три, и всѣ эти три часа мельникъ провелъ въ своихъ думахъ, навѣявшихъ на него какое-то оцѣпенѣніе. Потомъ онъ рѣшилъ уѣхать обратно домой, но когда пришелъ на вокзалъ, оказалось, что поѣздъ уже отправился. Онъ сѣлъ на платформѣ вокзала и смотрѣлъ, какъ маневрировали поѣзда и суетились разные чумазые, пахучіе люди—смазчики, составители, сцѣпщики, кондуктора товарныхъ поѣздовъ. Поѣзда приходили и уходили, и Тихону Павловичу вся эта суматоха станціонной жизни казалась какой-то неосновательной, непродуманной. Зачѣмъ нужно такъ суетиться и хлопотать, такъ много отвозить и привозить, коли всѣ люди умрутъ, придетъ время? А оно, можетъ быть, завтра придетъ... Нужно бы больше заботиться о покоѣ... И мельнику снова страшно захотѣлось покоя, глубокаго, соннаго покоя, безъ думъ и безъ заботъ. И это желаніе потянуло его куда-то. Тогда онъ снова пошелъ въ городъ, и шелъ теперь холодный и безучастный ко всему, кромѣ того, что смутно шевелилось въ его душѣ, что было такъ непонятно ему и такъ мѣшало жить.

На улицѣ—тихо и темно. Фонарей почему-то еще не зажгли, а уже всходила луна. По небу быстро летѣли обрывки тучъ, а по мостовой и по стѣнамъ домовъ ползли густыя тѣни. Воздухъ былъ влаженъ и душенъ, пахло свѣжимъ листомъ, прѣлой землей и еще чѣмъ-то тяжелымъ—обычнымъ запахомъ города. Пролетая надъ садами, вѣтеръ шелестилъ листвой деревьевъ, и отъ этого тихій и мягкій шопотъ носился въ воздухѣ. Этотъ шопотъ и тѣни отъ тучъ на все бросали колоритъ грусти и утомленія. Улица была узка, пустынна и подавлена этой задумчивой тишиной, а глухой грохотъ пролетки, раздававшійся гдѣ-то вдали, звучалъ въ тишинѣ какъ-то оскорбительно-нахально. Мельникъ шелъ тихо, зало-

живъ руки за спину, и несъ съ собой свои безформенныя полудумы, полуощущенія, одѣвавшія его сердце въ холодъ и туманъ.

Вдругъ въ тишину откуда-то ворвалась толпа странныхъ, точно сцѣпившихся между собой нотъ духовой музыки и понеслась надъ городомъ въ бѣшено-громкомъ, но гармоничномъ вальсѣ. Одна нота была такая тяжелая, обрывистая—уфъ, уфъ! Она совсѣмъ не вязалась съ остальными и, тяжело вздыхая, рвалась выше всѣхъ остальныхъ... Казалось, что-то большое и тяжелое грузными прыжками пробуетъ вырваться на волю и не можетъ.

— Зайти, что ли?—спросилъ себя мельникъ, остановившись у отворенныхъ воротъ съ двумя ярко горѣвшими фонарями. Прямо изъ воротъ куда-то вдаль тянулась аллея акацій. И еще не рѣшивъ, слѣдуетъ ему идти въ садъ, или не нужно, Тихонъ Павловичъ уже шелъ по ней, глядя на фонари, развѣшенные вдоль аллеи на проволокѣ и, покачиваясь отъ вѣтра, бросавшіе на бурую дорожку разноцвѣтныя пятна. Аллея круто повернула направо, и Тихонъ Павловичъ увидѣлъ эстраду, на которой игралъ военный оркестръ, передъ эстрадой—лавочки, на нихъ какія-то темныя фигуры. Ему не захотѣлось идти туда,—онъ сѣлъ на одну изъ скамей, стоявшихъ по бокамъ аллеи.

Шумѣли деревья, и надъ ними по небу, все болѣе очищая его, мчались клочки тучъ. Какая-то женщина прошла мимо Тихона Павловича... Онъ равнодушно посмотрѣлъ ей въ спину, она воротилась и снова прошла мимо. Тогда онъ про-себя обругалъ ее... Вдругъ она направилась къ нему, сѣла съ нимъ рядомъ и заглянула ему въ лицо. Передъ нимъ мелькнули темные, пытливые глаза, большія красныя губы и прямой, красивый носъ. Онъ степенно и брезгливо отодвинулся, и ему стало какъ-то еще скучнѣе,

— Скучно, купецъ?—спросила его сосѣдка.

— Да-а...—протянулъ онъ, но сейчасъ же спохватился и хмуро сказалъ ей:—Проваливай...нечего даромъ-то лясы точить... Не таковскій...

Она засмѣялась глубокимъ, груднымъ смѣхомъ.

— Сердитый... Не бойся, не трону... Мнѣ самой скучно, вотъ... я и спросила...

Онъ помолчалъ, ожидая, что она встанетъ и уйдетъ. Но она не уходила, а позѣвывая, продолжала сидѣть рядомъ съ нимъ. Онъ искоса посмотрѣлъ на нее и увидалъ, что она еще очень молода и красива. Долго длилось молчаніе. Музыка перестала играть и снова начала, на этотъ разъ что-то уже менѣе шумное.

— Что же ты торчишь тутъ, если тебѣ скучно?—вдругъ какъ-то незамѣтно спросилъ Тихонъ Павловичъ свою сосѣдку.

— А ты чего?—не глядя на него, кротко бросила она.

— Я пріѣзжій... куда я пойду?...

— Въ номеръ, гдѣ остановился, и иди, а то въ трактиръ.

— Ишь ты!—сказалъ Тихонъ Павловичъ и, помолчавъ, прибавилъ:—Чай, тамъ тоже скучно одному-то...

— Компанію найди...

— На улицѣ, что ли, мнѣ ее подбирать?

— Въ трактирѣ всегда компанія есть.

— Это, положимъ, такъ...—вздохнулъ мельникъ и подумалъ:—А что, въ самомъ дѣлѣ—не пойти ли мнѣ въ трактиръ? И ее... эту взять съ собой... Можетъ, что и выйдетъ?—Ты пойдешь со мной въ трактиръ-то?—спросилъ онъ.

Она отвѣтила не сразу, какъ-то замялась.

— Пожалуй... Человѣкъ только тутъ одинъ будетъ искать меня.

— Ну, какой тамъ человѣкъ?

— Нѣтъ, вѣрно... Мастеровой одинъ...

— На что онъ тебѣ? Плюнь, пойдемъ...

Ему положительно стала улыбаться мысль о хорошей пирушкѣ.

— Да я иду... Онъ, чай, навстрѣчу попадетъ...

— Больно нужно! — сказалъ мельникъ, поднимаясь со скамьи.—Айда!

Она встала и пошла, высокая и стройная, въ бѣломъ платочкѣ на головѣ, рядомъ съ нимъ, кряжистымъ человѣкомъ, въ поддевкѣ почти до пять.

— Нѣтъ, кабы встрѣтить его, хорошо бы было,—говорила она, и зачѣмъ-то пояснила:—Это безрукій...

— Это какъ?

— Оторвало ему руки-то на машинѣ.

— Такъ на что тебѣ его?—нѣсколько удивился Тихонъ Павловичъ.

— А онъ поетъ больно хорошо.

— Ну?

— Мы съ нимъ сегодня хотѣли на рѣку пойти въ рощу...

— Такъ...—усмѣхнулся мельникъ.—Ну, такъ что же теперь?

— А ничего,—кратко сказала она.

Они вышли изъ сада, и мельникъ, спросивъ, куда надо идти, крикнулъ извозчика. Подпрыгивая по неровной мостовой, пролетка съ дребезгомъ покатилась между двумя рядами домовъ. Было еще не поздно. Изъ оконъ на улицу лился свѣтъ лампъ и звуки голосовъ. Проѣзжая мимо одного маленькаго бѣлаго дома за палисадникомъ, Тихонъ Павловичъ услыхалъ раскаты басистаго смѣха, которому вторилъ смѣхъ женщины, звонкій и задушевный.

— Живутъ люди... не дурятъ, не мудрствуютъ,—подумалъ онъ съ огорченіемъ, и ему стало обидно за себя.

— Такъ говоришь — безъ рукъ? — помолчавъ, спросилъ онъ женщину.

Она плотно прижалась къ нему, держась одной рукой за крыло пролетки, а другой за его колѣно.

— Миша-то? Да...—сказала она.

— Такъ. Онъ кто же тебѣ будетъ? Милый другъ, что ли?

— Н-ну! Тоже... Онъ уже старый, больной. Онъ давнишній нашъ знакомый—маленькую меня, бывало, на рукахъ таскалъ.

— Ишь ты что! А отецъ-то у тебя кто?

— Маляръ былъ.

— Умеръ?

— Въ холеру померъ... Скоро и пріѣдемъ.

— Такъ... А ты до этого чѣмъ занималась? — любопытствовалъ мельникъ, чувствуя, что когда онъ говоритъ, такъ ему какъ бы легче.

— Швейка,—отвѣтила она на его вопросъ.

— Вонъ куда подъѣзжай.

Черезъ нѣсколько минутъ они сидѣли въ углу большого трактирнаго зала. Трактиръ былъ грязный, тѣсный, пахучій. Посреди зала за однимъ изъ столовъ шумѣла компанія пьяныхъ извозчиковъ; у одного изъ оконъ, заставленныхъ горшками герани и фуксій, пили чай два какіе-то подозрительные человѣка; одинъ—лысый, съ ястребинымъ носомъ, поминутно кашлявшій; другой—черный, съ солдатскими усами, меланхолично свистѣвшій сквозь зубы, глядя въ свой стаканъ. Въ углу у изразцовой печки сидѣлъ сѣденькій старичокъ съ благочестивымъ, истомленнымъ лицомъ и сладко прищуренными глазками. Было еще нѣсколько человѣкъ,—всѣ они очень странно были разбросаны по большой, закоптѣлой комнатѣ и никто не обращалъ вниманія другъ на друга.

Мельникъ съ своей подругой усѣлись въ темномъ углу у двери въ маленькую комнатку, и имъ хорошо былъ виденъ весь трактиръ, освѣщенный пятью стѣнными лампами. Ихъ столъ стоялъ у окна; оно было открыто, и съ улицы на нихъ вѣялъ теплый вѣтеръ, густой отъ разныхъ смѣшанныхъ запаховъ.

— Тебя какъ звать-то, красавица?

— Анной.

— Ну-ка, Аннушка, выпьемъ для знакомства.

Онъ налилъ изъ поставленной передъ нимъ бутылки двѣ рюмки водки; они чокнулись и выпили. Аннушка сняла съ головы платокъ и стала красивѣе: волосы у нея были густые, волнистые, каштановые, глаза — продолговатые, каріе, и глубоко въ нихъ горѣла такая хорошая, живая искорка. Она то прищуривала ихъ, то открывала, перебирая пальцами полной и бѣлой руки сборки ситцевой кофточки на груди.

— А плясать ты умѣешь русскую? — спросилъ Тихонъ Павловичъ, разсмотрѣвъ ее и найдя, что она должна быть особенно хороша въ пляскѣ, когда идетъ этакъ бокомъ и поводитъ плечами, подманивая къ себѣ глазами...

— Пляшу...—отвѣтила она, снова наливая рюмки.

— И выпиваешь-таки, видно?—усмѣхнулся мельникъ.

— А какъ же? Такая жизнь... Намъ не пить нельзя...— спокойно заявила она.

— Развѣ ужъ больно тяжело?—допрашивалъ мельникъ, не скрывая недовѣрія къ ней и все продолжая насмѣшливо улыбаться.

Она отвѣтила не сразу: сначала повела плечами, оправила волосы на головѣ, отломила ломтикъ чернаго хлѣба, понюхала его съ видомъ записной пьяницы, потомъ положила въ ротъ и, медленно пережевывая, заговорила:

— Чай, если и васъ заставить цѣловаться со всякой бабой, какая того отъ васъ захочетъ, такъ и вамъ, даромъ что вы мужчина, противно это станетъ. А наша сестра должна... потому хлѣбъ. А вѣдь среди васъ хорошихъ-то больно мало, больше все... такіе, что, того и гляди, стошнитъ. Опять же и грѣхъ... Мы не безчувственныя какія — Бога помнимъ все-таки... совѣстно. Иногда—особенно съ похмелья—такъ жутко станетъ, что

вотъ взяла бы да и сунула голову въ петлю... Ну, сейчасъ возьмешь полбутылки, да и оглушишь себя натощакъ-то... И втянешься... Безъ водки на такое дѣло нельзя выходить—не сможешь... затоскуешься...

Еще съ начала ея рѣчи Тихонъ Павловичъ почувствовалъ, что ея глаза съ этой искрой въ нихъ какъ-то щиплютъ его за сердце, остановившись на его лицѣ и какъ бы стараясь запомнить его. Когда она сказала свое „такіе"... и сдѣлала паузу послѣ этого слова—онъ почувствовалъ, что въ этой паузѣ много обиднаго для него. А потомъ она заговорила о Богѣ. Онъ пригласилъ ее съ собой совсѣмъ не для этого. И тогда въ душѣ его вспыхнуло раздраженіе противъ нея. Онъ строго и вѣско заговорилъ:

— Кому что назначено, тотъ и долженъ нести свою тяжесть... н-да. А вотъ я пріѣхалъ съ тобой сюда для веселья, а не для постныхъ разговоровъ. Разговоръ такой—совсѣмъ не при чемъ въ нашемъ дѣлѣ. Желаю я разгуляться и чтобы съ трескомъ... понятно? Сто цѣлковыхъ брошу, но чтобы былъ отдыхъ душѣ. Чтобы вихрь былъ! Можешь ты мнѣ въ этомъ дѣлѣ способствовать? Дѣйствуй — десятку дамъ! Но чтобы — вотъ какъ было! И съ глазами, внезапно загорѣвшимися дикимъ огнемъ, онъ повелъ рукой по шеѣ и мотнулъ головой, защуривъ глаза.

Она поняла его и тоже какъ бы сразу вспыхнула вся. До этой поры онъ ей казался мямлей, солиднымъ бородачомъ-семьяниномъ, который и согрѣшить желаетъ только до извѣстнаго предѣла; но теперь ей стало ясно, что онъ можетъ развернуться широко. И блеснувъ глазами, она встала со стула, накидывая на голову платокъ и говоря:

— Такъ бы вы сразу и сказали, а то чешете языкъ, и невозможно понять—зачѣмъ. Посидите, я въ минуту ворочусь. Сейчасъ будетъ гармонистъ, пѣсни будемъ пѣть, спляшемъ... А вы, пока я хожу, переберитесь-ка

вотъ сюда...—она указала рукой на сосѣднюю комнату,— да закажите чаю, водки еще и закуски... Ну те-ка, я тяпну еще одну!

Она „тяпнула“ рюмку водки, улыбнулась и исчезла.

Онъ подозвалъ полового, сказалъ ему все, что было нужно, и перешелъ въ сосѣднюю комнату. Она представляла изъ себя что-то вродѣ коридора — не по длинѣ узкая и прокопченая. Въ ней было три окна, всѣ на улицу; въ одномъ простѣнкѣ висѣла картинка, изображавшая охоту на медвѣдя, въ другомъ — голую женщину. Тихонъ Павловичъ посмотрѣлъ на нихъ и сѣлъ за круглый столикъ, стоявшій передъ широкимъ кожанымъ диваномъ, надъ которымъ опять-таки висѣла картина, изображавшая не то некошеные луга, не то море въ тихую погоду. Въ центрѣ картины помѣщалось коричневое пятно, которое съ удобствомъ можно было счесть и за избушку, и за корабль. По бокамъ рамы горѣли двѣ лампы. Въ сосѣдней комнатѣ гудѣла публика, все прибывавшая, звенѣли стаканы, хлопали пробки откупориваемыхъ бутылокъ.

— Попробуемъ встряхнуться...—думалъ Тихонъ Павловичъ, наливая себѣ водки и проглатывая ее.—Авось, послѣ встряски и оживемъ. Будетъ, поваландался съ собой. Кабы можно было мнѣ понимать какъ и что — дѣло другое. Но понимать я не могу. Томитъ меня, а что томитъ?--неизвѣстно это мнѣ. Сосетъ—и все... Ну, положимъ, умеръ человѣкъ—что же такое? Дѣло ясное— жилъ, оттого и умеръ. И я умру... Душу забывать не надо — это точно. Но чего она хочетъ? Кабы я могъ это понимать! — Ему вспомнился Кузька. — Онъ вотъ даетъ просторъ себѣ. Живетъ и знать ничего не хочетъ... и никакимъ думамъ не подверженъ. А вѣдь у него тоже душа, ежели правильно разсудить. И у учителя душа. Однако, всѣ люди — разные. Вотъ и эта... бабенка говоритъ тоже: жить — говоритъ — совѣстно. А почему совѣстно, ежели судьба? Безъ Божьей воли

и волосъ съ твоей головы не падетъ...—Тутъ ему снова вспомнилось что-то отдаленное, неясное, но что снова одѣло его голову и сердце сырымъ и тяжелымъ туманомъ.

Онъ тяжело вздохнулъ, выпилъ и, откинувшись на спинку дивана, прислушался къ себѣ.

Почему-то ему представилась большая труба военной музыки въ саду.

— Уфъ, уфъ, — рычала она, выбиваясь изъ толпы другихъ нотъ. Потомъ онъ ясно вспомнилъ дребезгъ пролетки, что такъ грубо нарушалъ грустную тишину вечера.

— Развѣ можно самого себя понимать, коли человѣкъ, можно сказать, какъ мельница: цѣлый день разныя разности перетираетъ своимъ умомъ? — съ обидой на кого-то подумалъ Тихонъ Павловичъ.—Хорошо тѣмъ, которые могутъ понимать — какъ и что; ну, а намъ гдѣ же? Мы—люди ущемленные, темные. Душа... я понимаю! Но какой есть мой настоящій путь—какъ я это могу разобрать? Вотъ и загвоздка...

Однако, въ немъ, гдѣ-то тамъ глубоко, все ныло что-то, все покалывало его какое-то острое ощущеніе. И ему казалось, что онъ какъ бы раздвоился: одна его половинка незамѣтно для другой старается куда-то столкнуть ее, или какъ бы онъ осторожно обходитъ самъ себя, какъ обходилъ онъ разныхъ мужичковъ, вступавшихъ съ нимъ въ сдѣлки.

— Вѣдь развѣ я спорю?—доказывалъ онъ самъ себѣ, хмуря лобъ.—Грѣшенъ и закоснѣлъ--понимаю... Но какъ мнѣ распростаться-то? Придетъ постъ — буду говѣть, а до той поры—ужъ какъ ни то—надо сносить.

И все-таки въ концѣ концовъ онъ ясно чувствовалъ, что одному ему не годится оставаться здѣсь долго, что его опять понемногу охватываетъ и засасываетъ тоска. Онъ боялся ея возвращенія. Она было утихла тамъ, въ саду и по дорогѣ сюда, а теперь вотъ снова является,

растетъ, отуманиваетъ его и заставляетъ чувствовать какую-то неловкость и смущеніе. Онъ всталъ, налилъ рюмку водки, выпилъ и вышелъ въ ту комнату, гдѣ сидѣлъ раньше.

— И чего эта чортова кукла провалилась?—съ негодованіемъ подумалъ онъ.

На него уставилось нѣсколько паръ любопытныхъ глазъ. Черный человѣкъ съ солдатскими усами измѣрялъ его пристальнымъ взглядомъ, въ которомъ свѣтилось что-то недоброе. Онъ повернулся назадъ и отшатнулся въ сторону. Передъ нимъ стоялъ высокій человѣкъ въ красной рубахѣ, пустые рукава которой свободно болтались по бокамъ, ниспадая отъ плечъ. Клинообразная русая борода удлиняла его блѣдное, испитое лицо съ лихорадочно-блестѣвшими сѣрыми глазами; длинная шея съ изогнутымъ и вытянувшимся впередъ кадыкомъ придавала этой странной фигурѣ что-то журавлиное. На ногахъ у него были валенки и плисовыя шаровары, вытертыя на колѣняхъ. Ему было, навѣрное, лѣтъ подъ пятьдесятъ, но глаза молодили его. Онъ смѣрилъ Тихона Павловича глазами и прошелъ мимо него въ длинную комнату.

— Значитъ, вы и есть купецъ?...—сказалъ онъ, когда увидалъ, что мельникъ вошелъ за нимъ.

— Я...

— Налейте мнѣ рюмочку.

— Изволь.

— И поднесите.

— Могу.

Мельникъ налилъ водки, поднесъ ее къ губамъ безрукаго, и тотъ сразу, потянувъ въ себя воздухъ, съ какимъ-то особеннымъ свистомъ выхлебнулъ ея содержимое все до капли.

— Закуски надо?

— Не употребляю послѣ первой рюмки.

— Налить еще?

— Покорно благодарю...

Онъ говорилъ высокимъ металлическимъ голосомъ, и послѣ двухъ рюмокъ глаза его заблестѣли еще ярче, а на лицѣ вспыхнули два пятна. Тихонъ Павловичъ далъ ему кусокъ хлѣба съ какой-то рыбой, тотъ взялъ его губами, сѣлъ на диванъ и, наклонивъ голову надъ столомъ, положилъ закуску на край стола и ѣлъ, быстро сгибая шею. Кусая, онъ далеко вытягивалъ нижнюю губу и удерживалъ ею пищу отъ паденія на полъ. Тихонъ Павловичъ смотрѣлъ на него, и ему было жалко этого изуродованнаго человѣка.

— Какъ это руки-то?... — спросилъ онъ съ соболѣзнующей нотой въ тонѣ вопроса.

— Очень просто: попалъ въ пьяномъ видѣ въ приводный ремень—разъ, два! — три мѣсяца въ больницѣ, и пошелъ въ нищіе! — быстро разсказывалъ калѣка, вдоль и поперекъ измѣряя своими глазами мельника.

— Больно-то, чай, какъ было!—воскликнулъ Тихонъ Павловичъ, чмокая губами.

— Больно... но это прошло. А что прошло, того и нѣтъ. Скверно вотъ то, что есть, а то бы все наплевать.

— Т.-е. какъ? — не понялъ Тихонъ Павловичъ.

— Очень просто: жить безъ рукъ невозможно. Даже милостыни принять нечѣмъ — вотъ какая подлость! Ртомъ ловить—зубы вышибутъ.

— Это вѣрно,—засмѣялся Тихонъ Павловичъ.

Въ калѣкѣ было что-то живое, бойкое, бодрящее, и его глаза сверкали такъ умно. Тихонъ Павловичъ подумалъ, что, должно быть, онъ хорошій и веселый парень, даромъ что безъ рукъ.

— Чего вѣрнѣе... — кивнулъ головой безрукій и громко откашлялся.

— А Аннушка скоро?—спросилъ мельникъ.

Безрукій быстро вскинулъ голову и остро посмотрѣлъ въ лицо Тихона Павловича. Тому показалось, что

это какой-то особенный, непріязненный взглядъ, и онъ скосилъ глаза въ сторону, немного смущенный.

— Вы гдѣ ее... подцѣпили?—спросилъ безрукій.

— Въ саду... встрѣтилиоь... — счелъ нужнымъ мельникъ удлиннить свой отвѣтъ.

— А!...

— А что?

— Такъ...

— Красивая дѣвица...—сказалъ Тихонъ Павловичъ, чувствуя, что непріязнь къ нему все возрастаетъ у его собесѣдника.

— Тоже калѣка...—кратко бросилъ тотъ.

— Т.-е. какъ?

— — Души нѣтъ. У меня машиной руки вырвало, а у нея душу — жизнью. Жизнь у бѣдныхъ людей проклятая — калѣчитъ безъ всякаго резона. Жестокая жизнь.

Помолчали. Безрукій ерзалъ по дивану, точно разжигаемый какимъ-то нетерпѣніемъ, а Тихонъ Павловичъ, исподлобья поглядывая на него, чувствовалъ себя неловко и злился, и чего-то боялся, и снова началъ чувствовать внутри себя эти уже знакомые ему уколы. Во время разговора чувствуешь себя лучше — не замѣчаешь ничего внутри себя, если говоришь о томъ, что внѣ.

— Еще рюмочку?

— Давайте... Но больше не надо, а то не буду пѣть.

— Въ пѣвчихъ были?

— Я? Всѣмъ былъ—часовыхъ дѣлъ мастеромъ былъ, пѣвчимъ былъ, смазчикомъ на желѣзной дорогѣ былъ, роговыми издѣліями торговалъ, приказчикомъ по лѣсной части... всего не упомню. Давно живу!

— Н-да... Вонъ какъ...—сказалъ Тихонъ Павловичъ, поражаемый бойкостью собесѣдника. Снова помолчали.

— А долго не идетъ она, Аннушка-то?...

— Анюта?—какъ-то весь перекосился безрукій...—

Придетъ!—И онъ сухо засмѣялся.—Непремѣнно придетъ... Вы ей десять цѣлковыхъ хотѣли дать? Придетъ—еще бы! За десять-то цѣлковыхъ, когда она за рр... эхъ! Онъ, извиваясь своимъ длиннымъ тѣломъ, закашлялся. — Знаете, я эту Анюту съ шести лѣтъ знаю. Н-да... каково-съ? Я ее на рукахъ носилъ, пряники ей покупалъ, а теперь самъ вотъ живу подъ ея охраной... Я ей, бывало, пряники, а она мнѣ теперь хлѣбъ и водку... Времена перемѣнчивы... а люди — скоты. Впрочемъ, все держится въ своихъ законахъ, и человѣкъ на землѣ не болѣе, какъ ничтожная гнида. Все въ порядкѣ, ныть и плакать не стоитъ — ни къ чему не поведетъ. Живи и ожидай, когда тебя изломаетъ, а если изломало уже — жди смерти! Только и есть на землѣ всѣхъ умныхъ словъ. Поняли? И Анюта, и я, и вы — всѣ мы съ молодости нашей потеряли все, а нашли до сей поры шишъ съ масломъ! Вѣрно-съ! И больше никакихъ. Всякіе разговоры — пустяки и чепуха. Я прежде былъ другого взгляда на жизнь и очень безпокоился за себя и за другихъ — какъ, молъ, и что, и какой смыслъ, и въ чемъ суть, и зачѣмъ, и почему... Нынче — наплевать! Проходитъ жизнь извѣстнымъ порядкомъ, ну, и проходи, — такъ, значитъ, надо, и я тутъ не при чемъ. Законы-съ; противъ нихъ невозможно идти... И незачѣмъ потому что даже и тотъ, кто все знаетъ, ничего не знаетъ. Ужъ повѣрьте мнѣ въ этомъ случаѣ — съ умнѣйшими людьми велъ по этимъ дѣламъ бесѣды — со студентами и со многими священнослужителями церкви. Х-хе! Разсуждаютъ люди о томъ, о другомъ и прочее... глупо-съ! очень глупо! О чемъ разсуждать, когда существуютъ законы и силы? И какъ можно имъ противиться, ежели у насъ всѣ орудія въ умѣ нашемъ, а онъ тоже подлежитъ законамъ и силамъ? Вы понимаете? Очень просто. Значитъ, живи и не кобенься, а то тебя сейчасъ же разрушитъ впрахъ сила, состоящая изъ собственныхъ твоихъ свойствъ и намѣреній и изъ дви-

женій жизни! Это называется — фи-ло-со-фія-съ дѣйствительной жизни... Понятно? — Онъ горѣлъ и кипятился, этотъ безрукій калѣка, кидая одну за другой свои отрывистыя и туманныя фразы Тихону Павловичу. Тонъ его рѣчи былъ страненъ: въ немъ звучала и горькая обида, и полная безнадежность, и насмѣшка надъ чѣмъ-то или надъ кѣмъ-то, и какой-то мистическій страхъ предъ этими законами и силами — словами, которыя онъ произносилъ съ какимъ-то особеннымъ подчеркиваніемъ и пониженіемъ голоса.

Тихонъ Павловичъ мало понялъ изъ его рѣчи, но она сообщила ему какую-то нервозную робость, и онъ чувствовалъ, что она что-то объясняетъ ему. И когда безрукій сдѣлалъ паузу, задыхаясь отъ всего сказаннаго, онъ робко и задумчиво спросилъ его:

— Значитъ, человѣку некуда податься?

— Ни на вершокъ! — сверкнувъ глазами, сказалъ безрукій и, подавшись всѣмъ корпусомъ въ сторону Тихона Павловича, добавилъ голосомъ сдавленнымъ и строгимъ: — Законы! Тайныя причины и силы — понимаете? — Онъ поднялъ кверху брови и многозначительно качнулъ головой. — Никому ничего неизвѣстно... Тьма! Онъ съежился, вобравъ въ себя голову, и мельнику представилось, что если бъ его собесѣдникъ имѣлъ руки, то онъ навѣрное погрозилъ бы ему пальцемъ. — И значитъ, живи, но не жалуйся и корись! Больше ничего...

— Н-да-а! — протянулъ мельникъ, задумчиво теребя бороду и наморщивая лобъ. — Ну, а какъ же душа?

— Душа?... Младенцевъ, малыхъ ребятъ въ кабакахъ и другихъ такихъ мѣстахъ видали? Вотъ — душа на землѣ! Испытаніе ей дано...

— Значитъ, какъ же теперь, ежели совѣсть?...

— Вонъ — идутъ... — кивнулъ головой безрукій.

Въ дверяхъ стояла Аннушка, раскраснѣвшаяся и

тяжело дышавшая; изъ-за ея плеча высовывалась усатая физіономія въ фуражкѣ, ухарски сдвинутой на ухо, и съ насмѣшливо-прищуренными глазами.

— Михаилъ Антонычъ! Костя пришелъ... А я устала!

— Костя? — встрепенулся безрукій. — Дѣльно! Это, значитъ, будетъ восторгъ одинъ! Костя, иди сюда!... Вотъ купецъ, человѣкъ, такъ сказать, талантъ! Вотъ душа!

Изъ-подъ локтя Аннушки вынырнулъ худой и желтый юноша, сутулый, съ ввалившейся грудью, съ тонкими губами; онѣ были у него полуоткрыты, и изъ-за нихъ видно было два ряда зубовъ, черныхъ, поврежденныхъ виннымъ камнемъ.

Въ комнатѣ сразу стало шумно — пришедшіе внесли съ собой цѣлую волну разнообразныхъ звуковъ. Усатый человѣкъ съ насмѣшливыми глазами оказался гармонистомъ; онъ сейчасъ же сѣлъ въ уголъ дивана и поставилъ себѣ на колѣни большую гармонику съ безчисленнымъ количествомъ клапановъ и взялъ какой-то чрезвычайно высокій и бойкій аккордъ, послѣ чего побѣдоносно взглянулъ на Тихона Павловича и налилъ себѣ рюмку водки.

Кромѣ Аннушки, пришла еще дѣвица — Таня, какъ назвалъ ее какой-то молодой человѣкъ въ пиджакѣ, не то ремесленникъ-„чистякъ", не то мелкій приказчикъ. Они усѣлись къ окну, а Аннушка, гармонистъ, Тихонъ Павловичъ, безрукій и Костя составили группу у стола. Тамъ, въ большой комнатѣ, народу набралось уже много, почти всѣ столы были заняты и гудѣлъ могучій, пьяный шумъ, сливаясь въ оглушительную гармонію.

Безрукій и Костя говорили что-то между собой вполголоса; лицо Кости освѣщалось глубоко ввалившимися голубыми глазами, подъ ними были большія, темныя пятна. Онъ былъ въ поддевкѣ, въ красной рубахѣ и сапогахъ съ наборомъ. Аннушка что-то шептала гармонисту, лукаво улыбаясь, а тотъ слушалъ ее и равнодушно поглядывалъ на мельника.

Всѣ чувствовали себя нѣсколько стѣсненными, особенно Тихонъ Павловичъ, потерявшійся при видѣ столькихъ незнакомыхъ лицъ, мало обращавшихъ на него вниманія. Онъ сразу почувствовалъ себя точно выдернутымъ откуда-то, и хотя отъ выпитой водки и разговора съ безрукимъ голова у него налилась какъ бы туманомъ, однако онъ сообразилъ, что онъ долженъ играть роль хозяина. Теперь Аннушка и Таня перемигнулись другъ съ другомъ, стали хохотать надъ чѣмъ-то; имъ вторилъ человѣкъ въ пиджакѣ, смѣявшійся громко и добродушно; гармонистъ вытягивалъ изъ своего инструмента длинныя, визгливыя ноты, а безрукій и Костя перебрасывались какими-то односложными словами.

Тихонъ Павловичъ крякнулъ, желая обратить на себя вниманіе, и его поняли. Всѣ какъ-то засуетились, сразу сдвинулись плотнѣе къ столу; Аннушка вскочила съ дивана и сѣла рядомъ съ мельникомъ на стулъ; пара отъ окна тоже подошла къ столу.

— Для начала выпьемъ, господа компанія! — возгласилъ Тихонъ Павловичъ, и ему очень понравилось то, что онъ сказалъ эти слова такъ степенно, солидно, вѣско.

Выпили. Безрукому подалъ Костя, сидѣвшій рядомъ съ нимъ.

— Вы, значитъ, — обратился Тихонъ Павловичъ къ безрукому, — какъ человѣкъ этакій... — Онъ замялся, взглянувъ на плечи этакого человѣка. — Вы и командуйте всѣмъ. Чтобы было весело, чтобы ходуномъ ходило все... Выпьемъ еще по одной для развязки!

— Можно,—согласился безрукій. По мѣрѣ того, какъ онъ пилъ, у него все болѣе расширялись глаза и въ кадыкѣ начинало что-то клокотать.—Выпьемъ и споемъ хоромъ! Идетъ? Хорошо будетъ! Ты, Костя, подвывай-подголашивай, Аннушка заведетъ, а вы, Маркъ Иванычъ, подтяните на гармоникѣ.

Всѣ заговорили сразу. Юноша въ пиджакѣ нахо-

дилъ, что хора не выйдетъ—мало голосовъ; гармонистъ согласился съ нимъ и, очевидно, желая показаться свѣдущимъ, употреблялъ разные спеціальные термины.

— Никакъ не выйдетъ, потому все мажорные, т.-е. громкіе голоса, и будетъ одинъ крикъ. Тріе—вотъ это будетъ вразъ, втроемъ, значитъ, нужно пѣть.

Аннушка, выпившая и возбужденная, ластилась, какъ кошка, къ мельнику. Онъ старался сохранить солидность, но уже масляно улыбался и ущипнулъ ее за бокъ. Она тихонько взвизгнула и ударила его по рукѣ. Они увлеклись понемногу, а вокругъ нихъ все горячѣе разгорался споръ о томъ, что и какъ пѣть.

Въ дверь то и дѣло заглядывали разныя трактирныя физіономіи, заглядывали и исчезали, уступая мѣсто другимъ.

— Маркъ Иванычъ, это не такъ!—съ тоской въ голосѣ восклицалъ безрукій.

— Нѣтъ, такъ!—глухимъ басомъ рубилъ гармонистъ.

Костя не принималъ участія въ спорѣ: отвалившись спиной въ уголъ дивана, онъ выпятилъ грудь, полузакрылъ глаза и вдругъ почему-то поблѣднѣлъ.

— Костюшка, запѣвай!—крикнула Таня высокимъ контральто и облокотилась на столъ, подперевъ щеку рукой. Ея кавалеръ началъ что-то шептать ей на ухо, скашивая глаза въ сторону мельника, обнявшаго свою сосѣдку за талію и подносившаго къ ея рту рюмку рябиновой. Она жеманилась, отворачивая голову въ сторону. Таня посмотрѣла на нее лѣнивымъ взоромъ тусклыхъ синихъ глазъ и снова приняла прежнюю позу, кинувъ гармонисту:

— Будетъ вамъ, чай, ужъ!

А безрукій, наклонившись къ нему корпусомъ и брызгая слюной, громкимъ звенящимъ голосомъ кричалъ:

— И опять не такъ! Нужно начинать съ грусти, чтобы привести душу въ порядокъ, заставить ее прислушаться.

— Т.-е. это какъ же?—скептически возражалъ гармонистъ, хмуря брови и поводя усами.

— А такъ—она чувствительна къ грусти... Понимаете? Вотъ вы ей сейчасъ и закиньте удочку—„Лучинушкой“, къ примѣру, или „Заходило солнце красное“—она и пріостановится, замретъ. А тутъ вы ее хватите сразу „Чоботами“ али „Во лузахъ“, да съ дробью, съ пламенемъ, съ плясомъ—чтобы жгло! Ожгете ее, она и встрепенется! Тогда и пошло все въ дѣйствіе. Тутъ ужъ начнется прямо бѣшенство—чего-то хочется и ничего не надо! Тоска и радость — такъ все и заиграетъ радугой!...

Безрукій задыхался отъ возбужденія и странно раскачивалъ корпусомъ, точно собираясь нырнуть на полъ, подъ ноги гармониста. Шумъ въ трактирѣ становился все болѣе хаотичнымъ, оглушающимъ, пьянымъ.

И вдругъ въ него впилась высокая теноровая нота, болѣзненно вибрирующая, протяжная, унылая:

„Эхъ, да въ непогоду-у...“

— Ш-ш-ш!—змѣей зашипѣлъ безрукій, вскинувъ кверху голову и обводя публику широко раскрытыми глазами съ выраженіемъ въ нихъ и просьбы, и какой-то боязни, и удовольствія. Публика сразу притихла и уставилась на Костю, сидѣвшаго на диванѣ съ блѣднымъ лицомъ и судорожно открытыми губами, изъ которыхъ, дрожа и взвиваясь все выше, лились одинъ за другимъ звуки, сильные, но надломленные и—было ясно—рожденные больной грудью.

— Таня, подхвати, голубушка!—шепталъ молящимъ шопотомъ безрукій.

„Вѣтеръ воетъ, завываетъ...“

сразу перешелъ Костя на речитативъ.

Таня равнодушно, съ видомъ человѣка, говорящаго: „могу—мнѣ все равно!“, посмотрѣла на Костю и, крѣпче

приложивъ руку къ щекѣ, подхватила прежде, чѣмъ Костя кончилъ свой речитативъ:

„А мою голо-овушку"

— „Злая грусть терзаетъ!..." продолжалъ Костя, неподвижный и весь углубившійся въ себя. Маленькій онъ былъ, сухой, желтый, и было странно убѣждаться, что это именно въ его съеженной и изогнутой фигуркѣ хранятся такіе красивые, сильные звуки. Пѣсня лилась нота за нотой. Голосъ Кости, высокій, металлическій теноръ, вибрировалъ, какъ бы рыдая, и замиралъ но прежде чѣмъ онъ успѣвалъ погаснуть, раздавалось густое контральто Тани и оно задумчиво и печально плыло изъ ея горла, ровное, безнадежно-спокойное, что дѣлало слова еще болѣе грустными. Въ дверяхъ комнаты стояла толпа людей съ красными, возбужденными и потными физіономіями; за ней гдѣ-то тамъ, въ комнатѣ, попрежнему звучали стаканы и гудѣли пьяные голоса, но они все ослабѣвали, а толпа у дверей протискивалась все дальше въ комнату.

„Эхъ, да и пойду я въ степи..."

грустно разсказывалъ Костя съ красными пятнами на своемъ лицѣ—

„Въ степи-и..."

подхватила Таня, и голосъ ея звучалъ только какъ равнодушное эхо чужой скорби:

„Поищу тамъ доли..."

Голоса слились и дружной, теплой и ослабляющей душу струей ровно потекли по комнатѣ, пропитанной запахомъ водки, табаку и пота, вдругъ задрожали, забились, зарыдали, точно имъ стало тѣсно и тошно тутъ. Потомъ голосъ Кости оборвался и умолкъ, а Таня продолжала:

„Матушка-пустыня-а.."

—„Матушка-пустыня!" — снова вступилъ Костя тоскливымъ крикомъ:

„Пріюти сиротку-у..."

— „Пріюти сиротку", — вступилъ третій, новый голосъ. Это походило на флажолетъ скрипки: голосъ былъ почти фальцетъ, но въ немъ было много чувства и выраженія, онъ такъ искренно плакалъ, былъ такимъ роднымъ голосу Кости, такъ тоскливо просилъ пріюта. Онъ слился съ голосомъ Кости и, уже звуча въ униссонъ ему, гибкій, тоже дрожащій, являвшійся какъ бы эхомъ, тѣнью основного звука, заплакалъ и застоналъ, выпѣвая только однѣ гласныя. Это пѣлъ безрукій, закрывъ глаза и выгнувъ свой кадыкъ. Контральто Тани звучало... низкое, ровное, густое, и оно стало чѣмъ-то вродѣ широкой полосы бархата, извивавшейся въ пространствѣ, а на немъ, на этомъ бархатѣ, въ фантастическихъ узорахъ дрожали золотыя и серебряныя нити голосовъ безрукаго и Кости.

Публика была подавлена этимъ разсказомъ сироты о поискахъ своей доли. Тихонъ Павловичъ давно уже неподвижно сидѣлъ на стулѣ, низко свѣсивъ на грудь голову и жадно вслушиваясь въ звуки пѣсни. Они снова будили въ немъ его тоску, но теперь къ ней примѣшивалось что-то ѣдко-сладкое, щекочущее сердце. Онъ чувствовалъ себя такъ, какъ будто его обливало что-то теплое и густое, какъ парное молоко, обливало и, проникая внутрь его существа, наполняло собой всѣ жилы, очищало кровь, тревожило его тоску и, развивая ее и увеличивая, все болѣе смягчало. Было еще что-то жгучее и щиплющее во всѣхъ этихъ ощущеніяхъ — оно было въ каждомъ изъ нихъ и, соединяясь, образовало въ душѣ мельника странную сладкую боль, точно большая, давившая его сердце, льдина таяла, распадалась на куски и они кололи его тамъ, внутри.

Аннушка положила на плечо сосѣда свою голову и замерла въ этой позѣ, потупивъ глаза въ землю. Гармонистъ задумчиво покручивалъ усъ, а человѣкъ въ пиджакѣ отошелъ къ окну и сталъ тамъ, прислонясь къ стѣнѣ и смѣшно вытянувъ голову по направленію

къ пѣвцамъ, точно онъ ртомъ ловилъ звуки пѣсни. Толпа въ дверяхъ шуршала платьемъ и глухо ворчала, слившись въ одно большое животное.

Трое пѣвцовъ пѣли, сами себя очаровавъ своей пѣснeй, и она звучала, то мрачная и страстная, какъ молитва кающагося грѣшника, то печальная и кроткая, какъ плачъ больного ребенка, то полная отчаянной и безнадежной тоски, какъ всякая хорошая русская пѣсня:

„Э я сижу-у-мо-оря-а...“

рыдалъ Костя, у котораго отъ напряженія выступилъ потъ на лбу и катился по щекамъ, какъ слезы;

„Эо-а, э-оо-э-о-а!“

вторилъ ему безрукій однѣми гласными. Онъ плотно зажмурилъ глаза, и ноздри его нервно дрожали, дрожали и губы, и подбородокъ.

„Доли себѣ жду-у!“

голосомъ, полнымъ безнадежности и покачивая головой, пѣла Таня и улыбалась такой тоскливой, острой улыбкой.

„Душу мою...“

звенѣлъ и плакалъ теноръ Кости.

„Слезы-и-и...

„Слезы жгучи моютъ!...“

дрожалъ голосъ безрукаго.

Звуки все плакали, плыли; казалось, что вотъ-вотъ они оборвутся и умрутъ, но они снова возрождались, оживляя умирающую ноту, снова поднимали ее куда-то высоко; тамъ она билась и плакала, падала внизъ; фальцетъ безрукаго оттѣнялъ ея агонію, а Таня все пѣла, и Костя опять рыдалъ, то обгоняя ея слова, то повторяя ихъ, и должно быть, не было бы конца у этой плачущей и молящей пѣсни—разсказа о поискахъ доли сиротой-человѣкомъ.

— Братцы! — глухо крикнулъ Тихонъ Павловичъ, вскакивая со стула.—Больше не могу! Христа ради, ольше не могу!

Лицо у него было красно и все въ слезахъ, борода, смоченная ими, скомкалась, и въ глазахъ, широко открытыхъ, испуганныхъ, полныхъ болѣзненнаго напряженія, сверкало что-то дикое и восторженное, жалкое и горячее. Вставая, онъ оттолкнулъ Аннушку; она чуть не упала, оправилась и, точно проснувшись, смотрѣла на безрукаго глазами, тусклыми и тупыми—тяжелымъ взглядомъ уставшаго животнаго.

— Душу мою пронзили! Будетъ—тоска моя! Тронули вы меня за больное сердце... то-есть, часу у меня такого не было еще въ жизни!

Таня тупо смотрѣла на него, и изъ ея губъ все лились ровныя, сочныя ноты, теплыя, но безъ огня.

— Братцы! Какъ угли горятъ во мнѣ теперь—вотъ какая тоска! Что теперь я сдѣлаю? На ножъ пойду!—глухо гудѣлъ мельникъ, страшно тараща глаза и растирая грудь обѣими руками.—Кутимъ! Съ трескомъ! Эхъ ты, жизнь!

Безрукій и Таня оборвали пѣсню. Таня сейчасъ же налила себѣ полстакана водки и выплеснула ее себѣ въ ротъ съ такой быстротой, точно у нея тамъ угли горѣли и она хотѣла скорѣе потушить ихъ. Взволнованный и уставшій безрукій молча отдувался. Онъ какъ-то сразу осунулся, у него ввалились щеки, и глаза смотрѣли тупо, тускло и безсмысленно.

— Налей-ка мнѣ рябиновой, Маркъ Иванычъ!

— Славно пѣли...—тихо сказалъ гармонистъ, поднося къ его рту стаканъ.

Толпа очнулась, и поднялся хаотическій шумъ и говоръ. Послышались одобрительныя восклицанія, ласковыя ругательства.

„Доля, моя доля, гдѣ жъ ты...“

вдругъ снова зарыдалъ теноръ Кости.

Онъ все время пѣлъ съ закрытыми глазами и, гипнотизированный своей пѣснею, должно быть, не слышалъ ничего, сдѣлалъ паузу и вотъ—снова запѣлъ.

Раздался хохотъ. Хохотали тѣ, что стояли у двери, и съ ними хохотала Таня. Показалось смѣшнымъ это увлеченіе Кости, и смѣхъ разбудилъ его. Широко открывъ глаза, горящій и нервный, онъ посмотрѣлъ на смѣющіяся физіономіи, съежился, поблѣднѣлъ и какъ-то сразу погасъ, превратился въ того худого, желтаго паренька, какимъ онъ вошелъ сюда.

— Лапушка, пей!—угощалъ Тихонъ Павловичъ Аннушку.—Пей, гуляй! Кучу! Сокрушилъ бы я себя самого...

Гармонистъ взялъ въ руки гармонику, подумалъ, поднявъ голову вверхъ, и заигралъ что-то бойкое.

— Вотъ какъ тронули душу у купца! а!?—толкалъ его безрукій подъ столомъ ногой. Гармонистъ молча кивалъ головой. Таня исчезла куда-то, а человѣкъ въ пиджакѣ, стоя у двери въ большую комнату, смотрѣлъ на шумливую публику. Около стола Тихона Павловича появились какія-то нахальныя фигуры и пили его водку. Онъ пилъ со всѣми и быстро пьянѣлъ. И Аннушка пьянѣла.

— Плясать хочу, Маркъ, играй камаринскаго!—кричала она, поводя плечами. Безрукій, нахмурившись, смотрѣлъ на нее съ дивана и кусалъ себѣ губы.

— Ну, Михаилъ Антонычъ, не сердись! Все равно вѣдь! — улыбнулась она ему, замѣтивъ его мину. — Одинъ разъ жить на свѣтѣ...

— Баба, хоть четыре жизни живи, все скотиной будетъ! — зло кинулъ онъ ей.

— Другъ! не ругайся! Она — милая дѣвица, я ее люблю!—бушевалъ мельникъ.—Тронули вы мнѣ душу и очистили ее. Чувствую я теперь себя — ахъ, какъ! Въ огонь бы полѣзъ...

— Человѣкъ никуда не долженъ лѣзть... Ты вотъ налей-ка мнѣ!

— Не лѣзть никуда? Это — вѣрно! Руку! Да, руки у тебя нѣтъ... Ну, поцѣлуемся. Онъ обнялъ безрукаго и сталъ цѣловать его. Костя наливалъ себѣ водки и пилъ ее рюмку за рюмкой, видя, что никто за нимъ не слѣдитъ.

— Играй русскую! Хочу плясать! — все еще стояла на своемъ Аннушка. Гармонистъ грянулъ какой-то удивительный аккордъ и заигралъ „По улицѣ мостовой“.

Уперевъ руки въ боки и поводя плечами, Аннушка, соблазнительно красивая и горящая отъ возбужденія, павой проплыла мимо разгоряченнаго виномъ мельника и вызывающе подмигнула ему глазомъ.

— Ихъ ты! Пошелъ и я!—ухарски крикнулъ онъ и, громко топая ногами, пустился вслѣдъ за ней.

Безрукій смотрѣлъ на него, страшно оскаливъ зубы и вращая бѣлками.

Снова собралась толпа и грохотала, глядя на пляшущихъ.

— Загулялъ Тихонъ!—угрожающе выкрикнулъ мельникъ.—Возобновился человѣкъ! Э-эхма!

Ночью на пятый день послѣ описаннаго Тихонъ Павловичъ возвращался со станціи домой, на хуторъ.

Съ больной головой, разбитый и мрачный, онъ трясся въ телѣгѣ и чувствовалъ въ груди мерзкій, горькій осадокъ послѣ четырехдневной кутежки. Представля себѣ, какъ жена встрѣтитъ его и заноетъ: „Что, батюшка, снова сорвался съ цѣпи-то?“ и начнетъ говорить о лѣтахъ, сѣдой бородѣ, дѣтяхъ, стыдѣ, о своей несчастной жизни, — Тихонъ Павловичъ сжимался и озлобленно плевалъ на дорогу, глухо бормоча:

— Н-ну, и жизнь!...

— Что вы-съ?—спрашивалъ его возница, словоохотливый „Пантелей со станціи“, именовавшійся такъ въ отличіе отъ другого Пантелея — „пришлаго“.

— Ничего, ничего! Вези, знай! — сердито ворчалъ Тихонъ Павловичъ.

— Ага! Это бываетъ: думаетъ, думаетъ человѣкъ и заговоритъ самъ съ собой вслухъ. Бываетъ это отъ многихъ думъ, ежели... — не унимался возница.

—Помалкивай себѣ!—обрывалъ его Тихонъ Павловичъ.

— Что жъ! Можно и помолчать...—соглашался Пантелей и черезъ нѣсколько времени снова заговаривалъ.

Хмурая ночь окутала всю степь тяжелымъ мракомъ и въ небѣ неподвижно стояли еще сѣрыя облака. Въ одномъ мѣстѣ ихъ было бѣлесоватое, странное пятно—это луна хотѣла пробиться сквозь тучи и не могла. Пріѣхали къ плотинѣ.

— Стой!—сказалъ Тихонъ Павловичъ, вышелъ изъ телѣги и посмотрѣлъ кругомъ. Шагахъ въ сорока отъ него темной, угловатой кучей рисовался во мракѣ ночи хуторъ; справа рядомъ съ нимъ—запруда. Темная вода въ ней была неподвижна и страшила этой неподвижностью. Все кругомъ было такъ тихо и жутко. Густо одѣтыя тѣнью ивы на плотинѣ стояли такъ прямо, строго и сурово. Гдѣ-то падали капли... Вдругъ на запруду налетѣлъ вѣтеръ изъ рощи; вода испуганно всколыхнулась и раздался тихій, жалобный плескъ... И ивы, стряхивая сонъ, тоже зашумѣли.

Тихонъ Павловичъ посмотрѣлъ, какъ вода, тронутая вѣтромъ, снова засыпала, успокаиваясь постепенно, но еще пока покрытая мелкой рябью и точно дрожавшая, посмотрѣлъ, глубоко вздохнулъ и пошелъ къ хутору, глухо бормоча:

— Жизнь... Колебаніе одно только... рябь. Поймешь тутъ что ни то, какъ же!?

Но его не успокаивало это бормотанье, и, чувствуя себя виноватымъ предъ всѣми и предъ самимъ собой, онъ остановился, взялъ въ руки бороду и, дернувъ себя за нее, качнулъ головой и громко произнесъ:

— Старый ты чортъ, Тишка!..

— Что-съ? — откликнулся изъ мрака „Пантелей со станціи“.

— Ничего, пшелъ ты...

Гдѣ-то пѣтухи пропѣли...

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

Изданіе Товарищества „ЗНАНІЕ“ (СПБ., Невскій, 92).

М. Горькій.

РАЗСКАЗЫ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ВТОРОЕ изданіе товарищества „ЗНАНІЕ“.

Пятнадцатая тысяча.

Цѣна 1 рубль.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1901.

Типографія Спб. акц. общ. печ. дѣла въ Россіи Е. Евдокимовъ, Троицкая, 18.

Маріи Сергѣевнѣ Позернъ

М. Горькій.

Оглавленіе II тома.

стр.

КОНОВАЛОВЪ.

(1896.)

Разсѣянно пробѣгая глазами газетный листъ, я встрѣтилъ фамилію — Коноваловъ и, заинтересованный ею, прочиталъ слѣдующее:

„Вчера ночью, въ общей камерѣ мѣстнаго тюремнаго за́мка, повѣсился на отдушинѣ печи мѣщанинъ города Мурома Александръ Ивановичъ Коноваловъ, 40 лѣтъ. Самоубійца былъ арестованъ въ Псковѣ за бродяжничество и пересылался этапнымъ порядкомъ на родину. По отзыву тюремнаго начальства, это былъ человѣкъ всегда тихій, молчаливый и задумчивый. Причиной, побудившей Коновалова къ самоубійству, какъ заключилъ тюремной докторъ, слѣдуетъ считать меланхолію".

Я прочиталъ эту краткую замѣтку петитомъ, — сообщенія о гибели маленькихъ людей принято печатать мелкимъ шрифтомъ,—я прочиталъ ее и подумалъ, что мнѣ, можетъ быть, удастся нѣсколько яснѣе освѣтить причину, побудившую этого задумчиваго человѣка уйти изъ жизни, потому что я зналъ его, когда-то жилъ съ нимъ. Пожалуй, я даже и не въ правѣ промолчать о немъ:—это былъ славный малый, а ихъ не часто встрѣчаешь на жизненномъ пути.

...Мнѣ было восемнадцать лѣтъ, когда я встрѣтилъ Коновалова въ первый разъ. Въ то время я работалъ

въ хлѣбопекарнѣ, какъ „подручный“ пекаря. Пекарь былъ солдатъ изъ „музыкальной команды“, онъ страшно пилъ водку, часто портилъ тѣсто и, пьяный, любилъ наигрывать на губахъ и выбивать пальцами на чемъ попало различныя пьесы. Когда хозяинъ пекарни дѣлалъ ему внушенія за испорченный или опоздавшій къ утру товаръ, онъ бѣсился и ругалъ хозяина, ругалъ безпощадно, и при этомъ всегда указывалъ ему на свой музыкальный талантъ.

— Передержалъ тѣсто!—кричалъ онъ, оттопыривая свои рыжіе, длинные усы и шлепая губами, толстыми и всегда почему-то мокрыми.—Корка сгорѣла! Хлѣбъ сырой! Ахъ ты, чортъ тебя возьми, косоглазая кикимора! Да развѣ я для этой работы родился на свѣтъ? Будь ты анаѳема съ твоей работой—я музыкантъ! Понялъ? Я—бывало, альтъ запьетъ—на альтѣ играю; гобой подъ арестомъ—въ гобой дую; корнетъ-а-пистонъ хвораетъ—кто его можетъ замѣнить? Сучковъ? Я! Радъ стараться, ваше благородіе. Тим-тар-рам-да-дди! А ты—м-мужикъ, кацапъ! Давай расчетъ.

А хозяинъ, сырой и пухлый человѣкъ, съ косыми, заплывшими жиромъ глазками и женоподобнымъ лицомъ, колыхая громаднымъ животомъ, топалъ по полу короткими, толстыми ногами и визгливымъ голосомъ вопилъ:

— Губитель! Разоритель! Христопродавецъ Іуда! Господи, за что ты меня наказалъ такимъ человѣкомъ!—Растопыривъ короткіе пальцы, онъ воздѣвалъ руки къ небу и вдругъ громко, голосомъ, рѣзавшимъ уши, возглашалъ:—А ежели я тебя за твой бунтъ въ полицію?

— Слугу царя и отечества въ полицію?—ревѣлъ солдатъ и уже лѣзъ на хозяина съ кулаками. Тотъ ретировался, отплевываясь, взволнованно сопя и ругаясь. Это все, что онъ могъ сдѣлать—было лѣто, время, когда въ приволжскомъ городѣ очень трудно найти хорошаго пекаря.

Такія сцены разыгрывались почти ежедневно. Солдатъ пилъ, портилъ тѣсто и игралъ разные марши и вальсы или „нумера", какъ онъ говорилъ; хозяинъ скрежеталъ зубами, а мнѣ, въ силу этого, приходилось работать за двоихъ, что было мало логично и очень утомительно.

И я былъ весьма обрадованъ, когда однажды между хозяиномъ и солдатомъ разыгралась такая сцена.

— Ну, солдатъ,—сказалъ хозяинъ, появляясь въ пекарнѣ съ лицомъ, сіяющимъ и довольнымъ, и съ глазками, сверкавшими ехидной улыбкой,—ну, солдатъ, оттопыривай губы и играй походный маршъ!

— Чего еще?!—мрачно сказалъ солдатъ, лежавшій на ларѣ съ тѣстомъ и, по обыкновенію, полупьяный.

— Въ походъ собирайся, капралъ! — ликовалъ хозяинъ.

— Куда?—спросилъ солдатъ, спуская съ ларя ноги и чувствуя что-то недоброе.

— Куда хочешь—на турку, хошь на англичанку...

— Это какъ понимать?—запальчиво крикнулъ солдатъ.

— А такъ и понимай, что больше я тебя часа держать не стану. Иди наверхъ, получи расчетъ и на всѣ четыре стороны—маршъ!

Солдатъ привыкъ чувствовать свою силу и безвыходность положенія хозяина, и заявленіе послѣдняго нѣсколько отрезвило его: онъ не могъ не понимать, какъ трудно ему съ его знаніемъ ремесла найти себѣ мѣсто.

— Ну, это ты врешь!...—съ тревогой сказалъ онъ, вставая на ноги.

— Иди-ка, иди...

— Идти?

— Проваливай.

— Наработался, значитъ...—съ горечью мотнулъ головой солдатъ. — Пососалъ ты изъ меня крови, высосалъ и вонъ меня. Ловко! Это хорошо! Ахъ ты... паукъ!

— Я паукъ?—вскипѣлъ хозяинъ.

— Ты! кровососецъ паукъ—вотъ какъ!—убѣдительно сказалъ солдатъ и, пошатываясь, пошелъ къ двери.

Хозяинъ ехидно смѣялся вслѣдъ ему, и его глазки радостно сверкали.

— Поди-ка вотъ теперь поступи на мѣсто къ кому-нибудь! Н-да. Я тебя, голубчика, вездѣ такъ разрисовалъ, что хоть ты даромъ просись—не возьмутъ! Нигдѣ не возьмутъ... Я позаботился о тебѣ, чертоломина ты гнилоголовая!

— Новаго-то пекаря уже наняли?—спросилъ я.

— Новаго? Новый-то—онъ старый. Моимъ подручнымъ былъ. Ахъ, какой пекарь! Золото! Но тоже пьяница и-ихъ! Только онъ запоемъ тянетъ... Вотъ онъ придетъ, возьмется за работу и мѣсяца три—четыре учнетъ ломить, какъ медвѣдь! Сна, покоя не знаетъ, за цѣной не стоитъ—сколько дашь. Работаетъ и поетъ! Такъ онъ, братецъ ты мой, поетъ, что даже слушать невозможно—тягостно дѣлается на сердцѣ. Поетъ, поетъ, потомъ учнетъ снова пить!

Хозяинъ вздохнулъ и безнадежно махнулъ рукой.

— И когда онъ запьетъ — нѣтъ ему тутъ никакого удержу. Пьетъ до тѣхъ поръ, пока не захвораетъ или не пропьется догола... Тогда стыдно ему бываетъ, что ли, онъ и пропадаетъ куда-то, какъ нечистый духъ отъ ладана. А вотъ и онъ... Совсѣмъ пришелъ, Леса?

— Совсѣмъ,—отвѣчалъ съ порога глубокій грудной голосъ.

Тамъ, прислонясь плечомъ къ косяку двери, стоялъ высокій, плечистый мужчина лѣтъ тридцати. По костюму это былъ типичный босякъ, по фигурѣ и лицу — настоящій славянинъ, рѣдкій экземпляръ расы. На немъ была надѣта красная кумачевая рубаха, невѣроятно грязная и рваная, холщевыя широкія шаровары, а на ногахъ—на одной остатки резиноваго ботика, на другой—

кожаный опорокъ. Свѣтло-русые волосы на головѣ были спутаны, и въ нихъ торчали щепочки, соломинки, какія-то бумажки; все это было и въ его роскошной русой же бородѣ, точно вѣеромъ закрывавшей ему грудь. Продолговатое, блѣдное и изнуренное лицо освѣщалось голубыми глазами, большими, задумчивыми и смотрѣвшими на меня съ ласковой улыбкой. И губы у него красивыя, но немного блѣдныя, тоже улыбались подъ русыми усами. Улыбка была такая, точно онъ хотѣлъ сказать ею:

— Вотъ я какой... Не обезсудьте ужъ...

— Проходи, Сашокъ, вотъ тебѣ подручный,—говорилъ хозяинъ, потирая руки и любовно оглядывая могучую фигуру новаго пекаря. Тотъ молча шагнулъ впередъ, протянулъ мнѣ длинную руку съ богатырски-широкой кистью; мы поздоровались; онъ сѣлъ на скамью, вытянулъ впередъ ноги, посмотрѣлъ на нихъ и сказалъ хозяину:

— Ты мнѣ, Никола Никитичъ, купи двѣ смѣны рубахъ, да опорки... Холста еще на колпакъ.

— Все будетъ, не бойсь! Колпаки у меня есть; рубахи и порты вечеромъ будутъ. Знай работай, пока что; я тебя знаю, кто ты есть. Не обижу... Коновалова никто не обидитъ, потому онъ самъ никого не обижаетъ. Развѣ хозяинъ звѣрь? Я самъ тоже работалъ, знаю, какъ рѣдька слезы выжимаетъ... Ну, оставайтесь, значитъ, ребятушки, а я пойду...

Мы остались одни.

Коноваловъ сидѣлъ на скамьѣ и молча, улыбаясь, осматривался вокругъ. Пекарня помѣщалась въ подвалѣ со сводчатымъ потолкомъ, и ея три окна были ниже уровня земли. Свѣта было мало, мало было и воздуха, но зато много было сырости, грязи и мучной пыли. У стѣнъ стояли длинные лари: одинъ съ тѣстомъ, другой еще только съ опарой, третій пустой. На каждый ларь ложилась изъ окна тусклая полоса свѣта. Громад-

ная печь занимала почти треть пекарни; около нея на грязномъ полу лежали мѣшки муки. Въ печи жарко горѣли длинныя плахи дровъ, и отраженное на сѣрой стѣнѣ пекарни пламя ихъ колебалось и дрожало, точно безъ звуковъ разсказывало о чемъ-то. Запахъ квашенаго тѣста и сырости наполнялъ промозглый воздухъ.

Сводчатый, закопченый потолокъ давилъ своей тяжестью, и отъ соединенія дневного свѣта съ огнемъ въ печи образовалось какое-то неопредѣленное и утомлявшее глаза освѣщеніе. Въ окна съ улицы лился глухой шумъ и летѣла пыль. Коноваловъ осмотрѣлъ все это, вздохнулъ и, вполоборота повернувшись ко мнѣ, спросилъ скучнымъ голосомъ:

— Давно здѣсь работаешь?

Я сказалъ. Помолчали, исподлобья осматривая другъ друга.

— Экая тюрьма! — вздохнулъ онъ. — Пойдемъ на улицу къ воротамъ, посидимъ?...

Мы вышли къ воротамъ и сѣли на лавку.

— Здѣсь хоть дышать можно. Я къ пропасти этой сразу и не привыкну... не могу. Самъ посуди, отъ моря я пришелъ... въ Каспіѣ на ватагахъ работалъ... и вдругъ сразу съ широты такой—бухъ въ яму!

Онъ съ печальной улыбкой посмотрѣлъ на меня и замолчалъ, пристально вглядываясь въ прохожихъ и въ проѣзжихъ. Въ его голубыхъ, ясныхъ глазахъ свѣтилось много печали о чемъ-то... Вечеръ наступалъ; на улицѣ было душно, шумно, пыльно, и отъ домовъ на дорогу ложились тѣни. Коноваловъ сидѣлъ, прислонившись спиной къ стѣнѣ, сложивъ руки на груди и перебирая пальцами шелковистые волосы своей бороды. Я съ боку смотрѣлъ на его овальное, блѣдное лицо и думалъ: что это за человѣкъ? Но я не рѣшался заговорить съ нимъ, потому что онъ былъ моимъ начальникомъ, и потому еще, что онъ внушалъ мнѣ какое-то ...е уваженіе къ себѣ.

Лобъ у него былъ разрѣзанъ тремя тонкими морщинками, но по временамъ онѣ разглаживались и исчезали, и мнѣ очень хотѣлось знать, о чемъ думаетъ этотъ человѣкъ...

— Пойдемъ-ка; пора, чай, ставить третью квашню. Ты мѣси вторую, а я тѣмъ временемъ поставлю, да потомъ будемъ и короваи валять.

Когда мы съ нимъ „развѣсили“ и разложили одну гору тѣста въ чашки, замѣсили другую и поставили опару для третьей— мы сѣли пить чай, и въ это время Коноваловъ, сунувъ руку куда-то за пазуху, спросилъ меня:

— Ты читать умѣешь? На̀-ко вотъ, почитай,—и подалъ мнѣ смятый и запачканный листикъ бумаги.

„Дорогой Саша!—читалъ я.—Кланяюсь и цѣлую тебя „заочно. Плохо мнѣ и очень скучно живется, не могу „дождаться того дня, когда я уѣду съ тобой или буду „жить вмѣстѣ съ тобой; надоѣла мнѣ эта жизнь проклятая невозможно, хотя вначалѣ и нравилась. Ты самъ „это хорошо понимаешь, я тоже стала понимать, какъ „познакомилась съ тобой. Напиши мнѣ, пожалуйста, поскорѣе; очень мнѣ хочется получить отъ тебя письмецо. „А пока до свиданья, а не прощай, мой милый бородатый другъ моей души. Упрековъ я тебѣ никакихъ не „пишу, хоша я тобой и разогорчена, потому что ты „свинья—уѣхалъ, со мной не простился. Но все же ничего я отъ тебя, кромѣ хорошаго, не видѣла: ты былъ „одинъ еще первый такой, и я про это не забуду. Нельзя „ли постараться, Саша, о моей выключкѣ. Тебѣ дѣвицы „говорили, что я убѣгу отъ тебя, если буду выключена; „но это все вздоръ и чистая неправда. Если бы ты только „сжалился надо мной, то я послѣ выключки стала бы „съ тобой, какъ собака твоя. Тебѣ вѣдь легко это сдѣлать, а мнѣ очень трудно. Когда ты былъ у меня, я „плакала, что принуждена такъ жить, хотя я тебѣ этого „не сказала. До свиданья. Твоя Капитолина“.

Коноваловъ взялъ у меня письмо и задумчиво сталъ вертѣть его между пальцами одной руки, другой покручивая бороду.

— И писать ты умѣешь?

— Могу...

— А чернила у тебя есть?

— Есть.

— Напиши ты ей, Христа ради, письмо, а? Она, чай поди, мерзавцемъ меня считаетъ, думаетъ—я про нее забылъ... Напиши!

— Изволь. Хоть сейчасъ... Она кто?...

— Проститутка... Чай, видишь самъ — о выключкѣ пишетъ. Это, значитъ, чтобы я полиціи далъ обѣщаніе, что женюсь на ней, тогда ей возвратятъ ея паспортъ, а книжку у нея отберутъ, и будетъ она съ той поры свободная! Вникъ?

Черезъ полчаса готово было трогательное посланіе къ ней.

— Ну-ка почитай, какъ оно вышло? — съ нетерпѣніемъ спросилъ Коноваловъ.

Вышло вотъ какъ:

„Капа! Не думай про меня, что я подлецъ и забылъ „уже о тебѣ. Нѣтъ, я не забылъ, а просто запилъ и весь „пропился. Теперь снова поступилъ на мѣсто и завтра „возьму у хозяина денегъ впередъ, вышлю ихъ на Фи„липпа, и онъ тебя выключитъ. Денегъ тебѣ на дорогу „хватитъ. А пока — до свиданья. Твой Александръ“.

— Гмъ...—сказалъ Коноваловъ, почесавъ голову,—а пишешь ты не важно. Жалости нѣтъ въ письмѣ у тебя, слезы нѣтъ. И опять же — я просилъ тебя ругать меня разными словами, а ты этого не написалъ...

— Да зачѣмъ это?

— А чтобы она видѣла, что мнѣ передъ ней стыдно и что я понимаю, какъ я передъ ней виноватъ. А такъ что! Точно горохъ просыпалъ — написалъ! А ты слезу подпусти!

Пришлось подпустить въ письмо слезу, что я съ успѣхомъ и выполнилъ. Коноваловъ удовлетворился и, положивъ мнѣ руку на плечо, задушевно проговорилъ:

— Вотъ, теперь славно! Спасибо! Ты парень, видно, хорошій... значить, мы съ тобой уживемся.

Я не сомнѣвался въ этомъ и попросилъ его разсказать мнѣ о Капитолинѣ.

— Капитолина? Дѣвочка она... совсѣмъ дитя. Вятская купеческая дочь была... Да, вотъ, свихнулась. Дальше — больше, и пошла въ такой домъ... знаешь? Я пришелъ — смотрю, ребенокъ еще совсѣмъ! Господи, думаю, развѣ такъ можно? Ну и познакомился съ ней. Она—плакать. Я говорю: ничего, потерпи! Я те отсюда вытащу—погоди! И все у меня было готово, т.-е. деньги и все... И вдругъ я запилъ и очутился въ Астрахани. Потомъ вотъ сюда попалъ. Извѣстилъ ее обо мнѣ одинъ человѣкъ, и она написала мнѣ письмо въ Астрахань...

— Что же ты, — спросилъ я его, — жениться хочешь на ней?

— Жениться, гдѣ мнѣ! Ежели у меня запой — какой же я женихъ? Нѣтъ, такъ я это. Выключу ее — и потомъ иди на всѣ четыре стороны. Мѣсто себѣ найдетъ... можетъ, человѣкомъ будетъ.

— Вонъ она съ тобой хочетъ жить...

— Да вѣдь это она такъ, блажитъ только. Онѣ всѣ такія... бабы-то... Я ихъ очень хорошо знаю. У меня много было разныхъ. Даже купчиха одна... богатая! Конюхомъ я былъ въ циркѣ, она меня и выглядѣла. Иди, — говоритъ, — въ кучерà. Мнѣ циркъ въ ту пору надоѣлъ, я и согласился, пошелъ. Ну и того... Стала она ко мнѣ ластиться. Домъ это у нихъ, лошади, прислуга — какъ дворяне жили. Мужъ у нея былъ низенькій и толстый, на манеръ нашего хозяина, а сама она такая худая, гибкая, какъ кошка, горячая. Бывало, какъ обниметъ да поцѣлуетъ въ губы — какъ углей каленыхъ въ сердце всыплетъ. Такъ ты весь и задрожишь, даже

страшно станетъ. Цѣлуетъ, бывало, а сама все плачетъ; плечи у нея даже ходуномъ ходятъ. Спрошу ее: чего ты, Вѣрунька? А она: ребенокъ,—говоритъ,—ты, Саша; не понимаешь ты ничего. Славная была... А это она вѣрно, что я не понимаю-то ничего — очень я дурковатъ, самъ знаю. Что дѣлаю — не понимаю. Какъ живу — не думаю!

И замолчавъ, онъ посмотрѣлъ на меня широко раскрытыми глазами; въ нихъ свѣтился не то испугъ, не то вопросъ, что-то тревожно-вдумчивое, отъ чего красивое лицо его стало еще печальнѣе и еще краше...

— Ну, и какъ же ты съ купчихой-то кончилъ? — спросилъ я.

— А на меня, видишь ты, тоска находитъ. Такая, скажу я тебѣ, братецъ мой, тоска, что невозможно мнѣ въ ту пору жить, совсѣмъ нельзя. Какъ будто я одинъ человѣкъ на всемъ свѣтѣ и, кромѣ меня, нигдѣ ничего живого нѣтъ. И все мнѣ въ ту пору противѣетъ — все какъ есть; и самъ я себѣ становлюсь въ тягость, и всѣ люди; хоть помирай они—не охну! Болѣзнь это у меня, должно быть. Съ нея я и пить началъ... раньше не пилъ. Такъ вотъ нашла на меня тоска, я и говорю ей, купчихѣ-то: Вѣра Михайловна! отпусти меня, больше я не могу! Что,—говоритъ,—надоѣла я тебѣ?—И смѣется, знаешь, да такого нехорошо смѣется. Нѣтъ, молъ, не ты мнѣ надоѣла, а самъ я себѣ не подъ силу сталъ. Сначала она не понимала меня, даже кричать стала, ругаться... Потомъ поняла. Опустила голову и говоритъ: что же, иди!.. — заплакала. Глаза у нея черные и вся она смуглая. Волосы тоже черные и кудрявые. Она не купеческаго роду была, а изъ чиновныхъ... Н-да... Жалко мнѣ ея было, и противенъ я былъ самъ себѣ тогда. Зачѣмъ поддался бабѣ? — неизвѣстно... Ей, конечно, скучно было съ этакимъ-то мужемъ. Онъ совсѣмъ какъ мѣшокъ муки... Плакала она долго—привыкла ко мнѣ... Я ее очень нѣжилъ: возьму, бывало, на руки и укачаю.

Она спитъ, а я сижу и смотрю на нее. Во снѣ человѣкъ очень хорошъ бываетъ, такой простой; дышитъ да улыбается, и больше ничего. А то—на дачѣ когда жили,—бывало, поѣдемъ съ ней кататься,—во весь духъ она любила. Пріѣдемъ, куда ни то въ уголокъ въ лѣсу лошадь привяжемъ, а сами въ холодокъ на траву. Она велитъ мнѣ лечь, положитъ мою голову себѣ на колѣни и читаетъ мнѣ какую-нибудь книжку. Я слушаю, слушаю, да и засну. Хорошія исторіи читала, очень хорошія. Никогда я не забуду одной—о нѣмомъ Герасимѣ и его любимой собакѣ. Онъ, нѣмой-то, гонимый человѣкъ былъ, и никто его, кромѣ собаки, не любилъ. Смѣются надъ нимъ и все такое, онъ сейчасъ къ собакѣ идетъ... Очень это жалостная исторія... да! А дѣло то было въ крѣпостное время... Барыня и говоритъ ему: нѣмой, иди утопи свою собаку, а то она воетъ. — Ну, нѣмой и пошелъ... Взялъ лодку, посадилъ въ нее собаку и поѣхалъ... Я, бывало, въ этомъ мѣстѣ дрожью дрожу. Господи! У живого человѣка единственную въ свѣтѣ радость его убиваютъ! Какіе это порядки? Ахъ... удивительная исторія! И вѣрно—вотъ что хорошо! Бываютъ такіе люди, что для нихъ весь свѣтъ въ одномъ въ чемъ-нибудь—въ собакѣ, къ примѣру. А почему въ собакѣ? Потому больше никого нѣтъ, кто бы любилъ такого человѣка, а собака его любитъ. Безъ любви какой-нибудь жить человѣку невозможно:—затѣмъ ему и душа дана, чтобы онъ могъ любить... Много она мнѣ разныхъ исторій читала. Славная была женщина, и по сейчасъ жалко мнѣ ея... Кабы не моя планета—не ушелъ бы я отъ нея, пока она сама того не захотѣла бы или мужъ не узналъ про наши съ ней дѣла. Ласковая она была—вотъ что первое; т.-е. не тѣмъ ласковая, что подарки дарила, а такъ... по сердцу своему ласковая. Цѣлуется она со мной и все такое—женщина, какъ женщина... а вотъ иногда найдетъ, бывало, на нее этакій тихій стихъ... удивительно даже, до чего она тогда

хорошій человѣкъ была. Смотритъ, бывало, прямо въ душу и разсказываетъ, какъ нянька или мать. Я въ такія времена, бывало, прямо какъ пятилѣтній ребенокъ передъ ней. Но все-таки ушелъ отъ нея — потому тоска! Тянетъ меня куда-то... Прощай, говорю, Вѣра Михайловна, прости меня. Прощай, говоритъ, Саша. И—чудная—обнажила мнѣ руку по локоть, да какъ вцѣпится зубами въ мясо! Я чуть не заоралъ! Такъ цѣлый кусокъ и выхватила почти... недѣли три болѣла рука. Вотъ и сейчасъ знакъ цѣлъ...

Обнаживъ богатырскую, мускулистую руку, бѣлую и красивую, онъ показалъ мнѣ ее, улыбаясь добродушно-печальной улыбкой. На кожѣ руки около локтевого сгиба былъ ясно виденъ шрамъ—два полукруга, почти соединявшіеся концами. Коноваловъ смотрѣлъ на нихъ и, улыбаясь, качалъ головой.

— Чудачка! — повторилъ онъ; — это она мнѣ на память куснула.

Я слышалъ и раньше исторіи въ этомъ духѣ. У каждаго „босяка“ есть въ прошломъ „купчиха“ или „одна барыня изъ благородныхъ“, и у всѣхъ почти босяковъ эта купчиха и барыня отъ безчисленныхъ варіацій въ разсказахъ о ней является фигурой совершенно фантастической, почти всегда соединяя въ себѣ самыя противоположныя физическія и психическія черты. Если она сегодня голубоглазая, злая и веселая, то можно ожидать, что чрезъ недѣлю вы услышите о ней, какъ о черноокой, доброй и слезливой. И обыкновенно босякъ разсказываетъ о ней въ скептическомъ тонѣ, съ массой подробностей, которыя унижаютъ ее.

Но исторія, разсказанная Коноваловымъ, не возбудила во мнѣ недовѣрія, созданнаго исторіями, ранѣе слышанными мною. Въ ней звучало что-то правдивое, въ ней были незнакомыя мнѣ детали—эти чтенія книжекъ, этотъ эпитетъ ребенка въ приложеніи къ мощной фигурѣ Коновалова.

Я представилъ себѣ гибкую женщину, спящую у него на рукахъ, прильнувъ головой къ широкой груди —это было красиво и еще болѣе убѣдило меня въ правдѣ его разсказа. Наконецъ, его печальный и мягкій тонъ при воспоминаніи о „купчихѣ“ — тонъ исключительный. Истинный босякъ никогда не говоритъ такимъ тономъ ни о женщинахъ, ни о чемъ другомъ—онъ любитъ показать, что для него на землѣ нѣтъ такой вещи, которую онъ не посмѣлъ бы обругать.

— Ты чего молчишь, думаешь, я навралъ? — спросилъ Коноваловъ, и почему-то въ голосѣ его звучала тревога. Онъ раскинулся на мѣшкахъ съ мукой, держа въ одной рукѣ стаканъ чаю, а другой медленно поглаживая бороду. Его голубые глаза смотрѣли на меня пытливо и вопросительно, и морщинки на лбу легли рѣзко...— Нѣтъ, ужъ ты повѣрь... Чего мнѣ врать? Оно, положимъ, нашъ братъ, бродяга, сказки разсказывать мастеръ... Нельзя, другъ: — если у человѣка въ жизни не было ничего хорошаго, онъ вѣдь никому не повредитъ, коли самъ для себя выдумаетъ какую ни то сказку, да и станетъ разсказывать ее за быль. Разсказываетъ и самъ себѣ вѣритъ, будто такъ оно и было — вѣритъ, ну, ему и пріятно. Многіе живутъ этимъ. Ничего не подѣлаешь... Но я тебѣ разсказалъ правду, такъ оно и было, какъ разсказывалъ. Развѣ тутъ что особенное есть? Женщина живетъ, и ей скучно, а народъ все замухрышка... Положимъ, я кучеръ, но женщинѣ это все равно, потому что и кучеръ, и баринъ, и офицеръ—всѣ мужчины... И всѣ передъ ней свиньи, всѣ одного и того же ищутъ, и каждый норовитъ, чтобы побольше взять, да поменьше заплатить. Простой-то человѣкъ даже еще лучше, совѣстливѣе. А я очень простой... Женщины это хорошо во мнѣ понимаютъ... видятъ, что не обижу, т.-е. не... тово... не насмѣюсь надъ ней. Женщина—она согрѣшитъ и ничего такъ не боится, какъ смѣха, издѣвки надъ ней. Онѣ стыдливѣе противъ насъ. Мы свое

возьмемъ и хоть на базаръ пойдемъ разсказывать, хвастаться станемъ—вотъ, молъ, какъ мы одну дуру провели!... А женщинѣ некуда идти, ей грѣха въ удаль никто не ставитъ. Онѣ, братъ, даже самыя потерянныя, и тѣ стыда больше насъ имѣютъ.

Я слушалъ его и думалъ: неужели этотъ человѣкъ вѣренъ самъ себѣ, говоря всѣ эти неподобающія ему рѣчи?

А онъ, задумчиво уставивъ на меня свои по-дѣтски ясные глаза, все говорилъ и все болѣе удивлялъ меня своими рѣчами.

Мнѣ казалось, что меня опутываетъ что-то вродѣ тумана, теплаго тумана, очищавшаго сердце мое, уже и въ ту пору достаточно сильно запачканное грязью жизни.

Дрова въ печи сгорѣли, и яркая груда углей отбросила отъ себя на стѣну пекарни розоватое пятно... оно дрожало...

Въ окно смотрѣлъ кусочекъ голубого неба съ двумя звѣздами на немъ. Одна изъ нихъ—большая—блестѣла изумрудомъ, другая, неподалеку отъ нея, была чуть видна.

Прошла недѣля, и мы съ Коноваловымъ были друзьями.

— Ты тоже простой парень! Хорошо это!—говорилъ онъ мнѣ, широко улыбаясь и хлопая меня своей ручищей по плечу.

Работалъ онъ артистически. Нужно было видѣть, какъ онъ упражнялся съ семипудовымъ кускомъ тѣста, раскатывая его въ чашкѣ, или какъ онъ, наклонившись надъ ларемъ, мѣсилъ, по локоть погружая свои могучія руки въ упругую массу, пищавшую въ его стальныхъ пальцахъ.

Сначала я, видя, какъ онъ быстро мечетъ въ печь

сырые хлѣбы, которые я еле успѣвалъ подкидывать изъ чашекъ на его лопату,—боялся, что онъ насадитъ ихъ другъ на друга; но когда онъ выпекъ три печи и ни у одного изъ ста двадцати короваевъ—пышныхъ, румяныхъ и высокихъ—не оказалось „притиска“, я понялъ, что имѣю дѣло съ артистомъ въ своемъ родѣ. Онъ любилъ работать, увлекался дѣломъ, унывалъ, когда печь пекла плохо или тѣсто медленно всходило, сердился и ругалъ хозяина, если онъ покупалъ сырую муку, и былъ по-дѣтски веселъ и доволенъ, если хлѣбы изъ печи выходили правильно круглые, высокіе, „подъемистые“, вмѣру румяные и съ тонкой, хрустящей коркой. Бывало, онъ бралъ съ лопаты въ руки самый удачный коровай и, перекидывая его съ ладони на ладонь, обжигаясь, весело смѣялся, говоря мнѣ:

— Эхъ, какого красавца мы съ тобой сработали...

И мнѣ было пріятно смотрѣть на этого гигантскаго ребенка, влагавшаго всю душу въ работу свою, какъ это и слѣдуетъ дѣлать каждому человѣку во всякой работѣ...

Однажды я спросилъ его:

— Саша, говорятъ, ты поешь хорошо?

Онъ нахмурился и потупилъ голову.

— Пою... Только это у меня разами бываетъ... полосой. Начну я тосковать, ну, тогда и пою... И ежели пѣть начну—затоскую. Ты ужъ помалкивай объ этомъ... не дразни. Ты самъ-то не поешь? Ахъ ты... штука какая! Ты... лучше потерпи до меня... а пока свисти. Потомъ ужъ оба запоемъ, вмѣстѣ. Идетъ?

Я, конечно, согласился и свисталъ, когда хотѣлось пѣть. Но иногда прорывался и начиналъ мурлыкать себѣ подъ носъ, мѣся тѣсто и катая хлѣбы. Коноваловъ слушалъ меня, шевелилъ губами и чрезъ нѣкоторое время напоминалъ мнѣ о моемъ обѣщаніи. А иногда грубо кричалъ на меня:

— Брось! Не стони!

Какъ-то разъ я вынулъ изъ моего сундука книжку и, примостившись къ окну, сталъ читать...

Коноваловъ дремалъ, растянувшись на ларѣ съ тѣстомъ, но шелестъ перевертываемыхъ мною надъ его ухомъ страницъ заставилъ его открыть глаза.

— Про что эта книжка?

Это были „Подлиповцы".

— Почитай вслухъ, а?...—попросилъ онъ.

И вотъ, я сталъ читать, сидя на подоконникѣ, а онъ усѣлся на ларѣ и, прислонивъ свою голову къ моимъ колѣнямъ, слушалъ... Иногда я черезъ книгу заглядывалъ въ его лицо и встрѣчался съ его глазами — у меня до сей поры они въ памяти — широко открытые, напряженные, полные глубокаго вниманія... И ротъ его тоже былъ полуоткрытъ, обнажая два ряда ровныхъ, бѣлыхъ зубовъ. Поднятыя кверху брови, изогнутыя морщинки на высокомъ лбу, руки, которыми онъ охватилъ колѣни, вся его неподвижная, внимательная поза подогрѣвала меня, и я старался какъ можно внятнѣе и образнѣе разсказать ему грустную исторію Сысойки и Пилы.

Наконецъ, я усталъ и закрылъ книгу.

— Все ужъ?—шопотомъ спросилъ меня Коноваловъ.

— Меньше половины...

— Всю вслухъ прочитаешь?

— Изволь.

— Эхъ! — Онъ схватилъ себя за голову и закачался, сидя на ларѣ. Ему что-то хотѣлось сказать, онъ открывалъ и закрывалъ ротъ, вздыхая, какъ мѣхи, и для чего-то защурилъ глаза. Я не ожидалъ такого эффекта и не понималъ его значенія.

— Какъ ты это читаешь! — шопотомъ заговорилъ онъ. — На разные голоса... Какъ живые всѣ они... Апроська! Пиштитъ! Пила... дураки какіе! Смѣшно мнѣ было слушать... но удержался... А дальше что? Куда они поѣдутъ? Господи Боже! Вѣдь это все правда. Вѣдь

это какъ есть настоящіе люди... всамдѣлишные мужики... И совсѣмъ какъ живые и голоса, и рожи... Слушай, Максимъ! Посадимъ печь—читай дальше!

Мы посадили печь, приготовили другую, и снова часъ и сорокъ минутъ я читалъ книгу. Потомъ опять пауза—печь испекла, вынули хлѣбы, посадили другіе, замѣсили еще тѣсто, поставили еще опару... — все это дѣлалось съ лихорадочной быстротой и почти молча.

Коноваловъ, нахмуривъ брови, изрѣдка кротко бросалъ мнѣ односложныя приказанія и торопился, торопился...

Къ утру мы кончили книгу, и я чувствовалъ, что языкъ у меня одеревенѣлъ.

Сидя верхомъ на мѣшкѣ муки, Коноваловъ смотрѣлъ мнѣ въ лицо странными глазами и молчалъ, упершись руками въ колѣни...

— Хорошо?—спросилъ я.

Онъ замоталъ головой, жмуря глаза, и опять-таки почему-то шопотомъ заговорилъ:

— Кто же это сочинилъ?—Въ глазахъ его свѣтилось неизъяснимое словами изумленіе, и лицо вдругъ вспыхнуло горячимъ чувствомъ.

Я разсказалъ, кто написалъ книгу.

— Ну — человѣкъ онъ! Какъ хватилъ! А? Даже ужасно. За сердце беретъ, т.-е. щиплетъ душу — вотъ до чего живо. Что же онъ, этотъ сочинитель, что ему за это было?

— Т.-е. какъ?

— Ну, напримѣръ, дали ему награду или что тамъ?

— А за что ему нужно дать награду?—спросилъ я, имѣя коварную цѣль.

— Какъ за что? Книга... вродѣ какъ бы актъ полицейскій. Сейчасъ ее читаютъ... судятъ: Пила, Сысойка... какіе же это люди? Жалко ихъ станетъ всѣмъ... Народъ темный, невинный... Какая у нихъ жизнь? Ну, и...

— И?...

Коноваловъ смущенно посмотрѣлъ на меня и робко заявилъ:

— Какое-нибудь распоряженіе должно выйти. Люди вѣдь они, и нужно ихъ поддержать.

Въ отвѣтъ на это, я прочиталъ ему цѣлую лекцію... Но, увы! она не произвела того эффекта, на который я разсчитывалъ.

Коноваловъ задумался, поникъ головой, закачался всѣмъ корпусомъ и сталъ вздыхать, ни словомъ не мѣшая мнѣ изображать изъ себя профессора. Я усталъ, наконецъ, и сдѣлалъ паузу.

Коноваловъ поднялъ голову и грустно посмотрѣлъ на меня.

— Такъ ему, значитъ, ничего и не дали? — спросилъ онъ.

— Кому?—освѣдомился я, позабывъ о Рѣшетниковѣ.

— Сочинителю-то?

Мнѣ стало досадно. Я не отвѣтилъ ему, чувствуя, что эта досада родитъ во мнѣ раздраженіе противъ моей своеобразной аудиторіи, очевидно, не считавшей себя въ силахъ рѣшать міровые вопросы и склонной интересоваться судьбой человѣка болѣе, чѣмъ судьбами человѣчества.

Коноваловъ, не дожидаясь моего отвѣта, взялъ книгу въ свои руки, осторожно повертѣлъ ее, открылъ, закрылъ и, положивъ на мѣсто, глубоко вздохнулъ.

— Какъ все это премудро, Господи!—вполголоса заговорилъ онъ.—Написалъ человѣкъ книгу... бумага и на ней точечки разныя — вотъ и все. Написалъ и... умеръ онъ?

— Умеръ...—сухо сказалъ я.

Я въ то время терпѣть не могъ философіи, а тѣмъ болѣе метафизики; но Коноваловъ, не справляясь съ моими вкусами, продолжалъ:

— Умеръ, а книга осталась, и ее читаютъ. Смотритъ въ нее человѣкъ глазами и говоритъ разныя слова. А

ты слушаешь и понимаешь: жили на свѣтѣ люди— Пила и Сысойка и Апроська... И жалко тебѣ людей, хоть ты ихъ никогда не видалъ и они тебѣ совсѣмъ ничего! По улицѣ они такіе, можетъ, десятками живые ходятъ, и ты ихъ видишь, но не знаешь про нихъ ничего... и тебѣ нѣтъ до нихъ дѣла... идутъ они и идутъ... А въ книгѣ ихъ нѣтъ... однако, тебѣ ихъ жалко до того, что даже сердце щемитъ... Какъ это понимать?... А сочинитель такъ безъ награды и умеръ? Ничего ему не было?

Я разозлился. Я разсказалъ ему о наградахъ сочинителямъ...

Коноваловъ слушалъ меня, испуганно тараща глаза, и соболѣзнующе чмокалъ губами.

— Порядки!—вздохнулъ онъ всей грудью и, закусивъ лѣвый усъ, грустно поникъ головой.

Тогда я началъ говорить о роковой роли кабака въ жизни русскаго литератора, о тѣхъ крупныхъ и искреннихъ талантахъ, что погибли отъ водки—единственной утѣхи ихъ многотрудной жизни.

— Да развѣ такіе люди пьютъ?—шопотомъ спросилъ меня Коноваловъ. Въ его широко открытыхъ глазахъ сверкало и недовѣріе ко мнѣ, и испугъ, и жалость къ тѣмъ людямъ.—Пьютъ! Что же они... послѣ того, какъ напишутъ книги, запиваютъ?

Это, по-моему, былъ неумѣстный вопросъ, и я на него не отвѣтилъ.

— Конечно, послѣ...—рѣшилъ Коноваловъ.—Живутъ люди и смотрятъ въ жизнь, и вбираютъ въ себя чужое горе жизни. Глаза у нихъ, должно быть, особенные... И сердце тоже... Насмотрятся на жизнь и затоскуютъ... И вольютъ тоску свою въ книги... Но это уже не помогаетъ, потому—сердце тронуто и изъ него тоски огнемъ не выжжешь... Остается водкой ее заливать. Ну, и пьютъ... Такъ я говорю?

Я согласился съ нимъ, и это какъ бы придало ему бодрости.

— Ну, и по всей правдѣ,—продолжалъ онъ развивать психологію сочинителей, — слѣдуетъ ихъ за это отличить. Вѣрно вѣдь? Потому что они понимаютъ больше другихъ и указываютъ другимъ разные непорядки. Вотъ теперь я, напримѣръ, что такое? Босякъ, галахъ... пьяница и тронутый человѣкъ. Жизнь у меня безъ всякаго оправданія. Зачѣмъ я живу на землѣ и кому я на ней нуженъ, ежели посмотрѣть? Ни угла своего, ни жены, ни дѣтей... и ни до чего этого даже и охоты нѣтъ. Живу и тоскую... Про что? Неизвѣстно. Вродѣ того со мной, какъ бы меня мать на свѣтъ родила безъ чего-то такого, что у всѣхъ другихъ людей есть и что человѣку прежде всего нужно. Внутренняго пути у меня нѣтъ... понимаешь? Какъ бы это сказать? Этакой искорки въ душѣ нѣтъ... силы, что ли? Ну, нѣтъ во мнѣ одной штуки—и все тутъ! Понялъ? Вотъ я живу и эту штуку ищу и тоскую по ней, а что она такое есть—это мнѣ неизвѣстно...

— Это ты къ чему?—спросилъ я.

Онъ, держась рукой за голову, посмотрѣлъ на меня, и на лицѣ его отразилось сильное напряженіе—работа мысли, ищущей для себя формы.

— Къ чему? А... къ безпорядку жизни. Т.-е... вотъ я живу, молъ, и дѣться мнѣ некуда... ни къ чему я не могу присунуться... и это есть безпорядокъ такая жизнь.

— Ну, и что же дальше?—допытывался я у него непонятной мнѣ связи между нимъ и сочинителями.

— Дальше?... Не могу я тебѣ этого разсказать... Но думаю такъ, что ежели бы какой-нибудь сочинитель присмотрѣлся ко мнѣ, то... могъ бы онъ объяснить мнѣ мою жизнь... а? Ты какъ на этотъ счетъ думаешь?

Я думалъ, что и самъ въ состояніи объяснить ему его жизнь, и сразу же принялся за это, на мой взглядъ,

легкое и ясное дѣло. Я началъ говорить объ условіяхъ и средѣ, о неравенствѣ вообще, о людяхъ — жертвахъ жизни, и о людяхъ—жрецахъ ея.

Коноваловъ слушалъ внимательно. Онъ сидѣлъ противъ меня, подперши щеку рукой, и его большіе голубые глаза, широко раскрытые, задумчивые и умные, постепенно заволакивались какъ бы легкимъ туманомъ, па лбу все рѣзче ложились складки, и онъ, кажется, удерживалъ дыханіе, весь поглощенный желаніемъ понять мои рѣчи.

Мнѣ льстило все это. Я съ жаромъ расписывалъ ему его жизнь и доказывалъ, что онъ не виноватъ въ томъ, что онъ таковъ, какъ есть, что онъ, какъ фактъ, вполнѣ логиченъ и совершенно правильно обоснованъ длиннымъ рядомъ посылокъ изъ далекаго прошлаго. Онъ— печальная жертва условій, существо, по природѣ своей, со всѣми равноправное и длиннымъ рядомъ историческихъ несправедливостей сведенное на степень соціальнаго нуля. Я кончилъ объяснять его ему тѣмъ, что сказалъ еще разъ:

— Тебѣ не въ чемъ винить себя... Тебя обидѣли...

Онъ молчалъ, не сводя съ меня глазъ; я видѣлъ, какъ въ нихъ зарождается хорошая, свѣтлая улыбка, и съ нетерпѣніемъ ждалъ, чѣмъ онъ откликнется на мою рѣчь.

Улыбка заиграла у него на губахъ. Вотъ онъ ласково засмѣялся и, мягкимъ, женскимъ движеніемъ потянувшись ко мнѣ, положилъ мнѣ руку на плечо.

Я вздрогнулъ отъ сладкаго предчувствія награды за свою рѣчь...

— Какъ ты, братъ, легко разсказываешь насчетъ всего этого! Откуда только тебѣ всѣ эти дѣла извѣстны? Все изъ книгъ? А и много же ты читалъ ихъ, видно... книгъ-то! Эхъ, ежели бы мнѣ тоже почитать съ эстоль!... Но главная причина—очень ты жалостливо говоришь... Впервые мнѣ такая рѣчь. Удивительно! Все люди

другъ друга винятъ въ своихъ незадачахъ, а ты—всю жизнь, всѣ порядки. Выходитъ по-твоему, что человѣкъ-то самъ по себѣ и не виноватъ ни въ чемъ, а написано ему на роду быть босякомъ — ну, и потому онъ босякъ. И тоже вотъ насчетъ арестантовъ очень чудно: воруютъ потому, что работы нѣтъ, а ѣсть надо... Какъ все это жалостливо у тебя! Слабый ты, видно, на сердце-то!...

— Погоди! — сказалъ я, — ты согласенъ со мною? Вѣрно я говорилъ?

— Тебѣ лучше знать, вѣрно или нѣтъ—ты грамотный... Оно, пожалуй, ежели взять другихъ, такъ вѣрно... А вотъ ежели я...

— То что?

— Ну, я особливая статья... Кто виноватъ, что я пью? Павелка, братъ мой, не пьетъ—въ Перми у него своя пекарня. А я вотъ работаю не хуже его—однако, бродяга и пьяница, и больше нѣтъ мнѣ ни званія, ни доли... А вѣдь мы одной матери дѣти. Онъ еще моложе меня. Выходитъ, что во мнѣ самомъ что-то неладно... Не такъ я, значитъ, родился, какъ человѣку это слѣдуетъ. Самъ же ты говоришь, что всѣ люди одинаковые: — родился, пожилъ, сколько назначено, и помри! А я на особой стезѣ... И не одинъ я—много насъ этакихъ. Особливые мы будемъ люди... и ни въ какой порядокъ не включаемся. Особый намъ счетъ нуженъ... и законы особые... очень строгіе законы — чтобы насъ искоренять изъ жизни! Потому пользы отъ насъ нѣтъ, а мѣсто мы въ ней занимаемъ и у другихъ на тропѣ стоимъ... Кто передъ нами виноватъ? Сами мы предъ собой и жизнью виноваты... Потому у насъ охоты къ жизни нѣтъ и къ себѣ самимъ мы чувствъ не имѣемъ... Матери наши не въ урочные часы зачали насъ—вотъ въ чемъ сила...

Я былъ подавленъ этимъ неожиданнымъ опроверженіемъ моихъ доводовъ... Онъ—этотъ большой человѣкъ

съ ясными глазами ребенка—съ такимъ легкимъ духомъ выдѣлялъ себя изъ жизни въ разрядъ людей, для нея ненужныхъ и потому подлежащихъ искорененію, съ такой смѣющейся грустью, что я былъ положительно ошеломленъ этимъ самоуничиженіемъ, до той поры еще невиданнымъ мною у босяка, въ массѣ своей существа отъ всего оторваннаго, всему враждебнаго и надо всѣмъ готоваго испробовать силу своего озлобленнаго скептицизма... Я встрѣчалъ только людей, которые всегда все винили и на все жаловались, упорно отодвигая самихъ себя въ сторону отъ ряда очевидностей, опровергавшихъ ихъ настойчивыя доказательства личной непогрѣшимости, и всегда сваливавшихъ свои неудачи на безмолвную судьбу, на злыхъ людей... Коноваловъ судьбу не винилъ и о людяхъ не говорилъ ни слова. Во всей неурядицѣ своей личной жизни былъ виноватъ только онъ самъ, и чѣмъ упорнѣе я старался доказать ему, что онъ „жертва среды и условій", тѣмъ настойчивѣе онъ убѣждалъ меня въ своей виновности предъ самимъ собою и жизнью за свою печальную долю... Это было оригинально, но это бѣсило меня. А онъ испытывалъ удовольствіе, бичуя себя; именно удовольствіемъ блестѣли его глаза, когда онъ звучнымъ баритономъ кричалъ мнѣ:

— Каждый человѣкъ самъ себѣ хозяинъ, и никто въ томъ не повиненъ, ежели я подлецъ есть!

Въ устахъ культурнаго человѣка такія рѣчи не удивили бы меня, ибо еще нѣтъ такой болячки, которую нельзя было бы найти въ сложномъ и спутанномъ психическомъ организмѣ, именуемомъ „интеллигентъ". Но въ устахъ босяка, хотя онъ и интеллигентъ среди обиженныхъ судьбой, голыхъ, голодныхъ и злыхъ полулюдей, полузвѣрей, наполняющихъ грязныя трущобы городовъ,—изъ устъ босяка странно было слышать эти рѣчи. Приходилось заключить, что Коноваловъ дѣйствительно—особая статья, но я не хотѣлъ этого,

Съ внѣшней стороны Коноваловъ до мелочей являлся типичнѣйшимъ золоторотцемъ; но, увы! чѣмъ больше я присматривался къ нему, тѣмъ больше убѣждался, что имѣю дѣло съ разновидностью, нарушавшей мое представленіе о людяхъ, которыхъ давно пора считать за классъ и которые вполнѣ достойны вниманія, какъ сильно алчущіе и жаждущіе, очень злые и далеко не глупые...

Мы съ нимъ спорили все жарче.

— Да погоди,—кричалъ я,—какъ можетъ человѣкъ устоять на ногахъ, коли на него со всѣхъ сторонъ разная темная сила претъ?

— Упрись крѣпче!—возглашалъ мой оппонентъ, горячась и сверкая глазами.

— Да во что упереться?

— Найди свою точку и упрись!

— А ты чего же не упирался?

— Вотъ я те и говорю, чудакъ человѣкъ, что я самъ виноватъ въ моей долѣ!... Не нашелъ я точки моей! Ищу, тоскую—не нахожу!

Однако, надо было позаботиться о хлѣбѣ, и мы принялись за работу, продолжая доказывать другъ другу истину своихъ воззрѣній. Конечно, ничего не доказали и оба, взволнованные, кончивъ печь, легли спать.

Коноваловъ растянулся на полу пекарни и скоро заснулъ. Я лежалъ на мѣшкахъ съ мукой и сверху внизъ смотрѣлъ на его могучую бородатую фигуру, богатырски раскинувшуюся на рогожѣ, брошенной около ларя. Пахло горячимъ хлѣбомъ, кислымъ тѣстомъ, углекислотой... Свѣтало, и въ стёкла оконъ, покрытыя плёнкой мучной пыли, смотрѣло сѣрое небо. Грохотала телѣга, и пастухъ игралъ, собирая стадо.

Коноваловъ храпѣлъ. Я смотрѣлъ, какъ вздымалась его широкая грудь, и обдумывалъ разные способы

наискорѣйшаго обращенія его въ мою вѣру, но ничего не выдумалъ и заснулъ.

Поутру мы съ нимъ встали, поставили опару, умылись и сѣли на ларѣ пить чай.

— Что, у тебя есть книжка?—спросилъ Коноваловъ.

— Есть...

— Почитаешь мнѣ?

— Ладно...

— Вотъ хорошо! Знаешь что? Проживу я мѣсяцъ, возьму у хозяина деньги и половину—тебѣ!

— На что?

— Купи книжекъ... Себѣ купи, которыя по вкусу тамъ, и мнѣ купи... хоть двѣ. Мнѣ, которыя про мужиковъ. Вотъ вродѣ Иглы и Сысойки... И чтобы, знаешь, съ жалостью было написано, а не смѣха ради... Есть иныя—чепуха совсѣмъ! Панфилка и Филатка—даже съ картинкой на первомъ мѣстѣ — дурость. Пошехонцы... сказки разныя. Не люблю я это все. Я не зналъ, что есть этакія, вотъ какъ у тебя.

— Хочешь про Стеньку Разина?

— Про Стеньку?... Хорошо?

— Очень хорошо...

— Тащи!

И вскорѣ я уже читалъ ему монографію Н. Костомарова: „Бунтъ Стеньки Разина". Сначала эта талантливая монографія, почти эпическая поэма, не понравилась моему бородатому слушателю.

— А почему тутъ разговоровъ нѣтъ?—спросилъ онъ,—заглядывая въ книгу. И когда я объяснилъ—почему, онъ даже зѣвнулъ и хотѣлъ скрыть зѣвокъ, но это ему не удалось, и онъ сконфуженно и виновато заявилъ мнѣ:

— Читай... ничего. Это я такъ...

Мнѣ понравилась его чуткая деликатность, и я сдѣлалъ видъ, что ничего не замѣтилъ и не понимаю, о чемъ онъ говоритъ.

Но по мѣрѣ того, какъ историкъ рисовалъ своей художественной кистью фигуру Степана Тимоѳеевича и „князь волжской вольницы“ выросталъ со страницъ книги, Коноваловъ перерождался. Ранѣе нѣсколько скучный и равнодушный, съ глазами, затуманенными лѣнивой дремотой,—онъ, постепенно и незамѣтно для меня, предсталъ предо мной въ поразительно новомъ видѣ. Сидя на ларѣ противъ меня и обнявъ свои колѣни руками, онъ положилъ на нихъ подбородокъ такъ, что его борода закрыла ему ноги, и смотрѣлъ на меня жадными, странно горѣвшими глазами изъ-подъ сурово нахмуренныхъ бровей. Въ немъ не было ни одной черточки той дѣтской наивности, которой онъ всегда удивлялъ меня, и все то простое и женственно - мягкое, что такъ шло къ его голубымъ, добрымъ глазамъ, теперь потемнѣвшимъ и суженнымъ, — исчезло куда-то. Нѣчто львиное, огневое было въ его сжатой въ комъ мускуловъ фигурѣ. Я замолчалъ, взглянувъ на него.

— Читай,—тихо, но внушительно сказалъ онъ.

— Ты что?

— Читай! — повторилъ онъ, и въ тонѣ его вмѣстѣ съ просьбой звучало раздраженіе.

Я продолжалъ, изрѣдка поглядывая на него и видя, что онъ все болѣе разгорается. Отъ него исходило что-то возбуждавшее и опьянявшее меня—какой-то горячій туманъ. Книга тоже дѣйствовала... И вотъ, въ состояніи какого-то нервнаго трепета, полнаго предчувствія чего-то необычайнаго, я дошелъ до того, какъ поймали Стеньку.

— Поймали!—рявкнулъ Коноваловъ.

Боль, обида, гнѣвъ, готовность выручить Степана звучали въ его сильномъ возгласѣ.

У него выступилъ потъ на лбу и глаза странно расширились. Онъ соскочилъ съ ларя, высокій и возбужденный, остановился противъ меня, положилъ мнѣ руку на плечо и громко, торопливо заговорилъ:

— Погоди! Не читай... Скажи, что теперь будетъ? Нѣтъ, стой, не говори! Казнятъ его? А? Читай скорѣй, Максимъ!

Можно было думать, что именно Коноваловъ, а не Фролка—родной братъ Разину. Казалось, что какія-то узы крови, неразрывныя и не остывшія за три столѣтія, до сей поры связываютъ этого босяка со Стенькой, и босякъ со всей силой живого, крѣпкаго тѣла, со всей страстью тоскующаго безъ „точки“ духа, чувствуетъ боль и гнѣвъ пойманнаго триста лѣтъ тому назадъ вольнаго сокола.

— Да читай, Христа ради!

Я читалъ, возбужденный и взволнованный, чувствуя, какъ бьется мое сердце и вмѣстѣ съ Коноваловымъ переживая Стенькину тоску. И вотъ мы дошли до пытокъ.

Коноваловъ скрипѣлъ зубами, и его голубые глаза сверкали, какъ угли. Онъ навалился на меня сзади и тоже не отрывалъ глазъ отъ книги. Его дыханіе шумѣло надъ моимъ ухомъ и сдувало мнѣ волосы съ головы на глаза. Я встряхивалъ головой для того, чтобы отбросить ихъ. Коноваловъ увидалъ это и положилъ мнѣ на голову свою тяжелую ладонь.

„Тутъ Разинъ такъ скрипнулъ зубами, что вмѣстѣ съ кровью выплюнулъ ихъ на полъ...“

— Будетъ!... Къ чорту!—крикнулъ Коноваловъ и, вырвавъ у меня изъ рукъ книгу, изо всей силы шлепнулъ ее объ полъ и самъ опустился за ней.

Онъ плакалъ, и такъ какъ ему было стыдно слезъ, онъ какъ-то рычалъ, чтобы не рыдать. Онъ спряталъ голову въ колѣни и плакалъ, вытирая глаза о свои грязныя тиковыя штаны.

Я сидѣлъ передъ нимъ на ларѣ и не зналъ, что сказать ему въ утѣшеніе.

— Максимъ!—говорилъ Коноваловъ, сидя на полу.— Страшно! Пила... Сысойка. А потомъ Стенька... а? Какая судьба!... Зубы-то какъ онъ выплюнулъ!... а?

И онъ весь вздрагивалъ въ своемъ волненіи.

Его особенно поразили эти выплюнутые Стенькой зубы, и онъ то и дѣло, болѣзненно передергивая плечами, говорилъ о нихъ.

Мы оба съ нимъ были какъ пьяные подъ вліяніемъ вставшей предъ нами мучительной и жестокой картины пытокъ.

— Ты мнѣ ее еще разъ прочитай, слышишь?—уговаривалъ меня Коноваловъ, поднявъ съ полу книгу и подавая ее мнѣ.—А ну-ка, покажи, гдѣ тутъ написано насчетъ зубовъ?

Я показалъ ему, и онъ впился глазами въ эти строки.

— Такъ и написано: „зубы свои выплюнулъ съ кровью"? А буквы тѣ же самыя, какъ и всѣ другія... Господи! Какъ ему больно-то было, а? Зубы даже... а въ концѣ тамъ что еще будетъ? Казнь? Ага! Слава те, Господи, все-таки казнятъ человѣка!

Онъ выразилъ эту радость предъ казнью съ такой страстью, съ такимъ удовлетвореніемъ въ глазахъ, что я вздрогнулъ отъ этого состраданія, такъ сильно желавшаго смерти измученному Стенькѣ.

Весь этотъ день прошелъ у насъ въ странномъ туманѣ: мы все говорили о Стенькѣ, вспоминая его жизнь, пѣсни, сложенныя о немъ, его пытки. Раза два Коноваловъ запѣвалъ звучнымъ баритономъ пѣсни и обрывалъ ихъ.

Мы съ нимъ стали еще ближе другъ къ другу съ этого дня.

Я еще нѣсколько разъ читалъ ему „Бунтъ Стеньки Разина", „Тараса Бульбу" и „Бѣдныхъ людей". Тарасъ тоже очень понравился моему слушателю, но онъ не могъ затемнить яркаго впечатлѣнія отъ книги Косто-

марова. Макара Дѣвушкина и Варю Коноваловъ не понималъ. Ему казался только смѣшнымъ языкъ писемъ Макара, а къ Варѣ онъ относился скептически.

— Ишь ты, ластится къ старику! Хитрая!... А онъ... экое чучело! Однако, брось ты, Максимъ, эту канитель! Чего тутъ? Онъ къ ней, она къ нему... Портили бумагу... ну ихъ къ свиньямъ на хуторъ! Не жалостно и не смѣшно: для чего писано?

Я напоминалъ ему подлиповцевъ, но онъ не соглашался со мной.

— Пила и Сысойка—это другая модель! Они люди живые, живутъ и бьются... а эти чего? Пишутъ письма.. скучно! Это даже и не люди, а такъ себѣ... одна выдумка. Вотъ Тарасъ со Стенькой, ежели бы ихъ рядомъ.. Батюшки! Какихъ они дѣловъ натворили бы. Тогда и Пила съ Сысойкой... взбодрились бы, чай?

Онъ плохо понималъ время, и въ его представленіи всѣ излюбленные имъ герои существовали вмѣстѣ, только двое изъ нихъ жили въ Усольѣ, одинъ въ „хохлахъ“, одинъ на Волгѣ... Мнѣ съ трудомъ удалось убѣдить его, что если бы Сысойка и Пила „съѣхали“ внизъ по Камѣ, они со Стенькой не встрѣтились бы, и если бы Стенька „дернулъ черезъ донскіе казаки и хохлы“ онъ не нашелъ бы тамъ Бульбу.

Это огорчило Коновалова, когда онъ понялъ, въ чемъ дѣло. Я попробовалъ угостить его пугачевскимъ бунтомъ, желая посмотрѣть, какъ онъ отнесется къ Емелькѣ. Коноваловъ забраковалъ Пугачева.

— Ахъ, шельма клейменая,—ишь ты! Царскимъ именемъ прикрылся и мутитъ... Сколько людей погубилъ, пёсъ!... Стенька?—это, братъ, другое дѣло, А Пугачъ—гнида, и больше ничего. Важное кушанье! Вотъ вродѣ Стеньки нѣтъ ли книжекъ? Поищи... А этого телячьяго Макара брось—не занимательно. Ужъ лучше ты еще разъ прочти, какъ казнили Степана...

Въ праздники мы съ Коноваловымъ уходили за рѣку,

въ луга. Мы брали съ собой немного водки, хлѣба, книгу и съ утра отправлялись „на вольный воздухъ“, какъ называлъ Коноваловъ эти экскурсіи.

Намъ особенно нравилось бывать въ „стеклянномъ заводѣ“. Такъ почему-то называлось зданіе, стоявшее недалеко отъ города въ полѣ. Это былъ трехъэтажный, каменный домъ съ провалившейся крышей, съ изломанными рамами въ окнахъ, съ подвалами, все лѣто полными жидкой пахучей грязи. Зеленовато-сѣрый, полуразрушенный, какъ бы опустившійся, онъ смотрѣлъ съ поля на городъ темными впадинами своихъ изуродованныхъ оконъ и казался инвалидомъ-калѣкой, обиженнымъ судьбой, изринутымъ изъ предѣловъ города, жалкимъ и умирающимъ. Въ половодье этотъ домъ изъ года въ годъ подмывала вода, но онъ, весь отъ крыши до основанія покрытый зеленой коркой плѣсени, несокрушимо стоялъ, огражденный лужами отъ частыхъ визитовъ полиціи,—стоялъ и, хотя у него не было крыши, давалъ кровъ разнымъ темнымъ и безпріютнымъ людямъ.

Ихъ всегда было много въ немъ; оборванные, полуголодные, боящіеся солнечнаго свѣта, они жили въ этой развалинѣ, какъ сòвы, и мы съ Коноваловымъ всегда были среди нихъ желанными гостями, потому что и онъ, и я, уходя изъ пекарни, брали по короваю бѣлаго хлѣба, дорогой покупали четверть водки и цѣлый лотокъ „горячаго“—печенки, легкаго, сердца, рубца. На два-три рубля мы устраивали очень сытное угощеніе „стекляннымъ людямъ“, какъ ихъ называлъ Коноваловъ.

Они платили намъ за эти угощенія разсказами, въ которыхъ ужасная, душу потрясающая правда фантастически перепутывалась съ самой наивной ложью. Каждый разсказъ являлся предъ нами кружевомъ, въ которомъ преобладали черныя нити—это было правда, и встрѣчались нити яркихъ цвѣтовъ—ложь. Такое кружево падало на мозгъ и сердце и больно давило и то, и другое, сжимая его своимъ жесткимъ, мучительно разно-

образнымъ рисункомъ. „Стеклянные люди“ по-своему любили насъ и почти всегда были моими внимательными слушателями. Разъ я читалъ имъ „Кому на Руси жить хорошо“, и на ряду съ гомерическимъ хохотомъ, я слыхалъ отъ нихъ много очень цѣнныхъ сужденій на эту тему.

Каждый человѣкъ, боровшійся съ жизнью, побѣжденный ею и страдающій въ безжалостномъ плѣну ея грязи, болѣе философъ, чѣмъ самъ Шопенгауеръ, потому что отвлеченная мысль никогда не выльется въ такую точную и образную форму, въ какую выльется мысль, непосредственно выдавленная изъ человѣка страданіемъ. Знаніе жизни у этихъ людей, вышвырнутыхъ за бортъ ея, поражало меня своей глубиной, и я жадно слушалъ ихъ разсказы, а Коноваловъ слушалъ ихъ для того, чтобы возражать противъ философіи разсказчика и втянуть меня въ диспутъ съ собой.

Выслушавъ исторію жизни и паденія, разсказанную какимъ-нибудь фантастически-разодѣтымъ субъектомъ, съ физіономіей человѣка, которому никакъ уже нельзя положить пальца въ ротъ,—выслушавъ такую исторію, всегда носящую характеръ оправдательно-защитительной реляціи, Коноваловъ задумчиво улыбался и отрицательно покачивалъ головой. Это замѣчали потому, что это дѣлалось открыто.

— Не вѣришь, Лёса? — со скорбью восклицалъ разсказчикъ.

— Нѣтъ, вѣрю... Какъ можно не вѣрить человѣку! Даже и если видишь—вретъ онъ, вѣрь ему, т.-е. слушай и старайся понять, почему онъ вретъ? Иной разъ вранье-то лучше правды объясняетъ человѣка... Да и какую мы всѣ про себя правду можемъ сказать? Самую пакостную... А соврать можно хорошо... Вѣрно?

— Вѣрно...—соглашается разсказчикъ.—А все-таки ты это къ чему головой-то качалъ?

— Къ чему? А къ тому, что ты неправильно разсу-

ждаешь... Разсказываешь ты такъ, что приходится понимать, будто всю твою жизнь не ты самъ, а шабры дѣлали и разные прохожіе люди. А гдѣ же ты въ это время былъ? И почему ты противъ своей судьбы никакой силы не выставилъ? И какъ это такъ выходитъ, что всѣ мы жалуемся на людей, а сами тоже люди, и, значитъ, на насъ тоже можно жаловаться? Намъ жить мѣшаютъ,—значитъ, и мы тоже кому-нибудь мѣшали, вѣрно? Ну, такъ какъ вотъ это объяснить?...

— Нужно такую жизнь строить, чтобъ въ ней всѣмъ было просторно и никто никому не мѣшалъ — сентенціозно ставятъ Коновалову тезисъ.

— А кто долженъ строить жизнь?—побѣдоносно вопрошаетъ онъ и, боясь, что у него предвосхитятъ отвѣтъ на его вопросъ, тотчасъ же отвѣчаетъ:—Мы! Сами мы! А какъ же мы будемъ строить жизнь, если мы этого не умѣемъ и наша жизнь не удалась? И выходитъ, братцы мои, что вся опора—это мы! Ну, а извѣстно, что такое есть мы...

Ему возражали, оправдывая себя, но онъ настойчиво твердилъ свое: никто ни въ чемъ не виноватъ предъ ними, но каждый изъ насъ во всемъ виноватъ самъ предъ собою.

Крайне трудно было сбить его съ почвы этого положенія и крайне трудно было усвоить его взглядъ на людей. Съ одной стороны, они въ его представленіи являлись вполнѣ правоспособными къ устройству свободной жизни, съ другой — они являлись какими-то слабыми, хлипкими и неспособными рѣшительно ни на что, кромѣ жалобъ другъ на друга.

Весьма часто такіе споры, начатые въ полдень, кончались около полуночи, и мы съ Коноваловымъ возвращались отъ „стеклянныхъ людей“ во тьмѣ и по колѣно въ грязи.

Однажды мы едва не утонули въ какой-то трясинѣ, другой разъ мы попали въ облаву и ночевали въ ча-

сти вмѣстѣ съ двумя десятками разныхъ пріятелей изъ „стекляннаго завода“, съ точки зрѣнія полиціи оказавшихся подозрительными личностями. Иногда намъ не хотѣлось философствовать, и мы шли далеко въ луга, за рѣку, гдѣ были маленькія озера, изобиловавшія мелкой рыбой, зашедшей въ нихъ во время половодья. Въ кустахъ, на берегу одного изъ такихъ озеръ, мы зажигали костеръ, который былъ намъ нуженъ лишь потому, что увеличивалъ красоту обстановки, и читали книгу или бесѣдовали о жизни. А иногда Коноваловъ задумчиво предлагалъ:

— Максимъ! давай въ небо смотрѣть.

Мы ложились на спины и смотрѣли въ голубую бездонную бездну надъ нами. Сначала мы слышали и шелестъ листвы вокругъ насъ, и всплески воды въ озерѣ, чувствовали подъ собой землю и вокругъ себя все то, что въ ту пору было тутъ... Потомъ постепенно голубое небо, какъ бы притягивавшее насъ къ себѣ, облекало наше сознаніе въ туманъ, мы утрачивали чувство бытія и, какъ бы отрываясь отъ земли, точно плавали въ пустынѣ небесъ, находясь въ полудремотномъ, созерцательномъ состояніи и стараясь не разрушать его ни словомъ, ни движеніемъ.

Такъ пролеживали мы по нѣскольку часовъ кряду и возвращались домой къ работѣ, духовно и тѣлесно обновленные и освѣженные этимъ единеніемъ съ природой.

Коноваловъ любилъ ее глубокой, безсловесной любовью, выражавшейся только мягкимъ блескомъ его глазъ, и всегда, когда онъ былъ въ полѣ или на рѣкѣ, онъ весь проникался какимъ-то миролюбиво-ласковымъ настроеніемъ, еще болѣе увеличивавшимъ его сходство съ ребенкомъ. Иногда онъ съ глубокимъ вздохомъ говорилъ, глядя въ небо:

— Эхъ!... Хорошо!

И въ этомъ восклицаніи всегда было болѣе смысла и чувства, чѣмъ въ риторическихъ фигурахъ мно-

гихъ поэтовъ, восхищающихся скорѣе ради поддержанія своей репутаціи людей съ тонкимъ чутьемъ прекраснаго, чѣмъ изъ дѣйствительнаго преклоненія предъ невыразимо ласковой красой природы...

Какъ все, такъ и поэзія теряетъ свою святую простоту и непосредственность, когда изъ поэзіи дѣлаютъ профессію.

День за днемъ прошли два мѣсяца, въ теченіе которыхъ я съ Коноваловымъ о многомъ переговорилъ и много прочиталъ. „Бунтъ Стеньки“ я читалъ ему такъ часто, что онъ уже свободно разсказывалъ его своими словами, страницу за страницей, съ начала до конца. Эта книга стала для него тѣмъ, чѣмъ становится иногда волшебная сказка для впечатлительнаго ребенка. Онъ называлъ предметы, съ которыми имѣлъ дѣло, именами ея героевъ, и когда однажды съ полки упала и разбилась хлѣбная чашка, онъ огорченно и зло воскликнулъ:

— Ахъ ты, воевода!

Неудавшійся хлѣбъ онъ величалъ Фролкой, дрожжи именовались „Стенькины думки“; самъ же Стенька былъ синонимомъ всего исключительнаго, крупнаго, несчастнаго, неудавшагося.

О Капитолинѣ, письмо которой я читалъ и сочинялъ отвѣтъ на него въ первый день знакомства съ Коноваловымъ, за все время почти не упоминалось.

Я зналъ, что Коноваловъ посылалъ ей деньги на имя нѣкоего Филиппа съ просьбой къ нему поручиться въ полиціи за дѣвушку, но ни отъ Филиппа, ни отъ дѣвушки никакого отвѣта не послѣдовало.

И вдругъ однажды вечеромъ, когда мы съ Коноваловымъ готовились сажать хлѣбы, дверь въ пекарню отворилась и изъ темноты сырыхъ сѣней низкій женскій голосъ, одновременно робкій и задорный, произнесъ:

— Извините...

— Кого нужно? — спросилъ я, въ то время, какъ Коноваловъ, опустивъ къ ногамъ лопату, смущенно дергалъ себя за бороду.

— Булочникъ Коноваловъ здѣсь работаетъ?

Теперь она стояла на порогѣ, и свѣтъ висячей лампы падалъ ей прямо на голову — въ бѣломъ шерстяномъ платкѣ. Изъ-подъ платка смотрѣло круглое, миловидное, курносое личико съ пухлыми щеками и ямочками на нихъ отъ улыбки пухлыхъ, красныхъ губъ.

— Здѣсь! — отвѣтилъ я ей.

— Здѣсь, здѣсь!—вдругъ и какъ-то очень ужъ шумно обрадовался Коноваловъ, бросивъ лопату и широкими шагами направляясь къ гостьѣ.

— Сашенька!—глубоко вздохнула она ему навстрѣчу.

Они обнялись, для чего Коноваловъ низко наклонился къ ней.

— Ну, что? какъ? Давно? А? Вотъ такъ ты! Свободна? Хорошо! Вотъ видишь? Я говорилъ... теперь у тебя опять есть дорога! Ходи смѣло! — торопливо изъяснялся предъ ней Коноваловъ, все еще стоя у порога и не разводя своихъ рукъ, обнявшихъ ея шею и талію.

— Максимъ... ты, братъ, воюй одинъ сегодня, а я займусь вотъ по дамской части... Гдѣ же ты, Капа, остановилась?

— А я прямо сюда, къ тебѣ...

— Сю-юда? Сюда невозможно... здѣсь хлѣбъ пекутъ и... никакъ нельзя! Хозяинъ у насъ строжайшій человѣкъ. Нужно будетъ пристроиться на ночь въ иномъ мѣстѣ... въ номерѣ, скажемъ. Айда!

И они ушли. Я остался воевать съ хлѣбами и никакъ не ожидалъ Коновалова ранѣе утра, но, къ немалому моему изумленію, часа черезъ три онъ явился. Мое изумленіе еще больше увеличилось, когда, взглянувъ на него въ чаяніи видѣть на его лицѣ сіяніе радости, я увидѣлъ, что оно только кисло, скучно и утомлено.

— Что ты? — спросилъ я, сильно заинтересованный

этимъ неподобающимъ событію настроеніемъ моего друга.

— Ничего...— уныло отвѣтилъ онъ и, помолчавъ, довольно свирѣпо сплюнулъ.

— Нѣтъ, все-таки?... —настаивалъ я.

— Да что тебѣ?— устало отозвался онъ, во весь ростъ растягиваясь на ларѣ. — Все-таки... все-таки... Все-таки — баба! Вотъ те и все.

Мнѣ стоило большого труда добиться отъ него объясненія, и, наконецъ, онъ далъ мнѣ его такими приблизительно словами:

— Говорю—баба! И когда бы я не былъ дуракомъ, такъ ничего бы этого не было. Понялъ? Ну... Вотъ ты говоришь: и баба человѣкъ! Извѣстно, ходитъ она на однѣхъ заднихъ лапахъ, травы не ѣстъ, слова говоритъ, смѣется... значитъ, не скотъ. А все-таки нашему брату не компанія... Н-да! Почему? А... не знаю! Чувствую, не подходитъ, но понимать не могу — почему... Вонъ он. Капитолина, какую линію гнетъ—хочу, говоритъ, съ тобой, это значитъ — со мной, жить вродѣ жены. Желаю, говоритъ, быть твоей дворняжкой... Совсѣмъ несообразно! Ну, милая ты дѣвочка, говорю, дуреха ты; ну, разсуди, какъ со мной жить? Первое дѣло у меня — запой, во-вторыхъ, нѣтъ у меня никакого дому, въ-третьихъ, я есть бродяга и не могу на одномъ мѣстѣ жить... и прочее такое, очень многое... говорю ей. А она — запой наплевать. Всѣ, говоритъ, мастеровые мужчины горькіе пьяницы, однако, жены у нихъ есть; домъ, говоритъ, будетъ, коли будетъ жена, и никуда, говоритъ, ты тогда не побѣжишь... Я говорю: Капа, никакъ я не могу къ этому склониться, потому что я знаю — жизнью такой жить не умѣю я и не научусь. А она — а я, говоритъ, въ рѣчку прыгну! А я ей: ду-урра! А она ругаться, да вѣдь ка-акъ! Ахъ ты, говоритъ, смутьянъ, безстыжая рожа, обманщикъ, длинный чортъ!... И почала, и почала... просто такъ-то ли разъярилась на меня, что я чуть

не сбѣжалъ. Потомъ начала плакать. Плачетъ и пеняетъ мнѣ: зачѣмъ ты, говоритъ, меня изъ того мѣста вынулъ, коли я тебѣ не нужна? Зачѣмъ ты, говоритъ, меня оттуда сманилъ, и куда, говоритъ, я теперь дѣнусь? Рыжій ты, говоритъ, дуракъ... Ф-фу! Ну что теперь съ ней дѣлать?

— Да ты ее, въ самомъ дѣлѣ, почему оттуда вытащилъ?— спросилъ я.

— Почему? Вотъ чудакъ! Чай, жалко! Вѣдь угрязаетъ человѣкъ... и всякому мимоидущему его жалко. Но чтобы обзаводиться... и прочее такое, ни-ни! На это я согласиться не могу. Какой я семьянинъ? Да кабы я могъ держаться на этой точкѣ, такъ я бы ужъ давно рѣшился. Какіе резоны были! Могъ бы съ приданымъ и... все такое. Но ежели это не въ моей силѣ, какъ я могу творить такое дѣло? Плачетъ она... это, конечно... тово, нехорошо... Но вѣдь какъ же? Я не могу!

Онъ даже головой замоталъ въ подтвержденіе своего тоскливаго „не могу“, всталъ съ ларя и, обѣими руками ероша бороду и волосы на головѣ, началъ, низко опустивъ голову и отплевываясь, шагать по пекарнѣ.

— Максимъ! — просительно и сконфуженно заговорилъ онъ, — пошелъ бы ты къ ней и какъ-нибудь этакъ сказалъ ей, почему и отчего... а? Пойди, братъ!

— Что же я ей скажу?

— Всю правду говори!... Не можетъ, молъ, онъ. Не подходящее это ему... А то скажи вотъ что... у него, молъ, дурная болѣзнь!

— Какая же это правда? — засмѣялся я.

— Н-да... это не правда... А причина хо-орошая, а? Ахъ ты, чортъ те возьми! Вотъ такъ каша — жена! А? Да я про это и не думалъ ни разика! Ну куда мнѣ жена?

Онъ съ такимъ недоумѣніемъ и испугомъ развелъ руками при этихъ словахъ, что было ясно—ему совсѣмъ некуда дѣвать жену! И, несмотря на комизмъ его изло-

женія всей этой исторіи, ея драматическая сторона заставила меня крѣпко задуматься надъ положеніемъ товарища и этой дѣвушки. А онъ все ходилъ по пекарнѣ и говорилъ какъ бы уже самъ съ собою:

— И не понравилась теперь она мнѣ, ну, просто страхъ какъ! Такъ это и засасываетъ меня она, такъ и втягиваетъ куда-то, точно трясина бездонная. Ишь ты, облюбовала себѣ мужа! Не больно умна, а хитрая дѣвочка.

Это въ немъ начинаетъ говорить инстинктъ бродяги, возбужденное чувство вѣчнаго стремленія къ свободѣ, на которое было сдѣлано покушеніе.

— Нѣтъ, меня на такого червя не поймаешь, я есть рыба крупная! — хвастливо воскликнулъ онъ. — Я вотъ какъ возьму, да ... а что въ самомъ дѣлѣ? — И, остановясь среди пекарни, онъ, улыбясь, задумался. Я слѣдилъ за игрой его возбужденной физіономіи и старался предугадать, на чемъ онъ рѣшилъ.

— Максимъ! Айда на Кубань?!

Этого я не ожидалъ. У меня по отношенію къ нему имѣлись нѣкоторыя литературно-педагогическія намѣренія: — я питалъ надежду выучить его грамотѣ и передать ему все то, что самъ зналъ въ ту пору. Было бы любопытно посмотрѣть, что изъ этого выйдетъ... Онъ далъ мнѣ слово все лѣто не двигаться съ мѣста; это облегчало мнѣ мою задачу, и вдругъ...

— Ну это ужъ ты ерундишь! — нѣсколько смущенно сказалъ я ему.

— Да что жъ инъ мнѣ дѣлать? — воскликнулъ онъ.

Я началъ говорить ему, что, пожалуй, посягательство Капитолины на него совсѣмъ ужъ не такъ рѣшительно-серьезно, какъ онъ его себѣ представляетъ, и что надо посмотрѣть и подождать.

И даже, какъ оказалось, ждать-то было не долго.

Мы бесѣдовали, сидя на полу передъ печью спинами къ окнамъ. Время было близко къ полночи, и съ

той поры, какъ Коноваловъ пришелъ, прошло часа полтора — два. Вдругъ сзади насъ раздался дребезгъ стеколъ, и на полъ шумно грохнулся довольно увѣсистый булыжникъ. Мы оба въ испугѣ вскочили и бросились къ окну.

— Не попала!—визгливо кричали въ него.—Плохо мѣтила! А ужъ бы...

— П'дё-емъ!--рычалъ звѣрскій басъ.—П'дё-емъ, а я его послѣ... уважу.

Отчаянный, истерическій и пьяный хохотъ, визгливый, рвавшій нервы, летѣлъ съ улицы въ разбитое окно.

— Это она!—тоскливо сказалъ Коноваловъ.

Я видѣлъ пока только двѣ ноги, свѣшенныя съ панели въ углубленіе предъ окномъ. Онѣ висѣли и странно болтались, ударяя пятками по кирпичной стѣнкѣ ямы, какъ бы ища себѣ опоры.

— Да п'дё-емъ!—лопоталъ звѣрскій басъ.

— Пусти! Не тяни меня, дай отвести душу. Прощай Сашка! Прощай... — слѣдовала довольно нецензурная брань.

Подойдя ближе къ окну, я увидалъ Капитолину. Наклонившись внизъ, упираясь руками въ панель, она старалась заглянуть внутрь пекарни, и ея растрепанные волосы разсыпались по плечамъ и груди. Бѣленькій платокъ былъ сбитъ въ сторону, грудь лифа разорвана. Капитолина была страшно пьяна и качалась изъ стороны въ сторону, икая, ругаясь, истерично взвизгивая, вся дрожащая, вся растрепанная, съ краснымъ, пьянымъ, облитымъ слезами лицомъ...

Надъ ней согнулась высокая фигура мужчины, и онъ, упираясь одной рукой ей въ плечо, а другой въ стѣну дома, все рычалъ:

— П'дё-емъ!...

— Сашка! Погубилъ ты меня... помни! Будь проклятъ, рыжій чортъ! Не видать бы тебѣ ни часу свѣта

Божьяго. Надѣялась я... поправиться... насмѣялся ты, злодѣй, надо мной... ладно! Сочтемся! А... Спрятался! Стыдно, харя поганая... Саша... голубчикъ.

— Я не спрятался...—подойдя къ окну и взлѣзая на ларь, сказалъ глухо и густо Коноваловъ. — Я не прячусь... а ты напрасно... Я добра вѣдь тебѣ хотѣлъ; добро будетъ—думалъ, а ты понесла совсѣмъ несообразное...

— Сашка! Можешь ты меня убить?

— Зачѣмъ ты напилась? Развѣ ты знаешь, что было бы... завтра...

— Сашка! Саша! Утопи меня!

— Бу-удетъ! П'дё-емъ!

— Мер-рзавецъ! Зачѣмъ ты притворился хорошимъ человѣкомъ?

— Что за шумъ, а? Кто такіе?

Свистокъ ночного сторожа вмѣшался въ этотъ діалогъ, заглушилъ его и замеръ.

— Зачѣмъ я въ тебя, чортъ, повѣрила... — рыдала дѣвушка подъ окномъ.

Потомъ ея ноги вдругъ дрогнули, быстро мелькнули вверхъ и пропали во тьмѣ. Раздался глухой говоръ, возня...

— Не хочу въ полицію! Са-аша!—тоскливо вопила дѣвушка.

По мостовой тяжело затопали ноги.

Свистки, глухое рычаніе, вопли...

— Са-аша! Ми-илый!

Казалось, кого-то немилосердно истязуютъ... Все это удалялось отъ насъ, становилось глуше, тише и пропало, какъ кошмаръ.

Ошеломленные, подавленные этой сценой, разыгравшейся поразительно быстро, мы съ Коноваловымъ смотрѣли на улицу во тьму и не могли опомниться отъ этого плача, рева, ругательствъ, начальническихъ окриковъ, болѣзненныхъ стоновъ. Я вспоминалъ отдѣльные звуки и съ трудомъ вѣрилъ, что все это было наяву.

Страшно быстро кончилась эта маленькая, но тяжелая драма.

— Все...—какъ-то особенно кротко и просто сказалъ Коноваловъ, прислушавшись еще разъ къ тишинѣ темной ночи, безмолвно и строго смотрѣвшей на него въ окно.

— Какъ она меня!... — съ изумленіемъ продолжалъ онъ черезъ нѣсколько секундъ, оставаясь въ старой позѣ, на ларѣ, стоя на колѣняхъ и упираясь руками въ пологій подоконникъ. — Въ полицію попала... пьяная... съ какимъ-то чортомъ. Скоро какъ порѣшила!— Онъ глубоко вздохнулъ, слѣзъ съ ларя, сѣлъ на мѣшокъ, обнялъ голову руками, покачался и спросилъ меня вполголоса:

— Разскажи ты мнѣ, Максимъ, что же это такое тутъ теперь вышло?... Т.-е. какое мое теперь во всемъ этомъ дѣло?

Я разсказалъ. Все это сплошь его дѣло. Прежде всего нужно понимать то, что хочешь дѣлать, и въ началѣ дѣла нужно уже представлять себѣ его возможный конецъ. Онъ все это не понималъ, не зналъ и кругомъ во всемъ виноватъ. Я былъ обозленъ имъ—стоны и крики Капитолины, пьяное „п'дё-емъ!...“—все это еще стояло у меня въ ушахъ, и я не щадилъ товарища.

Онъ слушалъ меня съ наклоненной головой, а когда я кончилъ, поднялъ ее, и на лицѣ его я прочиталъ испугъ и изумленіе.

— Вотъ такъ разъ! восклицалъ онъ.—Ловко! Ну, и... что же теперь? А? какъ же? Что мнѣ съ ней дѣлать?

Въ тонѣ его словъ было такъ много чисто-дѣтскаго по искренности сознанія своей вины предъ этой дѣвушкой и такъ много безпомощнаго недоумѣнія, что мнѣ тутъ же стало жаль товарища, и я подумалъ, что, пожалуй, я ужъ очень рѣзко и безапелляціонно говорилъ съ нимъ.

— И зачѣмъ я ее тронулъ съ того мѣста!—каялся

Коноваловъ. — Эхма! вѣдь какъ она теперь на меня... я вотъ что... Я пойду туда, въ полицію, и похлопочу... Увижу ее... и прочее такое. Скажу ей... что-нибудь. Идти?

Я замѣтилъ, что едва ли будетъ какой-либо толкъ отъ его свиданія. Что онъ ей скажетъ? Ктому же, она пьяная и, навѣрное, спитъ уже.

Но онъ укрѣпился въ своей мысли.

— Пойду, погоди. Все-таки я ей добра желаю... какъ хошь. А тамъ что за люди для нея? Пойду. Ты тутъ тово... я скоро.

И надѣвъ на голову картузъ, онъ даже безъ опорокъ, въ которыхъ обыкновенно щеголялъ, быстро вышелъ изъ пекарни.

Я отработался и легъ спать; а когда поутру, проснувшись, по привычкѣ взглянулъ на мѣсто, гдѣ спалъ Коноваловъ, его еще не было.

Онъ явился только къ вечеру—хмурый, взъерошенный, съ рѣзкими складками на лбу и съ какимъ-то туманомъ въ голубыхъ глазахъ. Не глядя на меня, подошелъ къ ларямъ, посмотрѣлъ, что мной сдѣлано, и молча легъ на полъ.

— Что же, ты видѣлъ ее?—спросилъ я.

— Зачѣмъ и ходилъ.

— Ну такъ что же?

— Ничего.

Было ясно—онъ не хотѣлъ говорить. Полагая, что такое настроеніе не продлится у него долго, я не сталъ надоѣдать ему вопросами. И онъ весь этотъ день молчалъ, только по необходимости бросая мнѣ краткія фразы, относящіяся къ работѣ, расхаживая по пекарнѣ съ понуренной головой и все съ тѣми же туманными глазами, съ какими пришелъ. Въ немъ точно погасло что-то; онъ работалъ медленно и вяло, какъ связанный своими думами. Ночью, когда мы уже посадили

послѣдніе хлѣбы въ печь и, изъ боязни передержать ихъ, не ложились спать, онъ попросилъ меня:

— Ну-ка, почитай про Стеньку что-нибудь.

Такъ какъ описаніе пытокъ и казни всего болѣе возбуждало его—я сталъ ему читать именно это мѣсто. Онъ слушалъ, неподвижно растянувшись на полу кверху грудью, и, не мигая глазами, смотрѣлъ въ закопченые своды потолка.

— Умеръ Стенька. Вотъ и порѣшили съ человѣкомъ, — медленно заговорилъ Коноваловъ.— А все-таки въ ту пору можно было жить. Свободно. Было куда податься, можно было душу отвести. Теперь вотъ тишина и смиренство... порядокъ... ежели такъ со стороны посмотрѣть, совсѣмъ даже смирная жизнь теперь стала. Книжки, грамота... А все-таки человѣкъ безъ защиты живетъ и никакого призору за нимъ нѣтъ. Грѣшить ему запрещено, но не грѣшить невозможно... Потому на улицахъ-то порядокъ, а въ душѣ — путаница. И никто никого не можетъ понимать.

— Саша! Ну такъ какъ же ты съ Капитолиной-то?— спросилъ я.

— А?— встрепенулся онъ.—Съ Капкой? Шабашъ...— Онъ рѣшительно махнулъ рукой.

— Кончилъ, значитъ?

— Я? Нѣтъ... она сама кончила.

— Какъ?

— Очень просто. Стала на свою точку и больше никакихъ... Все по старому. Только раньше она не пила, а теперь пить стала... Ты вынь хлѣбъ, а я буду спать.

Въ пекарнѣ стало Тихо. Коптила лампа, изрѣдка потрескивала заслонка печи, и корки испеченаго хлѣба на полкахъ тоже трещали, подсыхая. На улицѣ, противъ нашихъ оконъ, разговаривали ночные сторожа. И еще какой-то странный звукъ порой доходилъ до

слуха съ улицы, не то гдѣ-то скрипѣла вывѣска, не то кто-то стоналъ.

Я вынулъ хлѣбы, легъ спать, но мнѣ не спалось, и я, прислушиваясь ко всѣмъ звукамъ ночи, лежалъ, полузакрывъ глаза. Вдругъ вижу, Коноваловъ безшумно поднимается съ полу, идетъ къ полкѣ, беретъ съ нея книгу Костомарова, раскрываетъ ее и подноситъ къ глазамъ. Мнѣ ясно видно его задумчивое лицо, я слѣжу, какъ онъ водитъ пальцемъ по строкамъ, качаетъ головою, перевертываетъ страницу, снова пристально смотритъ на нее, а потомъ переводитъ глаза на меня. Что-то странное, напряженное и вопрошающее отражаетъ отъ себя его задумчивое, осунувшееся лицо, и долго оно остается обращеннымъ ко мнѣ, новое для меня.

Я не могъ сдержать своего любопытства и спросилъ его, что онъ дѣлаетъ.

— А я думалъ, ты спишь...— смутился онъ; потомъ подошелъ ко мнѣ, держа книгу въ рукѣ, сѣлъ рядомъ и, запинаясь, заговорилъ: — Я, видишь ли, хочу тебя спросить вотъ про что... Нѣтъ ли книги какой-нибудь насчетъ порядковъ жизни? Т.-е. поученія, какъ жить? Поступки бы нужно мнѣ разъяснить, которые вредные и которые ничего себѣ... Я, видишь ты, поступками смущаюсь своими... Который въ началѣ мнѣ кажется хорошимъ, въ концѣ выходитъ плохимъ. Вотъ хоть бы насчетъ Капки.—Онъ перевелъ духъ и продолжалъ съ силой и просительно:—Такъ вотъ поищи-ка, нѣтъ ли книги насчетъ поступковъ? И прочитай мнѣ.

Нѣсколько минутъ молчанія...

— Максимъ!...

— А?

— Какъ меня Капитолина-то раскрашивала!

— Да ладно ужъ... Будетъ тебѣ...

— Конечно, теперь ужъ нечего... А что, скажи мнѣ... въ правѣ она?...

Это былъ щекотливый вопросъ, но, подумавъ, я отвѣчалъ на него утвердительно.

— Вотъ и я тоже такъ полагаю... Въ правѣ... да...— уныло протянулъ Коноваловъ и замолчалъ.

Онъ долго возился на своей рогожѣ, постланной прямо на полъ, нѣсколько разъ вставалъ, курилъ, садился подъ окно, снова ложился.

Потомъ я заснулъ, а когда проснулся, его уже не было въ пекарнѣ, и онъ явился только къ вечеру. Казалось, что весь онъ былъ покрытъ какой-то пылью, и въ его отуманенныхъ глазахъ застыло что-то неподвижное. Кинувъ картузъ на полку, онъ вздохнулъ и сѣлъ рядомъ со мной.

— Ты гдѣ былъ?

— Ходилъ Капку посмотрѣть.

— Ну и что?

— Шабашъ, братъ! Вѣдь я те говорилъ...

— Ничего, видно, не подѣлаешь съ этимъ народомъ... —попробовалъ было я разсѣять его настроеніе и заговорилъ о могучей силѣ привычки и о всемъ прочемъ, что̀ въ этомъ случаѣ было умѣстно. Коноваловъ упорно молчалъ, глядя въ полъ.

— Нѣтъ, это что-о! Не въ томъ сила! А просто я есть заразный человѣкъ... Недоля мнѣ жить на свѣтѣ... Несчастный этакій ядовитый духъ отъ меня исходитъ. И какъ я близко къ человѣку подойду, такъ сейчасъ онъ отъ меня и заражается. И для всякаго я могу съ собой принести только горе... Вѣдь ежели подумать— кому я всей моей жизнью удовольствіе принесъ? Никому! А тоже, со многими людьми имѣлъ дѣло... Тлѣющій я человѣкъ...

— Это чепуха!...

— Нѣтъ ужъ вѣрно!...—убѣжденно кивнулъ онъ головой.

Я разубѣждалъ его, но въ моихъ рѣчахъ онъ еще

болѣе черпалъ увѣренности въ своей непригодности къ жизни...

Вообще онъ сталъ быстро и рѣзко измѣняться съ момента происшествія съ Капкой. Сталъ задумчивъ, вялъ, утратилъ интересъ къ книгѣ, работалъ уже не съ прежней горячностью, сталъ молчаливъ и необщителенъ.

Въ свободное отъ работы время онъ ложился на полъ и упорно смотрѣлъ въ своды потолка. Лицо у него осунулось, глаза утратили свой ясный дѣтскій блескъ.

— Саша, ты что? — спросилъ я его.

— Запой начинается,—просто объяснилъ онъ.—Скоро я распущусь... т.-е. начну водку глушить... Ужъ внутри у меня жжетъ... вродѣ изжоги, знаешь... Пришло время... кабы не эта самая исторія, я бы, поди-ка, еще протянулъ сколько-нибудь. Но ѣстъ меня это дѣло... Какъ такъ? Желалъ я человѣку оказать добро—и вдругъ... совсѣмъ несообразно! Да, братъ, очень нуженъ для жизни порядокъ поступковъ... И неужто ужъ такъ и нельзя выдумать этакій законъ, чтобы всѣ люди дѣйствовали, какъ одинъ, и всѣ другъ друга понимать могли? Вѣдь совсѣмъ нельзя жить на такомъ разстояніи одинъ отъ другого! Неужто умные люди не понимаютъ, что нужно на землѣ устроить порядокъ и въ ясность людей привести?.... Э-эхма!

Поглощенный этими думами о необходимости въ жизни порядка, онъ не слушалъ моихъ рѣчей. Я замѣтилъ даже, что онъ какъ бы сталъ чуждаться меня. Однажды, выслушавъ въ сто первый разъ мой проектъ реорганизаціи жизни, онъ какъ бы разсердился на меня.

— Ну тебя... Слыхалъ я это... Тутъ не въ жизни дѣло, а въ человѣкѣ. Первое дѣло—человѣкъ... понялъ? Ну, и больше никакихъ... Этакъ-то, по-твоему, выходитъ, что, пока тамъ все это передѣлается, человѣкъ все-таки долженъ оставаться, какъ теперь. Тоже... Нѣтъ, ты его перестрой сначала, покажи ему ходы... Чтобы

ему было светло и не тѣсно на землѣ—вотъ чего добивайся для человѣка. Научи его находить свою тропу... А это что... выдумка одна...

Я возражалъ, онъ горячился или дѣлался угрюмымъ и скучно восклицалъ:

— Э, отстань!

Какъ-то разъ онъ ушелъ съ вечера и не пришелъ ни ночью къ работѣ, ни на другой день. Вмѣсто него явился хозяинъ съ озабоченнымъ лицомъ и объявилъ:

— Закутилъ Лёксаха-то у насъ. Въ „Стѣнкѣ" сидитъ. Надо новаго пекаря искать...

— А можетъ, оправится?!...

— Ну, какъ же, жди... Знаю я его...

Я пошелъ въ „Стѣнку" — кабакъ, хитроумно устроенный въ каменномъ заборѣ. Онъ отличался тѣмъ, что въ немъ не было оконъ и свѣтъ падалъ въ него сквозь отверстіе въ потолкѣ. Въ сущности, это была квадратная яма, вырытая въ землѣ и покрытая сверху тёсомъ. Въ ней всегда пахло землей, махоркой и перегорѣлой водкой — симфонія запаховъ, отъ которыхъ чрезъ полчаса пребыванія среди нихъ страшно ломило голову. Но къ нимъ привыкли завсегдатаи этой трущобы — темные люди безъ опредѣленныхъ занятій — какъ они привыкаютъ къ массѣ невыносимыхъ для человѣка вещей. И они цѣлыми днями торчали тутъ, ожидая закутившаго мастерового для того, чтобъ до-нага опить его.

Коноваловъ сидѣлъ за большимъ столомъ посрединѣ кабака, въ кругу почтительно и льстиво слушавшихъ его шестерыхъ господъ въ фантастически-рваныхъ костюмахъ, съ физіономіями героевъ изъ разсказовъ Гофмана.

Пили пиво и водку вмѣстѣ и закусывали чѣмъ-то похожимъ на сухіе комья глины...

— Пейте, братцы, пейте, кто сколько можетъ. У меня есть и деньги, и одежа... Дня на три хватитъ всего.

Все пропью и... шабашъ! Больше не хочу работать и жить здѣсь не хочу.

— Городъ сквернѣйшій,—сказалъ нѣкто, похожій на Джона Фальстафа.

— Работа? — вопросительно посмотрѣлъ въ потолокъ другой и съ изумленіемъ спросилъ: — Да развѣ человѣкъ для этого на свѣтъ родился?

И всѣ они сразу загалдѣли, доказывая Коновалову его право все пропить и даже возводя это право на степень непремѣнной обязанности — именно съ ними въ компаніи пропить.

— А, Максимъ... и котомка съ нимъ! — скаламбурилъ Коноваловъ, увидавъ меня. — Ну-ка, книжникъ и фарисей—тяпни! Я, братъ, окончательно спрыгнулъ съ рельсъ. Шабашъ! Пропиться хочу до волосъ... Когда одни во лосы на тѣлѣ останутся — кончу. Вали и ты, а?

Онъ еще не былъ пьянъ, только глаза голубые его сверкали отчаяннымъ возбужденіемъ и тоской и роскошная борода, падавшая на грудь ему шелковымъ вѣеромъ, то и дѣло шевелилась, оттого что его нижняя челюсть дрожала нервной дрожью. Воротъ рубахи былъ разстегнутъ, на бѣломъ лбу сверкали мелкія капельки пота и рука, протянутая ко мнѣ со стаканомъ пива, тряслась.

— Брось, Саша, уйдемъ отсюда... — сказалъ я, положивъ ему руку на плечо.

— Бросить?... — онъ засмѣялся. — Кабы ты лѣтъ на десять раньше пришелъ ко мнѣ да сказалъ это... можетъ, я и бросилъ бы. А теперь я ужъ лучше не брошу... Чего мнѣ кромѣ дѣлать? Чего? Вѣдь я чувствую, все чувствую, всякое движеніе жизни... но понимать ничего не могу и пути моего не знаю... Чувствую... и пью, потому что больше мнѣ дѣлать нечего... Выпей!

Его компанія смотрѣла на меня съ явнымъ неудовольствіемъ, и всѣ двѣнадцать глазъ измѣряли мою фигуру далеко не миролюбиво.

Бѣдняги боялись, что я уведу Коновалова—угощеніе, которое они ждали, быть можетъ, цѣлую недѣлю.

— Братцы! Это мой товарищъ... ученый, чортъ его возьми! Максимъ, можешь ты здѣсь прочитать про Стеньку?... Ахъ, братцы, какія книги есть на свѣтѣ! Про Пилу?...—Максимъ, а?... Братцы, не книга это, а кровь и слезы. А... вѣдь Пила-то—это я? Максимъ!...— И Сысойка я... Ей-Богу! Вотъ и объяснилось!

Онъ широко съ открытыми глазами съ испугомъ въ нихъ смотрѣлъ на меня, и нижняя его губа странно дрожала. Компанія не особенно охотно очистила мнѣ мѣсто за столомъ. Я сѣлъ рядомъ съ Коноваловымъ, какъ разъ въ моментъ, когда онъ хватилъ стаканъ пива пополамъ съ водкой.

Ему, очевидно, хотѣлось какъ можно скорѣе оглушить себя этой смѣсью. Выпивъ, онъ взялъ съ тарелки кусокъ того, что казалось глиной, а было вареным мясомъ, посмотрѣлъ на него и бросилъ черезъ плечо въ стѣну кабака.

Компанія вполголоса урчала, какъ стая голодныхъ собакъ надъ костью.

— Потерянный я человѣкъ... Зачѣмъ меня мать съ отцомъ на свѣтъ родили? Ничего неизвѣстно... Темь!... Тѣснота!... Прощай, Максимъ, коли ты не хочешь пить со мной. Въ пекарню я не пойду. Деньги у меня есть за хозяиномъ — получи и дай мнѣ, я ихъ пропью... Нѣтъ! Возьми себѣ на книги... Берешь? Не хочешь? Не надо... А то возьми? Свинья ты, коли такъ... Уйди отъ меня! У-уходи!

Онъ пьянѣлъ, и глаза у него звѣрски блеснули.

Компанія была совершенно готова вытурить меня въ шею изъ среды своей, и я, не желая дожидаться этого, ушелъ.

Часа черезъ три я снова былъ въ „Стѣнкѣ". Компанія Коновалова увеличилась еще на два человѣка. Всѣ они были пьяны, онъ—меньше всѣхъ. Онъ пѣлъ, облоко-

тясь на столъ и глядя на небо черезъ отверстіе въ потолкѣ. Пьяницы въ разнообразныхъ позахъ слушали его и нѣкоторые икали.

Пѣлъ Коноваловъ баритономъ, на высокихъ нотахъ переходившимъ въ фальцетъ, какъ у всѣхъ пѣвцовъ мастеровыхъ. Подперевъ щеку рукой, онъ съ чувствомъ выводилъ заунывныя рулады, и лицо его было блѣдно отъ волненія, глаза полузакрыты, горло выгнуто впередъ. На него смотрѣли восемь пьяныхъ, безсмысленныхъ и красныхъ физіономій, и только порой были слышны бормотанье и икота. Голосъ Коновалова вибрировалъ и плакалъ, и стоналъ, и было до слезъ жалко видѣть этого славнаго парня поющимъ свою грустную пѣсню.

Тяжелый запахъ, потныя, пьяныя рожи, двѣ коптящія керосиновыя лампы и черныя отъ грязи и копоти доски стѣнъ кабака, его земляной полъ и сумракъ, наполнявшій эту яму — все это было мрачно и болѣзненно-фантастично. Казалось, что это пируютъ заживо погребенные въ склепѣ и одинъ изъ нихъ поетъ въ послѣдній разъ передъ смертью, прощаясь съ небомъ. Безнадежная грусть, спокойное отчаяніе, безысходная тоска звучали въ пѣснѣ моего товарища.

— Максимъ здѣсь? Хочешь ко мнѣ эсауломъ? Другъ, иди!—прервавъ свою элегію, заговорилъ онъ, протягивая мнѣ руку.—Я, братъ, совсѣмъ готовъ... Набралъ шайку себѣ... вотъ она... потомъ еще будутъ люди... Найдемъ! Это н-ничего! Пилу и Сысойку призовемъ... И будемъ ихъ каждый день кашей кормить и говядиной... хорошо? Идешь? Возьми съ собой книги... будешь читать про Стеньку и про другихъ... Другъ! Ахъ и тошно мнѣ, тошно мнѣ... то-ошно-о!...

Онъ изо всей силы грохнулъ кулакомъ по столу. Загремѣли стаканы и бутылки, и компанія, очнувшись, сразу же наполнила кабакъ страшнымъ по своему безобразію шумомъ.

— Пей, ребята! — крикнулъ Коноваловъ. — Пей! Отводи душу... дуй во всю!

Я ушелъ отъ нихъ, постоялъ у двери на улицѣ, послушалъ, какъ Коноваловъ ораторствовалъ заплетающимся языкомъ, и, когда онъ снова началъ пѣть, отправился въ пекарню, и вслѣдъ мнѣ долго стонала и плакала въ ночной тишинѣ неуклюжая пьяная пѣсня.

Черезъ два дня Коноваловъ пропалъ куда-то изъ города.

Мнѣ еще разъ привелось встрѣтиться съ нимъ...

Нужно родиться въ культурномъ обществѣ, для того, чтобы найти въ себѣ терпѣніе всю жизнь жить среди него и ни разу не пожелать уйти куда-нибудь изъ сферы всѣхъ этихъ тяжелыхъ условностей, узаконенныхъ обычаемъ маленькихъ ядовитыхъ лжей, изъ сферы болѣзненныхъ самолюбій, идейнаго сектантства, всяческой неискренности, — однимъ словомъ, изъ всей этой охлаждающей чувство и развращающей умъ суеты сует. Я родился и воспитывался внѣ этого общества и по сей пріятной для меня причинѣ не могу принимать его культуру большими дозами безъ того, чтобы, спустя нѣкоторое время, у меня не явилась настоятельная необходимость выйти изъ ея рамокъ и освѣжиться нѣсколько отъ чрезмѣрной сложности и болѣзненной утонченности этого быта.

Въ деревнѣ почти такъ же невыносимо тошно и грустно, какъ и среди интеллигенціи. Всего лучше отправиться въ трущобы городовъ, гдѣ хотя все и грязно, но все такъ просто и искренно, или идти гулять по полямъ и дорогамъ родины, что весьма любопытно, очень освѣжаетъ и не требуетъ никакихъ средствъ, кромѣ хорошихъ, выносливыхъ ногъ.

Лѣтъ пять тому назадъ я предпринялъ именно такую прогулку и, расхаживая по святой Руси безъ

какого-либо определѣленнаго маршрута, попалъ въ Ѳеодосію. Въ то время тамъ начинали строить молъ, и въ чаяніи заработать немного денегъ на дорогу, я отправился на мѣсто сооруженія.

Желая сначала посмотрѣть на работу, какъ на картину, я взошелъ на гору и сѣлъ тамъ, глядя внизъ на безкрайное, могучее море и крошечныхъ людей, строившихъ ему ковы.

Передо мной развернулась широкая картина труда людей: — весь каменистый берегъ передъ бухтой былъ изрытъ, всюду ямы и кучи камня и дерева, тачки, брёвна, полосы желѣза, копры для битья свай и еще какія то приспособленія изъ бревенъ, и среди всего этого по всѣмъ направленіямъ сновали люди. Они, разорвавъ гору динамитомъ, дробили ее кирками, расчищая площадь для линіи желѣзной дороги, они мѣсили въ громадныхъ творилахъ цементъ и, дѣлая изъ него почти саженные кубическіе камни, опускали ихъ въ море, строя въ немъ оплотъ противъ титанической силы его неугомонныхъ волнъ. Они казались маленькими, какъ черви, на фонѣ темнокоричневой горы, изуродованной ихъ руками, и какъ черви суетливо копошились среди грудъ щебня и кусковъ дерева въ обломкахъ каменной пыли и въ тридцатиградусномъ знoѣ южнаго дня. Хаосъ вокругъ нихъ и раскаленное небо надъ ними придавали иъ суетѣ такой видъ, какъ будто бы они вкапывались въ гору, стремясь уйти въ нѣдра ея отъ солнечнаго зноя и окружающей ихъ унылой картины разрушенія.

Въ душномъ воздухѣ стоялъ сильный стонущій ропотъ и гулъ, раздáвались удары кирокъ о камень, заунывно пѣли колёса тачекъ, глухо падала чугунная баба на дерево сваи, плакала „дубинушка", стучали топоры, обтесывая брёвна, и на всѣ голоса кричали темныя и сѣрыя, хлопотливыя фигурки людей...

Въ одномъ мѣстѣ кучка ихъ, громко ухая, возилась

съ большимъ осколкомъ горы, стараясь сдвинуть его съ мѣста, въ другомъ подымали тяжелое бревно и, надрываясь, кричали:

— Бе-е-ри-и!—И гора, изрытая трещинами, глухо повторяла: и-и-и!

По ломанной линіи досокъ, набросанныхъ тутъ и тамъ, медленно двигалась вереница людей, согнувшись надъ тачками, нагруженными камнемъ, и навстрѣчу имъ шла другая съ порожними тачками, шла медленно растягивая одну минутку отдыха на двѣ... У одного копра стояла густая, пестрая толпа народа, и въ ней кто-то протяжно жалобнымъ голосомъ выпѣвалъ:

„И-эхъ-ма, бра-атцы, дюже жарко!
И-эхъ! Никому-то насъ не жалко!
О-ой да ду-убинушка,
У-ухнемъ!"

Мощно гудѣла толпа, натягивая тросы, и кусокъ чугуна, взлетая вверхъ по дудкѣ копра, падалъ оттуда раздавался тупой охающій звукъ, и весь коперъ вздрагивалъ.

На всѣхъ точкахъ площади между горой и моремъ сновали маленькіе сѣрые люди, насыщая воздухъ своимъ крикомъ, пылью и терпкимъ запахомъ человѣка. Среди нихъ расхаживали распорядители въ бѣлыхъ кителяхъ съ металлическими пуговицами, сверкавшими на солнцѣ, какъ чьи-то холодные глаза. Надъ ними безоблачное, жестоко жаркое небо, облака пыли и волны звуковъ—симфонія труда, единственная музыка, которая не даетъ наслажденья.

Море спокойно раскинулось до туманнаго горизонта и тихо плещетъ своими прозрачными волнами на берегъ, полный движенія и шума. Все сіяя въ блескѣ солнца, оно точно улыбалось добродушной улыбкой Гулливера, сознающаго, что если онъ захочетъ, одно движеніе—и вся работа лилипутовъ исчезнетъ.

Оно лежало, ослѣпляя глаза своимъ блескомъ— большое, сильное, доброе, и его могучее дыханіе вѣяло на берегъ, освѣжая истомленныхъ людей, трудящихся надъ тѣмъ, чтобы стѣснить свободу его волнъ, которыя теперь такъ кротко и звучно ласкаютъ изуродованный берегъ. Оно какъ бы жалѣло ихъ:—вѣка его существованія научили его понимать, что не тѣ злоумышляютъ противъ него, которые строятъ; оно давно уже знаетъ что это только рабы, ихъ роль бороться со стихіями лицомъ къ лицу, а въ этой борьбѣ готова и месть стихіи имъ. Они все только строятъ, вѣчно трудятся, ихъ потъ и кровь — цементъ всѣхъ сооруженій на землѣ; но они ничего не получаютъ за это, отдавая всѣ свои силы вѣчному стремленію сооружать— стремленію, которое создаетъ на землѣ чудеса, но все-таки не даетъ людямъ крова и слишкомъ мало даетъ имъ хлѣба. Они — тоже стихія, и вотъ почему море не гнѣвно, а ласково смотритъ на ихъ трудъ, отъ котораго имъ нѣтъ пользы. Эти сѣрые маленькіе черви, такъ источившіе гору — то же самое, что и его капли, которыя первыми идутъ на неприступныя и холодныя скалы береговъ, въ вѣчномъ стремленіи моря расширить свои предѣлы, и первыми гибнутъ, разбиваясь о нихъ. Въ массѣ эти капли тоже родственны ему, тогда онѣ совсѣмъ какъ море, такъ же мощны и такъ же склонны къ разрушенію, чуть только вѣяніе бури пронесется надъ ними. Морю издревле вѣдомы и рабы, строившіе пирамиды въ пустынѣ, и рабы Ксеркса, смѣшного человѣка, который думалъ наказать море тремя стами ударовъ за то, что оно поломало его игрушечные мосты. Рабы всегда были одинаковы, они всегда повиновались, ихъ всегда плохо кормили, и они вѣчно исполняли великое и чудесное, иногда обоготворяя тѣхъ, кто заставлялъ ихъ работать, чаще проклиная ихъ, изрѣдка возмущаясь противъ своихъ владыкъ...

И, улыбаясь спокойной улыбкой титана, сознавшаго

свою мощь. море овѣвало своимъ живительнымъ дыханіемъ титана, еще духовно слѣпого, порабощеннаго и жалко ковыряющаго землю, вмѣсто того, чтобъ стремиться къ родству съ небомъ. Тихо взбѣгаютъ волны на берегъ, усѣянный толпой людей, созидающихъ каменную преграду ихъ вѣчному движенію, взбѣгаютъ и поютъ свою звучную, ласковую пѣсню о прошломъ, о всемъ, что въ теченіе вѣковъ видѣли онѣ на берегахъ земли...

...Среди работавшихъ были какія-то странныя, сухія, бронзовыя фигуры въ красныхъ чалмахъ, въ фескахъ, въ синихъ короткихъ курткахъ и въ шароварахъ, узкихъ у голени, но съ широкой мотней. Это, какъ я узналъ послѣ, анатолійскіе турки. Ихъ гортанный говоръ мѣшался съ протяжнымъ, растянутымъ говоркомъ вятичей, съ крѣпкой, быстрой фразой волгарей, съ мягкой рѣчью хохловъ.

Въ Россіи голодали, и голодъ согналъ сюда представителей чуть ли не всѣхъ охваченныхъ несчастіемъ губерній. Они дѣлились на маленькія группы, стараясь держаться землякъ къ земляку, и только космополиты босяки сразу выдѣлялись и своимъ независимымъ видомъ, и костюмами, и особымъ складомъ рѣчи, изъ людей, еще находившихся во власти земли, лишь временно порвавшихъ съ нею связь, оторванныхъ отъ нея голодомъ и не забывшихъ о ней. Они были во всѣхъ группахъ: и среди вятичей, и среди хохловъ, всюду чувствуя себя на своемъ мѣстѣ, но большинство ихъ собралось у копра, какъ у работы, сравнительно съ рабстой на тачкахъ и съ киркой, болѣе легкой.

Когда я подошелъ къ нимъ, они стояли, опустивъ руки съ веревкой, дожидаясь, когда нарядчикъ исправитъ что-то въ блокѣ копра, должно быть, „заѣдавшемъ“ веревку. Онъ копался тамъ вверху деревянной башни, то и дѣло крича оттуда:

— Дерни!

Веревку лѣниво дергали.

— Сто-ой!... Ищё дерни. Сто-ой! П'шелъ!....

Запѣвала — давно небритый малый, съ рябымъ лицомъ и солдатской выправкой — повелъ плечами, скосилъ въ сторону глаза, откашлялся и завелъ:

— Ба-аба сваю въ землю гонитъ...

Слѣдующій стихъ не выдержалъ бы даже и самой снисходительной цензуры и вызвалъ единодушный взрывъ хохота, явившись, очевидно, импровизаціей, только что созданной запѣвалой, который, подъ смѣхъ товарищей, крутилъ себѣ усы съ видомъ артиста, привыкшаго къ такому успѣху у своей публики.

— Поше-елъ! — неистово заоралъ сверху копра нарядчикъ.—Заржали!...

— Не зѣвай, Митричъ, — лопнешь!... предупредилъ его одинъ изъ рабочихъ.

Голосъ былъ мнѣ знакомъ, и я гдѣ-то видѣлъ эту высокую, широкоплечую фигуру съ овальнымъ лицомъ и большими голубыми глазами. Это Коноваловъ? Но у Коновалова не было шрама отъ праваго виска къ переносью, разсѣкавшаго высокій лобъ этого парня; волосы Коновалова были свѣтлѣе и не вились такими мелкими кудрями, какъ у этого; у Коновалова была красивая, широкая борода, этотъ же брился и носилъ густые усы концами книзу, какъ хохолъ. И, тѣмъ не менѣе, въ немъ было что-то хорошо знакомое мнѣ. Я рѣшилъ именно съ нимъ заговорить о томъ, къ кому тутъ нужно обратиться, чтобъ „встать на работу“, и сталъ дожидаться, когда перестанутъ бить сваю.

— О-о-ухъ! о-о-охъ! — могуче вздыхала толпа, присѣдая, натягивая веревки и снова быстро выпрямляясь, какъ бы готовая оторваться отъ земли и взлетѣть на воздухъ. Коперъ скрипѣлъ и дрожалъ, надъ головами толпы поднимались ея обнаженныя, загорѣлыя и волосатыя руки, вытягиваясь вмѣстѣ съ веревкой; ихъ мускулы вздувались шишками, но двадцати-пудовый кусокъ

чугуна взлеталъ вверхъ все на меньшее разстояніе, и его ударъ о дерево звучалъ все слабѣе. Глядя на эту работу, можно было подумать, что это молится толпа идолопоклонниковъ, въ отчаяніи и экстазѣ вздымая руки къ своему молчаливому богу и преклоняясь предъ нимъ. Облитыя пòтомъ, грязныя и напряженныя лица съ растрепанными волосами, приставшими къ мокрымъ лбамъ, коричневыя шеи, дрожащія отъ напряженія плечи,—всѣ эти тѣлà, едва прикрытыя разноцвѣтными рваными рубахами и портами, насыщали воздухъ вокругъ себя своими горячими испареніями и, слившись въ одну тяжелую массу мускуловъ, неуклюже возились во влажной атмосферѣ, пропитанной зноемъ юга и густымъ напахомъ пота.

— Шабашъ! — крикнулъ кто-то злымъ и надорваннымъ голосомъ.

Руки рабочихъ выпустили веревки, и онѣ слабо повисли вдоль копра, а рабочіе грузно опустились тутъ же на землю, отирая потъ, тяжело вздыхая, поводя спинами, щупая плечи и наполняя воздухъ глухимъ ропотомъ, похожимъ на рычаніе большого раздраженнаго звѣря.

— Землякъ! — обратился я къ облюбованному малому...

Онъ лѣниво обернулся ко мнѣ, скользнулъ по моему лицу своими глазами и сощурилъ ихъ, пристально всматриваясь въ меня.

— Коноваловъ!

— Постой...— онъ запрокинулъ рукой мою голову назадъ, точно собираясь схватить меня за горло, и вдругъ весь вспыхнулъ радостной и доброй улыбкой.

— Максимъ! Ахъ ты... ан-наѳема! Дружокъ... а? И ты сорвался со стези-то своей? Въ босые приписался? Ну вотъ и хорошо! Теперь совсѣмъ отлично! Бродяжь— и все тутъ! Давно ты? Откуда ты идешь? Мы теперь съ тобою всю землю ошагаемъ! Какая тамъ жизнь... сзади-то?

Тоска одна... капитель; не живешь, а гніешь! А я, братъ, съ той самой поры гуляю по бѣлу свѣту. Въ какихъ мѣстахъ бывалъ! Какими воздухами дышалъ... Нѣтъ, какъ ты обрядился ловко... не узнать: по одежѣ—солдатъ, по рожѣ—студентъ! Ну что, хорошо такъ жить... съ мѣста на мѣсто? А вѣдь Стеньку-то я помню... И Тараса, и Пилу... все...

Онъ толкалъ меня въ бокъ кулакомъ, хлопалъ своей широкой ладонью по плечу, точно приготовлялъ изъ меня бифштексъ. Я не могъ вставить ни одного слова въ залпъ его вопросовъ и только улыбался, — должно быть, весьма неумно,—глядя въ его доброе лицо, сіявшее удовольствіемъ встрѣчи. Я былъ тоже радъ видѣть его, очень радъ; встрѣча съ нимъ напомнила мнѣ начало моей жизни, которое, несомнѣнно, было лучше ея продолженія.

Наконецъ, мнѣ удалось-таки спросить стараго пріятеля, откуда у него шрамъ на лбу и кудри на головѣ.

— А это, видишь ты... исторія одна была. Думалъ было я пробраться втроемъ съ товарищами черезъ румынскую границу, посмотрѣть хотѣли, какъ тамъ, въ Румыніи. Ну вотъ и отправились изъ Кагула—мѣстечко этакое есть въ Бессарабіи, около самой границы. Ночью, конечно, потихоньку идемъ себѣ. Вдругъ: стой! Кордонъ таможенный, прямо на него налѣзли. Ну, конечно, бѣжать! Тутъ меня одинъ солдатикъ и съѣздилъ по башкѣ. Не больно важно ударилъ, а все-таки съ мѣсяцъ я провалялся въ госпиталѣ. И какая вѣдь исторія! Солдатъ-то землякомъ оказался! Нашъ, муромскій!... Его тоже скоро въ госпиталь положили — контрабандистъ его испортилъ, ножомъ въ животъ ткнулъ. Очухались мы и разобрались въ дѣлахъ-то. Солдатъ спрашиваетъ у меня: это, говоритъ, я тебя полоснулъ?—Надо быть ты, коли признаешь.—Должно я, говоритъ; ты, говоритъ, не сердись—служба такая. Мы думали, вы съ контрабандой идете. Вотъ, говоритъ, и меня уважили — брюхо

подпороли. Ничего не подѣлаешь: жизнь—игра серьезная. Ну, мы и подружились съ нимъ. Хорошій солдатикъ—Яшка Мазинъ... А кудри? Кудри? Кудри, братъ ты мой, это послѣ тифа. Тифъ у меня былъ. Посадили меня въ Кишиневѣ въ тюрьму, желая судить за самовольное прохожденіе границы, а тамъ у меня и разыгрался тифъ... Валялся я съ нимъ, валялся, насилу всталъ. Надо быть, даже и не всталъ бы, да сидѣлка очень ужъ за меня хлопотала. Я, братъ, просто диву дался—возится со мной, какъ съ дитей, а на что я ей нуженъ. Марья, говорю, Петровна, бросьте вы эту музыку; чай, мнѣ совѣстно. А она знай себѣ посмѣивается. Добрая дѣвица... Душеспасительное мнѣ читала иногда. Ну, а я-то говорю, нѣтъ ли, молъ, чего... этакого. Принесла книгу насчетъ англичанина-матроса, который спасся отъ кораблекрушенія на безлюдный островъ и устроилъ на немъ себѣ жизнь. Интересно, страхъ какъ! Очень мнѣ понравилась книга; такъ бы туда къ нему и поѣхалъ. Понимаешь, какая жизнь? Островъ, море, небо — ты одинъ себѣ живешь, и все у тебя есть, и совершенно ты свободенъ! Тамъ еще дикій былъ. Ну, я бы дикаго утопилъ—на кой чортъ онъ мнѣ нуженъ, а? Мнѣ и одному не скучно. Ты читалъ такую книгу?

— Погоди. Ну, а какъ же ты вышелъ изъ тюрьмы?

— А выпустили. Посудили, оправдали и выпустили. Очень просто... Вотъ что: я сегодня больше не работаю, ну ее къ лѣшему! Ладно, навихлялъ себѣ руки и будетъ. Денегъ у меня есть рубля три, да за сегодняшній полдня сорокъ копеекъ получу. Вонъ сколько капитала! Значитъ, пойдемъ со мной къ намъ... мы не въ баракѣ, а тутъ по близости въ горѣ... дыра тамъ есть такая, очень удобная для человѣческаго жительства. Вдвоемъ мы квартируемъ въ ней, да товарищъ болѣетъ,—лихорадка его скрючила... Ну, такъ ты посиди тутъ, а я къ подрядчику... я скоро!...

Онъ быстро всталъ и пошелъ, какъ разъ въ то время, когда сваебойцы брались за веревку, начиная работу. Я остался сидѣть на камнѣ, поглядывая на шумную суету, царившую вокругъ меня, и на спокойное синевато-зеленое море.

Высокая фигура Коновалова, быстро шмыгая между рабочихъ, грудъ камня, дерева и тачекъ, исчезала вдали. Онъ шелъ, размахивая руками, одѣтый въ синюю кретоновую блузу, которая была ему коротка и узка, въ холщевыя порты и въ тяжелыя опорки. Шапка русыхъ кудрей колыхалась на его большой головѣ. Иногда онъ оборачивался назадъ и дѣлалъ мнѣ руками какіе-то знаки. Весь онъ былъ какой-то новый, оживленный, спокойно увѣренный, добродушный и сильный. Всюду вокругъ него работали, трещало дерево, раскалывался камень, уныло визжали тачки, вздымались облака пыли, что-то съ грохотомъ падало, и люди кричали, ругались, ухали и пѣли, точно стоная. Среди всей этой путаницы звуковъ и движеній красивая фигура моего пріятеля, удалявшагося куда-то изъ нея твердыми шагами, то и дѣло лавируя изъ стороны въ сторону, очень рѣзко выдѣлялась, являясь какъ бы намекомъ на что-то, объясняющее Коновалова.

Часа черезъ два послѣ встрѣчи мы съ нимъ лежали въ „дырѣ, очень удобной для человѣческаго жительства“. На самомъ дѣлѣ „дыра“ была весьма удобна—въ горѣ когда-то давно брали камень и вырубили большую четырехугольную нишу, въ которой можно было вполнѣ свободно помѣститься четверымъ. Но она была низка, и надъ входомъ въ нее висѣла глыба камня, изображая собой какъ бы навѣсъ, такъ что для того, чтобы попасть въ дыру, слѣдовало лечь на землю передъ ней и потомъ засовывать себя въ нее. Глубина ея была аршина три, но влѣзать въ нее съ головой не представлялось надобности, да и было рискованно, ибо эта глыба надъ входомъ могла обвалиться и совсѣмъ по-

хоронить насъ тамъ. Мы не хотѣли этого и устроились такъ: ноги и туловища сунули въ дыру, гдѣ было очень прохладно, а головы оставили на солнцѣ, въ отверстіи дыры, такъ что если бы глыба камня надъ нами захотѣла упасть, то она только раздавила бы намъ черепа.

Больной босякъ весь выбрался на солнце и легъ около насъ шагахъ въ двухъ, такъ что мы слышали, какъ стучали его зубы въ пароксизмѣ лихорадки. Это былъ сухой и длинный хохолъ: „изъ Пілтавы, а мабудь и зъ Кіева"... задумчиво сказалъ онъ мнѣ.

— Человѣкъ такъ много на свѣтѣ живетъ, что не важно, коли онъ забудетъ, де родився... Да и развѣ жъ то не все равно? Лиха бѣда родиться, а гдѣ... отъ этого не. лучше!...

Онъ катался по землѣ, стараясь плотнѣе закутаться въ сѣрый балахонъ, сшитый изъ однѣхъ дыръ, и очень ȍбразно ругался, видя, что всѣ его усилія тщетны, ругался и все-таки продолжалъ кутаться. У него были маленькіе черные глаза, постоянно такъ прищуренные, точно онъ всегда что-то пристально разсматривалъ.

Солнце невыносимо пекло намъ затылки, и Коноваловъ устроилъ изъ моей солдатской шинели нѣчто вродѣ ширмъ, воткнувъ въ землю палки и распяливъ на нихъ мой костюмъ. Все-таки было душно. Издали до насъ долеталъ глухой шумъ работъ на бухтѣ, но ея мы не видѣли: справа отъ насъ лежалъ на берегу городъ тяжелыми глыбами бѣлыхъ домовъ, слѣва — море, предъ нами — оно же, уходившее въ неизмѣримую даль, гдѣ въ мягкихъ полутонахъ смѣшались въ фантастическое марево какія-то дивныя и нѣжныя, невиданныя краски, ласкающія глазъ и душу неуловимой красотой своихъ оттѣнковъ...

Коноваловъ смотрѣлъ туда, блаженно улыбался и говорилъ мнѣ:

— Сядетъ солнце, мы запалимъ костеръ, вскипятимъ

чаю, есть у насъ хлѣбъ, есть мясо. А пока хочешь дынь или арбуза?

Онъ выкатилъ ногой изъ угла ямы арбузъ, досталъ изъ кармана ножъ и, дѣйствуя имъ надъ арбузомъ, говорилъ:

— Каждый разъ, какъ я бываю у моря, я все думаю, чего люди мало селятся около него? Были бы они отъ этого лучше, потому оно ласковое и такое... хорошія думы отъ него въ душѣ у человѣка. А ну, разскажи, какъ ты самъ жилъ въ эти годы?

Я сталъ разсказывать ему. Онъ слушалъ; больной хохолъ не обращалъ на насъ никакого вниманія, поджаривая себя на солнцѣ, уже опускавшемся въ море. А море вдали уже покрылось багрецомъ и золотомъ, и навстрѣчу солнцу изъ него поднимались розовато-дымчатыя облака мягкихъ очертаній. Казалось, что со дна моря встаютъ горы съ бѣлыми вершинами, пышно убранными снѣгомъ и розовыми отъ лучей заката. Съ бухты доносилась заунывная мелодія „дубинушки“ и громъ взрывовъ динамита, разрушавшаго гору... Отъ камней и неровностей почвы передъ нами на землю ложились тѣни и, незамѣтно удлиняясь, ползли на насъ.

— Совсѣмъ напрасно ты, Максимъ, въ городахъ трешься,—убѣдительно сказалъ Коноваловъ, выслушавъ мою эпопею. — И что тебя къ нимъ тянетъ? Тухлая тамъ жизнь и тѣсная. Ни воздуху, ни простору, ничего, что человѣку надо. Люди? На кой ихъ чортъ тебѣ? Ты человѣкъ понимающій, грамотный, на что тебѣ люди? Чего тебѣ отъ нихъ надо? Да потомъ люди вездѣ есть...

— Эге! — вставилъ хохолъ, извиваясь по землѣ, какъ ужъ. — Людей вездѣ... богато; человѣку пройти къ своему мѣсту нельзя, чтобъ на ноги имъ не ступать. Вотъ-то безъ счету родятся! Какъ поганки послѣ дождя... да тѣхъ хоть господа ѣдятъ.

Онъ философски сплюнулъ и снова сталъ стучать зубами.

— А насчетъ тебя я опять скажу, — продолжалъ Коноваловъ, — въ городахъ не живи. Чего тамъ? Одно нездоровье и непорядокъ. Книги? Ну, будетъ ужъ, чай, тебѣ книги читать! Не для этого поди-ка ты родился... Да и книги — чепуха. Ну, купи ее, положи въ котомку, и иди. Хочешь со мной идти въ Ташкентъ? Въ Самаркандъ, или еще куда?... А потомъ на Амуръ хватимъ... идетъ? Я, братъ, рѣшилъ ходить по землѣ въ разныя стороны — это всего лучше. Идешь и все видишь новое... И ни о чемъ не думается... Дуетъ тебѣ вѣтерокъ навстрѣчу и точно онъ выгоняетъ изъ души разную пыль. Легко и свободно... Никакого ни отъ кого стѣсненія: захотѣлось ѣсть — присталъ, поработалъ чего-нибудь на полтину; нѣтъ работы — попроси хлѣба, дадутъ. Такъ хоть земли много увидишь... Красоты всякой. Айда?

Солнце сѣло. Облака надъ моремъ потемнѣли, море тоже стало темнымъ и съ него повѣяло прохладой. Кое-гдѣ ужъ вспыхивали звѣзды, гулъ работы въ бухтѣ прекратился, лишь порой оттуда, тихіе какъ вздохи, доносились возгласы людей. И когда на насъ дулъ вѣтеръ, онъ приносилъ съ собой меланхоличный звукъ шороха волнъ о берегъ.

Тьма ночная быстро сгущалась, и фигура хохла, за пять минутъ передъ тѣмъ имѣвшая вполнѣ опредѣленныя очертанія, теперь уже представляла собою неуклюжій комъ...

— Костеръ бы... сказалъ онъ покашливая.

— Можно...

Коноваловъ откуда-то извлекъ кучку щепъ, подпалилъ ихъ спичкой, и тонкіе язычки огня начали ласково лизать желтое смолистое дерево. Струйки дыма вились въ ночномъ воздухѣ, полномъ влаги и свѣжести моря. А вокругъ становилось все тише: — жизнь точно отодвигалась куда-то отъ насъ, и звуки ея таяли и гасли во тьмѣ. Облака разсѣялись, на темно-синемъ небѣ ярко засверкали звѣзды, и на бархатной поверхности

моря тоже чуть мелькали огоньки рыбачьихъ лодокъ и отраженныхъ звѣздъ. Костеръ передъ нами расцвѣлъ, какъ большой красно-желтый цвѣтокъ... Коноваловъ сунулъ въ него чайникъ и, обнявъ колѣни, задумчиво сталъ смотрѣть въ огонь. И хохолъ, какъ громадная ящерица, подползъ и легъ къ нему.

— Настроили люди городовъ, домовъ, собрались тамъ въ кучи, пакостятъ землю, задыхаются, тѣснятъ другъ друга... Хорошая жизнь! Нѣтъ, вотъ она жизнь, вотъ какъ мы...

— Ого,— тряхнулъ головой хохолъ,—коли бъ къ ней еще намъ на зиму кожухи добыть, а то теплую хату, то и совсѣмъ это была бы господская жизнь... — Онъ прищурилъ одинъ глазъ и, усмѣхнувшись, посмотрѣлъ на Коновалова.

— Н-да, — смутился тотъ, — зима — это... треклятое время. Для зимы города дѣйствительно нужны... тутъ ужъ ничего съ ними не подѣлаешь... Но большіе города все-таки ни къ чему... Зачѣмъ народъ сбивать въ такія кучи, когда и двое-трое ужиться между собой не могутъ?... Я вотъ про что. Оно, конечно, ежели подумать, такъ ни въ городѣ, ни въ степи, нигдѣ человѣку мѣста нѣтъ. Но лучше про такія дѣла не думать... ничего не выдумаешь, а душу надорвешь...

До этой поры я думалъ, что Коноваловъ измѣнился отъ бродячей жизни, что наросты тоски, которые были на его сердцѣ въ первое время нашего знакомства, слетѣли съ него, какъ шелуха, отъ вольнаго воздуха, которымъ онъ дышалъ въ эти годы; но тонъ его послѣдней фразы возстановилъ предо мной пріятеля все тѣмъ же ищущимъ своей точки человѣкомъ, какимъ я его зналъ. Все та же ржавчина недоумѣнія предъ жизнью и ядъ думъ о ней разъѣдали эту могучую фигуру, рожденную, къ ея несчастью, съ чуткимъ сердцемъ. Такихъ „задумавшихся“ людей много въ русской жизни, и всѣ они болѣе несчастны, чѣмъ кто-либо, потому

что тяжесть ихъ думъ увеличена слѣпотой ихъ ума. Я съ сожалѣніемъ посмотрѣлъ на пріятеля, а онъ, какъ бы подтверждая мою мысль, тоскливо воскликнулъ:

— Вспомнилъ я, Максимъ, ту нашу жизнь и все тамъ... что было. Сколько послѣ того исходилъ я земли, сколько всякой всячины видѣлъ... Нѣтъ для меня на землѣ ничего удобнаго! Не нашелъ я себѣ мѣста!

— А зачѣмъ родился съ такой шеей, на которую ни одинъ хомутъ не подходитъ?—равнодушно спросилъ хохолъ, вынимая изъ огня вскипѣвшій чайникъ.

— Нѣтъ, скажи ты мнѣ...—спрашивалъ Коноваловъ,— почему я не могу быть покоенъ? А? Почему люди живутъ и ничего себѣ, занимаются своимъ дѣломъ, имѣютъ женъ, дѣтей и все прочее... Жалуются на жизнь они, но бываютъ и покойны. И всегда у нихъ есть охота дѣлать то, другое. А я — не могу. Тошно. Почему мнѣ тошно?

— Вотъ скулитъ человѣкъ, — удивился хохолъ. — Да развѣ жъ оттого, что ты поскулишь, тебѣ полегчаетъ?

— Вѣрно...—грустно согласился Коноваловъ.

— Я всегда говорю немного, да знаю, какъ сказать, — съ чувствомъ собственнаго достоинства произнесъ стоикъ, не уставая бороться съ своей лихорадкой.

— Бросимъ мы всю эту канитель... Родился, ну, значитъ, и живи, не разсуждай... — уже зло сказалъ Коноваловъ.

А хохолъ счелъ нужнымъ добавить:

— И никуда не лѣзь; придетъ время, тебя и безъ твоей воли куда слѣдуетъ втянетъ и смолотитъ въ пыль... Лежи себѣ и молчи... Намъ ни языкъ, ни рука ни въ чемъ не помога...

Онъ проговорилъ это, закашлялся, завозился и сталъ ожесточенно плевать въ костеръ. Вокругъ насъ все было глухо, завѣшено густой пеленой тьмы. Небо надъ нами тоже было темно, луны еще не было. Море скорѣе чув-

ствовалось, чѣмъ было видимо намъ—такъ густа была тьма впереди насъ. Казалось, на землю спустился черный туманъ. Костеръ гасъ...

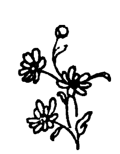
— А поляжемте спать,—предложилъ хохолъ.

Мы забрались въ „дыру" и легли, высунувъ изъ нея головы на воздухъ. Молчали. Коноваловъ, какъ легъ, такъ остался неподвиженъ, точно окаменѣлъ. Хохолъ неустанно возился и все стучалъ зубами. Я долго смотрѣлъ, какъ тлѣли угли костра: сначала яркій и большой, понемногу уголь становился меньше, покрывался пепломъ и исчезалъ подъ нимъ. И скоро отъ костра не осталось ничего, кромѣ теплаго запаха. Я смотрѣлъ и думалъ:

— Такъ и всѣ мы... Хоть бы разгорѣться ярче!

...Черезъ три дня я простился съ Коноваловымъ. Я шелъ на Кубань, онъ не хотѣлъ. Но мы оба разстались въ увѣренности, что встрѣтимся на землѣ.

Не пришлось...

ХАНЪ И ЕГО СЫНЪ.

(1896.)

... Былъ въ Крыму ханъ Мосолайма эль Асвабъ и былъ у него сынъ Толайкъ Алгалла...

Прислонясь спиной къ ярко-коричневому стволу арбутуса, слѣпой нищій, татаринъ, началъ этими словами одну изъ старыхъ легендъ полуострова, богатаго своими воспоминаніями, а вокругъ разсказчика, на камняхъ-обломкахъ разрушеннаго временемъ ханскаго дворца,—сидѣла группа татаръ въ яркихъ халатахъ и тюбитейкахъ, шитыхъ золотомъ. Вечеръ былъ и солнце тихо опускалось въ море; его красные лучи пронизывали темную массу зелени вокругъ развалинъ и яркими пятнами ложились на камни, поросшіе мохомъ, опутанные цѣпкой зеленью плюща. Вѣтеръ шумѣлъ въ купѣ старыхъ чинаръ, и листья ихъ такъ шелестѣли, точно въ воздухѣ струились невидимые глазомъ ручьи воды.

Голосъ слѣпого нищаго былъ слабъ и дрожалъ, а каменное лицо его не отражало въ своихъ морщинахъ ничего, кромѣ покоя; заученныя слова лились одно за другимъ, и предъ слушателями вставала картина прошлыхъ, богатыхъ силой чувства дней.

— Ханъ былъ старъ,—говорилъ слѣпой, но женщинъ въ гаремѣ было много у него. И онѣ любили старика, потому что въ немъ было еще довольно силы и огня, и ласки его нѣжили и жгли, а женщины всегда будутъ любить того, кто умѣетъ сильно ласкать, хоть бы и былъ

онъ сѣдъ, хоть бы и въ морщинахъ было лицо его—въ силѣ красота, а не въ нѣжной кожѣ и румянцѣ щекъ.

Хана всѣ любили, а онъ любилъ одну казачку-полонянку изъ днѣпровскихъ степей и всегда ласкалъ ее охотнѣе, чѣмъ другихъ женщинъ гарема, своего большого гарема, гдѣ было триста женъ изъ разныхъ земель, и всѣ они были красивы, какъ весенніе цвѣты, и всѣмъ имъ жилось хорошо. Много вкусныхъ и сладкихъ яствъ повелѣлъ готовить для нихъ ханъ и позволялъ имъ всегда, когда онѣ захотятъ, танцовать и играть...

А свою казачку онъ часто звалъ къ себѣ въ башню, изъ которой видно было море, и гдѣ онъ для казачки имѣлъ все, что нужно женщинѣ, чтобы ей весело жилось: сладкую пищу и разныя ткани, и золото, и камни всѣхъ цвѣтовъ, и музыку, и рѣдкихъ птицъ изъ далекихъ странъ, и огненныя ласки влюбленнаго хана. Въ этой башнѣ онъ забавлялся съ ней цѣлые дни, отдыхая отъ трудовъ своей жизни и зная, что сынъ Алгалла не уронитъ славы ханства, рыская волкомъ по русскимъ степямъ, и всегда возвращаясь оттуда съ богатой добычей, съ новыми женщинами, съ новой славой, оставляя тамъ, сзади себя, ужасъ и пепелъ, трупы и кровь.

Разъ возвратился онъ, Алгалла, съ набѣга на русскихъ, и было устроено много праздниковъ въ честь его, всѣ мурзы острова собрались на нихъ и были игры и пиръ, и стрѣляли изъ луковъ въ глаза плѣнниковъ, пробуя силу руки, и снова пили, славя храбрость Алгаллы, грозы враговъ, опоры ханства. А старый ханъ былъ такъ радъ славѣ сына. — Хорошо было ему, старику, видѣть въ сынѣ своемъ такого удальца, и знать, что когда онъ, старый, умретъ, — ханство будетъ въ крѣпкихъ рукахъ...

Хорошо было ему знать это, и вотъ онъ, желая показать сыну силу любви своей, сказалъ ему при всѣхъ

мурзахъ и бекахъ,—тутъ, на пиру, съ чашей въ рукѣ, сказалъ:

— Добрый ты сынъ, Алгалла! Слава Аллаху и да будетъ прославлено имя пророка его!

И всѣ прославили имя пророка хоромъ могучихъ голосовъ. Тогда ханъ сказалъ:

— Великъ Аллахъ! Еще при жизни моей онъ воскресилъ мою юность въ храбромъ сынѣ моемъ, и вотъ вижу я старыми глазами, что когда скроется отъ нихъ солнце — и когда черви источатъ мнѣ сердце — живъ буду я въ сынѣ моемъ! Великъ Аллахъ и Магометъ, истинный пророкъ его! Хорошій сынъ у меня есть, тверда его рука, и смѣло сердце, и ясенъ умъ... Что хочешь ты взять изъ рукъ отца твоего, Алгалла? Скажи, и я дамъ тебѣ все по твоему желанію...

И не замеръ еще голосъ хана-старика, какъ поднялся Толайкъ Алгалла и сказалъ, сверкнувъ глазами, черными, какъ море ночью и горящими, какъ очи горнаго орла:

— Дай мнѣ русскую полонянку, повелитель-отецъ.

Помолчалъ ханъ—мало помолчалъ, столько времени, сколько надо, чтобы подавить дрожь въ сердцѣ—и помолчавъ, твердо и громко сказалъ:

— Бери! Кончимъ пиръ, и ты возьмешь ее...

Вспыхнулъ весь удалой Алгалла, великой радостью сверкнули его орлиныя очи, всталъ онъ во весь ростъ и сказалъ отцу-хану:

— Знаю я, что ты мнѣ даришь, повелитель-отецъ! Знаю это я... Рабъ я твой — твой сынъ. Возьми мою кровь по каплѣ въ часъ—двадцатью смертями я умру за тебя!

— Не надо мнѣ ничего!—сказалъ ханъ, и поникла на грудь его сѣдая голова, увѣнчанная славой долгихъ лѣтъ и многихъ подвиговъ.

Скоро они кончили пиръ и оба, молча, рядомъ другъ съ другомъ пошли изъ дворца въ гаремъ.

Ночь была темная и ни звѣздъ, ни луны не было видно изъ-за тучъ, густымъ ковромъ покрывшихъ небо.

Долго шли во тьмѣ отецъ и сынъ, и вотъ заговорилъ ханъ эль Асвабъ:

— Гаснетъ день ото дня жизнь моя—и все слабѣе бьется мое старое сердце и все меньше огня въ груди моей. Свѣтомъ и тепломъ моей жизни были знойныя ласки казачки... Скажи мнѣ, Толайкъ, скажи, неужели она такъ нужна тебѣ? Возьми сто, возьми всѣхъ моихъ женъ за одну ее!...

Молчалъ Толайкъ Алгалла, вздыхая.

— Сколько дней мнѣ осталось? Мало дней у меня на землѣ... Послѣдняя радость жизни моей она, — эта русская дѣвушка. Она знаетъ меня, она любитъ меня— кто теперь, когда ея не будетъ, полюбитъ меня — старика, кто? Ни одна изъ всѣхъ, ни одна, Алгалла!...

Молчалъ Алгалла...

— Какъ я буду жить, зная, что ты обнимаешь ее, что тебя цѣлуетъ она? Передъ женщиной нѣтъ ни отца, ни сына, Толайкъ! Передъ женщиной всѣ мы—мужчины, мой сынъ... Больно будетъ мнѣ доживать мои дни... Пусть бы лучше всѣ старыя раны открылись на тѣлѣ моемъ, Толайкъ, и точили бы кровь мою, пусть бы я лучше не пережилъ этой ночи, мой сынъ!

Молчалъ его сынъ... Остановились они у двери гарема и молча, опустивъ на груди головы, стояли долго передъ ней. Тьма была кругомъ, и облака бѣжали въ небѣ, а вѣтеръ, потрясая деревья, точно пѣлъ что-то имъ.

— Давно я люблю ее, отецъ...—тихо сказалъ Алгалла.

— Знаю... и знаю, что она не любитъ тебя... — сказалъ ханъ.

— Рвется сердце мое, когда я думаю про нее.

— А мое старое сердце чѣмъ полно теперь?

И снова они замолчали. Вздохнулъ Алгалла.

— Видно правду сказалъ мнѣ мудрецъ-мулла—муж-

чинѣ женщина всегда вредна: когда она хороша, она возбуждаетъ у другихъ желаніе обладать ею, а мужа своего предаетъ мукамъ ревности; когда она дурна, мужъ ея, завидуя другимъ, страдаетъ отъ зависти; а если она не хороша и не дурна,—мужчина дѣлаетъ ее прекрасной, и понявъ, что онъ ошибся, вновь страдаетъ чрезъ нее, эту женщину...

— Мудрость не лѣкарство отъ боли сердца...—сказалъ ханъ.

— Пожалѣемъ другъ друга, отецъ...

Поднялъ голову ханъ и грустно поглядѣлъ на сына.

— Убьемъ ее...—сказалъ Толайкъ.

— Ты любишь себя больше, чѣмъ ее и меня,—подумавъ, тихо молвилъ ханъ.

— Вѣдь и ты тоже.

И опять они помолчали.

— Да! И я тоже,—грустно сказалъ ханъ. Отъ горя онъ сдѣлался ребенкомъ.

— Что же, убьемъ?

— Не могу я отдать ее тебѣ, не могу, сказалъ ханъ.

— И я не могу больше тѣрпѣть — вырви у меня сердце или дай мнѣ ее...

Ханъ молчалъ.

— Или бросимъ ее въ море съ горы.

— Бросимъ ее въ море съ горы,—повторилъ ханъ слова сына, какъ эхо сынова голоса.

И тогда они вошли въ гаремъ, гдѣ она уже спала на полу, на пышномъ коврѣ. Остановились они предъ ней и смотрѣли; долго они смотрѣли на нее. У стараго хана слезы текли изъ глазъ на его серебряную бороду и сверкали въ ней, какъ жемчужины, а сынъ его стоялъ, сверкая очами и скрежетомъ зубовъ своихъ сдерживая страсть, разбудилъ казачку. Проснулась она — и на лицѣ ея, нѣжномъ и розовомъ, какъ заря, расцвѣли ея глаза, какъ васильки. Не замѣтила она Алгаллу и протянула алыя губы хану.

— Поцѣлуй меня, старый орелъ!

— Собирайся... пойдешь съ нами, — тихо сказалъ ханъ...

Тутъ она увидала Алгаллу и слезы на очахъ своего орла, и—умная она была—поняла все.

— Иду,—сказала она.—Иду. Ни тому, ни другому—такъ рѣшили? Такъ и должны рѣшать сильные сердцемъ. Иду.

И молча они, всѣ трое, пошли къ морю. Узкими тропинками шли, вѣтеръ шумѣлъ, гулко шумѣлъ...

Нѣжная она была, дѣвушка-то, скоро устала, но и горда была—не хотѣла сказать имъ этого.

И когда сынъ хана замѣтилъ, что она отстаетъ отъ нихъ—сказалъ онъ ей:

— Боишься?

Она блеснула глазами на него и показала ему окровавленную ногу...

— Дай понесу тебя! — сказалъ Алгалла, протягивая къ ней руки. Но она обняла шею своего стараго орла. Поднялъ ханъ ее на свои руки, какъ перо, и понесъ; она же, сидя на его рукахъ, отклоняла вѣтви отъ его лица, боясь, что онѣ попадутъ ему въ глазъ. Долго они шли, и вотъ уже слышенъ гулъ моря вдали. Тутъ Толайкъ,—онъ шелъ сзади ихъ, по тропинкѣ,—сказалъ отцу:

— Пусти меня впередъ, а то я хочу ударить тебя кинжаломъ въ шею.

— Пройди,—Аллахъ возмѣститъ тебѣ твое желаніе или проститъ—его воля,—я же отецъ твой, прощаю тебѣ. Я знаю, что значитъ любить.

И вотъ оно, море, предъ ними, тамъ внизу пустое, черное и безъ береговъ. Глухо поютъ его волны у самаго низа скалы и темно тамъ внизу и холодно, и страшно.

— Прощай!—сказалъ ханъ, цѣлуя дѣвушку.

— Прощай!—сказалъ Алгалла и поклонился ей.

Она заглянула туда, гдѣ пѣли волны, и отшатнулась назадъ, прижавъ руки къ груди...

— Бросьте меня,—сказала она имъ...

Простеръ къ ней руки Алгалла и застоналъ, а ханъ взялъ ее въ руки свои, прижалъ къ груди крѣпко, поцѣловалъ и, поднявъ ее надъ своей головой—бросилъ внизъ со скалы.

Тамъ плескались и пѣли волны и было такъ шумно, что оба они не слыхали, когда она долетѣла до воды. Ни крика не слыхали, ничего. Ханъ опустился на камни и молча сталъ смотрѣть внизъ, во тьму и даль, гдѣ море смѣшалось съ облаками, откуда шумно плыли глухіе всплески волнъ, и вѣтеръ прилеталъ, развѣвая сѣдую бороду хана. Толайкъ стоялъ надъ нимъ, закрывъ лицо руками, какъ камень неподвижный и молчаливый. Время шло и по небу одно за другимъ плыли облака, гонимыя вѣтромъ. Темны и тяжелы они были, какъ думы стараго хана, лежавшаго надъ моремъ на высокой скалѣ.

— Пойдемъ, отецъ,—сказалъ Толайкъ.

— Подожди...—шепнулъ ханъ, точно слушая что-то. И опять прошло много времени, и все плескались волны внизу, а вѣтеръ налеталъ на скалу, шумя деревьями.

— Пойдемъ, отецъ...

— Подожди еще...

Не одинъ разъ говорилъ Тойлакъ Алгалла:

— Пойдемъ, отецъ.

Ханъ все не шелъ отъ мѣста, гдѣ потерялъ радость своихъ послѣднихъ дней.

Но — все имѣетъ конецъ! — всталъ онъ, могучій и гордый, всталъ, нахмурилъ брови и глухо сказалъ:

— Идемъ...

Пошли они, но скоро остановился ханъ.

— А зачѣмъ я иду и куда, Толайкъ?—спросилъ онъ сына.—Зачѣмъ мнѣ жить теперь, когда вся моя жизнь въ ней была? Старъ я, не полюбятъ ужъ меня больше,

а если никто тебя не любитъ — неразумно жить на свѣтѣ.

— Слава и богатство есть у тебя, отецъ...

— Дай мнѣ одинъ ея поцѣлуй и возьми все это себѣ въ награду. Это все мертвое, одна любовь женщины жива. Нѣтъ такой любви—нѣтъ жизни у человѣка, нищъ онъ, и жалки дни его. Прощай, мой сынъ, благословеніе Аллаха надъ твоей главой да пребудетъ во всѣ дни и ночи жизни твоей. И повернулся ханъ лицомъ къ морю.

—Отецъ,—сказалъ Толайкъ,—отецъ!... И не могъ больше сказать ничего, такъ какъ ничего нельзя сказать человѣку, которому улыбается смерть, ничего не скажешь ему такого, что возвратило бы въ душу его любовь къ жизни.

— Пусти меня...

— Аллахъ...

— Онъ знаетъ...

Быстрыми шагами подошелъ ханъ къ обрыву и кинулся внизъ. Не остановилъ его сынъ, не успѣлъ. И опять ничего не было слышно отъ моря—ни крика, ни шума паденія хана. Только волны все плескали тамъ, да вѣтеръ гудѣлъ дикія пѣсни.

Долго смотрѣлъ внизъ Толайкъ Алгалла и потомъ вслухъ сказалъ:

— И мнѣ такое же твердое сердце дай, о, Аллахъ!

И потомъ онъ пошелъ во тьму ночи...

... Такъ погибъ ханъ Мосолайма эль Асвабъ, и сталъ въ Крыму ханъ Толайкъ Алгалла...

„ВЫВОДЪ“.

(1896.)

По деревенской улицѣ, среди бѣлыхъ мазанокъ, съ дикимъ воемъ двигается странная процессія.

Идетъ толпа народа, идетъ густо и медленно,—движется какъ большая волна, а впереди ея шагаетъ лошаденка, юмористически-шероховатая лошаденка, понуро опустившая голову. Поднимая одну изъ переднихъ ногъ, она такъ странно встряхиваетъ головой, точно хочетъ ткнуться шершавой мордой въ пыль дороги, а когда она переставляетъ заднюю ногу, ея крупъ весь осѣдаетъ къ землѣ, и кажется, что она сейчасъ упадетъ.

Къ передку телѣги прикручена веревкой за руки маленькая совершенно нагая женщина, почти дѣвочка. Она идетъ какъ-то странно—бокомъ, ея голова, въ густыхъ растрепанныхъ темнорусыхъ волосахъ, поднята кверху и немного откинута назадъ, глаза широко открыты и смотрятъ куда-то вдаль тупымъ, безсмысленнымъ взглядомъ, въ которомъ нѣтъ ничего человѣческаго... Все тѣло ея въ синихъ и багровыхъ пятнахъ, круглыхъ и продолговатыхъ, лѣвая упругая дѣвическая грудь разсѣчена, и изъ нея сочится кровь... Она образовала пурпуровую полосу на животѣ и ниже по лѣвой ногѣ до колѣна, а на голени ее скрываетъ коричневая короста пыли. Кажется, что съ тѣла этой женщины содрана узкая и длинная полоса кожи, и должно быть по животу

этой женщины долго били полѣномъ,—онъ чудовищно вспухъ и весь страшно синій.

Ноги этой женщины, стройныя и маленькія, еле ступаютъ по пыли, весь корпусъ страшно изогнутъ и качается, и никакъ нельзя понять, почему она еще держится на этихъ ногахъ, сплошь, какъ и все ея тѣло, покрытыхъ синяками, почему она не падаетъ на землю и, вися на рукахъ, не волочится за телѣгой по пыльной и теплой землѣ...

А на телѣгѣ стоитъ высокій мужикъ въ бѣлой рубахѣ, въ черной смушковой шапкѣ, изъ-подъ которой, перерѣзывая ему лобъ, свѣсилась прядь ярко-рыжихъ волосъ; въ одной рукѣ онъ держитъ вожжи, въ другой—кнутъ и методически хлещетъ имъ разъ по спинѣ лошади и разъ по тѣлу маленькой женщины, и безъ того уже добитой до утраты человѣческаго образа. Глаза рыжаго мужика налиты кровью и блещутъ злымъ торжествомъ. Волосы оттѣняютъ ихъ зеленоватый цвѣтъ. Засученные по локти рукава рубахи обнажили крѣпкія, мускулистыя руки, густо поросшія рыжей шерстью; ротъ его открытъ, полонъ острыхъ бѣлыхъ зубовъ, и порой мужикъ хрипло вскрикиваетъ:

— Н-ну... вѣ-ѣдьма! Гей! Н-ну! Ага! Разъ!... Такъ ли, братцы?...

А сзади телѣги и женщины, привязанной къ ней, валомъ валитъ толпа и тоже кричитъ, воетъ, свищетъ, смѣется, улюлюкаетъ... подзадориваетъ... Бѣгутъ мальчишки... Иногда одинъ изъ нихъ забѣгаетъ впередъ и кричитъ въ лицо женщины циничныя слова. Тогда взрывъ смѣха въ толпѣ заглушаетъ всѣ остальные звуки и тонкій свистъ кнута въ воздухѣ... Идутъ женщины съ возбужденными лицами и сверкающими удовольствіемъ глазами... Идутъ мужчины и кричатъ что-то отвратительное тому, что стоитъ въ телѣгѣ... Онъ оборачивается назадъ къ нимъ и хохочетъ, широко раскрывая ротъ. Ударъ кнутомъ по тѣлу женщины... Кнутъ,

тонкій и длинный, обвивается около плеча и вотъ онъ захлеснулся подъ мышкой... Тогда мужикъ, который бьетъ, сильно дергаетъ кнутъ къ себѣ; женщина визгливо вскрикиваетъ и, опрокидываясь назадъ, падаетъ въ пыль спиной... Многіе изъ толпы подскакиваютъ къ ней и скрываютъ ее собой, наклоняясь надъ нею.

Лошадь останавливается, но черезъ минуту она снова идетъ, и вся избитая женщина попрежнему двигается за телѣгой. И жалкая лошадь, медленно шагая, все мотаетъ своей шершавой головой, точно хочетъ сказать:

— Вотъ какъ подло быть скотомъ! Во всякой мерзости могутъ заставить принять участіе...

А небо, южное небо, совершенно чисто, — ни одной тучки, и съ него лѣтнее солнце щедро льетъ свои жгучіе лучи...

. . . .

Это я написалъ не аллегорическое изображеніе гоненія и истязанія пророка, не признаннаго въ своемъ отечествѣ, — нѣтъ, къ сожалѣнію! Это называется — *выводъ*. Такъ наказываютъ мужья женъ за измѣну; это бытовая картина, обычай, — и это я видѣлъ въ 1891-мъ году 15-го іюля, въ деревнѣ Кандыбовкѣ, Херсонской губерніи.

СУПРУГИ ОРЛОВЫ.

(1897.)

...Почти каждую субботу передъ всенощной изъ двухъ оконъ подвала стараго и грязнаго дома купца Петунникова на тѣсный дворъ, заваленный разною рухлядью и застроенный деревянными, покосившимися отъ времени службами, рвались ожесточенные женскіе крики:

— Стой! Стой, пропоица, дьяволъ!—низкимъ контральто кричала женщина.

— Пусти!—отвѣчалъ ей теноръ мужчины.

— Не пущу, не пущу я тебя, изверга!

— Вр-решь! пустишь!

— Убей меня—не пущу!

-- Ты? Вр-решь, еретица!

— Батюшки! Убилъ... ба́-атюшка!

— Пу-устишь!

— Добивай, звѣрь, доколачивай!

— Подождешь... не сразу!

При первыхъ же словахъ такого діалога Сенька Чижикъ, ученикъ маляра Сучкова, цѣлыми днями растиравшій краски въ одномъ изъ сарайчиковъ на дворѣ, стремглавъ вылеталъ оттуда и, сверкая глазенками, черными, какъ у мыши, во все горло оралъ:

— Сапожники Орловы стражаются! Ухъ ты!

Страстный любитель всевозможныхъ происшествій,

Чижикъ подбѣгалъ къ окнамъ квартиры Орловыхъ, ложился животомъ на землю и, свѣсивъ внизъ свою лохматую, озорную голову съ бойкой, худой рожицей, выпачканной охрой и муміей, жадными глазами смотрѣлъ внизъ, въ темную и сырую дыру, изъ которой пахло плѣсенью, варомъ и прѣлой кожей. Тамъ, на днѣ ея, яростно возились двѣ фигуры, хрипя, стоная и ругаясь.

— Убьешь вѣдь...—задыхаясь, предупреждала женщина.

— Н-ничего!—увѣренно и съ сосредоточенной злобой успокоивалъ ее мужчина.

Раздавались тяжелые глухіе удары по чему-то мягкому, вздохи, взвизгиванія, напряженное кряхтѣнье человѣка, ворочающаго большую тяжесть.

— И-эхъ ты! Ка-акъ онъ ее колодкой-то саданулъ!— иллюстрировалъ Чижикъ ходъ событій въ подвалѣ, а собравшаяся вокругъ него публика—портные, судебный разсыльный Левченко, гармонистъ Кисляковъ и другіе любители безплатныхъ развлеченій—то и дѣло спрашивали Сеньку, въ нетерпѣніи дергая его за ноги и за штанишки, пропитанныя жирными красками:

— Ну? А теперь что? Какъ онъ ее?

— Сидитъ на ней верхомъ и мордой ее въ полъ тычетъ...—докладывалъ Сенька, сладострастно поеживаясь отъ переживаемыхъ имъ впечатлѣній...

Публика тоже наклонялась къ окнамъ Орловыхъ, охваченная горячимъ стремленіемъ самой видѣть всѣ детали боя; и хотя она уже давно знала пріемы Гришки Орлова, употребляемые имъ въ войнѣ съ женой, но все-таки изумлялась:

— Ахъ, дьяволъ! Разбилъ?

— Весь носъ въ кровь... такъ и тикётъ! — захлебываясь, сообщалъ Сенька.

— Ахъ ты, Господи, Боже мой! — восклицали женщины.—Ахъ, извергъ-мучитель!

Мужчины разсуждали болѣе объективно.

— Безпремѣнно онъ ее долженъ до смерти забить...— говорили они.

А гармонистъ тономъ провидца заявлялъ:

— Помяните мое слово—ножомъ распотрошитъ онъ ее! Устанетъ когда-нибудь возиться вотъ этакимъ манеромъ, да сразу и кончитъ всю музыку!

— Кончилъ!—вскакивая съ земли, вполголоса сообщалъ Сенька и мячикомъ отлеталъ отъ оконъ куда-нибудь въ сторону, въ уголокъ, гдѣ занималъ новый наблюдательный постъ, зная, что сейчасъ долженъ выйти на дворъ Гришка Орловъ.

Публика быстро расходилась, не желая попадаться на глаза свирѣпаго сапожника; теперь, по окончаніи сраженія, онъ терялъ въ ея глазахъ всякій интересъ и, вмѣстѣ съ этимъ, былъ не безопасенъ.

И обыкновенно на дворѣ не было уже ни одной живой души, кромѣ Сеньки, когда Орловъ являлся изъ своего подвала. Тяжело дыша, въ разорванной рубахѣ, съ растрепанными волосами на головѣ, съ царапинами на потномъ и возбужденномъ лицѣ, онъ исподлобья оглядывалъ дворъ налитыми кровью глазами и, заложивъ руки за спину, медленно шелъ къ старымъ розвальнямъ, лежавшимъ кверху полозьями у стѣны дровяного сарая. Иногда онъ при этомъ ухарски посвистывалъ и такъ смотрѣлъ по сторонамъ, точно имѣлъ намѣреніе вызвать на бой все населеніе дома Петунникова. Затѣмъ онъ садился на полозья розваленъ, отиралъ рукавомъ рубахи потъ и кровь съ лица и замиралъ въ усталой позѣ, тупо глядя на стѣну дома, грязную, съ облѣзлою штукатуркой и съ разноцвѣтными полосами красокъ,—маляры Сучкова, возвращаясь съ работы, имѣли обыкновеніе чистить кисти объ эту часть стѣны.

Орлову было лѣтъ подъ тридцать. Бронзовое нервное лицо съ тонкими чертами украшали маленькіе темные

усы, рѣзко оттѣняя его полныя, красныя губы. Надъ большимъ хрящеватымъ носомъ почти срастались густыя брови; изъ-подъ нихъ смотрѣли всегда безпокойно горѣвшіе черные глаза. Спутанные спереди курчавые волосы падали сзади на коричневую жилистую шею. Средняго роста, немного сутулый отъ своей работы, мускулистый и горячій, онъ, долго сидя на розвальняхъ въ какомъ-то оцѣпенѣніи, разсматривалъ раскрашенную стѣну, глубоко дыша здоровой, смуглой грудью.

Солнце уже сѣло, но на дворѣ душно; пахнетъ масляной краской, дегтемъ, кислой капустой и какой-то гнилью. Изъ всѣхъ оконъ обоихъ этажей дома на дворъ льются пѣсни и брань, иногда чья-нибудь испитая физіономія съ минуту разсматриваетъ Орлова, высунувшись изъ-за косяка, и исчезаетъ, усмѣхаясь.

Являются маляры съ работы; проходя мимо Орлова, они искоса смотрятъ на него, перемигиваются между собой и, наполняя дворъ бойкимъ костромскимъ говоромъ, собираются кто въ баню, кто въ кабакъ. Сверху изъ второго этажа сползаютъ на дворъ портные — народъ полу-одѣтый, худосочный и кривоногій,—начинаютъ подтрунивать надъ костромичами-малярами за ихъ горохомъ разсыпающуюся рѣчь. Весь дворъ наполняется шумомъ, бойкимъ и живымъ смѣхомъ, шутками... Орловъ сидитъ въ своемъ углу и молчитъ, ни на кого не глядя. Никто не подходитъ къ нему и никто не рѣшается пошутить надъ нимъ, ибо знаютъ, что теперь онъ—звѣрь лютый.

Онъ сидитъ, весь охваченный глухой и тяжелой злобой, которая давитъ ему грудь, затрудняя дыханіе, и ноздри его порой хищно вздрагиваютъ, а губы искривляются, обнажая два ряда крѣпкихъ и крупныхъ желтыхъ зубовъ. Въ немъ растетъ что-то безформенное и темное, красныя, мутныя пятна плаваютъ предъ его глазами, тоска и жажда водки сосетъ его внутренности. Онъ знаетъ, что, когда онъ выпьетъ, ему будетъ легче,

но пока еще свѣтло, и ему стыдно идти въ кабакъ въ такомъ оборванномъ и истерзанномъ видѣ по улицѣ, гдѣ всѣ знаютъ его, Григорія Орлова.

Онъ знаетъ себѣ цѣну и не хочетъ выходить на всеобщее посмѣшище, но и пойти домой, чтобы одѣться и умыться, онъ тоже не можетъ. Тамъ, на полу, лежитъ избитая жена, а она ему теперь всячески противна.

Она тамъ стонетъ, и онъ чувствуетъ, что она мученица, и что она права предъ нимъ,—онъ знаетъ это. Онъ знаетъ и то, что она дѣйствительно права, а онъ виноватъ, и это еще болѣе усиливаетъ его ненависть къ ней, потому что рядомъ съ этимъ сознаніемъ въ душѣ его кипитъ злобное темное чувство и оно сильнѣе сознанія. Въ немъ все смутно и тяжело, и онъ безвольно отдается тяжести своихъ внутреннихъ ощущеній, не умѣя разобраться въ нихъ и зная, что только полбутылочки водки можетъ облегчить его.

Вотъ идетъ гармонистъ Кисляковъ. Онъ въ плисовой безрукавкѣ, въ красной шелковой рубашкѣ, въ шароварахъ, заправленныхъ въ щегольскіе сапоги. Подъ мышкой у него гармоника въ зеленомъ мѣшкѣ, черненькіе усики закручены въ стрѣлки, картузъ ухарски надѣтъ набекрень и все лицо сіяетъ удалью и весельемъ. Орловъ любитъ его за удальство, за игру и за веселый характеръ и завидуетъ его легкой, беззабатной жизни.

„Съ по-бѣд-дой, Гриша, поздравляю
„И съ расцар-рапанной щекой!"

Орловъ не сердится на него за эту шутку, хотя онъ уже слышалъ ее разъ пятьдесятъ, да гармонистъ и не со зла говоритъ это, а просто потому, что шутить любитъ.

— Что, братъ! опять Плевна была?—спрашиваетъ Кисляковъ, останавливаясь на минутку передъ сапожникомъ.—Эхъ ты, Гриня, спѣла дыня! Шелъ бы ты

туда, куда всѣмъ намъ дорога... Клюнули бы мы съ тобой.

— Я скоро...—не поднимая головы, говоритъ Орловъ.

— Жду и страдаю по тебѣ...

Вскорѣ за нимъ уходитъ и Орловъ.

Тогда изъ подвала, держась за стѣны, выходитъ маленькая, полная женщина. Голова у нея плотно закутана платкомъ и изъ отверстія на лицѣ смотритъ только одинъ глазъ, кусокъ щеки и лба. Пошатываясь, она идетъ черезъ дворъ и садится на то мѣсто, гдѣ незадолго передъ тѣмъ сидѣлъ ея мужъ. Ея появленіе никого не удивляетъ — къ этому привыкли, и всѣ знаютъ, что она просидитъ тутъ до поры, пока Гришка, пьяный и настроенный на покаянный ладъ, не появится изъ кабака. Она выходитъ на дворъ потому, что въ подвалѣ душно, и для того, чтобы свести съ лѣстницы пьянаго Гришку. Лѣстница—полусгнившая и крутая; однажды Гришка упалъ съ нея и вывихнулъ себѣ руку, такъ что недѣли двѣ не работалъ, и за это время, чтобы прокормиться, они заложили почти всѣ пожитки.

Съ той поры Матрена и караулила его.

Иногда кто-нибудь со двора подсаживается къ ней, чаще всѣхъ Левченко—усатый унтеръ-офицеръ въ отставкѣ, разсудительный и степенный хохолъ съ гладко остриженной головой и сизымъ носомъ. Онъ садится и, позѣвывая, спрашиваетъ:

— Снова подрались?

— А тебѣ что?—недружелюбно и задорно говоритъ Матрена.

— А ничего!—объясняетъ хохолъ, и послѣ этого оба они долго молчатъ.

Матрена тяжело дышитъ и въ груди у нея что-то хрипитъ.

— И чего вы все воюете? Чего бы вамъ дѣлить?—начинаетъ разсуждать хохолъ.

— Наше дѣло...—кратко говоритъ Матрена Орлова.

— Ваше, это такъ...—соглашается Левченко и даже киваетъ головой въ подтвержденіе сказаннаго.

— Такъ чего же ты лѣзешь ко мнѣ? — резонно заявляетъ Орлова.

— Фу ты... какая! И слова ей не скажи! Какъ посмотрю я на васъ—пара вы съ Гришкой! Батогами бы васъ лупить надо каждый день—разъ поутру и разъ вечеромъ—вотъ что! Были бы тогда оба не такіе ежи...

И разсерженный онъ уходитъ прочь отъ нея, чѣмъ она очень довольна: — по двору давно уже ходитъ говоръ, что хохолъ недаромъ къ ней ластится, и она зла на него, на него и на всѣхъ людей, которые суются не въ свое дѣло. А хохолъ идетъ въ уголъ двора своей прямой солдатской походкой, бодрый и сильный, несмотря на свои сорокъ лѣтъ.

Вотъ откуда-то къ нему подъ ноги подвертывается Чижикъ.

— Она тоже, дядянька, рѣдька, Орлиха-то!—вполголоса сообщаетъ онъ Левченку, хитро подмигивая туда, гдѣ сидитъ Матрена.

— Вотъ я тебѣ такую пропишу, гдѣ нужно, рѣдьку! —усмѣхаясь въ усы, грозитъ хохолъ. Онъ любитъ бойкаго Чижика и внимательно слушаетъ его, зная, что Чижику извѣстны всѣ тайны двора.

— Около нея не обрыбишься,—не обращая вниманія на угрозу, поясняетъ Чижикъ.—Максимка-маляръ пробовалъ, дыкъ она его такъ смазала! Я самъ слышалъ... здòрово! Прямо по харѣ... какъ по барабану!

Полуребенокъ, полувзрослый, несмотря на свои двѣнадцать лѣтъ, живой и впечатлительный, онъ, какъ губка влагу, жадно впитываетъ въ себя грязь окружающей его жизни, и на лбу у него уже есть тонкая морщинка, указывающая на то, что Сенька Чижикъ думаетъ.

... На дворѣ темно. Надъ нимъ сіяетъ весь въ бле-

скѣ звѣздъ квадратный кусокъ синяго неба и, окруженный высокими стѣнами, дворъ кажется глубокой ямой, когда съ него посмотришь вверхъ. Въ одномъ углу этой ямы сидитъ маленькая женская фигурка, отдыхая отъ побоевъ и ожидая пьянаго мужа...

Орловы были женаты четвертый годъ. Былъ у нихъ ребенокъ, но проживъ около полутора года, умеръ; они оба недолго горевали о немъ, быстро успокоившись въ надеждѣ имѣть другого. Подвалъ, въ которомъ они помѣщались, представлялъ собою большую, продолговатую, темную комнату со сводчатымъ потолкомъ. Прямо у двери стояла большая русская печь, челомъ къ окнамъ; между нею и стѣной узенькій проходъ велъ въ квадратъ, освѣщенный двумя окнами, выходившими во дворъ. Свѣтъ падалъ изъ нихъ въ подвалъ косыми, мутными полосами, и въ комнатѣ было сыро, глухо и мертво. Жизнь билась гдѣ-то тамъ далеко наверху, а сюда залетали отъ нея только глухіе, неопредѣленные звуки, падавшіе вмѣстѣ съ пылью въ яму къ Орловымъ какими-то безформенными и безцвѣтными хлопьями. Противъ печи по стѣнѣ стояла деревянная двухспальная кровать за ситцевымъ пологомъ, коричневымъ, съ розовыми цвѣтами; противъ кровати у другой стѣны— столъ, на которомъ пили чай и обѣдали, а между кроватью и стѣной въ двухъ полосахъ свѣта супруги работали.

По стѣнамъ лѣниво путешествовали тараканы, объѣдая хлѣбный мякишъ, которымъ были приклеены къ штукатуркѣ разныя картинки изъ старыхъ журналовъ; унылыя мухи летали повсюду, скучно жужжа, и засиженныя ими картинки смотрѣли темными пятнами съ грязно-сѣраго фона стѣнъ.

День Орловыхъ начинался такъ: часовъ въ шесть утра Матрена просыпалась, умывалась и ставила само-

варъ, не разъ искалѣченный въ пылу дракъ и весь покрытый заплатами изъ олова. Пока кипѣлъ самоваръ, она убирала комнату, ходила въ лавочку, потомъ будила мужа; онъ вставалъ, умывался, а самоваръ уже стоялъ на столѣ, шипя и курлыкая. Садились пить чай съ бѣлымъ хлѣбомъ, котораго съѣдали вдвоемъ фунтъ.

Григорій работалъ хорошо, и работа у него была всегда, за чаемъ онъ распредѣлялъ ее. Онъ дѣлалъ чистую работу, требовавшую руки мастера, жена сучила дратву, подклеивала поднарядъ, дѣлала набойки на стоптанные каблуки и тому подобныя мелочи. За чаемъ же обсуждался обѣдъ. Зимой, когда надо ѣсть больше, это былъ довольно интересный вопросъ; лѣтомъ изъ экономіи печь топили только по праздникамъ и то не всегда, питались же преимущественно разными окрошками изъ кваса, съ добавленіемъ луку, соленой рыбы, иногда мяса, свареннаго у кого-нибудь на дворѣ. Кончивъ чай, садились работать: Григорій на квашенку, обитую кожей и съ трещиной на боку, жена рядомъ съ нимъ — на низенькую скамейку.

Сначала работали молча — о чемъ имъ было говорить? Перекинутся парой словъ, относящихся къ работѣ, и молчатъ по получасу и больше. Стучитъ молотокъ, шипитъ дратва, продергиваемая сквозь кожу. Григорій иногда зѣвнетъ и непремѣнно заключитъ зѣвокъ протяжнымъ ревомъ или воемъ. Матрена вздыхаетъ и молчитъ. Иногда Орловъ запѣвалъ пѣсню. Голосъ у него былъ рѣзкій, съ металлическимъ тембромъ, но пѣть онъ умѣлъ. Слова пѣсни то собирались въ жалобный и быстрый речитативъ и, какъ бы боясь не договорить того, что хотѣли сказать, стремительно рвались изъ Гришкиной груди, то вдругъ растягивались въ грустные вздохи или — съ воплемъ „эхъ!“— тоскливые и громкіе летѣли изъ окна на дворъ. Матрена подтягивала мужу своимъ мягкимъ контральто. Лица у обоихъ становились задумчивыми и печаль-

ными, темные глаза Гришки подергивались влагой. Жена его, погруженная въ звуки, какъ-то тупѣла, сидя точно въ полуснѣ и покачиваясь изъ стороны въ сторону, а иногда она точно захлебывалась пѣсней, разрывая средину ноты паузой, и снова продолжала вести ее въ унисонъ голоса мужа. Оба они во время пѣнія не чувствовали присутствія другъ друга, стараясь излить въ чужихъ словахъ пустоту и скуку своей темной жизни, хотѣли, быть можетъ, оформить этими словами тѣ полусознательныя мысли и ощущенія, которыя зарождались въ ихъ душахъ.

Порой Гришка импровизировалъ:

Э-охъ, ты, жи-изнь... эхъ, да ужъ ты, жизнь моя треклятая...
Да ты, тоска-а-а! Эхъ и ты, тоска моя проклятая,
Проклятущая тоска-а-а!...

Матренѣ эти импровизаціи не нравились, и она обыкновенно въ такихъ случаяхъ спрашивала его:

— Чего ты завылъ, какъ пёсъ передъ покойникомъ?

Онъ почему-то тотчасъ же сердился на нее:

— Тупорылая хавронья! Что ты можешь понимать? Кикимора болотная!

— Вылъ, вылъ, да и залаялъ...

— Молчать твое дѣло! Я кто — подмастерье что ли твой, что ты мнѣ рацеи-то начитывать суешься, а?... То-то!

Матрена, видя, что у него напрягаются жилы на шеѣ и что глаза блещутъ гнѣвомъ, — молчала, молчала долго, демонстративно не отвѣчая на вопросы мужа, гнѣвъ котораго гасъ такъ же быстро, какъ и вспыхивалъ.

Она отвертывалась отъ его взглядовъ, искавшихъ примиренія съ ней, ожидавшихъ ея улыбки, и вся была полна трепетнаго чувства боязни, что онъ вновь разсердится на нее за эту игру съ нимъ. Но въ то же

время сердиться на него и видѣть его стремленіе къ миру съ ней для нея было пріятно,—вѣдь это значило жить, думать, волноваться...

Оба они—молодые и здоровые люди—любили другъ друга и гордились другъ другомъ... Гришка былъ такой сильный, горячій, красивый, а Матрена — бѣлая, полная, съ огонькомъ въ сѣрыхъ глазахъ, — „ядреная баба“, какъ говорили о ней на дворѣ. Они любили другъ, друга, но имъ было такъ скучно жить, у нихъ почти не было впечатлѣній и интересовъ, которые могли бы порой дать имъ возможность отдохнуть другъ отъ друга и удовлетворяли бы естественную потребность человѣческаго духа—волноваться, думать, горѣть—вообще жить. Ибо при условіи отсутствія внѣшнихъ впечатлѣній и одухотворяющихъ жизнь интересовъ мужъ и жена—даже и тогда, когда это люди высокой культуры духа — роковымъ образомъ должны опротивѣть другъ другу. Это законъ, столь же неизбѣжный, какъ и справедливый. Если бъ у Орловыхъ была жизненная цѣль, хоть бы такая узкая, какъ накопленіе денегъ грошъ за грошомъ, тогда, несомнѣнно, имъ жилось бы легче.

Но у нихъ не было и этого.

Постоянно одинъ у другого на глазахъ, они привыкли другъ къ другу, знали всѣ слова и жесты одинъ другого. День шелъ за днемъ и не вносилъ въ ихъ жизнь ничего, что развлекало бы ихъ. Иногда, по праздникамъ, они ходили въ гости къ такимъ же нищимъ духомъ, какъ сами, иногда къ нимъ приходили гости, пили, пѣли, часто — дрались. А потомъ снова одинъ за другимъ тянулись безцвѣтные дни, какъ звенья невидимой цѣпи, отягчавшей жизнь этихъ людей работой, скукой и безсмысленнымъ раздраженіемъ другъ противъ друга.

Иногда Гришка говорилъ:

— Вотъ такъ жизнь, вѣдьма ея бабушка! И зачѣмъ

только она мнѣ далась? Работища да скучища, скучища да работища...—И помолчавъ, съ поднятыми къ потолку глазами, съ блуждающей улыбкой, онъ продолжалъ: — родила меня мать по волѣ Божіей... супротивъ этого ничего не скажешь! Научился я мастерству... это вотъ зачѣмъ? Али, кромѣ меня, мало сапожниковъ? Ну, ладно, сапожникъ, а дальше что? Какое въ этомъ для меня удовольствіе?... Сижу въ ямѣ и шью... Потомъ помру. Вотъ, говорятъ, холера... Ну и что же? Жилъ Григорій Орловъ, шилъ сапоги—и померъ отъ холеры. Въ чемъ же тутъ сила? И зачѣмъ это нужно, чтобъ я жилъ, шилъ и померъ, а?

Матрена молчала, чувствуя въ словахъ мужа что-то страшное; но порой она просила его не говорить такихъ словъ, потому что они противъ Бога, Который ужъ знаетъ, какъ устроить человѣку жизнь. А иногда, будучи не въ духѣ, она скептически заявляла мужу:

— А ты бы вотъ не пилъ винища-то—и жилось бы тебѣ веселѣе, и не лѣзли бы въ голову-то этакія мысли. Другіе живутъ — не жалуются, а копятъ денежки, да свои мастерскія на нихъ заводятъ и живутъ потомъ уже сами-то, какъ господа.

— И выходишь ты за такія деревянныя твои слова— чортова кукла! Раскинь мозгами-то, развѣ я могу не пить, коли въ этомъ моя радость? Другіе! Много ты ихъ, другихъ-то, этакихъ удачливыхъ знаешь? А я развѣ до женитьбы такой былъ? Это, ежели по совѣсти говорить, такъ ты меня сосешь и жизнь мнѣ тѣснишь... У, жаба!

Матрена обижалась, но чувствовала, что мужъ ея правъ. Въ пьяномъ видѣ онъ и веселый, и ласковый,— другіе были плодомъ ея фантазіи,—и до женитьбы онъ былъ не таковъ. Тогда это былъ весельчакъ, занятный и добрый... А теперь сталъ сущій звѣрь.

„Почему это? Неужто и впрямь я ему тяжела?“ — думала она.

Сердце ея сжималось отъ этой горькой думы, ей становилось жаль себя и его; она подходила къ нему и, ласково, любовно заглядывая ему въ глаза, плотно прижималась къ его груди.

— Ну, теперь будетъ лизаться, корова... — угрюмо говорилъ Гришка и показывалъ видъ, что хочетъ оттолкнуть ее отъ себя; но она уже знала, что онъ этого не сдѣлаетъ, и еще ближе, еще крѣпче жалась къ нему.

Тогда у него вспыхивали глаза, онъ бросалъ на полъ работу и, посадивъ жену къ себѣ на колѣни, цѣловалъ ее много и долго, вздыхая во всю грудь и говоря вполголоса, точно боясь, что его подслушаетъ кто-то:

— Э-эхъ, Мотря! Живемъ мы съ тобой ай-ай какъ плохо... какъ звѣрье грыземся... А почему? Такая звѣзда моя... подъ звѣздой родится человѣкъ и звѣзда — судьба его!

Но это объясненіе не удовлетворяло его и, прижавъ жену къ груди, онъ задумывался.

Они подолгу сидѣли такъ въ мутномъ свѣтѣ и спертомъ воздухѣ своего подвала. Она молчала, вздыхая, но иногда въ такіе хорошіе моменты ей вспоминались незаслуженныя обиды и побои, понесенные отъ него, и она съ тихими слезами жаловалась ему на него.

Тогда онъ, смущенный ея ласковыми упреками, еще горячѣе ласкалъ ее, а она все болѣе разливалась въ жалобахъ. Это, наконецъ, опять-таки раздражало его.

— Будетъ скулить! Мнѣ, может быть, въ тысячу разъ больнѣе, когда я тебя бью. Понимаешь? Ну и помолчи. Вашей сестрѣ дай волю, такъ вы и за горло. Брось разговоры. Что ты можешь сказать человѣку, ежели ему жизнь осточертѣла?

Въ другое время онъ смягчался подъ потокомъ ея тихихъ слезъ и страстныхъ жалобъ и уныло, задумчиво объяснялъ:

— Что я съ моимъ характеромъ подѣлаю? Обижаю я тебя... это вѣрно. Знаю, что ты у меня одна душа...

ну, не всегда я это помню. Понимаешь, Мотря, иной разъ глаза бы мои на тебя не смотрѣли! Вродѣ какъ бы объѣлся я тобой. И подступитъ мнѣ въ ту пору подъ сердце этакое зло—разорвалъ бы я тебя, да и себя заодно. И чѣмъ ты предо мной правѣе, тѣмъ мнѣ больше бить тебя хочется...

Она едва ли понимала его, но кающійся и ласковый тонъ успокоивалъ ее.

— Богъ дастъ, какъ-нибудь поправимся, привыкнемъ, — говорила она, не сознавая, что они уже давно привыкли и исчерпали другъ друга.

— Вотъ ежели бы дите у насъ родилось—было бы лучше намъ...—вздыхая заявляла она иногда.—Была бы у насъ и забава, и забота.

— Такъ чего же ты? Рожай...

— Да... вѣдь при такихъ твоихъ побояхъ—не могу я принести. Очень ужъ ты по животу и по бокамъ больно бьешь... Хоть бы ногами-то не билъ...

— Ну,—угрюмо и сконфуженно оправдывался Григорій,—развѣ можно въ этомъ разѣ соображать, чѣмъ, по чему бить надо? Да и я не палачъ какой... и не для удовольствія бью, а отъ тоски...

— И отчего она завелась въ тебѣ, тоска эта? — грустно спрашивала Матрена.

— Судьба такая, Мотря!—философствовалъ Гришка. Судьба и характеръ души... Гляди, хуже я другихъ, хохла, къ примѣру? Однаю, хохолъ живетъ и не тоскуетъ. Одинъ онъ, ни жены, никого... Я бы подохъ безъ тебя... А онъ ничего! Онъ куритъ трубку и улыбается; доволенъ, дьяволъ, и тѣмъ, что трубку куритъ. А я такъ не могу... я родился, видно, съ безпокойствомъ въ сердцѣ. Характеръ у меня такой... У хохла онъ — какъ палка, а у меня — какъ пружина; нажмешь на него—дрожитъ... Выйду я, къ примѣру, на улицу, вижу го, другое, третье, а у меня ничего нѣтъ. Это мнѣ обидно. Хохлу — тому ничего не надо, а мнѣ и то обидно, что

онъ, усатый чортъ, ничего не хочетъ, а я... и не знаю даже, чего хочу... всего! Н-да... Я сижу вотъ въ ямѣ и все работаю, и ничего нѣтъ у меня. Опять же и ты... Жена ты мнѣ, а что въ тебѣ занятнаго? Баба, какъ баба, со всѣмъ бабьимъ наборомъ... Знаю я все въ тебѣ; какъ ты чихнешь завтра — и то знаю, потому ты ужъ тысячу разъ, можетъ, при мнѣ чихала... Какая же поэтому у меня можетъ быть жизнь и какой интересъ? Нѣтъ интересу. Ну, я и иду въ трактиръ, потому что тамъ весело.

— А ты зачѣмъ же женился? — спрашивала Матрена.

— Зачѣмъ? — Гришка усмѣхался. — Чортъ меня знаетъ зачѣмъ... не надо бы, ежели по совѣсти сказать... Въ босяки бы лучше уйти... Тамъ хоть голодно, да свободно—иди куда хочешь! Шагай по всей землѣ!...

— Такъ иди, а меня отпусти на волю, — заявляла Матрена, готовая разревѣться.

— Это куда?—внушительно спрашивалъ Гришка.

— А мое дѣло.

— Ку-уда?—и глаза у него зловѣще разгорались.

— Не ори,—не боюсь...

— Али присмотрѣла себѣ кого? Говори!

— Пусти!

— Куда пустить?—ревѣлъ Гришка.

Онъ уже держалъ ее за волосы, сбивъ платокъ съ ея головы. Побои озлобляли ее, зло же доставляло ей великое наслажденіе, возбуждая всю ея душу, и она, вмѣсто того, чтобы двумя словами угасить его ревность, еще болѣе подзадоривала его, улыбаясь ему въ лицо странными, многозначительными улыбками. Онъ бѣсился и билъ ее, безпощадно билъ.

А ночью, когда она, вся изломанная и измятая, стоная, лежала на постели рядомъ съ нимъ, онъ искоса смотрѣлъ на нее и тяжело вздыхалъ. Ему было скверно, совѣсть мучила его, онъ понималъ, что его ревность не имѣетъ основаній и что онъ напрасно избилъ ее.

— Ну, будетъ ужъ...—сконфуженно говорилъ онъ. — Али я виноватъ, ежели у меня такой характеръ? Да и ты тоже хороша... Вмѣсто того, чтобъ меня уговорить—подзадориваешь. Зачѣмъ это тебѣ надобно?

Она молчала, но она знала зачѣмъ, знала, что теперь ее, избитую и оскорбленную, ожидаютъ его ласки, страстныя и нѣжныя ласки примиренія. За это она готова была ежедневно платить болью въ избитыхъ бокахъ. И она плакала уже отъ одной только радости ожиданія, прежде чѣмъ мужъ успѣвалъ прикоснуться къ ней.

— Ну, полно, Мотря! Ну, голубушка, а? Полно, прости ужъ!—Онъ гладилъ ея волосы, цѣловалъ ее и скрипѣлъ зубами отъ горечи, наполнявшей все его существо.

Окна ихъ были открыты, но небо закрывала капитальная стѣна сосѣдняго дома и въ комнатѣ ихъ, какъ и всегда, было и темно, и душно, и тѣсно.

— Эхъ, жизнь! Каторга ты великолѣпная!—шепталъ Гришка, не будучи въ состояніи высказать того, что съ болью чувствовалъ. — Отъ ямы это, Мотря. Что мы? Вродѣ какъ бы прежде смерти въ землю похоронены...

— Переѣдемъ на другую квартиру,—сквозь сладкія слезы предлагала Матрена, понимая его слова буквально.

— Э-эхъ! Не то, тётенька! Хоть на чердакъ заберись, все въ ямѣ будешь... не квартира яма... жизнь—яма!

Матрена задумывалась и опять говорила:

— Богъ дастъ, можетъ и поправимся... привыкнемъ.

— Да, поправимся... Часто ты это говоришь. А дѣло-то у насъ, Мотря, не на поправку идетъ... Скандалы-то все чаще,—понимаешь?

Это было безусловно вѣрно. Промежутки между ихъ побоями все сокращались, и вотъ, наконецъ, каждую субботу еще съ утра Гришка уже настраивался враждебно къ своей женѣ.

— Сегодня вечеромъ пошабашу и въ трактиръ къ Лысому... Напьюсь... объявлялъ онъ.

Матрена, странно щуря глаза, молчала.

— Молчишь? И ужо вотъ такъ же молчи, цѣлѣе будешь,— предупреждалъ онъ.

Въ теченіе дня онъ съ озлобленіемъ, возраставшимъ по мѣрѣ приближенія вечера все болѣе, — нѣсколько разъ напоминалъ ей о своемъ намѣреніи напиться, чувствовалъ, что ей больно это слышать, и видя, какъ она, сосредоточенно молчаливая, съ твердымъ блескомъ въ глазахъ, готовая бороться, ходитъ по комнатѣ, еще болѣе свирѣпѣлъ.

Вечеромъ вѣстникъ ихъ несчастія, Сенька Чижикъ, объявлялъ о „страженіи".

Избивъ жену, Гришка исчезалъ иногда на всю ночь, иногда не являлся и въ воскресенье. Она, вся въ синякахъ, встрѣчала его суровая, молчаливая, но полная скрытой жалости къ нему, оборванному, часто тоже избитому, въ грязи, съ налитыми кровью глазами.

Она знала, что ему надо опохмелиться, и у нея уже было припасено полбутылки водки. Онъ тоже зналъ это.

— Дай рюмочку... — хрипло просилъ онъ, пилъ двѣ-три и садился работать...

День проходилъ у него въ угрызеніяхъ совѣсти; часто онъ не выносилъ ихъ остроты, бросалъ работу и ругался страшными ругательствами, бѣгая по комнатѣ или валяясь на постели. Мотря давала ему время перекипѣть, и тогда они мирились.

Раньше это примиреніе имѣло въ себѣ много ост а го и сладкаго, но отъ времени все это постепенно выдыхалось, и мирились уже почти только потому, что неудобно же было молчать всѣ пять дней вплоть до субботы.

— Сопьешься ты, — вздыхая говорила Мотря.

— Сопьюсь, — подтверждалъ Гришка и сплевывалъ въ сторону съ видомъ человѣка, которому рѣшительно все равно, спиться или не спиться. — А ты отъ меня

удерешь...—дополнялъ онъ картину будущаго, пытливо глядя ей въ глаза.

Она съ нѣкоторыхъ поръ стала опускать ихъ, чего раньше не дѣлала, а Гришка, видя это, зловѣще хмурилъ брови и тихонько скрипѣлъ зубами. Но, тайкомъ отъ мужа, она пока еще ходила къ гадалкамъ и знахаркамъ, принося отъ нихъ наговорные корешки и угли. А когда все это не помогло, она отслужила молебенъ святому великомученику Вонифантію, помогающему отъ запоя, и во все время молебна, стоя на колѣняхъ, горячо плакала, беззвучно двигая дрожащими губами.

И все чаще и чаще она чувствовала къ мужу дикую и холодную ненависть, возбуждавшую въ ней черныя думы, и все менѣе жалѣла она этого человѣка, три года тому назадъ такъ обогатившаго ея жизнь веселымъ смѣхомъ, ласками, любовными рѣчами.

Такъ изо дня въ день жили эти, въ сущности, недурные люди, жили, фатально ожидая чего-то такого, что окончательно вдребезги разобьетъ ихъ мучительно-нелѣпую жизнь...

Однажды въ понедѣльникъ утромъ, когда чета Орловыхъ только что напилась чаю, на порогѣ двери въ ихъ невеселое жилище появилась внушительная фигура полицейскаго. Орловъ вскочилъ со своего сидѣнья и, подъ укоризненно-пугливымъ взглядомъ жены, пытаясь возстановить въ своей похмельной головѣ событія послѣднихъ дней, молчаливо и упорно уставился на гостя мутными глазами, полный самыхъ скверныхъ ожиданій.

— Сюда, сюда, — приглашалъ кого-то полицейскій.

— Темно, какъ въ омутѣ, чортъ бы побралъ купца Петунникова,—раздался молодой и веселый голосъ. Потомъ полицейскій посторонился, и въ комнату Орловыхъ быстро вошелъ студентъ въ бѣломъ кителѣ, съ

фуражкой въ рукѣ, гладко остриженный, съ большимъ загорѣлымъ лбомъ и веселыми карими глазами, смѣшливо сверкавшими изъ-подъ очковъ.

— Здравствуйте!—воскликнулъ онъ еще не окрѣпнувшимъ баскомъ.—Честь имѣю представиться—санитаръ! Пришелъ освѣдомиться, какъ поживаете... и понюхать вашъ воздухъ... воздухъ у васъ совсѣмъ скверный!

Орловъ свободно вздохнулъ и радушно, весело улыбнулся. Ему сразу понравился этотъ шумный студентъ: лицо у него было такое здоровое, розовое, доброе, покрытое на щекахъ и подбородкѣ русымъ пухомъ. Все оно улыбалось какою-то особенною, свѣжею и ясною улыбкой, отъ которой въ подвалѣ Орловыхъ стало какъ бы свѣтлѣе и веселѣе.

— Ну-съ, господа хозяева! — безъ паузъ говорилъ студентъ,—помойку опрастывайте почаще, а то отъ нея идетъ этотъ духъ невкусный. Я вамъ, тётенька, посовѣтовалъ бы мыть ее почаще и еще насыпали бы негашеной извести въ углы для очистки воздуха... а также противъ сырости известь помогаетъ. А у васъ, дяденька, почему такой скучный видъ?—обратился онъ къ Орлову и тутъ же, схвативъ его за руку, сталъ ощупывать пульсъ.

Бойкость студента какъ-то ошеломила Орловыхъ. Матрена растерянно улыбалась, молча оглядывая его, Григорій тоже улыбался, любуясь его живымъ лицомъ въ русомъ пуху.

— Животики у васъ какъ поживаютъ?—спрашивалъ тотъ.—Разсказывайте, не стѣсняясь... дѣло житейское, а ежели чуть что неладно, мы васъ снабдимъ разными кислыми лѣкарствами, и все какъ рукой сниметъ.

— Мы ничего... въ добромъ здоровьѣ, — сообщилъ, наконецъ, Григорій, усмѣхаясь.—А ежели я не тово... такъ это одна наружность... потому что, ежели по правдѣ говорить, съ похмелья я нѣсколько.

— То-то я чую носомъ-то, что какъ будто бы вы, хозяинъ, чуть-чуть выпили вчера... самую малость, знаете...

Онъ до того уморительно произнесъ это и такую при этомъ скорчилъ рожу, что Орловъ такъ и прыснулъ довѣрчивымъ и громкимъ смѣхомъ. Матрена тоже смѣялась, закрывая ротъ передникомъ. Веселѣе и громче всѣхъ смѣялся самъ студентъ, и онъ же скорѣе всѣхъ и пересталъ. И когда расправились складки кожи около его пухлаго рта и около глазъ, складки, вызванныя смѣхомъ,—лицо его, простое и открытое, стало какъ-то еще проще.

— Выпить рабочему человѣку слѣдуетъ, ежели въ мѣру, но по нынѣшнимъ временамъ лучше совсѣмъ воздержаться отъ выпивки. Слышали, какая болѣзнь-то ходитъ между людьми?

И уже съ серьезною миной на лицѣ онъ понятнымъ языкомъ началъ разсказывать Орловымъ о холерѣ и о мѣрахъ борьбы съ ней. Онъ говорилъ и расхаживалъ по комнатѣ, то щупая стѣну рукой, то заглядывая за дверь, въ уголъ, гдѣ висѣлъ рукомойникъ и стояла лахань съ помоями, даже нагнулся къ подпечку и понюхалъ, чѣмъ изъ него пахнетъ. Голосъ у него то и дѣло срывался съ басовыхъ нотъ на теноровыя, и простыя слова его рѣчи какъ-то сами собой, безъ усилій со стороны слушателей, одно за другимъ плотно укладывались въ ихъ памяти. Свѣтлые глаза его горѣли, и весь онъ былъ пропитанъ пыломъ своей молодой страсти къ дѣлу, которому онъ такъ просто и бодро служилъ.

Григорій съ улыбкой любопытства слѣдилъ за нимъ. Матрена то и дѣло фыркала носомъ, полицейскій исчезъ.

— Такъ насчетъ извести-то позаботьтесь сегодня же, хозяева. Тутъ рядомъ съ вами стройка, такъ каменщики вамъ на пятакъ сколько угодно дадутъ. А отъ выпивки, ежели не въ мѣру, нужно воздержаться,

хозяинъ... Н-ну, пока до свиданья... Я еще забѣгу къ вамъ...

И онъ исчезъ такъ же быстро, какъ и вошелъ, оставивъ какъ бы въ видѣ воспоминанія о своихъ смѣющихся глазахъ растерянныя и довольныя улыбки на лицахъ четы Орловыхъ.

Съ минуту они молчали, глядя другъ на друга и еще не умѣя оформить впечатлѣніе, оставленное этимъ внезапнымъ набѣгомъ сознательной энергіи на ихъ темную. автоматическую жизнь.

— А-яй!—протянулъ Григорій, качая головой.—Вотъ такъ... химикъ! А про нихъ говорятъ, что они отравляютъ народъ! Да развѣ человѣкъ съ такой рожей будетъ этимъ заниматься? И опять же голосъ! И все прочее... Нѣтъ, тутъ совсѣмъ открытая манера, пришелъ и сразу—нà вотъ, вотъ онъ я! Известка... развѣ это вредно? Лимонная кислота... что такое? Просто кислота и больше ничего! И главное—чистота вездѣ, въ воздухѣ и на полу, и въ лаханкѣ... Развѣ такими средствами можно отравить человѣка? Ахъ, черти! Отравители, говорятъ... Этакой-то рубаха-парень, а? Тьфу! Рабочему, говоритъ, человѣку въ мѣру выпить всегда слѣдуетъ... слыщь, Мотря? Ну-ка, нацѣди мнѣ рюмочку... есть, что ли?

Она очень охотно налила ему полчашки водки изъ бутылки, неизвѣстно откуда взятой ею.

— Этотъ-то дѣйствительно хорошій... такой располагающій къ себѣ,—сказала она, улыбаясь при воспоминаніи о студентѣ.—А другіе, прочіе—кто ихъ знаетъ? Можетъ, и впрямь наняты они...

— Да для чего наняты-то и кѣмъ опять же?—воскликнулъ Григорій.

— Для людского истребленія... Говорятъ, что какъ бѣднаго люда очень много, то и вышло распоряженіе—травить лишнихъ,—сообщила Матрена.

— Кто это говоритъ?

— Всѣ говорятъ... Стряпка отъ маляровъ говорила и другіе многіе...

— И дуры! Да развѣ это выгодно? Ты подумай: лѣчать! Это какъ понимать? Хоронятъ! А это развѣ не убытокъ? Тоже нуженъ гробъ, могила и прочее такое... Все идетъ на счетъ казны... Ер-рунда! Ежели бы хотѣли сдѣлать очистку и убавленіе людей, то взяли бы да и сослали ихъ въ Сибирь — тамъ мѣста про всѣхъ хватитъ! Или на необитаемые острова... И сославъ, приказали бы тамъ работать. Работай и плати подать... поняла? Вотъ тебѣ и очистка, и очень даже выгодно... Потому что необитаемый островъ никакого дохода не дастъ, ежели не засадить его людьми. А казнѣ—доходъ первое дѣло, значитъ, морить людей да хоронить ихъ на свой счетъ ей не рука... Поняла? И опять же студентъ... озорникъ онъ, это точно, но онъ больше насчетъ бунта, а чтобы людей морить... нѣ-ѣтъ, его для такой игры не укупишь за всѣ мѣдныя! Развѣ сразу не видно, что онъ къ этому дѣлу не можетъ быть способенъ? Рыло у него не того калибра...

Цѣлый день они толковали о студентѣ и о всемъ, что онъ сообщилъ имъ. Вспоминали звукъ его смѣха, его лицо, нашли, что у него на кителѣ не хватало одной пуговицы, и едва не разругались изъ-за вопроса: „на какой сторонѣ груди“? Матрена упорно утверждала, что на правой, ея мужъ говорилъ — на лѣвой и уже дважды крѣпко ругнулъ ее, но во-время вспомнивъ, что, наливая водку въ чашку, жена не подняла дно бутылки кверху, онъ уступилъ ей. Потомъ рѣшили съ завтрашняго дня заняться введеніемъ у себя чистоты и снова, овѣянные чѣмъ-то свѣжимъ, продолжали бесѣдовать о студентѣ.

— Нѣтъ, какой вѣдь хлюстъ!—восхищался Григорій. —Пришелъ—точно десять лѣтъ знакомы... Обнюхалъ все, разъяснилъ и... больше ничего! Ни крика, ни шума, хотя вѣдь и онъ начальство тоже... Ахъ, раздуй его

горой! Понимаешь, Матрена, тутъ, братъ, есть о насъ забота. Сразу видно... Желаютъ насъ сохранить въ цѣлости, а не то что, что другое... Это все ерунда, насчетъ мора... бабьи сказки... Животъ, говоритъ, какъ дѣйствуетъ?... А ежели моръ, такъ на кой ему чортъ дѣйствіе моего живота знать? А какъ онъ ловко разъяснилъ насчетъ этихъ... какъ ихъ? дьяволовъ-то, которые заползаютъ въ кишки, ну?

— Какъ-то вродѣ небылицы, — усмѣхнулась Матрена. — Чай, это такъ только, для страха, чтобы насчетъ чистоты старался больше народъ...

— Ну, тамъ кто ихъ знаетъ, можетъ и правда... отъ сырости черви вѣдь заводятся же. Ахъ, ты чортъ! Какъ ихъ, этихъ козяковъ? Совсѣмъ не небылицы, а... помню вѣдь какъ!... На языкѣ вертится слово, а не поймаю...

Они и когда спать легли, такъ все еще говорили о событіи дня съ тѣмъ же наивнымъ воодушевленіемъ, съ какимъ дѣти дѣлятся между собой впервые пережитымъ и сильно поразившимъ ихъ впечатлѣніемъ. Такъ они и заснули среди разговора.

Поутру рано ихъ разбудили. У кровати ихъ стояла дородная стряпка маляровъ, и ея всегда красное, полное лицо противъ обыкновенія было сѣро и вытянуто.

— Что вы проклажаетесь? — торопливо говорила она, какъ-то особенно шлепая красными и толстыми губами. — Холера-то вѣдь на дворѣ у насъ... Посѣтилъ Господь! — и она вдругъ заплакала.

— Ахъ, ты... врешь? — воскликнулъ Григорій.

— А я лаханку-то съ вечера не вынесла, — виновато сказала Матрена.

— Я, милые вы мои, хочу расчетъ взять. Уйду я... Уйду и уйду... въ деревню, — говорила стряпка.

— Да кого забрало-то? — спросилъ Григорій, поднимаясь съ постели.

— Гармониста! Его... Выпилъ, слышь, воды изъ фонтана вчера вечеромъ, въ ночь его и схватило... И схва-

тило, сударики, прямо за животъ, вродѣ какъ бы отъ мышьяка бываетъ...

— Гармонистъ... — бормоталъ Григорій. Ему не вѣрилось, чтобъ гармониста могла одолѣть какая-нибудь болѣзнь. Такой веселый, удалой парень, вчера онъ прошелъ по двору такимъ же павлиномъ, какъ и всегда. Пойду, взгляну, — рѣшилъ Орловъ, недовѣрчиво усмѣхаясь.

Обѣ женщины испуганно вскрикнули:

— Гриша, вѣдь зараза!

— Что ты, батюшка, куда ты?

Григорій крѣпко выругался, сунулъ ноги въ опорки и растрепанный, съ разстегнутымъ воротомъ рубахи, пошелъ къ двери. Жена схватила его сзади за плечо, онъ чувствовалъ, что рука ея дрожитъ, и вдругъ озлился почему-то.

— Въ морду дамъ! Прочь! — рявкнулъ онъ и ушелъ, толкнувъ жену въ грудь.

На дворѣ было тихо и пусто, и Григорій, идя къ двери гармониста, одновременно чувствовалъ и ознобъ страха, и острое удовольствіе отъ того, что изъ всѣхъ обитателей дома одинъ онъ идетъ къ больному гармонисту. Это удовольствіе ещѐ болѣе усилилось, когда онъ замѣтилъ, что изъ оконъ второго этажа на него смотрятъ портные. Онъ даже засвисталъ, ухарски тряхнувъ головой. Но у двери въ каморку гармониста его ждало маленькое разочарованіе въ образѣ Сеньки Чижика.

Пріотворивъ дверь, онъ сунулъ свой острый носъ въ образовавшуюся щель и, по своему обыкновенію, наблюдалъ, увлеченный до такой степени, что обернулся только тогда, когда Орловъ дернулъ его за ухо.

— Вотъ такъ скрючило его, дяденька Григорій, — шопотомъ заговорилъ онъ, поднявъ на Орлова свою чумазую мордочку, еще болѣе обостренную переживаемымъ

впечатлѣніемъ.—И вродѣ какъ бы разсохся онъ... какъ худая бочка... ей Богу!

Орловъ, охваченный зловоннымъ воздухомъ, стоялъ и молча слушалъ Чижика, стараясь заглянуть однимъ глазомъ въ щель непритворенной двери.

— Ежели бы воды ему дать напиться, дяденька Григорій? — предложилъ Чижикъ.

Орловъ взглянулъ на лицо мальчика, возбужденное почти до нервной дрожи, и самъ почувствовалъ въ себѣ какъ бы взрывъ возбужденія.

— Ступай, тащи воды! — скомандовалъ онъ Чижику и, смѣло распахнувъ дверь, остановился на порогѣ. нѣсколько подавшись назадъ.

Сквозь туманъ въ глазахъ Григорій видѣлъ Кислякова: — гармонистъ въ своемъ парадномъ костюмѣ лежалъ грудью на столѣ, крѣпко вцѣпившись въ него руками, и его ноги въ лакированныхъ сапогахъ вяло двигались по мокрому полу.

— Кто это? — спросилъ онъ сипло и апатично, точно голосъ его слинялъ, потерялъ всѣ тона.

Григорій оправился и, осторожно шагая по полу, пошелъ къ нему, стараясь говорить бодро и даже шутливо.

— Я, братъ, Митрій Павловъ... А ты что это... переложилъ что ли вчера? — онъ внимательно, съ боязнью и любопытствомъ разсматривалъ Кислякова и не узнавалъ его.

Лицо у гармониста все обострилось, скулы торчали двумя рѣзкими углами, глаза глубоко ввалились и, окруженные зеленоватыми пятнами, были страшно неподвижны и мутны. Кожа на щекахъ была такого цвѣта, какою она бываетъ у покойниковъ въ жаркое лѣтнее время. Это было совсѣмъ мертвое, страшное лицо, и только медленное движеніе челюстей доказывало, что оно еще живо. Неподвижные глаза Кислякова долго смотрѣли въ лицо Григорія, и этотъ ихъ мертвый взглядъ наводилъ на него ужасъ. Зачѣмъ-то ощупывая свои

бока руками, Орловъ стоялъ шагахъ въ трехъ отъ больного и чувствовалъ, что его точно кто-то схватилъ за горло сырой и холодной рукой, схватилъ и медленно душитъ. И ему захотѣлось скорѣе уйти изъ этой комнатки, прежде такой свѣтлой и уютной, а теперь пропитанной какимъ-то удушающимъ запахомъ гнили и страннымъ холодомъ.

— Ну... — началъ было онъ, приготовляясь отступать. Но сѣрое лицо гармониста странно задвигалось, губы, покрытыя чернымъ налетомъ, раскрылись, и онъ сказалъ своимъ беззвучнымъ голосомъ:

— Это... я... умираю...

Глубокое равнодушіе, неизъяснимая апатія трехъ его словъ отдались въ головѣ и груди Орлова, какъ три тупыхъ удара. Съ безсмысленной гримасой на лицѣ, онъ повернулся къ двери, но навстрѣчу ему влетѣлъ Чижикъ, съ ведромъ въ рукѣ, запыхавшійся и весь въ поту.

— Вота... изъ колодца отъ Спиридонова... не давали, черти...

Онъ поставилъ ведро на полъ, бросился куда-то въ уголъ, снова явился и, подавая стаканъ Орлову, продолжалъ тараторить:

— У васъ, говорятъ, холера... Я говорю, ну, такъ что? И у васъ будетъ... теперь ужъ она пойдетъ чесать, какъ въ слободкѣ... Дыкъ онъ меня какъ ахнетъ по башкѣ!...

Орловъ взялъ стаканъ, зачерпнулъ изъ ведра воды и однимъ глоткомъ выпилъ ее. Въ ушахъ его звучали мертвыя слова:

— Это... я... умираю...

А Чижикъ вьюномъ вертѣлся около него, чувствуя себя какъ нельзя болѣе въ своей сферѣ.

...Дайте пить... — сказалъ гармонистъ, двигаясь по полу вмѣстѣ со столомъ.

Чижикъ подскочилъ къ нему и поднесъ къ чернымъ

губамъ его стаканъ воды. Григорій, прислонясь къ стѣнѣ у двери, точно сквозь сонъ слушалъ, какъ больной громко втягивалъ въ себя воду; потомъ услыхалъ предложеніе Чижика раздѣть Кислякова и уложить его въ постель, потомъ раздался голосъ стряпки маляровъ. Ея широкое лицо, съ выраженіемъ страха и соболѣзнованія, смотрѣло со двора въ окно, и она говорила плаксивымъ тономъ:

— Дать бы ему сажи голландской съ ромомъ: на стаканъ чайный—сажи двѣ ложки хлебальныхъ, да рому до краевъ.

А кто-то невидимый предложилъ деревяннаго масла съ огуречнымъ разсоломъ и съ царской водкой.

Орловъ вдругъ почувствовалъ, что тяжелая, гнетущая тьма внутри его освѣщается какимъ-то воспоминаніемъ. Онъ крѣпко потеръ себѣ лобъ, какъ бы желая усилить яркость этого свѣта, и вдругъ быстро вышелъ вонъ, перебѣжалъ дворъ и исчезъ на улицѣ.

— Батюшки! И сапожника схватило! Въ больницу побѣжалъ,—крикливо-плачущимъ голосомъ комментировала стряпка его бѣгство.

Матрена, стоявшая рядомъ съ ней, посмотрѣла широко открытыми глазами и, поблѣднѣвъ, вся затряслась.

— Врешь ты,—хрипло сказала она, едва двигая бѣлыми губами, — Григорій этой поганой болѣзнью не захвораетъ... не поддастся...

Но стряпка, горестно воя, уже исчезла куда-то, и черезъ пять минутъ на улицѣ около дома купца Петунникова глухо гудѣла кучка сосѣдей и прохожихъ. На всѣхъ лицахъ чередовались одни и тѣ же чувства: возбужденіе, смѣнявшееся безнадежнымъ уныніемъ, и что-то злое, уступавшее иногда мѣсто дѣланной удали. Со двора къ толпѣ и обратно то и дѣло леталъ Чижикъ, сверкая босыми ногами и сообщая ходъ событій въ комнатѣ гармониста.

Публика, тѣсно сбившись въ кучу, наполняла пыль-

ный и пахучій воздухъ улицы глухимъ гуломъ своего говора, а иногда сквозь него вырывалось крѣпкое ругательство по чьему-то адресу, ругательство такое же злое, какъ и безсмысленное.

— Смотрите... Орловъ-то!

Орловъ подъѣхалъ къ воротамъ на козлахъ бѣлой холщевой фуры, которой правилъ угрюмый человѣкъ, весь одѣтый въ бѣломъ же. Этотъ человѣкъ рявкнулъ глухимъ басомъ:

— Пошелъ съ дороги!

И поѣхалъ прямо на людей, шарахнувшихся во всѣ стороны отъ его окрика.

Видъ этой фуры и окрикъ ея возницы какъ бы придавилъ повышенное настроеніе зрителей — всѣ какъ-то сразу потемнѣли и многіе быстро ушли.

Вслѣдъ за фурой явился откуда-то студентъ, посѣщавшій Орловыхъ. Фуражка у него съѣхала на затылокъ, по лбу струился крупный потъ, на немъ была надѣта какая-то длинная мантія ослѣпительной бѣлизны и спереди на ея подолѣ красовалась большая, круглая дыра съ рыжими краями, очевидно, только что прожженая чѣмъ-то.

— Ну, Орловъ, гдѣ больной? — громко спрашивалъ онъ, искоса посматривая на публику, собравшуюся въ уголкѣ у воротъ и встрѣтившую его появленіе весьма недоброжелательно, хотя не безъ любопытства слѣдившую за нимъ.

Кто-то громко сказалъ:

— Ишь ты... какой поваръ!

Другой голосъ тише и съ зловѣщимъ оттѣнкомъ пообѣщалъ:

— Погоди, онъ-те угоститъ!

Нашелся, какъ всегда, въ толпѣ шутникъ.

— Онъ тебѣ дастъ такой супъ, что у тебя сразу лопнетъ пупъ!

Раздался смѣхъ, но не веселый, затемненный боя-

ливымъ подозрѣніемъ, не живой, хотя лица прояснились нѣсколько.

— Вѣдь вотъ сами-то они не боятся заразы... это какъ понимать?—многозначительно спросилъ человѣкъ съ напряженнымъ лицомъ и взглядомъ, полнымъ сосредоточенной злобы.

И подъ вліяніемъ этого вопроса, лица публики снова потемнѣли, а говоръ сталъ глуше...

— Несутъ!

— Орловъ-то! Ахъ, собака!

— Не боится?

— Ему что? Онъ пьяница...

— Осторожнѣй, осторожнѣй, Орловъ! Поднимайте выше ноги... такъ! Готово! Поѣзжай, Петръ!—командовалъ студентъ. Я скоро пріѣду, скажи доктору. Ну-съ, господинъ Орловъ, я прошу васъ помочь мнѣ уничтожить здѣсь заразу... Кстати, на случай, вы выучитесь, какъ-это дѣлать... Согласны? Ну-те?

— Могу, — сказалъ Орловъ, оглядываясь вокругъ и чувствуя въ себѣ приливъ гордости.

— И я тоже могу,—заявилъ Чижикъ.

Онъ проводилъ печальную фуру за ворота и вернулся какъ разъ во-время для того, чтобы предложить свои услуги. Студентъ черезъ очки посмотрѣлъ на него.

— Ты кто такой есть, а?

— Изъ маляровъ... въ ученикахъ...—объяснилъ Чижикъ.

— А холеры боишься?

— Я?—удивился Сенька.—Вота! Я... ничего не боюсь!

— Н-ну? Ловко! Такъ вотъ что, братцы. —Студентъ присѣлъ на бочку, лежавшую на землѣ, и, покачиваясь на ней, сталъ говорить о необходимости для Орлова и Чижика хорошенько вымыться.

Они образовали группу, къ нимъ скоро подошла Матрена, боязливо улыбаясь. За ней кухарка, вытиравшая мокрые глаза сальнымъ передникомъ. Черезъ

нѣкоторое время осторожно, какъ кошки къ воробьямъ, къ этой группѣ подошло еще нѣсколько человѣкъ изъ публики. Около студента собрался тѣсный кружокъ человѣкъ въ десять, и это воодушевило его. Стоя въ центрѣ этихъ людей и быстро жестикулируя, онъ, то вызывая улыбки на лицахъ, то сосредоточенное вниманіе, то острое недовѣріе и скептическіе смѣшки, началъ нѣчто вродѣ лекціи.

— Главное дѣло во всѣхъ болѣзняхъ—чистота тѣла и воздуха, которымъ вы дышите, господа,—увѣрялъ онъ своихъ слушателей...

— О, Господи!—громко вздыхала стряпка маляровъ.— Отъ нечаянной смерти Варварѣ великомученицѣ надо молиться...

— Господа и въ тѣлѣ, и въ воздухѣ живутъ, но, однако, тоже помираютъ,—заявилъ одинъ изъ слушателей.

Орловъ стоялъ рядомъ со своей женой и смотрѣлъ въ лицо студента, о чемъ-то глубоко думая. Сбоку его цернули за рубаху.

— Дяденька Григорій! — поднявшись на цыпочки, шепнулъ Сенька Чижикъ, сверкая горящими, какъ угольки, глазами, — теперь вотъ помретъ Митрій-то Павловичъ, родныхъ у него нѣту... кому же гармоника достанется?

— Отстань, чертенокъ!—отмахнулся Орловъ.

Сенька отошелъ въ сторону и уставился въ окно комнатки гармониста, ища въ ней чего-то жаднымъ взглядомъ.

— Известка, деготь,—громко перечислялъ студентъ.

Вечеромъ этого безпокойнаго дня, когда Орловы сѣли пить чай, Матрена съ любопытствомъ спросила у мужа:

— Ты давеча куда ходилъ со студентомъ-то?

Григорій посмотрѣлъ ей въ лицо глазами, чѣмъ-то затуманенными, точно чужими, и, не отвѣчая, сталъ выливать чай изъ стакана на блюдечко.

Около полудня, кончивъ мытье комнаты гармониста, Григорій уходилъ куда-то съ санитаромъ, воротился часа въ три задумчивый и молчаливый, легъ на постель и вотъ вплоть до чая лежалъ кверху лицомъ, не вымолвивъ за все это время ни слова, хотя жена много разъ пыталась вызвать его на разговоръ. Онъ даже не обругалъ за приставанье, а это уже было странно, непривычно ей и возбуждало ее.

Инстинктомъ женщины, вся жизнь которой сосредоточилась на мужѣ, она подозрѣвала уже, что мужа ея охватило чѣмъ-то новымъ, ей было боязно чего-то и тѣмъ болѣе страстно хотѣлось знать, что это.

— Тебѣ, можетъ, нездоровится, Гриша?

Григорій слилъ съ блюдца въ ротъ послѣдній глотокъ чая, вытеръ рукой усы, не спѣша подвинулъ женѣ пустой стаканъ и, нахмуривъ брови, заговорилъ:

— Ходилъ я со студентомъ въ баракъ... да...

— Въ холерный?—воскликнула Матрена и тревожно, понизивъ голосъ, спросила:—много тамъ ихъ?

— Пятьдесятъ три человѣка съ нашимъ-то...

— Ну?

— Съ десятокъ поправляются... Ходятъ... Желтые, худые...

— Тоже холерные? Чай, нѣтъ?... Другихъ какихъ-нибудь сунули туда для оправданія: вотъ-де, смотрите, вылѣчиваемъ мы!

— Ты дура!—рѣшительно сказалъ Григорій и зло блеснулъ глазами.—Всѣ вы тутъ дубьё! Необразованность и глупость—больше ничего! Подохнешь съ вами отъ тоски при вашемъ невѣжествѣ... Ничего вы не можете понимать,—онъ рѣзко подвинулъ къ себѣ вновь налитый стаканъ чаю и замолчалъ.

— Гдѣ это ты образовался такъ?—ехидно спросила Матрена и вздохнула.

Мужъ, не обративъ на ея слова никакого вниманія, молчалъ, задумчивый и неприступно суровый. Поту-

хавшій самоваръ тянулъ пискливую мелодію, полную раздражающей скуки, въ окна со двора вѣяло запахомъ масляной краски, карболки и обезпокоенной помойной ямы. Полусумракъ, пискъ самовара и запахи—все въ комнатѣ плотно сливалось одно съ другимъ, образуя вокругъ Орловыхъ обстановку, похожую на кошмаръ, а черное жерло печи смотрѣло на супруговъ такъ, точно чувствовало себя призваннымъ проглотить ихъ при удобномъ случаѣ. Долго тянулось молчаніе. Супруги грызли сахаръ, стучали посудой, глотали чай. Матрена вздыхала, Григорій стукалъ пальцемъ по столу.

— Чистота тамъ невиданная!—вдругъ съ раздраженіемъ заговорилъ онъ.—Всѣ служащіе до послѣдняго—въ бѣломъ. Хворые то и дѣло въ ванны лѣзутъ... Виномъ ихъ поятъ... шесть съ полтиной бутылка! Кушанья... съ одного запаха сытъ будешь... Уходъ, забота... Обращеніе со всѣми —материнское... и все прочее... Н-да... Извольте понять: живешь на землѣ, ни одинъ чортъ даже и плюнуть на тебя не хочетъ, не то что зайти иногда и спросить—что и какъ, и вообще... какая жизнь, т.-е. по душѣ она или по душу человѣку? Есть чѣмъ дышать ему или нѣту? А какъ начнешь умирать — не только не позволяютъ, но даже въ изъянъ вводятъ себя. Бараки... вино... шесть съ полтиной бутылка! Неужто нѣтъ у людей догадки? Вѣдь бараки и вино большущихъ денегъ стоятъ. Развѣ эти самыя деньги нельзя на улучшеніе жизни употреблять... каждый годъ по нѣскольку?

Жена не старалась понять его рѣчей, достаточно было чувствовать, что онѣ новы, и безошибочно уже выводить отсюда, что и у Григорія въ душѣ творится что-то новое для нея. Увѣренная въ этомъ, она скорѣе хотѣла узнать, какъ все это коснется ея. Въ этомъ желаніи была и боязнь, и надежда, и что-то враждебное къ мужу.

— Тамъ, чай, ужъ побольше твоего знаютъ,—сказала она, когда онъ кончилъ, и скептически поджала губы.

Григорій повелъ плечомъ, крякнулъ, искоса взглянулъ на нее, потомъ, помолчавъ, началъ въ тонѣ, еще болѣе повышенномъ:

— Знаютъ, не знаютъ—это ихъ дѣло. Но ежели мнѣ, не видавъ никакой жизни, помирать приходится, объ этомъ я могу разсуждать. Я тебѣ вотъ что скажу: такого порядка я больше не хочу, т.-е. сидѣть да дожидаться, когда придетъ холера, да меня, какъ гармониста, скрючитъ,—я не согласенъ. Не могу! Петръ Ивановичъ говоритъ: вали навстрѣчу! Судьба противъ тебя, а ты противъ нея,—чья возьметъ? Война! Больше никакихъ... Значитъ, что теперь? А поступаю я служителемъ въ баракъ—и все тутъ! Поняла? Прямо въ пасть влѣзу—глотай, а я буду ногами дрыгать!... Меньше я тамъ не заработаю... 20 рублей въ мѣсяцъ жалованья, да еще награду могутъ дать... Можно умереть?... это такъ, но здѣсь еще скорѣе здохнешь. Опять же перемѣна жизни...—и возбужденный Орловъ стукнулъ кулакомъ по столу такъ, что вся посуда съ дребезгомъ подпрыгнула.

Матрена въ началѣ рѣчи смотрѣла на мужа съ выраженіемъ безпокойства и любопытства, а въ конецъ ея уже враждебно прищурила глаза.

— Это студентъ тебѣ насовѣтовалъ? — сдержанно спросила она.

— У меня и свой умъ есть... могу разсудить,—почему-то уклонился Григорій отъ прямого отвѣта.

— Ну, а какъ же со мной раздѣлаться посовѣтовалъ онъ тебѣ?—продолжала Матрена.

— Съ тобой?—Григорій нѣсколько смутился—онъ не успѣлъ еще обсудить этого вопроса. Оно, конечно, можно бабу оставить на квартирѣ, какъ вообще это дѣлается, но бабы бываютъ разныя. Матрену—опасно. За ней нуженъ глазъ да глазъ. Остановившись на этой мысли, Орловъ хмуро продолжалъ:—Студентъ... что же

съ тобой? Будешь тутъ жить... а я буду жалованье получать... н-да...

— Такъ, — кратко и спокойно сказала женщина и усмѣхнулась той многозначущей, чисто-женской улыбкой, которая сразу можетъ вызвать у мужчины колющія сердце мысли ревности.

Орловъ, нервозный и чуткій, ощутилъ это, но изъ самолюбія, не желая выдавать себя, кратко бросилъ женѣ:

— Квакъ да хрюкъ—всѣ твои рѣчи... — и насторожился, ожидая, что еще скажетъ она.

А она снова улыбнулась этой раздражающей улыбкой и промолчала.

— Ну, такъ какъ же?—спросилъ Григорій повышеннымъ тономъ.

— Что, какъ же?—произнесла Матрена, равнодушно вытирая чашки.

— Ехидна! Не финти... пришибу! — вскипѣлъ Орловъ.—Я, можетъ, насмерть иду.

— Не я тебя посылаю... не ходи... — перебила Матрена.

— Ты бы рада и послать, я знаю!—иронически воскликнулъ Орловъ.

Она молчала. Это молчаніе бѣсило его, но онъ сдержался отъ привычнаго ему выраженія чувствъ, вызываемыхъ въ немъ подобными сценами. Онъ сдержался подъ вліяніемъ одной преехидной, какъ ему казалось, мысли, мелькнувшей у него въ головѣ. Онъ даже улыбнулся злорадной улыбкой.

— Я знаю, тебѣ хочется, чтобы я провалился хоть въ тартарары. Ну, еще посмотримъ, чья возьметъ... да! Я тоже могу сдѣлать такой ходъ — ахъ ты мнѣ!

Онъ вскочилъ изъ-за стола, схватилъ съ окна свой картузъ и ушелъ, оставивъ жену неудовлетворенной ея политикой, смущенной угрозами, съ возрастающимъ въ ней чувствомъ страха предъ будущимъ. Глядя въ окно, она шептала про-себя:

— О Господи! Царица Небесная! Пресвятая Богородица!

Осаждаемая массой тревожныхъ вопросовъ, она долго сидѣла за столомъ, пытаясь предположить, что сдѣлаетъ Григорій. Предъ ней стояла вымытая посуда; на капитальную стѣну сосѣдняго дома противъ оконъ комнаты заходящее солнце бросило красноватое пятно; отраженное бѣлой стѣной, оно проникло въ комнату, и край стеклянной сахарницы, стоявшей предъ Матреной, блестѣлъ. Она, наморщивъ лобъ, смотрѣла на этотъ слабый отблескъ, пока не утомились глаза. Тогда, вставъ со стула, она убрала посуду и легла на кровать.

Тошно ей было.

Григорій пришелъ, когда уже было совсѣмъ темно. Еще по его шагамъ на лѣстницѣ она опредѣлила, что онъ въ духѣ. Онъ выругалъ тьму въ комнатѣ, окликнувъ жену, подошелъ къ кровати и сѣлъ на нее. Жена поднялась и сѣла съ нимъ рядомъ.

— Знаешь что?—усмѣхаясь спросилъ Орловъ.

-- Ну?

— И ты пойдешь на мѣсто!

— Куда?—дрогнувшимъ голосомъ спросила она.

— Въ одинъ баракъ со мной! — торжественно объявилъ Орловъ.

Она обняла его за шею и, крѣпко сжавъ руками, поцѣловала прямо въ губы. Онъ не того ждалъ и оттолкнулъ ее. Она это притворяется... ей, шельмѣ, совсѣмъ не хочется вмѣстѣ-то съ нимъ. Притворяется, ехидна, за дурака считаетъ мужа...

— Чему рада? — грубо и подозрительно спросилъ онъ, чувствуя желаніе сбросить ее на полъ.

— Такъ ужъ!—бойко отвѣтила она.

— Финти! Знаю я тебя!

— Еруслань ты мой храбрый!

— Брось, молъ... а то смотри!

— Гришаня ты мой!

— Да ты что въ самомъ дѣлѣ?

Когда ея ласки укротили его нѣсколько, онъ озабоченно спросилъ ее:

— А ты не боишься?

— Чай, вмѣстѣ будемъ,—просто отвѣтила она.

Ему пріятно было слышать это. Онъ сказалъ ей:

— Молодчина!

И въ то же время такъ ущипнулъ ее за бокъ, что она взвизгнула.

Первый день дежурства Орловыхъ совпалъ съ очень сильнымъ наплывомъ больныхъ, и двумъ новичкамъ, привыкшимъ къ своей медленно двигавшейся жизни, было жутко и тѣсно среди кипучей дѣятельности, охватившей ихъ. Неловкіе, непонимавшіе приказаній, подавленные впечатлѣніями, они сразу же растерялись, и хотя то и дѣло бѣгали куда-то, пытаясь работать, но не столько работали, сколько мѣшали другимъ. Григорій нѣсколько разъ всѣмъ существомъ своимъ чувствовалъ, что заслуживаетъ строгаго окрика или выговора за свое неумѣнье, но, къ великому его изумленію, на него не кричали.

Когда одинъ изъ докторовъ, высокій черноусый человѣкъ, съ горбатымъ носомъ и большущей бородавкой надъ правой бровью, велѣлъ Григорію помочь одному изъ больныхъ сѣсть въ ванну, Григорій съ такимъ усердіемъ цапнулъ больного подъ мышки, что тотъ даже крякнулъ и сморщился.

— А ты, голубчикъ, не ломай его, онъ и цѣликомъ въ ванну уберется...—серьезно сказалъ докторъ.

Орловъ сконфузился; больной же, сухой и длинный верзила, усмѣхнулся черезъ силу и хрипло сказалъ:

— Съ нови... Непривыченъ.

Другой докторъ, старикъ, съ острой сѣдой бородой и блестящими большими глазами, сказалъ Орловымъ,

когда они пришли въ баракъ, наставленіе, какъ обращаться съ больными, что дѣлать въ томъ и другомъ случаѣ, какъ брать больныхъ, перенося ихъ; въ заключеніе спросилъ ихъ, были ли они вчера въ банѣ, и выдалъ имъ бѣлые передники. Голосъ у этого доктора былъ мягкій, говорилъ онъ быстро; онъ очень понравился четѣ супруговъ, но черезъ полчаса они забыли всѣ его наставленія, охваченные бурной жизнью барака. Вокругъ нихъ мелькали люди въ бѣломъ, раздавались приказанія, подхватываемыя прислугой на-лету, хрипѣли, охали и стонали больные, текла и плескалась вода, и всѣ эти звуки плавали въ воздухѣ, до того густо насыщенномъ острыми, непріятно щекочущими ноздри запахами, что, казалось, каждое слово доктора, каждый вздохъ больного тоже пахнуть, раздирая носъ...

Сначала Орлову казалось, что тутъ царитъ самый безшабашный хаосъ, въ которомъ ему ни за что не найти себѣ мѣста, и что онъ задохнется, оглохнетъ, заболѣетъ... Но прошло нѣсколько часовъ, и Григорій, охваченный вѣяніемъ повсюду разсѣиваемой энергіи, насторожился и проникся сильнымъ желаніемъ скорѣе приспособиться къ дѣлу, чувствуя, что ему будетъ покойнѣе и легче, если онъ завертится вмѣстѣ со всѣми.

— Сулемы!—кричалъ одинъ докторъ.

— Горячей воды еще въ эту ванну! — командовалъ худенькій студентикъ съ красными опухшими вѣками.

— Вы... какъ васъ? Орловъ... да! трите-ка ему ноги... Вотъ такъ... понимаете... Та-акъ, та-акъ... Легче,—сдерете кожу... Ой, усталъ я...—приказывалъ и показывалъ Григорію другой студентъ, длинноволосый и рябой.

— Еще больного привезли!—раздавалось сообщеніе.

— Орловъ, идите, тащите его.

Григорій усердствовалъ — весь потный, ошеломленный, съ мутными глазами и съ тяжелымъ туманомъ въ головѣ. Порой чувство личнаго бытія въ немъ совершенно исчезало подъ давленіемъ массы впечатлѣній,

переживаемыхъ имъ въ каждую минуту. Зеленыя пятна подъ мутными глазами на землистыхъ лицахъ, кости, точно обостренныя болѣзнью, липкая, пахучая кожа, страшныя судороги едва живыхъ тѣлъ — все это сжимало ему сердце тоской и вызывало у него тошноту, отъ которой онъ едва сдерживался.

Нѣсколько разъ въ коридорѣ барака онъ мелькомъ видѣлъ жену; она похудѣла и лицо у нея было сѣрое и растерянное. Онъ охрипшимъ голосомъ успѣлъ даже спросить ее:

— Ну, что?

Она слабо улыбнулась въ отвѣтъ ему и молча исчезла.

Григорія кольнула совершенно непривычная ему мысль: а пожалуй, онъ напрасно втиснулъ сюда, въ такую пакостную работу, свою бабу. Захвораетъ она еще отъ заразы... И встрѣтивъ ее другой разъ, онъ строго крикнулъ ей:

— Смотри, чаще руки-то мой... берегись!

— А то что будетъ? — задорно спросила она, оскаливъ свои мелкіе бѣлые зубы.

Это разозлило его. Вотъ нашла мѣсто смѣшкамъ, дура! И до чего онѣ подлы, эти бабы! Но сказать ей онъ ничего не успѣлъ; поймавъ его сердитый взглядъ, Матрена быстро ушла въ женское отдѣленіе.

А онъ черезъ минуту уже несъ знакомаго полицейскаго въ мертвецкую. Полицейскій тихо покачивался на носилкахъ, уставившись въ ясное и жаркое небо стеклянными глазами изъ-подъ искривленныхъ вѣкъ. Григорій смотрѣлъ на него съ тупымъ ужасомъ въ сердцѣ: третьягодня онъ этого полицейскаго видѣлъ на посту и даже ругнулъ его, проходя мимо—у нихъ были маленькіе счеты между собой. А теперь вотъ этотъ человѣкъ, такой здоровякъ и злючка, лежитъ мертвый, весь обезображенный, скорченный судорогами.

Орловъ чувствовалъ, что это нехорошо, — зачѣмъ и

на свѣтъ родиться, если можно въ одинъ день отъ такой поганой болѣзни умереть? Онъ смотрѣлъ сверху внизъ на полицейскаго и жалѣлъ его. Куда дѣнутся ребята?... цѣлыхъ трое. Покойникъ годъ назадъ схоронилъ жену и не успѣлъ еще жениться во второй разъ.

Даже больно ему было гдѣ-то внутри отъ этой жалости. Но вдругъ согнутая лѣвая рука трупа медленно пошевелилась и выпрямилась. Въ то же время и лѣвая сторона искривленнаго рта, раньше полуоткрытая, закрылась.

— Стой! — захрипѣлъ Орловъ, ставя носилки на землю.—Живъ! — шопотомъ заявилъ онъ служителю, который несъ съ нимъ трупъ.

Тотъ обернулся, пристально взглянулъ на покойника и съ сердцемъ сказалъ Орлову:

— Чего врешь? Али не понимаешь, что это онъ для гроба расправляется? Видишь, какъ его изломало?... не такъ же въ гробъ-то лечь. Айда, неси!

— Да, вѣдь, шевелится... — трепеща отъ ужаса, протестовалъ Орловъ.

— Неси, знай, чудакъ человѣкъ! Что ты словъ не понимаешь? Говорю: выправляется, — ну, значитъ, шевелится. Эта необразованность твоя, смотри, до грѣха тебя можетъ довести... Живъ! Развѣ можно про мертвый трупъ говорить такія рѣчи? Это, братъ, бунтъ... н-да! Понимаешь? Молчи, значитъ, никому ни слова насчетъ того, что они шевелятся, — они всѣ такъ. А то свинья— борову, а боровъ — всему городу, ну и бунтъ вышелъ— живыхъ хоронятъ! Придетъ сюда народъ и разнесетъ насъ вдребезги. И тебѣ будетъ на калачи. Понялъ? Сваливай налѣво.

Спокойный голосъ Пронина и его неторопливая походка дѣйствовали на Григорія отрезвляюще.

— Ты, братъ, только духомъ не падай—привыкнешь. Здѣсь хорошо. Харчъ, обращеніе и всякое другое — все въ аккуратѣ. Всѣ, братъ, мертвецами будемъ; это самое

обыкновенное дѣло въ жизни. А пока что, живо знай, не робѣй только — главная причина! Водку пьешь?

— Пью, — сказалъ Орловъ.

— Ну вотъ. Вонъ тутъ въ ямкѣ у меня бутылочка есть на всякій случай, айда-ка, проглотимъ нѣсколько.

Они подошли къ ямкѣ за угломъ барака, выпили, и Пронинъ, наливъ на сахаръ мятныхъ капель, подалъ его Орлову со словами:

— Ѣшь, а то пахнуть водкой будешь. Здѣсь насчетъ водки — строго. Потому, вредно пить ее, говорятъ.

— А ты привыкъ тутъ? — спросилъ у него Григорій.

— Еще бы! Я спервоначалу. При мнѣ тутъ народу перемерло — сотни, прямо сказать. Житье здѣсь безпокойное, но хорошее житье, ежели говорить правду. Божье дѣло. Вродѣ какъ на войнѣ санитары... ты про санитаровъ и сестеръ милосердія слыхалъ? Я въ турецкую кампанію насмотрѣлся на нихъ. Подъ Ардаганомъ, подъ Карсомъ былъ. Ну а это, братъ, чище насъ, солдатъ, люди. Мы воюемъ, ружье у насъ есть, пули, штыкъ; а они — безо всего подъ пулями, какъ въ зеленомъ саду, гуляютъ. Нашъ, турка — берутъ и тащатъ на перевязочный. А вокругъ нихъ—ж-жи! ті-ю! фить! Иногда ему, бѣдному, санитару-то, въ затылокъ—чикъ! — и готово!...

Послѣ этого разговора и здороваго глотка водки Орловъ нѣсколько пріободрился.

— Взялся за гужъ, такъ не бай, что не дюжъ, — усовѣщивалъ онъ себя, растирая ноги больного. За его спиной кто-то жалобно стонущимъ голосомъ просилъ:

— Пи-ить! Ой, голу-убчики-и!

А кто-то гоготалъ:

— Ого-го-го! Погорячѣй!... Го-го-сподинъ докторъ, помогаетъ! Вотъ вамъ Христосъ,—чувствую! Разрѣшите еще подлить кипяточку!

— Дайте-ка вина! — кричалъ докторъ Ващенко.

Орловъ работалъ, внимательно вслушиваясь въ про-

исходящее вокругъ него, и находилъ, что, въ сущности, все это совсѣмъ ужъ не такъ погано и страшно, какъ казалось ему недавно, и что тутъ не хаосъ, а правильно дѣйствуетъ большая и разумная сила. Но, вспоминая о полицейскомъ, онъ все-таки вздрагивалъ и искоса посматривалъ въ окно барака на дворъ. Онъ вѣрилъ, что полицейскій мертвъ, но все-таки было что-то неустойчивое въ этой вѣрѣ. А вдругъ выскочитъ и крикнетъ? И ему вспомнилось, что, кажется, кто-то разсказывалъ: однажды гдѣ-то холерные мертвецы выскочили изъ гробовъ и разбѣжались.

Бѣгая по бараку, то растирая, то сажая въ ванну больныхъ, Орловъ чувствовалъ, что въ головѣ у него точно каша кипитъ. Онъ вспоминалъ о женѣ: каково-то ей тамъ? Иногда къ этому примѣшивалось мимолетное желаніе улучить минутку и посмотрѣть на Матрену. Но вслѣдъ за этимъ Орловъ какъ бы конфузился своего желанія и восклицалъ про-себя:

— „Повертись-ка вотъ этакъ-то, толстомясая! Не бойсь, подсохнешь... Лишишься своихъ намѣреніевъ..."

Онъ всегда подозрѣвалъ, что у жены его имѣются въ душѣ намѣренія очень оскорбительныя для него, какъ мужа, а иногда, восходя въ своихъ подозрѣніяхъ до нѣкотораго объективизма, даже признавалъ, что эти намѣренія имѣютъ основаніе. Жизнь-то у нея тоже желтенькая, и отъ такой жизни всякая дрянь въ голову полѣзетъ. Этотъ объективизмъ обыкновенно перерождалъ на время его подозрѣнія въ увѣренность. Потомъ онъ спрашивалъ себя: а зачѣмъ ему надо было лѣзть изъ своего подвала въ этотъ котелъ кипящій?—и недоумѣвалъ. Но всѣ эти думы вращались гдѣ-то глубоко въ немъ, онѣ были какъ бы отгорожены отъ прямого вліянія на его работу тѣмъ напряженнымъ вниманіемъ, съ которымъ онъ относился къ дѣйствіямъ врачебнаго персонала. Онъ никогда не видалъ, чтобъ въ какомъ-нибудь трудѣ люди убивались такъ, какъ

они убиваются тутъ, и не разъ подумалъ, глядя на утомленныя лица докторовъ и студентовъ, что всѣ эти люди—воистину не даромъ деньги получаютъ!

Смѣнившись съ дежурства, едва держась на ногахъ, Орловъ вышелъ на дворъ барака и прилегъ у стѣны его подъ окномъ аптеки. Въ головѣ у него шумѣло, подъ ложечкой сосало и ноги болѣли ноющей болью усталости. Ему ни о чемъ уже не думалось и ничего не хотѣлось, онъ просто вытянулся на дернѣ, посмотрѣлъ въ небо, гдѣ стояли пышныя облака, богато украшенныя лучами заката, и уснулъ, какъ убитый.

Приснилось ему, что будто бы онъ съ женой въ гостяхъ у доктора Ващенко въ громадной комнатѣ, уставленной по стѣнамъ вѣнскими стульями. На стульяхъ сидятъ всѣ больные изъ барака. Докторъ съ Матреной ходятъ „русскую" среди зала, а онъ самъ играетъ на гармоникѣ и хохочетъ, потому что длинныя ноги доктора совсѣмъ не гнутся, и докторъ, важный и надутый, ходитъ по залу за Матреной—точно цапля по болоту. И всѣ больные тоже хохочутъ, раскачиваясь на стульяхъ.

Вдругъ въ дверяхъ является полицейскій.

— Ага!—мрачно и грозно кричитъ онъ.—Ты, Гришка, думалъ, что я совсѣмъ умеръ? На гармоникѣ играешь, а меня въ мертвецкую стащилъ! Ну-ка, пойдемъ со мной! Вставай!

Охваченный дрожью, облитый потомъ, Орловъ быстро поднялся и сѣлъ на землѣ. Противъ него сидѣлъ на корточкахъ докторъ Ващенко и укоризненно говорилъ ему:

— Какой же ты, друже, санитаръ, если спишь на землѣ, да еще и брюхомъ на нее легъ, а? А ну ты простудишь себѣ брюхо,—сляжешь, вѣдь, на койку, да еще чего добраго и помрешь... Это, друже, не годится,—для спанья у тебя есть мѣсто въ баракѣ. Что жъ тебѣ не сказали про это? Да ты и потный, и знобитъ тебя. Ну-ка, иди, я тебѣ кое-чего дамъ.

— Я съ устатка,—пробормоталъ Орловъ.

— Тѣмъ хуже. Надо беречь себя—время опасное, а ты человѣкъ нужный.

Орловъ молча прошелъ за докторомъ по коридору барака, молча выпилъ какое-то лѣкарство изъ одной рюмки, выпилъ еще изъ другой, сморщился и плюнулъ.

— Ну, а теперь иди, спи себѣ... До свиданья!—и докторъ началъ переставлять по полу коридора свои длинныя тонкія ноги.

Орловъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ и вдругъ, широко улыбнувшись, побѣжалъ за нимъ.

— Покорно благодарю, докторъ!

— За что?—остановился тотъ.

— За работу. Теперь я буду стараться для васъ во всю силу! Потому пріятно мнѣ ваше безпокойство... и... что я нужный человѣкъ... и вообще пок-корнѣйше благодаренъ!

Докторъ пристально и съ удивленіемъ смотрѣлъ на взволнованное какой-то радостью лицо барачнаго служителя и тоже улыбнулся.

— Чудачина ты! А, впрочемъ, ничего, — это все славно у тебя выходитъ... искренно. Валяй, старайся во всю; это не для меня будетъ, а для больныхъ. Надо намъ человѣка отъ болѣзни отбить, вырвать его изъ ея лапъ—понимаешь? Ну, вотъ и давай стараться во всю силу побѣдить болѣзнь. А пока—спи, иди!

Вскорѣ Орловъ лежалъ на койкѣ и засыпалъ съ пріятнымъ ощущеніемъ ласкающей теплоты въ животѣ. Ему было радостно и онъ былъ гордъ своимъ, такимъ простымъ разговоромъ съ докторомъ.

А заснулъ онъ съ сожалѣніемъ о томъ, что жена не слыхала этого разговора. Разсказать ей завтра... Не повѣритъ, чай, чортова перечница.

— Чай пить иди, Гриша,—разбудила его поутру жена.

Онъ приподнялъ голову и посмотрѣлъ на нее. Она

улыбалась ему. Гладко причесанная, въ своемъ бѣломъ балахонѣ она была такая чистенькая, свѣжая.

Ему было пріятно видѣть ее такой и въ то же время онъ подумалъ, что вѣдь и другіе мужчины въ баракѣ ее видятъ такой же.

— Т.-е. это какой же чай пить? У меня свой чай есть;—куда мнѣ идти?—хмуро сказалъ онъ.

— А ты иди со мной попей, — предложила она, глядя на него ласкающими глазами.

Григорій отвелъ свои глаза въ сторону и кратко сказалъ, что придетъ.

Она ушла, а онъ снова легъ на койку и задумался.

„Ишь ты какая! Чай пить зоветъ, ласковая... Похудѣла, однакоже, за день-то“. Ему стало жалко ея и захотѣлось сдѣлать для нея что-нибудь пріятное. Купить къ чаю чего-нибудь сладкаго, что ли? Но, умываясь, онъ уже отбросилъ эту мысль,—зачѣмъ бабу баловать? Живетъ и такъ!

Чай пили въ маленькой свѣтлой каморкѣ съ двумя окнами, выходившими въ поле, все залитое золотистымъ сіяніемъ утренняго солнца. На дернѣ, подъ окнами, еще блестѣла роса, вдали на горизонтѣ въ туманно-розоватой дымкѣ утра стояли деревья почтоваго тракта. Небо было чисто и съ поля вѣяло въ окна запахомъ сырой травы и земли.

Столъ стоялъ въ простѣнкѣ между оконъ и за нимъ сидѣло трое: Григорій и Матрена съ товаркой—пожилой, высокой и худой женщиной съ рябымъ лицомъ и добрыми сѣрыми глазами. Звали ее Фелицата Егоровна, она была дѣвицей, дочерью коллежскаго асессора, и не могла пить чай на водѣ изъ больничнаго куба, а всегда кипятила самоваръ свой собственный. Объявивъ все это Орлову надорваннымъ голосомъ, она гостепріимно предложила ему сѣсть подъ окномъ и дышать вволю „настоящимъ небеснымъ воздухомъ“, а затѣмъ куда-то исчезла.

— Что, ты устала вчера?—спросилъ Орловъ у жены.

— Просто страсть какъ!—живо отвѣтила Матрена.—Ногъ подъ собой не слышу, головонька кружится, словъ не понимаю, того и гляди, пластомъ лягу. Еле-еле до смѣны дотянула... Все молилась, помоги Господи, думаю.

— А боишься?

— Больныхъ-то?

— Больные что же.

— Покойниковъ—боюсь. Ты знаешь...—она наклонилась къ мужу и со страхомъ шепнула ему:—они послѣ смерти шевелятся... ей Богу!

— Это я ви-идалъ! — скептически усмѣхнулся Григорій.—Мнѣ вчера Назаровъ полицейскій и послѣ смерти своей чуть-чуть плюху не влѣпилъ. Несу я его въ мертвецкую, а онъ ка-акъ размахнется лѣвой рукой... я едва уберегся... вотъ какъ!—Онъ приврaлъ немного, но это вышло какъ-то само собой, помимо его желанія.

Очень ужъ ему нравилось это чаепитіе въ свѣтлой и чистой комнатѣ съ окнами въ безграничный просторъ зеленаго поля и голубого неба. И еще что-то ему нравилось—не то жена, не то онъ самъ. Въ концѣ концовъ ему хотѣлось показать себя съ самой лучшей стороны, быть героемъ наступающаго дня.

— Примусь я тутъ работать—даже небу жарко станетъ, вотъ какъ! Потому есть причина у меня на это. Во-первыхъ, люди здѣсь, я тебѣ скажу,—не существующіе на землѣ!

Онъ разсказалъ свой разговоръ съ докторомъ, и такъ какъ онъ опять незамѣтно для себя нѣсколько нафантазировалъ—это обстоятельство еще болѣе усилило его настроеніе.

— Во-вторыхъ, работа сама. Это, братъ, великое дѣло, вродѣ войны, напримѣръ. Холера и люди — кто кого? Тутъ умъ требуется и чтобы все было въ аккуратѣ. Что такое холера? Это надо понять, и сейчасъ валяй ее тѣмъ, что она не терпитъ! Мнѣ докторъ Ващенко гово-

ритъ: ты, говоритъ, Орловъ, человѣкъ въ этомъ дѣлѣ нужный. Не робѣй, говоритъ, и гони ее изъ ногъ въ брюхо больного, а тамъ, говоритъ, я ее кисленькимъ и прищемлю. Тутъ ей и конецъ, а человѣкъ-то ожилъ и весь вѣкъ насъ съ тобой благодарить должонъ, потому кто его у смерти отнялъ? Мы!—И Орловъ гордо выпятилъ грудь, глядя на жену возбужденными глазами.

Она задумчиво улыбалась ему въ лицо, онъ былъ красивъ и очень походилъ теперь на того Гришу, какимъ она видѣла его когда-то давно, еще до свадьбы.

— У насъ въ отдѣленіи тоже всѣ такія работящія и добрыя. Докторша то-олстая, въ очкахъ, а потомъ фельдшерицы. Хорошіе люди, говорятъ съ тобой таково просто и все у нихъ понимаешь.

— Такъ ты, значитъ, ничего, довольна?—спросилъ Григорій, нѣсколько остывъ отъ возбужденія.

— Я-то? Господи! Ты посуди: я получаю 12 руб. да ты 20... вѣдь 32 рубля въ мѣсяцъ! На готовомъ на всемъ! Это, ежели до зимы хворать будутъ люди, сколько мы накопимъ?... А тамъ, Богъ дастъ, и поднимемся изъ подвала-то...

— Н-да, это тоже важная статья...—задумчиво сказалъ Орловъ и, помолчавъ, воскликнулъ съ паѳосомъ надежды, ударивъ жену по плечу:—Эхъ, Матренка, али намъ солнце не улыбнется? Не робѣй, знай!

Она вся загорѣлась.

— Только бы ты стерпѣлъ...

— А про это—молчокъ! По кожѣ—шило, по жизни—рыло... Иная жизнь, иное и поведенье мое будетъ.

— Господи, кабы это случилось!—глубоко вздохнула женщина.

— Ну, и цыцъ!

— Гришенька!

Они разстались съ какими-то новыми чувствами другъ къ другу, воодушевленные надеждами, готовые работать до изнеможенія, бодрые и веселые.

Прошло дня три-четыре и Орловъ ужъ заслужилъ нѣсколько лестныхъ отзывовъ о себѣ, какъ о смѣтливомъ и расторопномъ маломъ, и, вмѣстѣ съ этимъ, замѣтилъ, что Пронинъ и другіе служители въ баракѣ стали относиться къ нему съ завистью и желаніемъ насолить. Онъ насторожился, и въ немъ тоже возникла злоба противъ толсторожаго Пронина, съ которымъ онъ непрочь былъ вести дружбу и бесѣдовать „по душѣ". Въ то же время ему дѣлалось какъ-то горько при видѣ явнаго желанія товарищей по работѣ нанести ему какой-либо вредъ.—Эхъ злыдари!—восклицалъ онъ про-себя и тихонько поскрипывалъ зубами, стараясь не упустить удобнаго случая заплатить врагамъ „за лычко ремешкомъ". И невольно мысль его останавливалась на женѣ:—съ той можно говорить про все, она его успѣхамъ завидовать не будетъ и, какъ Пронинъ, карболкой сапогъ ему не сожжетъ.

Всѣ дни работы были такіе же бурные и кипучіе, какъ первый, но Григорій уже не такъ уставалъ, ибо тратилъ свою энергію съ каждымъ днемъ болѣе сознательно. Онъ научился распознавать запахи лѣкарствъ и, выдѣливъ изъ нихъ запахъ сѣрнаго эфира, потихоньку, когда удавалось, съ наслажденіемъ нюхалъ его, замѣтивъ, что вдыханіе эфира дѣйствуетъ почти такъ же пріятно, какъ добрая рюмка водки. Съ полуслова понимая приказанія медицинскаго персонала, всегда добрый и разговорчивый, умѣвшій развлекать больныхъ, онъ все болѣе и болѣе нравился докторамъ и студентамъ, и вотъ, подъ вліяніемъ совокупности всѣхъ впечатлѣній новой формы бытія, у него образовалось странное, повышенное настроеніе. Онъ чувствовалъ себя человѣкомъ особыхъ свойствъ. И въ немъ забилось желаніе сдѣлать что-то такое, что обратило бы на него вниманіе всѣхъ, всѣхъ поразило бы и заставило убѣдиться въ его правѣ на самочувствіе, такъ поднявшее его въ своихъ глазахъ. Это было своеобразное честолюбіе человѣка, кото-

рый вдругъ созналъ себя таковымъ и, какъ бы еще неувѣренный въ этомъ новомъ для него фактѣ, хотѣлъ подтвердить его чѣмъ-либо для себя и другихъ; это было честолюбіе, постепенно перерождавшееся въ жажду безкорыстнаго подвига.

Изъ такого побужденія Орловъ совершалъ разныя рискованныя вещи, вродѣ того, что единолично, не ожидая помощи товарищей и надрываясь, тащилъ коренастаго больного съ койки въ ванну, ухаживалъ за самыми грязными больными, относился съ какимъ-то ухарствомъ къ возможности зараженія, а къ мертвымъ—съ простотой, порою переходившей въ цинизмъ. Но все это не удовлетворяло его; ему хотѣлось чего-то болѣе крупнаго, это желаніе все разгоралось въ немъ, мучило его и, наконецъ, доводило до тоски. Тогда онъ изливалъ душу женѣ, потому что больше было некому.

Однажды вечеромъ, смѣнившись съ дежурства, попивъ чаю, супруги вышли въ поле. Баракъ стоялъ далеко за городомъ, среди длинной, зеленой равнины, съ одной стороны ограниченной темной полосой лѣса, съ другой—линіей городскихъ зданій; на сѣверѣ поле уходило вдаль и тамъ, зеленое, сливалось съ мутноголубымъ горизонтомъ; на югѣ его обрѣзывалъ крутой обрывъ къ рѣкѣ, а по обрыву шелъ трактъ и стояли на равномъ разстояніи другъ отъ друга старыя, вѣтвистыя деревья. Заходило солнце, и кресты городскихъ церквей, возвышаясь надъ темной зеленью садовъ, пылали въ небѣ, отражая снопы золотыхъ лучей, и на стеклахъ оконъ крайнихъ домовъ города тоже отражалось красное пламя заката. Гдѣ-то играла музыка; изъ оврага, густо-поросшаго ельникомъ, вѣяло смолистымъ запахомъ; лѣсъ тоже разстилалъ въ воздухѣ свой сложный, сочный ароматъ; легкія душистыя волны теплаго вѣтра ласково плыли къ городу, и въ полѣ, пустынномъ и широкомъ, было такъ славно, тихо и сладко-печально.

Орловы шли по травѣ и молчали, съ удовольствіемъ вдыхая чистый воздухъ вмѣсто барачныхъ запаховъ.

— Гдѣ это музыка играетъ, въ городѣ или въ лагеряхъ?—тихонько спросила Матрена у задумавшагося мужа.

Она не любила видѣть его думающимъ — онъ казался чужимъ ей и далекимъ отъ нея въ эти минуты. Послѣднее время имъ и такъ мало приходится бывать вмѣстѣ, и тѣмъ болѣе она дорожила этими моментами.

— Музыка? — переспросилъ Григорій, точно освобождаясь отъ дремы. — А чортъ съ ней, съ этой музыкой! Ты бы послушала, какая въ душѣ у меня музыка... вотъ это такъ!

— А что? — тревожно взглянувъ ему въ глаза, спросила она.

— А я не знаю что... Значитъ, и разсказать не могу тебѣ... да и могъ бы, такъ развѣ ты поймешь? Горитъ у меня душа... Хочется ей простора... чтобы могъ я развернуться во всю мою силу... Эхма! силу я въ себѣ чувствую—необоримую! То-есть, если бъ эта, напримѣръ, холера да преобразилась въ человѣка... въ богатыря... хоть въ самого Илью Муромца,—сцѣпился бы я съ ней! Иди на смертный бой! Ты сила и я, Гришка Орловъ, сила,—ну, кто кого? И придушилъ бы я ее и самъ бы легъ... Крестъ надо мной въ полѣ и надпись: „Григорій Андреевъ Орловъ... Освободилъ Россію отъ холеры". Больше ничего не надо...

Онъ говорилъ, и лицо его горѣло, а глаза сверкали.

— Силачъ ты мой! — ласково шепнула Матрена прижимаясь къ нему бокомъ.

— Понимаешь... на сто ножей бросился бы я... но чтобы съ пользой! Чтобъ отъ этого облегченіе вышло жизни. Потому, вижу я людей: докторъ Ващенко, студентъ Хохряковъ—работаютъ они, даже удивленіе! Имъ бы давно надо умереть съ устатка... Изъ-за денегъ думаешь? Изъ-за денегъ такъ работать нельзя! У доктора—

слава-те Господи! — есть-таки кое-что и еще немножко... А старикъ захворалъ прошлый разъ, такъ Ващенко за него четверо сутокъ отбарабанилъ, даже домой не съѣздилъ за все время... Деньги тутъ не при чемъ; тутъ жалость причина. Жалко имъ людей — ну, и не жалѣютъ себя... ради кого, спроси? Ради всякаго... Ради Мишки Усова... Мишкѣ мѣсто въ каторгѣ, потому всякій знаетъ, что Мишка воръ, а можетъ, хуже... Мишку лѣчатъ... И рады, когда онъ всталъ съ койки, смѣются... Вотъ и я хочу эту самую радость испытать... и чтобы было много ея... задохнуться бы мнѣ въ ней! Потому что смотрѣть на нихъ, какъ они смѣются отъ своей радости,—заноза мнѣ. Взною весь и загорюсь. Хочу!... А какъ? Эхъ ты... чортъ!

Орловъ безнадежно махнулъ рукой и снова глубоко задумался.

Матрена молчала, но сердце у нея билось тревожно—ее пугало это возбужденіе мужа, и въ словахъ его она ясно чувствовала великую страсть его желанія, непонятнаго ей, потому что она и не пыталась понять его. Ей былъ дорогъ и нуженъ мужъ, а не герой.

Они подошли къ краю оврага и сѣли рядомъ другъ съ другомъ... Снизу на нихъ смотрѣли кудрявыя вершины молоденькихъ березокъ, на днѣ оврага уже лежала синеватая мгла, оттуда несло сыростью, гніющими листьями, хвоей. Порой вдоль оврага тихо проносился вѣтеръ, вѣтки березъ колыхались, колыхались и маленькія ели,—весь оврагъ наполнялся трепетнымъ, боязливымъ шопотомъ, казалось, кто-то, нѣжно-любимый и оберегаемый деревьями, заснулъ въ оврагѣ подъ ихъ сѣнью, и они чуть-чуть перешептываются о немъ, боясь разбудить его. А въ городѣ вспыхивали огни и на темномъ фонѣ его садовъ они выдѣлялись, какъ красноватые цвѣты. И въ небѣ зажигались звѣзды. Орловы сидѣли молча, — онъ задумчиво барабанилъ пальцами

по своему колѣну, она поглядывала на него и тихонько вздыхала.

И вдругъ, охвативъ его за шею руками, она положила на грудь ему свою голову и шопотомъ заговорила:

— Голубчикъ ты мой, Гришенька! Милый ты мой! Какой ты опять хорошій ко мнѣ сталъ, удалой ты мой! Вѣдь будто тогда... послѣ свадьбы... живемъ мы съ тобой... ни слова обиднаго ты мнѣ не скажешь, разговоры все со мной говоришь, душу открываешь... не зыкаешь на меня.

— А ты соскучилась объ этомъ? Я инъ поколочу, если хочешь, — ласково пошутилъ Григорій, ощущая въ душѣ приливъ нѣжности и жалости къ женѣ.

Онъ сталъ рукой тихо гладить ей голову, и ему нравилась эта ласка,—она была такая отеческая—ласка взрослаго ребенка. Матрена въ самомъ дѣлѣ похожа была на ребенка: она взобралась уже къ нему на колѣни и сжалась у него на груди въ маленькій мягкій и теплый комокъ.

— Милый ты мой!—шептала она.

Онъ глубоко вздохнулъ и на языкъ ему сами собою потекли новыя для него и жены его слова.

— Эхъ ты, кошечка бѣдная! Ласковая... видишь, какъ-никакъ, а нѣтъ друга ближе мужа. А ты все въ сторону норовишь... Вѣдь ежели я иной разъ обижалъ тебя—отъ тоски это, Мотря. Жили въ ямѣ... Свѣту не видѣли, людей почти не знали. Выбрался изъ ямы и прозрѣлъ, вродѣ какъ слѣпой былъ насчетъ жизни. И понимаю теперь, что жена, какъ-никакъ, первый въ жизни другъ. Потому люди змѣи и гады, ежели правду сказать... Все язву желаютъ другому нанести... Къ примѣру — Пронинъ, Васюковъ... Э, ну ихъ къ... Молчокъ, Мотря! Выправимся, не робѣй... Выйдемъ въ люди и заживемъ съ понятіемъ... Ну? Чего ты, дуреха ты моя?

Она плакала сладкими слезами счастія и на вопросъ его отвѣтила поцѣлуями.

— Единственная ты моя!—шепталъ онъ и тоже цѣловалъ ее.

Оба они стирали поцѣлуями слезы другъ друга и оба чувствовали ихъ солоноватый вкусъ. И долго еще говорилъ Орловъ новыми для него словами.

Уже совсѣмъ стемнѣло. Небо, пышно расцвѣченное безчисленными роями звѣздъ, смотрѣло на землю съ торжественной грустью, а въ полѣ было тихо, точно въ небѣ.

У нихъ вошло въ привычку пить чай вмѣстѣ. На другое утро, послѣ разговора въ полѣ, Орловъ явился въ комнату жены чѣмъ-то сконфуженный и хмурый. Фелицата захворала, Матрена была одна въ комнатѣ и встрѣтила мужа съ сіяющимъ лицомъ, но тотчасъ же потемнѣла и тревожно спросила у него:

— Что ты такой? Нездоровится?

— Нѣтъ, ничего, — сухо отвѣтилъ онъ, садясь на стулъ и подвигая къ себѣ уже налитый чай.

— А что же?—добивалась Матрена.

— Не спалось. Все думалъ... Раскудахтались мы съ тобой вчера, смякли... и мнѣ теперь стыдно себя... Ни къ чему все это. Ваша сестра въ такихъ разахъ норовитъ человѣка въ руки взять... н-да... Только ты про это не мечтай—не удастся... Меня ты не обойдешь, и я тебѣ не поддамся... Такъ и знай!

Онъ сказалъ все это очень внушительно, но на жену не смотрѣлъ. Матрена все время не отводила глазъ отъ его лица, и губы его странно искривились.

— Что же, ты каешься въ томъ, что вчера такимъ мнѣ близкимъ былъ? — тихо спросила она. — Каешься, что цѣловалъ да ласкалъ меня? Это что ли? Обидно мнѣ это слышать... очень горько, рвешь ты мнѣ сердце

такими рѣчами. Чего тебѣ надо? Скучно тебѣ со мной... не люба я тебѣ, или что?

Она смотрѣла на него подозрительно, и въ тонѣ ея звучали и горечь, и вызовъ мужу.

— Н-нѣтъ...—смущенно сказалъ Григорій,—я вообще... Жили мы съ тобой въ ямѣ... знаешь сама, что за жизнь! Даже вспоминать тошно. И вотъ теперь поднялись... и боязно чего-то. Все такъ скоро перемѣнилось... И я самъ себѣ, какъ чужой, и ты другая будто бы. Это что такое? И что за этимъ будетъ?

— Что Богъ дастъ, Гриша!—серьезно сказала Матрена.—Ты только не кайся въ томъ, что хорошъ вчера былъ.

— Ладно, брось...—все такъ же смущенно и вздыхая остановилъ ее Григорій. — Я, видишь ли, думаю, что все-таки ничего не выйдетъ у насъ. И прежняя жизнь наша не цвѣтиста, и теперешняя мнѣ не по-душѣ. И хоть не пью я, не дерусь съ тобой, не ругаюсь...

Матрена судорожно засмѣялась.

— Некогда тебѣ теперь заниматься-то всѣмъ этимъ.

— Напиться я всегда бы нашелъ время,—улыбнулся Орловъ.—Не тянетъ... вотъ диво! А потомъ мнѣ вообще какъ-то... не то совѣстно чего-то, не то боязно...—онъ тряхнулъ головой и задумался.

— Господь тебя знаетъ, что съ тобой,—тяжело вздохнувъ, сказала Матрена.—Житье хорошее, хоть работы и много; всѣ доктора тебя любятъ, самъ ты въ аккуратѣ себя держишь... ужъ я не знаю что? Безпокойный ты очень.

— Это вѣрно, безпокойный... Вотъ я думалъ ночью: Петръ Ивановичъ говоритъ: всѣ люди равны другъ другу, а я развѣ не человѣкъ, какъ всѣ? Но, однако, докторъ Ващенко получше меня, и Петръ Ивановичъ получше, и многіе другіе... Значитъ, они мнѣ не равны... и я имъ неровня, я это чувствую. Они вылѣчили Мишку Усова и рады... А я этого не понимаю. И вообще

чему радоваться, коли человѣкъ выздоровѣлъ? Жизнь у него хуже холерной судороги, ежели говорить по правдѣ. Они понимаютъ это, но рады... И я тоже хотѣлъ бы порадоваться, какъ они, а не могу... Потому что—чему же радоваться опять-таки?

— А они жалѣютъ людей, — возразила Матрена, — охъ какъ жалѣютъ! У насъ тоже... начнетъ поправляться больная, такъ, Господи, что дѣлается! А которая бѣдная идетъ на выписку, такъ ей и совѣтовъ, и денегъ, и лѣкарствъ надаютъ... Даже слеза меня прошибаетъ... добрые люди, жалостливые!

— Вотъ и ты говоришь—слеза... А меня удивленіе беретъ... Больше ничего.—Орловъ повелъ плечами и потеръ себѣ голову, недоумѣвающе поглядѣвъ на жену.

У нея откуда-то явилось краснорѣчіе, и она съ усердіемъ начала доказывать мужу, что люди вполнѣ достойны жалости. Наклонясь къ нему и глядя въ лицо его ласкающими глазами, она долго говорила ему про людей и тяжесть жизни, а онъ смотрѣлъ на нее и думалъ:

„Ишь, какъ говоритъ! Откуда у нея слова?“

— Вѣдь и самъ ты жалостливый—говоришь, удушилъ бы холеру, ежели бы сила. А для чего? Кому она помѣха? Людямъ, а не тебѣ: тебѣ отъ того, что она явилась, даже лучше жить стало.

Орловъ вдругъ расхохотался.

— А, вѣдь, вѣрно! И впрямь лучше! Ахъ ты, дуй ее горой! Люди мрутъ, а мнѣ отъ этого жить лучше, а?.. Вотъ такъ жизнь! Тьфу!

Онъ всталъ и смѣясь ушелъ на дежурство. Когда онъ шелъ по коридору, у него вдругъ явилось сожалѣніе о томъ, что, кромѣ него, никто не слышалъ рѣчей Матрены. „Ловко говорила! Баба, баба, а тоже понимаетъ кое-что“. И охваченный какимъ-то пріятнымъ чувствомъ, онъ вошелъ въ свое отдѣленіе навстрѣчу хрипамъ и стонамъ больныхъ.

Съ каждымъ днемъ міръ его чувствъ все болѣе расширялся и вмѣстѣ съ этимъ росла потребность говорить. Разсказать цѣликомъ все то, что въ немъ творится, онъ не могъ, конечно, ибо большая часть его ощущеній и думъ была неуловима для него. Въ немъ разгоралась обидная зависть, почему онъ не можетъ радоваться за людей.

Вслѣдъ за этимъ въ немъ вспыхивало желаніе совершить какой-нибудь подвигъ и поразить имъ всѣхъ. Онъ чувствовалъ, что его положеніе въ баракѣ ставитъ его какъ-то между людей: доктора и студенты выше его, служители ниже,—что же такое онъ самъ? И его охватывало одиночество; тогда ему казалось, что судьба играетъ съ нимъ, сдула его съ мѣста и носитъ въ воздухѣ, какъ перо. Ему становилось жалко себя, и онъ шелъ къ женѣ. Иногда онъ не хотѣлъ этого, считая, что откровенность съ ней унижаетъ его въ ея глазахъ, и все-таки шелъ. Приходилъ угрюмый и настроенный то злобно, то скептически, уходилъ же почти всегда обласканный и спокойный. У его жены оказались свои слова, ихъ мало было, они были просты, но въ нихъ всегда было много чувства, и съ удивленіемъ онъ замѣчалъ, что Матрена занимаетъ въ его жизни все болѣе мѣста, все чаще ему приходится думать о ней и говорить съ ней „по душѣ“.

Она, въ свою очередь, хорошо понимала это и всячески старалась расширить свое возрастающее значеніе въ его жизни. Трудовая и бойкая жизнь въ баракѣ сильно приподняла ее самооцѣнку,—это случилось незамѣтно для Матрены. Она не думала, не разсуждала, но, вспоминая свою прежнюю жизнь въ подвалѣ, въ тѣсномъ кругу заботъ о мужѣ и хозяйствѣ, она невольно сравнивала прошлое съ настоящимъ, и мрачныя картины подвальнаго существованія постепенно отходили все далѣе и далѣе отъ нея. Барачное начальство полюбило ее за смѣтливость и умѣнье работать, всѣ

относились къ ней ласково, въ ней видѣли человѣка, и это было ново для нея, оживляло ее...

Однажды, во время ночного дежурства, толстая докторша начала разспрашивать ее объ ея жизни, и Матрена, охотно и открыто разсказывая ей про свою жизнь, вдругъ замолчала, улыбаясь.

— Ты что смѣешься?— спросила докторша...

— Да такъ... очень ужъ плохо жила я... и вѣдь, повѣрите ли, милая моя барыня,—не понимала я этого... вотъ до сего часу не понимала, какъ плохо.

Послѣ этого смотра прошлому въ душѣ Орловой родилось странное чувство къ мужу, она все такъ же любила его, какъ и раньше — слѣпой любовью самки, но ей стало казаться, какъ будто Григорій должникъ ея. Порой она, говоря съ нимъ, принимала тонъ покровительственный, ибо онъ часто возбуждалъ въ ней жалость своими безпокойными рѣчами. Но все-таки иногда ее охватывало сомнѣніе въ возможности тихой и мирной жизни съ мужемъ, хотя вообще она уже вѣрила, что Григорій остепенится и погаснетъ въ немъ его тоска.

Роковымъ образомъ они должны были сблизиться другъ съ другомъ и — оба молодые, трудоспособные, сильные—они зажили бы сѣрой жизнью полусытой бѣдности, кулацкой жизнью, всецѣло поглощенной погоней за грошомъ, но отъ этого конца ихъ спасло то, что Гришка называлъ своимъ „безпокойствомъ въ сердцѣ“ и что, по существу своему, не могло помириться съ буднями.

Утромъ хмураго сентябрьскаго дня на дворъ барака въѣхала фура, и Пронинъ вынулъ изъ нея маленькаго мальчика, перепачканнаго красками, костляваго, желтаго, едва дышавшаго.

— Опять изъ дома Петунникова, съ Мокрой улицы, —сообщилъ возница на вопросъ, откуда больной.

— Чижикъ!—огорченно вскричалъ Орловъ,—ахъ ты Господи! Сенька! Чижъ! Ты меня узнаешь?

— У... узналъ...—съ усиліемъ сказалъ Чижикъ, лежа на носилкахъ и медленно заводя глаза подъ лобъ, чтобы видѣть Орлова, который шелъ у него въ головахъ и склонился надъ нимъ.

— Ахъ ты... веселая птица! Какъ же это ты сбрендилъ?—спрашивалъ Орловъ. Онъ былъ какъ-то странно встревоженъ видомъ этого мальчугана, измученнаго болѣзнью.—Мальчишку-то за что?—воплотилъ онъ въ одинъ вопросъ свои ощущенія и печально качнулъ головой.

Чижикъ молчалъ и пожимался.

— Холодно,—сказалъ онъ, когда его положили на койку и стали снимать съ него прокрашенные всѣми красками лохмотья.

— А вотъ мы тебя сейчасъ въ горячую воду пустимъ...—обѣщалъ Орловъ.—И вылѣчимъ.

Чижикъ потрясъ головенкой и зашепталъ:

— Не вылѣчишь... Дяденька Григорій... наклонись-ка... ухомъ. Гармонику-то я стащилъ... Она въ дровяникѣ... Третьягодня въ первый разъ тронулъ послѣ того, какъ укралъ. А-ахъ какая! Спряталъ ее... а тутъ и брюхо заболѣло... Вотъ... Значитъ, за грѣхъ это... Она подъ лѣстницей на стѣнкѣ виситъ... и дровами я ее заложилъ... Вотъ... Ты, дяденька Григорій, отдай ее... У гармониста сестра есть... Спрашивала... От-да-ай!... Онъ застоналъ и началъ корчиться въ судорогахъ.

Съ нимъ сдѣлали все, что могли, но истощенное, худое тѣльце не крѣпко держало въ себѣ жизнь, и вечеромъ Орловъ несъ его на носилкахъ въ мертвецкую. Несъ и чувствовалъ себя такъ, точно его обидѣли.

Въ мертвецкой Орловъ попробовалъ расправить тѣло Чижика, но ему не удалось. Орловъ ушелъ убитый, хмурый, унося съ собой образъ изувѣченнаго страшною болѣзнью веселаго мальчика.

Его охватило разслабляющее сознаніе своего безсилія передъ смертью и непониманіе ея. Сколько онъ

хлопоталъ около Чижика, какъ ревностно трудились надъ нимъ доктора... умеръ мальчикъ! Это обидно... Вотъ и его, Орлова, схватитъ однажды и скрючитъ... И кончено. Ему стало страшно и, рядомъ съ этимъ чувствомъ, его охватило одиночество. Поговорить бы съ умнымъ человѣкомъ насчетъ всего этого. Онъ неразъ пробовалъ завести обширный разговоръ съ кѣмъ-либо изъ студентовъ, но никто не имѣлъ времени для философіи, и попытки Григорія тоже не имѣли успѣха. Приходилось идти къ женѣ и говорить съ ней. И онъ пошелъ къ ней, хмурый и печальный.

Она только что смѣнилась съ дежурства и мылась въ углу комнаты, но самоваръ уже стоялъ на столѣ и наполнялъ воздухъ паромъ и шипѣніемъ.

Григорій молча сѣлъ на стулъ и сталъ смотрѣть на голыя, круглыя плечи жены. Самоваръ бурлилъ, плескалась вода, Матрена фыркала, по коридору взадъ и впередъ быстро бѣгали служителя, и Григорій по походкѣ старался опредѣлить, кто идетъ.

Вдругъ ему представилось, что плечи Матрены такъ же холодны и покрыты такимъ же липкимъ пòтомъ, какъ у Чижика, когда тотъ корчился въ судорогахъ на больничной койкѣ. Онъ вздрогнулъ и глухо сказалъ:

— Умеръ Сенька-то...

— Умеръ!? Царство небесное новопреставленному отроку Семену!—молитвенно сказала Матрена и вслѣдъ затѣмъ начала свирѣпо плеваться—мыло попало ей въ ротъ.

— Жалко мнѣ его,—вздохнулъ Григорій.

— Озорникъ больно былъ.

— Умеръ и шабашъ! Не твое теперь дѣло, каковъ онъ былъ... А что умеръ — это жалко. Бойкій былъ, шустрый... Гармонику... Гмъ! Ловкій мальченка... Я иной разъ смотрѣлъ на него и думалъ: взять его къ себѣ вродѣ какъ въ ученики... Сирота онъ... привыкъ бы и сталъ замѣсто сына намъ... Потому—нѣтъ вотъ у

насъ дѣтей-то... Нѣтъ... Здоровенная ты такая, а не родишь... Родила одинъ разъ, да и кончено. Эхъ ты! Были бы у насъ пискуны этакіе, глядишь, не такъ скучно жилось бы намъ... А то вотъ живи, работай... А для чего? Для пропитанія своего, да твоего... А куда мы... куда намъ пропитаніе? Чтобы работать... Колесо безсмысленное и выходитъ... А ежели были бы дѣти—другой разговорецъ. Н-да...

Онъ говорилъ это, низко опустивъ голову, тономъ грусти и недовольства. Матрена стояла передъ нимъ и слушала, постепенно блѣднѣя.

— Я здоровый, ты здоровая, а дѣтей нѣтъ... Что такое? Почему? Н-да... Думаешь, думаешь этакъ-то и... запьешь!

— Врешь!—твердо и громко сказала Матрена.—Врешь ты! Не смѣй ты мнѣ этихъ подлыхъ твоихъ словъ говорить... слышишь? Не смѣй! Пьешь ты — такъ себѣ, изъ баловства, потому что сдержать себя не можешь, а бездѣтство мое не при чемъ тутъ; врешь, Гришка!

Григорій былъ ошеломленъ. Онъ откинулся на спинку стула, взглянулъ на жену и не узналъ ея. Никогда раньше онъ не видалъ ея такою разъяренной, никогда не смотрѣла она на него такими безжалостно-злыми глазами и не говорила съ такой силой въ словахъ.

— Ну, ну?! — вызывающе произнесъ Григорій, вцѣпившись руками въ сидѣнье стула.—Ну-ка, говори еще!

— И скажу! Не сказала бы, но укора твоего такого не могу снести! Не рожу я тебѣ? И не буду! Не могу ужъ... Не рожу!...—рыданіе послышалось въ ея крикѣ.

— Не ори,—предупредилъ ее мужъ.

— Почему не рожу, а? Ну-ка вспомни, Гриша, сколько ты меня билъ? Сколько пинковъ въ бока мнѣ насыпалъ?... сосчитай-ка! Какъ ты мучилъ, истязалъ меня? Знаешь ли ты, сколько крови изъ меня лилось послѣ мучительства твоего? По шею рубаха-то въ крови бывала! Вотъ почему не рожу, мужъ милый! Какъ же ты

можешь упреки мнѣ дѣлать за это, а? Какъ же харѣ твоей не совѣстно смотрѣть-то на меня?... Вѣдь убивецъ ты! Понимаешь ли — убивецъ! Убивалъ ты, самъ убивалъ дѣтокъ-то своихъ! а теперь меня упрекаешь за то, что не рожу... Все я отъ тебя сносила, все я тебѣ прощала,—этакихъ словъ вовѣки не прощу! Умирать буду — вспомню! Неужто ты не понимаешь, что самъ виноватъ, что извелъ ты меня? Неужто я не какъ всѣ женщины — не хочу дѣтей! Не хочу, думаешь!? А-а! Многія ночи я, не спамши, Господа Бога молила сохранить дитя въ утробѣ моей отъ тебя, убивца... Вижу дитя чужое — горечью захлебываюсь отъ зависти да жалости къ себѣ самой... Мнѣ бы... Царица Небесная!... Семку этого... тихонько ласкала... Что я? Господи! Безплодная...

Она стала задыхаться. Слова прыгали изъ ея рта безъ смысла и безъ связи.

Лицо у нея было все въ пятнахъ, она дрожала и царапала себѣ шею, потому что въ горлѣ ея клокотали рыданія. Крѣпко держась за стулъ, Григорій, блѣдный и подавленный, сидѣлъ противъ нея и широко раскрытыми глазами смотрѣлъ на эту чужую ему женщину. Н боялся ея... боялся, что она вцѣпится ему въ горло и задушитъ его. Именно это обѣщали ему ея страшные, горящіе злобой глаза. Она была теперь вдвое сильнѣе его, онъ это чувствовалъ и трусилъ; не могъ встать и ударить ее, какъ сдѣлалъ бы, если бы не понималъ, что она переродилась, точно впитала въ себя великую силу откуда-то.

— Душу ты мнѣ задѣлъ... Гришка! Великъ твой грѣхъ передо мной! Терпѣла я, молчала... люблю тебя, потому что... но не могу я попрека такого снести!... Силъ ужъ нѣтъ... Богоданный ты мой! будь ты за слова твои трижды прокл...

— Молчать!—рявкнулъ Гришка, оскаливъ зубы.

— Вы, скандалисты! Забыли, гдѣ вы? Черти проклятые!

У Григорія былъ туманъ въ глазахъ. Не разобралъ онъ, кто стоитъ въ двери и говоритъ басомъ; выругался скверными словами, оттолкнулъ человѣка въ сторону и убѣжалъ въ поле. А Матрена, постоявъ среди комнаты съ минуту, шатаясь и точно слѣпая, протянувъ руки впередъ, подошла къ койкѣ и со стономъ свалилась на нее.

Темнѣло и уже въ окна комнаты съ неба изъ сизыхъ, рваныхъ тучъ заглядывала любопытно золотистая луна, покрывая полъ тѣнями.

Вскорѣ по стекламъ оконъ и стѣнѣ барака зашуршалъ мелкій частый дождь — предвѣстникъ безконечныхъ, наводящихъ тоску дождей хмурой осени.

Маятникъ часовъ равномѣрно отбивалъ секунды, неустанно били въ стёкла капли дождя. Одинъ за другимъ шли часы и дождь все шелъ, а на койкѣ неподвижно лежала женщина и смотрѣла воспаленными глазами въ потолокъ. Лицо у нея было мрачное, строгое, зубы крѣпко стиснуты, скулы выдались и въ глазахъ свѣтились страхъ и тоска. А дождь все шуршалъ о стѣны и стёкла; казалось, онъ настойчиво шепчетъ что-то утомительно-однообразное, хочетъ убѣдить кого-то въ чемъ-то, но не имѣетъ достаточно страсти для того, чтобы сдѣлать это быстро, красиво, съ силой, и надѣется достичь своей цѣли мучительною, безконечно-длинною, безцвѣтною проповѣдью, въ которой нѣтъ искренняго паѳоса вѣры.

Дождь шелъ и тогда, когда небо покрылось предразсвѣтнымъ колоритомъ, обѣщающимъ ненастный день и такъ похожимъ на цвѣтъ ножа, долго бывшаго въ употребленіи и лишеннаго блеска полировки. А Матрена все еще не могла уснуть. Въ монотонномъ шумѣ дождя она слышала тоскливый и пугавшій ее вопросъ:

— Что-то теперь будетъ? Что-то теперь будетъ?

Онъ неотвязно звучалъ за окнами и отзывался ноющей болью во всемъ существѣ ея.

— Что-то теперь будетъ?

Женщина боялась отвѣчать себѣ, хотя отвѣтъ то и дѣло вспыхивалъ предъ нею въ образѣ пьянаго и звѣрски-свирѣпаго мужа. Но ей было трудно разстаться съ мечтой о спокойной, любовной жизни, она уже сжилась съ этой мечтой и гнала прочь отъ себя угрожающее предчувствіе. И въ то же время у нея мелькало сознаніе, что если это случится—запьетъ Григорій, она уже не сможетъ жить съ нимъ. Она видѣла его другимъ, сама стала другая и прежняя жизнь возбуждала въ ней боязнь и отвращеніе—чувства новыя, ранѣе невѣдомыя ей. Но она была женщина и въ концѣ концовъ она стала обвинять себя за эту размолвку съ мужемъ.

— И какъ это все вышло?... О, Господи!... Точно я съ крючка сорвалась...

Въ такихъ противорѣчивыхъ, мучительныхъ думахъ прошелъ еще одинъ длинный часъ. Разсвѣло. Въ полѣ клубился тяжелый туманъ и неба не видно было сквозь его сѣрую мглу.

— Орлова! Дежурить...

Машинально повинуясь этому зову, брошенному въ дверь ея комнаты, она медленно поднялась съ постели, наскоро умылась и пошла въ баракъ, чувствуя себя безсильной и полубольной. Въ баракѣ она вызвала общее недоумѣніе вялостью своихъ движеній и угрюмымъ лицомъ съ погасшими глазами.

— Орлова! Вамъ, кажется, нездоровится? — спросила ее докторша.

— Ничего...

— Да вы скажите, не стѣсняясь! Вѣдь можно замѣнить васъ...

Матренѣ стало совѣстно, ей не хотѣлось выдавать своей боли и страха предъ этимъ хорошимъ, но все-таки чужимъ ей человѣкомъ. И почерпнувъ изъ глубины

своей измученной души остатокъ бодрости, она, усмѣхаясь, сказала докторшѣ:

— Ничего! Съ мужемъ я немножко повздорила... Пройдетъ это... не въ первинку...

— Бѣдная вы! — вздохнула докторша, знавшая ея жизнь.

Матренѣ захотѣлось упасть предъ ней, ткнуться головой въ ея колѣни и заревѣть... Но она сдержалась и только плотно сжала губы да провела рукой по горлу, какъ бы отталкивая готовое вырваться рыданіе назадъ въ грудь.

Смѣнившись съ дежурства, она вошла въ свою комнату и прежде всего посмотрѣла въ окно. По полю къ бараку двигалась фура—должно быть, везли больного. Мелкій дождь сыпался изъ сѣрыхъ тучъ. Больше ничего не было тамъ. Матрена отвернулась отъ окна́ и, тяжело вздохнувъ, сѣла за столъ, занятая своимъ вопросомъ.

— Что-то теперь будетъ? И сердце ея билось въ тактъ этимъ словамъ...

Долго сидѣла она, одинокая, въ тяжелой полудремотѣ, и каждый разъ шумъ шаговъ въ коридорѣ заставлялъ ее вздрагивать и, привставъ со стула, смотрѣть на дверь...

Но когда, наконецъ, эта дверь отворилась и вошелъ Григорій, она не вздрогнула и не встала, ибо почувствовала себя такъ, точно осеннія тучи съ неба вдругъ опустились на нее всей своей тяжестью.

А Григорій остановился у порога, бросилъ на полъ свой мокрый картузъ и, громко топая ногами, пошелъ къ женѣ. Съ него текла вода. Лицо у него было красное, глаза тусклые и губы растягивались въ широкую, глупую улыбку. Онъ шелъ, и Матрена слышала, какъ въ сапогахъ его хлюпала вода. Онъ былъ жалокъ и въ этомъ видѣ не представлялся ей.

— Хорошъ!—тихо сказала она.

Григорій глупо мотнулъ головой и спросилъ у нея:

— Хочешь, въ ноги поклонюсь?

Она молчала.

— Не хочешь? Ну, твое дѣло... А я все думалъ: виноватъ я предъ тобой или нѣтъ? Выходитъ — виноватъ. Вотъ я и говорю: хочешь, въ н-ноги поклонюсь?

Она молчала, вдыхая запахъ водки, исходившій отъ него, и душу ея разъѣдало горькое чувство.

— Ты вотъ что — ты не кобенься! Пользуйся, пока я смирный,—повышая голосъ, говорилъ Григорій.—Ну, прощаешь?

— Пьяный ты,—сказала Матрена, вздыхая...—Иди-ка спать...

— Врешь, я не пьяный, а усталъ я. Я все ходилъ и думалъ... Я, братъ, много думалъ... о! ты смотри!...

Онъ погрозилъ ей пальцемъ, криво усмѣхаясь.

— Что молчишь?

— Не могу я съ тобой говорить.

— Не можешь? А почему?

Онъ вдругъ весь вспыхнулъ и голосъ у него сталъ тверже.

— Ты вчера накричала на меня тутъ, налаяла... ну, а я вотъ у тебя же прощенья прошу. Понимай!

Онъ сказалъ это очень зловѣще, у него вздрагивали губы и ноздри раздувались. Матрена знала, что это значитъ, и предъ ней въ яркихъ образахъ воскресало прежнее: подвалъ, субботнія сраженія, тоска и духота ихъ жизни.

— Понимаю я!—рѣзко сказала она. — Вижу... опять ты озвѣрѣешь теперь... эхъ ты!

— Озвѣрѣю? Это... къ дѣлу не идетъ... Я говорю: простишь? Ты что думаешь? Нужно мнѣ оно, твое прощенье? Превосходно обойдусь и безъ него... но, однако, хочу вотъ, чтобъ ты меня простила... Поняла?

— Уйди ты отъ меня, Григорій!— тоскливо воскликнула женщина, отвертываясь отъ него.

— Уйти?—зло засмѣялся Гришка.—Уйти, а ты чтобы осталась на волѣ? Ну, нѣ-ѣтъ! А ты это видала?

Онъ схватилъ ее за плечо, рванулъ къ себѣ и поднесъ къ ея лицу ножъ — короткій, толстый и острый кусокъ ржаваго желѣза.

— Н-ну?

— Эхъ, кабы ты меня зарѣзалъ,—глубоко вздохнувъ, сказала Матрена, и, освободясь изъ-подъ его руки, вновь отвернулась отъ него. Тогда и онъ отшатнулся отъ нея, пораженный не ея словами, а тономъ ихъ. Онъ слыхалъ изъ ея устъ эти слова, не разъ слыхалъ, но такъ—она никогда не говорила ихъ. И то, что она, не боясь ножа, отвернулась отъ него, усилило его изумленіе и растерянность. Нѣсколько секундъ тому назадъ для него было бы легко ударить ее, но теперь онъ не могъ и не хотѣлъ этого. Почти испуганный ея равнодушіемъ къ угрозѣ, онъ бросилъ ножъ на столъ и съ тупой злобой спросилъ жену:

— Дьяволъ! Чего тебѣ нужно?

— Ничего мнѣ не надо, ничего!—задыхаясь, крикнула Матрена.—А ты что? Убить пришелъ? Ну и убей!

Григорій смотрѣлъ на нее и молчалъ, не зная, что ему теперь дѣлать, и не видя ничего яснаго въ своихъ спутанныхъ чувствахъ. Онъ пришелъ съ опредѣленнымъ намѣреніемъ побѣдить жену. Вчера, во время столкновенія, она была сильнѣе его, онъ это чувствовалъ и это унижало его въ своихъ глазахъ. Непремѣнно нужно было, чтобы она опять подчинилась ему, онъ не понималъ, зачѣмъ, но твердо зналъ—нужно. Натура страстная, онъ много пережилъ и передумалъ за эти сутки и—темный человѣкъ—не умѣлъ разобраться въ хаосѣ тѣхъ чувствъ, которыя возбудила въ немъ жена смѣло брошеннымъ ему правдивымъ обвиненіемъ. Онъ понималъ, что это возстаніе противъ него, и принесъ съ собой ножъ, чтобъ испугать Матрену; онъ убилъ бы ее, если бъ она не такъ пассивно сопротивлялись его

желанію подчинить ее. Но вотъ она была предъ нимъ, беззащитная, убитая тоской и все-таки сильнѣе его. Ему было обидно видѣть это, и обида дѣйствовала на него отрезвляюще.

— Слушай! — сказалъ онъ, — ты не фордыбачь! Ты знаешь, я вѣдь и въ самомъ дѣлѣ... ахну вотъ тебя въ бокъ—и шабашъ! И всей исторіи будетъ точка!... Очень просто...

Почувствовавъ, что онъ говоритъ не то, что нужно, Григорій замолчалъ. Матрена не двигалась, отвернувшись отъ него. Въ ней происходилъ лихорадочно-быстрый подсчетъ всего пережитаго съ мужемъ и бился этотъ неотвязный вопросъ:

— Что-то теперь будетъ?

— Мотря! — вдругъ тихо заговорилъ Григорій, опираясь на столъ рукой и наклонясь къ женѣ. — Али я виноватъ, что... все не тово... не въ порядкѣ?... Вѣдь очень ужъ тошно мнѣ!

Онъ покрутилъ головой и вздохнулъ.

— Такъ мнѣ тошно! Такъ мнѣ тѣсно на землѣ! Вѣдь развѣ это жизнь? Ну, скажемъ, холерные, — что они? Развѣ они мнѣ поддержка? Одни помрутъ, другіе выздоровѣютъ... а я опять долженъ буду жить. Какъ жить? Не жизнь—однѣ судороги... развѣ не обидно это? Вѣдь я все понимаю, только мнѣ трудно сказать, что я не могу такъ жить... а какъ мнѣ надо—не знаю! Ихъ, вонъ, лѣчатъ и всякое имъ вниманіе... а я здоровый, но ежели у меня душа болитъ, развѣ я ихъ дешевле? Ты подумай — вѣдь я хуже холернаго... у меня въ сердцѣ судороги—вотъ въ чемъ гвоздь!... А ты на меня кричишь!... Ты думаешь, я звѣрь? Пьяница—и все тутъ? Эхъ ты... баба ты! Деревянная...

Онъ говорилъ тихо и вразумительно, но она плохо слышала его рѣчь, занятая строгимъ смотромъ прошлаго.

— Ты вотъ молчишь...—говорилъ Гришка, прислу-

шиваясь, какъ въ немъ растетъ что-то новое и сильное.—А что ты молчишь? Чего ты хочешь?

— Ничего я отъ тебя не хочу! — воскликнула Матрена.—Что ты гвоздишь меня? Что мучишь? Чего тебѣ надо?

— Чего! А того... чтобы, стало быть...

Но тутъ Орловъ почувствовалъ, что не можетъ сказать ей, чего именно ему нужно,—такъ сказать, чтобъ все сразу было ясно и ему, и ей. Онъ понялъ, что между ними образовалось что-то, чего уже не разобьешь никакими словами...

Тогда въ немъ вдругъ и ярко вспыхнула дикая злоба. Онъ съ размаха ударилъ жену кулакомъ по затылку и звѣремъ зарычалъ:

— Ты что, вѣдьма, а? Ты что играешь? Убью, стерва

Она отъ удара ткнулась лицомъ въ столъ, но тотчасъ же вскочила на ноги и, глядя въ лицо мужа взглядомъ ненависти, твердо, громко и кратко сказала:

— Бей!

— Цыцъ!

— Бей! Ну?

— Ахъ ты дьяволъ!

— Нѣтъ ужъ, Григорій, будетъ! Не хочу я больше этого...

— Цыцъ!

— Не дамъ я тебѣ измываться надо мной...

Онъ заскрипѣлъ зубами и отступилъ отъ нея на шагъ — быть можетъ, для того, чтобъ удобнѣе ударить ее.

Но въ этотъ моментъ дверь отворилась и на порогѣ явился докторъ Ващенко.

— Эт-то что такое? Вы гдѣ, а? Вы что это тутъ разыгрываете?

Лицо у него было строгое и изумленное. Орловъ нимало не смутился при видѣ его и даже поклонился ему, говоря:

— А такъ это... дезинфекція промежду мужемъ и женой...

И онъ судорожно усмѣхнулся въ лицо доктору...

— Ты почему не явился на дежурство? — рѣзко крикнулъ докторъ, раздраженный усмѣшкой.

Гришка пожалъ плечами и спокойно объявилъ:

— Занятъ былъ... по своимъ дѣламъ...

— Такъ... да! А скандалилъ тутъ вчера—кто?

— Мы...

— Вы? Очень хорошо... Вы ведете себя по-домашнему... безъ спроса шляетесь...

— Не крѣпостные, потому что...

— Молчать! Кабакъ вы тутъ устроили... скоты! Я покажу вамъ, гдѣ вы...

Приливъ дикой удали, страстнаго желанія все опрокинуть, вырваться изъ гнетущей душу путаницы горячей волной охватилъ Гришку. Ему показалось, что вотъ сейчасъ онъ сдѣлаетъ что-то необыкновенное и сразу разрѣшитъ свою темную душу отъ путъ, связавшихъ ее. Онъ вздрогнулъ, почувствовалъ пріятный холодокъ въ сердцѣ и, съ какой-то кошечьей ужимкой повернувшись къ доктору, сказалъ ему:

— Вы не безпокойте глотку, не орите... я знаю, гдѣ я—въ морильнѣ!

— Что-о? Какъ ты сказалъ?—нагнулся къ нему пораженный докторъ.

Гришка понялъ, что сказалъ дикое слово, но не охладѣлъ отъ этого, а еще болѣе распалился.

— Ничего, сойдетъ! Скушаете... Матрена! Собирайся!

— Нѣтъ, голубчикъ, постой! Ты мнѣ отвѣть... — съ зловѣщимъ спокойствіемъ произнесъ докторъ.—Я тебя, мерзавецъ, за это...

Гришка въ упоръ смотрѣлъ на него и заговорилъ, чувствуя себя такъ, точно онъ прыгаетъ куда-то и съ каждымъ прыжкомъ ему дышится все легче.

— Вы, Андрей Степановичъ, не кричите... не ругай-

тесь... Вы думаете, ежели холера, то вы и можете надо мной командовать. Напрасная мечта... Что вы лѣчите, такъ это даже и не нужно никому... А что я сказалъ—морилка, это, конечно, пустое слово, и я дразнился... Но вы, все-таки, не очень орите...

— Нѣтъ, врешь!—спокойно сказалъ докторъ... Я тебя проучу... эй, подите сюда!

Въ коридорѣ уже столпились люди... Гришка прищурилъ глаза и сцѣпилъ зубы...

— Я не вру и не боюсь... а коли вамъ нужно проучить меня, то я для вашего удобства и еще скажу...

— Н-ну? Скажи...

— Я пойду въ городъ и цыкну:—Ребята! А знаете, какъ холеру лѣчатъ?

— Что-о?—широко раскрылъ глаза докторъ.

— Такъ тогда мы тутъ такую дезинфекцію съ лиминаціей...

— Что ты говоришь, чортъ тебя возьми! — глухо вскричалъ докторъ. — Раздраженіе уступило въ немъ мѣсто изумленію предъ этимъ парнемъ, котораго онъ зналъ, какъ трудолюбиваго и неглупаго работника и который теперь, неизвѣстно зачѣмъ, безтолково и нелѣпо лѣзъ въ петлю...

— Что ты мелешь, дуракъ?

— Дуракъ! — отозвалось эхомъ во всемъ существѣ Гришки. Онъ понялъ, что этотъ приговоръ справедливъ и еще болѣе обидѣлся.

— Что я говорю! Я знаю... Мнѣ все равно... — говорилъ онъ, дико сверкая глазами.—Я такъ понимаю теперь, что нашему брату всегда все равно... и совсѣмъ напрасно стѣсняемся мы въ нашихъ чувствахъ... Матрена, собирайся!

— Я не пойду!—твердо заявила Матрена.

Докторъ смотрѣлъ на нихъ круглыми глазами и теръ себѣ лобъ, ничего не понимая.

— Ты... пьяный или сумасшедшій человѣкъ! понимаешь ты, что дѣлаешь?

Гришка не сдавался, не могъ сдаться. И въ отвѣтъ доктору онъ говорилъ иронически:

— А вы какъ понимаете? Вы-то что дѣлаете? Дезинфекцію, ха, ха! Больныхъ лѣчите... а здоровые помираютъ отъ тѣсноты жизни... Матрена! Башку разобью! Иди...

— Я съ тобой не пойду!

Она была блѣдна и неестественно неподвижна, но глаза ея смотрѣли въ лицо мужа твердо и холодно. Гришка, несмотря на весь свой геройскій куражъ, отвернулся отъ нея и, опустивъ голову, замолчалъ.

— Тьфу!—плюнулъ докторъ.—Самъ дьяволъ не разберетъ, что это такое... Ты! Пошелъ вонъ! Ступай и благодари, что я тебя не приструнилъ... тебя бы слѣдовало подъ судъ... болванъ! Пошелъ!

Григорій молча взглянулъ на доктора и опять поникъ. Ему было бы лучше, если бы его побили или хоть отправили въ полицію... Но докторъ былъ добрый человѣкъ и видѣлъ, что Орловъ почти невмѣняемъ...

— Послѣдній разъ говорю—идешь ты?—сипло спросилъ Гришка жену.

— Нѣтъ, не пойду, — отвѣтила она и немножко согнулась, точно ожидая удара.

Гришка махнулъ рукой.

— Ну... чортъ васъ всѣхъ возьми!... Да и на кой дьяволъ вы нужны мнѣ?

— Ты, дубина дикая,—урезонивающе началъ докторъ.

— Не лайтесь!--крикнулъ Гришка.—Ну, шлюха проклятая,—ухожу я! Чай, не увидимся... а можетъ, увидимся... это ужъ какъ я захочу! Но ежели увидимся—не хорошо тебѣ будетъ, такъ и знай!

И Орловъ двинулся къ двери.

— Прощай... трагикъ! —сардонически сказалъ докторъ, когда Гришка поровнялся съ нимъ.

Григорій остановился и, поднявъ на доктора тоскливо сверкавшіе глаза, сдержанно и негромко заявилъ:

— А вы меня не троньте... не заводите пружину сначала... развернулась она, никого не задѣла... ну и ладно.

Онъ поднялъ съ пола картузъ, налѣпилъ его себѣ на голову, поежился и ушелъ, не взглянувъ на жену.

На нее пытливо смотрѣлъ докторъ. Она стояла предъ нимъ блѣдная, съ какимъ-то безчувственнымъ лицомъ.— Докторъ кивнулъ головой вслѣдъ Григорію и спросилъ ее:

— Что съ нимъ?

— Не знаю...

— Гмъ... А куда онъ теперь?

— Пьянствовать!—твердо отвѣтила Орлова.

Докторъ повелъ бровями и ушелъ.

Матрена посмотрѣла въ окно. Отъ барака къ городу, въ вечернемъ сумракѣ, подъ дождемъ и вѣтромъ быстро двигалась фигура мужчины. Одна, среди мокраго сѣраго поля...

... Лицо Матрены Орловой поблѣднѣло еще болѣе, она оборотилась въ уголъ, стала на колѣни и начала молиться, усердно отбивая земные поклоны, задыхаясь въ страстномъ шопотѣ своей молитвы и растирая грудь и горло дрожащими отъ возбужденія руками.

Однажды я осматривалъ ремесленную школу въ N. Моимъ чичероне былъ знакомый человѣкъ, одинъ изъ основателей ея. Онъ водилъ меня по образцово-устроенной школѣ и разсказывалъ:

— Какъ видите, мы можемъ похвалиться... чадо наше растетъ и развивается на славу. Учительскій персоналъ на удивленіе подобрался. Въ сапожной и башмачной мастерской, напримѣръ, учительница—простая сапожница, баба, т.-е. даже бабеночка, вкусная такая, шельма, но безупречнѣйшаго поведенія.—Впрочемъ, это къ чорту... н-да. Такъ, вотъ, эта бабочка простая, говорю, сапожница, но какъ она работаетъ!... какъ

умѣло преподаетъ свое ремесло, съ какою любовью относится къ ребятишкамъ — изумительно! Безцѣнная работница... работаетъ за 12 р. и квартиру при школѣ... и еще двухъ сиротъ содержитъ на свои убогія средства! Это, я вамъ скажу, преинтересная фигура.

Онъ такъ усердно расхваливалъ сапожницу, что вызвалъ во мнѣ желаніе познакомиться съ ней.

Это скоро устроилось, и вотъ однажды Матрена Ивановна Орлова разсказывала мнѣ свою печальную жизнь. Первое время послѣ того, какъ она разошлась съ мужемъ, онъ не давалъ ей покоя: — приходилъ къ ней пьяный, устраивалъ скандалы, подстерегалъ ее всюду и билъ нещадно. Она терпѣла.

Когда баракъ закрыли, докторша предложила Матренѣ Ивановнѣ устроить ее при школѣ и оградить отъ мужа. И то, и другое удалось, и Орлова зажила спокойною, трудовою жизнью; выучилась подъ руководствомъ знакомыхъ фельдшерицъ грамотѣ, взяла себѣ на воспитаніе двухъ сиротъ изъ пріюта — дѣвочку и мальчика — и работаетъ, довольная собой, съ грустью и со страхомъ вспоминая свое прошлое. Въ воспитанникахъ своихъ она души не чаетъ, значеніе своей дѣятельности понимаетъ широко, относится къ ней сознательно и среди заправилъ школы заслужила всеобщій интересъ и уваженіе къ себѣ. Но она кашляетъ сухимъ, подозрительнымъ кашлемъ, на впалыхъ щекахъ ея горитъ зловѣщій румянецъ и въ сѣрыхъ глазахъ ютится много грусти. Отозвалось супружество съ безпокойнымъ Гришкой.

А онъ махнулъ рукой на жену и вотъ уже третій годъ не безпокоитъ ея. Онъ иногда является въ N, но не показываетъ своихъ глазъ Матренѣ. Онъ „босячитъ“, какъ опредѣлила она мнѣ родъ его жизни.

Мнѣ удалось познакомиться и съ нимъ. Я нашелъ его въ одной изъ городскихъ трущобъ, и въ два-три свиданія мы съ нимъ были друзьями. Повторивъ исто-

рію, разсказанную мнѣ его женой, онъ задумался не надолго и потомъ сказалъ:

— Вотъ такъ-то, значитъ, Максимъ Савватѣичъ, приподняло меня, да и шлепнуло. Такъ я никакого геройства и не совершилъ. А и по сю пору хочется мнѣ отличиться на чемъ-нибудь... Раздробить бы всю землю въ пыль или собрать шайку товарищей и жидовъ перебить... всѣхъ до одного! Или вообще что-нибудь этакое, чтобы стать выше всѣхъ людей и плюнуть на нихъ съ высоты... И сказать имъ: ахъ вы, гады! Зачѣмъ живете? Какъ живете? Жулье вы лицемѣрное и больше ничего! И потомъ внизъ тормашками съ высоты и... вдребезги! Н-да-а! Чортъ те возьми... скучно! И ахъ какъ скучно и тѣсно мнѣ жить!... Думалъ я, сбросивъ съ шеи Матрешку:—н-ну, Гриня, плавай свободно, якорь поднятъ! Анъ не тутъ-то было—фарватеръ мелокъ! Стопъ! И сижу на мели... Но не обсохну, не бойсь! Я себя проявлю! Какъ?—это одному дьяволу извѣстно... Жена? Ну ее ко всѣмъ чертямъ! Развѣ такимъ, какъ я, жена нужна? На кой ее... когда меня во всѣ четыре стороны сразу тянетъ... Я родился съ безпокойствомъ въ сердцѣ... и судьба моя—быть босякомъ! Самое лучшее положеніе въ свѣтѣ—свободно и... тѣсно все-таки! Ходилъ я и ѣздилъ въ разныя стороны... никакого утѣшенія... Пью? Конечно, а какъ же? Все-таки водка—она гаситъ сердце... А горитъ сердце большимъ огнемъ... Противно все—города, деревни, люди разныхъ калибровъ... Тьфу! Неужто же лучше этого и выдумать ничего нельзя? Всѣ другъ на друга... такъ бы всѣхъ и передушилъ! Эхъ ты жизнь, дьявольская ты премудрость!

Тяжелая дверь кабака, въ которомъ сидѣлъ я съ Орловымъ, то и дѣло отворялась и при этомъ какъ-то сладострастно повизгивала. И внутренность кабака возбуждала представленіе о какой-то пасти, которая медленно, но неизбѣжно поглощаетъ одного за другимъ бѣдныхъ русскихъ людей, безпокойныхъ и иныхъ...

БЫВШІЕ ЛЮДИ.

(1897.)

I.

Въѣзжая улица—это два ряда одноэтажныхъ лачужекъ, тѣсно прижавшихся другъ къ другу, ветхихъ, съ кривыми стѣнами и перекошенными окнами; дырявыя крыши этихъ изувѣченныхъ временемъ человѣческихъ жилищъ испещрены заплатами изъ лубковъ и поросли мхомъ; надъ ними кое-гдѣ торчатъ высокіе шесты со скворешницами, и ихъ осѣняетъ пыльная зелень бузины и корявыхъ ветелъ—жалкая флора городскихъ окраинъ, населенныхъ бѣднотою.

Мутно-зеленыя отъ старости стёкла оконъ домишекъ смотрятъ другъ на друга взглядами трусливыхъ жуликовъ. Посреди улицы ползетъ въ гору извилистая колея, лавируя между глубокихъ рытвинъ, промытыхъ дождями. Кое-гдѣ лежатъ поросшія бурьяномъ кучи щебня и разнаго мусора—это остатки или начала тѣхъ сооруженій, которыя безуспѣшно предпринимались обывателями въ борьбѣ съ потоками дождевой воды, стремительно стекавшей изъ города. Вверху, на горѣ, въ пышной зелени густыхъ садовъ прячутся красивые каменные дома, колокольни церквей гордо вздымаются въ голубое небо, ихъ золотые кресты ослѣпительно блестятъ на солнцѣ.

Въ дожди городъ спускаетъ на Въѣзжую улицу свою грязь, въ сухое время осыпаетъ ее пылью,—и всѣ

эти уродливые домики кажутся тоже сброшенными оттуда, сверху, сметенными, какъ мусоръ, чьей-то могучей рукой.

Приплюснутые къ землѣ, они усѣяли собой всю гору, полугнилые, немощные и окрашенные солнцемъ, пылью и дождями въ тотъ неуловимый для опредѣленія сѣровато-грязный колоритъ, который принимаетъ дерево въ старости.

Въ концѣ этой жалкой улицы, выброшенный изъ города подъ гору, стоялъ длинный двухъэтажный вымороченый домъ, купленный у города купцомъ Петунниковымъ. Онъ былъ крайнимъ въ порядкѣ, находясь уже подъ горой, и дальше за нимъ широко развертывалось поле, обрѣзанное въ полуверстѣ отъ дома крутымъ обрывомъ къ рѣкѣ.

Большой и очень старый домъ имѣлъ самую мрачную физіономію среди своихъ сосѣдей. Весь онъ покривился, въ двухъ рядахъ его оконъ не было ни одного, сохранившаго правильную форму, и осколки стеколъ въ изломанныхъ рамахъ имѣли зеленовато-мутный цвѣтъ, болотной воды.

Простѣнки между оконъ испещряли трещины и темныя пятна отвалившейся штукатурки—точно время этими іероглифами написало на стѣнахъ дома его біографію. Крыша, наклонившаяся на улицу, еще болѣе увеличивала его плачевный видъ—казалось, что домъ нагнулся къ землѣ и покорно ждетъ отъ судьбы послѣдняго удара, который превратитъ его въ прахъ, въ безформенную груду полугнилыхъ обломковъ.

Ворота были отворены—одна половинка ихъ, сорванная съ петель, лежала на землѣ и въ щели между ея досками проросла трава, густо покрывавшая большой и пустынный дворъ дома. Въ глубинѣ двора стояло низенькое закопченое зданіе съ желѣзной крышей на одинъ скатъ. Самый домъ, конечно, былъ необитаемъ, но въ этомъ зданіи, раньше представлявшемъ собою

кузницу, теперь помѣщалась „ночлежка“, содержимая ротмистромъ въ отставкѣ Аристидомъ Ѳомичемъ Кувалдой.

Внутри ночлежка была длинной и мрачной норой, размѣромъ въ четыре и десять саженъ; она освѣщалась съ одной стороны четырьмя маленькими квадратными окнами и широкой дверью. Кирпичныя, нештукатуренныя стѣны ея были черны отъ копоти, потолокъ изъ барочнаго днища тоже прокоптѣлъ до черноты; посреди ея помѣщалась громадная печь, основаніемъ которой служилъ горнъ, а вокругъ печи и по стѣнамъ шли широкія нары съ кучками всякой рухляди, служившей ночлежникамъ постелями. Отъ стѣнъ пахло дымомъ, отъ земляного пола—сыростью, отъ наръ—потнымъ и гніющимъ тряпьемъ.

Помѣщеніе хозяина ночлежки находилось на печи нары вокругъ печи были почетнымъ мѣстомъ, и на нихъ размѣщались тѣ ночлежники, которые пользовались благоволеніемъ и дружбой хозяина.

День ротмистръ всегда проводилъ у двери въ ночлежку, сидя въ нѣкоторомъ подобіи кресла, собственноручно сложеннаго имъ изъ кирпичей, или же въ харчевнѣ Егора Вавилова, находившейся наискось отъ дома Петунникова; тамъ ротмистръ обѣдалъ и пилъ водку.

Передъ тѣмъ, какъ снять это помѣщеніе, Аристидъ Кувалда имѣлъ въ городѣ бюро для рекомендаціи прислуги; восходя выше въ его прошлое, можно было узнать, что онъ имѣлъ типографію, а до типографіи онъ, по его словамъ,—„просто—жилъ! И славно жилъ, чортъ возьми! Умѣючи жилъ, могу сказать!“

Это былъ широкоплечій, высокій человѣкъ лѣтъ пятидесяти, съ рябымъ, опухшимъ отъ пьянства лицомъ, въ широкой грязно-желтой бородѣ. Глаза у него были сѣрые, огромные, дерзко-веселые; говорилъ онъ басомъ съ рокотаніемъ въ горлѣ, и почти всегда въ зубахъ у

него торчала нѣмецкая фарфоровая трубка съ выгнутымъ чубукомъ. Когда онъ сердился, ноздри его большого горбатаго и ярко-краснаго носа широко раздувались и губы вздрагивали, обнажая два ряда крупныхъ, какъ у волка, желтыхъ зубовъ. Длиннорукій, колченогій, всегда одѣтый въ грязную и рваную офицерскую шинель, въ сальной фуражкѣ съ краснымъ околышемъ, но безъ козырька, и въ худыхъ валенкахъ, доходившихъ ему до колѣнъ,—поутру онъ неизмѣнно былъ въ тяжеломъ состояніи похмелья, а вечеромъ — навеселѣ. Допьяна онъ не могъ напиться, сколько бы ни выпилъ, и веселаго расположенія духа никогда не терялъ.

Вечерами, сидя въ своемъ кирпичномъ креслѣ съ трубкой въ зубахъ, онъ принималъ постояльцевъ.

— Что за человѣкъ?—спрашивалъ онъ у подходившаго къ нему рваннаго и угнетеннаго субъекта, сброшеннаго изъ города за пьянство или по какой-нибудь другой, не менѣе основательной причинѣ опустившагося внизъ.

Человѣкъ отвѣчалъ.

— Представь въ подтвержденіе твоего вранья законную бумагу.

Бумага представлялась, если была. Ротмистръ совалъ ее за пазуху, рѣдко интересуясь ея содержаніемъ, и говорилъ:

— Все въ порядкѣ. За ночь двѣ копейки, за недѣлю гривенникъ, за мѣсяцъ—три гривенника. Ступай и займи себѣ мѣсто, да смотри, не чужое, а то тебя вздуютъ. У меня живутъ люди строгіе...

Новички спрашивали его:

— А чаемъ, хлѣбомъ или чѣмъ съѣстнымъ не торгуете?

— Я торгую только стѣной и крышей, за что самъ плачу мошеннику-хозяину этой дыры, купцу 2-й гильдіи Іудѣ Петунникову, пять цѣлковыхъ въ мѣсяцъ,—объяснялъ Кувалда дѣловымъ тономъ;—ко мнѣ идетъ

народъ, къ роскоши непривычный... а если ты привыкъ каждый день жрать — вонъ напротивъ харчевня. Но лучше, если ты, обломокъ, отучишься отъ этой дурной привычки. Вѣдь ты не баринъ—значитъ, что ты ѣшь? Самъ себя ѣшь!

За такія и подобныя рѣчи, произносимыя дѣланно-строгимъ тономъ и всегда со смѣющимися глазами, и за внимательное отношеніе къ своимъ постояльцамъ ротмистръ пользовался среди городской голи широкой популярностью. Часто случалось, что бывшій кліентъ ротмистра являлся на дворъ къ нему уже не рваный и угнетенный, а въ болѣе или менѣе приличномъ видѣ и съ бодрымъ лицомъ.

— Здравствуйте, ваше благородіе! Каковенько поживаете?

— Здорово. Живъ. Говори дальше.

— Не узнали?

— Не узналъ.

— А помните, я у васъ зимой жилъ съ мѣсяцъ... когда еще облава-то была и трехъ забрали?

— Н-ну, братъ, подъ моей гостепріимной кровлей то и дѣло полиція бываетъ!

— Ахъ ты, Господи! Еще вы тогда частному приставу кукишъ показали!

— Погоди, ты плюнь на воспоминанія и говори просто, что тебѣ нужно?

— Не желаете ли принять отъ меня угощеніе махонькое? Какъ я о ту пору у васъ жилъ, и вы мнѣ, значитъ...

— Благодарность должна быть поощряема, другъ мой, ибо она у людей рѣдко встрѣчается. Ты, должно быть, славный малый, и хоть я совсѣмъ тебя не помню, но въ кабакъ съ тобой пойду съ удовольствіемъ и напьюсь за твои успѣхи въ жизни съ наслажденіемъ.

— А вы все такой же... все шутите?

— Да что же еще можно дѣлать, живя среди васъ, горюновъ?

Они шли. Иногда бывшій кліентъ ротмистра, весь развинченный и распатанный угощеніемъ, возвращался въ ночлежку; на другой день они снова угощались, и въ одно прекрасное утро бывшій кліентъ просыпался съ сознаніемъ, что онъ вновь пропился до тла.

— Ваше благородіе! Вотъ те и разъ! Опять я къ вамъ въ команду попалъ? Какъ же теперь?

— Положеніе, которымъ нельзя похвалиться, но, находясь въ немъ, не слѣдуетъ и скулить,—резонировалъ ротмистръ.—Нужно, другъ мой, ко всему относиться равнодушно, не портя себѣ жизни философіей и не ставя никакихъ вопросовъ. Философствовать всегда глупо, философствовать съ похмелья—невыразимо глупо. Похмелье требуетъ водки, а не угрызенія совѣсти и скрежета зубовнаго... зубы береги, а то тебя бить не по чему будетъ. На-ка вотъ тебѣ двугривенный — иди и принеси косушку водки, на пятачокъ горячаго рубца или легкаго, фунтъ хлѣба и два огурца. Когда мы опохмелимся, тогда и взвѣсимъ положеніе дѣлъ...

Положеніе дѣлъ опредѣлялось вполнѣ точно дня черезъ два, когда у ротмистра не оказывалось ни гроша отъ трешницы или пятишницы, которая была у него въ карманѣ въ день появленія благодарнаго кліента.

— Пріѣхали! Баста!—говорилъ ротмистръ;—теперь, когда мы съ тобой, дуракъ, пропились вполнѣ совершенно, попытаемся снова вступить на путь трезвости и добродѣтели. Какъ справедливо сказано: не согрѣшивъ—не покаешься, не покаявшись—не спасешься. Первое мы исполнили, но каяться безполезно, давай же прямо спасаться. Отправляйся на рѣку и работай. Если не ручаешься за себя—скажи подрядчику, чтобъ онъ твои деньги удерживалъ, а то отдавай ихъ мнѣ. Когда накопимъ капиталъ, я куплю тебѣ штаны и прочее, что нужно для того, чтобы ты вновь могъ сойти за по-

рядочнаго человѣка и скромнаго труженика, гонимаго судьбой. Въ хорошихъ штанахъ ты снова можешь далеко уйти. Маршъ!

Кліентъ отправлялся крючничать на рѣку, посмѣиваясь надъ длинными и мудрыми рѣчами ротмистра. Онъ неясно понималъ ихъ соль, но видѣлъ предъ собой веселые глаза, чувствовалъ бодрый духъ и зналъ, что въ краснорѣчивомъ ротмистрѣ онъ имѣлъ руку, которая, въ случаѣ надобности, можетъ поддержать его.

И дѣйствительно, чрезъ мѣсяцъ—другой какой-нибудь каторжной работы кліентъ, по милости строгаго надзора за его поведеніемъ со стороны ротмистра, имѣлъ матеріальную возможность вновь подняться на ступеньку выше того мѣста, куда онъ опустился при благосклонномъ участіи того же ротмистра.

— Н-ну, другъ мой,—критически осматривая реставрированнаго кліента, говорилъ Кувалда,—штаны и пиджакъ у насъ есть. Это вещи громаднаго значенія—вѣрь моему опыту. Пока у меня были приличные штаны, я жилъ въ городѣ на роли порядочнаго человѣка, но, чортъ возьми, какъ только штаны съ меня слѣзли, такъ и я упалъ въ мнѣніи людей и самъ долженъ былъ слѣзть сюда внизъ изъ города. Люди, мой прекрасный болванъ, судятъ о всѣхъ вещахъ по ихъ формѣ, сущность же вещей имъ недоступна по причинѣ врожденной людямъ глупости. Заруби это себѣ на носу и, уплативъ мнѣ хоть половину твоего долга, съ миромъ иди и ищи и да обрящешь!

— Я вамъ, Аристидъ Ѳомичъ, сколько состою?—смущенно освѣдомлялся кліентъ.

— Рубль и семь гривенъ... Теперь дай мнѣ рубль или семь гривенъ, а остальныя я подожду на тебѣ до поры, пока ты не украдешь или не заработаешь больше того, что ты теперь имѣешь.

— Покорнѣйше благодарю за ласку!—говоритъ тронутый кліентъ. Экой вы... какой добряга, право! Эхъ,

напрасно васъ жизнь скрутила... какой, чай, вы орелъ были на своемъ-то мѣстѣ?!

Ротмистръ жить не можетъ безъ витіеватыхъ рѣчей.

— Что значитъ на своемъ мѣстѣ? Никто не знаетъ своего настоящаго мѣста въ жизни, и каждый изъ насъ лѣзетъ не въ свой хомутъ. Купцу Іудѣ Петунникову мѣсто въ каторжныхъ работахъ, а онъ ходитъ среди бѣла дня по улицамъ и даже хочетъ строить какой-то заводъ. Учителю нашему мѣсто около хорошей бабы и среди полдюжины ребятъ, а онъ валяется у Вавилова въ кабакѣ. Вотъ и ты—ты идешь искать мѣсто лакея или коридорнаго, а я вижу, что твое мѣсто въ солдатахъ, ибо ты не глупъ, выносливъ и понимаешь дисциплину. Видишь—какая штука? Насъ жизнь тасуетъ, какъ карты, и только случайно—и то не надолго—мы попадаемъ на свое мѣсто!

Иногда подобныя прощальныя бесѣды служили предисловіемъ къ продолженію знакомства, которое снова начиналось доброй выпивкой и снова доходило до того, что кліентъ пропивался и изумлялся, ротмистръ давалъ ему реваншъ и... пропивались оба.

Такія повторенія предыдущаго ничуть не портили добрыхъ отношеній между сторонами. Упомянутый ротмистромъ учитель былъ именно однимъ изъ тѣхъ кліентовъ, которые чинились лишь затѣмъ, чтобы тотчасъ же разрушиться. По своему интеллекту это былъ человѣкъ ближе всѣхъ другихъ стоявшій къ ротмистру и, быть можетъ, именно этой причинѣ онъ былъ обязанъ тѣмъ, что, опустившись до ночлежки, уже болѣе не могъ подняться.

Съ нимъ однимъ Аристидъ Кувалда могъ философствовать въ увѣренности, что его понимаютъ. Онъ цѣнилъ это, и когда поправленный учитель готовился оставить ночлежку, заработавъ деньжонокъ и имѣя намѣреніе снять себѣ въ городѣ уголъ,—Аристидъ Кувалда такъ грустно провожалъ его, такъ много изре-

калъ меланхолическихъ тирадъ, что оба они непремѣнно напивались и пропивались. Вѣроятно, Кувалда сознательно ставилъ дѣло такъ, что учитель при всемъ желаніи не могъ выбраться изъ его начлежки. Можно ли было Аристиду Кувалдѣ, дворянину съ образованіемъ, осколки котораго и теперь еще порой блестѣли въ его рѣчахъ, съ развитой превратностями судьбы привычкой мыслить, можно ли было ему не желать и не стараться всегда видѣть рядомъ съ собой человѣка такого же, какъ и онъ самъ? Мы умѣемъ жалѣть себя.

Этотъ учитель когда-то что-то преподавалъ въ учительскомъ институтѣ одного приволжскаго города, но вслѣдствіе нѣкоторой исторіи былъ устраненъ изъ института. Потомъ онъ былъ конторщикомъ на кожевенномъ заводѣ и тоже принужденъ былъ уйти. Былъ библіотекаремъ въ какой-то частной библіотекѣ, извѣдалъ еще нѣсколько профессій и, наконецъ, сдавъ экзаменъ на частнаго повѣреннаго по судебнымъ дѣламъ, запилъ горькую и попалъ къ ротмистру. Былъ онъ высокій, сутулый, съ длиннымъ и острымъ носомъ и совершенно лысой головой. На его костлявомъ и желтомъ лицѣ съ клинообразной бородкой блестѣли большіе безпокойно-тоскливые глаза, глубоко ввалившіеся въ орбиты, и углы его рта были печально опущены книзу. Средства къ жизни или, вѣрнѣе, къ пьянству онъ добывалъ репортерствомъ въ мѣстныхъ газетахъ. Случалось, что онъ зарабатывалъ въ недѣлю рублей пятнадцать. Тогда онъ отдавалъ ихъ ротмистру и говорилъ:

— Будетъ! Я возвращаюсь въ лоно культуры. Еще недѣлю работы — и я одѣнусь прилично и addio, mio caro!

— Похвально! Сочувствуя отъ души твоему, Филиппъ, рѣшенію, я не дамъ тебѣ ни рюмки за всю эту недѣлю, — строго предупреждалъ его ротмистръ.

— Буду благодаренъ!... Ни единой капли не дашь?

Ротмистръ слышалъ въ его словахъ что-то близкое

къ робкой мольбѣ о послабленіи и еще строже говорилъ:

— Хоть реви — не дамъ!

— Ну, и кончено, — вздыхалъ учитель и отправлялся на репортажъ. А черезъ день, много черезъ два, онъ, разбитый, утомленный и жаждущій, уже смотрѣлъ на ротмистра откуда-нибудь изъ угла тоскливыми и умоляющими глазами и трепетно ждалъ, когда смягчится сердце друга. Ротмистръ принималъ суровый видъ и произносилъ пропитанныя убійственной ироніей рѣчи на тему о позорѣ слабохарактерности, о скотскомъ наслажденіи пьянства и на всѣ другія, приличныя случаю темы. Надо отдать ему справедливость — онъ вполнѣ искренно увлекался своей ролью ментора и моралиста; но завсегдатаи ночлежки, настроенные скептически, слѣдя за ротмистромъ и слушая его карающія рѣчи, говорили другъ другу, подмигивая въ его сторону:

— Химикъ! Ловко отбояривается! Дескать, я тебѣ говорилъ, ты меня не слушалъ — пеняй на себя!

— Его благородіе настоящій воинъ — впередъ идетъ, а уже назадъ дорогу ищетъ!

А учитель ловилъ своего друга опять-таки гдѣ-нибудь въ темномъ углу и, крѣпко вцѣпившись въ его грязную шинель, весь дрожащій, облизывая сухія губы, невыразимымъ словами, глубоко-трагическимъ взглядомъ смотрѣлъ въ его лицо.

— Не можешь? — угрюмо спрашивалъ ротмистръ.

Учитель молча и утвердительно кивалъ головой и затѣмъ уныло опускалъ ее на грудь, вздрагивая всѣмъ своимъ тѣломъ, длиннымъ и худымъ.

— Потерпи еще день... можетъ быть, справишься? — предлагалъ Кувалда.

Учитель вздыхалъ и трясъ головой отрицательно, безнадежно. Ротмистръ видѣлъ, что худое тѣло друга все трепещетъ отъ жажды яда и доставалъ изъ кармана деньги.

— Въ большинствѣ случаевъ безполезно спорить съ рокомъ,—говорилъ онъ при этомъ, точно желая оправдать себя передъ кѣмъ-то.

А если учитель выдерживалъ всю недѣлю, между нимъ и ротмистромъ разыгрывалась трогательная сцена прощанія друзей и финалъ ея обыкновенно происходилъ въ харчевнѣ Вавилова.

Учитель не всѣ свои деньги пропивалъ; по крайней мѣрѣ половину ихъ онъ тратилъ на дѣтей Въѣзжей улицы. Бѣдняки всегда дѣтьми богаты, и на этой улицѣ, въ ея пыли и ямахъ, цѣлые дни съ утра до вечера шумно возились кучи оборванныхъ, грязныхъ и полуголодныхъ ребятишекъ.

Дѣти — это живые цвѣты земли, но на Въѣзжей улицѣ они имѣли видъ цвѣтовъ, преждевременно увядшихъ, должно быть—потому, что росли на почвѣ, скудной здоровыми соками.

И вотъ учитель часто собиралъ ихъ вокругъ себя и, накупивъ булокъ, яицъ, яблоковъ и орѣховъ, шелъ съ ними въ поле, къ рѣкѣ. Тамъ они располагались на землѣ и сначала жадно поѣдали все, что предлагалъ имъ учитель, а потомъ начинали играть, наполняя воздухъ на цѣлую версту вокругъ себя беззаботнымъ шумомъ и смѣхомъ. Худая и длинная фигура пьяницы какъ-то съеживалась среди этихъ маленькихъ людей, относившихся къ нему съ полной фамильярностью, какъ къ своему однолѣтку. Они даже и звали его просто Филиппомъ, не добавляя къ его имени дядя или дядюшка. Вертясь около него, какъ вьюны, они толкали его, вскакивали къ нему на спину, хлопали его по лысинѣ, хватали за носъ. Все это, должно быть, нравилось ему, ибо онъ не протестовалъ противъ такихъ вольностей. Онъ вообще мало разговаривалъ съ ними, а если и говорилъ, то какъ-то такъ осторожно и даже робко, точно боялся, что его слова могутъ выпачкать ихъ или вообще повредить имъ. Онъ проводилъ съ ними

въ роли ихъ игрушки и товарища по нѣсколько часовъ кряду, разсматривая оживленныя ихъ рожицы своими тоскливо-грустными глазами, а потомъ задумчиво и медленно шелъ отъ нихъ въ харчевню Вавилова и тамъ быстро и молча напивался до потери сознанія.

Почти каждый день, возвращаясь съ репортажа, учитель приносилъ съ собой газету, и около него устраивалось общее собраніе всѣхъ бывшихъ людей. Они, увидѣвъ его, двигались къ нему изъ разныхъ угловъ двора, выпившіе или страдавшіе съ похмелья, разнообразно растрепанные, но одинаково жалкіе и грязные.

Шелъ толстый, какъ бочка, Алексѣй Максимовичъ Симцовъ, бывшій лѣсничій удѣльнаго вѣдомства, а нынѣ торговецъ спичками, чернилами, ваксой и бракованными лимонами. Это былъ старикъ лѣтъ шестидесяти, въ парусиновомъ пальто и въ широкой шляпѣ, прикрывавшей своими измятыми полями его толстое и красное лицо съ бѣлой густой бородой, изъ которой на свѣтъ Божій весело смотрѣлъ маленькій пунцовый носъ, толстыя губы такого же цвѣта и слезящіеся циничные глазки. Его звали Кубарь — и это прозвище мѣтко очерчивало его круглую фигуру и рѣчь, похожую на жужжаніе.

Вылѣзалъ откуда-нибудь изъ угла Конецъ — мрачный, молчаливый и черный пьяница, бывшій тюремный смотритель Лука Антоновичъ Мартьяновъ, человѣкъ, существовавшій игрой „въ ремешокъ“, „въ три листика“, „въ банковку“ и прочими искусствами, столь же остроумными и такъ же нелюбимыми полиціей. Онъ грузно опускалъ свое большое, не разъ жестоко битое тѣло на траву, рядомъ съ учителемъ, сверкалъ черными глазами и, простирая руку къ бутылкѣ, хриплымъ басомъ спрашивалъ:

— Могу?

Являлся механикъ Павелъ Солнцевъ, чахоточный человѣкъ лѣтъ тридцати. Лѣвый бокъ у него былъ перебитъ въ дракѣ, а лицо, желтое и острое, какъ у лисицы, постоянно кривилось въ ехидную улыбку. Тонкія губы открывали два ряда черныхъ, разрушенныхъ болѣзнью зубовъ, и лохмотья на его узкихъ и костлявыхъ плечахъ болтались, какъ на вѣшалкѣ. Его прозвали Объѣдокъ. Онъ промышлялъ торговлей мочальными щетками собственной фабрикаціи и вѣниками изъ какой-то особенной травы, очень удобными для чистки платья.

Приходилъ высокій, костлявый и кривой на лѣвый глазъ, неизвѣстнаго происхожденія человѣкъ, съ испуганнымъ выраженіемъ въ большихъ круглыхъ глазахъ, молчаливый, робкій, трижды сидѣвшій за кражи по приговорамъ мирового и окружнаго судовъ. Фамилія его была Кисельниковъ, но его звали Полтора Тараса, потому что онъ былъ какъ разъ на полроста выше своего неразлучнаго друга дьякона Тараса, разстриженнаго за пьянство и развратное поведеніе. Дьяконъ былъ низенькій и коренастый человѣкъ съ богатырской грудью и круглой, кудластой головой. Онъ удивительно хорошо плясалъ и еще удивительнѣе сквернословилъ. Они вмѣстѣ съ Полтора Тарасомъ избирали своей спеціальностью пилку дровъ на берегу рѣки, а въ свободные часы дьяконъ разсказывалъ своему другу и всякому желающему слушать сказки „собственнаго сочиненія“, какъ онъ заявлялъ. Слушая эти сказки, героями которыхъ всегда являлись святые, короли, священники и генералы, даже обитатели ночлежки брезгливо плевались и таращили глаза въ изумленіи передъ фантазіей дьякона, разсказывавшаго, прищуривъ глаза и съ безстрастнымъ лицомъ, поразительно-безстыдныя вещи и грязно-фантастическія приключенія. Воображеніе этого человѣка было неизсякаемо и могуче—онъ могъ

сочинять и говорить цѣлый день съ утра и до вечера и никогда не повторялся. Въ лицѣ его погибъ, быть можетъ, крупный поэтъ, въ крайнемъ случаѣ недюжинный разсказчикъ, умѣвшій все оживлять и даже въ камни влагавшій душу своими скверными, но образными и сильными словами.

Былъ тутъ еще какой-то нелѣпый юноша, прозванный Кувалдой Метеоромъ. Однажды онъ явился ночевать и съ той поры остался среди этихъ людей, къ ихъ удивленію. Сначала его не замѣчали—днемъ онъ, какъ и всѣ, уходилъ изыскивать пропитаніе, но вечеромъ постоянно торчалъ около этой дружной компаніи, и наконецъ, ротмистръ замѣтилъ его.

— Мальчишка! Ты что такое на сей землѣ?

Мальчишка храбро и кратко отвѣтилъ:

— Я — босякъ...

Ротмистръ критически посмотрѣлъ на него. Парень былъ какой-то длинноволосый, съ глуповатой скуластой рожей, украшенной вздернутымъ носомъ. На немъ была надѣта синяя блуза безъ пояса, а на головѣ торчалъ остатокъ соломенной шляпы. Ноги были босы.

— Ты—дуракъ!—рѣшилъ Аристидъ Кувалда.—Что ты тутъ околачиваешься? Никуда ты намъ не годенъ... Водку пьешь? Нѣтъ... Ну, а воровать умѣешь? Тоже нѣтъ. Иди, научись и приходи тогда, когда уже человѣкомъ будешь...

Парень засмѣялся.

— Нѣтъ, ужъ я поживу съ вами.

— Для чего?

— А такъ...

— Ахъ ты... метеоръ!—сказалъ ротмистръ.

— Вотъ я ему сейчасъ зубы вышибу,—предложилъ Мартьяновъ.

— А за что?—освѣдомился парень.

— Такъ...

— А я возьму камень и по головѣ васъ тресну, — почтительно объявилъ парень.

Мартьяновъ избилъ бы его, если бъ не вступился Кувалда.

— Оставь его... Это, братъ, какая-то родня тебѣ, да и всѣмъ намъ, пожалуй. Ты безъ достаточнаго основанія хочешь ему зубы выбить; онъ, какъ и ты, безъ основанія хочетъ жить съ нами. Ну, и чортъ съ нимъ... мы всѣ живемъ безъ достаточнаго къ тому основанія... Живемъ, а для чего? Такъ! Онъ тоже такъ... пускай его...

— Но лучше бъ вамъ, молодой человѣкъ, удалиться отъ насъ, — посовѣтовалъ учитель, оглядывая этого парня своими печальными глазами.

Тотъ ничего не отвѣтилъ и остался. Потомъ къ нему привыкли и перестали замѣчать его. А онъ жилъ среди нихъ и все замѣчалъ.

Всѣ перечисленные субъекты составляли главный штабъ ротмистра, и онъ съ добродушной ироніей называлъ ихъ „бывшими людьми". Помимо ихъ, въ ночлежкѣ постоянно обитало человѣкъ пять—шесть рядовыхъ босяковъ. Это были люди деревни, они не могли похвастаться такимъ прошлымъ, какъ „бывшіе люди", и хотя не менѣе ихъ испытали превратностей судьбы, но были болѣе цѣльными людьми, чѣмъ тѣ, не такъ страшно изломанными. Быть можетъ, порядочный человѣкъ культурнаго класса и выше такого же человѣка изъ мужиковъ, но всегда порочный человѣкъ изъ города неизмѣримо гаже и грязнѣе порочнаго человѣка деревни. Это правило рѣзко бросалось въ глаза изъ сопоставленія бывшихъ интеллигентовъ и бывшихъ мужиковъ, населявшихъ убѣжище Кувалды.

Виднымъ представителемъ бывшихъ мужиковъ являлся старикъ-тряпичникъ по имени Тяпа. Длинный и безобразно худой, онъ держалъ голову такъ, что подбородокъ упирался ему въ грудь, и отъ этого его тѣнь напоминала своей формой кочергу. Въ фасъ лица его

не было видно, въ профиль можно было видѣть только горбатый носъ, отвисшую нижнюю губу и мохнатыя сѣдыя брови. Онъ былъ первымъ по времени постояльцемъ ротмистра и про него говорили, что гдѣ-то имъ спрятаны большія деньги. Именно изъ-за этихъ денегъ года два тому назадъ его „шаркнули“ ножомъ по горлу, и съ той поры онъ наклонилъ такъ странно голову. Онъ отрицалъ существованіе у него денегъ, говорилъ, что „шаркнули его просто такъ, изъ-за озорства“, и что съ той поры ему очень удобно собирать тряпки и кости — голова постоянно наклонена къ землѣ. Когда онъ шелъ качающейся, невѣрной походкой, безъ палки въ рукахъ и безъ мѣшка за спиной — признаковъ его профессіи, — онъ казался человѣкомъ, задумавшимся почти до утраты сознанія, а Кувалда въ такіе моменты говорилъ, указывая на него пальцемъ:

— Смотрите, вотъ ищетъ себѣ пристанища совѣсть купца Іуды Петунникова, удравшая отъ него въ бѣга! Смотрите, какая она потрепанная, скверная, грязная эта бѣглая совѣсть!

Говорилъ Тяпа хрипящимъ голосомъ, едва позволявшимъ понимать его рѣчь, и должно быть, поэтому онъ вообще мало говорилъ и очень любилъ уединеніе. Но каждый разъ, когда въ ночлежку являлся какой-нибудь свѣжій экземпляръ человѣка, вытолкнутаго нуждой изъ деревни, Тяпа при видѣ его впадалъ въ тоскливое озлобленіе и безпокойство. Онъ преслѣдовалъ этого несчастнаго ѣдкими насмѣшками, съ злымъ хрипомъ выходившими изъ его горла; онъ натравливалъ на него какого-нибудь злющаго босяка, грозилъ, наконецъ, собственноручно избить и ограбить его ночью и почти всегда добивался того, что запуганный и растерявшійся мужичокъ исчезалъ изъ ночлежки и уже больше не появлялся въ ней.

Тогда Тяпа успокаивался и забивался куда-нибудь

въ уголъ, гдѣ чинилъ свои лохмотья или же читалъ Библію, такую же старую, грязную и рваную, какъ самъ онъ. Еще онъ вылѣзалъ изъ своего угла тогда, когда учитель приносилъ газету и читалъ ее. Обыкновенно Тяпа молча слушалъ все, что читалось, и глубоко вздыхалъ, ни о чемъ не спрашивая. Но когда, прочитавъ газету, учитель складывалъ ее, Тяпа протягивалъ свою костлявую руку и говорилъ:

— Дай-ка...

— На что тебѣ?

— Дай... можетъ, про насъ есть что...

— Про кого это?

— Про деревню.

Надъ нимъ смѣялись и бросали ему газету. Онъ бралъ ее и читалъ въ ней о томъ, что въ какой-то деревнѣ градомъ побило хлѣбъ, а въ другой сгорѣло тридцать дворовъ, а въ третьей баба отравила свою семью—все, что принято писать о деревнѣ и что рисуетъ ее только несчастной, глупой и злой. Тяпа читалъ все это глухо и мычалъ, выражая этимъ звукомъ, быть можетъ, состраданіе, быть можетъ, удовольствіе.

Большую часть воскресенья, въ которое онъ никогда не выходилъ за сборомъ тряпокъ, онъ употреблялъ именно на чтеніе своей Библіи. Читая, онъ мычалъ и вздыхалъ. Книгу онъ держалъ, упирая ее въ грудь себѣ, и сердился, когда кто-нибудь трогалъ ее или мѣшалъ ему читать.

— Эй ты, чернокнижникъ,—говорилъ ему Кувалда,—что ты понимаешь? Брось!

— А что ты понимаешь?

— Такъ, колдунъ! И я ничего не понимаю, но я вѣдь не читаю книгъ...

— А я вотъ читаю...

— Ну, и глупъ...—рѣшалъ ротмистръ.—Когда въ головѣ заведутся насѣкомыя — и это безпокойно, но

если въ нее заползутъ еще и мысли—какъ же ты будешь жить, старая жаба?

— Ну, мнѣ недолго ужъ,—говорилъ спокойно Тяпа.

Однажды учитель захотѣлъ узнать, гдѣ онъ выучился грамотѣ. Тяпа кратко отвѣтилъ ему:

— А въ тюрьмѣ...

— Ты развѣ былъ тамъ?

— Былъ...

— За что?

— Такъ... Ошибся... Вотъ и Библію оттуда вынесъ. Барыня одна дала... Въ тюрьмѣ-то, братъ, хорошо...

— Н-ну? Чѣмъ это?

— Вразумляетъ... Грамотѣ вотъ научился... книгу досталъ... Все—даромъ...

Когда въ ночлежку явился учитель, Тяпа уже давно жилъ въ ней. Онъ долго присматривался къ учителю,—чтобы посмотрѣть въ лицо человѣку, Тяпа сгибалъ весь свой корпусъ на бокъ, — долго прислушивался къ его разговорамъ и какъ-то разъ подсѣлъ къ нему.

— Вотъ ты этакій... ученый былъ... Библію-то ты читалъ?

— Читалъ...

— То-то... Помнишь ее?

— Ну... помню...

Старикъ согнулъ корпусъ на бокъ и посмотрѣлъ на учителя сѣрымъ, суровымъ и недовѣрчивымъ глазомъ.

— А помнишь, были тамъ амаликитяне?

— Ну?

— Гдѣ они теперь?

— Исчезли, Тяпа... вымерли...

Старикъ помолчалъ и снова спросилъ:

— А филистимляне?

— И эти тоже...

— Всѣ вымерли?

— Да... всѣ...

— Такъ... А мы тоже вымремъ?

— Придетъ время — и мы вымремъ, — равнодушно пообѣщалъ учитель.

— А отъ котораго мы изъ колѣнъ Израилевыхъ?

Учитель посмотрѣлъ на него, подумалъ и сталъ разсказывать о киммерійцахъ, скиѳахъ, гуннахъ, славянахъ... Старикъ еще больше изсочился и какими-то испуганными глазами смотрѣлъ на него.

— Врешь ты все!—захрипѣлъ онъ, когда учитель кончилъ.

— Почему вру?—изумился тотъ.

— Какіе ты мнѣ народы назвалъ? Нѣтъ ихъ въ Библіи.

Онъ всталъ и пошелъ прочь, глубоко оскорбленный и злобно ворчащій.

— Изъ ума ты выживаешь, Тяпа,—убѣжденно сказалъ вслѣдъ ему учитель.

Тогда старикъ снова обернулся къ нему и, протянувъ руку, погрозилъ ему крючковатымъ и грязнымъ пальцемъ.

— Отъ Господа—Адамъ, отъ Адама—евреи, значитъ, всѣ люди отъ евреевъ... И мы тоже...

— Ну?

— Татары отъ Измаила... а онъ отъ еврея...

— Да тебѣ-то чего надо?

— Ничего! Зачѣмъ врешь?

И онъ ушелъ, оставивъ своего собесѣдника въ недоумѣніи. Но дня черезъ два снова подсѣлъ къ нему.

— Былъ ты ученый... ну и долженъ знать—кто мы?

— Славяне, Тяпа,—отвѣтилъ учитель и внимательно сталъ ждать словъ Тяпы, желая понять его.

— Говори по Библіи—тамъ такихъ нѣтъ. Кто мы—вавилоняне, что ли? или—эдомъ?

Учитель пустился въ критику Библіи. Старикъ долго, внимательно слушалъ его и перебилъ:

— Погоди... брось! Значитъ, въ народахъ, Богу извѣстныхъ,—русскихъ нѣтъ? Неизвѣстные мы Богу люди? Такъ ли? Которые въ Библіи записаны—Господь тѣхъ зналъ... Сокрушалъ ихъ огнемъ и мечомъ, разрушалъ города и сёла ихъ, но и пророковъ посылалъ имъ для поученія... жалѣлъ, значитъ. Евреевъ и татаръ разсѣялъ, но сохранилъ... А мы какъ же? Почему у насъ пророковъ нѣтъ?

— Н-не знаю!—протянулъ учитель, стараясь понять старика. А онъ положилъ руку на плечо учителя, сталъ тихонько толкать его взадъ и впередъ и захрипѣлъ, будто глотая что-то...

— Такъ и скажи!.. А то говоришь ты больно много... будто все знаешь. Слушать мнѣ тебя тошно... душу ты мнѣ мутишь... Молчалъ бы лучше!.. Кто мы? То-то! Почему у насъ нѣтъ пророковъ? ага!... А гдѣ мы были, когда Христосъ по землѣ ходилъ? Видишь? Эхъ ты! И врешь еще... развѣ народъ цѣлый можетъ умереть? Народъ русскій не можетъ исчезнуть—врешь ты... онъ въ Библіи записанъ, только неизвѣстно подъ какимъ словомъ... Ты народъ-то знаешь, какой онъ? Онъ—огромный... Сколько деревень на землѣ? Все народъ тамъ живетъ... настоящій, большой народъ. А ты говоришь—вымретъ... Народъ не можетъ умереть, человѣкъ можетъ... а народъ нуженъ Богу, онъ строитель земли. Амаликитяне не умерли—они нѣмцы или французы... а ты... эхъ ты!... Ну, скажи вотъ, почему мы Богомъ обойдены? Нѣту намъ ни казней, ни пророковъ отъ Господа? Кто насъ научитъ?...

Рѣчь Тяпы была страшно сильна; насмѣшка и укоризна и глубокая вѣра звучали въ ней. Онъ долго говорилъ, и учителю, который по обыкновенію былъ выпивши и въ мирномъ настроеніи, стало, наконецъ, такъ скверно слушать его, точно его распиливали деревянной пилой. Онъ слушалъ старика, смотрѣлъ на его исковерканное тѣло, чувствовалъ эту странную, давившую силу

словъ и вдругъ ему стало до боли жалко себя и грустно о чемъ-то. Ему тоже захотѣлось сказать старику что-нибудь сильное, увѣренное, что-нибудь такое, что расположило бы Тяпу въ его пользу, заставило бы говорить не этимъ укоризненно-суровымъ тономъ, а другимъ—мягкимъ, отечески-ласковымъ. И учитель ощущалъ, какъ въ груди у него что-то клокочетъ, подступаетъ ему къ горлу... но никакихъ сильныхъ словъ онъ въ себѣ не нашелъ.

— Какой ты человѣкъ?... душа у тебя изорванная... а разныя слова говоришь ты тутъ... Будто что знаешь... Молчалъ бы...

— Эхъ, Тяпа,—тоскливо воскликнулъ учитель,—ты это вѣрно говоришь... И народъ... вѣрно!... Онъ огромный... но я ему чужой... и онъ мнѣ чужой... Вотъ въ чемъ трагедія моей жизни... Но—пускай! Буду страдать... И пророковъ нѣтъ... нѣтъ!... Я, дѣйствительно, говорю много... и это не нужно никому... но я буду молчать... Только ты не говори со мной такъ... Эхъ, старикъ! ты не знаешь... не знаешь... не можешь понять...

Учитель заплакалъ, наконецъ. Онъ заплакалъ такъ легко и свободно, такими обильными слезами, что ему стало ужасно пріятно отъ этихъ слезъ.

— Шелъ бы ты въ деревню... просился бы тамъ въ учителя или въ писаря... и былъ бы сытъ и провѣтрился бы. А то чего маешься?—сурово хрипѣлъ Тяпа.

А учитель все плакалъ, наслаждаясь своими слезами.

Съ этихъ поръ они стали друзьями, и бывшіе люди, видя ихъ вмѣстѣ, говорили:

— Учитель охаживаетъ Тяпу... къ деньгамъ его держитъ курсъ.

— Это его Кувалда подучилъ... развѣдать, дескать, гдѣ стариковы капиталы...

Могло быть, что, говоря такъ, думали иначе. У этихъ людей была одна смѣшная черта: они любили показать себя другъ другу хуже, чѣмъ были на самомъ дѣлѣ.

Человѣкъ, не имѣя въ себѣ ничего хорошаго, иногда непрочь порисоваться и своимъ дурнымъ.

Когда всѣ эти люди соберутся вокругъ учителя съ его газетой—начинается чтеніе.

— Ну-съ, — говоритъ ротмистръ, — о чемъ сегодня разсуждаетъ газетина? Фельетонъ есть?

— Нѣтъ, — сообщаетъ учитель.

— Жадничаетъ вашъ издатель... А передовица имѣется?

— Сегодня есть... Гуляева, кажется.

— Ага! Валяй ее; онъ, шельма, толково пишетъ, гвоздь ему въ глазъ.

— Оцѣнка недвижимыхъ имуществъ,—читаетъ учитель, — произведенная болѣе пятнадцати лѣтъ тому назадъ, и понынѣ продолжаетъ служить основаніемъ ко взиманію оцѣночнаго, въ пользу города, сбора...

— Это наивно,—комментируетъ ротмистръ Кувалда;— продолжаетъ служить! Это смѣшно! Купцу, ворочающему дѣлами города, выгодно, чтобъ она продолжала служить, ну, она и продолжаетъ...

— Статья и написана на эту тему,—говоритъ учитель.

— Да? Странно! Это фельетонная тема... объ этомъ нужно писать съ перцемъ...

Возгорается маленькій споръ. Публика слушаетъ его внимательно, ибо водки выпита пока толька одна бутылка. Послѣ передовой читаютъ мѣстную хронику, потомъ судебную. Если въ этихъ криминальныхъ отдѣлахъ дѣйствующимъ и страдающимъ лицомъ является купецъ — Аристидъ Кувалда искренно ликуетъ. Обворовали купца -- прекрасно, только жаль, что мало. Лошади его разбили — пріятно слышать, но прискорбно, что онъ остался живъ. Искъ въ судѣ проигралъ купецъ — великолѣпно, но печально, что судебныя издержки не возложили на него въ удвоенномъ количествѣ.

— Это было бы незаконно, — замѣчаетъ учитель.

— Незаконно? Но законенъ ли самъ купецъ?—горько спрашиваетъ Кувалда. — Что есть купецъ? Разсмотримъ это грубое и нелѣпое явленіе: прежде всего каждый купецъ — мужикъ. Онъ является изъ деревни и по истеченіи нѣкотораго времени дѣлается купцомъ. Для того, чтобы сдѣлаться купцомъ, нужно имѣть деньги. Откуда у мужика могутъ быть деньги? Какъ извѣстно, онѣ не являются отъ трудовъ праведныхъ. Значитъ, мужикъ такъ или иначе мошенничалъ. Значитъ, купецъ — мошенникъ-мужикъ!

— Ловко! — одобряетъ публика выводъ оратора.

А Тяпа мычитъ, потирая себѣ грудь. Такъ же точно онъ мычитъ, когда съ похмелья выпиваетъ первую рюмку водки. Ротмистръ сіяетъ. Читаютъ корреспонденціи. Тутъ для ротмистра—„разливанное море“, по его словамъ. Онъ всюду видитъ, какъ купецъ скверно дѣлаетъ жизнь и какъ онъ ловко мнетъ и портитъ ее. Его рѣчи громятъ и уничтожаютъ купца. Его слушаютъ съ удовольствіемъ въ глазахъ, потому что онъ зло ругается.

— Если бъ я писалъ въ газетахъ! — восклицаетъ онъ. — О, я бы показалъ купца въ его настоящемъ видѣ... я бы показалъ, что онъ только животное, временно исполняющее должность человѣка. Я понимаю его! Онъ? Онъ грубъ, онъ глупъ, не имѣетъ вкуса въ жизни, не имѣетъ представленія объ отечествѣ и ничего выше пятака не знаетъ.

Объѣдокъ, зная слабую струну ротмистра и любя злить людей, ехидно вставляетъ:

— Да, съ той поры, какъ дворяне начали дружно помирать съ голода — исчезаютъ люди изъ жизни...

— Ты правъ, сынъ паука и жабы; да, съ той поры, какъ дворяне пали, людей нѣтъ! Есть только купцы... и я ихъ не-на-вижу!

— Оно и понятно, потому что и ты, братъ, попранъ во прахъ ими же...

— Я? Я погибъ отъ любви къ жизни... дуракъ! Я жизнь любилъ... а купецъ ее обираетъ. Я не выношу его именно за это... а не потому, что я дворянинъ. Я, если хочешь знать, не дворянинъ, а просто бывшій человѣкъ. Мнѣ теперь наплевать на все и на всѣхъ... и вся жизнь для меня—любовница, которая меня бросила... за что я презираю ее и глубоко равнодушенъ къ ней.

— Врешь!—говоритъ Объѣдокъ.

— Я вру?—оретъ Аристидъ Кувалда, красный отъ гнѣва.

— Зачѣмъ кричать,—раздается холодный и мрачный басъ Мартьянова.—Зачѣмъ разсуждать? Купецъ... дворянинъ... намъ какое дѣло?

— Поелику мы ни бэ, ни мэ, ни ку-ку-ре-ку...—вставляетъ дьяконъ Тарасъ.

— Отстаньте, Объѣдокъ,—примирительно говоритъ учитель.—Зачѣмъ солить селедку?

Онъ не любитъ спора и вообще не любитъ шума. Когда вокругъ него разгораются страсти, его губы складываются въ болѣзненную гримасу, и онъ разсудительно и спокойно старается помирить всѣхъ со всѣми, а если это не удается ему, онъ уходитъ отъ компаніи. Зная это, ротмистръ, если онъ не особенно пьянъ, сдерживается, не желая терять въ лицѣ учителя лучшаго слушателя своихъ рѣчей.

— Я повторяю,—болѣе спокойно продолжаетъ онъ,—я вижу жизнь въ рукахъ враговъ, не враговъ только дворянина, но враговъ всего благороднаго, алчныхъ, неспособныхъ украсить жизнь чѣмъ-либо...

— Однако, братъ,—говоритъ учитель,—купцы создали Генуя, Венецію, Голландія,—это купцы, купцы Англіи завоевали своей странѣ Индію, купцы Строгановы...

— Какое мнѣ дѣло до тѣхъ купцовъ? Я имѣю въ виду Іуду Петунникова и иже съ нимъ...

— А до этихъ тебѣ какое дѣло?—тихо спрашиваетъ учитель...

— А развѣ я не живу? Ага! Живу,—значитъ, долженъ негодовать при видѣ того, какъ жизнь портятъ дикіе люди, полонившіе ее.

— И смѣются надъ благороднымъ негодованіемъ ротмистра и человѣка въ отставкѣ,—задираетъ Объѣдокъ.

— Хорошо! Это глупо, я согласенъ... Какъ бывшій человѣкъ, я долженъ смарать въ себѣ всѣ чувства и мысли, когда-то мои. Это, пожалуй, вѣрно... Но чѣмъ же я и всѣ вы—чѣмъ же вооружимся мы, если отбросимъ эти чувства?

— Вотъ ты начинаешь говорить умно,—поощряетъ его учитель.

— Намъ нужно что-то другое, другія воззрѣнія на жизнь, другія чувства... намъ нужно что-то такое, новое... ибо и мы въ жизни новость...

— Несомнѣнно намъ нужно это,—говоритъ учитель.

— Зачѣмъ?—спрашиваетъ Конецъ.—Не все ли равно, что говорить и думать? Намъ недолго жить... мнѣ сорокъ, тебѣ пятьдесятъ... моложе тридцати нѣтъ среди насъ. И даже въ двадцать долго не проживешь такою жизнью.

— И какая мы новость? — усмѣхается Объѣдокъ,—гольтепа всегда была.

— И она создала Римъ,—говоритъ учитель.

— Да, конечно, — ликуетъ ротмистръ: — Ромулъ и Ремъ—развѣ они не золоторотцы? И мы—придетъ нашъ часъ—создадимъ...

— Нарушеніе общественной тишины и спокойствія, —перебиваетъ Объѣдокъ. Онъ хохочетъ, довольный собой. Смѣхъ у него скверный, разъѣдающій душу. Ему вторитъ Симцовъ, дьяконъ, Полтора Тараса. Наивные глаза мальчишки Метеора горятъ яркимъ огнемъ и щёки у него краснѣютъ. Конецъ говоритъ, точно молотомъ бьетъ по головамъ:

— Все это глупости... мечты... ерунда!

Странно было видѣть такъ разсуждающими этихъ

людей, изгнанныхъ изъ жизни, рваныхъ, пропитанныхъ водкой и злобой, ироніей и грязью.

Для ротмистра такія бесѣды были положительно праздникомъ сердца. Онъ говорилъ больше всѣхъ, и это давало ему возможность считать себя лучше всѣхъ. А какъ бы низко ни палъ человѣкъ—онъ никогда не откажетъ себѣ въ наслажденіи почувствовать себя сильнѣе, умнѣе, хотя бы даже сытѣе своего ближняго. Аристидъ Кувалда злоупотреблялъ этимъ наслажденіемъ, но не пресыщался имъ, къ неудовольствію Объѣдка, Кубаря и другихъ бывшихъ людей, мало интересовавшихся подобными вопросами.

Но зато политика была общей любимицей. Разговоръ на тему о необходимости завоеванія Индіи или объ укрощеніи Англіи могъ затянуться безконечно. Съ неменьшей страстью говорили о способахъ радикальнаго искорененія евреевъ съ лица земли, но въ этомъ вопросѣ верхъ всегда бралъ Объѣдокъ, сочинявшій изумительно жестокіе проекты, и ротмистръ, желавшій вездѣ быть первымъ, избѣгалъ этой темы. Охотно, много и скверно говорили о женщинахъ, но въ защиту ихъ всегда выступалъ учитель, сердившійся, если очень ужъ пересаливали. Ему уступали, ибо всѣ смотрѣли на него, какъ на человѣка недюжиннаго, и у него по субботамъ занимали деньги, заработанныя имъ за недѣлю.

Онъ вообще пользовался многими привилегіями: его, напримѣръ, не били въ тѣхъ нерѣдкихъ случаяхъ, когда бесѣда заканчивалась всеобщей потасовкой. Ему было разрѣшено приводить въ ночлежку женщинъ; больше никто не пользовался этимъ правомъ, ибо ротмистръ всѣхъ предупреждалъ:

— Бабъ ко мнѣ не водить... Бабы, купцы и философія—три причины моихъ неудачъ. Изобью, если увижу кого-нибудь, явившагося съ бабой... бабу тоже изобью... За философію—оторву голову...

Онъ могъ оторвать голову: несмотря на свои года,

онъ обладалъ удивительной силой. Затѣмъ, каждый разъ, когда онъ дрался, ему помогалъ Мартьяновъ. Мрачный и молчаливый, точно надгробный памятникъ, во время общаго боя онъ всегда становился спиной къ спинѣ Кувалды, и тогда они изображали собой всесокрушавшую и несокрушимую машину.

Однажды пьяный Симцовъ ни за что, ни про что вцѣпился въ волосы учителя и выдралъ клокъ ихъ. Кувалда ударомъ кулака въ грудь уложилъ его на полчаса въ обморокъ, а когда онъ очнулся, заставилъ его съѣсть волосы учителя. Тотъ съѣлъ, боясь быть избитымъ до смерти.

Кромѣ чтенія газеты, разговоровъ и дракъ, развлеченіемъ служила еще игра въ карты. Играли безъ Мартьянова, ибо онъ не могъ играть честно, о чемъ, послѣ нѣсколькихъ уличеній въ мошенничествѣ, самъ же откровенно и заявилъ:

— Я не могу не передергивать... Это у меня привычка.

— Это бываетъ,—подтвердилъ дьяконъ Тарасъ.—Я привыкъ дьяконицу свою по воскресеньямъ послѣ обѣдни бить; такъ, знаете, когда умерла она—такая тоска на меня по воскресеньямъ нападала, что даже невѣроятно. Одно воскресенье прожилъ—вижу, плохо! Другое—стерпѣлъ. Третье—кухарку свою ударилъ разъ... Обидѣлась она... Подамъ, говоритъ, мировому. Представьте себѣ мое положеніе! На четвертое воскресенье—вздулъ ее, какъ жену! Потомъ заплатилъ ей десять цѣлковыхъ и ужъ билъ по заведенному порядку, пока опять не женился...

— Дьяконъ,—врешь! Какъ ты могъ въ другой разъ жениться?—оборвалъ его Объѣдокъ.

— А? А я такъ... она у меня за хозяйствомъ смотрѣла...

— У васъ были дѣти?—спросилъ его учитель.

— Пять штукъ... Одинъ утонулъ... Старшій... забав-

ный былъ мальчишка! Двое умерли отъ дифтерита... Одна дочь вышла замужъ за какого-то студента и поѣхала съ нимъ въ Сибирь, а другая захотѣла учиться и умерла въ Питерѣ... отъ чахотки, говорятъ... Д-да... пять было... какъ же! Мы, духовенство, плодовитые...

Онъ сталъ объяснять, почему это именно такъ, возбуждая гомерическій хохотъ своимъ разсказомъ. Когда хохотать устали, Алексѣй Максимовичъ Симцовъ вспомнилъ, что у него тоже была дочь.

— Лидкой звали... Толстая была такая...

И больше онъ, должно быть, не помнилъ ничего, потому что посмотрѣлъ на всѣхъ, улыбнулся виновато и... умолкъ.

О своемъ прошломъ эти люди мало говорили другъ съ другомъ, вспоминали о немъ крайне рѣдко, всегда въ общихъ чертахъ и въ болѣе или менѣе насмѣшливомъ тонѣ. Пожалуй, что такое отношеніе къ прошлому и было умно, ибо для большинства людей память о прошломъ ослабляетъ энергію въ настоящемъ и подрываетъ надежды на будущее.

А въ дождливые, сѣрые, холодные дни поздней осени всѣ эти бывшіе люди собирались въ трактирѣ Вавилова. Тамъ ихъ знали, немножко боялись, какъ воровъ и драчуновъ, немножко презирали, какъ горькихъ пьяницъ, но все-таки уважали и слушали ихъ, считая умными людьми. Трактиръ Вавилова былъ клубомъ Въѣзжей улицы, а бывшіе люди—интеллигенціей клуба.

По субботамъ вечерами, въ воскресенье съ утра до ночи трактиръ былъ полонъ, и бывшіе люди являлись въ немъ желанными гостями. Они вносили съ собой въ среду забитыхъ бѣдностью и горемъ обывателей улицы свой духъ, въ которомъ было что-то, облегчавшее жизнь людей, истомленныхъ и растерявшихся въ погонѣ за кускомъ хлѣба, такихъ же пьяницъ, какъ обитатели убѣжища Кувалды, и такъ же сброшенныхъ

изъ города, какъ и они. Умѣнье обо всемъ говорить и все осмѣивать, безбоязненность мнѣній, рѣзкость рѣчи, отсутствіе страха передъ тѣмъ, что вся улица боялась, безшабашная, бравирующая удаль этихъ людей — не могли не нравиться улицѣ. Затѣмъ, почти всѣ они знали законы, могли дать любой совѣтъ, написать прошеніе, помочь безнаказанно смошенничать. За все это имъ платили водкой и лестнымъ удивленіемъ предъ ихъ талантами.

По своимъ симпатіямъ улица дѣлилась на двѣ почти равныя партіи: одна полагала, что „ротмистръ — куда забористѣй учителя, настоящій воинъ! Храбрость и умъ у него большущіе“. Другая была убѣждена, что учитель во всѣхъ отношеніяхъ „перевѣсилъ“ Кувалду. Поклонниками Кувалды являлись тѣ изъ мѣщанства, которые были извѣстны въ улицѣ какъ записные пьяницы, воры и сорви-головы, которымъ путь отъ сумы до тюрьмы не казался опаснымъ путемъ. Учителя уважали люди болѣе степенные, на что-то надѣявшіеся, чего-то ожидавшіе, вѣчно чѣмъ-то занятые и рѣдко сытые.

Характеръ отношеній Кувалды и учителя къ улицѣ точно опредѣлился слѣдующимъ примѣромъ. Однажды въ трактирѣ обсуждалось постановленіе городской думы, коимъ обыватели Въѣзжей улицы обязывались: рытвины и промоины въ своей улицѣ засыпать, но навоза и труповъ домашнихъ животныхъ для сей цѣли не употреблять, а примѣнять къ дѣлу только щебень и мусоръ съ мѣстъ постройки какихъ-либо зданій.

— Откуда же я долженъ взять этотъ самый щебень, ежели я за всю свою жизнь одну только скворешницу хотѣлъ строить, да и то вотъ еще не собрался?—жалобно заявилъ Мокей Анисимовъ, человѣкъ, промышлявшій торговлей тертыми калачами, которые ему пекла жена.

Ротмистръ нашелъ, что ему слѣдуетъ высказаться по данному вопросу и грохнулъ кулакомъ по столу, привлекая къ себѣ вниманіе.

— Откуда взять щебень и мусоръ? Иди, ребята, всей улицей въ городъ и разбирай думу. Больше она по своей ветхости ни на что не годится. Такимъ образомъ, вы дважды послужите украшенію города — и Въѣзжую сдѣлаете приличной, и новую думу заставите построить. Лошадей для возки возьмите у головы, да захватите и его трехъ дочекъ — дѣвицы для упряжи вполнѣ годныя. А то разрушьте домъ купца Іуды Петунникова и вымостите улицу деревомъ. Кстати, я знаю, Мокей, на чемъ твоя жена сегодня калачи пекла: — на ставняхъ съ третьяго окна и двухъ ступенькахъ съ крыльца Іудина дома.

Когда публика вдоволь нахохоталась и поострила надъ предложеніемъ ротмистра, степенный огородникъ Павлюгинъ спросилъ:

— А какъ же, все-таки, быть-то, ваше благородіе?... А? Какъ ты разсудишь?

— Я? Ни рукой, ни ногой не двигать! Размываетъ улицу — ну, и пускай!

— Нѣкоторые дома попадать хотятъ...

— Не мѣшайте имъ, пускай падаютъ! Упадутъ — дери съ города вспомоществованіе; не дастъ — валяй къ нему искъ! Вода-то откуда течетъ? Изъ города? Ну, городъ и виновенъ въ разрушеніи домовъ...

— Вода отъ дождя, скажутъ...

— Да вѣдь въ городѣ дома отъ нея не валятся? А? Онъ съ васъ налоги деретъ, а голоса вамъ для разговора о вашихъ правахъ не даетъ! Онъ вамъ жизнь и имущество портитъ, да васъ же и чинить заставляетъ! Катай его спереди и сзади!

И половина улицы, убѣжденная радикаломъ Кувалдой, рѣшила ждать, когда ея домишки смоетъ дождевой водой изъ города.

Болѣе степенные люди нашли въ учителѣ человѣка, который составилъ имъ превосходную и убѣдительную реляцію думѣ.

Въ этой реляціи отказъ улицы выполнить постановленія думы былъ мотивированъ настолько солидно, что дума вняла. Улицѣ разрѣшили воспользоваться мусоромъ, оставшимся отъ ремонта казармъ, и дали ей для возки пять лошадей отъ пожарнаго обоза. Даже болѣе— признали необходимымъ проложить современемъ по улицѣ сточную трубу. Это и многое другое создало учителю широкую популярность въ улицѣ. Онъ писалъ прошенія, печаталъ замѣтки въ газетахъ. Такъ, напримѣръ, однажды гости Вавилова замѣтили, что селедки и другія снѣди въ трактирѣ Вавилова совершенно не соотвѣтствуютъ своему назначенію. И вотъ, дня черезъ два Вавиловъ, стоя за буфетомъ съ газетой въ рукахъ, публично каялся.

— Справедливо—одно могу сказать! Дѣйствительно, селедки купилъ я ржавыя, не совсѣмъ хорошія селедки. И капуста... вѣрно!... задумалась она немножко. Извѣстно, вѣдь каждый человѣкъ хочетъ какъ можно больше въ свой карманъ пятаковъ нагнать. Ну, и что же? Вышло совсѣмъ наоборотъ: я посягнулъ, а умный человѣкъ предалъ меня позору за жадность мою... Квитъ!

Это покаяніе произвело на публику очень хорошее впечатлѣніе и дало возможность Вавилову скормить ей и селедку, и капусту, и все это публика, подъ приправой своего впечатлѣнія, незамѣтно скушала. Фактъ весьма значительный, ибо онъ не только увеличивалъ престижъ учителя, но и знакомилъ обывателя съ силой печатнаго слова. Случалось, что учитель читалъ въ трактирѣ лекціи практической морали.

— Видѣлъ я,—говорилъ онъ, обращаясь къ маляру Яшкѣ Тюрину,—видѣлъ я, Яковъ, какъ ты билъ свою жену...

Яшка уже „подмалевался“ двумя стаканами водки и находится въ ухарски-развязномъ настроеніи. Публика смотритъ на него, ожидая, что вотъ сейчасъ онъ „выкинетъ колѣнце“, и въ харчевнѣ воцаряется тишина.

— Видѣлъ? А что, понравилось?—спрашиваетъ Яшка.

Публика сдержанно смѣется.

— Нѣтъ, не понравилось,—отвѣчаетъ учитель. Тонъ его такъ внушительно серьезенъ, что публика молчитъ.

— Кажись бы, я старался,—бравируетъ Яшка, предчувствующій, что учитель его „срѣжетъ“. — Жена довольна... не встаетъ сегодня...

Учитель задумчиво на столѣ пальцемъ чертитъ какія-то фигуры и, разглядывая ихъ, говоритъ:

— Видишь ли, Яковъ, почему мнѣ не нравится это... Разберемъ основательно, что именно ты дѣлаешь и чего можно тебѣ отъ этого ждать. Жена у тебя беременна: ты билъ ее вчера по животу и по бокамъ—значитъ, ты билъ не только ее, но и ребенка. Ты могъ его убить, и при родахъ жена твоя умерла бы отъ этого или сильно захворала. Возиться съ больной женой и непріятно, и хлопотно, и дорого это будетъ тебѣ стоить, потому что болѣзни требуютъ лѣкарствъ, а лѣкарства денегъ. Если же ты ребенка не убилъ еще, то ужъ навѣрное изувѣчилъ, и онъ, быть можетъ, родится уродомъ: кривобокимъ, горбатымъ. Значитъ, онъ не будетъ способенъ къ работѣ, а для тебя важно, чтобы онъ былъ работникомъ. Даже если онъ родится только больнымъ—и то скверно—свяжетъ мать и потребуетъ лѣченія. Видишь ли, что ты себѣ готовилъ? Люди, живущіе трудомъ своихъ рукъ, должны рождаться здоровыми и рождать здоровыхъ дѣтей... Вѣрно я говорю?

— Вѣрно,—подтверждаетъ публика.

— Ну, это, чай, тово... не случится,—говоритъ Яшка, нѣсколько робѣя передъ перспективой, нарисованной учителемъ. — Она здоровая... сквозь ее до ребенка не дойдешь, поди-ка? Вѣдь она, дьяволъ, больно ужъ вѣдьма!—восклицаетъ онъ съ огорченіемъ.—Чуть я что... и пойдетъ меня ѣсть, какъ ржа желѣзо!

— Я понимаю, Яковъ, что тебѣ нельзя не бить жену, — снова раздается спокойный и вдумчивый голосъ

учителя;—у тебя на это много причинъ... Не характеръ твоей жены причина того, что ты ее такъ неосторожно бьешь... а вся твоя темная и печальная жизнь...

— Вотъ это вѣрно,—восклицаетъ Яковъ, — живемъ, дѣйствительно, въ темнотѣ, какъ у трубочиста за пазухой.

— Ты злишься на всю жизнь, а терпитъ твоя жена... самый близкій къ тебѣ человѣкъ—и терпитъ безъ вины передъ тобой только потому, что ты ея сильнѣе; она у тебя всегда подъ рукой и дѣваться ей отъ тебя некуда. Видишь какъ это... нелѣпо!

— Оно такъ... чортъ ее возьми! Да вѣдь что же мнѣ дѣлать-то? Али я не человѣкъ?

— Такъ, ты человѣкъ!... Ну, вотъ я тебѣ хочу сказать: бить ты ее бей, если безъ этого ужъ не можешь но бей осторожно: помни, что можешь повредить ея здоровью или здоровью ребенка. Никогда вообще не слѣдуетъ бить беременныхъ женщинъ... по животу, по груди и бокамъ... бей по шеѣ или возьми веревку и... по мягкимъ мѣстамъ...

Ораторъ кончилъ свою рѣчь, и его глубоко ввалившіеся темные глаза смотрятъ на публику и, кажется, въ чемъ-то извиняются передъ ней или о чемъ-то виновато спрашиваютъ ее.

Она же оживленно шумитъ. Ей понятна эта мораль бывшаго человѣка, мораль кабака и несчастія.

— Что, братъ, Яша, понялъ ли?

— Вотъ она какая правда-то бываетъ!

Яковъ понялъ: неосторожно бить жену—вредно для него.

Онъ молчитъ, отвѣчая смущенными улыбками на шутки товарищей.

— И опять же, что такое жена? — философствуетъ калачникъ Мокѣй Анисимовъ: — жена — другъ, ежели правильно вникнуть въ дѣло. Она къ тебѣ вродѣ какъ цѣпью на всю жизнь прикована... и оба вы съ ней на

манеръ каторжниковъ. И старайся идти съ ней стройно въ ногу... а не сумѣешь — цѣпь почуешь...

— Погоди,—говоритъ Яковъ,—вѣдь и ты свою бьешь?

— А я развѣ говорю — нѣтъ! Бью... Иначе невозможно... Кого же мнѣ — стѣну, что ли, дуть кулаками, когда не въ терпежъ приходитъ?

— Ну вотъ, и я тоже...— говоритъ Яковъ.

— Ну, какая же у насъ жизнь тѣсная и аховая, братцы мои! Нѣтъ тебѣ нигдѣ настоящаго размаха!

— И даже жену бей съ оглядкой! — юмористически скорбитъ кто-то. И такъ они бесѣдуютъ до поздней ночи или до драки, возникающей на почвѣ опьянѣнія и тѣхъ настроеній, какія навѣваютъ на нихъ эти бесѣды.

За окнами трактира дождь идетъ и дико воетъ холодный вѣтеръ. Въ трактирѣ душно, накурено, но тепло; на улицѣ мокро, холодно и темно. Вѣтеръ такъ стучитъ въ окно, точно дерзко вызываетъ всѣхъ этихъ людей изъ трактира и грозитъ разнести ихъ по землѣ, какъ пыль. Иногда въ его воѣ слышится подавленный, безнадежный стонъ и потомъ раздается холодный, жесткій хохотъ. Эта музыка наводитъ на унылыя мысли о близости зимы, о проклятыхъ короткихъ дняхъ безъ солнца и о длинныхъ ночахъ, о необходимости имѣть теплую одежду и много ѣсть. На пустой желудокъ такъ плохо спится въ безконечныя зимнія ночи. Идетъ зима, идетъ... Какъ жить?

Эти невеселыя думы вызывали усиленную жажду обывателей Въѣзжей, и у бывшихъ людей увеличивалось количество вздоховъ въ ихъ рѣчахъ и количество морщинъ на лицахъ, голоса становились глуше, отношенія другъ къ другу тупѣе. И вдругъ среди нихъ вспыхивала звѣрская злоба, пробуждалось ожесточеніе людей загнанныхъ, измученныхъ своей суровой судьбой. Или ощущалась близость того неумолимаго врага, который всю жизнь ихъ превратилъ въ одну жестокую нелѣпость. Но этотъ врагъ былъ неуловимъ, ибо невѣдомъ.

И тогда они били другъ друга; били жестоко, звѣрски били и снова, помирившись, напивались, пропивая все, что могъ принять въ закладъ нетребовательный Вавиловъ. Такъ, въ тупой злобѣ, въ тоскѣ, сжимавшей имъ сердца̀, въ невѣдѣніи исхода изъ этой подлой жизни, они проводили дни осени, ожидая еще болѣе суровыхъ дней зимы.

Кувалда въ такія времена приходилъ къ нимъ на помощь съ философіей.

— Не горюй, братцы! Все имѣетъ свой конецъ—-это самое главное достоинство жизни. Пройдетъ зима, и сново будетъ лѣто... славное время, когда, говорятъ, и у воробья есть пиво. —Но его рѣчи не дѣйствовали — глотокъ самой чистой воды не насытитъ голоднаго.

Дьяконъ Тарасъ тоже пробовалъ развлечь публику, распѣвая пѣсни и разсказывая свои сказки. Онъ имѣлъ болѣе успѣха. Иногда его усилія приводили къ тому, что вдругъ отчаянное, удалое веселіе вскипало въ трактирѣ: пѣли, плясали, хохотали и на нѣсколько часовъ становились похожими на безумныхъ. Только...

И потомъ опять впадали въ тупое, равнодушное отчаяніе и сидѣли за столами трактира въ копоти лампъ, въ табачномъ дыму, угрюмые, оборванные, лѣниво переговариваясь другъ съ другомъ, слушая торжествующій вой вѣтра и думая о томъ, какъ бы напиться водки, напиться до потери чувствъ.

И всѣ были глубоко противны каждому, и каждый таилъ въ себѣ безсмысленную злобу противъ всѣхъ.

II.

Все относительно на этомъ свѣтѣ, и нѣтъ въ немъ для человѣка того положенія, хуже котораго не могло бы уже ничего быть.

Однажды въ концѣ сентября, яснымъ днемъ, ротмистръ Аристидъ Кувалда сидѣлъ, по обыкновенію, въ своемъ креслѣ у дверей ночлежки и, глядя на возве-

денное купцомъ Петунниковымъ каменное зданіе рядомъ съ трактиромъ Вавилова, думалъ.

Зданіе, еще окруженное лѣсами, предназначалось подъ свѣчной заводъ и давно уже кололо глаза ротмистру пустыми и темными впадинами длиннаго ряда своихъ оконъ и этой паутиной дерева, окружавшей его отъ основанія до крыши. Красное, точно кровью обмазанное, оно походило на какую-то жестокую машину, еще не дѣйствующую, но уже разинувшую рядъ глубокихъ, жадно зіяющихъ пастей и готовую что-то поглощать, жевать и пожирать. Сѣрый деревянный трактиръ Вавилова, съ кривой крышей, поросшей мхомъ, оперся на одну изъ кирпичныхъ стѣнъ завода и казался какимъ-то большимъ паразитомъ, присосавшимся къ ней.

Ротмистръ думалъ о томъ, что скоро и на мѣстѣ стараго дома начнутъ строить. Сломаютъ и ночлежку. Придется искать другое помѣщеніе, а такого удобнаго и дешеваго не найдешь. Жалко, грустно какъ-то уходить съ насиженнаго мѣста. Уходить же придется только потому, что нѣкій купецъ пожелалъ производить свѣчи и мыло. И ротмистръ чувствовалъ, что если бъ ему представился случай чѣмъ-нибудь хоть на время испортить жизнь этому врагу — о! съ какимъ наслажденіемъ онъ испортилъ бы ее!

Вчера купецъ Иванъ Андреевичъ Петунниковъ былъ на дворѣ ночлежки съ архитекторомъ и своимъ сыномъ. Измѣряли дворъ и всюду натыкали въ землю какихъ-то палочекъ, которыя, по уходѣ Петунникова, ротмистръ приказалъ Метеору вытаскать изъ земли и побросать.

Передъ глазами ротмистра стоялъ этотъ купецъ — маленькій, сухонькій, въ длиннополомъ одѣяніи, похожемъ одновременно на сюртукъ и на поддевку, въ бархатномъ картузѣ и высокихъ, ярко начищенныхъ сапогахъ. Костлявое скуластое лицо, съ сѣдой, клинообразной бородой, съ высокимъ, изрѣзаннымъ морщина-

ми лбомъ, и изъ-подъ него сверкали узкіе, сѣрые глазки, прищуренные, всегда что-то высматривающіе... Острый хрящеватый носъ, маленькій ротъ съ тонкими губами... Въ общемъ, у купца видъ благочестиво-хищный и почтенно-злой.

— Проклятая помѣсь лисицы и свиньи!--выругался про-себя ротмистръ и вспомнилъ первую фразу Петунникова, касавшуюся его. Купецъ пришелъ съ членомъ городской управы покупать домъ и, увидѣвъ ротмистра, спросилъ у своего провожатаго бойкимъ костромскимъ говоромъ:

— Энто тотъ самый огарокъ... квартирантъ-то вашъ?

И съ той поры вотъ уже почти полтора года они состязаются другъ съ другомъ въ своемъ умѣньѣ оскорблять человѣка.

И вчера между ними произошло легонькое „упражненіе въ буесловіи", какъ называлъ ротмистръ свои разговоры съ купцомъ. Проводивъ архитектора, купецъ подошелъ къ ротмистру.

— Сидишь?—спросилъ онъ, дергая рукой за козырекъ картуза, такъ что нельзя было понять, поправляетъ ли онъ его, или же хочетъ изобразить поклонъ.

— Мыкаешься?—въ тонъ ему сказалъ ротмистръ и сдѣлалъ движеніе нижней челюстью, отчего борода его вздрогнула и что нетребовательный человѣкъ могъ принять за поклонъ или за желаніе ротмистра пересунуть свою трубку изъ одного угла рта въ другой.

— Денегъ у меня много — вотъ и мыкаюсь. Деньги хотятъ, чтобъ ихъ въ жизнь пускали, вотъ я и даю имъ ходъ...—немножко дразнитъ ротмистра купецъ, лукаво прищуривая свои глазки.

— Не тебѣ, значитъ, рубль служитъ, а ты рублю,— комментируетъ Кувалда, борясь съ желаніемъ дать пинка въ животъ купцу.

— Али это не все равно? Съ ними, съ деньгами-то, всяко пріятно... А вотъ ежели безъ нихъ...

И купецъ съ нахально-поддѣланнымъ состраданіемъ оглядываетъ ротмистра. У того верхняя губа прыгаетъ, обнажая крупные волчьи зубы.

— Имѣя умъ и совѣсть, можно жить и безъ нихъ... Онѣ обыкновенно являются какъ разъ въ то время, когда у человѣка совѣсть усыхать начинаетъ... Ея меньше, а ихъ больше...

— Это вѣрно... А то есть люди, у которыхъ ни денегъ, ни совѣсти...

— Ты смолоду-то такимъ и былъ? — простодушно спрашиваетъ Кувалда. Теперь у Петунникова вздрагиваетъ носъ. Иванъ Андреевичъ вздыхаетъ, щуритъ глазки и говоритъ:

— Мнѣ смолоду о-охъ большія тяжести поднять пришлось!

— Я думаю...

— Работалъ я, охъ, какъ работалъ!

— А многихъ обработалъ!

— Такихъ какъ ты? Дворянъ-то? Ничего... достаточно ихъ отъ меня Христовой молитвѣ выучились...

— Не убивалъ, только грабилъ?—рѣжетъ ротмистръ. Петунниковъ зеленѣетъ и находитъ нужнымъ измѣнить тему.

— А хозяинъ ты плохой—сидишь, а гость стоитъ...

— Пусть и онъ сядетъ,—разрѣшаетъ Кувалда.

— Да не на что, вишь...

— На землю... земля всякую дрянь принимаетъ...

— Я это по тебѣ вижу... Однако, пойти отъ тебя, ругателя,—ровно и спокойно сказалъ Петунниковъ, но глаза его излили на ротмистра холодный ядъ.

И онъ ушелъ, оставивъ Кувалду въ пріятномъ сознаніи, что купецъ боится его. Если бъ онъ не боялся, такъ уже давно бы выгналъ изъ ночлежки. Не изъ-за пяти же рублей въ мѣсяцъ онъ не гонитъ его! И ротмистру пріятно смотрѣть въ спину Петунникова, медленно удаляющагося со двора. Потомъ ротмистръ слѣ-

дитъ, какъ купецъ ходитъ около своего завода, ходитъ по лѣсамъ вверхъ и внизъ. И ему очень хочется, чтобъ купецъ упалъ и изломалъ себѣ кости. Сколько уже онъ создалъ остроумныхъ комбинацій паденія и всяческихъ увѣчій, глядя на Петунникова, лазившаго по лѣсамъ своего завода, какъ паукъ по своей сѣткѣ. Вчера ему даже показалось, что вотъ одна доска дрогнула подъ ногами купца, и ротмистръ въ волненіи вскочилъ со своего мѣста... Но ничего не вышло.

И сегодня, какъ всегда, передъ глазами Аристида Кувалды торчитъ это красное зданіе, такое прочное, плотное, такъ крѣпко вцѣпившееся въ землю, точно уже высасывающее изъ нея соки. И кажется, что оно холодно и темно смѣется надъ ротмистромъ зіяющими дырами своихъ стѣнъ. Солнце льетъ на него свои осенніе лучи такъ же щедро, какъ и на уродливые домики Въѣзжей улицы.

— А вдругъ! — мысленно воскликнулъ ротмистръ, измѣряя глазами стѣну завода. — Ахъ, ты, чортъ возьми! Если бы... — весь встрепенувшись, возбужденный своей мыслью, Аристидъ Кувалда вскочилъ и торопливо пошелъ въ трактиръ Вавилова, улыбаясь и бормоча что-то про-себя.

Вавиловъ встрѣтилъ его за буфетомъ дружескимъ восклицаніемъ:

— Вашему благородію здравія желаемъ!

Средняго роста, съ лысой головой, въ вѣнчикѣ сѣдыхъ кудрявыхъ волосъ, съ бритыми щеками и съ прямо-торчащими усами, похожими на зубныя щетки, прямой и ловкій, въ замазанной кожаной курткѣ, онъ каждымъ своимъ движеніемъ позволялъ узнать въ немъ стараго унтеръ-офицера.

— Егоръ! У тебя вводный листъ и планъ на домъ есть?—торопливо спросилъ Кувалда.

— Имѣю.

Вавиловъ подозрительно сузилъ свои вороватые

глаза и пристально уставился ими въ лицо ротмистра, въ которомъ онъ видѣлъ что-то особенное.

— Покажи мнѣ! — воскликнулъ ротмистръ, стукая кулакомъ по стойкѣ и опускаясь на табуретъ около нея.

— А зачѣмъ?—спросилъ Вавиловъ, рѣшившійся при видѣ возбужденія Кувалды держать ухо востро.

— Болванъ, неси скорѣй!

Вавиловъ наморщилъ лобъ и испытующе поднялъ глаза къ потолку.

— Гдѣ онѣ у меня, эти самыя бумаги?

На потолкѣ не нашлось никакихъ указаній по этому вопросу; тогда унтеръ устремилъ глаза на свой животъ и съ видомъ озабоченной задумчивости сталъ барабанить пальцемъ по стойкѣ.

— Будетъ тебѣ кобениться!—прикрикнулъ на него ротмистръ, не любившій его, находя, что бывшему солдату привычнѣе быть воромъ, чѣмъ трактирщикомъ.

— Да я, Ристидъ Ѳомичъ, ужъ вспомнилъ. Кажись, онѣ въ окружномъ судѣ остались. Какъ я вводился во владѣніе...

— Егорка, брось! Въ виду твоей же пользы, покажи мнѣ сейчасъ планъ, купчую и все, что есть. Можетъ быть, ты не одну сотню рублей выиграешь отъ этого—понялъ?

Вавиловъ ничего не понялъ, но ротмистръ говорилъ такъ внушительно, съ такимъ серьезнымъ видомъ, что глаза унтера загорѣлись пылкимъ любопытствомъ, и, сказавъ, что посмотритъ, нѣтъ ли этихъ бумагъ у него въ укладкѣ, онъ ушелъ въ дверь за буфетомъ. Черезъ двѣ минуты онъ возвратился съ бумагами въ рукахъ и съ выраженіемъ крайняго изумленія на рожѣ.

— Анъ онѣ, проклятыя, дома!

— Эхъ ты... паяцъ изъ балагана! А еще солдатъ былъ...—не преминулъ укорить его Кувалда, выхвативъ изъ его рукъ коленкоровую папку съ синей актовой бумагой. Затѣмъ, развернувъ передъ собой бумаги и

все болѣе возбуждая любопытство Вавилова, ротмистръ сталъ читать, разсматривать и при этомъ многозначительно мычалъ. Вотъ, наконецъ, онъ рѣшительно всталъ и пошелъ къ двери, оставивъ бумаги на стойкѣ и кинувъ Вавилову:

— Погоди... не прячь ихъ...

Вавиловъ собралъ бумаги, положилъ ихъ въ ящикъ выручки, заперъ его и подергалъ рукой — хорошо ли заперлось? Потомъ онъ, задумчиво потирая лысину, вышелъ на крыльцо харчевни. Тамъ онъ увидалъ, что ротмистръ, измѣривъ шагами фасадъ харчевни, щелкнулъ пальцами и снова началъ измѣрять ту же линію, озабоченный, но довольный.

Лицо Вавилова какъ-то напрягалось, потомъ вытянулось, потомъ вдругъ радостно просіяло.

— Ристидъ Ѳомичъ! Неужто? — воскликнулъ онъ, когда ротмистръ поровнялся съ нимъ.

— Вотъ те и неужто! Больше аршина отрѣзано. Это по фасаду, а вглубь сейчасъ узнаю...

— Вглубь?... десять саженъ два аршина!

— Что, догадался, бритая харя?

— Какъ же, Ристидъ Ѳомичъ! Ну и глазокъ у васъ— въ землю вы на три аршина видите!—съ восхищеніемъ воскликнулъ Вавиловъ.

Черезъ нѣсколько минутъ они сидѣли другъ противъ друга въ комнатѣ Вавилова, и ротмистръ, большими глотками уничтожая пиво, говорилъ трактирщику:

— Итакъ, вся стѣна завода стоитъ на твоей землѣ. Дѣйствуй безъ всякой пощады. Придетъ учитель, и мы накатаемъ прошеніе въ окружной. Цѣну иска, чтобы не тратиться на гербовыя, назначимъ самую скромную, а просить будемъ о сломкѣ. Это, дуракъ ты мой, называется нарушеніемъ границъ чужого владѣнія... очень пріятное событіе для тебя! Ломай! А ломать такую махину да подвигать ее — дорого стоитъ.

Мировую! Тутъ ты и прижми Іуду. Мы разсчитаемъ, сколько будетъ стоить сломка самымъ точнымъ образомъ — съ битымъ кирпичомъ, съ ямой подъ новый фундаментъ... все высчитаемъ! Даже время примемъ въ счетъ! И — позвольте, благочестивый Іуда, двѣ ты-ся-чи рублей!

— Не дастъ! — тревожно моргая глазами, сверкавшими жаднымъ огнемъ, вытянулъ Вавиловъ.

— Вретъ! Дастъ! Ты пошевели мозгами — что ему дѣлать? Ломать? Но — смотри, Егорка, не продешеви! Покупать тебя будутъ—не продавайся дешево! Пугать будутъ — не бойся! Положись на насъ...

Глаза у ротмистра горѣли свирѣпой радостью, и лицо, красное отъ возбужденія, судорожно подергивалось. Онъ разжегъ алчность трактирщика и, убѣдивъ его дѣйствовать возможно скорѣе, ушелъ торжествующій и непреклонно-свирѣпый.

Вечеромъ всѣ бывшіе люди узнали объ открытіи ротмистра и, горячо обсуждая будущія дѣйствія Петунникова, изображали въ яркихъ краскахъ его изумленіе и злобу въ тотъ день, когда судебный разсыльный вручитъ ему копію иска. Ротмистръ чувствовалъ себя героемъ. Онъ былъ счастливъ, и всѣ вокругъ него были довольны. Большая куча темныхъ, одѣтыхъ въ лохмотья фигуръ лежала на дворѣ и шумѣла, и ликовала, оживленная событіемъ. Всѣ они знали купца Петунникова, проходившаго много разъ мимо нихъ. Презрительно щуря глаза, онъ дарилъ ихъ такимъ же вниманіемъ, какъ и весь другой мусоръ, валявшійся на дворѣ. Отъ него вѣяло сытостью, раздражавшей ихъ, и даже сапоги его блестѣли пренебреженіемъ ко всѣмъ имъ. И вотъ теперь одинъ изъ нихъ сильно ударитъ этого купца по его карману и самолюбію. Развѣ это не хорошо?

Зло въ глазахъ этихъ людей имѣло много привле-

кательнаго. Оно было единственнымъ орудіемъ по рукѣ и по силѣ имъ. Каждый изъ нихъ давно уже воспиталъ въ себѣ полусознательное, смутное чувство острой непріязни ко всѣмъ людямъ сытымъ и одѣтымъ не въ лохмотья, и въ каждомъ изъ нихъ было это чувство въ разныхъ степеняхъ его развитія. Оно-то и вызывало у всѣхъ бывшихъ людей жгучій интересъ къ войнѣ, объявленной Кувалдой купцу Петунникову.

Двѣ недѣли жила ночлежка ожиданіемъ новыхъ событій, и за все это время Петунниковъ ни разу не являлся на постройку. Дознано было, что его нѣтъ въ городѣ, и что копія прошенія еще не вручена ему. Кувалда громилъ практику гражданскаго судопроизводства. Едва ли когда-нибудь и кто-либо ждалъ этого купца съ такимъ напряженнымъ нетерпѣніемъ, съ которымъ ожидали его босяки.

— Не идетъ, не идетъ мой ненаглядный-й...

— Эхъ, знать, не любитъ онъ м-меня-а!—пѣлъ дьяконъ Тарасъ, поджавъ щеку и юмористически-скорбно глядя въ гору.

И вотъ однажды подъ вечеръ Петунниковъ явился. Онъ пріѣхалъ въ солидной телѣжкѣ съ сыномъ въ роли кучера—краснощекимъ малымъ, въ длинномъ клѣтчатомъ пальто и въ темныхъ очкахъ. Они привязали лошадь къ лѣсамъ;— сынъ вынулъ изъ кармана рулетку, подалъ конецъ ея отцу и они начали мѣрить землю, оба молчаливые и озабоченные.

— Ага-а!—торжествуя, возгласилъ ротмистръ.

Всѣ, кто былъ налицо въ ночлежкѣ, высыпали къ воротамъ и смотрѣли, вслухъ выражая свои мнѣнія по поводу происходившаго.

— Что значитъ привычка воровать — человѣкъ воруетъ даже и по ошибкѣ, не желая украсть, рискуя потерять больше того, сколько украдетъ...—соболѣзновалъ ротмистръ, вызывая у своего штаба смѣхъ и рядъ подобныхъ замѣчаній.

— Ой, малый!—воскликнулъ, наконецъ, Петунниковъ, взорванный насмѣшками, — гляди, какъ бы я тебя за твои слова къ мировому не потянулъ!

— Безъ свидѣтелей ничего не выйдетъ... Родной сынъ не можетъ свидѣтельствовать со стороны отца...— предупредилъ ротмистръ.

— Ну, гляди же! Атаманъ-то ты храбрый, да вѣдь и на тебя найдется управа!

И Петунниковъ грозилъ пальцемъ... Сынъ его, спокойный и погруженный въ расчеты, не обращалъ вниманія на эту кучку темныхъ людей, зло потѣшавшихся надъ его отцомъ. Онъ даже не взглянулъ ни разу въ ихъ сторону.

— Молоденькій паучокъ имѣетъ хорошую выдержку,— замѣтилъ Объѣдокъ, подробно прослѣдивъ всѣ дѣйствія и движенія Петунникова младшаго.

Обмѣривъ все, что было нужно, Иванъ Андреевичъ нахмурился, молча сѣлъ въ телѣжку и уѣхалъ, а его сынъ твердыми шагами пошелъ къ трактиру Вавилова и скрылся въ немъ.

— Ого! рѣшительный молодой воръ... да! Ну-ка, что будетъ дальше?—спросилъ Кувалда.

— А дальше Петунниковъ младшій купитъ Егора Вавилова... — увѣренно сказалъ Объѣдокъ и вкусно чмокнулъ губами, выражая полное удовольствіе на своемъ остромъ лицѣ.

— А ты этому радъ, что ли?—сурово спросилъ Кувалда.

— А мнѣ пріятно видѣть, какъ людскіе расчеты не оправдываются, съ наслажденіемъ объяснилъ Объѣдокъ, щуря глаза и потирая руки.

Ротмистръ сердито плюнулъ и промолчалъ. И всѣ они, стоя у воротъ полуразрушеннаго дома, молчали и смотрѣли на дверь харчевни. Прошелъ часъ и болѣе въ этомъ ожидающемъ молчаніи. Потомъ дверь харчевни отворилась и Петунниковъ вышелъ изъ нея такой же

спокойный, какимъ вошелъ въ нее. Онъ остановился на минуту, кашлянулъ, приподнялъ воротникъ пальто, посмотрѣлъ на людей, наблюдавшихъ за нимъ, и пошелъ вверхъ по улицѣ въ городъ.

Ротмистръ проводилъ его глазами и, обращаясь къ Объѣдку, усмѣхнулся.

— А вѣдь, пожалуй, ты правъ, сынъ скорпіона и мокрицы... У тебя есть нюхъ на все подлое... да... Уже по харѣ этого юнаго жулика видно, что онъ добился своего... Сколько взялъ съ нихъ Егорка? Онъ взялъ... Онъ ихъ же поля ягода. Онъ взялъ, будь я трижды проклятъ! Это я устроилъ ему. Горько мнѣ понимать мою глупость. Да, жизнь вся противъ насъ, братцы мои, мерзавцы! И даже когда плюнешь въ рожу ближняго, плевокъ летитъ въ твои же глаза.

Утѣшивъ себя этой сентенціей, почтенный ротмистръ посмотрѣлъ на свой штабъ. Всѣ были разочарованы ибо всѣ чувствовали, что то, что произошло между Вавиловымъ и Петунниковымъ, произошло не такъ, какъ они ждали. И всѣмъ было обидно это. Сознаніе неумѣнья причинить зло болѣе оскорбительно для человѣка, чѣмъ сознаніе невозможности сдѣлать добро, потому что зло дѣлать такъ легко и просто.

— Итакъ,—чего же мы тутъ торчимъ? Намъ нечего больше ждать... кромѣ могарыча, который я сдерну съ Егорки... — сказалъ ротмистръ, хмуро посматривая на харчевню. — Благоденственному и мирному житію нашему подъ кровлей Іуды—пришелъ конецъ. Попретъ насъ Іуда вонъ... О чемъ и объявляю по ввѣренному мнѣ департаменту санкюлотовъ...

Конецъ мрачно засмѣялся.

— Тюремщикъ, ты чего? — спросилъ Кувалда.

— Куда жъ я пойду?

— Это, душа моя, вопросище... Судьба твоя отвѣтитъ на него, не безпокойся, — задумчиво сказалъ рот-

мистръ, идя въ ночлежку. Бывшіе люди лѣниво двинулись за нимъ.

— Мы подождемъ критическаго момента,—говорилъ ротмистръ, шагая среди нихъ. — Когда насъ вытурятъ вонъ, тогда мы и поищемъ новой норы для себя. А пока не стоитъ портить жизнь такими думами... Въ критическіе моменты человѣкъ становится энергичнѣе... и если бъ жизнь, во всей ея совокупности, сдѣлать сплошнымъ критическимъ моментомъ, если бъ каждую секунду человѣкъ принужденъ былъ дрожать за цѣлость своей башки... ей Богу, жизнь была бы болѣе живой, а люди болѣе интересными!

— Т.-е. съ большей яростью грызли бы глотки другъ другу,—пояснилъ Объѣдокъ, улыбаясь.

— Ну, такъ что же? — задорно воскликнулъ ротмистръ, не любившій, чтобы его мысли пояснялись.

— А ничего... это хорошо. Когда хотятъ скорѣе куда-нибудь доѣхать, лошадей бьютъ кнутомъ, а машины раздражаютъ огнемъ.

— Ну, да! Пусть все скачетъ къ чорту на кулички! Мнѣ было бы пріятно, если бъ земля вдругъ вспыхнула и сгорѣла или разорвалась бы вдребезги... лишь бы я погибъ послѣдній, посмотрѣвъ сначала на другихъ...

— Свирѣпо! — усмѣхнулся Объѣдокъ...

— Такъ что? Я—бывшій человѣкъ...—такъ? Я отверженъ—значитъ, я свободенъ отъ всякихъ путъ и узъ... Значитъ, я могу наплевать на все! Я долженъ по роду своей жизни отбросить въ сторону все старое... всѣ манеры и пріемы отношеній къ людямъ, существующимъ сыто и нарядно и презирающимъ меня за то, что въ сытости и костюмѣ я отсталъ отъ нихъ... и я долженъ воспитать въ себѣ что-то новое — понялъ? Такое, знаешь, чтобы мимо меня идущіе господа жизни вродѣ Іуды Петунникова при видѣ моей представительной фигуры—трепетъ хладный въ печенкахъ ощущали!

— Экій у тебя языкъ храбрый, — смѣялся Объѣдокъ...

— Эхъ ты!.. мизерь... — презрительно оглядѣлъ его Кувалда.—Что ты понимаешь? Что ты знаешь? Умѣешь ли ты думать? А я думалъ... и читалъ книги, въ которыхъ ты не понялъ бы ни слова.

— Еще бы! Гдѣ мнѣ щи лаптемъ хлебать... Но хотя ты читалъ и думалъ, а я не дѣлалъ ни того, ни другого, однако, недалеко же мы другъ отъ друга ушли...

— Пошелъ къ чорту! — вскричалъ Кувалда.

Его разговоры съ Объѣдкомъ всегда такъ кончались. Вообще безъ учителя его рѣчи, — онъ самъ это зналъ, — только воздухъ портили и расплывались въ немъ безъ оцѣнки и вниманія къ нимъ; но не говорить онъ не могъ. И теперь, обругавъ своего собесѣдника, онъ чувствовалъ себя одинокимъ среди своихъ людей. А говорить ему хотѣлось, и потому онъ обратился къ Симцову съ вопросомъ:

— Ну, а ты, Алексѣй Максимовичъ, куда преклонишь свою сѣдую голову?

Старикъ добродушно улыбнулся, потеръ рукой свой носъ и объявилъ:

— Не знаю... увижу! Наше дѣло маленькое: выпилъ, да еще!

— Почтенная, хотя и простая задача! — похвалилъ его ротмистръ.

Симцовъ, помолчавъ, добавилъ, что онъ устроится скорѣе всѣхъ ихъ, потому что его женщины очень любятъ. Это была правда: старикъ всегда имѣлъ двухъ — трехъ любовницъ изъ проститутокъ, содержавшихъ его по два и три дня къ ряду на свои скудные заработки. Онѣ часто били его, но онъ относился къ этому стоически; сильно избить его они почему-то не могли—можетъ быть, жалѣли. Онъ былъ страстный женолюбецъ и разсказывалъ, что женщины — причина

всѣхъ несчастій его жизни. Близость его отношеній къ женщинамъ и характеръ ихъ отношеній къ нему подтверждались и частыми болѣзнями его, и костюмомъ, всегда хорошо починеннымъ и болѣе чистымъ, чѣмъ костюмы товарищей. И теперь, сидя на землѣ у дверей ночлежки въ кругу своихъ товарищей, онъ хвастливо началъ разсказывать, что его давно уже зоветъ Рѣдька жить съ ней, но онъ не идетъ къ ней, не хочетъ уйти изъ компаніи.

Его слушали съ интересомъ и не безъ зависти. Рѣдьку всѣ знали — она жила недалеко подъ горой... и недавно только отсидѣла нѣсколько мѣсяцевъ за вторую кражу. Это была „бывшая" кормилица, высокая и дородная деревенская баба, съ рябымъ лицомъ и очень красивыми, хотя всегда пьяными глазами.

— Ишь ты, старый чортъ! — выругался Объѣдокъ, глядя на самодовольно улыбавшагося Симцова.

— А почему онѣ меня любятъ? Потому что я знаю, чѣмъ жива ихъ душа...

— Н-да? — вопросительно воскликнулъ Кувалда.

— Умѣю заставить ихъ жалѣть меня. А женщина, когда она пожалѣетъ — хоть зарѣжетъ изъ жалости. Плачь передъ ней, проси ее убить тебя, пожалѣетъ и — убьетъ...

— Это я убью! — рѣшительно заявилъ Мартьяновъ, усмѣхаясь своей мрачной усмѣшкой.

— Кого? — спросилъ Объѣдокъ, отодвигаясь отъ него въ сторону.

— Все равно... Петунникова... Егорку... хоть тебя!

— Зачѣмъ? — освѣдомился Кувалда съ большимъ интересомъ.

— Хочу въ Сибирь... Мнѣ надоѣло это... подлая жизнь... А тамъ ужъ будешь знать, какъ нужно жить...

— Д-да, тамъ укажутъ подробно, — меланхолически согласился ротмистръ.

О Петунниковѣ и грядущемъ выселеніи изъ ночлежки больше не говорили. Всѣ уже были увѣрены, что выселеніе близко къ нимъ—въ разстояніи двухъ—трехъ дней, можетъ быть, и считали излишнимъ утруждать себя разсужденіями на эту тему. Отъ разговоровъ положеніе не улучшилось бы, да, наконецъ, было еще не холодно, хотя и начинались дожди—можно было спать на любомъ клочкѣ земли за городомъ.

Расположившись кружкомъ на травѣ, эти люди лѣниво вели безконечную бесѣду о разныхъ разностяхъ, свободно переходя отъ одной темы къ другой и тратя столько вниманія къ чужимъ словамъ, сколько нужно было его для того, чтобы продолжать бесѣду, не прерывая. Молчать было скучно, но и внимательно слушать тоже скучно. Это общество бывшихъ людей имѣло одно великое достоинство: въ немъ никто не насиловалъ себя, стараясь казаться лучше, чѣмъ онъ есть, и не возбуждалъ другихъ къ такому насилію надъ собой.

Августовское солнце старательно прокаливало лохмотья этихъ людей, подставившихъ ему свои спины и нечесаныя головы — хаотическое соединеніе царства растительнаго съ минеральнымъ и животнымъ. Въ углахъ двора росъ пышный бурьянъ—высокіе лопухи, усѣянные цѣпкими репьями, и еще какія-то никому ненужныя растенія услаждали взоры никому ненужныхъ людей...

А въ харчевнѣ Вавилова разыгралась слѣдующая сцена.

Петунниковъ младшій вошелъ въ нее не торопясь, осмотрѣлся, поморщился брезгливо и, медленно снявъ съ головы сѣрую шляпу, спросилъ у трактирщика, встрѣтившаго его почтительнымъ поклономъ и любезной усмѣшкой:

— Егоръ Терентьевичъ Вавиловъ—это вы и есть?

— Точно такъ! — отвѣтилъ унтеръ, опираясь о прилавокъ обѣими руками, какъ бы готовый перепрыгнуть черезъ него.

— Имѣю къ вамъ дѣло,—заявилъ Петунниковъ.

— Вполнѣ пріятно... Пожалуйте въ комнаты!

Они прошли въ комнаты и сѣли — гость на клеенчатый диванъ передъ круглымъ столомъ, хозяинъ на стулъ противъ него. Въ одномъ углу комнаты горѣла лампада передъ громаднымъ трехстворчатымъ кіотомъ, на стѣнѣ около него тоже висѣли иконы. Ризы ихъ были ярко вычищены и блестѣли, какъ новыя. Въ комнатѣ, тѣсно заставленной сундуками и старой разнообразной мебелью, пахло деревяннымъ масломъ, табакомъ и кислой капустой. Петунниковъ осмотрѣлся и снова скорчилъ гримасу. Вавиловъ со вздохомъ взглянулъ на иконы, а потомъ они пристально осмотрѣли другъ друга и оба взаимно произвели хорошее впечатлѣніе. Петунникову понравились откровенно-вороватые глаза Вавилова. Вавилову — открытое, холодное и рѣшительное лицо Петунникова съ широкими крѣпкими скулами и частыми бѣлыми зубами.

— Ну-съ, вы, конечно, знаете меня и догадываетесь, насчетъ чего я буду говорить! — началъ Петунниковъ.

— Насчетъ иску... я такъ полагаю, — почтительно сказалъ унтеръ.

— Именно. Пріятно видѣть, что вы не ломаетесь, а идете къ дѣлу, какъ человѣкъ прямой души,—поощрилъ Петунниковъ собесѣдника.

— Солдатъ-съ я...—скромно сказалъ тотъ.

— Это видно. Итакъ, будемъ вести дѣло просто и прямо, чтобы скорѣе кончить его...

— Вотъ именно.

— Хорошо-съ... Вашъ искъ вполнѣ законенъ, и вы

его, конечно, выиграете — это прежде всего я считаю нужнымъ сообщить вамъ.

— Покорно благодарю, — сказалъ унтеръ, моргнувъ глазами, чтобы скрыть въ нихъ улыбку.

— Но, скажите, зачѣмъ же вамъ понадобилось начинать знакомство съ нами, вашими будущими сосѣдями, такъ рѣзко... прямо съ суда?

Вавиловъ пожалъ плечами и смолчалъ.

— Было бы проще придти къ намъ и устроить все миромъ... а? Какъ вы думаете?

— Это, конечно, пріятнѣе. Да видите ли... тутъ есть одна закорючка... не своей волей я дѣйствовалъ... а по наущенію... Послѣ понялъ, какъ было бы лучше-то, ну, ужъ поздно.

— Такъ... Васъ, полагаю, адвокатъ какой-нибудь научилъ?

— Въ этомъ родѣ...

— Ага! Ну-съ, такъ желаете кончить дѣло миромъ?

— Съ полнымъ удовольствіемъ!—воскликнулъ солдатъ.

Петунниковъ помолчалъ, посмотрѣлъ на него и вдругъ холодно и сухо спросилъ:

— А почему вы этого желаете?

Вавиловъ не ожидалъ такого вопроса и сразу не могъ отвѣтить. По его мнѣнію, это былъ пустой вопросъ, и солдатъ, съ сознаніемъ превосходства, усмѣхнулся въ лицо Петунникова-сына.

— Извѣстно почему... съ людьми надо стараться жить въ мирѣ.

— Ну,—перебилъ его Петунниковъ,—это не совсѣмъ такъ. Вы, какъ я вижу, неясно понимаете, почему вамъ хотѣлось бы помириться съ нами... Я разскажу вамъ это.

Солдатъ удивился немного. Этотъ парень, весь одѣтый въ клѣтчатую матерію и довольно смѣшной въ ней, говорилъ такъ, какъ. бывало, говорилъ ротный

командиръ Ракшинъ, подъ сердитую руку выбивавшій у рядовыхъ сразу по три зуба.

— Вамъ нужно помириться съ нами потому, что наше сосѣдство вамъ очень выгодно! А выгодно оно потому, что у насъ на заводѣ будетъ рабочихъ не менѣе полутораста человѣкъ, со временемъ—болѣе. Если сто изъ нихъ послѣ каждаго недѣльнаго расчета выпьютъ у васъ по стакану, значитъ, въ мѣсяцъ вы продадите на четыреста стакановъ больше, чѣмъ продаете теперь. Это я взялъ самое меньшее. Затѣмъ у васъ харчевня. Вы, кажется, неглупый и бывалый человѣкъ, сообразите-ка сами выгодность нашего сосѣдства.

— Это вѣрно-съ... — кивнулъ головой Вавиловъ,— это я зналъ.

— И что же?—громко освѣдомился купецъ.

— Ничего-съ... Давайте помиримся...

— Очень пріятно, что вы такъ скоро рѣшаете. Вотъ я припасъ заявленіе въ судъ о прекращеніи вами претензіи противъ отца. Прочитайте и подпишите.

Вавиловъ круглыми глазами посмотрѣлъ на своего собесѣдника и вздрогнулъ, предчувствуя что-то крайне скверное.

— Позвольте... подписать? А какъ же это?

— Просто, вотъ напишите имя и фамилію и больше ничего, — обязательно указывая пальцемъ, гдѣ подписать, объяснилъ Петунниковъ.

— Нѣтъ—это что-о! Я не про это... Я насчетъ того, какое же мнѣ вознагражденіе за землю вы дадите?

— Да вѣдь вамъ эта земля ни къ чему!—успокоительно сказалъ Петунниковъ.

— Однако, она моя!—воскликнулъ солдатъ.

— Конечно... А сколько вы хотѣли бы?

— Да хоть бы—по иску... Какъ тамъ прописано,— робко заявилъ Вавиловъ.

— Шестьсотъ?—Петунниковъ мягко засмѣялся:—Ахъ вы чудакъ!

— Я имѣю право... Я могу хоть двѣ тысячи требовать... Могу настоять, чтобы вы сломали... Я такъ и хочу... Потому и цѣна иска такая малая. Я требую — ломать!

— Валяйте... Мы, можетъ быть, и сломаемъ... года черезъ три, втянувъ васъ въ большія издержки по суду. А заплативъ, откроемъ свой кабачокъ и харчевню получше вашей — вы и пропадете, какъ шведъ подъ Полтавой. Пропадете, голубчикъ, ужъ мы объ этомъ позаботимся. Мы могли бы теперь начать хлопоты насчетъ кабачка, да возня это, а намъ время дорого. Да жалко и васъ — зачѣмъ же у человѣка ни за что, ни про что хлѣбъ отбивать?

Егоръ Терентьевичъ, крѣпко сцѣпивъ зубы, смотрѣлъ на своего гостя и чувствовалъ, что гость—владыка его судьбы. Жалко стало Вавилову себя предъ лицомъ этой холодно-спокойной, неумолимой фигуры въ смѣшномъ клѣтчатомъ костюмѣ.

— А въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ съ нами находясь и въ согласіи живя, вы, служивый, хорошо могли бы заработать. Объ этомъ мы тоже бы позаботились. Я, напримѣръ, даже сейчасъ порекомендую вамъ лавочку маленькую открыть. Знаете — табачокъ, спички, хлѣбъ, огурцы и такъ далѣе... Все это будетъ имѣть хорошій сбытъ.

Вавиловъ слушалъ и, какъ неглупый малый, понималъ, что отдаться на великодушіе врага—всего лучше. Собственно, съ этого и надо бы начать. И не зная, куда дѣвать свою обиду и злобу, солдатъ вслухъ обругалъ Кувалду:

— Пьяница, ан-наѳема, чортъ тебя задави!

— Это вы того адвоката, который сочинялъ вамъ прошеніе?—спокойно спросилъ Петунниковъ и, вздохнувъ, добавилъ:—дѣйствительно, онъ могъ сыграть съ вами скверную шутку... если бъ мы не пожалѣли васъ.

— Эхъ!—махнулъ рукой огорченный солдатъ;—ихъ

двое тутъ... Одинъ нашелъ, другой писалъ... Корреспондентъ проклятый!

— Это почему же корреспондентъ?

— Пишетъ въ газеты... Все ваши постояльцы... Вотъ люди! Уберите вы ихъ, гоните, Христа ради! Разбойники! Всѣхъ здѣсь въ улицѣ мутятъ, настраиваютъ. Житья нѣтъ отъ нихъ... отчаянные люди — того гляди, ограбятъ или подожгутъ...

— А этотъ корреспондентъ... онъ кто такой?—заинтересовался Петунниковъ.

— Онъ? Пьяница! Учителемъ былъ—выгнали. Пропился и... вотъ пишетъ въ газеты, сочиняетъ прошенія. Очень подлый человѣкъ!

— Гмъ! Онъ вамъ и писалъ прошеніе? Та-акъ-съ! Очевидно, онъ же писалъ и о безпорядкахъ на стройкѣ, —лѣса тамъ, что ли, нашелъ неправильно поставленными.

— Онъ! Я это знаю, онъ, собака! Самъ здѣсь читалъ и хвалился—вотъ я, говоритъ, Петунникова въ убытокъ ввелъ.

— Н-да... Ну-съ, такъ какъ же вы мириться намѣрены?

— Мириться?

Солдатъ опустилъ голову и задумался.

— Эхъ ты, жизнь наша темная! — съ обидой въ голосѣ воскликнулъ онъ, почесавъ затылокъ.

— Учиться надо,—порекомендовалъ ему Петунниковъ, закуривая папиросу.

— Учиться? Не въ этомъ дѣло-съ, сударь вы мой! Свободы нѣтъ, вотъ что! Вѣдь у меня какая жизнь? Въ трепетѣ живу... съ постоянной оглядкой... вполнѣ лишенъ свободы желательныхъ мнѣ движеній! А почему? Боюсь... этотъ кикимора учитель въ газетахъ пишетъ на меня... санитарный надзоръ навлекаетъ, штрафы плачу... Постояльцы эти ваши, того гляди, сожгутъ, убьютъ, ограбятъ... Что я противъ нихъ могу?

Полиціи они не боятся... Посадятъ ихъ — они даже рады—хлѣбъ имъ даровой...

— А вотъ мы ихъ устранимъ... если сойдемся съ вами,—пообѣщалъ Петунниковъ.

— Какъ же мы сойдемся? — съ тоской и угрюмо спросилъ Вавиловъ.

— Говорите ваши условія.

— Да что же? Дайте... шестьсотъ по иску...

— Сто рублей не возьмете? — спокойно спросилъ купецъ, тщательно осмотрѣлъ своего собесѣдника и, мягко улыбнувшись, добавилъ: — больше не дамъ ни рубля...

Послѣ этого онъ снялъ очки и медленно сталъ вытирать ихъ стёкла вынутымъ изъ кармана платкомъ. Вавиловъ смотрѣлъ на него съ тоской въ сердцѣ и въ то же время проникался почтеніемъ къ нему. Въ спокойномъ лицѣ молодого Петунникова, въ его сѣрыхъ, большихъ глазахъ, въ широкихъ скулахъ, во всей его коренастой фигурѣ было много силы, увѣренной въ себѣ и хорошо дисциплинированной умомъ. Вавилову нравилось и то, какъ Петунниковъ говорилъ съ нимъ: просто, съ дружескими нотками въ голосѣ, безъ всякаго барства, какъ со своимъ братомъ, хотя Вавиловъ понималъ, что онъ, солдатъ, не пара этому человѣку. Разсматривая его, почти любуясь имъ, солдатъ, наконецъ, не вытерпѣлъ и, ощутивъ въ себѣ приливъ горячаго любопытства, на минуту заглушившаго всѣ остальныя его ощущенія, почтительно спросилъ Петунникова:

— Гдѣ изволили учиться?

— Въ технологическомъ институтѣ. А что? — вскинулъ тотъ на него улыбавшіеся глаза.

— Ничего-съ, это я такъ... извините! — Солдатъ понурилъ голову и вдругъ съ восхищеніемъ, завистью и даже вдохновенно воскликнулъ:—Н-да! Вотъ оно образованіе-то! Одно слово,—наука—свѣтъ! А нашъ братъ,—

какъ сова передъ солнцемъ въ этомъ свѣтѣ... Эхъ-ма! Ваше благородіе! Давайте, кончимъ дѣло!

Онъ рѣшительнымъ жестомъ протянулъ руку Петунникову и сдавленно сказалъ:

— Ну... пятьсотъ?

— Не больше ста рублей, Егоръ Терентьевичъ, — какъ бы сожалѣя, что больше дать не можетъ, пожалъ плечами Петунниковъ, хлопая по волосатой рукѣ солдата своей бѣлой и крупной рукой.

Они скоро кончили, потому что солдатъ вдругъ пошелъ навстрѣчу желанію Петунникова крупными скачками, а тотъ былъ непоколебимо твердъ. И когда Вавиловъ получилъ сто рублей и подписалъ бумагу,— онъ ожесточенно бросилъ перо на столъ и воскликнулъ:

— Ну, теперь остается мнѣ съ золотой ротой вѣдаться! Засмѣютъ, застыдятъ они меня, дьяволы!

— А вы скажите имъ, что я заплатилъ вамъ всю сумму иска,—предложилъ Петунниковъ, спокойно пуская изо рта тонкія струйки дыма и слѣдя за ними.

— Да развѣ они этому повѣрятъ? Это тоже умные мошенники, не хуже...

Вавиловъ остановился во-время, смущенный едва не сказаннымъ сравненіемъ, и съ боязнью взглянулъ на купеческаго сына. Тотъ курилъ и весь былъ поглощенъ этимъ занятіемъ. Скоро онъ ушелъ, пообѣщавъ на прощанье Вавилову разорить гнѣздо безпокойныхъ людей. Вавиловъ смотрѣлъ ему вслѣдъ и вздыхалъ, ощущая сильное желаніе крикнуть что-нибудь злое и обидное въ спину этого человѣка, твердыми шагами поднимавшагося въ гору по дорогѣ, изрытой ямами, засоренной мусоромъ.

Вечеромъ въ харчевню явился ротмистръ. Брови у него были сурово нахмурены и правая рука энергично стиснута въ кулакъ. Вавиловъ виновато улыбался навстрѣчу ему.

— Н-ну, достойный потомокъ Каина и Іуды, разсказывай...

— Порѣшили... — сказалъ Вавиловъ, вздохнувъ и опуская глаза.

— Не сомнѣваюсь. Сколько сребренниковъ получилъ?

— Четыреста цѣлковыхъ...

— Навѣрное врешь... Но это мнѣ же лучше. Безъ дальнѣйшихъ словъ, Егорка, десять процентовъ мнѣ за открытіе, четвертную учителю за написаніе прошенія, ведро водки всѣмъ намъ и приличное количество закуски. Деньги сейчасъ подай, водку и прочее къ восьми часамъ.

Вавиловъ позеленѣлъ и широко-открытыми глазами уставился на Кувалду:

— Это-съ дудки! Это грабежъ! Я не дамъ... Что вы, Аристидъ Ѳомичъ! Нѣтъ, ужъ это вы оставьте вашъ аппетитъ до слѣдующаго праздника! Ишь вы какъ! Нѣтъ, я теперь имѣю возможность не бояться васъ. Я теперь...

Кувалда посмотрѣлъ на часы.

— Даю тебѣ, Егорка, десять минутъ для твоего поганаго разговора. Кончай въ этотъ срокъ блудить языкомъ и давай, что требую. Не дашь — сожру! Конецъ тебѣ кое-что продалъ? Ты въ газетѣ о кражѣ у Басова читалъ? Понимаешь? Спрятать не успѣешь ничего — помѣшаемъ. И сегодня же ночью... Понялъ?

— Аристидъ Ѳомичъ! За что? — взвылъ отставной унтеръ.

— Безъ словъ! Понялъ или нѣтъ?

Высокій, сѣдой и внушительно нахмурившійся Кувалда говорилъ вполголоса, и его хриплый басъ зловѣще гудѣлъ въ пустой харчевнѣ. Вавиловъ всегда немножко боялся его и какъ бывшаго военнаго, и какъ человѣка, которому нечего терять. Теперь же Кувалда явился передъ нимъ въ новомъ видѣ: онъ не говорилъ много и смѣшно, какъ всегда, а въ томъ, что онъ го-

ворилъ топомъ командира, увѣреннаго въ повиновеніи, звучала не шуточная угроза. И Вавиловъ чувствовалъ, что ротмистръ погубитъ его, если захочетъ, погубитъ съ удовольствіемъ. Нужно было покориться силѣ. Но съ злымъ трепетомъ въ сердцѣ солдатъ еще разъ попробовалъ увернуться отъ кары. Онъ глубоко вздохнулъ и смиренно началъ:

— Видно, вѣрно сказано: сама себя баба бьетъ, коли нечисто жнетъ... Навралъ я на себя вамъ, Аристидъ Ѳомичъ... хотѣлъ умнѣе показаться, чѣмъ я есть... Сто рублей я получилъ только...

— Дальше...—бросилъ ему Кувалда.

— А не четыреста, какъ сказалъ вамъ... Значитъ...

— Ничего не значитъ. Мнѣ неизвѣстно, когда ты вралъ, давеча или теперь. Я получаю съ тебя шестьдесятъ пять рублей. Это скромно... Ну?

— Эхъ, Господи Боже мой! Аристидъ Ѳомичъ! Я вашему благородію всегда, сколько могъ, оказывалъ вниманія.'

— Ну? Брось слова, Егорка, правнукъ Іуды!

— Извольте... я дамъ... Только васъ Богъ накажетъ за это.

— Молчать, ты, гнойный прыщъ на землѣ! — гаркнулъ ротмистръ, свирѣпо вращая глазами. — Я наказанъ Богомъ... Онъ меня поставилъ въ необходимость видѣть тебя, говорить съ тобой... Пришибу на мѣстѣ, какъ муху!

Онъ потрясъ кулакомъ у носа Вавилова и скрипнулъ зубами, оскаливъ ихъ.

Когда онъ ушелъ, Вавиловъ началъ криво усмѣхаться и учащенно моргать глазами. Потомъ по щекамъ его покатились двѣ крупныя слезы. Онѣ были какія-то сѣрыя, и когда скрылись въ его усахъ, двѣ другія явились на ихъ мѣсто. Тогда Вавиловъ ушелъ къ себѣ въ комнату, сталъ тамъ передъ образами и такъ стоялъ долго, не молясь, не двигаясь и не выти-

рая слезъ съ своихъ морщинистыхъ коричневыхъ щекъ.

Дьяконъ Тарасъ, всегда тяготѣвшій къ лѣсамъ и лугамъ, предложилъ бывшимъ людямъ идти въ поле, въ одинъ оврагъ и тамъ, на лонѣ природы, распить водку Вавилова. Но ротмистръ и всѣ остальные единодушно обругали и дьякона, и природу, рѣшивъ пить у себя на дворѣ.

— Одинъ, два, три...—считалъ Аристидъ Ѳомичъ,—итого насъ тринадцать; нѣтъ учителя... ну, да еще кое-какіе архаровцы подойдутъ. Будемъ считать двадцать персонъ. По два съ половиной огурца на брата, по фунту хлѣба и мяса... недурно! Водки приходится по бутылкѣ... есть кислая капуста, яблоки и три арбуза. Спрашивается, какого дьявола еще нужно вамъ, друзья мои мерзавцы? Итакъ, приготовимся же пожирать Егорку Вавилова, ибо все это—кровь и плоть его!

На землѣ разостлали какіе-то остатки одеждъ, на нихъ разложили питія и яства и усѣлись вокругъ нихъ, усѣлись чинно и молча, едва сдерживая жадное желаніе пить, сверкавшее у всѣхъ въ глазахъ.

Наступилъ вечеръ, тѣни его опускались на обезображенную отбросами землю двора ночлежки, и послѣдніе лучи солнца освѣщали крышу полуразвалившагося дома. Было прохладно и тихо.

— Приступимъ, братія!—скомандовалъ ротмистръ.—Сколько чашъ имѣемъ мы? Шесть... а насъ тринадцать... Алексѣй Максимовичъ! наливай! Готово? Н-ну, перррвый взводъ... пли!

Выпили, крякнули и стали ѣсть.

— А учителя нѣтъ... вотъ уже третьи сутки я не вижу его. Никто не видалъ?—спросилъ Кувалда.

— Никто...

— Это не въ его характерѣ! Ну, все равно. Выпьемъ еще! Выпьемъ за здоровье Аристида Кувалды, един-

ственнаго моего друга, который всю мою жизнь ни на минуту не оставлялъ меня одного. Хотя, чортъ его побери, можетъ быть, я и выигралъ бы что-нибудь, если бъ онъ на нѣкоторое время лишилъ меня своего общества.

— Это остроумно, — сказалъ Объѣдокъ и закашлялся.

Ротмистръ съ сознаніемъ своего превосходства посмотрѣлъ на товарищей, но не сказалъ ничего, ибо ѣлъ.

Выпивъ дважды, компанія сразу оживилась—порціи были внушительныя. Полтора Тараса выразилъ робкое желаніе послушать сказку, но дьяконъ вступилъ въ споръ съ Кубаремъ о преимуществахъ худыхъ женщинъ предъ толстыми и не обратилъ вниманія на слова друга, доказывая Кубарю свой взглядъ съ ожесточеніемъ и горячностью человѣка, глубоко убѣжденнаго въ правотѣ своихъ взглядовъ. Наивная рожа Метеора, лежавшаго на животѣ около него, выражала умиленіе, смакуя забористыя словечки дьякона. Мартьяновъ, обнявъ свои колѣни громадными руками, поросшими черной шерстью, молча и мрачно смотрѣлъ на бутылку съ водкой и ловилъ языкомъ свой усъ, стараясь закусить его зубами. Объѣдокъ дразнилъ Тяпу.

— Я уже подсмотрѣлъ, куда ты, колдунъ, деньги прячешь!

— Твое счастье...—хрипѣлъ Тяпа.

— Я, братъ, у тебя ихъ поддедюлю!

— Бери...

Кувалдѣ было скучно съ этими людьми: среди нихъ не было ни одного собесѣдника, достойнаго слушать его краснорѣчіе и способнаго понимать его.

— Гдѣ бы это могъ быть учитель? — вслухъ подумалъ онъ. Мартьяновъ посмотрѣлъ на него и сказалъ:

— Придетъ...

— Я увѣренъ, что онъ именно придетъ, а не въ

каретѣ пріѣдетъ. Выпьемъ, будущій каторжникъ, за твое будущее. Если ты убьешь денежнаго человѣка, подѣлись со мной... Я, братъ, поѣду тогда въ Америку въ эти... какъ ихъ? Лампасы... Пампасы! Поѣду туда и достукаюсь тамъ до президента штатовъ. Потомъ—объявлю всей Европѣ войну и вздую ее. Армію куплю... въ Европѣ же... Приглашу французовъ, нѣмцевъ, турокъ и т. д. и буду бить ими ихнихъ родственниковъ... какъ Илья Муромецъ билъ татаръ татариномъ. Съ деньгами можно быть и Ильей... и уничтожить Европу, и нанять къ себѣ въ лакеи Іуду Петунникова... Онъ пойдетъ... дать ему сто рублей въ мѣсяцъ—и пойдетъ! Но лакеемъ будетъ сквернымъ, ибо станетъ воровать...

— И еще тѣмъ худая женщина лучше толстой, что она дешевле стоитъ,—убѣдительно говорилъ дьяконъ.— Первая дьяконица моя покупала на платье двѣнадцать аршинъ, а вторая десять... Также и въ пищѣ...

Полтора Тарасъ виновато засмѣялся, повернулъ голову къ дьякону, уставился своимъ глазомъ ему въ лицо и сконфуженно заявилъ:

— У меня тоже была жена...

— Это со всякимъ можетъ случиться, — замѣтилъ Кувалда.—Ври дальше...

— Была худая, но ѣла много... И даже отъ этого померла...

— Ты отравилъ ее, кривой, — убѣжденно сказалъ Объѣдокъ.

— Нѣтъ, ей Богу! Она севрюги объѣлась, — разсказывалъ Полтора Тараса.

— А я тебѣ говорю—ты ее отравилъ!—рѣшительно утверждалъ Объѣдокъ.

Съ нимъ часто это бывало: сказавъ какую-нибудь нелѣпость, онъ начиналъ повторять ее, не приводя никакихъ основаній въ подтвержденіе, и, говоря сначала какимъ-то капризно-дѣтскимъ тономъ, постепенно доходилъ почти до бѣшенства.

Дьяконъ вступился за друга.

— Нѣтъ, онъ отравить не могъ... не было причины..

— А я говорю—отравилъ!—взвизгнулъ Объѣдокъ.

— Молчать! — грозно крикнулъ ротмистръ. Скука у него перерождалась въ тоскливое озлобленіе. Онъ свирѣпыми глазами осмотрѣлъ своихъ пріятелей и, не найдя въ ихъ рожахъ, уже полупьяныхъ, ничего, что могло бы дать дальнѣйшую пищу его озлобленію, — опустилъ голову на грудь, посидѣлъ такъ нѣсколько минутъ и потомъ легъ на землю кверху лицомъ. Метеоръ грызъ огурцы. Онъ бралъ огурецъ въ руку, не глядя на него, засовывалъ его до половины въ ротъ и сразу перекусывалъ большими желтыми зубами, такъ что разсолъ изъ огурца брызгалъ во всѣ стороны, орошая его щёки. Ѣсть ему, очевидно, не хотѣлось, но этотъ процессъ развлекалъ его. Мартьяновъ сидѣлъ неподвижно, какъ изваяніе, въ той же позѣ, въ которой усѣлся на землю, и такъ же сосредоточенно и мрачно смотрѣлъ на полуведерную бутыль водки, уже наполовину пустую. Тяпа смотрѣлъ на землю и громко жевалъ мясо, не поддававшееся его старымъ зубамъ. Объѣдокъ лежалъ на животѣ и кашлялъ, съеживая все свое маленькое тѣло. Остальные—все молчаливыя и темныя фигуры—сидѣли и лежали въ разнообразныхъ позахъ, и всѣ вмѣстѣ эти люди, одѣтые своими лохмотьями и сумракомъ вечера, почти не отличались отъ кучъ мусора, разбросаннаго по двору и поросшаго бурьяномъ. Изломанныя позы и лохмотья дѣлали ихъ похожими на безобразныхъ животныхъ, созданныхъ силой, грубой и фантастической, для насмѣшки надъ человѣкомъ.

— Жила-была въ Суздалѣ
Барыня незнатная.
И съ ней случилась судорга,
Оч-чень непріятная!

вполголоса напѣвалъ дьяконъ, обнимая Алексѣя Макси-

мовича, блаженно улыбавшагося ему въ лицо. Полтора Тараса сладострастно хихикалъ.

Ночь приближалась. Въ небѣ тихо вспыхивали звѣзды, на горѣ въ городѣ — огни фонарей. Заунывные свистки пароходовъ неслись съ рѣки, съ визгомъ и дребезгомъ стеколъ отворялась дверь харчевни Вавилова. На дворъ вошли двѣ темныя фигуры, приблизились къ группѣ людей около бутылки, и одна изъ нихъ хрипло спросила:

— Пьете?

А другая вполголоса, съ завистью и радостью произнесла:

— Ишь какіе черти!

Затѣмъ черезъ голову дьякона протянулась рука, взяла бутылку, и раздалось характерное бульканіе водки, наливаемой изъ бутылки въ чашку. Потомъ громко крякнули...

— Ну, и тоска же!—воскликнулъ дьяконъ.—Кривой! давай вспомнимъ старину, споемъ—на рѣкахъ вавилонскихъ!

— Онъ развѣ умѣетъ?—спросилъ Симцовъ.

— Онъ? Онъ, братъ, въ архіерейскомъ хорѣ солистомъ былъ... Ну, Кривой... На-а-рѣ-ѣ-ѣ-ка-а...

Голосъ у дьякона былъ дикій, хриплый, прерывающійся, а его другъ пѣлъ визгливымъ фальцетомъ.

Объятый тьмою, выморочный домъ, казалось, увеличился въ объемѣ или подвинулся всей массой полусгнившаго дерева ближе къ этимъ людямъ, будившимъ въ немъ глухое эхо своимъ дикимъ воемъ. Облако, пышное и темное, медленно двигалось по небу надъ нимъ. Кто-то изъ бывшихъ людей храпѣлъ, остальные, все еще недостаточно пьяные, или молча пили и ѣли, или же разговаривали вполголоса съ длинными паузами. Всѣмъ было непривычно это подавленное настроеніе на пирѣ, рѣдкомъ по обилію водки и яствъ. Почему-то

сегодня долго не разгоралось буйное оживленіе, свойственное обитателямъ ночлежки за бутылкой.

— Вы... собаки! Погодите выть...—сказалъ ротмистръ пѣвцамъ, поднимая голову съ земли и прислушиваясь.—Кто-то ѣдетъ... на пролеткѣ...

Пролетка на Въѣзжей улицѣ и въ эту пору не могла не возбудить общаго вниманія. Кто это изъ города могъ рискнуть поѣхать по рытвинамъ и ухабамъ улицы, кто и зачѣмъ? Всѣ подняли головы и слушали. Въ тишинѣ ночи ясно разносилось шуршаніе колесъ, задѣвавшихъ за крылья пролетки. Оно все приближалось. Раздался чей-то голосъ, грубо спрашивавшій:

— Ну, гдѣ же?

Кто-то отвѣтилъ:

— А вонъ къ тому дому, должно быть.

— Дальше не поѣду...

— Это къ намъ!—воскликнулъ ротмистръ.

— Полиція!—прозвучалъ тревожный шопотъ.

— На пролеткѣ-то! Дуракъ!—глухо сказалъ Мартьяновъ.

Кувалда всталъ и пошелъ къ воротамъ.

Объѣдокъ, склонивъ голову вслѣдъ ему, сталъ слушать.

— Это ночлежный домъ? — спрашивалъ кто-то дребезжащимъ голосомъ.

— Да, Аристида Кувалды... — прогудѣлъ недовольный басъ ротмистра.

— Вотъ, вотъ... здѣсь жилъ репортеръ Титовъ?

— Ага! Это вы его привезли?

— Да...

— Пьяный?

— Боленъ!

— Значитъ, сильно пьяный. Эй, учитель! Ну-ка, вставай!

— Подождите! Я помогу вамъ... онъ сильно боленъ.

Онъ двое сутокъ лежалъ у меня. Берите подъ мышки... Былъ докторъ. Очень скверно...

Тяпа всталъ и медленно пошелъ къ воротамъ, а Объѣдокъ усмѣхнулся и выпилъ.

— Зажгите-ка огонь тамъ!—крикнулъ ротмистръ.

Метеоръ пошелъ въ ночлежку и зажегъ въ ней лампу. Тогда изъ двери ночлежки протянулась во дворъ широкая полоса свѣта, и ротмистръ вмѣстѣ съ какимъ-то маленькимъ человѣкомъ ввели по ней учителя въ ночлежку. Голова у него дрябло повисла на грудь, ноги волочились по землѣ и руки висѣли въ воздухѣ, какъ изломанныя. При помощи Тяпы его свалили на нары, и онъ, вздрогнувъ всѣмъ тѣломъ, съ тихимъ стономъ вытянулся на нихъ.

— Мы съ нимъ въ одной газетѣ работали... Очень несчастный. Я говорю:—пожалуйста, лежите у меня, вы меня не стѣсняете... Но онъ молитъ меня — отправьте домой! Волнуется... я подумалъ, что это ему вредно, и вотъ привезъ его... домой! Вѣдь это именно здѣсь... да?

— А по-вашему, у него еще гдѣ-нибудь есть домъ?—грубо спросилъ Кувалда, пристально разсматривая своего друга. — Тяпа, ступай принеси холодной воды!

— Такъ вотъ...—смущенно помялся человѣчекъ.—Я полагаю... я не нуженъ ему?

— Вы?—ротмистръ критически посмотрѣлъ на него.

Человѣчекъ былъ одѣтъ въ пиджакъ, сильно потертый и тщательно застегнутый вплоть до подбородка. Брюки на немъ были съ бахромой, шляпа рыжая отъ старости, смятая, какъ и его худое, голодное лицо.

— Нѣтъ, вы ему не нужны... здѣсь такихъ, какъ вы, много...—сказалъ ротмистръ, отворачиваясь отъ человѣчка.

— Значитъ, до свиданія! — Человѣчекъ пошелъ къ двери и оттуда тихо попросилъ:

— Ежели что случится... вы извѣстите въ редак-

цію... Моя фамилія—Рыжовъ. Я написалъ бы маленькій некрологъ... вѣдь все-таки онъ былъ, знаете, дѣятель прессы...

— Гмъ! некрологъ, говорите? Двадцать строкъ—сорокъ копеекъ? Я лучше сдѣлаю: когда онъ умретъ, я отрѣжу ему одну ногу и пришлю въ редакцію на ваше имя. Это для васъ выгоднѣе, чѣмъ некрологъ, дня на три хватитъ... у него ноги толстыя... Ѣли же вы его всѣ тамъ живого, навѣрное, поѣдите и мертваго...

Человѣчекъ какъ-то странно фыркнулъ и исчезъ Ротмистръ сѣлъ на нары рядомъ съ учителемъ, пощупалъ рукой его лобъ, грудь и позвалъ его:

— Филиппъ!

Звукъ глухо отдался въ грязныхъ стѣнахъ ночлежки и замеръ.

— Это, братъ, нелѣпо!—сказалъ ротмистръ, тихонько приглаживая рукой растрепанные волосы неподвижнаго учителя. Потомъ ротмистръ прислушался къ его дыханію, горячему и прерывистому, посмотрѣлъ въ лицо, осунувшееся и землистое, вздохнулъ и, строго нахмуривъ брови, осмотрѣлся вокругъ. Лампа была скверная: огонь въ ней дрожалъ, и по стѣнамъ ночлежки молча прыгали черныя тѣни. Ротмистръ сталъ упорно смотрѣть на ихъ безмолвную игру и разглаживать себѣ бороду.

Пришелъ Тяпа съ ведромъ воды, поставилъ его на нары рядомъ съ головой учителя и, взявъ его руку, поднялъ на своей рукѣ, какъ бы взвѣшивая.

— Не надо воды,—махнулъ рукой ротмистръ.

— Попа надо,—увѣренно сообщилъ старый тряпичникъ.

— Ничего не надо,—рѣшилъ ротмистръ.

Они помолчали, глядя на учителя.

— Пойдемъ выпьемъ, старый чортъ!

— А онъ?

— Ты ему поможешь?

Тяпа повернулся къ учителю спиной, и они оба вышли на дворъ къ своей компаніи.

— Что тамъ?—спросилъ Объѣдокъ, обращая къ ротмистру свою острую морду.

— Ничего особеннаго... Умираетъ человѣкъ...—кратко сообщилъ ротмистръ.

— Избили его?—поинтересовался Объѣдокъ.

Ротмистръ не отвѣтилъ, ибо пилъ водку въ это время.

— Какъ будто онъ зналъ, что у насъ есть чѣмъ поминки о немъ справить,—сказалъ Объѣдокъ, закуривая папиросу.

Кто-то засмѣялся, кто-то тяжело вздохнулъ. Вообще же разговоръ ротмистра и Объѣдка не произвелъ на этихъ людей замѣтнаго впечатлѣнія, по крайней мѣрѣ, не видно было, что онъ взволновалъ, заинтересовалъ или заставилъ задуматься кого-нибудь. Всѣ относились къ учителю, какъ къ человѣку недюжинному, но теперь многіе были уже пьяны, другіе же оставались наружно спокойны. Лишь дьяконъ вдругъ какъ-то напрягся, пошлепалъ губами, потеръ лобъ и дико взвылъ:

— Иде-же праведніи у-по-ко-я-ются-а!

— Ты!—зашипѣлъ Объѣдокъ,—что орешь?

— Дай ему въ рожу!—посовѣтовалъ ротмистръ.

— Дуракъ!—раздался хрипъ Тяпы.—Когда человѣкъ кончается, нужно молчать... чтобы тихо было.

Было достаточно тихо: и въ небѣ, покрытомъ тучами и грозившемъ дождемъ, и на землѣ, одѣтой мрачной тьмой осенней ночи. Порой раздавался храпъ уснувшихъ, бульканье наливаемой водки, чавканье. Дьяконъ что-то бормоталъ. Тучи плыли такъ низко, что казалось—вотъ онѣ задѣнутъ за крышу стараго дома и опрокинутъ его на группу этихъ людей.

— А.. скверно на душѣ, когда умираетъ человѣкъ близкій...—заикаясь, проговорилъ ротмистръ и склонилъ голову на грудь.

Никто ему не отвѣтилъ.

— Среди васъ—онъ былъ лучшій... самый умный и порядочный... Мнѣ жалко его...

— Со-о святы-ими упоко-окой... пой, кривая шельма!—забурлилъ дьяконъ, толкая въ бокъ своего друга, дремавшаго рядомъ съ нимъ.

— Молчать!... ты! — злымъ шопотомъ воскликнулъ Объѣдокъ, вскакивая на ноги.

— Я его ударю по башкѣ,—предложилъ Мартьяновъ, поднимая голову съ земли.

— А ты не спишь? — необычайно ласково сказалъ Аристидъ Ѳомичъ.—Слышалъ? Учитель-то у насъ...

Мартьяновъ тяжело завозился на землѣ, всталъ, посмотрѣлъ на полосы свѣта, исходившаго изъ двери и оконъ ночлежки, качнулъ головой и молча сѣлъ рядомъ съ ротмистромъ.

— Выпьемъ?—предложилъ тотъ.

Ощупью отыскавъ стаканы, они выпили.

— Пойду, посмотрю...—сказалъ Тяпа;—можетъ, ему надо чего.

— Гробъ надо...—усмѣхнулся ротмистръ.

— Не говорите вы про это,— глухимъ голосомъ попросилъ Объѣдокъ.

За Тяпой всталъ съ земли Метеоръ. Дьяконъ тоже хотѣлъ встать, но свалился на бокъ и громко выругался.

Когда Тяпа ушелъ, ротмистръ ударилъ по плечу Мартьянова и вполголоса заговорилъ:

— Такъ-то, Мартьяновъ... Ты бы лучше другихъ долженъ чувствовать... Ты былъ... впрочемъ, къ чорту это. Жалко тебѣ Филиппа?

— Нѣтъ, — помолчавъ, отвѣтилъ бывшій тюремщикъ.—Я, братъ, ничего такого не чувствую... разучился... Мерзко такъ жить. Я серьезно говорю, что убью кого-нибудь...

— Да?—неопредѣленно произнесъ ротмистръ.—Ну... что же? Выпьемъ еще!

— Н-наше дѣл-ло маленькое... выпилъ—да еще-о!

Это проснулся и блаженнымъ тономъ пропѣлъ Симцовъ.

— Братцы?! Кто тутъ? Налейте старику чарку!

Ему налили и подали. Выпивъ, онъ снова свалился, ткнувшись головой въ чей-то бокъ.

Минуты двѣ продолжалось молчаніе, такое же темное и жуткое, какъ эта осенняя ночь. Потомъ кто-то зашепталъ...

— Что?—раздался вопросъ.

— Я говорю, славный онъ парень... былъ. Голова, тихій такой...—говорили вполголоса.

— Да, деньги тоже имѣлъ... и не жалѣлъ ихъ для своего брата...—И опять наступило молчаніе.

— Кончается! раздался крикъ Тяпы надъ головой ротмистра.

Аристидъ Ѳомичъ всталъ и, усиленно-твердо ступая ногами, пошелъ въ ночлежку.

— Пошто идешь?—остановилъ его Тяпа.—Не ходи. Пьяный вѣдь ты...' нехорошо!

Ротмистръ остановился и подумалъ:

— А что, хорошо на этой землѣ? Пошелъ ты къ чорту!—И онъ толкнулъ Тяпу.

По стѣнамъ ночлежки все прыгали тѣни, какъ бы молча борясь другъ съ другомъ. На нарахъ, вытянувшись во весь ростъ, лежалъ учитель и хрипѣлъ. Глаза у него были широко открыты, обнаженная грудь сильно колыхалась, въ углахъ губъ кипѣла пѣна, и на лицѣ было такое напряженное выраженіе, какъ будто онъ силился сказать что-то большое, трудное и — не могъ и невыразимо страдалъ отъ этого.

Ротмистръ сталъ передъ нимъ, заложивъ руки за спину, и съ минуту молча смотрѣлъ на него. Потомъ заговорилъ, болѣзненно наморщивъ лобъ:

— Филиппъ! Скажи мнѣ что-нибудь... слово утѣшенія другу... брось!... Я, братъ, люблю тебя... Всѣ люди— скоты, ты былъ для меня—человѣкъ... хотя ты пьяница! Ахъ, какъ ты пилъ водку, Филиппъ! Именно это тебя и погубило... А почему? Нужно было умѣть владѣть собою... и слушать меня. Р-развѣ я не говорилъ тебѣ, бывало...

Таинственная, все уничтожающая сила, именуемая смертью, какъ бы оскорбленная присутствіемъ этого пьянаго человѣка при мрачномъ и торжественномъ актѣ ея борьбы съ жизнью, рѣшила скорѣе кончить свое безстрастное дѣло, и учитель, глубоко вздохнувъ, тихо простоналъ, вздрогнулъ, вытянулся и замеръ.

Ротмистръ качнулся на ногахъ, продолжая свою рѣчь.

— Ты что? Хочешь, я принесу тебѣ водки? Но лучше не пей, Филиппъ... Сдержись, побѣди себя... А то выпей! Зачѣмъ, говоря прямо, сдерживать себя... Чего ради, Филиппъ? Вѣрно? Чего ради?...

Онъ взялъ его за ногу и потянулъ къ себѣ.

— А, ты уснулъ, Филиппъ? Ну... спи... Покойной почи... Завтра я все это разъясню тебѣ и ты убѣдишься, что ничего не надо запрещать себѣ... А теперь спи... если ты не умеръ...

Онъ вышелъ, сопровождаемый молчаніемъ, и придя къ своимъ, объявилъ:

— Уснулъ... или умеръ... Не знаю... Я н-немножко пьянъ...

Тяпа еще болѣе согнулся, осѣняя свою грудь крестнымъ знаменіемъ. Мартьяновъ молча поежился и легъ на землю. Метеоръ, этотъ глупый парень, началъ хныкать, тихонько и жалобно, какъ обиженная женщина. Объѣдокъ сталъ быстро возиться на землѣ, вполголоса, злымъ и тоскливымъ тономъ говоря:

— Чортъ васъ всѣхъ возьми! Мучители... Ну, умеръ! Ну, что же? Меня-то... мнѣ зачѣмъ знать это? Зачѣмъ

мнѣ объ этомъ разсказывать? Придетъ время — я самъ умру... не хуже его... Не хуже я другихъ.

— Это вѣрно! — громко говорилъ ротмистръ, грузно опускаясь на землю. — Придетъ время, и всѣ мы умремъ не хуже другихъ... ха-ха! Какъ мы проживемъ... это пустяки! Но мы умремъ — какъ всѣ. Въ этомъ — цѣль жизни, вѣрьте моему слову. Ибо человѣкъ живетъ, чтобъ умереть. И умираетъ... И если это такъ — не все ли равно, отчего и какъ онъ умираетъ и какъ онъ жилъ? Мартьяновъ, я правъ? Выпьемъ же еще... и еще, пока живы...

Накрапывалъ дождь. Густая, душная тьма покрывала фигуры людей, валявшіяся на землѣ, скомканныя сномъ или опьянѣніемъ. Полоса свѣта, исходившая изъ ночлежки, поблѣднѣвъ, задрожала и вдругъ исчезла. Очевидно, лампу задулъ вѣтеръ или въ ней догорѣлъ керосинъ. Падая на желѣзную крышу ночлежки, капли дождя стучали робко и нерѣшительно. Съ горы изъ города неслись унылые, рѣдкіе удары въ колоколъ — это сторожили церковь.

Мѣдный звукъ, слетая съ колокольни, тихо плылъ во тьмѣ и медленно замиралъ въ ней, но раньше, чѣмъ тьма успѣвала заглушить его послѣднюю, трепетно вздыхавшую ноту, рождался другой ударъ, и снова въ тишинѣ ночи разносился меланхолическій вздохъ металла.

На утро первымъ проснулся Тяпа.

Повернувшись на спину, онъ посмотрѣлъ на небо — изуродованная шея его только въ этомъ положеніи позволяла ему видѣть небо надъ головой.

Въ это утро небо было однообразно сѣрое. Тамъ, вверху, сгустился сырой и холодный сумракъ, онъ погасилъ солнце и, скрывъ собою голубую безпредѣльность, изливалъ на землю уныніе. Тяпа перекрестился

и привсталъ на локтѣ, чтобъ посмотрѣть, не осталось ли гдѣ водки. Бутылка была тутъ, но пустая. Перелѣзая черезъ товарищей, Тяпа сталъ осматривать чашки, изъ которыхъ пили. Одну изъ нихъ онъ нашелъ почти полной, выпилъ ее, вытеръ губы рукавомъ и сталъ трясти за плечо ротмистра.

— Вставай... эй! слышь?

Ротмистръ поднялъ голову, глядя на него тусклыми глазами.

— Надо полиціи заявить... ну, вставай!

— А что?—сонно и сердито спросилъ ротмистръ.

— Что умеръ онъ...

— Это кто?

— Ученый-то...

— Филиппъ? Да-а!

— А ты забылъ... эхма!—укоризненно хрипѣлъ Тяпа.

Ротмистръ всталъ на ноги, зычно зѣвнулъ и потянулся такъ, что у него кости хрустнули.

— Такъ иди ты, объяви...

— Я не пойду... не люблю я ихъ,—угрюмо сказалъ Тяпа.

—Ну, разбуди вонъ дьякона... А я пойду посмотрю.

— Такъ-то вотъ... дьяконъ, вставай!

Ротмистръ вошелъ въ ночлежку и сталъ въ ногахъ учителя. Мертвый лежалъ, вытянувшись во всю длину: лѣвая рука была у него на груди, правая откинута такъ, точно онъ размахнулся, чтобъ ударить кого-то. Ротмистръ подумалъ, что если бъ учитель всталъ теперь, онъ былъ бы такой же высокій, какъ Полтора Тараса. Потомъ онъ сѣлъ на нары въ ногахъ своего пріятеля и, вспомнивъ, что они прожили вмѣстѣ около трехъ лѣтъ, вздохнулъ. Вошелъ Тяпа, держа голову, какъ козелъ, собравшійся бодаться. Онъ сѣлъ по другую сторону ногъ учителя, посмотрѣлъ на его темное лицо, спокойное и серьезное, съ плотно сжатыми губами, и захрипѣлъ.

— Да... вотъ и умеръ... И я умру скоро...

— Тебѣ пора,—хмуро сказалъ ротмистръ.

— Пора ужъ! — согласился Тяпа. — И тебѣ тоже надо бы умереть... Все лучше, чѣмъ такъ-то...

— А можетъ, хуже? Ты почемъ знаешь?

— Хуже не будетъ. Помрешь — съ Богомъ будешь имѣть дѣло... А тутъ съ людьми... А люди — что они значатъ?

— Ну ладно, не хрипи... — сердито оборвалъ его Кувалда.

И въ сумракѣ, наполнявшемъ ночлежку, стало внушительно тихо.

Долго они молча сидѣли у ногъ мертваго сотоварища и изрѣдка поглядывали на него, оба погруженные въ думы. Потомъ Тяпа спросилъ:

— Хоронить его ты будешь?

— Я? Нѣтъ! Полиція пускай хоронитъ.

— Ну! Чай, ты схорони... вѣдь за прошеніе-то съ Вавилова взялъ его деньги... Я дамъ, коли не хватитъ...

— Деньги его у меня... а хоронить не стану.

— Нехорошо это. Мертваго грабишь. Я вотъ скажу всѣмъ, что ты его деньги заѣсть хочешь...— пригрозилъ Тяпа.

— Глупъ ты, старый чортъ, — презрительно сказалъ Кувалда.

— Не глупъ я... А только не хорошо, молъ, не по-дружески.

— Ну и ладно. Отвяжись!

— Ишь! А сколько денегъ-то?

— Четвертная...— разсѣянно сказалъ Кувалда.

— Вона!... Далъ бы мнѣ хоть пятерочку...

— Экой ты мерзавецъ, старикъ... — равнодушно посмотрѣвъ въ лицо Тяпы, выругался ротмистръ.

— А что? Право дай...

— Пошелъ къ чорту!... Я ему на эти деньги памятникъ устрою.

— На что ему?

— Куплю жерновъ и якорь. Жерновъ положу на могилу, а якорь цѣпью прикую къ нему... Это будетъ очень тяжело...

— Зачѣмъ? Чудишь ты...

— Ну... не твое дѣло.

— Я, смотри, скажу... — снова пригрозилъ Тяпа.

Аристидъ Ѳомичъ тупо посмотрѣлъ на него и промолчалъ. И опять они сидѣли долго въ молчаніи, всегда въ присутствіи мертвыхъ принимающемъ внушительный и таинственный колоритъ.

— Слышь, вонъ... ѣдутъ! — сказалъ Тяпа, всталъ и ушелъ изъ ночлежки.

Скоро въ дверяхъ ея явился частный приставъ, слѣдователь и докторъ. Всѣ трое поочередно подходили къ учителю и, взглянувъ на него, выходили вонъ, награждая Кувалду косыми и подозрительными взглядами. Онъ сидѣлъ, не обращая на нихъ вниманія, пока приставъ не спросилъ его, кивая головой на учителя:

— Отчего онъ умеръ?

— Спросите у него... Я думаю, отъ непривычки...

— Что такое? — спросилъ слѣдователь.

— Я говорю — умеръ, молъ, онъ, по моему мнѣнію, отъ непривычки къ той болѣзни, которой захворалъ...

— Гмъ... да! А онъ давно хворалъ?

— Вытащить бы его сюда, не видно тамъ ничего, — предложилъ докторъ скучнымъ тономъ. — Можетъ быть, есть знаки...

— Ну-те-ка, позовите кого-нибудь вынести его, — приказалъ приставъ Кувалдѣ.

— Зовите сами... Онъ мнѣ не мѣшаетъ и тутъ... — равнодушно отозвался ротмистръ.

— Ну! — крикнулъ полицейскій, дѣлая свирѣпое лицо.

— Тпру! — отпарировалъ Кувалда, не трогаясь съ мѣста, спокойно злой и оскалившій зубы.

— Я, чортъ возьми!... — крикнулъ приставъ, взбѣшенный до того, что лицо у него налилось кровью. — Я вамъ этого не спущу! Я...

— Добренькаго здоровьица, господа честные!—сладкимъ голосомъ сказалъ купецъ Петунниковъ, являясь въ дверяхъ.

Окинувъ острымъ взглядомъ всѣхъ сразу, онъ вздрогнулъ, отступилъ шагъ назадъ и, снявъ картузъ, истово перекрестился. Затѣмъ по лицу его расплылась улыбка злораднаго торжества, и въ упоръ глядя на ротмистра, онъ почтительно спросилъ:

— Что это здѣсь? — никакъ человѣка убили?

— Да вотъ что-то въ этомъ родѣ, — отвѣтилъ ему слѣдователь.

Петунниковъ глубоко вздохнулъ, опять перекрестился и тономъ огорченія заговорилъ:

— А, Господи Боже мой! Какъ я этого боялся! Всегда, бывало, зайдешь сюда, посмотришь... ай, ай, ай! Потомъ придешь домой, и все такое начинаетъ мерещиться—Боже упаси всякаго!... Сколько разъ я господину этому вотъ... главнокомандующему золотой ротой хотѣлъ отказать отъ квартиры, но боюсь все... знаете... народъ такой... лучше уступить, думаю, а то какъ бы не того...

Онъ плавно повелъ рукой въ воздухѣ, потомъ провелъ ею по лицу, собралъ въ горсть бороду и снова вздохнулъ.

— Опасные люди. И господинъ этотъ вродѣ начальника у нихъ... совершенно атаманъ разбойниковъ.

— А вотъ мы его пощупаемъ, — многообѣщающимъ тономъ сказалъ приставъ, глядя на ротмистра мстительными глазами. Онъ мнѣ тоже хорошо извѣстенъ!...

— Да, мы съ тобой, братъ, старые знакомые... — подтвердилъ Кувалда фамильярнымъ тономъ.—Сколько я тебѣ и присным твоимъ взятокъ за молчаніе переплатилъ!

— Господа,—воскликнулъ приставъ,—вы слышали? Прошу запомнить! Я этого не спущу... А... а! Такъ вотъ что? Ну, ты у меня помни это! Я тебя... сокр-ращу, мой другъ...

— Не хвались на рать идучи... мой другъ, — спокойно говорилъ Аристидъ Ѳомичъ.

Докторъ, молодой человѣкъ въ очкахъ, смотрѣлъ на него съ любопытствомъ, слѣдователь со зловѣщимъ вниманіемъ, Петунниковъ съ торжествомъ, а приставъ кричалъ и метался, наскакивая на него.

Въ дверяхъ ночлежки явилась мрачная фигура Мартьянова. Онъ подошелъ тихо и сталъ сзади Петунникова, такъ что его подбородокъ приходился подъ теменемъ купца. Сбоку изъ-за него выглядывалъ дьяконъ, широко раскрывая свои маленькіе, опухшіе и красные глазки.

— Однако, давайте же что-нибудь дѣлать, господа!— предложилъ докторъ.

Мартьяновъ скорчилъ страшную гримасу и вдругъ— чихнулъ прямо на голову Петунникова. Тотъ вскрикнулъ, присѣлъ и прыгнулъ въ сторону, чуть не сбивъ съ ногъ пристава, который едва удержалъ его, раскрывъ ему объятія.

— Видите? — тревожно сказалъ купецъ, указывая на Мартьянова. Вотъ какіе люди! а?

Кувалда хохоталъ. Докторъ и слѣдователь смѣялись, а къ дверямъ ночлежки подходили все новыя и новыя фигуры. Полусонныя, опухшія физіономіи съ красными, воспаленными глазами, съ растрепанными волосами на головахъ, безцеремонно разглядывали доктора, слѣдователя и пристава.

— Куда лѣзете!—усовѣщивалъ ихъ городовой, дергая за лохмотья и отталкивая отъ двери. Но онъ былъ одинъ, а ихъ много, и они, не обращая на него вниманія, лѣзли, дыша перегорѣлой водкой, молчаливые и зловѣщіе. Кувалда посмотрѣлъ на нихъ, потомъ на начальство, нѣ-

сколько смущенное обиліемъ этой нехорошей публики, и усмѣхаясь, сказалъ начальству:

— Господа! Можетъ вы хотите познакомиться съ моими квартирантами и пріятелями? Хотите? Все равно— рано или поздно, вамъ придется же по обязанностямъ службы знакомиться съ ними...

Докторъ смущенно засмѣялся. Слѣдователь плотно сжалъ губы, а приставъ догадался, что нужно было сдѣлать, и крикнулъ на дворъ:

— Сидоровъ! Свисти... скажи, когда придутъ сюда, чтобъ достали телѣгу...

— Ну, а я пойду!—сказалъ Петунниковъ, выдвигаясь откуда-то изъ-за угла.—Квартирку вы мнѣ сегодня ослободите, господинъ... Я ломать буду эту хибарочку... Позаботьтесь... а то я обращусь къ полиціи...

На дворѣ пронзительно рокоталъ свистокъ полицейскаго, у дверей ночлежки тѣсной толпой стояли ея обитатели, позѣвывая и почесываясь.

— Итакъ, не хотите знакомиться?... Невѣжливо!...— смѣялся Аристидъ Кувалда.

Петунниковъ досталъ изъ кармана кошелекъ, порылся въ немъ, вытащилъ два пятака и, крестясь, положилъ ихъ въ ноги покойника.

— Господи благослови... на погребеніе грѣшнаго праха...

— Что-о?—гаркнулъ ротмистръ.—Ты? на погребеніе? Возьми прочь! Прочь возьми, я тебѣ говорю... мер-рзавецъ! Ты смѣешь давать на погребеніе честнаго человѣка твои воровскіе гроши... разражу!

— Ваше благородіе! — испуганно крикнулъ купецъ, хватая пристава за локти. Докторъ и слѣдователь выскочили вонъ, приставъ громко звалъ:

— Сидоровъ, сюда!

Бывшіе люди стали въ дверяхъ стѣной и съ интересомъ, оживлявшимъ ихъ смятыя рожи, смотрѣли и слушали.

Кувалда, потрясая кулакомъ надъ головою Петунникова, ревѣлъ, звѣрски вращая налитыми кровью глазами.

— Подлецъ и воръ! Возьми деньги! Гнусная тварь— бери, говорю... а то я въ зенки твои вобью эти пятаки, бери!

Петунниковъ протянулъ дрожащую руку къ своей лептѣ и, защищаясь другой рукой отъ кулака Кувалды, говорилъ:

— Будьте свидѣтелемъ, господинъ приставъ, и вы, добрые люди.

— Мы, купецъ, недобрые люди,—раздался дребезжащій голосъ Объѣдка.

Приставъ, надувъ лицо, какъ пузырь, отчаянно свистѣлъ, а другую руку держалъ въ воздухѣ надъ головою Петунникова, извивавшагося передъ нимъ такъ, точно онъ хотѣлъ влѣзть ему въ животъ.

— Хочешь, я заставлю тебя, ехидна подлая, ноги цѣловать у этого трупа? Х-хочешь?

И вцѣпившись въ воротъ Петунникова, Кувалда швырнулъ его, какъ котенка, къ двери.

Бывшіе люди быстро разступились, чтобы дать купцу мѣсто для паденія. И онъ растянулся у ихъ ногъ, испуганно и бѣшено воя:

— Убиваютъ! Караулъ... убили-и!

Мартьяновъ медленно поднялъ свою ногу, прицѣливаясь ею въ голову купца. Объѣдокъ со сладострастнымъ выраженіемъ на своей физіономіи плюнулъ въ лицо Петунникова. Купецъ сжался въ маленькій комокъ и, упираясь въ землю ногами и руками, покатился на дворъ, поощряемый хохотомъ. А на дворѣ уже появились двое полицейскихъ, и приставъ, указывая имъ на Кувалду, торжествуя, кричалъ:

— Арестовать! Связать!

— Вяжите его, голубчики! — умолялъ Петунниковъ.

— Не смѣть! Я не бѣгу... я самъ пойду, куда надо...—говорилъ Кувалда, отмахиваясь отъ городовыхъ, подбѣжавшихъ къ нему.

Бывшіе люди исчезали одинъ по одному. Телѣга въѣхала во дворъ. Какіе-то унылые оборванцы уже тащили изъ ночлежки учителя.

— Я т-тебя, голубчикъ... погоди!—грозилъ приставъ Кувалдѣ.

— Что, атаманъ!—ехидно спрашивалъ Петунниковъ, возбужденный и счастливый при видѣ врага, которому вязали руки.—Что? Попалъ? Погоди! То ли еще будетъ!...

Но Кувалда молчалъ. Онъ стоялъ между двухъ полицейскихъ, страшный и прямой, и смотрѣлъ, какъ учителя взваливали на телѣгу. Человѣкъ, державшій трупъ подъ мышки, былъ низенькаго роста и не могъ положить головы учителя въ тотъ моментъ, когда ноги его уже были брошены въ телѣгу. Съ минуту учитель былъ въ такой позѣ, точно онъ хотѣлъ кинуться съ телѣги внизъ головой и спрятаться въ землѣ отъ всѣхъ этихъ злыхъ и глупыхъ людей, не дававшихъ ему покоя.

— Веди его,—скомандовалъ приставъ, указывая на ротмистра.

Кувалда, не протестуя, молчаливый и насупившійся, двинулся со двора и, проходя мимо учителя, наклонилъ голову, но не взглянулъ на него. Мартьяновъ съ своимъ окаменѣлымъ лицомъ пошелъ за нимъ. Дворъ купца Петунникова быстро пустѣлъ.

— Н-но, поѣхали!—взмахнулъ извозчикъ вожжами надъ крупомъ лошади.

Телѣга тронулась, затряслась по неровной землѣ двора. Учитель, покрытый какимъ-то тряпьемъ, вытянулся на ней вверхъ грудью и животъ его дрожалъ. Казалось, что учитель тихо и довольно смѣется, обрадованный тѣмъ, что вотъ, наконецъ, онъ уѣзжаетъ изъ ночлежки и болѣе ужъ не воротится въ нее, никогда не воротится... Петунниковъ, провожая его взглядомъ, благочестиво перекрестился и потомъ тщательно началъ обивать своимъ картузомъ пыль и соръ, приставшіе къ его одеждѣ. И по мѣрѣ того, какъ пыль исчезала

съ его поддевки, на лицѣ его являлось спокойное выраженіе довольства собой и увѣренности въ себѣ. Со двора ему видно было, какъ по улицѣ въ гору шелъ ротмистръ Аристидъ Ѳомичъ Кувалда, съ прикрученными на спинѣ руками, высокій, сѣрый, въ фуражкѣ съ краснымъ околышкомъ, похожимъ на полосу крови.

Петунниковъ улыбнулся улыбкой побѣдителя и пошелъ къ ночлежкѣ, но вдругъ остановился, вздрогнувъ. Въ дверяхъ противъ него стоялъ съ палкой въ рукѣ и съ большимъ мѣшкомъ за плечами страшный старикъ, ершистый отъ лохмотьевъ, прикрывавшихъ его длинное тѣло, согнутый тяжестью ноши и наклонившій голову на грудь такъ, точно онъ хотѣлъ броситься на купца.

— Ты что?—крикнулъ Петунниковъ. Ты кто?

— Человѣкъ... раздался глухой хрипъ.

Петунникова этотъ хрипъ обрадовалъ и успокоилъ. Онъ даже улыбнулся.

— Человѣкъ! Ахъ ты... такіе развѣ люди бываютъ?

И посторонившись, онъ пропустилъ мимо себя старика, который шелъ прямо на него и глухо ворчалъ:

— Разные бываютъ... какъ Богъ захочетъ... Есть хуже меня... еще хуже есть... да!

Хмурое небо молча смотрѣло на грязный дворъ и на чистенькаго человѣка съ острой сѣдой бородкой, ходившаго по землѣ, что-то измѣряя своими шагами и острыми глазками. На крышѣ стараго дома сидѣла ворона и торжественно каркала, вытягивая шею и покачиваясь.

Въ сѣрыхъ, строгихъ тучахъ, сплошь покрывшихъ небо, было что-то напряженное и неумолимое, точно онѣ, собираясь разразиться ливнемъ, твердо рѣшили смыть всю грязь съ этой несчастной, измученной, печальной земли.

ОЗОРНИКЪ.

(1897.)

По большой, свѣтлой комнатѣ редакціи „N-ской Газеты“ нервно бѣгалъ взволнованный, гнѣвный редакторъ и, тиская въ рукахъ свѣжій номеръ изданія, отрывисто кричалъ и ругался. Это была маленькая фигурка съ острымъ, худымъ лицомъ, украшеннымъ бородкой и золотыми очками. Громко топая тонкими ножками въ сѣрыхъ брюкахъ, онъ такъ и кружился подлѣ длиннаго стола, стоявшаго среди комнаты и заваленнаго скомканными газетами, корректурными гранками и клочьями рукописей. У стола, облокотясь на него одной рукой, а другой потирая лобъ, стоялъ издатель—высокій, полный блондинъ среднихъ лѣтъ, и, съ тонкой усмѣшкой на бѣломъ сытомъ лицѣ, слѣдилъ за редакторомъ веселыми, свѣтлыми глазами. Метранпажъ, угловатый человѣкъ съ желтымъ лицомъ и впалой грудью, въ коричневомъ сюртукѣ, очень грязномъ и не по росту длинномъ, робко жался къ стѣнѣ. Онъ поднималъ брови кверху и таращилъ глаза въ потолокъ, какъ-бы что-то вспоминая или обдумывая, а черезъ минуту разочарованно потягивалъ носомъ и уныло опускалъ голову на грудь. Въ дверяхъ торчала фигура редакціоннаго разсыльнаго; то и дѣло отталкивая его, входили и снова исчезали какіе-то люди съ озабоченными и не-

довольными лицами. Голосъ редактора — злой, раздраженный и звонкій, иногда поднимался до взвизгиваній и заставлялъ издателя морщиться, а метранпажа—испуганно вздрагивать..

— Нѣтъ... это такая подлость! Я уголовное преслѣдованіе возбужу противъ этого мерзавца... Корректоръ пришелъ? Чортъ возьми,—я спрашиваю—пришелъ корректоръ? Собрать сюда всѣхъ наборщиковъ! Сказали? Нѣтъ, вы только сообразите, что теперь будетъ! Всѣ газеты подхватятъ... Ср-рамъ! На всю Россію... Я не спущу этому мерзавцу!

И поднявъ руки съ газетой къ головѣ, редакторъ замеръ на мѣстѣ, какъ бы желая обернуть газетой голову и тѣмъ защитить ее отъ ожидаемаго срама.

— Вы прежде найдите его...—сухо усмѣхаясь, посовѣтовалъ издатель.

— Н-найду-съ! Н-найду! — сверкнулъ глазами редакторъ, снова пускаясь въ бѣгъ, и, прижавъ газету къ груди, началъ ожесточенно теребить ее.—Найду и упеку... Да что же этотъ корректоръ?... Ага... Вотъ... Ну-съ, прошу пожаловать, милостивые государи! Гмъ!... Смиренные командиры свинцовыхъ армій... ха-ха! Проходите-съ... вотъ такъ!

Одинъ за другимъ въ залу входили наборщики. Они уже знали, въ чемъ дѣло, и каждый изъ нихъ приготовился къ роли обвиняемаго, въ виду чего они единодушно изображали на своихъ чумазыхъ лицахъ, пропитанныхъ свинцовою пылью, полную неподвижность и какое-то деревянное спокойствіе. Они столпились въ углу залы въ тѣсную кучку. Редакторъ остановился передъ ними, закинувъ руки съ газетой за спину. Онъ былъ ниже ихъ ростомъ и ему пришлось поднять голову кверху, чтобы взглянуть имъ въ лица. Онъ сдѣлалъ это движеніе слишкомъ быстро, и очки вдругъ вскочили ему на лобъ; думая, что они падаютъ, онъ

взмахнулъ въ воздухѣ рукой, ловя ихъ, но въ этотъ моментъ они снова упали на переносье.

— Чортъ васъ...—скрипнулъ онъ зубами.

На чумазыхъ рожахъ наборщиковъ засіяли счастливыя улыбки. Кто-то подавленно засмѣялся.

— Я васъ призвалъ сюда не затѣмъ, чтобы вы зубы ваши показывали мнѣ!—озлобленно крикнулъ редакторъ, блѣднѣя.—Кажется, достаточно оскандалили газету... Если среди васъ есть честный человѣкъ, который понимаетъ — что такое газета, пресса... онъ скажетъ, кто это устроилъ... Въ передовой статьѣ...—Редакторъ сталъ нервно развертывать газету.

— Да въ чемъ дѣло-то?—раздался голосъ, въ которомъ не слышно было ничего, кромѣ простого любопытства.

— А! Вы не знаете? Ну вотъ извольте... вотъ... „Наше фабричное законодательство всегда служило для прессы предметомъ горячаго обсужденія... т.-е. говоренія глупой ерунды и чепухи!...“ Вотъ! вы довольны? Не угодно ли будетъ тому, кто добавилъ эти „говоренія“...—и главное—говоренія! какъ это грамотно и остроумно!—ну-съ, кто же изъ васъ авторъ этой „глупой ерунды и чепухи“?...

— Статья-то чья? Ваша? Ну, вы и авторъ всего, что въ ней нагорожено,—раздался тотъ же спокойный голосъ, который и раньше спрашивалъ редактора.

Это было дерзостью, и всѣ невольно предположили, что виновникъ событія найденъ. Въ залѣ произошло движеніе; издатель подошелъ ближе къ группѣ, редакторъ поднялся на цыпочки, желая взглянуть черезъ головы наборщиковъ въ лицо говорившему. Наборщики раздвинулись. Предъ редакторомъ стоялъ коренастый малый, въ синей блузѣ, съ рябымъ лицомъ и вьющимися кверху вихрами на лѣвомъ вискѣ. Онъ стоялъ, глубоко засунувъ руки въ карманы штановъ, и, равнодушно уставивъ на редактора сѣрые, злые глаза, чуть-

чуть улыбался изъ курчавой русой бороды. Всѣ смотрѣли на него:—издатель, сурово нахмуривъ брови, редакторъ съ изумленіемъ и гнѣвомъ, метранпажъ—сдержанно улыбаясь. Лица наборщиковъ изображали и плохо скрытое удовольствіе, и испугъ, и любопытство...

— Это... вы и есть?—спросилъ, наконецъ, редакторъ, указывая пальцемъ на рябого наборщика, и многообѣщающе сжалъ губы.

— Я...—отвѣтилъ тотъ, усмѣхнувшись какъ-то особенно просто и обидно.

— А-а!... весьма пріятно! Такъ это вы? Зачѣмъ же вы вставили, позвольте узнать...

— Да я развѣ сказалъ, что вставилъ?—и наборщикъ посмотрѣлъ на своихъ товарищей.

— Это онъ, навѣрное, Митрій Павловичъ,—обратился къ редактору метранпажъ.

— Ну я, такъ я,—не безъ нѣкотораго добродушія согласился наборщикъ и, махнувъ рукой, снова улыбнулся.

Опять всѣ замолчали. Никто не ожидалъ такого скораго и спокойнаго признанія, и оно подѣйствовало на всѣхъ, какъ неожиданность. Даже гнѣвъ редактора смѣнился на минуту изумленіемъ. Пространство вокругъ рябого стало шире, ментрапажъ быстро отошелъ къ столу, наборщики разступились...

— Ты вѣдь это нарочно, съ намѣреніемъ? спросилъ издатель, улыбаясь и оглядывая рябого круглыми глазами.

— Извольте отвѣчать!—крикнулъ редакторъ, взмахивая смятой газетой.

— Не кричите... не боюсь. Многіе на меня кричали, да безъ толку все!...—и въ глазахъ наборщика сверкнулъ ухарскій, наглый огонекъ.—Точно...—продолжалъ онъ, переступивъ съ ноги на ногу и обращаясь уже къ издателю,—я это съ намѣреніемъ подставилъ слова...

— Слышите?—обратился редакторъ къ публикѣ.

— Да что же ты такое въ самомъ дѣлѣ, чортова ты кукла!—взбѣсился вдругъ издатель.—Понимаешь ли ты, сколько ты вреда мнѣ сдѣлалъ?

— Вамъ-то ничего... еще, чай, розничную продажу увеличилъ. А вотъ господину редактору—дѣйствительно... не особенно по губѣ этакая штучка.

Редакторъ точно окаменѣлъ отъ негодованія; онъ стоялъ передъ этимъ спокойнымъ и злымъ человѣкомъ и молча сверкалъ глазами, не находя словъ для выраженія волновавшихъ его чувствъ.

— А вѣдь тебѣ за это, братъ, худо будетъ!...—злорадно протянулъ издатель и вдругъ, смягчившись, ударилъ себя рукой по колѣну.

Въ сущности, онъ былъ доволенъ и происшествіемъ, и дерзкимъ отвѣтомъ рабочаго: редакторъ относился къ нему всегда нѣсколько высокомѣрно, не стараясь скрывать сознаніе своего умственнаго превосходства, и вотъ теперь онъ, этотъ самолюбивый и самоувѣренный человѣкъ, поверженъ во прахъ...—и кѣмъ?

— За эту твою дерзость мы тебѣ, душа, воздадимъ!...—добавилъ онъ.

— Да вѣдь ужъ навѣрно такъ не спустите,—согласился наборщикъ.

Этотъ тонъ и эти слова опять произвели впечатлѣніе. Наборщики переглянулись другъ съ другомъ, метранпажъ поднялъ брови и какъ-то съежился, редакторъ отступилъ къ столу и, опершись на него руками, болѣе растерянный и обиженный, чѣмъ гнѣвный, пристально смотрѣлъ на своего врага.

— Зовутъ тебя какъ?—спросилъ издатель, вынувъ изъ кармана записную книжку.

— Николка Гвоздевъ, Василій Ивановичъ!—быстро объявилъ метранпажъ.

— А ты, лакей Іуды Предателя, молчи, когда тебя не спрашиваютъ,—сурово взглянувъ на метранпажа, сказалъ наборщикъ.—У меня свой языкъ есть, я самъ за

себя отвѣчу... Зовутъ меня Николай Семеновичъ Гвоздевъ. Жительство...

— Найдемъ!—пообѣщалъ издатель.—А теперь убирайся къ чорту! Всѣ идите!...

Громко топая, наборщики молча пошли вонъ. Гвоздевъ шелъ сзади всѣхъ.

— Постой... позволь...—сказалъ редакторъ тихо, но ясно, и протянулъ руку вслѣдъ Гвоздеву.

Гвоздевъ обернулся къ нему, лѣнивымъ движеніемъ прислонился къ косяку двери и, покручивая бородку, установился въ лицо редактора своими дерзкими глазами.

— Я тебя вотъ о чемъ спрошу,—началъ редакторъ. Онъ хотѣлъ быть спокойнымъ, но это не удавалось ему: голосъ его срывался, переходилъ въ крикъ.—Ты сознался... что, дѣлая этотъ скандалъ... имѣлъ въ виду меня. Да? Значитъ, это что же?—месть мнѣ? Я тебя спрашиваю — за что? Ты понимаешь это? Можешь ты мнѣ отвѣтить?

Гвоздевъ передернулъ плечами, скривилъ губы и, опустивъ голову, помолчалъ съ минуту. Издатель нетерпѣливо притопывалъ ногой, метранпажъ вытянулъ впередъ шею, а редакторъ кусалъ губы и нервно хрустѣлъ пальцами. Всѣ ждали.

— Я, пожалуй, скажу... Только, какъ я необразованный человѣкъ, то, пожалуй, непонятно будетъ... Ну, ужъ извините тогда!... Вотъ, стало быть, въ чемъ дѣло. Вы пишете разныя статьи, человѣколюбіе всѣмъ совѣтуете и прочее такое... Не умѣю я сказать вамъ все это подробно—грамоту плохо знаю... Вы, чай, сами знаете, про что рѣчи ведете каждый день... Ну, вотъ, я и читаю эти ваши статьи. Вы про нашего брата рабочаго толкуете... а я все читаю... И противно мнѣ читать, потому что все это пустяки одни. Одни слова безстыжія, Митрій Павлычъ!... потому что вы пишете—не грабь, а въ типографіи-то у васъ что? Кирьяковъ на прошлой не-

дѣлѣ работалъ три съ половиной дня, выработалъ три восемь гривенъ и захворалъ. Жена приходитъ въ контору за деньгами, а управляющій ей говоритъ, что не ей дать, а съ нея нужно рубль двадцать получить— штрафу. Вотъ-те и не грабь! Вы что же про эти порядки не пишете? И какъ управляющій лается и мальчишекъ дуетъ за всякую малость?... Вамъ этого нельзя писать, потому что вы и сами-то этой же политики держитесь... Пишете, что людямъ плохо жить на свѣтѣ — и потому вы, я вамъ скажу, все это пишете, что ничего больше дѣлать не умѣете. Вотъ и все... И потому подъ носомъ у себя вы никакихъ звѣрствъ не видите, а про турецкія звѣрства очень хорошо разсказываете. Развѣ это не пустяки — статьи-то ваши? Давно ужъ мнѣ хотѣлось, стыда вашего ради, истинныя слова въ ваши статьи вклеить. И не такъ бы еще надо!

Гвоздевъ чувствовалъ себя героемъ. Онъ гордо выпятилъ грудь, высоко поднялъ голову и, не скрывая своего торжества, въ упоръ смотрѣлъ на редактора. А редакторъ плотно прижался къ столу, вцѣпившись въ него руками, откинулся назадъ и то блѣднѣлъ, то краснѣлъ и все улыбался презрительно и смущенно, зло и болѣзненно. Широко открытые глаза его часто моргали.

— Соціалистъ? — съ боязнью и интересомъ спросилъ издатель, вполголоса обращаясь къ редактору. Тотъ болѣзненно улыбнулся, но ничего не отвѣтилъ и склонилъ голову.

Метранпажъ ушелъ къ окну, гдѣ стояла кадка съ громаднымъ филодендрономъ, бросавшая на полъ комнаты тѣневой узоръ, сталъ за кадку и смотрѣлъ оттуда на всѣхъ маленькими черными и подвижными, какъ у мыши, глазами. Въ нихъ было какое-то нетерпѣливое ожиданіе и порой вспыхивалъ радостный огонекъ. Издатель смотрѣлъ на редактора. Тотъ почувствовалъ это, поднялъ голову и съ безпокойнымъ блескомъ

въ глазахъ, съ нервной дрожью въ лицѣ крикнулъ вслѣдъ уходившему Гвоздеву:

— Позвольте... постойте! Вы оскорбили меня. Но вы не въ правѣ... я надѣюсь, вы это чувствуете? Я благодаренъ вамъ за... в-вашу... прямоту, съ которой вы высказались, но, повторяю...

Онъ хотѣлъ говорить съ ироніей, но вмѣсто ироніи въ словахъ его звучало что-то блѣдное и фальшивое, и онъ сдѣлалъ паузу, желая настроить себя къ отпору, достойному и его, и этого судьи, о правѣ котораго судить его, редактора, онъ никогда еще не думалъ.

— Извѣстно!—качнулъ головой Гвоздевъ.—Тотъ только и правъ, кто много сказать можетъ.

И, стоя въ дверяхъ, онъ оглянулся вокругъ себя съ такимъ выраженіемъ на лицѣ, которое ясно показывало его нетерпѣливое желаніе уйти отсюда.

— Нѣтъ, позвольте! — повышая тонъ и поднимая руку кверху, заявилъ редакторъ.—Вы выдвинули противъ меня обвиненіе, а раньше этого самовольно наказали меня за мою яко бы вину предъ вами... Я имѣю право защищаться и я прошу васъ слушать...

— Да вамъ какое до меня дѣло? Вы передъ издателемъ защищайтесь, коли нужно. А со мной-то о чемъ говорить? Обидѣлъ я васъ, такъ къ мировому тащите. А то — защищаться! Прощайте!—онъ круто поворотился и, заложивъ руки за спину, пошелъ изъ залы.

На ногахъ у него были тяжелые сапоги съ большими каблуками, онъ громко стучалъ ими, и шаги его гулко раздавались въ большой, сараеобразной комнатѣ редакціи.

— Вотъ такъ исторія съ географіей! — воскликнулъ издатель, когда Гвоздевъ захлопнулъ за собою дверь.

— Василій Ивановичъ, я тутъ не при чемъ, въ этомъ дѣлѣ... — заговорилъ метранпажъ, виновато разводя руками, и осторожными коротенькими шагами подошелъ къ издателю. — Я верстаю наборъ и никакъ не

могу знать, что мнѣ туда дежурный сунетъ. Я-съ цѣлую ночь на ногахъ... нахожусь здѣсь, а дома у меня жена хвораетъ, дѣти безъ присмотра... трое... Я, можно сказать, кровью истекаю за тридцать рублей въ мѣсяцъ-то... А Федору Павловичу, когда они нанимали Гвоздева, я говорилъ: „Федоръ Павловичъ, говорю, я Николку съ мальчишекъ знаю и долженъ вамъ сказать, что Николка озорникъ и воръ, безъ совѣсти человѣкъ. Его ужъ у мирового судили, говорю, сидѣлъ въ тюрьмѣ даже...

— За что сидѣлъ?—задумчиво спросилъ редакторъ, не глядя на разсказчика.

— За голубей-съ... т.-е. не за голубей, а за взломы замковъ. Въ семи голубятняхъ сломалъ замки въ одну ночь-съ!... и всѣ охоты выпустилъ на волю—всю птицу разогналъ-съ! И у меня тоже пара смурыхъ, одинъ турманъ съ игрой, да скобарь такъ и пропали. Очень цѣнныя птицы.

— Укралъ?—любопытно освѣдомился издатель.

— Нѣтъ, этимъ не балуется. Судился и за воровство, да оправдали. Такъ онъ—озорникъ... Распустилъ птицу и радъ, и надсмѣхается надъ нами, охотниками... Били ужъ его не однажды. Разъ послѣ битья въ больницѣ даже лежалъ... А вышелъ—у кумы моей въ печи чертей развелъ.

— Чертей?—изумился издатель.

— Чушь какая!—пожалъ плечами редакторъ, наморщивъ лобъ, и, снова кусая губы, задумался.

— Это совершенная истина, только сказалъ не такъ,—сконфузился метранпажъ. — Онъ, видите, печникъ, Николка-то. Онъ на всѣ руки: по литографской части смекаетъ, граверъ, водопроводчикомъ былъ тоже... Такъ вотъ кума—у нея свой домъ, она изъ духовнаго званія—и наняла его печь переложить. Ну, онъ переложилъ все, какъ слѣдуетъ; но только, подлый человѣкъ, въ стѣнку-то печи вмазалъ бутылку со ртутью

и съ иголками... и еще чего-то кладется тамъ. Отъ этого происходитъ звукъ — особый этакій, знаете, какъ бы стонъ, и вздохъ, и тогда говорятъ—черти въ домѣ завелись. Печь-то вытопятъ, ртуть въ бутылкѣ нагрѣется и пойдетъ тамъ бродить. А иголки по стеклу скребутъ, точно зубомъ кто скрипитъ. Кромѣ иголокъ, еще разныя желѣзины въ ртуть кладутъ, и отъ нихъ тоже разные звуки—иголка по-своему, гвоздь по-своему, и выходитъ этакая чертовская музыка... Кума даже продать хотѣла домъ, да никто не покупаетъ, — кому понравится съ чертями-съ? Три молебна съ водосвятіемъ служила—не помогаетъ. Реветъ женщина, дочь у нея невѣста, куръ головъ до ста, двѣ коровы, хорошее хозяйство... и вдругъ черти! Билась, билась, смотрѣть жалко. Николка же ее и спасъ, можно сказать. Давай, говоритъ, пятьдесятъ цѣлковыхъ—выгоню чертей! Она ему сначала четвертную дала, а потомъ—какъ онъ вытащилъ бутылку, да дознались, въ чемъ дѣло — ну и прощай! Очень сообразительная женщина, въ судъ хотѣла подать, но ей отсовѣтовали... И еще за нимъ многія художества водятся.

— И за одно изъ этихъ милыхъ „художествъ" съ завтрашняго дня я буду расплачиваться. Я?!—нервозно воскликнулъ редакторъ и, сорвавшись съ мѣста, снова началъ метаться по комнатѣ.—О, Боже мой! Какъ глупо, грубо, пошло все это...

— Ну-у, очень ужъ вы! — успокоительно сказалъ издатель.—Сдѣлаете поправку, объясните, почему это вышло... Малый-то больно интересный, прахъ его возьми. Чертей въ печку насажалъ, ха-ха! Нѣтъ, ей Богу! Проучить мы его проучимъ, но мерзавецъ съ умомъ и возбуждаетъ къ себѣ что-то этакое... знаете! — издатель щелкнулъ надъ головой пальцами и кинулъ взглядъ въ потолокъ.

— Васъ это занимаетъ, да?—рѣзко крикнулъ редакторъ.

— Ну, такъ что? Развѣ не смѣшно? И васъ онъ довольно основательно расписалъ. Съ умомъ, бестія! — отплатилъ издатель редактору за окрикъ. — По какой статьѣ вы съ нимъ считаться-то намѣрены?

Редакторъ быстро подбѣжалъ вплоть къ издателю.

— Считаться я съ нимъ не буду-съ! Не могу-съ, Василій Ивановичъ, потому что этотъ фабрикантъ чертей правъ! У васъ въ типографіи чортъ знаетъ что творится, вы слышали? А мы!... а я играю дурака по вашей милости. Онъ тысячу разъ правъ!

— И въ томъ добавленіи, которое внесъ въ вашу статейку? — ѣдко спросилъ издатель и иронически поджалъ губы.

— Ну такъ что жъ? И въ этомъ, да! Вы поймите, Василій Ивановичъ, мы вѣдь либеральная газета...

— Печатаемая въ двухъ тысячахъ экземпляровъ, считая безплатные и обмѣнные, — сухо вставилъ издатель. — А нашъ конкурентъ въ девяти тысячахъ расходится!

— Н-ну-съ?

— Больше ничего!

Редакторъ безнадежно махнулъ рукой и снова съ потускнѣвшими глазами сталъ ходить взадъ и впередъ по залѣ.

— Прелестное положеніе! — бормоталъ онъ, пожимая плечами. — Какая-то универсальная травля! Всѣ собаки на одну, а эта въ намордникѣ. Ха-ха! И этотъ несчастный р-рабочій! О, Боже мой!

— Да плюньте, батенька, не волнуйтесь! — посовѣтовалъ вдругъ Василій Ивановичъ, добродушно усмѣхаясь, какъ бы утомившись волненіями и пререканіями. — Пришло и пройдетъ, и честь свою вновь возстановите. Дѣло гораздо больше смѣшное, чѣмъ драматическое.

Онъ миролюбиво протянулъ редактору свою пухлую руку и пошелъ-было изъ залы въ контору.

Вдругъ дверь въ контору растворилась и на порогѣ явился Гвоздевъ. Онъ былъ въ картузѣ и не безъ нѣкоторой любезности улыбался.

— Я пришелъ сказать вамъ, господинъ редакторъ, что ежели вы хотите со мной судиться, то скажите — потому я отсюдова уѣду, ну а по этапу возвращаться неохота.

— Убирайся вонъ!—чуть не рыдая отъ бѣшенства, взвылъ редакторъ и бросился въ глубину комнаты.

— Значитъ, квитъ, — сказалъ Гвоздевъ, поправилъ на головѣ картузъ и, спокойно обернувшись на порогѣ, исчезъ.

— О-о, бестія! — съ восхищеніемъ выдохнулъ изъ себя Василій Ивановичъ вслѣдъ Гвоздеву и, блаженно улыбаясь, не спѣша сталъ надѣвать пальто.

Дня черезъ два послѣ описаннаго, Гвоздевъ въ синей блузѣ, подпоясанной ремнемъ, въ брюкахъ навыпускъ, въ ярко начищенныхъ ботинкахъ, въ бѣломъ картузѣ, надѣтомъ набекрень и на затылокъ, и съ суковатой палкою въ рукѣ, степенно гулялъ по „Горѣ“.

Гора представляла собою пологій спускъ къ рѣкѣ. Въ давнія времена на спускѣ этомъ стояла густая роща. Теперь почти вся она была вырублена и лишь кое-гдѣ могучіе, корявые дубы и вязы, поломанные грозами, вздымали къ небу свои старые дуплистые стволы, широко раскинувъ узловатые сучья. У корней ихъ вилась молодая поросль, кустарники льнули къ стволамъ, и всюду среди зелени гуляющая публика протоптала извилистыя тропы, сползавшія внизъ къ рѣкѣ, облитой сіяніемъ солнца. Горизонтально пересѣкая „Гору“, шла широкая аллея — заброшенный почтовый трактъ — и по ней-то, главнымъ образомъ, гуляла публика, расхаживая въ два ряда, одинъ навстрѣчу другому.

Гвоздеву всегда очень нравилось бродить взадъ и

впередъ по этой аллеѣ вмѣстѣ съ публикой и чувствовать себя такимъ же, какъ и всѣ, такъ же свободно вдыхать воздухъ, напитанный запахомъ листвы, такъ же свободно и лѣниво двигаться и быть частью чего-то большого и чувствовать себя равнымъ со всѣми.

Въ этотъ день онъ былъ чуть-чуть навеселѣ, и его рѣшительное рябое лицо смотрѣло добродушно и общительно. Съ лѣваго виска его вились кверху русые вихры. Красиво оттѣняя ухо, они лежали на околышѣ фуражки, придавая Гвоздеву ухарскій видъ молодчины мастерового, который доволенъ собой, хоть сейчасъ готовъ спѣть, поплясать и подраться и во всякую минуту непрочь выпить. Этими характерными вихрами сама природа точно желала рекомендовать всѣмъ Николая Гвоздева, какъ малаго съ огонькомъ и знающаго себѣ цѣну. Одобрительно поглядывая вокругъ себя прищуренными сѣрыми глазами, Гвоздевъ вполнѣ миролюбиво толкалъ публику, безъ претензіи сносилъ ея толчки, наступая дамамъ на шлейфы, вѣжливо извинялся, глоталъ вмѣстѣ со всѣми густую пыль и чувствовалъ себя прекрасно.

Сквозь листву деревьевъ видно было, какъ за рѣкой въ лугахъ садилось солнце. Небо было тамъ пурпурное, теплое и ласковое, манившее туда, гдѣ оно касалось краемъ темной зелени луговъ. Подъ ноги гуляющимъ ложились узорныя тѣни, и толпа людей наступала на нихъ, не замѣчая ихъ красоты. Франтовато засунувъ въ лѣвый уголъ губъ папиросу и лѣниво выпуская изъ праваго струйки дыма, Гвоздевъ присматривался къ публикѣ, ощущая въ себѣ настоятельное желаніе потолковать съ кѣмъ-нибудь за парой пива въ ресторанѣ, внизу „Горы“. Знакомыхъ никого не встрѣчалось, а свести новое знакомство не было подходящаго случая; публика, несмотря на праздникъ и ясный весенній день, была почему-то хмурая и не отвѣчала на его общительное настроеніе, хотя онъ уже не разъ за-

глядывалъ въ лица людей, шедшихъ рядомъ съ нимъ, съ добродушной улыбкой и съ выраженіемъ полной готовности вступить въ бесѣду. Вдругъ передъ его глазами, въ массѣ затылковъ мелькнулъ хорошо знакомый гладко остриженный и плоскій, точно стесанный, затылокъ редактора—Дмитрія Павловича Истомина. Гвоздевъ улыбнулся, вспомнивъ, какъ онъ отдѣлалъ этого человѣка, и съ удовольствіемъ сталъ смотрѣть на сѣрую низенькую шляпу Дмитрія Павловича. Иногда шляпа редактора скрывалась за другими шляпами, и это почему-то безпокоило Гвоздева; онъ приподнимался на носки, высматривая ее, находилъ и снова улыбался.

Такъ, слѣдя за редакторомъ, онъ шелъ и вспоминалъ о томъ времени, когда онъ, Гвоздевъ, былъ Николкой слесаревымъ, а редакторъ — Митькой дьяконицынымъ. У нихъ былъ еще товарищъ Мишка, прозванный ими Сахарницей. Былъ еще Васька Жуковъ, чиновниковъ сынъ изъ крайняго въ улицѣ дома. Хорошій домъ былъ — старый, весь поросшій мхомъ, весь облѣпленный пристройками. У Васькина отца была прекрасная голубиная охота. На дворѣ дома ловко было играть въ прятки, потому что Васькинъ отецъ скупой былъ и берегъ на дворѣ всякій хламъ — какія-то изломанныя кареты, бочки, ящики. Теперь Васька врачомъ въ уѣздѣ, а на мѣстѣ стараго дома стоятъ желѣзнодорожные пакгаузы... Были и еще товарищи, все мальчишки лѣтъ по восьми — десяти. Всѣ они обитали тогда на окраинѣ города, въ Задней Мокрой улицѣ, жили дружно между собой и въ постоянной враждѣ съ мальчишками изъ другихъ улицъ. Опустошали сады и огороды, играли въ бабки, въ шаръ-масло и другія игры, учились въ приходскомъ училищѣ... Съ той поры прошло лѣтъ двадцать пять...

Было время и — прошло, были мальчишки — такіе же озорные и чумазые, какъ и Николка слесаревъ, — и стали теперь важными людьми. А Николка слесаревъ застрялъ

въ Задней Мокрой. Они, кончивъ приходское училище, въ гимназію попали,—онъ не попалъ... А что если заговорить съ редакторомъ? Поздороваться и начать разговоръ? Начать съ того, что извиниться за скандалъ, и потомъ поговорить — такъ, вообще, про жизнь...

Шляпа редактора все мелькала передъ глазами Гвоздева, какъ бы подманивая его къ себѣ, и Гвоздевъ рѣшился. Какъ разъ въ это время редакторъ шелъ одинъ въ свободномъ пространствѣ, образовавшемся среди публики. Онъ шагалъ своими тонкими ногами въ свѣтлыхъ брюкахъ, голова то и дѣло повертывалась изъ стороны въ сторону, близорукіе глаза щурились, разсматривая публику. Гвоздевъ почти поровнялся съ нимъ и сбоку любезно заглядывалъ ему въ лицо, ожидая удобнаго момента, чтобы поздороваться, и въ то же время ощущая острое желаніе знать, какъ отнесется къ нему редакторъ.

— Здравствуйте, Митрій Павловичъ!

Редакторъ обернулся къ нему, одной рукой приподнялъ шляпу, другой поправилъ очки на носу, разглядѣлъ Гвоздева и нахмурился.

Но это не обезкуражило Николая Гвоздева,—напротивъ, онъ пріятнѣйшимъ манеромъ нагнулся къ редактору и, обдавъ его запахомъ водки, спросилъ:

— Прогуливаетесь?

Редакторъ на секунду остановился; губы и ноздри его брезгливо дрогнули, и онъ сухо кинулъ Гвоздеву:

— Что вамъ угодно?

— Мнѣ? Ничего! Такъ я это... хорошо сегодня! И очень желательно мнѣ поговорить съ вами насчетъ этого происшествія.

— Я не желаю съ вами ни о чемъ говорить!—заявилъ редакторъ, ускоряя шагъ.

Гвоздевъ сдѣлалъ то же.

— Не желаете? Понимаю... Вы въ вашемъ правѣ, я

это очень хорошо понимаю... Какъ я васъ сконфузилъ, то, конечно, вы должны имѣть противъ меня зубъ...

— Вы, просто... вы пьяны...—снова остановился редакторъ.—И если вы не оставите меня въ покоѣ, я полицію приглашу.

Гвоздевъ ласково засмѣялся:

— Ну, зачѣмъ же?

Редакторъ искоса посмотрѣлъ на него тоскливымъ взглядомъ человѣка, попавшаго въ непріятное положеніе и не знающаго, какъ изъ него выйти. Публика уже смотрѣла на нихъ съ любопытствомъ. Нѣсколько физіономій насторожилось, чуя загорающійся скандалъ. Истоминъ безсильно оглядывался вокругъ.

Гвоздевъ замѣтилъ это.

— Давайте свернемъ въ сторонку,—сказалъ онъ,— и, не дожидаясь согласія, ловко оттеръ Истомина плечомъ въ сторону съ широкой аллеи на узкую тропу, спускавшуюся между кустарникомъ внизъ по горѣ.

Редакторъ не выразилъ протеста противъ этого маневра,—можетъ быть, потому, что не успѣлъ, а можетъ—потому, что внѣ публики, одинъ на одинъ, надѣялся скорѣе и проще избавиться отъ своего собесѣдника. Онъ тихонько, осторожно упираясь палкой въ землю, шелъ внизъ по тропинкѣ, а Гвоздевъ слѣдовалъ за нимъ и дышалъ ему на шляпу.

— Вотъ тутъ близко есть одно дерево упавшее, мы и сядемъ... Вы, Митрій Павловичъ, не сердитесь на меня за этотъ мой поступокъ. Извините! Я вѣдь это со зла... Нашего брата иногда такое зло разбираетъ, что и виномъ не зальешь... Ну, въ такую вотъ пору и созорничаешь надъ кѣмъ-нибудь: прохожему въ рыло дашь или что другое... Я не каюсь—что сдѣлано то сдѣлано, но, можетъ, я даже очень хорошо понимаю, что сдѣлалъ-то не совсѣмъ въ мѣру... Перехватилъ.

Тронуло ли редактора это искреннее объясненіе и личность Гвоздева возбудила въ немъ любопытство, или

онъ понялъ, что ему не отдѣлаться отъ этого человѣка, но онъ спросилъ Гвоздева:

— О чемъ же вы хотите говорить?

— А такъ... обо всемъ! Скорбитъ душа у меня, потому что обиду я чувствую себѣ... Вотъ тутъ сядемте.

— Мнѣ некогда...

— Знаю я... газета! Уѣстъ она вамъ половину жизни, все здоровье на нее просадите. Я вѣдь понимаю! Онъ, издатель-то, что? У него въ газетѣ деньги, а у васъ—кровь! Глаза-то вы ужъ прописали себѣ... Садитесь!

Предъ ними вдоль тропы лежалъ большой пень—полусгнившій остатокъ когда-то могучаго дуба. Вѣтви орѣшника наклонились надъ деревомъ, образуя зеленый навѣсъ; сквозь вѣтви просвѣчивало небо, уже облеченное въ краски заката; пряный запахъ свѣжей листвы наполнялъ воздухъ. Гвоздевъ сѣлъ и, обращаясь къ редактору, который все еще стоялъ, нерѣшительно оглядываясь, опять заговорилъ:

— Выпилъ я сегодня немного... Скучно мнѣ жить, Митрій Павловичъ! Отъ своихъ товарищей рабочихъ отсталъ я какъ-то, совсѣмъ у меня другое направленіе мысли. Увидалъ я сегодня васъ и вспомнилъ, что вѣдь и вы товарищемъ мнѣ были... ха, ха!

Онъ засмѣялся, потому что редакторъ смотрѣлъ на него съ такой быстрой смѣной выраженій на лицѣ, которая дѣлала его дѣйствительно смѣшнымъ.

— Товарищемъ? Когда?

— А давно ужъ, Митрій Павловичъ... Тогда мы еще въ Задней Мокрой существовали... помните? Черезъ дворъ другъ отъ друга. А противъ насъ Мишка Сахарница—по нынѣшнимъ временамъ Михаилъ Ефимовичъ Хрулевъ, слѣдователь судебный—изволили имѣть мѣсто жительства при своемъ строгомъ батюшкѣ... Помните Ефимыча? Часто онъ насъ съ вами за вихры трясъ... Да вы сядьте!

Редакторъ утвердительно кивнулъ головой и сѣлъ рядомъ съ Гвоздевымъ. Онъ смотрѣлъ на него напряженнымъ взглядомъ человѣка, вспоминающаго нѣчто давно и прочно забытое, и теръ себѣ лобъ.

А Гвоздевъ увлекался воспоминаніями.

— Житье было у насъ тогда! И почему только человѣкъ на всю жизнь ребенкомъ не остается? Растетъ... зачѣмъ? Потомъ врастаетъ въ землю. Несетъ всю свою жизнь несчастія разныя... озлится, озвѣрѣетъ... чепуха! Живетъ, живетъ и—въ концѣ всей жизни одни пустяки... Гробъ и... больше ничего... А тогда мы, бывало, жили безъ всякой темной мысли, весело,—птички—и все тутъ! Порхали черезъ заборы по чужіе плоды трудовъ... Помните, я вамъ однажды въ огородѣ у Петровны на воровскомъ дѣлѣ въ носъ огурцомъ закатилъ? Вы крикъ подняли, а я—драла... Вы съ мамашей къ моему отцу приходили съ жалобой, и отецъ меня выпоролъ какъ слѣдуетъ быть... А Мишка, Михаилъ Ефимовичъ...

Редакторъ слушалъ и, помимо воли, улыбался. Ему хотѣлось бы сохранить серьезность и достоинство предъ этимъ человѣкомъ, проявлявшимъ наклонность къ фамильярничанью. Но въ этихъ разсказахъ о ясныхъ дняхъ дѣтства было что-то трогательное и въ тонѣ Гвоздева пока еще не особенно рѣзко звучали ноты, угрожавшія самолюбію Дмитрія Павловича. Да и кругомъ было хорошо. Гдѣ-то вверху шаркали ноги гуляющей публики по песку дорожки, чуть доносились голоса, иногда звучалъ смѣхъ; но вздыхалъ вѣтеръ—и всѣ эти слабые звуки тонули въ меланхоличномъ шорохѣ листвы. А когда шорохъ замиралъ, были моменты полной тишины, точно все кругомъ чутко прислушивалось къ словамъ Николая Гвоздева, сбивчиво разсказывавшаго повѣсть о юности...

— Помните Варьку, маляра Колокольцова дочь? Теперь она замужемъ за типографщикомъ Шапошнико-

вымъ. Такая барыня — мимо идти страшно... Тогда она дѣвчурочка хворая была... Помните, пропала она однажды, и всѣ мы мальчишки со всей улицы по полю да по оврагамъ искали ее! Въ лагеряхъ нашли и вели ее полемъ домой... Шуму было — страсть! Колокольцовъ пряниками угостилъ, а Варька, увидавши мать свою, сказала: „а я была у барыни офицеровой, и она меня въ дочки къ себѣ зоветъ!“ Хе, хе!... Въ дочки!... Славная дѣвчурка была...

Съ рѣки доносились какіе-то звуки, словно тихо охала чья-то могучая, тоскующая грудь. Пароходъ шелъ, и въ воздухѣ плылъ шумъ воды, разбиваемой его колесами. Небо было розовое, а вокругъ Гвоздева съ редакторомъ сгущался сумракъ. Медленно наступала весенняя ночь. Тишина становилась полной, глубокой, и какъ бы подчиняясь ей, Гвоздевъ понизилъ голосъ... Редакторъ молча слушалъ его, вызывая въ своей памяти смутныя картины давно минувшаго. Все это было... И все это было лучше того, что есть теперь. Только въ дѣтствѣ возможна душа свободная, не замѣчающая тяжести тѣхъ цѣпей, которыя зовутъ условіями жизни. Дѣтству неизвѣстны острыя воспаленія совѣсти, неизвѣстна и ложь иная, кромѣ безобидной дѣтской лжи. Какъ много неизвѣстно въ дни дѣтства и какъ хороша эта неизвѣстность! Живешь — и постепенно раздвигается пониманіе жизни... Зачѣмъ оно раздвигается, если и умираешь, ничего не понявъ?

— Такъ вотъ, Митрій Павловичъ, значитъ, оно и выходитъ, что я одного съ вами гнѣзда птица... Да! А полеты у насъ разные... И какъ вспомню я, что вѣдь вся разница между мной и моими товарищами бывшими только въ томъ, что не сидѣлъ я въ гимназіи за книгами, — горько мнѣ и тошно бываетъ... Развѣ въ этомъ человѣкъ? Въ душѣ онъ, въ чувствахъ къ ближнему своему, какъ сказано... Ну вотъ — вы мой ближній, а какую я цѣну имѣю для васъ? Никакой! — вѣрно?

Редакторъ, увлеченный своими мыслями, не разслышалъ, должно быть, вопроса своего собесѣдника.

— Вѣрно! — сказалъ онъ тономъ искреннимъ и разсѣяннымъ.

Но Гвоздевъ разсмѣялся, и онъ спохватился:

— Т.-е. позвольте? Что, собственно, вѣрно?

— Вѣрно, что я для васъ — пустое мѣсто... Есть я или нѣтъ меня, вамъ все равно — наплевать. Зачѣмъ вамъ душа моя? Живу я одинъ на свѣтѣ и всѣмъ людямъ, меня знающимъ, очень надоѣлъ. Потому — у меня характеръ злой, и очень я люблю разные фокусы выкидывать. Однако, у меня чувства вѣдь тоже есть и умъ есть... Я чувствую обиду въ моемъ положеніи. Чѣмъ я хуже васъ? Только моимъ занятіемъ...

— Д-да... это печально! — сказалъ редакторъ, наморщивъ лобъ, сдѣлалъ паузу и продолжалъ какимъ-то успокоивающимъ тономъ: — Но видите ли, тутъ нужно примѣнить другую точку зрѣнія...

— Митрій Павловичъ! Зачѣмъ точка зрѣнія? Не съ точки зрѣнія человѣкъ человѣку вниманіе долженъ оказывать, а по движенію сердца! Что такое точка зрѣнія? Я говорю про несправедливость жизни. Развѣ можно меня съ какой-нибудь точки забраковать? А я забракованъ въ жизни — нѣтъ мнѣ въ ней хода... Почему-съ? Потому, что не ученъ? Такъ вѣдь ежели бы вы, ученые, не съ точекъ зрѣнія разсуждали, а какъ-нибудь иначе — должны вы меня, вашего поля ягоду, не забыть и извлечь вверхъ къ вамъ снизу, гдѣ я гнію въ невѣжествѣ и озлобленіи моихъ чувствъ? Или — съ точки зрѣнія — не должны?

Гвоздевъ прищурилъ глазъ и торжествуя посмотрѣлъ въ лицо своего собесѣдника. Онъ чувствовалъ себя въ ударѣ и выпускалъ изъ себя всю свою философію, придуманную въ долгіе годы своей трудовой, безалаберной и безплодной жизни. Редакторъ былъ смущенъ натискомъ своего собесѣдника и старался одновременно

опредѣлить — что это за человѣкъ и что ему возразить на его рѣчи. А Гвоздевъ въ упоеніи самимъ собой продолжалъ:

— Вы люди умные, сто отвѣтовъ мнѣ дадите, и все будетъ — нѣтъ, не должны! А я говорю — должны! Почему? Потому что я и вы люди изъ одной улицы и одного происхожденія... Вы не настоящіе господа жизни, не дворяне... Съ тѣхъ нашему брату взятки гладки. Тѣ скажутъ: „пшелъ къ чорту!“ — и пойдешь. Потому — они издревле аристократы, а вы потому аристократы, что грамматику знаете и прочее... Но вы — свой братъ, и я могу требовать съ васъ указанія пути моей жизни. Я мѣщанинъ, и Хрулевъ тоже, и вы — дьяконовъ сынъ...

— Но, позвольте... — просительно сказалъ редакторъ, — развѣ я отрицаю ваше право требовать?...

Но Гвоздеву совсѣмъ не интересно было знать, что отрицаетъ и что признаетъ редакторъ; ему нужно было высказаться, и онъ чувствовалъ себя въ этотъ моментъ способнымъ сказать все, что когда-либо волновало его.

— Нѣтъ, вы позвольте! — уже какимъ-то таинственнымъ шопотомъ говорилъ онъ, близко склоняясь къ редактору и блестя возбужденными глазами. — Какъ вы думаете, легко мнѣ теперь работать на моихъ товарищей, которымъ я встарину носы расквашивалъ? Легко мнѣ съ господина судебнаго слѣдователя Хрулева, у котораго я съ годъ тому назадъ ватерклозетъ установлялъ, сорокъ копеекъ на чай получить? Вѣдь онъ человѣкъ одного со мной ранга... И было его имя Мишка Сахарница... у него зубы гнилые и посейчасъ, какъ тогда были...

Къ горлу его подкатило что-то тяжелое, удушающее; онъ замолчалъ на моментъ и разразился ругательствомъ — такимъ громкимъ и отвратительно-циничнымъ, что редакторъ вздрогнулъ и отодвинулся отъ него. Выругавшись, Гвоздевъ вдругъ какъ-то ослабѣлъ, точно огонь въ немъ погасъ. Онъ прислушался самъ къ себѣ

и уже не ощущалъ болѣе внутри себя ничего такого, что ему хотѣлось бы сказать.

— Вотъ и все! — произнесъ онъ глухо.

Въ немъ вдругъ стало пусто, и ощущеніе этой пустоты вызывало у него раздраженіе.

Редакторъ задумчиво смотрѣлъ на него сбоку и молча соображалъ, — что же сказать этому парню? Нужно сказать что-нибудь хорошее, правдивое и искреннее. Но у Дмитрія Павловича Истомина ничего нужнаго въ данный моментъ не нашлось ни въ головѣ, ни въ сердцѣ. Давно уже всякіе идейные и выспренніе разговоры по „вопросамъ" вызывали въ немъ чувство скуки и утомленія. Онъ вышелъ сегодня отдохнуть, нарочно избѣгалъ встрѣчъ съ знакомыми — и вдругъ этотъ человѣкъ со своими рѣчами. Конечно, въ его рѣчахъ, какъ и во всемъ, что говорятъ люди, есть нѣкоторая доля правды. Онѣ любопытныя и могли бы послужить очень интересной темой для фельетона... Но, за всѣмъ тѣмъ, нужно же что-нибудь сказать ему.

— Все, что вы сказали, — не ново, знаете, — началъ онъ. — О несправедливости отношеній человѣка къ человѣку давно идетъ рѣчь... Но, пожалуй, эти ваши рѣчи являются новостью — въ томъ смыслѣ, что раньше ихъ говорили люди иного сорта... Вы нѣсколько односторонне и невѣрно формулируете ваши думы... но...

— Опять ваша точка зрѣнія! — вяло усмѣхнулся Гвоздевъ. — Эх-ма, господа, господа! Умомъ-то вы награждены, а сердце-то видно... Вы мнѣ скажите что-нибудь такое, чтобы сразу по недугу мнѣ пришлось... вотъ!

Онъ сказалъ это и, опустивъ голову, ждалъ отвѣта. Его охватывала тоска.

Истоминъ снова посмотрѣлъ на него, наморщивъ лобъ и ощущая сильное желаніе уйти. Ему казалось, что Гвоздевъ пьянѣетъ и оттого такъ раскисъ послѣ своихъ возбужденныхъ рѣчей. Онъ смотрѣлъ на бѣлую

фуражку, съѣхавшую на затылокъ, на рябую щеку и задорный вихоръ Гвоздева, смѣрилъ взглядомъ всю его сильную жилистую фигуру и подумалъ про него, что это очень типичный рабочій, и если бъ...

— Такъ что же?—спросилъ Гвоздевъ.

— Да что же я могу вамъ сказать? Откровенно говоря, я не совсѣмъ ясно представляю себѣ, что именно хотѣли бы вы слышать.

— То-то вотъ и есть!... Ничего вы мнѣ не можете отвѣтить,—усмѣхнулся Гвоздевъ.

Редакторъ облегченно вздохнулъ, справедливо предполагая, что разговоръ оконченъ и Гвоздевъ уже не будетъ больше къ нему приставать съ вопросами... И вдругъ онъ подумалъ:

— А что, какъ онъ побьетъ меня? Онъ такой злой.

Ему вспомнилось выраженіе лица Гвоздева тамъ, въ редакціи, во время этой глупой сцены. И онъ подозрительно покосился на него.

Было уже темно. Тишина прерывалась звуками пѣсни, долетавшей издалека съ рѣки. Пѣли хоромъ, и теноровые голоса слышались совсѣмъ ясно. Большіе жуки, металлически звеня, носились въ воздухѣ. Сквозь листву деревьевъ видны были звѣзды... Иногда та или другая вѣтка надъ головами отчего-то вздрагивала, и слышалось тихое трепетаніе листьевъ.

— А вѣдь роса будетъ...—сказалъ редакторъ съ осторожностью.

Гвоздевъ вздрогнулъ и поворотился къ нему.

— Что вы сказали?

— Роса будетъ, говорю, вредно это...

— А-а!

Помолчали. На рѣкѣ раздался крикъ:

— Эй-й! На-а баржѣ-ѣ!...

— Я думаю идти. До свиданья!...

— А не распить ли намъ пару пива?—предложилъ

вдругъ Гвоздевъ и, усмѣхаясь, добавилъ: — Окажите честь!

— Нѣтъ, извините, я въ это время не могу. И потомъ пора мнѣ, знаете...

Гвоздевъ всталъ съ дерева и угрюмо посмотрѣлъ на редактора.

Тотъ протягивалъ ему руку, тоже вставъ.

— Не желаете, значитъ, пить пива со мной?! Ну и чортъ съ вами!—отрубилъ Гвоздевъ, нахлобучивая свою фуражку рѣзкимъ жестомъ.—Аристократія! На грошъ пара! Я и одинъ напьюсь...

Редакторъ храбро повернулся спиной къ своему собесѣднику и пошелъ вверхъ по тропинкѣ, не говоря ни слова. Проходя мимо Гвоздева, онъ странно втянулъ голову въ плечи, точно боялся задѣть ею за что-нибудь. Гвоздевъ крупными шагами пошелъ внизъ по горѣ.

Съ рѣки доносился надрывавшійся голосъ:

— На баржѣ-ѣ! Черти-и! Да-а-вай лодку-у-у!

И среди деревьевъ разносилось тихое эхо:

— О-у-у-у!...

ВАРЕНЬКА ОЛЕСОВА.

(1897.)

I.

...Черезъ нѣсколько дней послѣ назначенія приватъ-доцентомъ въ одинъ изъ провинціальныхъ университетовъ, Ипполитъ Сергѣевичъ Полкановъ получилъ телеграмму отъ сестры изъ ея имѣнія въ далекомъ лѣсномъ уѣздѣ, на Волгѣ.

Телеграмма кратко сообщала:

„Мужъ умеръ, ради Бога немедленно пріѣзжай помочь мнѣ. Елизавета“.

Этотъ тревожный призывъ непріятно взволновалъ Ипполита Сергѣевича, нарушая его намѣренія и настроеніе. Онъ уже рѣшилъ уѣхать на лѣто въ деревню къ одному изъ товарищей и много работать тамъ, чтобы съ честью приготовиться къ лекціямъ, а теперь вотъ нужно ѣхать за тысячу слишкомъ верстъ отъ Петербурга и отъ мѣста назначенія, чтобъ утѣшать женщину, потерявшую мужа, съ которымъ, судя по ея же письмамъ, ей жилось не сладко.

Послѣдній разъ онъ видѣлъ сестру года четыре тому назадъ, переписывался съ нею рѣдко, и между ними давно уже установились тѣ чисто формальныя отношенія, которыя такъ обычны между двумя родственниками, разъединенными разстояніемъ и несходствомъ жизненныхъ интересовъ. Телеграмма вызвала у него

воспоминаніе о мужѣ сестры. Это былъ добродушный и полный человѣкъ, любившій выпить и покушать. Лицо у него было круглое, покрытое сѣтью красныхъ жилокъ, а глазки веселые и маленькіе; онъ плутовато прищуривалъ лѣвый глазъ и, сладко улыбаясь, пѣлъ на сквернѣйшемъ французскомъ языкѣ:

„Regardez par ci, regardez par là...“

И Ипполиту Сергѣевичу было какъ-то неловко вѣрить, что этотъ веселый малый умеръ, потому что люди пошлые обыкновенно долго живутъ.

Сестра относилась къ слабостямъ этого человѣка съ полупрезрительнымъ снисхожденіемъ; какъ женщина не глупая, она понимала, что въ камень стрѣлять— только стрѣлы терять. И едва ли она сильно огорчена его смертью.

Но тѣмъ не менѣе отказать ей въ просьбѣ было бы неудобно. Работать можно и у нея не хуже, чѣмъ гдѣ-нибудь...

Подумавъ еще въ этомъ направленіи, Ипполитъ Сергѣевичъ рѣшилъ ѣхать и недѣли черезъ двѣ, теплымъ іюньскимъ вечеромъ, утомленный сорокаверстнымъ путешествіемъ на лошадяхъ отъ пристани до деревни, онъ уже сидѣлъ за столомъ противъ сестры на террасѣ, выходившей въ паркъ, и пилъ вкусный чай.

У перилъ террасы пышно разрослись кусты сирени и акацій; косые лучи солнца, пробиваясь сквозь ихъ листву, дрожали въ воздухѣ тонкими золотыми лентами. Узорчатыя тѣни лежали на столѣ, тѣсно уставленномъ деревенскими яствами; воздухъ былъ полонъ запахомъ липы, сирени и влажной, согрѣтой солнцемъ земли. Въ паркѣ шумно щебетали птицы, иногда на террасу влетала пчела или оса и озабоченно жужжала, кружась надъ столомъ. Елизавета Сергѣевна брала въ руки салфетку и, досадливо размахивая ею въ воздухѣ, изгоняла пчелъ и осъ въ паркъ.

Ипполитъ Сергѣевичъ уже успѣлъ убѣдиться, что

сестра не особенно поражена фактомъ смерти мужа, что она смотритъ на него, брата, испытующе и, говоря съ нимъ, что-то скрываетъ отъ него. Онъ привыкъ думать о ней, какъ о женщинѣ, всецѣло поглощенной заботами о хозяйствѣ, разбитой неурядицами своей брачной жизни, и ожидалъ увидѣть ее нервной, блѣдной, утомленной. Но теперь, глядя на ея овальное лицо, покрытое здоровымъ загаромъ, спокойное, увѣренное и очень оживленное умнымъ блескомъ большихъ свѣтлыхъ глазъ, онъ чувствовалъ, что пріятно ошибся, и слѣдя за ея рѣчами, старался подслушать и понять въ нихъ то, о чемъ она молчала.

— Я была подготовлена къ этому, — говорила она высокимъ и спокойнымъ контральто, и ея голосъ красиво вибрировалъ на верхнихъ нотахъ. — Послѣ второго удара онъ почти каждый день жаловался на колотья въ сердцѣ, перебой, безсонницу... но все-таки, когда его привезли съ поля — я едва устояла на ногахъ... Говорятъ, онъ тамъ очень волновался, кричалъ... а наканунѣ онъ ѣздилъ въ гости къ Олесову — тутъ есть одинъ помѣщикъ, полковникъ въ отставкѣ, пьяница и циникъ, разбитый подагрой. Кстати, у него есть дочь, — вотъ сокровище, я тебѣ скажу!... Ты познакомишься съ ней...

— Если нельзя избѣжать этого, — вставилъ Ипполитъ Сергѣевичъ, съ улыбкой взглянувъ на сестру.

— Нельзя! Она часто бываетъ здѣсь... а теперь, конечно, будетъ еще чаще, — отвѣтила она ему улыбкой же.

— Ищетъ жениха? Я не гожусь для этой роли.

Сестра пристально посмотрѣла въ его лицо, овальное, худое, съ острой черной бородкой и высокимъ бѣлымъ лбомъ.

— Почему же не годишься? Я, конечно, говорю вообще, безъ всякой мысли объ этой Олесовой —

ты поймешь почему, когда увидишь ее... но вѣдь ты думаешь же о женитьбѣ?...

— Пока еще нѣтъ, — кратко отвѣтилъ онъ, поднявъ отъ стакана свои глаза, свѣтлосѣрые съ сухимъ блескомъ.

— Да,—задумчиво сказала Елизавета Сергѣевна,— въ тридцать лѣтъ дѣлать этотъ шагъ для мужчины и поздно, и рано...

Ему нравилось, что она перестала говорить о смерти мужа, но зачѣмъ же, однако, она такъ громко и пугливо позвала его къ себѣ?

— Нужно жениться въ двадцать лѣтъ или въ сорокъ, — задумчиво говорила она, — такъ меньше риска обмануться самому и обмануть другого человѣка... а если и обманешь, то въ первомъ случаѣ платишь ему за это свѣжестью своего чувства, во второмъ же... хотя бы внѣшнимъ положеніемъ, которое почти всегда солидно у мужчины въ сорокъ лѣтъ.

Ему казалось, что она говоритъ это больше для себя, чѣмъ для него, и онъ не перебивалъ ея, откинувшись въ кресло и глубоко вдыхая въ себя ароматный воздухъ.

— Такъ я говорила—наканунѣ онъ былъ у Олесова и, конечно, пилъ тамъ. Ну и вотъ... — Елизавета Сергѣевна печально тряхнула головой.—Теперь я... осталась одна... хотя я уже съ третьяго года жизни съ нимъ почувствовала себя внутренно одинокой. Но теперь такое странное положеніе! Мнѣ двадцать-восемь лѣтъ, я не жила, а состояла при мужѣ и дѣтяхъ... дѣти умерли. И я... что я теперь? Что мнѣ дѣлать и какъ жить? Я продала бы это имѣніе и поѣхала за границу, но его братъ претендуетъ на наслѣдство, возможенъ процессъ. Я не хочу уступать своего безъ законныхъ къ тому основаній и не вижу ихъ въ претензіи его брата. Какъ ты объ этомъ думаешь?

— Ты знаешь, я не юристъ,—усмѣхнулся Ипполитъ

Сергѣевичъ. — Но... ты разскажи мнѣ все это... посмотримъ. Этотъ братъ... онъ писалъ тебѣ?

— Да... и довольно грубо. Онъ—жуиръ, разоренный, сильно опустившійся... мужъ не любилъ его, хотя въ нихъ много общаго.

— Посмотримъ!—сказалъ Ипполитъ Сергѣевичъ и довольно потеръ руки. Ему было пріятно узнать, зачѣмъ онъ нуженъ сестрѣ, онъ не любилъ ничего неяснаго и неопредѣленнаго. Онъ заботился прежде всего о сохраненіи внутренняго равновѣсія, и если нѣчто неясное нарушало это равновѣсіе — въ душѣ его поднималось смутное безпокойство и раздраженіе, тревожно побуждавшее его поскорѣе объяснить это непонятное, уложить его въ рамки своего міропониманія и... забыть о немъ.

— Говоря откровенно, — тихо и не глядя на брата объяснила Елизавета Сергѣевна, — меня испугала эта нелѣпая претензія. Я такъ утомлена, Ипполитъ, такъ хочу отдохнуть... а тутъ опять что-то начинается.

Она тяжело вздохнула и, взявъ его стаканъ, продолжала унылымъ голосомъ, непріятно щекотавшимъ нервы ея брата:

— Восемь лѣтъ жизни съ такимъ человѣкомъ, какъ покойный мужъ, мнѣ кажется, даютъ право на отдыхъ. Другая на моемъ мѣстѣ—женщина съ менѣе развитымъ чувствомъ долга и порядочности — давно бы порвала эту тяжелую цѣпь, а я несла ее, хотя изнемогала подъ ея тяжестью. А смерть дѣтей... ахъ, Ипполитъ, если бы ты зналъ, что я переживала, теряя ихъ!

Онъ смотрѣлъ въ лицо ей съ выраженіемъ сочувствія, но ея жалобы не трогали его души. Ему не нравился ея языкъ, какой-то книжный, не свойственный человѣку, глубоко чувствующему, а свѣтлые глаза ея странно бѣгали изъ стороны въ сторону, рѣдко останавливаясь на чемъ-либо. Жесты у нея были мягкіе, осторожные,

и отъ всей ея стройной фигуры вѣяло внутреннимъ холодомъ.

На перила террасы сѣла какая-то веселая птичка, щебеча, попрыгала по нимъ и упорхнула. Братъ и сестра, проводивъ ее глазами, нѣсколько секундъ молчали.

— Бываетъ у тебя кто-нибудь? Читаешь ты?—спросилъ братъ, закуривая папиросу и думая о томъ, какъ хорошо было бы въ этотъ славный тихій вечеръ молчать, сидя въ покойномъ креслѣ тутъ на террасѣ, слушая тихій шелестъ листвы и ожидая ночь, которая придетъ, погаситъ звуки и зажжетъ звѣзды.

— Бываетъ Варенька, потомъ изрѣдка заѣзжаетъ Банарцева... помнишь ее? Людмила Васильевна... она тоже плохо живетъ со своимъ супругомъ... но она умѣетъ не обижать себя. У мужа много бывало мужчинъ, но интересныхъ — ни одного! Положительно, не съ кѣмъ словомъ перекинуться... хозяйство, охота, земскія дрязги, сплетни—вотъ и все, о чемъ они говорятъ... Впрочемъ, одинъ есть... кандидатъ на судебныя должности Бенковскій... молодой и очень образованный. Ты помнишь Бенковскихъ? Подожди! Кажется, ѣдетъ.

— Кто ѣдетъ... этотъ Бенковскій?—спросилъ Ипполитъ Сергѣевичъ.

Его вопросъ почему-то разсмѣшилъ сестру; смѣясь, она встала со стула и сказала какимъ-то новымъ голосомъ:

— Варенька!

— А!

— Посмотримъ, что ты о ней скажешь... Здѣсь она всѣхъ побѣдила. Но какой же это уродъ съ духовной стороны! А впрочемъ — вотъ самъ увидишь!

— Не хотѣлъ бы,—равнодушно заявилъ онъ, потягиваясь въ своемъ креслѣ.

— Я сейчасъ вернусь,—сказала Елизавета Сергѣевна, уходя изъ комнаты.

— А она безъ тебя явится,—обезпокоился онъ.—Не уходи пожалуйста, лучше я уйду!

— Да я сейчасъ же! — крикнула ему сестра изъ комнатъ.

Онъ поморщился и остался въ своемъ креслѣ, глядя въ паркъ. Откуда-то доносился быстрый топотъ лошади и шорохъ колесъ о землю.

Передъ глазами Ипполита Сергѣевича стояли ряды старыхъ корявыхъ липъ, кленовъ и дубовъ, окутанные сумракомъ вечера. Ихъ узловатыя вѣтви переплелись другъ съ другомъ, образовавъ вверху густой навѣсъ пахучей зелени, и всѣ они, дряхлые отъ времени, съ потрескавшейся корой, съ обломанными сучьями, казались живой и дружной семьей существъ, тѣсно сплоченныхъ стремленіемъ вверхъ, къ свѣту. Но кора ихъ стволовъ была сплошь покрыта желтымъ налетомъ плѣсени, у корней густо разросся молодятникъ и отъ этого на старыхъ мощныхъ деревьяхъ было много засохшихъ вѣтвей, висѣвшихъ въ воздухѣ безжизненными скелетами.

Ипполитъ Сергѣевичъ смотрѣлъ на нихъ и чувствовалъ желаніе уснуть тутъ въ креслѣ, подъ дыханіемъ стараго парка.

Между стволовъ и вѣтвей просвѣчивали багровыя пятна горизонта и на его яркомъ фонѣ деревья казались еще болѣе мрачными, истощенными. По аллеѣ, уходившей отъ террасы въ сумрачную даль, медленно двигались густыя тѣни и съ каждой минутой росла тишина, навѣвая какія-то смутныя фантазіи. Воображеніе Ипполита Сергѣевича, поддаваясь чарамъ вечера, рисовало изъ тѣней силуэтъ одной знакомой женщины и его самого рядомъ съ ней. Они молча шли вдоль по аллеѣ туда, вдаль, она прижималась къ нему, и онъ чувствовалъ теплоту ея тѣла.

— Здравствуйте! — раздался густой грудной голосъ.

Онъ вскочилъ на ноги и оглянулся, немного смущенный.

Предъ нимъ стояла дѣвушка средняго роста въ сѣромъ платьѣ, на головѣ у нея было накинуто что-то бѣлое и воздушное, какъ фата невѣсты—это все, что онъ замѣтилъ въ первое мгновенье.

Она протягивала ему руку, спрашивая:

— Ипполитъ Сергѣевичъ, да? Олесова... я уже знала, что вы пріѣдете сегодня, и явилась посмотрѣть, какой вы. Никогда не видала ученыхъ и... не знала, что они могутъ быть такіе.

Его руку крѣпко пожимала сильная и горячая маленькая ручка, а онъ, немного растерявшись подъ этимъ неожиданнымъ натискомъ, молча кланялся ей, сердился на себя за свое смущеніе и думалъ, что когда онъ взглянетъ ей въ лицо, то на немъ увидитъ откровенное и грубое кокетство. Но взглянувъ, онъ увидалъ большіе, темные глаза, они простодушно и ласково улыбались, освѣщая красивое лицо. Ипполитъ Сергѣевичъ вспомнилъ, что такое же лицо, гордое здоровой красотой, онъ видѣлъ на одной старой итальянской картинѣ. Такой же маленькій ротъ съ пышными губками, такой же лобъ, выпуклый и высокій, и огромные глаза подъ нимъ.

— Позвольте... я скажу, чтобъ дали огня... пожалуйста, садитесь,—попросилъ онъ ее.

— Да вы не безпокойтесь, я вѣдь здѣсь какъ дома...—сказала она, садясь въ его кресло.

Онъ сталъ у стола противъ нея и смотрѣлъ на нее, чувствуя, что это неловко и что ему нужно говорить. Но она, нимало не смущаясь подъ его пристальнымъ взглядомъ, говорила сама. Она спрашивала его, какъ онъ доѣхалъ, нравится ли ему деревня, долго ли онъ тутъ проживетъ; онъ односложно отвѣчалъ ей, и въ головѣ его мелькали какія-то отрывочныя мысли. Онъ былъ точно оглушенъ ударомъ, и умъ его, всегда ясный,

теперь смутился предъ силой внезапно и хаотически взволнованныхъ чувствъ. Восхищеніе предъ ней боролось въ немъ съ раздраженіемъ на себя и любопытство—съ чѣмъ-то близкимъ къ боязни. А эта цвѣтущая здоровьемъ дѣвушка сидѣла противъ него, откинувшись на спинку кресла, плотно обтянутая матеріей своего костюма, позволявшаго видѣть пышныя формы ея плечъ, груди и торса, и звучнымъ голосомъ, полнымъ властныхъ нотъ, говорила ему какіе-то пустяки, обычные при первой встрѣчѣ незнакомыхъ людей. Ея темно-каштановые волосы красиво вились, а глаза и брови были темнѣе волосъ. На ея смуглой шеѣ около розоваго и прозрачнаго уха трепетала кожа, обнаруживая быстрое движеніе крови въ ея жилахъ, на подбородкѣ являлась ямка всякій разъ, когда улыбка открывала ея бѣлые мелкіе зубы, и отъ каждой складки ея платья вѣяло раздражающимъ соблазномъ. Было нѣчто хищное въ изгибѣ ея носа и въ мелкихъ зубахъ, блестѣвшихъ изъ-за сочныхъ губъ, а ея поза, полная непринужденной прелести, напоминала о граціи сытыхъ и избалованныхъ кошекъ.

Ипполиту Сергѣевичу казалось, что онъ раздвоился: одна половина его существа поглощена этой чувственной красотой и рабски созерцаетъ ее, другая механически отмѣчаетъ состояніе первой и чувствуетъ, что утратила власть надъ ней. Онъ отвѣчалъ на вопросы этой дѣвушки и самъ о чемъ-то спрашивалъ ее, будучи не въ состояніи оторвать глазъ отъ ея соблазнительной фигуры. Онъ уже назвалъ ее про-себя роскошной самкой и внутренно усмѣхнулся надъ собой, но это не уничтожило его раздвоенія.

Такъ продолжалось до той поры, пока на террасѣ не явилась его сестра съ возгласомъ:

— Скажите, какая ловкая! Я ее ищу тамъ, а она уже...

— Я обошла паркомъ...

— Познакомились?

— О, да! Я думала, что Ипполитъ Сергѣевичъ по крайней мѣрѣ лысый!

— Налить тебѣ чаю?

— Пожалуй, налей.

Ипполитъ Сергѣевичъ отошелъ въ сторону отъ нихъ и сталъ у лѣстницы, спускавшейся въ паркъ. Онъ провелъ рукой по лицу и потомъ пальцами по глазамъ, точно стиралъ пыль съ лица и глазъ. Ему стало стыдно передъ собой за то, что онъ поддался взрыву чувства, а этотъ стыдъ скоро уступилъ мѣсто раздраженію противъ дѣвушки. Онъ назвалъ про-себя сцену съ ней казацкой атакой на жениха, и ему захотѣлось заявить ей о себѣ, какъ о человѣкѣ, вполнѣ равнодушномъ къ ея вызывающей красотѣ.

— Я ночую у тебя и завтра пробуду весь день...— говорила она его сестрѣ.

— А какъ же Василій Степановичъ?—удивленно спросила сестра.

— У насъ гоститъ тётя Лучицкая, она съ нимъ и повозится... Ты знаешь, папа очень любитъ ее...

— Извините меня,—сухо сказалъ Ипполитъ Сергѣевичъ,—я очень утомленъ и пойду отдохну...

Онъ поклонился и пошелъ, а вслѣдъ ему раздалось одобрительное восклицаніе Вареньки:

— Вамъ давно слѣдовало это сдѣлать!

Въ тонѣ ея восклицанія онъ услыхалъ только добродушіе, но опредѣлилъ его, какъ заискивающее, фальшивое.

Для него была приготовлена комната, служившая кабинетомъ мужу сестры. Среди нея стоялъ тяжелый и неуклюжій письменный столъ, передъ нимъ дубовое кресло, у одной изъ стѣнъ, почти во всю длину ея, развалился широкій и обтрепанный турецкій диванъ, у другой—фисгармонія и два шкапа съ книгами. Нѣсколько большихъ мягкихъ стульевъ, курительный

столикъ у дивана и шахматный у окна дополняли меблировку комнаты. Потолокъ комнаты было низокъ и закопченъ, со стѣнъ смотрѣли темныя пятна какихъ-то картинъ и гравюръ въ грубыхъ золоченыхъ рамахъ — все было тяжело, старо и издавало непріятный запахъ. На столѣ стояла большая лампа подъ голубымъ колпакомъ и свѣтъ отъ нея падалъ на полъ.

Ипполитъ Сергѣевичъ остановился на границѣ этого свѣтлаго круга и, испытывая непріятное чувство смутной тревоги, смотрѣлъ на окна комнаты. Ихъ было два и за ними въ сумракѣ вечера рисовались темные силуэты деревьевъ. Онъ подошелъ и растворилъ оба окна. Тогда комната наполнилась запахомъ цвѣтущей липы и вмѣстѣ съ нимъ влетѣлъ веселый взрывъ здороваго грудного смѣха.

На диванѣ ему приготовлена была постель, она занимала немного больше половины дивана. Онъ посмотрѣлъ на нее и сталъ развязывать галстукъ, но потомъ рѣзкимъ движеніемъ толкнулъ кресло къ окну и сѣлъ въ него, нахмурившись.

Ощущеніе этой непонятной тревоги смущало его умъ и раздражало его. Чувство недовольства собой рѣдко являлось въ немъ, но и являясь, никогда не охватывало его сильно и надолго — онъ умѣлъ быстро справляться съ нимъ. Онъ былъ увѣренъ, что человѣкъ долженъ и можетъ понимать свои эмоціи и развивать или уничтожать ихъ, и когда при немъ говорили о таинственной сложности психической жизни человѣка, онъ, иронически усмѣхаясь, называлъ такія сужденія метафизикой. Тѣмъ хуже было для него теперь чувствовать себя вступившимъ въ кругъ какихъ-то непонятныхъ волненій.

Онъ спрашивалъ себя: неужели встрѣча съ этой здоровой и красивой дѣвушкой — должно быть, очень чувственной и глупой, — неужели эта встрѣча могла такъ странно повліять на него? И, тщательно просмот-

рѣвъ порядокъ впечатлѣній этого дня, онъ долженъ былъ отвѣтить себѣ утвердительно. Да, это такъ, потому что она застала врасплохъ его умъ, потому что онъ сильно утомленъ путешествіемъ и находился въ непривычномъ ему настроеніи мечтательности въ моментъ ея появленія предъ нимъ.

Его нѣсколько успокоило это размышленіе, и тотчасъ же она явилась предъ его глазами въ своей пышной дѣвственной красотѣ. Онъ созерцалъ ее, закрывъ глаза и нервозно вдыхая дымъ своей папиросы, но, созерцая, критиковалъ.

— Въ сущности она,—думалъ онъ,—вульгарна: слишкомъ много крови и мускуловъ въ ея здоровомъ, стройномъ тѣлѣ и мало нервовъ. Ея наивное лицо не интеллигентно, а гордость, сверкающая въ открытомъ взглядѣ ея глубокихъ темныхъ глазъ, — это гордость женщины, убѣжденной въ своей красотѣ и избалованной поклоненіемъ мужчинъ. Сестра говорила, что эта Варенька всѣхъ побѣждаетъ... Конечно, она попытается побѣдить и его. Но онъ пріѣхалъ сюда работать, а не шалить, и она скоро пойметъ это.

— А не много ли я думаю о ней для первой встрѣчи? — мелькнуло у него въ головѣ.

Дискъ луны, огромный и кроваво-красный, поднимался гдѣ-то далеко за деревьями парка: онъ смотрѣлъ изъ тьмы, какъ глазъ чудовища, рожденнаго ею. Неясные звуки носились въ воздухѣ, долетая со стороны деревни. Подъ окномъ въ травѣ порой раздавался шорохъ: должно быть кротъ или ежъ шли на охоту. Гдѣ-то пѣлъ соловей. И луна такъ медленно поднималась на небо, точно роковая необходимость ея движенія была понятна ей и утомляла ее.

Выбросивъ за окно угасшую папиросу, Ипполитъ Сергѣевичъ всталъ, раздѣлся и погасилъ лампу. Тогда въ комнату изъ сада хлынула тьма, деревья подвинулись къ окнамъ, точно желая заглянуть въ нихъ, на

полъ легли двѣ полосы луннаго свѣта, еще слабаго и мутнаго.

Пружины дивана пискливо скрипнули подъ тѣломъ Ипполита Сергѣевича и, охваченный пріятной свѣжестью полотнянаго бѣлья, онъ вытянулся и замеръ, лежа на спинѣ. Скоро онъ уже дремалъ и слышалъ подъ окномъ у себя чьи-то осторожные шаги и густой шопотъ:

— Ма-арья... Ты тутъ? а?

Улыбаясь, онъ заснулъ.

И утромъ, проснувшись въ яркомъ сіяніи солнца, наполнявшемъ комнату, онъ тоже улыбнулся при воспоминаніи о вчерашнемъ вечерѣ и о дѣвушкѣ. Къ чаю онъ явился тщательно одѣтый, сухой и серьезный, какъ и подобало ученому; но, когда онъ увидалъ, что за столомъ сидитъ одна сестра, у него невольно вырвалось:

— А гдѣ же...

Лукавая улыбка сестры остановила его раньше, чѣмъ онъ окончилъ свой вопросъ, и онъ, замолчавъ, сѣлъ къ столу. Елизавета Сергѣевна подробно осмотрѣла его костюмъ, не переставая улыбаться и не обращая вниманія на его невольно сдвинутыя брови. Его злила эта многозначительная улыбка.

— Она давно уже встала, мы съ ней ходили купаться, а теперь она навѣрное въ паркѣ... и должна скоро явиться, — объяснила Елизавета Сергѣевна.

— Какъ ты подробно, — усмѣхнулся онъ. — Пожалуйста, — вели сейчасъ же послѣ чая распаковать мои вещи.

— И вынуть ихъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, этого не надо. Я самъ, а то все перепутаютъ... Тамъ есть для тебя конфеты и книги.

— Спасибо! Это мило... А вотъ и Варенька!

Она явилась въ дверяхъ въ легкомъ бѣломъ платьѣ, пышными складками падавшемъ съ ея плечъ къ но-

гамъ. Костюмъ ея былъ похожъ на дѣтскую блузу, и сама она въ немъ смотрѣла ребенкомъ. Остановившись на секунду въ дверяхъ, она спросила:

— А развѣ вы ждали меня? — и безшумно, какъ облако, подошла къ столу.

Ипполитъ Сергѣевичъ молча поклонился ей и, пожимая ея руку, обнаженную до локтя, ощутилъ нѣжный ароматъ фіалокъ, исходившій отъ нея.

— Вотъ надушилась! — воскликнула Елизавета Сергѣевна.

— Развѣ больше, чѣмъ всегда? Вы любите духи, Ипполитъ Сергѣевичъ? Я — ужасно! Когда есть фіалки, я каждое утро послѣ купанья рву ихъ и растираю въ рукахъ, это я научилась еще въ прогимназіи... А вамъ нравятся фіалки?

Онъ пилъ чай и не смотрѣлъ на нее, но чувствовалъ ея глаза на своемъ лицѣ.

— Я, правда, никогда не думалъ надъ тѣмъ, нравятся онѣ мнѣ или нѣтъ, — пожавъ плечами, сухо сказалъ онъ, но взглянувъ на нее, невольно улыбнулся.

Оттѣненное снѣжно-бѣлой матеріей ея платья, лицо у нея горѣло пышнымъ румянцемъ и глубокіе глаза сверкали ясной радостью. Здоровьемъ, свѣжестью, безсознательнымъ счастьемъ вѣяло отъ нея. Она была хороша, какъ ясный майскій день на сѣверѣ.

— Не думали? — воскликнула она... — Но какъ же, — вѣдь вы ботаникъ.

— А не цвѣтоводъ, — кратко пояснилъ онъ и, недовольно подумавъ, что, пожалуй, это грубо, отвелъ глаза свои въ сторону отъ ея лица.

— А ботаника и цвѣтоводство не одно и то же? — спросила она, помолчавъ.

Его сестра, не стѣсняясь, засмѣялась. А онъ вдругъ почувствовалъ, что этотъ смѣхъ почему-то коробитъ его, и съ сожалѣніемъ воскликнулъ про-себя:

— Да она глупа!

Но потомъ, поясняя ей разницу между ботаникой и цвѣтоводствомъ, онъ смягчилъ свой приговоръ, что она только невѣжда. Слушая его толковую и серьезную рѣчь, она смотрѣла на него глазами внимательной ученицы, и это нравилось ему. Говоря, онъ часто переводилъ глаза съ ея лица на лицо сестры и во взглядѣ ея, неподвижно стоявшемъ на лицѣ Вареньки, видѣлъ жадную зависть. Это мѣшало ему говорить, вызывая у него чувство, родственное презрѣнію къ сестрѣ.

— Да-а, — протянула дѣвушка, — вотъ какъ это! А что, ботаника интересная наука?

— Гмъ! Видите ли, на науки нужно смотрѣть съ точки зрѣнія той пользы, которую онѣ приносятъ людямъ, — объяснилъ онъ со вздохомъ. Ея неразвитость при ея красотѣ все усиливала въ немъ сожалѣніе къ ней. А она, задумчиво стуча ложкой по краю своей чашки, спрашивала его:

— Какая же можетъ быть польза отъ того, что вы узнаете, какъ растетъ репей?

— Та же, которую мы извлекаемъ, изучая явленія жизни въ какомъ-нибудь одномъ человѣкѣ.

— Человѣкъ и репей... — улыбнулась она. — Развѣ одинъ человѣкъ живетъ, какъ всѣ?

Ему было странно, что этотъ неинтересный разговоръ не утомляетъ его.

— Развѣ я ѣмъ и пью такъ же, какъ мужики? — серьезно, сдвигая брови, продолжала она. И развѣ многіе живутъ такъ, какъ я?

— Какъ вы живете? — спросилъ онъ, предчувствуя, что этотъ вопросъ измѣнитъ тему разговора. Ему хотѣлось этого, потому что къ зависти во взглядѣ сестры на Вареньку теперь прибавилось еще что-то злое и насмѣшливое.

— Какъ я живу? — вдругъ вспыхнула дѣвушка. — Хорошо! — и она даже закрыла глаза отъ удовольствія. Знаете, я просыпаюсь утромъ и, если день ясный, мнѣ

становится сразу же ужасно весело! Точно мнѣ подарили что-то дорогое и красивое, такое, что я давно хотѣла имѣть... Бѣгу купаться — у насъ рѣка на ключахъ — вода холодная, такъ и щиплетъ тѣло! Есть очень глубокія мѣста, и я туда прямо съ берега внизъ головой — бухъ! Такъ всю и обожжетъ... летишь въ воду, какъ въ пропасть, и въ головѣ шумитъ... Вынырнешь, вырвешься изъ воды, а солнце смотритъ на тебя и смѣется! Потомъ иду лѣсомъ домой, наберу цвѣтовъ, надышусь лѣснымъ воздухомъ допьяна; приду — чай готовъ! Пью чай, а предо мной стоятъ цвѣты... и солнце на меня смотритъ... Ахъ, если бы вы знали, какъ я люблю солнце! Потомъ наступаетъ день и начинаются хлопоты по хозяйству... у насъ всѣ меня любятъ, сразу понимаютъ, слушаются, — и все кружится колесомъ вплоть до вечера... потомъ солнце заходитъ, луна, звѣзды являются... до чего это все хорошо и какъ ново всегда! Вы понимаете! Я не умѣю понятно сказать... почему такъ хорошо жить... Но, можетъ быть, вы чувствуете это и сами, да? Вѣдь вамъ понятно, почему жизнь такая хорошая, интересная?

— Да... конечно! — подтвердилъ онъ, готовый рукой стереть съ лица сестры ея ехидную улыбку.

Онъ посмотрѣлъ на Вареньку и не мѣшалъ себѣ любоваться ею, трепещущей отъ желанія передать ему силу наполняющаго ея существо ликованія, но этотъ ея восторгъ повышалъ его жалость къ ней до степени ощущенія болѣзненно-остраго. Онъ видѣлъ предъ собой существо, упоенное прелестью растительной жизни, полное грубой поэзіи, ошеломляюще-красивое, но необлагороженное умомъ.

— А зима? Любите вы зиму? Она вся бѣлая, здоровая, задорная, вызывающая бороться съ ней...

Рѣзкій звонокъ перебилъ ея рѣчь. Звонила Елизавета Сергѣевна, и когда въ комнату влетѣла высокая

дѣвушка съ круглымъ добрымъ лицомъ и плутоватыми глазами, она сказала ей утомленнымъ голосомъ:

— Убирайте посуду, Маша.

Потомъ озабоченно начала ходить по комнатѣ, громко шаркая ногами.

Все это нѣсколько отрезвило увлеченную дѣвушку; она повела плечами, какъ бы стряхивая съ нихъ что-то, и немножко смущенная, спросила Ипполита Сергѣевича:

— Я надоѣла вамъ своими розсказнями?

— Ну, что это вы! — протестовалъ онъ.

— Нѣтъ, серьезно, — я показалась вамъ глупой? — добивалась она.

— Но почему же?! — воскликнулъ Иполлитъ Сергѣевичъ и удивился, что это у него вышло такъ горяче и искренно.

— Я дикая... т.-е. необразованная... — извинялась она. — Но я очень рада говорить съ вами... потому что вы ученый и такой... не такой, какимъ я васъ себѣ представляла.

— А вы какъ представляли себѣ меня? — освѣдомился онъ, улыбаясь.

— Я думала, вы все будете говорить разныя мудрости... отчего, да какъ, да это не такъ, а вотъ этакъ, и всѣ глупы, а я одинъ умница... У папы гостилъ товарищъ, тоже полковникъ, какъ и папа, и тоже ученый, какъ вы. Но онъ военный ученый... какъ это?... генеральнаго штаба... и онъ былъ ужасно надутый... по-моему, онъ даже ничего и не зналъ, а просто хвастался...

— Вы и меня такимъ же представляли? — спросилъ Ипполитъ Сергѣевичъ.

Она сконфузилась, покраснѣла и, вскочивъ со стула, смѣшно забѣгала по комнатѣ, растерянно говоря:

— Ахъ, какъ вы... ну, развѣ я могла...

— Ну, вотъ что, милыя мои дѣти... — глядя на нихъ

прищуренными глазами, заявила Елизавета Сергѣевна, —я пойду кое-чѣмъ заняться по хозяйству, а васъ ужъ... оставляю на волю Божію!

И, засмѣявшись, она исчезла, шумя юбками. Ипполитъ Сергѣевичъ укоризненно посмотрѣлъ ей вслѣдъ и подумалъ, что нужно будетъ поговорить съ ней о ея манерѣ держаться по отношенію къ этой, въ сущности, очень милой, только неразвитой дѣвушкѣ.

— Знаете что — хотите кататься въ лодкѣ? Доѣдемъ до лѣса, тамъ пойдемъ гулять и къ обѣду вернемся. Идетъ? Я ужасно рада, что сегодня такой ясный день и я не дома... А то у папы опять разыгралась подагра и мнѣ пришлось бы возиться съ нимъ. А папа капризный, когда боленъ...

Онъ, удивленный ея откровеннымъ эгоизмомъ, не сразу отвѣтилъ ей согласіемъ, а когда отвѣтилъ, то вспомнилъ то намѣреніе, которое возникло у него вчера, съ которымъ онъ вышелъ сегодня поутру изъ своей комнаты. Но пока вѣдь она не даетъ основаній для того, чтобы заподозрить ее въ желаніи побѣдить его сердце? Въ ея рѣчахъ можно видѣть все, кромѣ кокетства. И, наконецъ, почему же не провести одинъ день съ такой... несомнѣнно оригинальной дѣвушкой?

— А вы умѣете грести? Плохо... это ничего, я буду сама, я сильная. А лодка легкая такая. Идемте!

Они вышли на террасу и спустились въ паркъ. Рядомъ съ его длинной и худой фигурой она казалась ниже ростомъ и полнѣе. Онъ предложилъ было ей руку, но она отказалась.

— Зачѣмъ? Это хорошо, когда устанешь, а такъ только мѣшаетъ идти...

Онъ улыбался, глядя на нее черезъ свои очки, и шелъ, соразмѣряя свои шаги съ ея шагами, что ему очень нравилось. Походка у нея была легкая и красивая, — ея бѣлое платье плыло вокругъ ея стана, не колыхаясь ни одной складкой. Въ одной рукѣ она держала зонтъ,

другой свободно и красиво жестикулировала, разсказывая ему о красотѣ окрестностей деревни. Эта рука, по локоть обнаженная, сильная и смуглая, покрытая золотистымъ пухомъ, двигаясь въ воздухѣ, заставляла глаза Ипполита Сергѣевича внимательно слѣдить за ней... И опять у него въ темной глубинѣ души трепетала непонятная, смутная тревога предъ чѣмъ-то. Онъ старался уничтожить ее, спрашивая себя: что побуждаетъ его идти за этой дѣвушкой? и отвѣчалъ себѣ:—любопытство, спокойное и чистое желаніе созерцать ея красоту.

— Вотъ и рѣка! Идите и садитесь въ лодку, а я сейчасъ достану вёсла...

И она исчезла среди деревьевъ, прежде чѣмъ онъ успѣлъ попросить ее указать ему, гдѣ можно найти вёсла.

Въ неподвижной, холодной водѣ рѣки отражались деревья внизъ вершинами; онъ сѣлъ въ лодку и смотрѣлъ на нихъ. Эти призраки были пышнѣе и красивѣе живыхъ деревьевъ, стоявшихъ на берёгу, осѣняя воду своими изогнутыми и корявыми вѣтвями. Отраженіе облагораживало ихъ, стушевывая уродливое и создавая въ водѣ яркую и гармоничную фантазію, на мотивахъ убогой, изуродованной временемъ дѣйствительности.

Любуясь призрачной картиной, окруженной тишиной и блескомъ еще не жаркаго солнца, вдыхая вмѣстѣ съ воздухомъ пѣсни жаворонковъ, полныя счастья жить, Ипполитъ Сергѣевичъ ощущалъ въ себѣ возникновеніе новаго для него и пріятнаго чувства покоя, ласкавшаго умъ, усыпляя его постоянное и мятежное стремленіе понимать и объяснять. Тихій миръ царилъ вокругъ, листъ не трепеталъ на деревѣ, и въ этомъ мірѣ неустанно совершалось безмолвное творчество природы, беззвучно созидалась жизнь, всегда поражаемая смертью, но непобѣдимая, и тихо работала смерть, все поражая, но не одерживая побѣды. А голубое небо сіяло торжественной красотой.

На фонѣ картины въ водѣ рѣки явилась бѣлая красавица съ ласковой улыбкой на лицѣ. Она стояла тамъ съ веслами въ рукахъ, точно приглашая идти къ ней, молчаливая, прекрасная и казалась отраженной съ неба.

Ипполитъ Сергѣевичъ зналъ, что это вышла изъ парка Варенька и что она смотритъ на него, но ему не хотѣлось разрушать свое очарованіе ни звукомъ, ни движеніемъ.

— Скажите, какой вы мечтатель! — раздалось въ воздухѣ удивленное восклицаніе.

Тогда онъ, съ сожалѣніемъ отвернувшись отъ воды, взглянулъ на дѣвушку, живую и плавно спускавшуюся къ берегу по крутой дорожкѣ изъ парка.

И его сожалѣніе исчезло при взглядѣ на нее, ибо эта дѣвушка и въ дѣйствительности была чарующе-хороша.

— Вотъ ужъ нельзя подумать, что вы любите мечтать! У васъ лицо такое строгое, серьезное... Вы будете править; хорошо? Мы поѣдемъ вверхъ по теченію... тамъ красивѣе... и вообще противъ теченія интереснѣе ѣхать, потому что гребешь, двигаешься, чувствуешь себя...

Оттолкнутая отъ берега лодка лѣниво закачалась на сонной водѣ, но сильный ударъ веселъ сразу поставилъ ее вдоль берега, и перевалившись съ борта на бортъ подъ вторымъ ударомъ, она легко скользнула впередъ.

— Мы поѣдемъ подъ горнымъ берегомъ, потому что тутъ тѣнь... — говорила дѣвушка, разбивая воду ловкими ударами. Только здѣсь слабое теченіе... а вотъ на Днѣпрѣ — у тёти Лучицкой тамъ имѣніе — тамъ, я вамъ скажу, ужасъ! Такъ и рветъ вёсла изъ рукъ... Вы не видали пороговъ на Днѣпрѣ?...

— Только пороги дверей... — попытался сострить Ипполитъ Сергѣевичъ.

— Я ѣздила черезъ нихъ, — смѣясь говорила она. — Хорошо! Однажды чуть не разбила лодку, непремѣнно утонула бы тогда...

— Ну, это ужъ было бы не хорошо, — серьезно сказалъ Ипполитъ Сергѣевичъ.

— А что же? Я нисколько не боюсь смерти... хотя и люблю жить. Можетъ быть, и тамъ тоже интересно, какъ на землѣ...

— А можетъ быть, тамъ ничего нѣтъ... — съ любопытствомъ взглянувъ на нее, сказалъ онъ.

— Ну какъ же нѣтъ! — убѣжденно воскликнула она. —Конечно, есть!

Онъ рѣшилъ не мѣшать ей—пускай философствуетъ, въ удобный моментъ онъ остановитъ ее и заставитъ ее развернуть передъ нимъ весь бѣдный мірокъ ея представленій. Она сидѣла противъ него, упираясь маленькими ножками въ перекладину, прибитую къ дну лодки, и съ каждымъ ударомъ веселъ отклоняла свой корпусъ назадъ. Тогда подъ легкой матеріей ея платья рельефно обрисовывалась дѣвичья грудь, высокая, упругая, вздрагивавшая отъ движеній.

— Она не носитъ корсета, — подумалъ Ипполитъ Сергѣевичъ, опуская глаза внизъ. Но тамъ они остановились на ея ножкахъ. Упираясь въ дно лодки, онѣ напрягались и тогда были видны ихъ контуры до колѣнъ.

— Что она — нарочно, что ли, надѣла это дурацкое платье? — съ раздраженіемъ подумалъ онъ и отвернулся, разсматривая высокій берегъ.

Паркъ миновали и теперь плыли подъ крутымъ обрывомъ; съ него свѣшивались кудрявые стебли гороха, плети тыквъ съ ихъ бархатными листьями, большіе желтые круги подсолнуховъ, стоя на краю обрыва, смотрѣли въ воду. Другой берегъ, низкій и ровный, тянулся куда-то вдаль, къ зеленымъ стѣнамъ лѣса и былъ густо покрытъ травой, сочной и яркой; изъ нея ласково смотрѣли на лодку милые, какъ дѣтскіе глазки,

голубые и синіе цвѣты. И впереди стоялъ темно-зеленый лѣсъ — и рѣка вонзалась въ него, какъ кусокъ холодной стали.

— Вамъ не жарко? — спросила Варенька.

Онъ взглянулъ на нее и почувствовалъ себя сконфуженнымъ: — на лбу у нея подъ короной вьющихся волосъ блестѣли капельки пота, а грудь поднималась часто и высоко.

— Простите, пожалуйста! — съ раскаяніемъ воскликнулъ онъ. — Я засмотрѣлся... вы утомились... дайте же мнѣ вёсла!

— Вотъ ужъ не дамъ! Вы думаете, я устала? Это даже обидно мнѣ! Мы и двухъ верстъ не проѣхали... Нѣтъ, ужъ вы сидите... сейчасъ пристанемъ и пойдемъ гулять.

По лицу ея было видно, что съ ней безполезно спорить, и онъ, досадливо пожавъ плечами, замолчалъ, съ неудовольствіемъ думая про-себя:

— Очевидно, она меня считаетъ слабымъ.

— Видите — вотъ это къ намъ дорога, — указала она ему на берегъ кивкомъ головы. — Здѣсь бродъ черезъ рѣку, и до насъ отсюда четырнадцать верстъ. У насъ тоже хорошо, красивѣе, чѣмъ въ вашей Полкановкѣ.

— Вы и зиму живете въ деревнѣ? — спросилъ онъ.

— А какъ же? Вѣдь я веду все хозяйство, папа не встаетъ съ кресла... Его возятъ по комнатамъ.

— Но, должно быть, скучно вамъ жить такъ?

— Почему же? У меня ужасно много дѣла... а помощникъ одинъ — Никонъ, денщикъ папы. Онъ уже старикъ и тоже пьетъ, но страшный силачъ и знаетъ свое дѣло. Мужики его боятся... онъ бьетъ ихъ и они тоже разъ какъ-то сильно побили его... очень сильно! Онъ замѣчательно честенъ и преданъ намъ съ папой... любитъ насъ, какъ собака! Я тоже его люблю. Вы, можетъ быть, читали одинъ романъ, гдѣ есть герой, араб-

скій офицеръ, графъ Луи Граммонъ, и у него тоже денщикъ Сади-Коко?

— Не читалъ, — скромно сознался молодой ученый.

— Прочитайте непремѣнно — это хорошій романъ, — увѣренно посовѣтовала она ему. — Я Никона, когда онъ угодитъ мнѣ, называю Сади-Коко. Сначала онъ сердился на меня за это, но я однажды прочитала ему этотъ романъ, и теперь онъ знаетъ, что для него лестно быть похожимъ на Сади-Коко.

Ипполитъ Сергѣевичъ смотрѣлъ на нее такъ, какъ европеецъ смотритъ на тонко выполненную, но фантастически-уродливую статуэтку китайца — со смѣсью удивленія, сожалѣнія и любопытства. А она съ жаромъ разсказывала ему о подвигахъ Сади-Коко, полныхъ беззавѣтной преданности къ графу Луи Граммону.

— Простите, Варвара Васильевна, — перебилъ онъ ея рѣчь, — а романы русскихъ авторовъ вы читали?

— О, да! Но я не люблю ихъ — скучные они, прескучные! И пишутъ все такое, что я сама знаю не хуже ихъ. Они не умѣютъ выдумывать ничего интереснаго и у нихъ почти все правда.

— А развѣ вы не любите правды? — ласково спросилъ Ипполитъ Сергѣевичъ.

— Ахъ, да нѣтъ же! Я всѣмъ говорю правду въ глаза и...

Она замолчала, подумала и спросила:

— А что же тутъ любить? Это моя привычка, какъ же ее любить?

Онъ ничего не успѣлъ сказать ей на это, потому что она быстро и громко командовала ему:

— Правьте налѣво... скорѣе! Вонъ къ этому дубу... Ай, какой вы неловкій!

Лодка не слушалась его руки и шла къ берегу бортомъ, хотя онъ съ напряженіемъ ворочалъ воду своимъ весломъ.

— Ничего, ничего,— говорила она и, вдругъ поднявшись на ноги, прыгнула черезъ бортъ.

Ипполитъ Сергѣевичъ глухо вскрикнулъ, бросивъ весло и простирая за ней руки, но она невредима стояла на берегу, держа цѣпь лодки въ рукахъ и виновато спрашивая его:

— Я испугала васъ?

— Я думалъ, что вы упадете въ воду, — тихо сказалъ онъ.

— Да развѣ можно тутъ упасть? И ктому же тутъ не глубоко,—оправдывалась она, опустивъ глаза и подводя лодку къ берегу. А онъ, сидя на кормѣ, думалъ, что это нужно бы сдѣлать ему.

— Видите, какой лѣсъ?—говорила она, когда онъ вышелъ на берегъ и сталъ рядомъ съ ней. —Хорошо вѣдь? Тамъ около Петербурга нѣтъ такихъ красивыхъ лѣсовъ?

Передъ ними лежала узкая дорога, огражденная съ обѣихъ сторонъ стволами разнородныхъ деревьевъ. Подъ ногами у нихъ простирались узловатые корни, избитые колесами телѣгъ, а надъ ними—густой шатеръ изъ вѣтвей и гдѣ-то высоко голубые клочья неба. Лучи солнца, тонкіе, какъ струны, трепетали въ воздухѣ, пересѣкая наискось этотъ узкій, зеленый коридоръ. Запахъ перегнившихъ листьевъ, грибовъ и березы окружалъ ихъ. Мелькали птицы, нарушая важную тишину лѣса оживленными пѣснями и хлопотливымъ щебетаньемъ. Гдѣ-то стучалъ дятелъ, жужжала пчела и, какъ будто указывая имъ дорогу, въ воздухѣ, впереди нихъ, порхали два мотылька, преслѣдуя одинъ другого.

Они шли медленно. Ипполитъ Сергѣевичъ молчалъ, не мѣшая Варенькѣ искать слова для выраженія ея мыслей, а она горячо говорила ему:

— Я не люблю читать о мужикахъ; что можетъ быть интереснаго въ ихъ жизни? Я знаю ихъ, живу съ ними и вижу, что о нихъ пишутъ невѣрно, не-

правду. Они такими жалкими описываются, а они просто подлые, и ихъ совсѣмъ не за что жалѣть. Они только одного и хотятъ—надуть васъ, украсть у васъ что-нибудь. Клянчатъ всегда, ноютъ, гадкіе, грязные... и они вѣдь умные, о! они даже очень хитрые; какъ они мучатъ меня иногда, если бъ вы знали!

Теперь она горячилась и на лицѣ ея выразилось озлобленіе и скука. Очевидно, мужики занимали въ ея жизни много мѣста; она доходила до ненависти, рисуя ихъ. Ипполитъ Сергѣевичъ былъ изумленъ силой ея волненія, но, не желая слушать эти барскія выходки, перебилъ дѣвушку:

— Вы говорили о французскихъ писателяхъ...

— Ахъ, да! То-есть о русскихъ—поправила она его, успокоиваясь.—Вы спрашиваете—почему русскіе пишутъ хуже,—это ясно! потому что они не выдумываютъ ничего интереснаго. У французовъ герои настоящіе, они и говорятъ не такъ, какъ всѣ люди, и поступаютъ иначе. Они всегда храбрые, влюбленные, веселые... а у насъ герои—простые человѣчки, безъ смѣлости, безъ пылкихъ чувствъ, какіе-то некрасивые, жалкенькіе—самые настоящіе люди и больше ничего! Почему они герои? Никогда въ русской книжкѣ не поймешь этого. Русскій герой какой-то глупый и мѣшковатый, всегда ему тошно, всегда онъ думаетъ о чемъ-то непонятномъ и всѣхъ жалѣетъ, а самъ-то жалкій-прежа-алкій! Подумаетъ, поговоритъ, пойдетъ объясняться въ любви, потомъ опять думаетъ, пока не женится... а женится—наговоритъ женѣ кислыхъ глупостей и броситъ ее... Что въ этомъ интереснаго? Меня даже злитъ это, потому что похоже на обманъ—вмѣсто героя всегда какое-то чучело торчитъ въ романѣ! И никогда, читая русскую книжку, не забудешь о настоящей жизни,—развѣ это хорошо? А читаешь сочиненіе француза—дрожишь за героевъ, жалѣешь ихъ, ненавидишь, хочешь драться, когда они дерутся, плачешь, когда погибаютъ... страстно

ждешь, когда кончится романъ, а когда прочтешь его—чуть не плачешь съ досады, что уже все. Тутъ—живешь, а въ русскихъ книжкахъ совсѣмъ непонятно—зачѣмъ живутъ люди? Зачѣмъ писать книжки, если не можешь сказать ничего необыкновеннаго? Странно, право!

— На это многое можно возразить вамъ, Варвара Васильевна,—остановилъ онъ бурный потокъ ея рѣчей.

— Что же, возражайте!— разрѣшила она съ улыбкой. —Вы, конечно, разнесете меня.

— Постараюсь. Прежде всего, какихъ вы русскихъ авторовъ читали?

— Разныхъ... впрочемъ, всѣ они одинаковые. Вотъ, напримѣръ, Сальясъ... онъ подражаетъ французамъ, но плохо. Впрочемъ, и у него русскіе герои, а развѣ о нихъ можно писать интересно? Еще многихъ читала—Мордовцева, Маркевича, Пазухина, кажется—вы смотрите, даже по одной фамиліи уже видно, что онъ не можетъ хорошо писать! Вы его не читали? А читали ли вы Фортюнэ-де-Буагобэя? Понсонъ-де-Терайля? Арсена Гуссэ? Пьера Законнэ? Дюма, Габоріо, Борна? Какъ хорошо, Боже мой! Подождите... знаете что? Мнѣ въ романахъ больше всего нравятся злодѣи, тѣ, которые такъ ловко плетутъ разныя ехидныя сѣти, убиваютъ, отравляютъ... умные они, сильные... и когда, наконецъ, ихъ ловятъ—меня зло беретъ, даже до слезъ дохожу. Всѣ ненавидятъ злодѣя, всѣ идутъ противъ него—онъ одинъ противъ всѣхъ! Вотъ—герой! А тѣ, другіе, добродѣтельные, становятся гадки, когда они побѣждаютъ... И вообще, знаете, мнѣ люди до той поры нравятся, пока они сильно хотятъ чего-нибудь, куда-нибудь идутъ, ищутъ чего-то, мучатся... но если они дошли до цѣли своей и остановились, тутъ они уже не интересны... и даже пошлы!

Возбужденная и, должно быть, гордая тѣмъ, что сказала ему, она медленно шла рядомъ съ нимъ, красиво поднявъ голову и сверкая глазами.

Онъ смотрѣлъ ей въ лицо и, нервозно покручивая бородку, искалъ такихъ возраженій, которыя сразу сорвали бы съ ея ума эту грубую пелену пыли, покрывавшую его. Но, чувствуя себя обязаннымъ возразить ей, онъ хотѣлъ еще слушать ея наивную и своеобразную болтовню, еще видѣть ее увлеченной своими сужденіями и искренно раскрывающей предъ нимъ свою душу. Онъ никогда не слыхалъ такихъ рѣчей; онѣ были уродливы и невозможны въ его глазахъ, но въ то же время все, что говорила она, какъ нельзя болѣе гармонировало съ ея немного хищной красотой. Предъ нимъ былъ умъ неотшлифованный, оскорблявшій его своею грубостью, и женщина, соблазнительно прекрасная, раздражавшая его чувственность. Эти двѣ силы давили на него всей энергіей своей непосредственности, и нужно было что-нибудь противопоставить имъ, иначе, онъ чувствовалъ—онѣ могли выбить его изъ привычной ему колеи тѣхъ взглядовъ и настроеній, съ которыми онъ спокойно жилъ до встрѣчи съ ней. У него была ясная логика и онъ хорошо спорилъ съ людьми своего круга. Но какъ говорить съ ней и что нужно сказать ей для того, чтобъ вызвать умъ ея на правильный путь и облагородить ея душу, изуродованную глупыми романами и обществомъ мужиковъ, этого солдата, пьяницы-отца?

— Ухъ, какъ я заговорилась!—воскликнула она, вздыхая.—Надоѣло вамъ, да?

— Нѣтъ, но...

— Я, видите ли, рада очень вамъ. Мнѣ до васъ не съ кѣмъ было поговорить. Ваша сестра, я знаю, не любитъ меня и все сердится на меня... должно быть, за то, что я даю водки отцу, и за то, что побила Никона...

— Вы?! Побили! Э... какъ это вы?—изумился Ипполитъ Сергѣевичъ.

— Очень просто, отхлестала его папашиной нагайкой, вотъ и все! Понимаете, молотьба, страшная горячка,

а онъ, скотъ, пьянъ! Я разсердилась! Развѣ онъ смѣетъ напиваться, когда кипитъ работа и вездѣ нуженъ его глазъ? Эти мужики, они...

— Но, послушайте же, Варвара Васильевна,—убѣдительно и какъ только могъ мягче заговорилъ онъ,— развѣ это хорошо бить слугу? Благородно ли это? подумайте! Развѣ тѣ герои, предъ которыми вы преклоняетесь, бьютъ своихъ преданныхъ... Сади-Коко?

— О, еще какъ! Графъ Луи однажды такую пощечину влѣпилъ Коко, что мнѣ даже жалко стало бѣднаго солдатика. И что же я могу дѣлать съ ними, какъ не бить? Хорошо еще, что могу... я вѣдь сильная! Пощупайте, какіе у меня мускулы!

Согнувъ свою руку въ локтѣ, она гордо протянула ее къ нему. Онъ положилъ ладонь на ея тѣло выше локтя и крѣпко сжалъ пальцы, но тотчасъ же опомнился и смущенный, съ краской на лицѣ, оглянулся вокругъ. Всюду безмолвно стояли деревья и только...

Онъ вообще не былъ скроменъ съ женщинами, но эта своей простотой и довѣрчивостью дѣлала его такимъ, хотя и разжигала въ немъ опасное для него чувство.

— У васъ завидное здоровье,—сказалъ онъ, пристально и задумчиво разсматривая маленькую загорѣлую кисть ея руки, перебиравшей складки платья на груди.— И я думаю, что у васъ очень хорошее сердце,—неожиданно для себя вырвалось у него.

— Не знаю!—отозвалась она, качнувъ головой.— Едва ли,—у меня нѣтъ характера: иногда я жалѣю людей, даже тѣхъ, которыхъ не люблю.

— Иногда только?—усмѣхнулся онъ.—Но вѣдь они всегда достойны сожалѣнія и состраданія.

— За что?—спросила она, тоже улыбаясь.

— Развѣ вы не видите, какъ они несчастны? Хотя бы эти ваши мужики. Какъ тяжело имъ живется и сколько несправедливости, горя, мученій въ ихъ жизни?

Это вырвалось у него горячо, и она внимательно взглянула въ лицо ему, говоря:

— Вы, должно быть, очень добрый, если такъ говорите. Но вѣдь вы не знаете мужиковъ, не жили въ деревнѣ. Они несчастны—это вѣрно, но кто же въ этомъ виноватъ? Они вѣдь хитрые и никто имъ не мѣшаетъ сдѣлаться счастливыми.

— Но вѣдь у нихъ даже хлѣба нѣтъ настолько, чтобъ быть сытыми!

— Еще бы! Ихъ вонъ какъ много...

— Да, ихъ много! Но и земли много... ибо есть люди, которые имѣютъ десятки тысячъ десятинъ. У васъ, напримѣръ, сколько?

— Пятьсотъ семьдесятъ три...—Ну, такъ что же? Неужели... ну, слушайте! Неужели имъ отдать?

Она смотрѣла на него взглядомъ взрослаго на ребенка и тихо смѣялась. Его смущалъ и злилъ этотъ смѣхъ. Въ немъ разгоралось желаніе убѣдить ее въ заблужденіяхъ ея ума.

И раздѣльно, даже рѣзко произнося слова, онъ началъ говорить ей о несправедливомъ распредѣленіи богатствъ, о безправіи большинства людей, о роковой борьбѣ за мѣсто въ жизни и за кусокъ хлѣба, о силѣ богатыхъ и безсиліи бѣдныхъ и объ умѣ—руководителѣ жизни, подавленномъ вѣковой неправдой и тьмой предразсудковъ, выгодныхъ сильному меньшинству людей.

Идя рядомъ съ нимъ, она молча, съ любопытствомъ и удивленіемъ смотрѣла на него.

Вокругъ нихъ царила сумрачная тишина лѣса, та тишина, по которой звуки какъ бы скользятъ, не нарушая ея меланхоличной гармоніи. Листья осинъ нервно трепетали, точно дерево нетерпѣливо ожидало чего-то страстно желаемаго.

— Обязанность каждаго честнаго человѣка,—убѣдительно говорилъ Ипполитъ Сергѣевичъ,—внести въ борьбу за порабощенныхъ, за ихъ право жить—весь

свой умъ и все сердце, стараясь или сокращать мученія борьбы, или ускорять ея ходъ. Вотъ на что нуженъ истинный героизмъ, и именно въ этой борьбѣ вы должны искать его. Внѣ ея—нѣтъ героизма. Герои этой борьбы одни достойны удивленія и подражанія... и вамъ, Варвара Васильевна, нужно именно сюда обратить ваше вниманіе, здѣсь искать героевъ, сюда отдать ваши силы... изъ васъ, мнѣ кажется, вышла бы замѣчательно-стойкая защитница правды! Но прежде всего вамъ нужно много читать, учиться понимать жизнь въ ея неприкрашенномъ фантазіями видѣ... нужно бросить всѣ эти глупые романы въ печку...

Онъ замолчалъ и, вытирая потъ со лба, утомленный своей длинной лекціей,—ждалъ, что она скажетъ.

Она смотрѣла вдаль предъ собой, сузивъ свои глаза, и на лицѣ ея дрожали какія-то тѣни. Минутъ пять молчанія разрѣшились ея тихимъ возгласомъ:

— Какъ вы хорошо говорите!... Неужели въ университетѣ всѣ могутъ такъ говорить?

Молодой ученый безнадежно вздохнулъ, и ожиданіе ея отвѣта смѣнилось у него глухимъ раздраженіемъ противъ нея и жалостью къ самому себѣ. Почему она не воспринимаетъ того, что такъ логически ясно для всякаго хоть немного мыслящаго существа? Чего именно не хватаетъ въ его рѣчахъ, почему ея чувство не задѣваютъ онѣ?

— Очень хорошо говорите вы!—вздохнула она, не дожидаясь его отвѣта, и въ глазахъ ея онъ читалъ истинное удовольствіе.

— Но вѣрно ли я говорю?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ!—не задумываясь, отвѣтила дѣвушка.—Вы хотя и ученый, но я съ вами поспорю. Вѣдь и я тоже что-нибудь понимаю!... Вы говорите такъ, что выходитъ... какъ будто люди строятъ домъ и всѣ они въ этой работѣ равны. И даже не они, а все:—и кирпичи, и плотники, и деревья, и хозяинъ дома—все это у васъ

равно одно другому. Но развѣ это можно? Мужикъ—онъ долженъ работать, вы должны учить, а губернаторъ смотрѣть—всѣ ли дѣлаютъ то, что нужно. И потомъ вы сказали, что жизнь борьба... ну, гдѣ же это? Напротивъ, люди очень мирно живутъ. А если ужъ борьба, значитъ—нужны побѣжденные. А общая польза—это я совсѣмъ не понимаю. Вы говорите, что общая польза въ равенствѣ всѣхъ людей. Но это же не вѣрно! Мой папа полковникъ—какъ же онъ равенъ Никону или мужику? И вы—вы ученый, но развѣ вы ровня нашему учителю русскаго языка, который пилъ водку... рыжій, глупый и сморкался громко, какъ мѣдная труба? Ага!

Считая свои доводы неотразимыми, она ликовала, а онъ любовался ея радостнымъ волненіемъ и былъ доволенъ собой за то, что далъ ей эту радость.

Но умъ его старался разрѣшить—почему нетронутая анализомъ, цѣльная мысль, разбуженная имъ, работала въ направленіи, прямо противоположномъ тому, на которое онъ ее толкалъ?

— Вы нравитесь мнѣ, а другой не нравится... гдѣ же равенство?

— Я вамъ нравлюсь?—какъ-то вдругъ спросилъ Ипполитъ Сергѣевичъ.

— Да... очень!—утвердительно кивнула она головой и тотчасъ же спросила:

— А что?

Онъ испугался за себя предъ бездной наивности, смотрѣвшей на него яснымъ взглядомъ.

— Неужели же это ея манера кокетничать?—подумалъ онъ.—Она, кажется, достаточно начиталась романовъ для того, чтобы понимать себя какъ женщину...

— Почему вы спрашиваете объ этомъ?—допытывалась она, глядя въ его лицо любопытными глазами.

Его смущалъ ея взглядъ.

— Почему?—пожалъ онъ плечами.—Это, я думаю,

естественно. Вы женщина... я мужчина...—какъ могъ, спокойно объяснилъ онъ.

— Ну, такъ что же? Все-таки не зачѣмъ вамъ знать. Вѣдь вы не собираетесь жениться на мнѣ!

Она такъ просто сказала это, что онъ даже и не смутился. Ему только показалось, что нѣкая сила, съ которой безполезно бороться въ виду ея слѣпой стихійности, перемѣщаетъ работу его мозга съ одного направленія на другое. И онъ съ оттѣнкомъ игривости сказалъ ей:

— Кто знаетъ?... И потомъ—желаніе нравиться и желаніе жениться или выйти замужъ—не одно и то же... какъ вы, навѣрное, знаете.

Она вдругъ громко расхохоталась, а онъ сразу охладѣлъ подъ ея смѣхомъ и безмолвно проклялъ и себя, и ее. Ея грудь трепетала отъ сочнаго искренняго смѣха, весело сотрясавшаго воздухъ, а онъ молчалъ, виновато ожидая отповѣди за свою игривость.

— Охъ! ну какая... какая же я... была бы жена вамъ! Вотъ смѣшно... какъ страусъ и пчела! Ха, ха, ха!

И онъ тоже засмѣялся, — не надъ ея курьезнымъ сравненіемъ, а надъ своимъ непониманіемъ тѣхъ пружинъ, которыя управляли движеніемъ ея души.

— Милая вы дѣвушка!—искренно вырвалось у него.

— Дайте-ка мнѣ руку... вы очень медленно идете, я потащу васъ! Намъ пора назадъ... очень пора! Мы уже часа четыре гуляемъ... и Елизавета Сергѣевна будетъ нами недовольна, потому что къ обѣду мы опоздали...

Они пошли назадъ. Ипполитъ Сергѣевичъ сознавалъ себя обязаннымъ возвратиться къ выясненію ея заблужденій, не позволявшихъ ему чувствовать себя рядомъ съ ней такъ свободно, какъ хотѣлось бы. Но прежде этого нужно было подавить въ себѣ то неясное безпокойство, которое глухо бродило въ немъ, стѣсняя его намѣреніе спокойно слушать и рѣшительно опровергать ея доводы. Ему было бы такъ легко срѣзать уродливый

наростъ съ ея мозга холодной логикой своего ума, если бъ не мѣшало это странное, обезсиливающее ощущеніе, не имѣющее имени. Что это? Оно похоже на нежеланіе вводить въ душевный міръ этой дѣвушки понятія, чуждыя ей... Но такое уклоненіе отъ своей обязанности было бы постыдно для человѣка, стойкаго въ своихъ принципахъ. А онъ считалъ себя такимъ и былъ глубоко увѣренъ въ силѣ ума и въ главенствѣ его надъ чувствомъ.

— Сегодня вторникъ?—говорила она.—Ну, конечно. Значитъ, черезъ три дня пріѣдетъ черненькій господинчикъ...

— Кто и куда пріѣдетъ, сказали вы?

— Черненькій господинчикъ, Бенковскій, пріѣдетъ къ намъ въ субботу.

— Зачѣмъ же?

Она разсмѣялась, пытливо глядя на него.

— Развѣ вы не знаете? Онъ—чиновникъ...

— А! Да, сестра говорила мнѣ...

— Говорила?—оживилась Варенька.—Ну и что же... скажите, скоро они обвѣнчаются?

— Т.-е. это какъ? Почему же они должны обвѣнчаться?—растерянно спросилъ Ипполитъ Сергѣевичъ.

— Почему?—изумилась Варенька, сильно краснѣя.— Да я не знаю. Такъ принято! Но, Господи! Развѣ же вы этого не знали?

— Ничего я не знаю!—рѣшительно произнесъ Ипполитъ Сергѣевичъ.

— А я вамъ сказала!—съ отчаяніемъ воскликнула она.—Какъ это хорошо! Пожалуйста, миленькій Ипполитъ Сергѣевичъ, пусть вы и теперь не знаете этого... будто бы я не говорила ничего!

— Очень хорошо! Но, позвольте; вѣдь я и въ самомъ дѣлѣ ничего не знаю. Я понялъ одно—сестра выходитъ замужъ за господина Бенковскаго... да?

— Ну, да! Т.-е., если она сама вамъ этого не гово-

рила... то, можетъ быть, этого и не будетъ. Вы не скажете ей про это?

— Не скажу, конечно!—пообѣщалъ онъ.—Я ѣхалъ сюда на похороны, а попалъ, кажется, на свадьбу? Это пріятно!

— Пожалуйста, ни слова о свадьбѣ!—умоляла она его.—Вы ничего не знаете.

— Совершенно вѣрно! Но что такое г. Бенковскій? Можно спросить?

— О немъ можно! Онъ—черненькій, сладенькій и тихонькій. У него есть глазки, усики, губки, ручки и скрипочка. Онъ любитъ нѣжныя пѣсенки и вареньице. Мнѣ всегда хочется потрепать его по мордочкѣ.

— Однако, вы его не любите!—воскликнулъ Ипполитъ Сергѣевичъ, ощущая жалость къ г. Бенковскому при такой унизительной характеристикѣ его наружности.

— И онъ меня не любитъ! Я... я терпѣть не могу мужчинъ маленькихъ, сладкихъ, скромныхъ. Мужчина долженъ быть высокъ, силенъ; онъ говоритъ громко, глаза у него большіе, огненные, а чувства смѣлыя, незнающія никакихъ препятствій. Пожелалъ и сдѣлалъ—вотъ мужчина!

— Кажется, такихъ больше нѣтъ,—сухо усмѣхаясь, сказалъ Ипполитъ Сергѣевичъ, чувствуя, что ея идеалъ мужчины противенъ ему и раздражаетъ его.

— Должны быть!—увѣренно воскликнула она.

— Да вѣдь вы же, Варвара Васильевна, какого-то звѣря изобразили! Что привлекательнаго въ такомъ чудищѣ?

— И совсѣмъ не звѣря, а сильнаго мужчину! Сила — вотъ и привлекательное. Теперешніе мужчины и родятся съ ревматизмомъ, съ кашлемъ, съ разными болѣзнями — это хорошо? Интересно мнѣ, напримѣръ, имѣть мужемъ какого-нибудь сударя съ прыщами на лицѣ, какъ земскій начальникъ Коковичъ?

Или красивенькаго господинчика, какъ Бенковскій? Или сутулую и худую дылду, какъ судебный приставъ Мухинъ? Или Гришу Чернонебова, купеческаго сына, большого, жирнаго, съ одышкой, лысиной и краснымъ носомъ? Какія дѣти могутъ быть отъ такихъ дрянныхъ мужей? Вѣдь объ этомъ надо думать... какъ же? Вѣдь дѣти эти... очень важно! А они—они не думаютъ... Они ничего не любятъ. Никуда они не годятся, и я... я била бы мужа, если бы вышла замужъ за котораго-нибудь изъ этихъ!

Ипполитъ Сергѣевичъ остановилъ ее, доказывая, что ея сужденіе о мужчинѣ вообще не правильно, потому что она слишкомъ мало видѣла людей. И названные ею люди не должны быть разсматриваемы только съ внѣшней стороны—это несправедливо. У человѣка можетъ быть скверный носъ, но хорошая душа, прыщи на лицѣ, но свѣтлый умъ. Ему скучно и трудно было говорить эти азбучныя истины; до встрѣчи съ ней онъ такъ рѣдко вспоминалъ о ихъ существованіи, что теперь всѣ онѣ и самому ему казались затхлыми и изношенными. Онъ чувствовалъ, что все это не идетъ къ ней и не будетъ воспринято ею...

— Вотъ и рѣка! — воскликнула она съ радостью, перебивая его рѣчь.

А Ипполитъ Сергѣевичъ подумалъ:

— Она радуется тому, что я замолчалъ.

Снова они поплыли по рѣкѣ, сидя другъ противъ друга. Варенька завладѣла веслами и гребла торопливо, сильно; вода подъ лодкой недовольно журчала, маленькія волны бѣжали къ берегамъ. Ипполитъ Сергѣевичъ смотрѣлъ, какъ навстрѣчу лодкѣ двигаются берега, и чувствовалъ себя утомленнымъ всѣмъ, что онъ говорилъ и слышалъ за время этой прогулки.

— Смотрите, какъ быстро идетъ лодка!—сказала ему Варенька.

— Да,—кратко отвѣтилъ онъ, не обращая на нее

глазъ. Все равно—и не видя ея онъ представлялъ себѣ, какъ соблазнительно изгибается ея корпусъ и колышется грудь.

Показался паркъ... Скоро они шли по его аллеѣ, а навстрѣчу имъ, многозначительно улыбаясь, двигалась стройная фигура Елизаветы Сергѣевны. Она держала въ рукахъ какія-то бумаги и говорила:

— Однако, вы загулялись!

— Долго? Зато у меня такой аппетитъ, что я — у! съѣмъ васъ!

И Варенька, обнявъ талію Елизаветы Сергѣевны, легко завертѣла ее вокругъ себя, смѣясь надъ ея криками.

Обѣдъ былъ невкусный и скучный, потому что Варенька была увлечена процессомъ насыщенія и молчала, а Елизавета Сергѣевна сердила брата, то и дѣло ловившаго на своемъ лицѣ ея пытливые взгляды. Вскорѣ послѣ обѣда Варенька уѣхала домой, а Ипполитъ Сергѣевичъ пошелъ въ свою комнату, легъ тамъ на диванъ и задумался, подводя итогъ впечатлѣніямъ дня. Онъ вспоминалъ мельчайшія подробности прогулки и чувствовалъ, какъ изъ нихъ образуется мутный осадокъ, разъѣдавшій привычное ему устойчивое равновѣсіе чувства и ума. Онъ даже и физически ощущалъ новизну своего настроенія въ формѣ странной тяжести, сжимавшей ему сердце—точно кровь его сгустилась за это время и обращалась въ немъ медленнѣе, чѣмъ всегда. Это походило на утомленіе, располагало къ мечтательности и было какъ бы предисловіемъ къ какому-то еще не образовавшемуся желанію. И это было непріятно только потому, что оставалось безымяннымъ ощущеніемъ, несмотря на усилія Ипполита Сергѣевича дать ему имя.

— Нужно подождать съ анализомъ до поры, пока броженіе уляжется...—рѣшилъ онъ.

Но явилось чувство остраго недовольства собой, и

онъ одновременно упрекнулъ себя въ утратѣ способности управлять своими эмоціями и въ томъ, что онъ велъ себя сегодня недостойно для серьезнаго человѣка. Наединѣ самъ съ собой онъ всегда былъ стоекъ и строгъ къ себѣ болѣе, чѣмъ при людяхъ. И вотъ онъ сосредоточенно началъ разсматривать себя.

Безспорно, что эта дѣвушка ошеломляюще красива, но увидать ее и сразу же войти въ темный кругъ какихъ-то смутныхъ ощущеній—это уже слишкомъ много для нея и постыдно для него, ибо это распущенность, недостатокъ выдержки. Она сильно волнуетъ чувственность,—да, но съ этимъ нужно бороться.

— Нужно ли?—вдругъ вспыхнулъ въ его головѣ краткій, уколовшій его вопросъ.

Онъ поморщился, относясь къ этому вопросу такъ, какъ будто онъ былъ поставленъ кѣмъ-то извнѣ его.

Во всякомъ случаѣ, то, что творится въ немъ, не есть начало увлеченія женщиной, скорѣе это протестъ ума, оскорбленнаго столкновеніемъ, изъ котораго онъ не вышелъ побѣдителемъ, хотя его противникъ и былъ по-дѣтски слабъ. Нужно было говорить съ этой дѣвушкой образами, ибо очевидно, что она не понимаетъ логическаго довода. Его обязанность—уничтожить ея дикія понятія, разрушить всѣ эти грубыя и глупыя фантазіи, впитанныя ея мозгомъ. Нужно обнажить ея умъ отъ всѣхъ этихъ заблужденій, очистить, опустошить ея душу, и тогда она будетъ способна воспринять и вмѣстить въ себя истину.

— Могу ли я сдѣлать это?—снова вспыхнулъ въ немъ посторонній вопросъ. И снова онъ обошелъ его... Какова она будетъ тогда, когда восприметъ въ себя нѣчто новое и противоположное тому, что въ ней есть? И ему казалось, что, когда ея душа, освобожденная имъ изъ плѣна заблужденія, проникнется стройнымъ ученіемъ, чуждымъ всего неяснаго и омрачающаго,—эта дѣвушка будетъ вдвойнѣ прекрасна.

Когда его позвали пить чай, онъ уже твердо рѣшилъ перестроить ея міръ, вмѣняя это рѣшеніе въ прямую обязанность себѣ. Теперь онъ встрѣтитъ ее холодно и спокойно и придастъ своему отношенію къ ней характеръ строгой критики всего, что она скажетъ, всего, что сдѣлаетъ.

— Ну, что, какъ тебѣ нравится Варенька?—спросила его сестра, когда онъ вышелъ на террасу.

— Очень милая дѣвушка,—сказалъ онъ, поднявъ брови.

— Да? Вотъ какъ... Я думала, что тебя поразитъ ея неразвитость.

— Пожалуй, я немного удивленъ этой стороной въ ней,—согласился онъ.—Но, откровенно говоря, она во многомъ лучше дѣвушекъ развитыхъ и рисующихся этимъ.

— Да, она красива... И выгодная невѣста... пятьсотъ десятинъ прекрасной земли, около сотни—строевой лѣсъ. Да еще наслѣдуетъ послѣ тётки солидное имѣніе. И оба не заложены...

Онъ видѣлъ, что сестра намѣренно не поняла его, но не хотѣлъ объяснять себѣ, зачѣмъ это ей нужно.

— Съ этой стороны я не смотрю на нее,—сказалъ онъ.

— Такъ посмотри... я серьезно совѣтую.

— Благодарю.

— Ты немного не въ духѣ, кажется?

— Напротивъ. А что?

— Такъ. Хочу знать это, какъ заботливая сестра.

Она мило и немножко заискивающе улыбнулась. Эта улыбка напомнила ему о господинѣ Бенковскомъ, и онъ тоже улыбнулся ей.

— Ты что смѣешься?—спросила она.

— А ты?

— Мнѣ весело.

— Мнѣ тоже весело, хотя я и не схоронилъ жены двѣ недѣли тому назадъ,—сказалъ онъ, смѣясь.

А она сдѣлала серьезное лицо и, вздохнувъ, заговорила:

— Можетъ быть, ты въ душѣ осуждаешь меня за недостатокъ чувства къ покойному, думаешь, что я эгоистична? Но, Ипполитъ, ты знаешь что такое мой мужъ, я писала тебѣ, какъ мнѣ жилось. И я часто думала: — Боже мой! неужели я создана затѣмъ только, чтобъ услаждать грубыя вожделѣнія Николая Степановича Варыпаева, когда онъ напивается пьянъ настолько, что уже не можетъ различить жены отъ простой деревенской бабы или уличной женщины.

— Но неужели?... — съ недовѣріемъ воскликнулъ Ипполитъ Сергѣевичъ, вспоминая ея письма, въ которыхъ она много говорила о безхарактерности мужа, о его страсти къ вину, о лѣни, о всѣхъ порокахъ, кромѣ разврата.

— Ты сомнѣваешься?—съ укоромъ спросила она и вздохнула.—А между тѣмъ это фактъ; онъ часто бывалъ въ такомъ состояніи... я не утверждаю, что онъ измѣнялъ мнѣ, но допускаю это. Развѣ онъ могъ сознавать— я предъ нимъ или другая, если онъ окна принималъ за двери? Да... и такъ я жила годы...

Она долго и скучно говорила ему о своей печальной жизни, а онъ слушалъ и ждалъ, когда она скажетъ ему то, что хочетъ сказать. И невольно ему думалось, что Варенька едва ли когда-нибудь будетъ жаловаться на свою жизнь, какъ бы она ни сложилась у нея.

— Мнѣ кажется, что судьба должна вознаградить меня за долгіе годы горя... Можетъ быть, оно близко— это вознагражденіе.

Елизавета Сергѣевна замолчала и, вопросительно взглянувъ на брата, немного покраснѣла.

— Что ты хочешь сказать?—спросилъ онъ ласково, наклонясь къ ней.

— Видишь ли... я, быть можетъ, снова... выйду замужъ!

— И прекрасно сдѣлаешь! Поздравляю... Но почему ты такъ смущаешься?

— Право не знаю!

— Ктоz же онъ?

— Я, кажется, говорила тебѣ о немъ... Бенковскій... будущій прокуроръ... а пока поэтъ и мечтатель... Можетъ быть, ты встрѣчалъ его стихи? Онъ печатается...

— Стиховъ не читаю. Хорошій человѣкъ? Впрочемъ, конечно, хорошій.

— Я настолько умна, что не скажу утвердительно—да; но, кажется, могу, не самообольщаясь, сказать, что онъ способенъ будетъ вознаградить меня за прошлое... Онъ любитъ меня... У меня сложилась маленькая философія... можетъ быть, она покажется тебѣ нѣсколько жесткой.

— Философствуй безбоязненно, это теперь въ модѣ...—шутилъ Ипполитъ Сергѣевичъ.

— Мужчины и женщины—два племени, вѣчно враждующія...—мягко говорила женщина.—Довѣріе, дружба и прочія чувства этого порядка едва ли возможны между мной и мужчиной. Но возможна любовь... а любовь—это побѣда того, кто любитъ меньше, надъ тѣмъ кто любитъ больше... Я была однажды побѣждена и поплатилась за это... теперь я побѣдила и воспользуюсь плодами побѣды...

— А это довольно свирѣпая философія...—прервалъ ее Ипполитъ Сергѣевичъ, съ удовольствіемъ чувствуя, что Варенька не можетъ такъ философствовать.

— Ее жизнь подсказала мнѣ... Видишь ли, онъ на четыре года моложе меня... только что кончилъ университетъ. Я знаю, что это опасно для меня... и, какъ это сказать?... Я хотѣла бы устроить дѣло съ нимъ такъ, чтобъ мои имущественныя права̀ не подвергались никакому риску.

— Да... и что же?—спросилъ Ипполитъ Сергѣевичъ, становясь внимательнымъ.

— Такъ вотъ ты мнѣ посовѣтуй, какъ все это устроить. Я не хочу давать ему никакихъ юридическихъ правъ на мое имущество... и не дала бы права на личность, если бы это было можно.

— Это, мнѣ кажется, достижимо въ гражданскомъ бракѣ. Впрочемъ...

— Нѣтъ, гражданскій бракъ я отрицаю.

Онъ посмотрѣлъ на нее и думалъ съ чувствомъ брезгливости:

— Однако, она умная! Если Богъ и создалъ людей, то жизнь такъ легко пересоздаетъ ихъ, что они навѣрное давно стали Ему противны.

А сестра убѣдительно выяснила свою точку зрѣнія на бракъ.

— Бракъ долженъ быть разумной сдѣлкой, исключающей всякій рискъ. Именно такъ и думаю я поставить съ Бенковскимъ. Но, прежде чѣмъ сдѣлать этотъ шагъ, я хотѣла бы выяснить законность претензіи этого досаднаго брата. Пожалуйста, пересмотри всѣ бумаги.

— Ты позволишь мнѣ заняться этимъ дѣломъ завтра?—спросилъ онъ.

— Конечно, когда хочешь.

Она еще долго развивала предъ нимъ свои идеи, потомъ много разсказывала ему о Бенковскомъ. О немъ она говорила снисходительно, съ улыбкой, блуждавшей на ея губахъ, и зачѣмъ-то прищуривая глаза. Ипполитъ слушалъ ее и самъ удивлялся отсутствію въ немъ всякаго участія къ ея судьбѣ, интереса къ рѣчамъ.

Уже солнце сѣло, когда они разошлись: онъ—усталый отъ нея, въ свою комнату; она—оживленная бесѣдой, съ увѣреннымъ блескомъ въ глазахъ,—хлопотать по хозяйству.

Придя къ себѣ, Ипполитъ Сергѣевичъ зажегъ лампу, досталъ книгу и хотѣлъ читать; но съ первой же страницы онъ понялъ, что ему будетъ не менѣе пріятно, если онъ закроетъ книгу. Сладко потянувшись, онъ

закрылъ ее и повозился въ креслѣ, ища удобной позы, но кресло было жесткое; тогда онъ перебрался на диванъ и легъ на немъ. Сначала ему ни о чемъ не думалось, потомъ онъ съ досадой вспомнилъ, что скоро придется познакомиться съ г. Бенковскимъ, и сейчасъ же улыбнулся, припоминая характеристику, данную Варенькой этому господину.

И скоро одна она занимала его мысль и воображеніе. Между прочимъ, онъ подумалъ:

— А что, если бы жениться на такомъ миломъ чудовищѣ? Пожалуй, это была бы очень интересная жена... хотя бы уже по одному тому, что изъ ея устъ не услышишь копеечной мудрости популярныхъ книжекъ...

Но, разсмотрѣвъ всесторонне свое положеніе въ роли мужа Вареньки, онъ засмѣялся и категорически отвѣтилъ себѣ:

— Никогда!

И вслѣдъ затѣмъ ему стало грустно.

II.

Утро субботы началось для Ипполита Сергѣевича маленькой непріятностью: одѣваясь, онъ свалилъ со столика на полъ лампу, она разлетѣлась вдребезги, и нѣсколько капель керосина изъ разбитаго резервуара попало ему въ одну изъ ботинокъ, еще не надѣтыхъ имъ на ноги. Ботинки, конечно, вычистили, но Ипполиту Сергѣевичу стало казаться, что отъ чая, хлѣба, масла и даже отъ красиво причесанныхъ волосъ сестры струится въ воздухѣ противный маслянистый запахъ.

Это портило ему настроеніе.

— Сними ботинку и поставь ее на солнце, тогда керосинъ испарится, — совѣтовала ему сестра.—А пока надѣнь туфли мужа, есть однѣ совершенно новенькія.

— Пожалуйста, не безпокойся. Это скоро исчезнетъ.

— Очень нужно ждать, когда исчезнетъ. Въ самомъ дѣлѣ, я скажу, чтобъ дали туфли?

— Нѣтъ, не надо. Брось ихъ.

— Зачѣмъ? Туфли хорошія, бархатныя... Годятся.

Ему хотѣлось спорить, керосинъ раздражалъ его.

— Куда онѣ могутъ годиться? Не будешь же ты носить.

— Я, конечно, нѣтъ, но Александръ будетъ.

— Это кто?

— А Бенковскій.

— Ага!—онъ сухо усмѣхнулся.—Это очень трогательная вѣрность туфлямъ умершаго мужа. И практично.

— Ты сегодня золъ?

Она смотрѣла на него немножко обиженно, но очень пытливо, и онъ, поймавъ въ ея глазахъ это выраженіе, непріязненно подумалъ:

— Навѣрно она воображаетъ, что я раздраженъ отсутствіемъ Вареньки.

— Къ обѣду Бенковскій пріѣдетъ, вѣроятно,—сообщила она, помолчавъ.

— Очень радъ,—откликнулся онъ, соображая про себя:

— Желаетъ, чтобъ я былъ любезенъ съ будущимъ зятемъ.

И его раздраженіе усилилось чувствомъ томительной скуки. А Елизавета Сергѣевна говорила, тщательно намазывая тонкій слой масла на хлѣбъ:

— Практичность, по-моему, очень похвальное свойство. Особенно въ настоящее время, когда бремя оскудѣнія такъ давитъ нашу братію, живущую отъ плодовъ земли. Почему бы Бенковскому не носить туфель покойнаго мужа?...

— И саванъ покойника, если ты и саванъ съ него сняла и хранишь,—язвительно подумалъ Ипполитъ Сер-

гѣевичъ, сосредоточенно занимаясь переселеніемъ пѣнокъ изъ сливочника въ свой стаканъ.

— И вообще послѣ мужа остался очень обширный и приличный гардеробъ. А Бенковскій не избалованъ. Ты вѣдь знаешь, сколько ихъ—трое юношей, помимо Александра, да дѣвицъ пять. А имѣніе заложено чуть ли не по десяти закладнымъ. Знаешь, я очень выгодно купила у нихъ библіотеку;—есть весьма цѣнныя вещи. Ты посмотри, можетъ быть, найдешь что-либо нужное тебѣ... Александръ существуетъ на жалованье очень мизерное.

— Ты давно его знаешь?—спросилъ онъ ее;—нужно было говорить о Бенковскомъ, хотя говорить не хотѣлось ни о чемъ.

— Въ общемъ, года четыре, а такъ... близко—мѣсяцевъ семь—восемь. Ты увидишь, онъ очень милый. Нѣжный такой, легко возбуждающійся, идеалистъ и немножко, кажется, декадентъ. Впрочемъ, теперь молодежь вся склонна къ декадентству... Одни падаютъ въ сторону идеализма, другіе къ матеріализму...—и тѣ, и другіе не кажутся мнѣ умными.

— Есть еще люди, исповѣдующіе „скептицизмъ во сто лошадиныхъ силъ“, какъ опредѣляетъ это настроеніе одинъ мой товарищъ,—заявилъ Ипполитъ Сергѣевичъ, наклоняя лицо надъ столомъ.

Она засмѣялась, говоря:

— Это остроумно, хотя и грубовато. Я, пожалуй, тоже близка къ скептицизму, знаешь, здравому скептицизму, который связываетъ крылья всевозможныхъ увлеченій и кажется мнѣ необходимымъ для... усвоенія правильныхъ взглядовъ на жизнь людей.

Онъ поторопился выпить свой чай и ушелъ, заявивъ, что ему нужно разобрать привезенныя имъ книги. Но въ комнатѣ у него, несмотря на открытыя двери, стоялъ запахъ керосина. Онъ поморщился и, взявъ книгу, ушелъ въ паркъ. Тамъ, въ тѣсно сплоченной семьѣ старыхъ деревьевъ, утомленныхъ бурями и грозами, царила

меланхолическая тишина, обезсиливающая умъ, и онъ шелъ, не открывая книги, вдоль по главной аллеѣ, ни о чемъ не думая, ничего не желая.

Вотъ рѣка и лодка. Здѣсь онъ видѣлъ Вареньку отраженной въ водѣ и ангельски-прекрасной въ этомъ отраженіи.

— Ну, я точно гимназистъ!—воскликнулъ онъ просебя, ощущая, что воспоминаніе о ней пріятно ему.

Постоявъ съ минуту у рѣки, онъ вошелъ въ лодку, сѣлъ на корму и сталъ смотрѣть на ту картину въ водѣ, что такъ хороша была три дня тому назадъ. Она и сегодня была такъ же хороша, но сегодня на ея прозрачномъ фонѣ не являлась бѣлая фигура странной дѣвушки. Полкановъ закурилъ папиросу и тотчасъ же бросилъ ее въ воду, думая, что, пожалуй, онъ глупо сдѣлалъ, пріѣхавъ сюда. Въ сущности, зачѣмъ онъ тутъ нуженъ? Кажется, только затѣмъ, чтобъ охранять доброе имя сестры, проще говоря, чтобъ дать сестрѣ возможность, не смущаясь приличіями, принимать у себя господина Бенковскаго. Роль не важная... А этотъ Бенковскій, должно быть, не очень уменъ, если дѣйствительно любитъ сестру, пожалуй, слишкомъ умную.

Просидѣвъ часа три въ состояніи полусозерцанія, въ какомъ-то разслабленіи мысли, скользившей по предметамъ, не обсуждая ихъ, онъ всталъ и медленно пошелъ въ домъ, негодуя на себя за это безполезно потраченное время и твердо рѣшивъ скорѣе приняться за работу. Подходя къ террасѣ, онъ увидалъ стройнаго юношу въ бѣлой блузѣ, подпоясанной ремнемъ. Юноша стоялъ спиной къ аллеѣ и разсматривалъ что-то, наклонясь надъ столомъ. Ипполитъ Сергѣевичъ замедлилъ шаги, соображая—неужели это и есть Бенковскій? Вотъ юноша выпрямился, красивымъ жестомъ откинулъ со лба назадъ длинныя пряди вьющихся черныхъ волосъ и обернулся лицомъ къ аллеѣ.

— Да это пажъ средневѣковый!—воскликнулъ просебя Ипполитъ Сергѣевичъ.

Лицо у Бенковскаго было овальное, матово-блѣдное и казалось измученнымъ отъ напряженнаго блеска большихъ, миндалевидныхъ и черныхъ глазъ, глубоко ввалившихся въ орбиты. Красиво очерченный ротъ оттѣнялся маленькими черными усами, а выпуклый лобъ—прядями небрежно спутанныхъ, вьющихся волосъ. Онъ былъ маленькій, ниже средняго роста, но его гибкая фигура, сложенная изящно и пропорціонально, скрадывала этотъ недостатокъ. Онъ смотрѣлъ на Ипполита Сергѣевича такъ, какъ смотрятъ близорукіе, и въ блѣдномъ лицѣ его было что-то очень симпатичное, но болѣзненное. Въ беретѣ и въ костюмѣ изъ бархата онъ дѣйствительно былъ бы пажомъ, убѣжавшимъ съ картины, изображающей средневѣковый дворъ.

— Бенковскій!—глухо сказалъ онъ, протягивая Ипполиту Сергѣевичу, взошедшему на ступеньки террасы, бѣлую руку съ тонкими и длинными пальцами музыканта.

Молодой ученый крѣпко пожалъ руку.

Съ минуту оба неловко молчали, потомъ Ипполитъ Сергѣевичъ заговорилъ о красотѣ парка. Юноша отвѣчалъ ему кратко, заботясь, очевидно, только о соблюденіи вѣжливости и не проявляя никакого интереса къ собесѣднику.

Скоро явилась Елизавета Сергѣевна въ свободномъ бѣломъ платьѣ, съ черными кружевами на воротникѣ и подпоясанная длиннымъ чернымъ шнуромъ съ кистями на концахъ. Этотъ костюмъ хорошо гармонировалъ съ ея спокойнымъ лицомъ, придавая величавое выраженіе его мелкимъ, но правильнымъ чертамъ. На щекахъ ея игралъ румянецъ удовольствія и холодные глаза смотрѣли оживленно.

— Сейчасъ будемъ обѣдать,—объявила она.—Я васъ угощу мороженымъ. А вы, Александръ Петровичъ, почему такой скучный? Да! вы не забыли Шуберта?

— Привезъ и Шуберта, и книги,—отвѣтилъ онъ откровенно и мечтательно любуясь ею.

Ипполитъ Сергѣевичъ видѣлъ выраженіе его лица и чувствовалъ себя неловко, понимая, что этотъ милый юноша, должно быть, далъ себѣ обѣтъ не признавать его существованія.

— Прекрасно! — воскликнула Елизавета Сергѣевна, улыбаясь Бенковскому. — Послѣ обѣда мы съ вами играемъ?

— Если вамъ будетъ угодно!—и онъ склонилъ предъ ней голову.

Это вышло у него граціозно, но все-таки заставило внутренно усмѣхнуться Ипполита Сергѣевича.

— Мнѣ очень угодно, — кокетливо объявила его сестра.

— А вы любите Шуберта? — спросилъ Ипполитъ Сергѣевичъ.

— Прежде всего Бетховенъ—Шекспиръ музыки,— отвѣтилъ Бенковскій, повернувъ къ нему свое лицо въ профиль.

Ипполитъ Сергѣевичъ слыхалъ и раньше, что Бетховена называютъ Шекспиромъ музыки, и разница между Шубертомъ и имъ составляла для него одну изъ тѣхъ тайнъ, которыя его совершенно не интересовали. Но его интересовалъ этотъ мальчикъ, и онъ серьезно спросилъ:

— Почему же вы ставите именно Бетховена прежде всего?

— Потому что онъ идеалистъ болѣе, чѣмъ всѣ творцы музыки, взятые вмѣстѣ.

— Да? Вы тоже принимаете за истинное это міровоззрѣніе?

— Несомнѣнно. И знаю, что вы крайній матеріалистъ. Читалъ ваши статьи,—объяснился Бенковскій, и глаза его странно сверкнули.

— Онъ хочетъ спорить!- подумалъ Ипполитъ Сер-

гѣевичъ.—А онъ хорошій малый, прямой и, должно быть, свято-честный.

И его симпатія къ этому идеалисту, осужденному носить туфли покойника, увеличилась.

— Значитъ, мы съ вами враги?—улыбаясь, спросилъ онъ.

— Какъ мы можемъ быть друзьями?—горячо воскликнулъ Бенковскій.

— Господа!—крикнула имъ Елизавета Сергѣевна изъ комнаты.—Не забывайте, что вы только-что познакомились...

Горничная Маша, гремя посудой, накрывала на столъ и исподлобья посматривала на Бенковскаго глазами, въ которыхъ сверкало простодушное восхищеніе. Ипполитъ Сергѣевичъ тоже смотрѣлъ на него, думая, что къ этому юношѣ слѣдуетъ относиться со всей возможной деликатностью и что было бы хорошо избѣжать „идейныхъ" разговоровъ съ нимъ, потому что онъ, навѣрное, въ спорахъ волнуется до бѣшенства. Но Бенковскій смотрѣлъ на него съ горячимъ блескомъ въ глазахъ и нервной дрожью на лицѣ. Очевидно, ему страстно хотѣлось говорить и онъ съ трудомъ сдерживалъ это желаніе. Ипполитъ Сергѣевичъ рѣшилъ замкнуться въ рамки чисто-офиціальной вѣжливости.

Его сестра, уже сидя за столомъ, красиво бросала то тому, то другому незначительныя фразы въ шутливомъ тонѣ; мужчины кратко отвѣчали на нихъ—одинъ съ фамильярной небрежностью родственника, другой съ уваженіемъ влюбленнаго. И всѣ трое были охвачены чувствомъ какой-то неловкости и стѣсненія, заставлявшимъ ихъ слѣдить другъ за другомъ и каждаго за собой.

Маша внесла на террасу первое блюдо.

— Пожалуйте, господа!—пригласила Елизавета Сергѣевна, вооружаясь разливательной ложкой.—Вы выпьете водки?

— Я, да!—сказалъ Ипполитъ Сергѣевичъ.

— Я не буду, если позволите, заявилъ Бенковскій.

— Позволяю и охотно. Но вѣдь вы пьете?

— Не хочу...

— „Чокнуться съ матеріалистомъ",—подумалъ Ипполитъ Сергѣевичъ.

Вкусный супъ съ пирожками или корректное поведеніе Ипполита Сергѣевича какъ будто нѣсколько охладили и смягчили суровый блескъ черныхъ глазъ юноши, и когда подали второе, онъ заговорилъ:

— Можетъ быть, вамъ показалось вызывающимъ мое восклицаніе въ отвѣтъ на вашъ вопросъ—враги ли мы? Можетъ быть, это и невѣжливо, но я полагаю, что отношенія людей другъ къ другу должны быть свободны отъ ихъ офиціальной лжи, всѣми принятой за правило.

— Вполнѣ согласенъ съ вами, улыбнулся ему Ипполитъ Сергѣевичъ.—Чѣмъ проще, тѣмъ лучше. И ваше прямое заявленіе только понравилось мнѣ, если позволите такъ выразиться.

Бенковскій грустно усмѣхнулся, говоря:

— Мы дѣйствительно непріятели въ сферѣ идей, и это опредѣляется сразу, само собой. Вотъ вы говорите: проще—лучше, я тоже такъ думаю, но я влагаю въ эти слова одно содержаніе, вы—другое...

— Развѣ?—спросилъ Ипполитъ Сергѣевичъ.

— Несомнѣнно, если вы пойдете прямымъ путемъ логики отъ взглядовъ, изложенныхъ въ вашей статьѣ.

— Я, конечно, сдѣлаю это...

— Вотъ видите... И съ моей точки зрѣнія ваше понятіе о простотѣ будетъ грубо. Но оставимъ это... Скажите—представляя себѣ жизнь только механизмомъ, вырабатывающимъ все и въ томъ числѣ идеи, неужели вы не ощущаете внутренняго холода и нѣтъ въ душѣ у васъ ни капли сожалѣнія о всемъ таинственномъ и чарующе-красивомъ, что низводится вами до простого химизма, до перемѣщенія частицъ матеріи?

— Гмъ... этого холода я не ощущаю, ибо мнѣ ясно мое мѣсто въ великомъ механизмѣ жизни, болѣе поэтическомъ, чѣмъ всѣ фантазіи... Что же касается до метафизическихъ броженій чувства и ума, то вѣдь это, знаете, дѣло вкуса. Пока еще никто не знаетъ, что такое красота? Во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ полагать, что это ощущеніе физіологическое.

Одинъ говорилъ глухимъ голосомъ, полнымъ задушевности и скорбныхъ нотъ сожалѣнія къ заблуждающемуся противнику; другой—спокойно, съ сознаніемъ своего умственнаго превосходства и съ желаніемъ не употреблять тѣхъ словъ, колющихъ самолюбіе противника, которыхъ всегда такъ много въ спорѣ двухъ порядочныхъ людей о томъ, чья истина ближе къ истинѣ. Елизавета Сергѣевна, тонко улыбаясь, слѣдила за игрой ихъ физіономій и спокойно кушала, тщательно обгладывая косточки дичи. Изъ-за дверей выглядывала Маша и, очевидно, хотѣла понять то, что говорятъ господа, потому что лицо у нея было напряжено и глаза стали круглыми, утративъ свойственное имъ выраженіе хитрости и ласки.

— Вы говорите—дѣйствительность, но что она, когда все вокругъ насъ и мы сами только химизмъ и механизмъ, неустанно работающій? Всюду движеніе и все движеніе, нѣтъ ни одной сотой секунды покоя.—Какъ же я уловлю дѣйствительность, какъ познаю ее, если самъ я въ каждый данный моментъ не то, чѣмъ былъ, и не то, чѣмъ буду въ слѣдующій? Вы, я—мы только матерія? Но однажды мы будемъ лежать подъ образами, наполняя воздухъ сквернымъ запахомъ гніенія... Отъ насъ останутся на землѣ, быть можетъ, только выцвѣтшія фотографіи, и онѣ никогда никому ничего не скажутъ о радостяхъ и мукахъ нашего бытія, поглощенныхъ неизвѣстностью. Неужели не страшно вѣрить въ то, что всѣ мы, думающіе и страдающіе, живемъ лишь для того, чтобы сгнить?

Ипполитъ Сергѣевичъ внимательно слушалъ его рѣчь и думалъ про-себя:

— Если бы ты былъ убѣжденъ въ истинѣ твоей вѣры—ты былъ бы спокоенъ. А ты вотъ кричишь. И не потому ты, братъ, кричишь, что ты идеалистъ, а потому, что у тебя скверные нервы.

А Бенковскій, глядя въ лицо ему пылающими глазами, все говорилъ:

— Вы говорите—наука, — прекрасно!—преклоняюсь предъ ней, какъ предъ могучимъ усиліемъ ума разрѣшить узы оковывающей меня тайны... Но я вижу себя при свѣтѣ ея тамъ же, гдѣ стоялъ мой далекій предокъ, непоколебимо вѣрившій въ то, что громъ гремитъ по милости пророка Иліи. Я не вѣрю въ Илію, я знаю— это дѣйствіе электричества, но чѣмъ оно яснѣе Иліи? Тѣмъ, что сложнѣе? Оно такъ же необъяснимо, какъ и движеніе и всѣ другія силы, которыми безуспѣшно пытаются замѣнить одну. И порой мнѣ кажется, что дѣло науки цѣликомъ сводится къ усложненію понятій— только! Я думаю, что хорошо вѣрить; надо мной смѣются, мнѣ говорятъ: нужно не вѣрить, а знать. Я хочу знать, что такое матерія, и мнѣ отвѣчаютъ буквально такъ: „матерія—это содержимое того мѣста пространства, въ которомъ мы объективируемъ причину воспринятаго нами ощущенія“. Зачѣмъ такъ говорить? Развѣ можно выдавать это за отвѣтъ на вопросъ? Это насмѣшка надъ тѣмъ, кто страстно и искренно ищетъ отвѣтовъ на тревожные запросы своего духа... Я хочу знать цѣль бытія—это стремленіе моего духа тоже осмѣивается. А вѣдь я живу, это не легко и даетъ мнѣ право категорически требовать отъ монополистовъ мудрости отвѣта—зачѣмъ я живу?

Ипполитъ Сергѣевичъ исподлобья смотрѣлъ въ пылающее волненіемъ лицо Бенковскаго и сознавалъ, что этому юношѣ нужно возражать словами, равными его

словамъ по силѣ вложеннаго въ нихъ буйнаго чувства. Но, сознавая это, онъ чувствовалъ въ себѣ желаніе возражать. А огромные глаза поэта стали еще больше,— въ нихъ горѣла страстная тоска. Онъ задыхался, и бѣлая, изящная кисть его правой руки быстро мелькала въ воздухѣ, то судорожно сжатая въ кулакъ и угрожающая, то какъ бы ловя что-то въ пространствѣ и безсильная поймать.

— Но ничего не давая, какъ много взяли вы у жизни! На это возражаете съ презрѣніемъ... А въ немъ звучитъ — что? Невозможность возразить съ увѣренностью и еще—ваше неумѣніе жалѣть людей. Вѣдь у васъ хлѣба духовнаго просятъ, а вы камень отрицанія предлагаете! Ограбили вы душу жизни, и если нѣтъ въ ней великихъ подвиговъ любви и страданія — въ этомъ вы виноваты, ибо, рабы разума, вы отдали душу во власть его, и вотъ охладѣла она и умираетъ больная и нищая! А жизнь все такъ же мрачна, и ея муки, ея горе требуютъ героевъ... Гдѣ они?

— Да онъ припадочный какой-то! — восклицалъ про-себя Ипполитъ Сергѣевичъ, съ непріятнымъ содроганіемъ глядя на этотъ клубокъ нервовъ, дрожавшій предъ нимъ въ тоскливомъ возбужденіи.—Онъ пытался остановить бурное краснорѣчіе своего будущаго зятя, но это было безуспѣшно, ибо, охваченный вдохновеніемъ своего протеста, юноша ничего не слышалъ и, кажется, не видѣлъ. Онъ, должно быть, долго носилъ въ себѣ всѣ эти жалобы, лившіяся изъ его души, и былъ радъ, что можетъ высказаться предъ однимъ изъ тѣхъ людей, которые, по его мнѣнію, испортили жизнь.

Елизавета Сергѣевна любовалась имъ, прищуривъ свѣтлые глаза, и въ нихъ сверкала искорка сладострастнаго вожделѣнія.

— Во всемъ, что вы такъ сильно и красиво сказали,—размѣренно и ласково заговорилъ Ипполитъ Сергѣевичъ, воспользовавшись невольной паузой утомлен-

наго оратора и желая успокоить его,—во всемъ этомъ звучитъ безспорно много искренняго чувства, пытливаго ума...

— Что бы ему сказать этакое охлаждающее и примиряющее?—усиленно думалъ онъ, сплетая сѣть комплиментовъ.

Но его выручила изъ затруднительнаго положенія сестра. Она уже насытилась и сидѣла, откинувшись на спинку кресла. Темные волосы ея были причесаны старомодно, но эта прическа въ формѣ короны очень шла властному выраженію ея лица. Ея губы, вздрогнувшія отъ улыбки, открыли бѣлую и тонкую, какъ лезвее ножа, полоску зубовъ, и, красивымъ жестомъ остановивъ брата, она сказала:

— Позвольте и мнѣ слово! Я знаю одно изреченіе какого-то мудреца, и оно гласитъ: „Не правы тѣ, которые говорятъ—вотъ истина, но не правы и тѣ, которые возражаютъ имъ—это ложь, а правъ только Саваоѳъ и только сатана, въ существованіе которыхъ я не вѣрю, но которые гдѣ-нибудь должны быть, ибо это они устроили жизнь такой двойственной и это она создала ихъ. Вы не понимаете? А вѣдь я говорю тѣмъ же человѣческимъ языкомъ, что и вы. Но всю мудрость вѣковъ я сжимаю въ одну фразу, для того, чтобы вы видѣли ничтожество вашей мудрости“.

Кончивъ свою рѣчь, она съ очаровательно-ясной улыбкой спросила у мужчинъ:

— Какъ вы это находите?

Ипполитъ Сергѣевичъ молча пожалъ плечами,—его возмущали слова сестры, но онъ былъ доволенъ тѣмъ, что она укротила Бенковскаго.

А съ Бенковскимъ произошло что-то странное. Когда Елизавета Сергѣевна заговорила,—его лицо вспыхнуло восторгомъ и, блѣднѣя съ каждымъ ея словомъ, выражало уже нѣчто близкое къ ужасу въ тотъ моментъ, когда она поставила свой вопросъ. Онъ хотѣлъ что-то

отвѣтить ей, его губы нервно вздрагивали, но слова не сходили съ нихъ. Она же, великолѣпная въ своемъ спокойствіи, слѣдила за игрой его лица и, должно быть, ей нравилось видѣть дѣйствіе своихъ словъ на немъ, ибо въ глазахъ ея сверкало удовольствіе.

— Мнѣ, по крайней мѣрѣ, кажется, что въ этихъ словахъ дѣйствительно весь итогъ огромныхъ фоліантовъ философіи,—сказала она, помолчавъ.

— Ты права до извѣстной степени,— криво усмѣхнулся Ипполитъ Сергѣевичъ,—но все же...

— Такъ неужели человѣку нужно гасить послѣднія искры Прометеева огня, еще горящія въ душѣ его, облагораживая ея стремленія?—съ тоской глядя на нее, воскликнулъ Бенковскій.

— Зачѣмъ же, если они даютъ нѣчто положительное... пріятное вамъ!—улыбаясь, сказала она.

— Ты, кажется, берешь очень опасный критерій для опредѣленія положительнаго,—сухо замѣтилъ ей братъ.

— Елизавета Сергѣевна! Вы—женщина, скажите:—великое идейное движеніе женщинъ какіе отзвуки будитъ въ вашей душѣ?—спрашивалъ вновь разгоравшійся Бенковскій.

— Оно интересно...

— Только?

— Но я думаю, что это... какъ вамъ сказать?... это стремленіе лишнихъ женщинъ. Онѣ остались за бортомъ жизни, потому что некрасивы или потому, что не сознаютъ силы своей красоты, не знаютъ вкуса власти надъ мужчиной... Онѣ лишнія по массѣ причинъ!... Но— нужно есть мороженое.

Онъ молча взялъ зеленую вазочку изъ ея рукъ и, поставивъ ее передъ собой, сталъ упорно смотрѣть на холодную, бѣлую массу, нервно потирая свой лобъ рукой, дрожащей отъ сдерживаемаго волненія.

— Вотъ видите, философія портитъ не только вкусъ къ жизни, но и аппетитъ,—шутила Елизавета Сергѣевна.

А братъ смотрѣлъ на нее и думалъ, что она играетъ въ скверную игру съ этимъ мальчикомъ. Въ немъ весь этотъ разговоръ вызвалъ ощущеніе нарождающейся скуки, и, хотя ему жалко было Бенковскаго, эта жалость не вмѣщала въ себѣ сердечной теплоты и потому лишена была энергіи.

— Sic visum Veneri! — рѣшилъ онъ, вставая изъ-за стола и закуривая папиросу.

— Будемъ играть? — спросила Елизавета Сергѣевна Бенковскаго.

И когда онъ, въ отвѣтъ на ея слово, покорно склонилъ голову, они ушли съ террасы въ комнаты, откуда вскорѣ раздались аккорды рояля и звуки настраиваемой скрипки. Ипполитъ Сергѣевичъ сидѣлъ въ удобномъ креслѣ у перилъ террасы, скрытой отъ солнца кружевной завѣсой дикаго винограда, вползавшаго съ земли до крыши по натянутымъ бечевкамъ, и слышалъ все, что говорятъ сестра и Бенковскій. Окна гостиной, закрытыя только зеленью цвѣтовъ, выходили въ паркъ.

— Вы написали что-нибудь за это время? — спрашивала Елизавета Сергѣевна, давая тонъ скрипкѣ.

— Да, маленькую пьеску.

— Прочитайте!

— Право, не хочется.

— Хотите, чтобъ я просила васъ?

— Хочу ли? Нѣтъ... Но хотѣлъ бы прочитать тѣ стихи, которые теперь слагаются у меня...

— Пожалуйста!

— Да, я прочту... Но они только-что явились... и вы ихъ вызвали къ жизни...

— Какъ мнѣ пріятно слышать это!

— Не знаю... Можетъ быть, вы говорите искренно... не знаю...

„Пожалуй, мнѣ нужно уйти?“ — подумалъ Ипполитъ Сергѣевичъ. Но ему лѣнь было двигаться, и онъ остался,

успокоивъ себя тѣмъ, что имъ должно быть извѣстно его присутствіе на террасѣ.

Твоей спокойной красоты
Холодный блескъ меня тревожитъ...

раздался глухой голосъ Бенковскаго.

Ты осмѣешь мои мечты?
Ты не поймешь меня, быть можетъ?

тоскливо спрашивалъ юноша.

— Боюсь я, что ужъ поздно тебѣ спрашивать объ этомъ, — скептически улыбаясь, подумалъ Ипполитъ Сергѣевичъ.

Въ твоихъ очахъ участья нѣтъ,
Въ словахъ—холодный смѣхъ мнѣ слышенъ..
И чуждъ тебѣ безумный бредъ
Моей души...

Бенковскій замолчалъ отъ волненія или недостатка риѳмы.

А онъ такъ пышенъ!
Въ немъ пѣсенъ вихрь, въ немъ жизнь моя!
Онъ весь проникнутъ буйной страстью
Рѣшить загадку бытія,
Найти для всѣхъ дорогу къ счастью...

— Надо уйти! — рѣшилъ Ипполитъ Сергѣевичъ, невольно поднятый на ноги истерическими стонами юноши, въ которыхъ звучало одновременно и трогательное — прости! миру его души и отчаянное — помилуй! — обращенное къ женщинѣ.

Твой рабъ,—воздвигъ тебѣ я тронъ
Въ безумствахъ сердца моего...
И жду...

— Своей гибели, ибо—sic visum Veneri!—докончилъ стихи Ипполитъ Сергѣевичъ, идя по аллеѣ парка.

Онъ удивлялся сестрѣ:—она не казалась настолько красивой, чтобъ возбудить такую любовь въ юношѣ. Навѣрное она достигла этого тактикой сопротивленія. Тогда нужно признать за ней стойкую выдержку, ибо Бенковскій красивъ... Быть можетъ, ему, какъ брату и

порядочному человѣку, слѣдуетъ поговорить съ ней объ истинномъ характерѣ ея отношеній къ этому раскаленному страстью мальчику? А къ чему можетъ повести такой разговоръ теперь? И не настолько онъ компетентенъ въ дѣлахъ Амура и Венеры, чтобъ вмѣшиваться въ эту исторію... Но все-таки нужно указать Елизаветѣ на вѣроятную гибель этого господина, если онъ при ея помощи не успѣетъ во-время угасить въ себѣ пламя своихъ порывовъ и не научится болѣе нормально чувствовать и здраво разсуждать.

— А что было бы, если бъ этотъ факелъ страсти пылалъ предъ сердцемъ Вареньки?

Поставивъ себѣ такой вопросъ, Ипполитъ Сергѣевичъ, однако, не сталъ рѣшать его, а задумался о томъ, чѣмъ занята въ данный моментъ эта дѣвушка? Быть можетъ, она бьетъ по щекамъ своего Никона или катаетъ по комнатѣ кресло съ больнымъ отцомъ. И представивъ себѣ ее за такими занятіями, онъ почувствовалъ обиду за нее. Нѣтъ, необходимо нужно открыть глаза этой дѣвушки на дѣйствительность, ознакомить ее съ умственными теченіями современности. Какъ жалко, что она живетъ далеко и нельзя видѣть ее чаще, чтобы день за днемъ расшатывать все то, что ограждаетъ ея разумъ отъ воздѣйствія логики!

Паркъ былъ полонъ тишины и душистой прохлады, изъ дома неслись пѣвучіе звуки скрипки и нервныя ноты рояля. Одна за другой въ паркѣ рождались фразы сладостныхъ моленій, нѣжнаго призыва, бурнаго восторга.

Съ неба тоже лилась музыка—тамъ пѣли жаворонки. Взъерошенный и черный, какъ кусокъ угля, на сучкѣ липы сидѣлъ скворецъ и, пощипывая себѣ перья на грудкѣ, многозначительно посвистывалъ, косясь на задумчиваго человѣка, который медленно шагалъ по аллеѣ, заложивъ руки назадъ и глядя куда-то далеко улыбавшимися глазами.

Вечеромъ за чаемъ Бенковскій былъ болѣе сдержанъ и не такъ похожъ на безумнаго; Елизавета Сергѣевна казалась тоже согрѣтой чѣмъ-то.

Замѣтивъ это, Ипполитъ Сергѣевичъ почувствовалъ себя гарантированнымъ отъ возникновенія отвлеченныхъ разговоровъ и менѣе стѣсненнымъ.

— Ты ничего не разсказываешь о Петербургѣ, Ипполитъ,—сказала Елизавета Сергѣевна.

— Что о немъ сказать? Это очень большой и живой городъ... Погода въ немъ сырая, а...

— А люди сухіе,—перебилъ Бенковскій.

— Далеко не всѣ. Есть много совершенно размякшихъ, покрытыхъ плѣсенью очень древнихъ настроеній; вездѣ люди довольно разнообразны!

— Слава Богу, что это такъ! — воскликнулъ Бенковскій.

— Да, жизнь была бы невыносимо скучна, если бы этого не было!—подтвердила Елизавета Сергѣевна.—А что, въ какомъ фаворѣ у молодежи деревня? Продолжаютъ играть на пониженіе?

— Да, понемножку разочаровываются.

— Это явленіе очень характерно для интеллигенціи нашихъ дней,—усмѣхаясь, заявилъ Бенковскій.—Когда она была, въ большинствѣ, дворянской, оно не имѣло мѣста. А теперь, когда всякій сынъ кулака, купца или чиновника, прочитавшій двѣ-три популярныя книжки, есть уже интеллигентъ—деревня не можетъ возбуждать интереса у такой интеллигенціи. Развѣ она ее знаетъ? Развѣ она для нихъ можетъ быть чѣмъ-то инымъ, кромѣ мѣста, гдѣ хорошо пожить лѣтомъ? Для нихъ деревня—это дача... да и вообще они дачники по существу ихъ душъ. Они явились, поживутъ и исчезнутъ, оставивъ за собой въ жизни разныя бумажки, обломки, обрывки—обычные слѣды своего пребыванія, всегда оставляемые дачниками на поляхъ деревни. Придутъ за ними другіе и уничтожатъ этотъ соръ, а съ нимъ и память объ

интеллигенціи позорныхъ, бездушныхъ и безсильныхъ девяностыхъ годовъ.

— Эти другіе—реставрированные дворяне?—щуря глаза, спросилъ Ипполитъ Сергѣевичъ.

— Вы меня, кажется, поняли... очень не лестно для васъ, извините!—вспыхнулъ Бенковскій.

— Я спросилъ только, кто эти будущіе?—пожалъ плечами Ипполитъ Сергѣевичъ.

— Они—молодая деревня! Пореформенное поколѣніе ея, люди ужъ и теперь съ развитымъ чувствомъ человѣческаго достоинства, жаждущіе знаній, пытливые и сильные, готовые заявить о себѣ.

— Привѣтствую ихъ заранѣе,—равнодушно сказалъ Ипполитъ Сергѣевичъ.

— Да, нужно сознаться, что деревня начинаетъ производить на свѣтъ нѣчто новое,—примиряюще заговорила Елизавета Сергѣевна.—У меня тутъ есть очень интересные ребята—Иванъ и Григорій Шаховы, прочитавшіе почти половину моей библіотеки, и Акимъ Мозыревъ, человѣкъ „все понимающій", какъ онъ заявляетъ. Дѣйствительно, блестящія способности! Я провѣряла его—дала ему физику—прочитай и объясни законъ рычага и равновѣсія, такъ онъ черезъ недѣлю съ такимъ эффектомъ сдалъ мнѣ экзаменъ, просто я была поражена! Да еще говоритъ, отвѣчая на мои похвалы: „что жъ? Вы это понимаете, значитъ и мнѣ никѣмъ не заказано—книжки сочиняются для всѣхъ!" Каковъ? А вотъ... ихъ пониманіе своего достоинства пока еще развилось только до дерзостей и грубостей. Эти новорожденныя свойства они примѣняютъ даже ко мнѣ, но я терплю и не жалуюсь земскому начальнику, понимая, что на этой почвѣ могутъ расцвѣсти такіе огненные цвѣты... пожалуй, въ одно прекрасное утро проснешься только на пеплѣ своей усадьбы.

Ипполитъ Сергѣевичъ улыбнулся. Бенковскій взглянулъ на эту женщину съ грустью.

Поверхностно задѣвая темы и не особенно сильно самолюбіе другъ друга, они побесѣдовали часовъ до десяти, и тогда Елизавета Сергѣевна съ Бенковскимъ снова пошли играть, а Ипполитъ Сергѣевичъ простился съ ними и ушелъ къ себѣ, замѣтивъ, что его будущій зять не сдѣлалъ даже и маленькаго усилія скрыть то удовольствіе, которое онъ чувствовалъ, провожая брата своей возлюбленной.

...Узнаешь то, что хочешь узнать, и какъ бы въ видѣ вознагражденія за пытливость является скука. Именно это обезсиливающее ощущеніе почувствовалъ Ипполитъ Сергѣевичъ, когда сѣлъ за столъ въ своей комнатѣ съ намѣреніемъ написать нѣсколько писемъ знакомымъ. Онъ понималъ мотивы своеобразныхъ отношеній сестры къ Бенковскому, понималъ и свою роль въ ея игрѣ. Все это было не хорошо, но, въ то же время, все это было какъ-то чуждо ему, и душа его не возмущалась разыгравшейся предъ нимъ пародіей на исторію Пигмаліона и Галатеи, хотя умомъ онъ осуждалъ сестру. Меланхолически постучавъ ручкой пера по столу, онъ уменьшилъ огонь лампы и, когда комната погрузилась въ сумракъ, сталъ смотрѣть въ окна.

Мертвая тишина царила въ паркѣ, освѣщенномъ луной, и сквозь стёкла оконъ луна казалась зеленоватой.

Подъ окнами мелькнула какая-то тѣнь и исчезла, оставивъ за собой тихій звукъ шороха вѣтвей, задрожавшихъ отъ ея прикосновенія. Ипполитъ Сергѣевичъ, подойдя къ окну, открылъ его и посмотрѣлъ,—за деревьями мелькнуло бѣлое платье горничной Маши.

— Что же?—подумалъ онъ улыбаясь,—пусть хоть горничная любитъ, если барыня только играетъ въ любовь.

Медленно исчезали дни—капли времени въ безграничномъ океанѣ вѣчности—и всѣ они были утомительно однообразны. Впечатлѣній почти не было, а работалось

съ трудомъ, ибо знойный блескъ солнца, наркотическіе ароматы парка и задумчивыя лунныя ночи — все это возбуждало въ душѣ мечтательную лѣнь.

Ипполитъ Сергѣевичъ спокойно наслаждался чисто-растительной жизнью, со дня на день откладывая свое рѣшеніе серьезно приняться за работу. Иногда ему становилось скучно, онъ укорялъ себя въ бездѣятельности, недостаткѣ воли, но все это не возбуждало у него желанія работать, и онъ объяснялъ себѣ свою лѣнь стремленіемъ организма къ накопленію энергіи. По утрамъ, просыпаясь послѣ здороваго, крѣпкаго сна, онъ, съ наслажденіемъ потягиваясь, отмѣчалъ, какъ упруги его мускулы, эластична кожа и какъ свободно и глубоко дышатъ его легкія.

Прискорбная привычка философствовать, слишкомъ часто проявлявшаяся у его сестры, первое время раздражала его, но постепенно онъ помирился съ этимъ недостаткомъ Елизаветы Сергѣевны и умѣлъ такъ ловко и безобидно доказать ей безполезность философіи, что она стала сдержаннѣе. Ея стремленіе обо всемъ разсуждать производило на него непріятное впечатлѣніе: — онъ видѣлъ, что сестра разсуждаетъ не изъ естественной склонности уяснить себѣ свое отношеніе къ жизни, а лишь изъ предусмотрительнаго желанія разрушать и опрокидывать все то, что такъ или иначе могло бы смутить холодный покой ея души. Она выработала себѣ схему практики, а теоріи лишь постольку интересовали ее, поскольку могли сгладить предъ нимъ ея сухое, скептическое и даже ироничное отношеніе къ жизни и людямъ. Понимая все это, Ипполитъ Сергѣевичъ, однако, не чувствовалъ въ себѣ ни малѣйшаго желанія упрекнуть и пристыдить сестру; онъ осуждалъ ее въ умѣ, но въ немъ не было чего-то, что позволило бы ему высказать вслухъ свое сужденіе, ибо, въ сущности, его сердце было не горячѣе сердца сестры.

Такъ, почти каждый разъ послѣ визита Бенковскаго, Ипполитъ Сергѣевичъ давалъ себѣ слово поговорить съ сестрой объ ея отношеніяхъ къ этому юношѣ, и не исполнялъ своего слова, незамѣтно для себя отказываясь отъ вмѣшательства въ эту исторію. Вѣдь еще неизвѣстно, кто будетъ страдающей стороной, когда здравый смыслъ проснется въ этомъ воспаленномъ господинѣ. А это будетъ — юноша слишкомъ сильно горитъ для того, чтобъ не угаснуть. Сестра же твердо помнитъ, что онъ моложе ея, о ней нечего заботиться. А если она будетъ наказана — что же? Такъ и слѣдуетъ, если жизнь справедлива...

Варенька бывала часто. Они катались по рѣкѣ вдвоемъ или втроемъ съ сестрой, но никогда съ Бенковскимъ; гуляли по лѣсу, однажды ѣздили въ монастырь верстъ за двадцать. Дѣвушка продолжала нравиться ему и возмущать его своими дикими рѣчами, но съ нею всегда было пріятно. Ея наивность его смѣшила и сдерживала въ немъ мужчину; цѣльность ея натуры вызывала у него удивленіе, но простодушная прямота, съ которой она отталкивала отъ себя все, чѣмъ онъ хотѣлъ поколебать миръ ея души, оскорбляла его самолюбіе.

И все чаще онъ спрашивалъ себя:

— Но развѣ у меня нѣтъ столько энергіи, сколько нужно для того, чтобъ выбить изъ ея головы всѣ эти заблужденія и глупости?

Не видя ея, онъ ясно чувствовалъ необходимость освободить ея мысль изъ уродливыхъ путъ, возводилъ эту необходимость въ обязанность, но Варенька являлась — и онъ не то, чтобы совершенно забывалъ о своемъ рѣшеніи, но никогда не ставилъ его на первое мѣсто въ отношеніяхъ къ ней. Иногда онъ замѣчалъ за собой, что слушаетъ ее такъ, точно желаетъ чему-то научиться у нея, и сознавалъ, что въ ней есть нѣчто, стѣсняющее свободу его ума. Случалось, что онъ, имѣя

уже готовымъ возраженіе, которое, ошеломивъ ее своей ясностью и силой, убѣдило бы въ очевидности ея заблужденій, — пряталъ это возраженіе въ себѣ, какъ бы боясь сказать его. Поймавъ себя на этомъ, онъ думалъ:

— Неужели это у меня отъ недостатка увѣренности въ своей правдѣ?

И, конечно, убѣждалъ себя въ противномъ. Ему трудно было говорить съ ней еще и потому, что она почти не знала даже азбуки общепринятыхъ взглядовъ. Нужно было начинать съ основъ, и ея настойчивые вопросы: почему? и зачѣмъ? постоянно заводили его въ дебри отвлеченностей, гдѣ она уже совершенно не понимала ничего. Однажды она, утомленная его противорѣчіями, изложила ему свою философію въ такихъ словахъ:

— Богъ меня создалъ, какъ всѣхъ, по образу и подобію Своему... — значитъ, все, что я дѣлаю, я дѣлаю по Его волѣ и живу — какъ нужно Ему... Вѣдь Онъ знаетъ, какъ я живу? Ну, вотъ и все, и вы напрасно ко мнѣ придираетесь!

Все чаще она раздражала въ немъ жгучее чувство самца, но онъ слѣдилъ за собой и быстрыми усиліями, требовавшими отъ него все болѣе и болѣе сознанія, гасилъ въ себѣ эти чувственныя вспышки, даже старался скрывать ихъ отъ себя, когда же не могъ скрыть, то говорилъ самъ себѣ, виновато усмѣхаясь:

— Что же? — это естественно... при ея красотѣ... А я мужчина и мой организмъ съ каждымъ днемъ становится все крѣпче подъ вліяніемъ этого солнца и воздуха... Это естественно, но ея странности вполнѣ гарантируютъ отъ увлеченія ею...

Разсудокъ становится невѣроятно дѣятеленъ и гибокъ, когда чувству человѣка нужна маска, чтобы скрыть за ней грубую истину своихъ запросовъ. По существу своему прямое и правдивое, какъ всякая сила, чувство, когда оно разбито жизнью или изломано чрез-

мѣрными усиліями сдержать его порывы холодной уздой разума, лишается и правдивости, и прямоты, оставаясь только грубымъ. И тогда, нуждаясь въ прикрытіи своей слабости и грубости, оно обращается за помощью къ великой способности разсудка придавать лжи физіономію истины. Эта способность была хорошо развита у Ипполита Сергѣевича, и при помощи ея онъ успѣшно придавалъ своему влеченію къ Варенькѣ характеръ чистаго отъ всякихъ побужденій интереса къ ней. У него не было бы силъ любить ее, онъ это зналъ, но въ глубинѣ его ума вспыхивала надежда обладать ею; втайнѣ отъ себя онъ ожидалъ, что она увлечется имъ. И разсуждая съ самимъ собой о всемъ, что не унижало его въ своихъ глазахъ, онъ удачно скрывалъ въ себѣ все, что могло бы вызвать у него сомнѣніе въ своей порядочности...

Однажды за вечернимъ чаемъ сестра объявила ему:

— Знаешь, завтра день рожденія Вареньки Олесовой. Нужно ѣхать. Мнѣ хочется прокатиться... Да и лошадямъ это будетъ полезно.

— Поѣзжай... и поздравь ее отъ моего имени, — сказалъ онъ, чувствуя, что и ему тоже хочется ѣхать туда.

— А ты не хочешь поѣхать? — съ любопытствомъ глядя на него, спросила она.

— Я? Не знаю хочу ли... Кажется, не хочу. Но могу и поѣхать.

— Это не обязательно! — заявила Елизавета Сергѣевна и опустила вѣки, скрывая улыбку, сверкнувшую въ ея глазахъ.

— Я знаю, — съ неудовольствіемъ сказалъ онъ.

Наступила длинная пауза, въ теченіе которой Ипполитъ Сергѣевичъ сдѣлалъ себѣ строгое замѣчаніе за то, что онъ такъ ведетъ себя по отношенію къ этой дѣвушкѣ, точно боится, что его самообладаніе не устоитъ противъ ея чаръ.

— Она мнѣ говорила, эта Варенька, что у нихъ

тамъ прекрасная мѣстность,—сказалъ онъ и покраснѣлъ, зная, что сестра поняла его. Но она ничѣмъ не выдала этого, а напротивъ—стала его уговаривать.

— Да поѣдемъ, пожалуйста! Посмотришь, у нихъ дѣйствительно славно. И мнѣ будетъ болѣе ловко съ тобой... Мы не надолго, хорошо?

Онъ согласился, но настроеніе у него было испорчено.

— Зачѣмъ это мнѣ было нужно лгать? Что постыднаго или противоестественнаго въ томъ, что я хочу еще разъ видѣть красивую дѣвушку?—зло спрашивалъ онъ себя. И не отвѣчалъ на эти вопросы.

На слѣдующее утро онъ проснулся рано, и первые звуки дня, пойманные его слухомъ, были слова сестры:

—... удивится Ипполитъ!

Ихъ сопровождалъ громкій смѣхъ — такъ смѣяться могла только Варенька. Ипполитъ Сергѣевичъ, приподнявшись на постели, сбросилъ съ себя простыню и слушалъ, улыбаясь. То, что сразу вторглось въ него и наполнило его душу, едва ли можно было бы назвать радостью, скорѣе это было ласково-щекотавшее нервы предчувствіе близкой радости. И вскочивъ съ постели, онъ началъ одѣваться съ быстротой, которая и смущала, и смѣшила его. Что тамъ случилось? Неужели она, въ день своего рожденія, пріѣхала звать къ себѣ его и сестру? Вотъ милая дѣвушка!

Когда онъ вошелъ въ столовую, Варенька комически-виновато опустила передъ нимъ глаза и, не принимая его протянутой къ ней руки, заговорила робкимъ голосомъ:

— Я боюсь, что вы...

— Представь себѣ! — воскликнула Елизавета Сергѣевна,—она сбѣжала изъ дома!

— Т.-е. это какъ?—спросилъ у нея братъ.

— Потихоньку,—объяснила Варенька.

— Ха, ха, ха!—смѣялась Елизавета Сергѣевна.

— Но... зачѣмъ же?—допрашивалъ Ипполитъ.

— Отъ жениховъ... — призналась дѣвушка и тоже расхохоталась. — Представьте, какія у нихъ будутъ рожицы! Тётя Лучицкая—ей ужасно хочется вытурить меня замужъ!—разослала имъ торжественныя приглашенія и наварила и напекла для нихъ столько, точно ихъ у меня—сто! И я помогала ей въ этомъ... а сегодня проснулась и верхомъ — маршъ сюда! Имъ оставила записку, что я поѣхала къ Щербаковымъ... понимаете? совсѣмъ въ другую сторону на двадцать три версты!

Онъ смотрѣлъ на нее и смѣялся смѣхомъ, отъ котораго въ груди у него рождалась ласкающая теплота. Она опять была въ бѣломъ широкомъ платьѣ, складки котораго нѣжными струями падали отъ плечъ до ногъ, окутывая ея тѣло какъ бы туманомъ. Ясный смѣхъ дрожалъ въ глазахъ ея и на лицѣ игралъ румянецъ оживленія.

— Вамъ это не нравится?—спрашивала она у него.

— Что?—кратко спросилъ онъ.

— Что я такъ сдѣлала? Вѣдь это невѣжливо, я понимаю, — сдѣлавшись серьезной, сказала она и тотчасъ же снова расхохоталась...

— Воображаю я ихъ! Разодѣтые, надушеные... напьются они съ горя—Боже мой какъ!

— Ихъ много?—спросилъ Ипполитъ Сергѣевичъ.

— Четверо...

— Чай налитъ!—объявила Елизавета Сергѣевна.

— Тебѣ придется поплатиться за эту выходку, Варя... Ты думаешь объ этомъ?

— Нѣтъ... и не хочу! — рѣшительно отвѣтила она, усаживаясь за столъ.—Это будетъ—когда я ворочусь къ нимъ... значитъ, вечеромъ, потому что я пробуду у васъ весь день. Зачѣмъ же я буду съ утра думать о томъ, что будетъ еще только вечеромъ? И кто, и что можетъ мнѣ сдѣлать? Папа? Онъ ворчитъ, но отъ него можно уйти и не слушать... Тётя? — она безъ памяти любитъ меня! Они, что ли? Такъ я ихъ могу заставить

ходить вокругъ меня на четверенькахъ... ха, ха, ха! Вотъ это бы... смѣшно было! Я попробую... Чернонебовъ не можетъ, потому что у него животъ!

— Варя! Ты съ ума сходишь! — пыталась унять ее Елизавета Сергѣевна.

— Не буду, — обѣщала дѣвушка сквозь смѣхъ, но унялась не скоро, все рисуя своихъ жениховъ и увлекая искренностью своего оживленія брата и сестру.

Все время, пока пили чай, неустанно звучалъ смѣхъ. Елизавета Сергѣевна смѣялась съ оттѣнкомъ снисхожденія къ Варѣ, Ипполитъ Сергѣевичъ пытался сдерживать себя и не могъ. Послѣ чая стали обсуждать, чѣмъ бы наполнить этотъ такъ весело начатый день? Варенька предложила поѣздку на лодкѣ въ лѣсъ и чаепитіе тамъ, и Ипполитъ Сергѣевичъ немедленно согласился съ ней. Но его сестра сдѣлала озабоченное лицо и заявила:

— Я не могу принять участія въ этомъ — у меня сегодня неотложная поѣздка въ Санино. Я думала ѣхать къ тебѣ, Варя, и по дорогѣ завернуть туда... но теперь уже необходимо отправиться нарочно...

Ипполитъ Сергѣевичъ подозрительно посмотрѣлъ на нее—ему казалось, что это она сейчасъ выдумала для того, чтобъ оставить Варю наединѣ съ нимъ. Но ея лицо выражало только неудовольствіе и озабоченность.

Варенька была опечалена ея словами, но скоро опять оживилась:

— Ну, что жъ? Тебѣ хуже... а мы все-таки поѣдемъ! Вѣдь да? Сегодня мы далеко... Только вотъ что—можно съ нами ѣхать Григорію и Машѣ?

— Григорію, конечно! Но Маша... кто же подастъ обѣдъ?

— А кто же будетъ обѣдать? Ты поѣдешь къ Бенковскимъ, мы не вернемся до вечера.

— Хорошо, бери и Машу...

Варенька умчалась куда-то. Ипполитъ Сергѣевичъ,

закуривъ папиросу, вышелъ на террасу и сталъ ходить по ней взадъ и впередъ. Ему улыбалась эта прогулка, но Григорій и Маша казались излишними. Они будутъ стѣснять его—это несомнѣнно, при нихъ невозможно свободно говорить.

Не прошло получаса, какъ уже Ипполитъ Сергѣевичъ и Варя стояли у лодки, глядя, какъ около нея возился Григорій — рыжій и голубоглазый парень съ веснушками на лицѣ и орлинымъ носомъ. Маша, укладывая въ лодкѣ самоваръ и разные узелки, говорила ему:

— А ты, рыжій, скорѣй возись; видишь — господа дожидаются.

— Сейчасъ будетъ готово, — высокимъ теноромъ отвѣчалъ парень, укрѣпляя уключины для веселъ и подмигивая Машѣ.

Ипполитъ Сергѣевичъ увидалъ это и догадался, кто по ночамъ шмыгаетъ мимо его оконъ.

— Вы знаете,—говорила Варя, уже сидя въ лодкѣ и кивкомъ головы указывая на Григорія,—онъ у насъ тутъ тоже за ученаго слыветъ... Законникъ.

— Ужъ вы скажете, Варвара Васильевна,—усмѣхнулся Григорій, показывая крѣпкіе зубы.—Законникъ!

— Серьезно, Ипполитъ Сергѣевичъ, — онъ знаетъ всѣ русскіе законы...

— Въ самомъ дѣлѣ, Григорій? — поинтересовался Ипполитъ Сергѣевичъ.

— Это они шутятъ... гдѣ же! Всѣ-то ихъ, Варвара Васильевна, никто не знаетъ.

— А тотъ, кто писалъ?

— Господинъ Сперанскій? Они давнымъ-давно померли...

— Что же вы читаете? — спросилъ Ипполитъ Сергѣевичъ, присматриваясь къ смышленому орлиному лицу парня, легко бросавшаго вёсла въ воду.

— А вотъ законы, какъ они говорятъ,—указалъ Григорій на Варю бойкими глазами.—Попалъ мнѣ случаемъ

Х-ый томъ... я посмотрѣлъ—вижу интересное и нужное. Сталъ читать... А теперь имѣю томъ первый... Первая статья въ немъ такъ прямо и говоритъ: „никто, говоритъ, не можетъ отговариваться незнаніемъ законовъ“. Ну, я такъ думаю, что никто ихъ не знаетъ, да и знать ихъ... не всѣ надо... Вотъ еще скоро учитель мнѣ положеніе о крестьянахъ достанетъ;—очень интересно почитать—что оно такое?

— Видите какой?—спрашивала Варенька.

— А много вы читаете? — допытывался Ипполитъ Сергѣевичъ, вспоминая о Петрушкѣ Гоголя.

— Читаю, когда время есть. Здѣсь книжекъ много... у одной Елизаветы Сергѣевны до тысячи, чай, будетъ. Только у нея все романы, да повѣсти разныя...

Лодка ровно шла противъ теченія, навстрѣчу ей двигались берега и вокругъ было упоительно хорошо: свѣтло, тихо, душисто. Ипполитъ Сергѣевичъ смотрѣлъ въ лицо Вареньки, съ любопытствомъ обращенное къ широкогрудому гребцу, а онъ, мѣрно разбивая веслами гладь рѣки, говорилъ о своихъ литературныхъ вкусахъ, довольный тѣмъ, что его такъ охотно слушаетъ ученый баринъ. Въ глазахъ Маши, слѣдившихъ за нимъ изъ-подъ опущенныхъ рѣсницъ, свѣтились любовь и гордость.

— Не люблю читать про то, какъ солнце садилось или всходило... и вообще про природу. Восходы эти я, можетъ, не одну тысячу разъ видѣлъ... Лѣса и рѣки тоже мнѣ извѣстны; зачѣмъ мнѣ читать про нихъ? А это въ каждой книжкѣ... и по-моему, совсѣмъ лишнее... Всякъ по-своему заходъ солнца понимаетъ... И у всякаго свои глаза есть на это. А вотъ про жизнь людей—интересно. Читаешь, такъ думаешь:—а какъ бы ты самъ сдѣлалъ, коли бы тебя на эту линію поставить? Хоть и знаешь, что все это неправда.

— Что неправда?—спросилъ Ипполитъ Сергѣевичъ.

— А книжки. Выдумано. Про крестьянъ, напримѣръ... Развѣ они такіе, какъ въ книжкахъ? Про нихъ все съ

жалостью пишутъ, да этакими дурачками ихъ дѣлаютъ... не хорошо! Люди читаютъ—думаютъ и въ самомъ дѣлѣ такъ и не могутъ по-настоящему понять крестьянина... потому что въ книжкѣ-то онъ больно ужъ... глупъ да плохъ...

Варенькѣ, должно быть, стали скучны эти рѣчи, и она запѣла вполголоса, разсматривая берегъ потускнѣвшими глазами.

— Вотъ что,—давайте мы съ вами, Ипполитъ Сергѣевичъ, встанемъ и пойдемъ пѣшкомъ по лѣсу. А то сидимъ мы и печемся на солнцѣ, — развѣ такъ гуляютъ? А Григорій съ Машей поѣдутъ до Савёловой балки, тамъ пристанутъ, приготовятъ намъ чай и встрѣтятъ насъ... Григорій, приставай къ берегу. Ужасно я люблю пить и ѣсть въ лѣсу, на воздухѣ, на солнцѣ... Чувствуешь себя какой-то бродягой свободной...

— Вотъ видите,—оживленно говорила она, выпрыгнувъ изъ лодки на песокъ берега,—коснешься земли, сразу же и есть что-то... этакое бунтующее душу. Вотъ я насыпала себѣ песку полныя ботинки... а одну ногу обмочила въ водѣ... Это непріятно и пріятно, значитъ—хорошо, потому что заставляетъ чувствовать себя... Смотрите, какъ быстро пошла лодка!

Рѣка лежала у ногъ ихъ и, взволнованная лодкой, тихо плескалась о берегъ. Лодка стрѣлой летѣла къ лѣсу, оставляя за собой длинный слѣдъ, блестѣвшій на солнцѣ, какъ серебро. Видно было, что Григорій смѣялся, глядя на Машу, а она грозила ему кулакомъ.

— Это влюбленные, — сообщила Варенька, улыбаясь;—Маша уже просила у Елизаветы Сергѣевны позволенія выйти замужъ за Григорія. Но Елизавета Сергѣевна пока не разрѣшила ей этого; она не любитъ замужней и женатой прислуги. А вотъ у Григорія осенью кончится срокъ службы, и тогда онъ стащитъ Машу у васъ... Они славные оба. Григорій проситъ меня продать ему одинъ клокъ земли въ разсрочку... или

отдать въ долгосрочную аренду... десять десятинъ хочетъ. Но я не могу, пока папа живъ, и это жалко.. Я знаю, что онъ выплатилъ бы мнѣ все и очень аккуратно... онъ вѣдь на всѣ руки... и слесарь, и кузнецъ, и вотъ младшимъ кучеромъ служитъ у васъ...Коковичъ—земскій начальникъ и мой женихъ—говоритъ мнѣ про него такъ:—„эт-тё, знаитё, опасное бестіе—не поважаетъ начальствё!

— Кто онъ, этотъ Коковичъ? Полякъ?—спросилъ Ипполитъ Сергѣевичъ, любуясь ея гримасами.

— Мордвинъ, чувашъ—я не знаю! У него ужасно длинный и толстый языкъ, онъ не помѣщается во рту и мѣшаетъ ему говорить... Ухъ! Какая грязь!

Имъ преграждала дорогу лужа воды, покрытая зеленой плѣсенью и окруженная чернымъ бордюромъ жирной грязи. Ипполитъ Сергѣевичъ посмотрѣлъ себѣ на ноги, говоря:

— Нужно обойти стороной.

— Вы развѣ не перепрыгнете? Я думала, что она высохла уже...—съ негодованіемъ, топая ножкой, воскликнула Варенька. Стороной идти далеко... и потомъ оборвусь я тамъ... Попробуйте перепрыгнуть! Это легко, смотрите—р-разъ!

Она подпрыгнула и бросилась впередъ: ему показалось, что это платье сорвалось съ плечъ ея и полетѣло по воздуху. Но она стояла на той сторонѣ лужи и съ сожалѣніемъ восклицала:

— Ай, какъ я испачкалась! Нѣтъ, вы идите стороной... фи, какая гадость!

Онъ смотрѣлъ на нее и блѣдно улыбался, ловя въ себѣ какую-то дразнившую его темную мысль и чувствуя, что его ноги погружаются въ вязкую сырость. По ту сторону грязи Варенька встряхивала свое платье, оно издавало мягкій шумъ, и Ипполитъ Сергѣевичъ при его колебаніяхъ видѣлъ тонкіе, полосатые чулки на стройныхъ ножкахъ. На мигъ ему показалось, что

грязь, раздѣлявшая ихъ другъ отъ друга, имѣетъ смыслъ предостереженія ему или ей. Но онъ грубо оборвалъ себя, назвавъ глупымъ мальчишествомъ этотъ уколъ въ сердце, и торопливо пошелъ въ сторону съ дороги, въ кусты, окаймлявшіе ее, гдѣ все-таки ему пришлось шагать по водѣ, скрытой травою. Съ мокрыми ногами и съ какимъ-то еще неяснымъ ему рѣшеніемъ, онъ вышелъ къ ней, и она, съ гримасой указывая ему на свое платье, сказала:

— Смотрите—хорошо? Бя!

Онъ смотрѣлъ,—крупныя черныя пятна рѣзали глаза, торжествующе красуясь на бѣлой матеріи.

— Я люблю и привыкъ видѣть тебя такой свято-чистой, что даже пятно грязи на твоемъ платьѣ бросило бы черную тѣнь на мою душу...—медленно выговорилъ Ипполитъ Сергѣевичъ и, замолчавъ, сталъ смотрѣть въ удивленное лицо Вареньки съ блуждающей улыбкой на своихъ губахъ.

Ея глаза вопросительно стояли на лицѣ его, а онъ чувствовалъ, что его грудь какъ бы наполняется жгучей пѣной, и вотъ она сейчасъ превратится въ чудесныя слова, которыми онъ еще никогда и ни съ кѣмъ не говорилъ, ибо не зналъ ихъ до сей поры.

— Что такое вы сказали?—настойчиво спрашивала Варенька.

Онъ вздрогнулъ, ибо вопросъ ея звучалъ строго, и, стараясь быть спокойнымъ, сталъ серьезно объяснять ей:

— Я сказалъ стихи... по-русски они выходятъ прозой... но вы все же слышите вѣдь, что это стихи? Это, кажется, итальянскіе стихи... не помню, право... А впрочемъ, это, можетъ быть, и проза изъ какого-нибудь романа... Мнѣ это какъ-то такъ пришло въ голову...

— Какъ это, ну те-ка, скажите еще?—попросила она его, вдругъ задумавшись надъ чѣмъ-то.

— Я люблю... онъ остановился, потирая себѣ лобъ

рукой.— Повѣрите ли? Вѣдь я забылъ, какъ сказалъ! Честное слово—забылъ!

— Ну... пойдемте!—и она рѣшительно двинулась впередъ.

Нѣсколько минутъ Ипполитъ Сергѣевичъ старался понять и объяснить себѣ эту странную сцену, положившую между нимъ и дѣвушкой невидимую преграду взаимнаго недовѣрія, старался и не могъ ничего добиться отъ себя, кромѣ сознанія неловкости предъ Варенькой. Она шла рядомъ съ нимъ, молча, и, наклонивъ голову, не смотрѣла на него.

— Какъ бы объяснить ей все это? — соображалъ Ипполитъ Сергѣевичъ.

Ея молчаніе подавляло; ему казалось, что она думаетъ о немъ и не хорошо думаетъ. И не находя никакого объясненія своей выходкѣ, онъ вдругъ напряженно-весело замѣтилъ:

— Знали бы ваши женихи, какъ вы проводите время

Она посмотрѣла на него такъ, точно онъ своими словами призвалъ ее откуда-то издалека, но постепенно ея лицо стало изъ серьезнаго простымъ и по-дѣтски милымъ.

— Да! Это бы ихъ... обидило! Но они узнаютъ, о! узнаютъ! И... можетъ быть, нехорошо подумаютъ обо мнѣ..

— Вы боитесь этого?

— Я? Ихъ?—тихо, но гнѣвно спросила она.

— Простите меня за вопросъ.

— Ничего... Вы вѣдь не знаете меня... не знаете, какъ всѣ они противны мнѣ! Иногда мнѣ хочется свалить ихъ себѣ подъ ноги и ходить по ихъ лицамъ... наступая имъ на губы, чтобы они не могли ничего говорить. У! они всѣ подлые!

Злоба и безсердечіе сверкали въ ея глазахъ такъ ярко, что ему стало непріятно смотрѣть на нее, и онъ отвернулся, говоря ей:

— Какъ грустно, что вамъ приходится жить среди

ненавистныхъ вамъ людей... Неужели между ними нѣтъ ни одного, который... казался бы вамъ порядочнымъ...

— Нѣтъ! Знаете, ужасно мало на свѣтѣ интересныхъ людей... Всѣ такіе пришибленные, неодушевленные, противные...

Онъ улыбнулся надъ ея жалобой и сказалъ съ оттѣнкомъ ироніи, самому ему непонятной:

— Такъ говорить вамъ рано еще. А вотъ подождите немножко и встрѣтите человѣка, который удовлетворитъ васъ... Онъ будетъ всячески интересенъ для васъ...

— Это кто? — быстро спросила она и даже остановилась.

— Вашъ будущій мужъ.

— Но кто онъ?

— Какъ же я могу это знать! — пожалъ плечами Ипполитъ Сергѣевичъ, ощущая недовольство при живости ея вопросовъ.

— А говорите!—вздохнула она и пошла.

Они шли среди кустарника, едва доходившаго до ихъ плечъ; дорога лежала среди него, какъ потерянная лента, вся въ капризныхъ изгибахъ. Теперь предъ ними явился густой лѣсъ.

— А вамъ хочется выйти замужъ?—спросилъ Ипполитъ Сергѣевичъ.

— Да... не знаю! Не думается объ этомъ...—просто отвѣтила она. Взглядъ ея красивыхъ глазъ, устремленный вдаль, былъ такъ сосредоточенъ, точно она вспомнила что-то далекое и дорогое ей.

— Вамъ нужно пожить зиму въ городѣ—тамъ ваша красота обратитъ на васъ всеобщее вниманіе и вы скоро найдете то, что хотите... Потому что многіе и сильно пожелаютъ назвать васъ своей женой,—задумчиво разсматривая ея фигуру, негромко и медленно говорилъ онъ.

— Нужно, чтобъ я позволила это!

— Какъ вы можете запретить желать?

— Ахъ, да! Конечно... пусть желаютъ.

Они прошли нѣсколько шаговъ въ молчаніи.

Она, задумчиво разсматривая даль, все вспоминала что-то, онъ же зачѣмъ-то считалъ пятна грязи спереди ея платья. Ихъ было семь: три большія, похожія на звѣзды, два—какъ запятыя и одно—точно мазокъ кистью. Своимъ чернымъ цвѣтомъ и формой расположенія на матеріи они что-то значили для него. Но что—онъ не зналъ.

— Вы влюблялись? — вдругъ раздался ея голосъ, серьезный и пытливый.

— Я? — вздрогнулъ Ипполитъ Сергѣевичъ. — Да... только давно уже, когда былъ юношей...

— Я тоже давно...—сообщила она.

— А... кто онъ?—спросилъ Полкановъ, не чувствуя неловкости вопроса, и сорвавъ попавшуюся подъ руку вѣтку, далеко отбросилъ ее отъ себя.

— Онъ-то? Онъ конокрадъ... Три года прошло съ той поры, какъ я видѣла его. Семнадцать лѣтъ тогда было мнѣ... Его однажды поймали, избили и привезли къ намъ на дворъ. Онъ лежалъ, скрученный веревками, и молчалъ, глядя на меня... а я стояла на крыльцѣ дома. Помню, утро было такое ясное — это было рано утромъ и всѣ у насъ еще спали...

Она замолчала, вспоминая.

— Подъ телѣгой была лужа крови—жирная такая лужа—и въ нее падали тяжелыя капельки изъ него... Его звали—Сашка Ремезовъ. Мужики пришли на дворъ и, глядя на него, ворчали, какъ собаки. У всѣхъ у нихъ глаза были злые, а онъ, этотъ Сашка, смотрѣлъ на всѣхъ спокойно... И я чувствовала, что онъ—хотя и избитый, и связанный — считаетъ себя лучше всѣхъ. Онъ такъ ужъ смотрѣлъ... глаза у него были большіе каріе. Мнѣ было жалко его и страшно предъ нимъ... Я пошла въ домъ и налила ему стаканъ водки... Потомъ вышла и подаю ему. А у него руки связаны и онъ не можетъ

выпить... и онъ сказалъ мнѣ, поднявъ немного свою голову, всю въ крови: „Дайте, барышня, ко рту“. Я поднесла ему... онъ выпилъ такъ медленно, медленно и сказалъ: „Спасибо вамъ, барышня! Дай Боже вамъ счастья!“ —Тогда я вдругъ какъ-то шепнула ему: „убѣгите!“ А онъ громко отвѣтилъ: — „Если живъ буду — непремѣнно убѣгу! Ужъ повѣрьте!“ — И мнѣ ужасно понравилось, что онъ сказалъ это такъ громко, что всѣ слышали на дворѣ. Потомъ онъ говоритъ: „Барышня! велите вымыть мнѣ лицо!“ Я сказала Дунѣ, и она обмыла... хотя лицо осталось синее и опухшее отъ побоевъ... да! Скоро его увезли, и когда телѣга съѣзжала со двора, я смотрѣла на него, а онъ мнѣ кланялся и улыбался глазами... хотя онъ очень сильно былъ избитъ... Сколько я плакала о немъ! Какъ я молилась Богу за то, чтобъ онъ убѣжалъ...

— Вы что же...—иронически перебилъ ее Ипполитъ Сергѣевичъ,—можетъ быть, вы ждете, что онъ убѣжитъ и явится къ вамъ и... тогда за него вы выйдете замужъ?

Она не услышала или не поняла ироніи, ибо просто отвѣтила:

— Ну, зачѣмъ онъ сюда явится?

— А если бы явился—вы вышли бы?

— За мужика?.. не знаю... нѣтъ, я думаю!

Полкановъ разсердился.

— Испортили вы себѣ голову вашими романами, вотъ что я вамъ скажу, Варвара Васильевна...—строго заговорилъ онъ.

При звукѣ его сухого голоса она съ удивленіемъ взглянула въ лицо ему и стала молча и внимательно слушать его суровыя, почти карающія слова. А онъ доказывалъ ей, какъ развращаетъ умъ и душу эта, излюбленная ею, литература, всегда искажающая дѣйствительность, чуждая облагораживающихъ идей, равнодушная къ печальной правдѣ жизни, къ желаніямъ и мукамъ людей. Голосъ его рѣзко звучалъ въ тишинѣ

окружавшаго ихъ лѣса и часто въ придорожныхъ вѣтвяхъ раздавался тревожный шорохъ — кто-то прятался тамъ. Изъ листвы на дорогу смотрѣлъ пахучій сумракъ, порой по лѣсу проносился протяжный звукъ, похожій на подавленный вздохъ, и листва трепетала слабо, какъ во снѣ.

— Нужно читать и уважать только тѣ книги, которыя учатъ понимать смыслъ жизни, понимать желанія людей и истинные мотивы ихъ поступковъ. Понять людей — значитъ простить имъ ихъ недостатки. Нужно знать, какъ плохо живутъ люди и какъ хорошо они могли бы жить, если бъ были болѣе умны и болѣе уважали правà другъ друга. Всѣ вѣдь желаютъ одного — счастья, но идутъ къ нему разными путями, иногда очень позорными, но это только потому, что они не знаютъ, въ чемъ счастье. И вотъ на обязанности дѣльной и честной литературы лежитъ долгъ пояснить людямъ, въ чемъ счастье и какъ идти къ нему. А тѣ книги, которыя вы читаете, не занимаются такими задачами... онѣ просто лгутъ и лгутъ грубо. Вотъ онѣ внушили вамъ... дикое представленіе о героизмѣ... И что же? Теперь вы будете искать въ жизни такихъ людей, каковы они въ этихъ книжкахъ...

— Нѣтъ, конечно, не буду! — серьезно сказала дѣвушка. — Я знаю—такихъ нѣтъ. Но тѣмъ-то книжки и хороши, что онѣ изображаютъ то, чего нѣтъ. Обыкновенное вездѣ... вся жизнь обыкновенная... Ужъ очень много говорятъ о страданіяхъ... Это навѣрное неправда, а если это неправда — какъ не хорошо говорить много о томъ, чего на самомъ дѣлѣ меньше! Вотъ вы говорите, что въ книгахъ нужно искать... примѣрныхъ чувствъ и мыслей... и что всѣ люди заблуждаются и не понимаютъ себя... Такъ вѣдь книги пишутъ люди же! И почемъ я знаю, во что нужно вѣрить и которое лучше? А въ тѣхъ книжкахъ, на которыя вы нападаете, очень много благороднаго...

— Вы не поняли меня... — съ раздраженіемъ воскликнулъ онъ.

— Да? И вы на меня сердитесь за это?—виноватымъ голосомъ спросила она.

— Нѣтъ! Конечно, я не сержусь... можетъ ли идти рѣчь объ этомъ!

— Вы сердитесь, я знаю, я знаю! Я вѣдь и сама сержусь всегда, когда не соглашаются со мной! Но зачѣмъ вамъ нужно, чтобъ я согласилась съ вами? И мнѣ тоже... Зачѣмъ вообще всѣ люди всегда спорятъ и хотятъ, чтобъ съ ними согласились? Вѣдь тогда и говорить нельзя будетъ ни о чемъ.

Она засмѣялась и сквозь смѣхъ закончила:

— Точно всѣ хотятъ, чтобы отъ всѣхъ словъ осталось только одно—да! Ужасно весело!

— Вы спрашиваете, зачѣмъ мнѣ нужно...

— Нѣтъ, я понимаю; вы привыкли учить, и для васъ ужъ необходимо, чтобъ вамъ не мѣшали возраженіями.

— Вовсе не такъ! — съ огорченіемъ воскликнулъ Полкановъ. — Я хочу вызвать у васъ критику... всего, что творится вокругъ васъ и въ вашей душѣ.

— Зачѣмъ? — спросила она, наивно взглянувъ въ его глаза.

— Боже мой! Какъ это—зачѣмъ? Чтобы вы умѣли провѣрять свои чувства, думы, поступки... чтобы разумно относились къ жизни и себѣ самой.

— Ну, это... должно быть, трудно. Провѣрять себя, критиковать себя... какъ это? Я вѣдь одна... И что же... какъ же? на - двое расколоться мнѣ, что ли? Вотъ не понимаю! У насъ выходитъ такъ, что правда только вамъ извѣстна... Положимъ, это и у меня... и у всѣхъ... Но, значитъ, всѣ и ошибаются! Потому что вѣдь вы говорите — правда одна для всѣхъ, да?... А смотрите— какая красивая поляна!

Онъ смотрѣлъ, не возражая на ея слова. Въ немъ бушевало чувство недовольства собой, ибо умъ его былъ

оскорбленъ этой непокорной дѣвушкой, не поддававшейся его усиліямъ поработить ее, хоть на моментъ остановить ея мысль и затѣмъ повернуть ее на путь, противоположный тому, которымъ она шла до сей поры, не встрѣчая себѣ сопротивленія. Онъ привыкъ считать глупыми людей, не соглашавшихся съ нимъ; въ лучшемъ случаѣ онъ признавалъ ихъ лишенными способности развиться дальше той точки, на которой стоялъ ихъ умъ, — и къ такимъ людямъ онъ всегда относился съ презрѣніемъ, смѣшаннымъ съ жалостью. Но эта дѣвушка не казалась ему глупой и не возбуждала его обычныхъ чувствъ къ оппонентамъ. Почему же это и что она такое? И онъ отвѣчалъ себѣ: „Несомнѣнно только потому, что она такъ подавляюще-красива... Ея дикія рѣчи можно, пожалуй, не ставить въ вину ей... уже потому, что онѣ оригинальны, а оригинальность вообще встрѣчается крайне рѣдко, тѣмъ болѣе въ женщинѣ“.

Какъ человѣкъ высокой культуры, онъ внѣшне относился къ женщинѣ, какъ къ существу умственно равному, но въ глубинѣ души, какъ всѣ мужчины, думалъ о женщинѣ скептически и съ иронiей. Въ сердцѣ человѣка есть много мѣста вѣрѣ, но убѣжденію въ немъ тѣсно.

Они медленно шли по широкой, почти правильно круглой полянѣ. Дорога двумя черными линіями колеи рѣзала ее поперекъ и снова скрывалась въ лѣсу. Среди поляны стояла маленькая толпа стройныхъ молодыхъ березокъ, бросая кружевныя тѣни на стебли скошенной травы. Недалеко отъ нихъ склонился къ землѣ полуразрушенный шалашъ изъ вѣтвей; внутри его виднѣлось сѣно, а на немъ сидѣли двѣ галки. Ипполиту Сергѣевичу онѣ казались совершенно ненужными и нелѣпыми среди этой маленькой и красивой пустыни, окруженной со всѣхъ сторонъ темными стѣнами таинственно молчавшаго лѣса. Галки же бокомъ смотрѣли

на людей, шедшихъ по дорогѣ, и въ ихъ позахъ было что-то безбоязненное и увѣренное, — точно онѣ, сидя на шалашѣ, охраняли входъ въ него и сознавали это, какъ свою обязанность.

— Вы не устали? — спросилъ Полкановъ, съ чувствомъ, близкимъ къ гнѣву, разсматривая галокъ, важныхъ и суровыхъ въ своей неподвижности.

— Я? Гуляя — устать? Это даже обидно слушать! Ктому жъ до мѣста, гдѣ насъ ждутъ, осталось не болѣе версты... вотъ сейчасъ войдемъ въ лѣсъ и дорога пойдетъ подъ гору.

Она разсказывала ему, какъ хорошо тамъ, куда они идутъ, и онъ чувствовалъ, что имъ овладѣваетъ мягкая и ласковая лѣнь, мѣшающая ему слѣдить за ея рѣчью.

— Лѣсъ тамъ сосновый, онъ стоитъ на высокомъ пригоркѣ и называется Савёлова Грива. Сосны—громадныя и стволы у нихъ безъ вѣтвей, только тамъ, вверху каждой, темно-зеленый зонтъ. Тихо въ этомъ лѣсу, жутко, вся земля усыпана хвоей и лѣсъ кажется подметеннымъ. Когда я гуляю въ немъ, мнѣ почему-то всегда думается о Богѣ... вокругъ Его престола, должно быть, такъ же жутко... ангелы не славословятъ Его— это неправда! Зачѣмъ Ему слава? Развѣ Онъ Самъ не знаетъ, какъ Онъ великъ?

Въ умѣ Ипполита Сергѣевича сверкнула яркая мысль:

„Что, если я воспользуюсь авторитетомъ догмата, чтобъ поднять цѣлину ея души?“

Но онъ тотчасъ же гордо отвергъ это невольное признаніе въ своей слабости предъ нею. Было бы нечестно дѣйствовать силой, въ существованіе которой не вѣришь.

— Вы... не вѣрите въ Бога?—какъ бы ловя его мысль, спросила она.

— Почему вы такъ думаете?

— Да... всѣ ученые не вѣрятъ...

— Ужъ и всѣ! — усмѣхнулся онъ, не желая говорить съ ней на эту тему. Но она не отступала отъ него.

— Развѣ не всѣ? Но какъ же они не вѣрятъ? Пожалуйста, разскажите о тѣхъ, которые совсѣмъ не вѣрятъ въ Него... Я не понимаю, какъ же это можно? Откуда же все явилось?

Онъ помолчалъ, будя свой умъ, сладко дремавшій подъ звуки ея рѣчей. Потомъ заговорилъ о происхожденіи міра такъ, какъ онъ понималъ его:

— Могучія невѣдомыя силы вѣчно движутся, сталкиваются и великое движеніе ихъ рождаетъ видимый нами міръ, въ которомъ жизнь мысли и былинки подчинены однимъ и тѣмъ же законамъ. Это движеніе не имѣло начала и не будетъ имѣть конца...

Дѣвушка внимательно слушала его и часто просила объяснить ей то или другое. Онъ объяснялъ съ удовольствіемъ, видя напряженіе мысли на ея лицѣ. Она думаетъ, думаетъ! Но когда онъ кончилъ, она, помолчавъ съ минуту, простодушно спросила его:

— Но вѣдь тутъ начато не съ начала! А въ началѣ былъ Богъ. Какъ же это? Тутъ о Немъ просто не говорится, а развѣ это и значитъ не вѣрить въ Него?

Онъ хотѣлъ возражать ей, но по выраженію ея лица понялъ, что теперь это безполезно. Она вѣрила — объ этомъ свидѣтельствовали ея глаза, горѣвшіе мистическимъ огнемъ. Тихо, съ боязнью она говорила ему что-то странное; начала ея рѣчи онъ не уловилъ.

— Когда видишь людей и какъ все это гадко у нихъ и потомъ вспомнишь о Богѣ и страшномъ судѣ— даже сердце сожмется! Потому что вѣдь Онъ можетъ всегда—сегодня, завтра, черезъ часъ—потребовать отвѣтовъ... И, знаете, иногда мнѣ кажется — это будетъ скоро! Днемъ это будетъ... и сначала погаснетъ солнце... а потомъ вспыхнетъ новое пламя и въ немъ явится Онъ.

Ипполитъ Сергѣевичъ слушалъ ея бредъ и думалъ:

— Въ ней есть все, кромѣ того, чему необходимо слѣдовало бы быть...

Ея рѣчи вызвали блѣдность на ея лицѣ и испугъ былъ въ глазахъ у нея. Въ этомъ подавленномъ состояніи она шла долго, такъ что любопытство, съ которымъ Ипполитъ Сергѣевичъ слушалъ ее, начало исчезать у него, замѣняясь утомленіемъ.

Но ея бредъ исчезъ вдругъ, когда до нихъ донесся громкій смѣхъ, звучавшій гдѣ-то близко.

— Слышите? Это Маша... вотъ мы и пришли!

Она ускорила шаги и крикнула:

— Маша, ау!

— Зачѣмъ она кричитъ? — съ сожалѣніемъ подумалъ Ипполитъ Сергѣевичъ.

Вышли на берегъ рѣки; онъ полого спускался къ водѣ и по нему были капризно разбросаны веселыя группы березъ и осинъ. А на противоположномъ берегу стояли у самой воды высокія, молчаливыя сосны, наполняя воздухъ густымъ, смолистымъ запахомъ. Тамъ все было хмуро, неподвижно, однообразно и пропитано суровой важностью, а здѣсь—граціозныя березы качали гибкими вѣтвями, нервно дрожала серебристая листва осины; калинникъ и орѣшникъ стоялъ пышными купами, отражаясь въ водѣ; тамъ желтѣлъ песокъ, усѣянный рыжеватой хвоей; здѣсь подъ ногами зеленѣла атава, чуть пробивавшаяся среди срѣзанныхъ стеблей, и отъ разбросанныхъ между деревьевъ копенъ пахло свѣжимъ сѣномъ. Рѣка, спокойная и холодная, отражала какъ зеркало эти два міра, такъ не похожіе одинъ на другого.

Въ тѣни одной группы березъ былъ разостланъ яркій коверъ, на немъ стоялъ самоваръ, испуская струйки пара и голубой дымъ, а около него, присѣвъ на корточки, возилась Маша съ чайникомъ въ рукѣ.

Лицо у нея было красное, счастливое, волосы на головѣ мокрые.

— Ты купалась?—спрашивала у нея Варенька.— А гдѣ Григорій?

— Тоже купаться поѣхалъ. Скоро ужъ вернется.

— Да мнѣ его не нужно. Я хочу ѣсть, пить и... ѣсть и пить! Вотъ какъ! А вы, Ипполитъ Сергѣевичъ?

— Не откажусь, знаете ли,—усмѣхнулся онъ.

— Маша, живо!

— Что сначала прикажете? Цыплятъ, паштетъ...

— Все сразу давай и можешь исчезнуть! Можетъ быть, тебя ждетъ кто-нибудь?

— Ровно бы некому,—тихонько засмѣялась Маша, благодарными глазами взглядывая на нее...

— Ну, ладно, притворяйся!

„Какъ это у нея просто все выходитъ,—думалъ Ипполитъ Сергѣевичъ, принимаясь за цыплятъ.—Неужели ей извѣстенъ и смыслъ, и детали подобныхъ отношеній? Весьма вѣроятно, вѣдь деревня такъ откровенна и груба въ этой сферѣ".

А Варенька со смѣхомъ вышучивала смущеніе Маши, стоявшей предъ нею, потупивъ глаза и съ улыбкой счастья на лицѣ.

— Погоди, онъ тебя заберетъ въ руки! — грозила она.

— Ка-акъ же! Такъ я ему и дамся!... Я, знаете, я его...—и она, закрывъ лицо передникомъ, закачалась на ногахъ въ приступѣ неудержимаго смѣха.—Дорогой въ воду ссунула!

— Ну? Молодецъ ты! А какъ же онъ?

— Плылъ за лодкой... и... и все упрашивалъ, чтобъ я его... впустила... а я ему... веревку бросила съ кормы!

Заразительный смѣхъ двухъ женщинъ принудилъ и Ипполита Сергѣевича громко расхохотаться. Онъ смѣялся не потому, что представлялъ себѣ Григорія плывущимъ за лодкой, а потому, что хорошо ему было.

Чувство свободы отъ самого себя наполняло его, и порой онъ точно откуда-то издали удивлялся себѣ, замѣчая, что никогда раньше онъ не былъ такъ просто веселъ, какъ въ этотъ моментъ. Потомъ Маша исчезла, и они снова остались вдвоемъ.

Варенька полулежала на коврѣ и пила чай, а Ипполитъ Сергѣевичъ смотрѣлъ на нее какъ бы сквозь дымку дремы. Вокругъ нихъ было тихо, лишь самоваръ пѣлъ задумчивую мелодію, да порой что-то шуршало въ травѣ.

— Вы что же молчаливый такой?—спросила Варенька, заботливо глядя на него.—Вамъ, можетъ быть, скучно?

— Нѣтъ, мнѣ хорошо,—медленно сказалъ онъ,—а говорить не хочется.

— Вотъ и я тоже такъ,—оживилась дѣвушка,—когда тихо, я ужасно не люблю говорить. Вѣдь словами не много скажешь, потому что бываютъ чувства, для которыхъ и нѣтъ совсѣмъ словъ. И когда говорятъ—тишина, то это напрасно:—о тишинѣ нельзя говорить, не уничтожая ея... да?

Она помолчала, посмотрѣла на сосновый лѣсъ и, указавъ на него рукой, спросила, тихо улыбаясь:

— Посмотрите, сосны точно прислушиваются къ чему-то. Тамъ среди нихъ тихо-тихо. Мнѣ иногда кажется, что лучше всего жить вотъ такъ, въ тишинѣ. Но хорошо и въ грозу... ахъ, какъ хорошо! Небо черное, молніи злыя, темнота, вѣтеръ воетъ... въ это время выйти въ поле и стоять тамъ и пѣть—громко пѣть, или бѣжать подъ дождемъ, противъ вѣтра. Такъ и зимой. Вы знаете, однажды во вьюгу я заблудилась и чуть не замерзла.

— Разскажите, какъ это?—попросилъ онъ. Ему было пріятно слышать ее,—казалось, что она говоритъ на языкѣ новомъ для него, хотя и понятномъ.

— Я ѣхала изъ города, поздно ночью,—придвигаясь

къ нему и остановивъ тихо улыбающіеся глаза на его лицѣ, начала она.—Кучеромъ былъ Яковъ, старый такой, строгій мужикъ. И вотъ началась вьюга, страшной силы вьюга и прямо въ лицо намъ. Рванетъ вѣтеръ и броситъ въ насъ цѣлую тучу снѣга такъ, что лошади попятятся назадъ и Яковъ покачнется на козлахъ. Вокругъ все кипитъ точно въ котлѣ, и мы въ холодной пѣнѣ. Ѣхали, ѣхали, потомъ Яковъ, вижу я, снялъ шапку съ головы и крестится. Что ты?—„Молитесь, барышня, Господу и Варварѣ великомученицѣ, она помогаетъ отъ нечаянной смерти". Онъ говорилъ просто и безъ страха, такъ что я не испугалась; спрашиваю— заплутались?—„Да", говоритъ. Но, можетъ быть, выѣдемъ?—„Гдѣ ужъ, говоритъ, выѣхать въ такую вьюгу! Вотъ я отпущу вожжи, авось кони сами пойдутъ, а вы все-таки про Бога-то вспомните!" Онъ очень набожный, этотъ Яковъ. Кони стали и стоятъ, а насъ заноситъ. Холодно! Лицо рѣжетъ снѣгомъ. Яковъ сѣлъ съ козелъ ко мнѣ, чтобы намъ обоимъ теплѣе было, и мы съ головой закрылись ковромъ, что былъ въ саняхъ. На коверъ наносило снѣгъ и онъ становился тяжелымъ. Я сидѣла и думала: вотъ и пропала я! И не съѣмъ тѣхъ конфетъ, что везла изъ города... Но страшно мнѣ не было, потому что Яковъ разговаривалъ все время. Помню, онъ говорилъ: „Жалко мнѣ васъ, барышня! Зачѣмъ вы-то погибнете?"—Да, вѣдь, и ты тоже замерзнешь?—„Я-то ничего, я ужъ пожилъ, а вотъ вамъ..." и все обо мнѣ. Онъ меня очень любитъ, даже ругаетъ иногда, знаете, ворчитъ на меня, сердито такъ:—„ахъ, ты безбожница, сорви-голова, безстыжая вертушка!..."

Она сдѣлала суровую мину и говорила густымъ басомъ, растягивая слова. Воспоминаніе о Яковѣ отвлекло ее отъ своего разсказа, и Ипполитъ Сергѣевичъ долженъ былъ спросить ее:

— Какъ же вы нашли путь?

— А кони озябли и пошли сами, шли-шли и дошли

до деревни, на тринадцать верстъ въ сторону отъ нашей. Вы знаете, наша деревня здѣсь близко, версты четыре, пожалуй. Вотъ если идти такъ вдоль берега и потомъ по тропѣ, въ лѣсу направо, тамъ будетъ ложбина и уже видно усадьбу. А дорогой отсюда верстъ десять.

Какія-то смѣлыя птички порхали вокругъ нихъ и, садясь на вѣтки кустовъ, бойко щебетали, точно дѣлясь другъ съ другомъ впечатлѣніями отъ этихъ двухъ людей, одинокихъ среди лѣса. Издали доносился смѣхъ, говоръ и плескъ веселъ, должно быть Григорій и Маша катались на рѣкѣ.

— Позовемъ ихъ и переѣдемъ на ту сторону въ сосны?—предложила Варенька.

Онъ согласился, и приставивъ руку ко рту рупоромъ, она стала кричать:

— Плывите сюда-а!

Отъ крика ея грудь напрягалась, а Ипполитъ Сергѣевичъ молча любовался ею. Ему о чемъ-то нужно было подумать—о чемъ-то очень серьезномъ, чувствовалъ онъ,—но думать не хотѣлось, и этотъ слабый позывъ ума не мѣшалъ ему спокойно и свободно отдаваться болѣе сильному повелѣнію чувства.

Явилась лодка. У Григорія лицо было лукавое и немного виноватое, у Маши—притворно-сердитое; но Варенька, садясь въ лодку, посмотрѣла на нихъ и засмѣялась, тогда и они оба засмѣялись, сконфуженные и счастливые.

„Венера и рабы, обласканные ею“,—подумалъ Ипполитъ Сергѣевичъ.

Въ сосновомъ лѣсу было торжественно и тихо, какъ въ храмѣ, и могучіе, стройные стволы стояли, какъ колонны, поддерживая тяжелый сводъ изъ темной зелени. Теплый и густой запахъ смолы наполнялъ воздухъ, а подъ ногами тихо хрустѣла сухая хвоя. Впереди, позади, съ боковъ—всюду стояли красноватыя

сосны и лишь кое-гдѣ у корней ихъ сквозь пластъ хвои пробивалась какая-то блѣдная зелень. Въ тишинѣ и молчаніи двое людей медленно бродили среди этой безмолвной жизни, свертывая то вправо, то влѣво предъ деревьями, заграждавшими имъ путь.

— Мы не заплутаемся? — спросилъ Ипполитъ Сергѣевичъ.

— Я заплутаюсь?—удивилась Варенька.—Я вездѣ найду нужное мнѣ направленіе... стоитъ только посмотрѣть на солнце.

Онъ не спрашивалъ ея о томъ, какъ солнце указываетъ ей путь, ему совершенно не хотѣлось говорить, хотя иногда онъ чувствовалъ, что много могъ бы сказать ей. Но это были внутренніе взрывы желаній, вспыхивавшіе на поверхности его спокойнаго настроенія и въ секунду угасавшіе, не волнуя его. Варенька шла рядомъ съ нимъ и онъ видѣлъ на лицѣ ея отраженіе тихаго восторга.

— Хорошо?—изрѣдка спрашивала она его, и ласковая улыбка заставляла вздрагивать ея губы.

— Да, очень,—кратко отвѣчалъ онъ, и снова они молчали, идя по лѣсу. Ему казалось, что онъ—юноша, благоговѣйно влюбленъ, чуждъ грѣшныхъ помысловъ и всякой внутренней борьбы съ самимъ собой. Но каждый разъ, когда глаза ловили пятно грязи на ея платьѣ, на душу ему падала тревожная тѣнь. И онъ не понималъ, какъ это случилось, что вдругъ, въ моментъ, когда такая тѣнь окутала его сознаніе, онъ, глубоко вздохнувъ, точно сбрасывая съ себя тяжесть, сказалъ:

— Какая вы красавица!

Она удивленно взглянула на него.

— Что это вы? Молчали, молчали—и вдругъ!

Ипполитъ Сергѣевичъ слабо засмѣялся, обезсиленный ея спокойствіемъ.

— Такъ, знаете... хорошо здѣсь! Лѣсъ хорошъ... а вы въ немъ какъ фея... или—вы богиня и лѣсъ—вашъ храмъ.

— Нѣтъ...—улыбаясь возразила она,—это не мой лѣсъ, это казенный, а нашъ лѣсъ въ ту сторону, внизъ по рѣкѣ.

И она указала рукой куда-то вбокъ.

— Шутитъ она или... не понимаетъ? — подумалъ Ипполитъ Сергѣевичъ, и въ немъ стало разгораться настойчивое желаніе говорить ей о ея красотѣ. Но она была задумчива, спокойна, и это сдерживало его во все время прогулки.

Гуляли они еще долго, но говорили уже мало, ибо мягкія и мирныя впечатлѣнія этого дня овѣяли ихъ души сладкимъ утомленіемъ, въ которомъ уснули всѣ желанія, кромѣ желанія молча думать о чемъ-то невыразимомъ словами.

Воротясь домой, они узнали, что Елизаветы Сергѣевны еще нѣтъ, и стали пить чай, быстро приготовленный Машей. Сейчасъ же послѣ чая Варенька уѣхала домой, взявъ съ него слово пріѣхать къ нимъ въ усадьбу вмѣстѣ съ Елизаветой Сергѣевной. Онъ проводилъ ее и когда пришелъ на террасу, то поймалъ себя на тоскливомъ ощущеніи утраты чего-то необходимаго ему. Сидя за столомъ, на которомъ стоялъ остывшій стаканъ его чая, онъ попробовалъ строго оборвать себя, уничтожить всю эту игру раздраженныхъ за день чувствъ, но въ немъ явилась жалость къ самому себѣ и онъ отказался отъ всякихъ операцій надъ собой.

— Зачѣмъ?—думалъ онъ — развѣ все это серьезно? Шалость и только. Это не вредитъ ей, не можетъ повредить, если бъ я и хотѣлъ. Это нѣсколько мѣшаетъ мнѣ жить... но тутъ столько юнаго и красиваго...

Потомъ, снисходительно улыбаясь самому себѣ, онъ вспомнилъ свое твердое рѣшеніе развить ея умъ и свои неудачныя попытки сдѣлать это.

— Нѣтъ, очевидно, съ ней нужно говорить иными словами. Эти цѣлостныя натуры скорѣе склонны поступиться своей непосредственностью предъ метафизикой...

защищаясь противъ логики броней слѣпого, примитивнаго чувства... Странная дѣвушка!

Въ думахъ о ней его застала сестра. Она явилась шумной и оживленной,—такой онъ еще не видалъ ея. Приказавъ Машѣ подогрѣть самоваръ, она усѣлась противъ брата и начала ему разсказывать о Бенковскихъ.

— Изо всѣхъ щелей ихъ стараго дома смотрятъ жесткіе глаза нищеты, торжествующей побѣду надъ этимъ семействомъ. Въ домѣ, кажется, нѣтъ ни копейки денегъ и никакихъ запасовъ; къ обѣду посылали въ деревню за яйцами. Обѣдъ безъ мяса, и поэтому старикъ Бенковскій очень много говоритъ о вегетаріанствѣ и о возможности моральнаго перерожденія людей на этой почвѣ. У нихъ пахнетъ разложеніемъ, и всѣ они злые—отъ голода, должно быть. Она ѣздила къ нимъ съ предложеніемъ продать ей клокъ земли, врѣзавшійся въ ея владѣнія.

— Зачѣмъ это?—полюбопытствовалъ Ипполитъ Сергѣевичъ.

— Ну, тебѣ едва ли могутъ быть доступны соображенія, которыя я преслѣдую. Представь, что это ради моихъ будущихъ дѣтей, — смѣясь сказала она. Ну, а ты какъ провелъ время?

— Пріятно.

Она помолчала, исподлобья посмотрѣвъ на него.

— Извини за вопросъ... ты не боишься немножко увлечься Варенькой?

— Чего же тутъ бояться?—съ непонятнымъ ему интересомъ спросилъ онъ.

— Возможности увлечься сильно?

— Ну, это едва ли я сумѣю... — скептически отвѣтилъ онъ и вѣрилъ, что говоритъ правду.

— А если такъ, то и прекрасно. Немножко — это хорошо, а то ты нѣсколько сухъ... слишкомъ серьезенъ... для твоихъ лѣтъ. И я, право, буду рада, если она рас-

шевелитъ тебя... Быть можетъ, ты хотѣлъ бы видѣть ее чаще?...

— Она взяла съ меня слово пріѣхать къ нимъ и просила тебя объ этомъ... — сообщилъ Ипполитъ Сергѣевичъ.

— Когда ты хочешь поѣхать?

— Все равно... Какъ ты найдешь удобнымъ. Ты сегодня хорошо настроена.

— Это очень замѣтно? — засмѣялась она.—Что же? Я провела хорошо день. Вообще... боюсь, это покажется тебѣ цинизмомъ... но право, со дня похоронъ мужа я чувствую, что возрождаюсь... Я эгоистична — конечно! Но это радостный эгоизмъ человѣка, выпущеннаго изъ тюрьмы на свободу... Суди, но будь справедливъ.

— Сколько оговорокъ для такой маленькой рѣчи! Рада и—радуйся...—ласково засмѣялся Ипполитъ Сергѣевичъ.

— И ты сегодня добръ и милъ,—сказала она.—Видишь,—немножко счастья—и человѣкъ сразу же становится лучше, добрѣе. А нѣкоторые слишкомъ мудрые люди находятъ, что насъ очищаютъ страданія... Желала бы я, чтобъ жизнь, примѣняя къ нимъ эту теорію, очистила ихъ умы отъ заблужденія...

— А если Вареньку заставить страдать... что было бы изъ нея?—спросилъ самъ себя Ипполитъ Сергѣевичъ.

Скоро они разошлись. Она стала играть, а онъ, уйдя въ свою комнату, легъ тамъ и задумался,—какое представленіе о немъ сложилось у этой дѣвушки? Считаетъ она его красивымъ? Или умнымъ? Что можетъ нравиться ей въ немъ? Что-то привлекаетъ ее къ нему — это очевидно для него. Но едва ли онъ имѣетъ въ ея глазахъ цѣну какъ умный, ученый человѣкъ; она такъ легко отбрасываетъ отъ себя всѣ его теоріи, взгляды поученія. Вѣроятнѣе, что онъ нравится ей просто, какъ мужчина.

И дойдя до этого заключенія, Ипполитъ Сергѣевичъ

вспыхнулъ отъ гордой радости. Закрывъ глаза, онъ съ улыбкой удовольствія представлялъ себѣ эту дѣвушку покорной ему, побѣжденной имъ, готовой на все для него, робко умоляющей его взять ее и научить думать, жить, любить.

III.

Когда кабріолетъ Елизаветы Сергѣевны остановился у крыльца дома полковника Олесова, на крыльцѣ явилась длинная и худая фигура женщины въ сѣрой блузѣ и раздался басовый голосъ, рѣзко выдѣлявшій звукъ „р“.

— А-а! Какой пріятный сюрпризъ!

Ипполитъ Сергѣевичъ даже вздрогнулъ отъ этого привѣтствія, похожаго на рычаніе.

— Мой братъ Ипполитъ... — представила Елизавета Сергѣевна, поцѣловавшись съ женщиной.

— Маргарита Родіоновна Лучицкая.

Пять холодныхъ и цѣпкихъ костей сжали пальцы Ипполита Сергѣевича; сверкающіе сѣрые глаза остановились на его лицѣ, и тётя Лучицкая пробасила, внятно отчеканивая каждый слогъ, точно она считала ихъ, боясь сказать что-то лишнее:

— Очень рада быть знакомой съ вами.

Затѣмъ она отодвинулась въ сторону и ткнула рукой на дверь въ комнаты.

— Прошу!

Ипполитъ Сергѣевичъ шагнулъ черезъ порогъ. а навстрѣчу ему откуда-то донесся хриплый кашель и раздраженный возгласъ:

— Чортъ возьми твою глупость! Ступай, посмотри и скажи, кто-о пріѣхалъ...

— Иди, иди...—поощрила Елизавета Сергѣевна брата, замѣтивъ, что онъ нерѣшительно остановился.—Это полковникъ кричитъ... Мы пріѣхали, полковникъ!

Среди большой, съ низкимъ потолкомъ комнаты, стояло массивное кресло, а въ него было втиснуто большое рыхлое тѣло съ краснымъ дряблымъ лицомъ, поросшимъ сѣдымъ мхомъ. Верхняя часть этой массы тяжело ворочалась, издавая удушливый храпъ. За кресломъ возвышались плечи какой-то высокой и дородной женщины, смотрѣвшей въ лицо Ипполита Сергѣевича тусклыми глазами.

— Радъ васъ видѣть... вашъ братъ?... Полковникъ Василій Олесовъ... билъ турокъ и текинцевъ, а нынѣ самъ разбитъ болѣзнями... хо-хо-хо! Радъ васъ видѣть... Мнѣ Варвара все лѣто барабанитъ въ уши о вашей учености и умѣ, и прочее такое... Прошу сюда, въ гостиную... Ѳекла,—вези!

Пронзительно завизжали колёса кресла, полковникъ качнулся впередъ, откинулся назадъ и разразился хриплымъ кашлемъ, такъ болтая головой, точно желалъ, чтобъ она у него оторвалась.

— Когда баринъ кашляетъ — стой! Не говорила я тебѣ этого тысячу разъ?

И тётя Лучицкая, схвативъ Ѳеклу за плечо, вдавила ее въ полъ.

Полкановы стояли и ждали, когда откашляется грузно колыхавшееся тѣло Олесова.

Наконецъ, двинулись впередъ и очутились въ маленькой комнатѣ, гдѣ было душно, темно и тѣсно отъ обилія мягкой мебели въ парусиновыхъ чехлахъ.

— Разсаживайтесь... Ѳекла—за барышней!—скомандовала тётя Лучицкая.

— Елизавета Сергѣевна, голубушка, я вамъ радъ!—заявилъ полковникъ, глядя на гостью изъ-подъ сѣдыхъ бровей, сросшихся на переносьѣ, круглыми, какъ у филина, глазами. Носъ у полковника былъ комически великъ и конецъ его, сизый и блестящій, уныло прятался въ сѣдой щетинѣ усовъ.

— Я знаю, что вы рады мнѣ такъ же, какъ и я рада видѣть васъ... — ласково сказала гостья.

— Хо-хо-хо! Это, пардонъ! — вы врете! Какое удовольствіе видѣть старика, разбитаго подагрой и болящаго отъ неумолимой жажды випить водки? Лѣтъ двадцать пять тому назадъ можно было дѣйствительно радоваться при видѣ Васьки Олесова... и много женщинъ радовались... а теперь ни вы мнѣ, ни я вамъ совершенно не нужны... Но при васъ мнѣ дадутъ водки, — и я радъ вамъ!

— Не говори много, опять закашляешь... — предупредила его Маргарита Родіоновна.

— Слышали? — обратился полковникъ къ Ипполиту Сергѣевичу. — Я не долженъ говорить — вредно, пить — вредно, ѣсть, сколько хочу — вредно! Все вредно, чортъ возьми! И я вижу — мнѣ жить вредно! Хо-хо-хо! Отжилъ... не желаю вамъ сказать когда-нибудь этакое про себя... А впрочемъ, вы навѣрное скоро умрете... схватите чахотку—у васъ невозможно узкая грудь...

Ипполитъ Сергѣевичъ смотрѣлъ то на него, то на тётю Лучицкую и думалъ о Варенькѣ:

— Однако, среди какихъ монстровъ она живетъ!

Онъ никогда не пытался представлять себѣ обстановку ея жизни и теперь былъ подавленъ тѣмъ, что видѣлъ. Суровая и угловатая худоба тёти Лучицкой колола ему глаза; онъ не могъ видѣть ея длинной шеи, обтянутой желтой кожей, и всякій разъ, какъ она говорила,—ему становилось чего-то боязно, точно онъ ждалъ, что басовые звуки, исходившіе изъ широкой, но плоской, какъ доска, груди этой женщины, — разорвутъ ей грудь. И шелестъ юбокъ тёти Лучицкой казался ему треніемъ ея костей. Отъ полковника пахло какимъ-то спиртомъ, потомъ и сквернымъ табакомъ. Судя по блеску его глазъ, онъ, должно быть, часто раздражался, и Ипполитъ Сергѣевичъ, воображая его раздраженнымъ, почувствовалъ отвращеніе къ этому старику. Въ ком-

натахъ было неуютно, обои на стѣнахъ закоптѣли, а изразцы печи испещрялись трещинами, что, впрочемъ, придавало имъ сходство съ мраморомъ. Краска съ пола была стерта колесами кресла, рамы въ окнахъ кривы, стёкла тусклы; отовсюду вѣяло стариной, разрушающейся отъ утомленія жизнью.

— А сегодня душно... — говорила Елизавета Сергѣевна.

— Будетъ дождь... — категорически объявила Лучицкая.

— Неужели? — усумнилась гостья.

— Вѣрьте Маргаритѣ, — захрипѣлъ старикъ. — Ей извѣстно все, что будетъ... Она ежедневно увѣряетъ меня въ этомъ... Ты, говоритъ, умрешь, а Варьку ограбятъ и сломятъ ей голову... — видите? Я спорю: — дочь полковника Олесова не позволитъ кому-нибудь сломить ей голову... она сама это сдѣлаетъ! А что я умру — это правда... т.-е. такъ должно быть. А вы, господинъ ученый, какъ себя здѣсь чувствуете? Тощища въ кубѣ, не правда ли?

— Нѣтъ, почему же? Красивая лѣсная мѣстность...— любезно откликнулся Ипполитъ Сергѣевичъ.

— Красивая мѣстность... здѣсь-то? Пхе! Это значитъ, что вы не видали красиваго на землѣ. Красивое — это долина Казанлыка въ Болгаріи... красиво въ Херассанѣ... на Мургабѣ есть мѣста какъ рай... А! Мое драгоцѣнное дѣтище!...

Варенька внесла ароматъ свѣжести въ затхлый воздухъ гостиной. Фигура ея была окутана въ какую-то хламиду изъ сарпинки свѣтло-сиреневаго цвѣта. Въ рукахъ она держала большой букетъ только что срѣзанныхъ цвѣтовъ и ея лицо сіяло удовольствіемъ.

— Какъ хорошо, что вы пріѣхали именно сегодня!— восклицала она, здороваясь съ гостями. — Я уже собиралась къ вамъ... они меня загрызли!

И широкимъ жестомъ руки она указала на отца и

Маргариту Родіоновну, сидѣвшую рядомъ съ гостьей до того неестественно-прямо, точно у нея позвоночникъ окаменѣлъ и не сгибался.

— Варвара! Ты говоришь вздоръ! — сурово окрикнула она дѣвушку, сверкнувъ глазами.

— Не кричите! А то я начну разсказывать Ипполиту Сергѣевичу о поручикѣ Яковлевѣ и его пылкомъ сердцѣ...

— Хо, хо, хо! Варька — смирно! Я самъ разскажу...

— Куда я попалъ? — соображалъ Ипполитъ Сергѣевичъ, съ удивленіемъ посматривая на сестру.

Но ей, очевидно, было знакомо все это, и хотя въ углахъ ея губъ дрожала улыбка пренебреженія, она смотрѣла и слушала спокойно.

— Иду распорядиться чаемъ! — объявила Маргарита Родіоновна, не сгибая корпуса, вытянулась кверху и исчезла, окинувъ полковника укоризненнымъ взглядомъ.

Варенька сѣла на ея мѣсто и начала что-то говорить на ухо Елизаветѣ Сергѣевѣ.

— Что у нея за страсть къ широкимъ одеждамъ? — думалъ Ипполитъ Сергѣевичъ, искоса поглядывая на ея фигуру, въ красивой позѣ склоненную къ сестрѣ.

А полковникъ гудѣлъ, какъ разбитый контрабасъ:

— Вы, конечно, знаете, что Маргарита — жена моего товарища подполковника Лучицкаго, убитаго при Эски-Загрѣ? Она съ нимъ дѣлала походъ, да! Энергичная, знаете, женщина. Ну и вотъ, былъ у насъ въ полку поручикъ Яковлевъ, этакая нѣжная барышня... ему редифъ разбилъ грудь прикладомъ, травматическая чахотка и... конецъ! И вотъ онъ болѣлъ, а она за нимъ ухаживала пять мѣсяцевъ! а? каково? И, знаете, дала ему слово не выходить замужъ. Молодая она была, красива... очень эффектна. За ней ухаживали, серьезно ухаживали достойные люди... капитанъ Шмурло, очень милый хохолъ, даже спился и бросилъ службу. Я—тоже... то-есть тоже предлагалъ: — Маргарита! иди за меня

замужъ!... Не пошла... очень глупо, но, конечно, благородно. А вотъ когда меня разбила подагра, она явилась и говоритъ: ты одинъ, я одна... и прочее такое. Трогательно и свято. Дружба навѣкъ и всегда грыземся. Она пріѣзжаетъ каждое лѣто, даже хочетъ продать имѣніе и переселиться навсегда, т.-е. до моей смерти. Я цѣню, но смѣшно все это—да? Хо-хо-хо! Потому что была женщина съ огнемъ и, видите, какъ онъ ее высушилъ? Не шути съ огнемъ... хо! Она, знаете, злится, когда разсказываешь эту поэзію ея жизни, какъ она выражается. Не смѣй, говоритъ, оскорблять гнуснымъ языкомъ святыню моего сердца! а! Хо-хо-хо! А въ существѣ дѣла — какая святыня? Заблужденіе ума... мечты институтки... Жизнь проста, не такъ ли? Наслаждайся и умри въ свое время, вотъ и вся философія! Но... умри въ свое время! А я вотъ пропустилъ срокъ, это скверно, не желаю вамъ этого....

У Ипполита Сергѣевича кружилась голова отъ разсказа и запаха, который распространялъ полковникъ. А Варенька, не обращая не него вниманія и, должно быть не понимая, какъ мало пріятна ему бесѣда съ ея отцомъ, вполголоса разговаривала съ Елизаветой Сергѣевной, слушавшей ее внимательно и серьезно.

— Приглашаю чай пить! — раздался въ дверяхъ басъ Маргариты Родіоновны. — Варвара, вези отца!

Ипполитъ Сергѣевичъ облегченно вздохнулъ и пошелъ сзади Вареньки, легко катившей предъ собой тяжелое кресло.

Чай былъ приготовленъ по-англійски съ массой холодныхъ закусокъ. Громадный кровавый ростбифъ окружали бутылки вина, и это вызвало довольный хохотъ у полковника. Казалось, что и его полумертвыя ноги, окутанныя медвѣжьей шкурой, дрогнули отъ предвкушенія удовольствія. Онъ ѣхалъ къ столу и, простирая къ бутылкамъ дрожащія пухлыя руки, поросшія темной шерстью,

хохоталъ, сотрясая воздухъ большой столовой, обставленной плетеными изъ прутьевъ стульями.

Чаепитіе продолжалось мучительно долго, и все время полковникъ съ хрипомъ разсказывалъ военные анекдоты, Маргарита Родіоновна кратко и басомъ вставляла свои замѣчанія, а Варенька тихо, но оживленно разговаривала съ Елизаветой Сергѣевной.

— О чемъ она? — съ тоской думалъ Ипполитъ Сергѣевичъ, предоставленный въ жертву полковнику.

Ему казалось, что сегодня она слишкомъ мало обращаетъ на него вниманія. Что это—кокетство? И онъ чувствовалъ, что готовъ разсердиться на нее.

Но вотъ она взглянула въ его сторону и звонко засмѣялась.

— Это сестра обратила ея вниманіе на меня! — недовольно хмуря брови, сообразилъ Полкановъ.

— Ипполитъ Сергѣевичъ! Вы кончили чай? — спросила Варенька.

— Да, уже...

— Гулять? Я покажу вамъ славныя мѣстечки!

— Пойдемте. А ты, Лиза, идешь?

— Я — нѣтъ! Мнѣ пріятно посидѣть съ Маргаритой Родіоновной и полковникомъ.

— Хо-хо-хо! Пріятно постоять на краю могилы, куда сваливается полумертвое тѣло мое! — хохоталъ полковникъ.—Зачѣмъ такъ говорить?

— Сейчасъ она спроситъ у меня — вамъ скучно у насъ? — думалъ Ипполитъ Сергѣевичъ, выйдя съ Варенькой изъ комнатъ въ садъ. Но она спросила его:

— Какъ вамъ нравится папа?

— О! — тихо воскликнулъ Ипполитъ Сергѣевичъ.— Онъ возбуждаетъ почтеніе!

— Ага!—довольно отозвалась Варенька.—Вотъ и всѣ такъ. Онъ ужасно храбрый! Знаете, онъ не говоритъ о себѣ самъ, но тётя Лучицкая,—она вѣдь одного полка съ нимъ, – разсказывала, что подъ Горнымъ Дубнякомъ

у его лошади разбили пулей ноздрю и она понесла его прямо на турокъ. А турки наступали; онъ какъ-то свернулъ и поскакалъ вдоль фронта; лошадь, конечно, убили, онъ упалъ и видитъ—на него бѣгутъ четверо... Вотъ наскочилъ одинъ и замахнулся на него прикладомъ, а папа—цапъ! его за ногу! Свалилъ и прямо въ лицо изъ револьвера—бацъ! И ногу изъ-подъ лошади вытащилъ, а тутъ еще трое бѣгутъ, а тамъ еще за ними, и наши солдатики тоже мчатся навстрѣчу съ Яковлевымъ... это вы знаете кто?... Папа схватилъ ружье убитаго, вскочилъ на ноги—впередъ! Но онъ ужасно сильный былъ, это чуть не погубило его; онъ ударилъ по головѣ турка и ружье сломалось, осталась сабля, но она была скверная и тупая, а ужъ турокъ хочетъ бить его штыкомъ въ грудь. Тогда папа поймалъ рукой ремень ружья, да и побѣжалъ навстрѣчу своимъ, таща за собой турка. Въ это время его ранили въ бокъ пулей и въ шею штыкомъ. Онъ понялъ, что погибъ, обернулся лицомъ къ непріятелю, вырвалъ ружье у турка и на нихъ — ура! А тутъ Яковлевъ съ солдатиками прибѣжалъ и они такъ дружно взялись, что турки отступили. Папѣ дали за это Георгія, но онъ разсердился на то, что не дали Георгія одному унтеру его полка, который въ этой свалкѣ два раза спасъ Яковлева и разъ—папу, и отказался отъ креста. А когда дали унтеру — и онъ взялъ.

— Вы такъ разсказываете объ этой свалкѣ, точно сами въ ней участвовали... — замѣтилъ Ипполитъ Сергѣевичъ, перебивая ея рѣчь.

— Да-а...—протянула она, вздыхая и щуря глаза. — Мнѣ нравится война... И я уйду въ сёстры милосердія, если будутъ воевать...

— А я тогда поступлю въ солдаты...

— Вы? — спросила она, оглядывая его фигуру. — Ну, это вы шутите... изъ васъ вышелъ бы плохой солдатъ... слабый вы, худой такой...

Его задѣло это.

— Я достаточно силенъ, повѣрьте...—заявилъ онъ, точно предостерегая ее.

— Ну, гдѣ же?—спокойно не вѣрила ему Варенька.

Въ немъ вспыхнуло бѣшеное желаніе схватить ее въ объятія и что есть силы прижать къ себѣ — такъ, чтобъ слёзы брызнули у нея изъ глазъ. Онъ быстро оглянулся вокругъ, поводя плечами, и тотчасъ устыдился своего желанія.

Они шли садомъ по дорожкѣ, обсаженной правильными рядами яблонь, и сзади нихъ въ концѣ дорожки смотрѣло имъ въ спины окно дома. Съ деревьевъ падали яблоки, глухо ударяясь о землю, и гдѣ-то вблизи раздавались голоса. Одинъ спрашивалъ:

— Онъ, стало-быть, тоже въ женихи къ намъ?

А другой угрюмо ругался.

— Подождите...—остановила Варенька своего спутника, взявъ его за рукавъ,—послушаемъ, это они про васъ говорятъ...

Онъ сухо взглянулъ на нее и сказалъ:

— Я не охотникъ подслушивать разговоры слугъ...

— А я люблю...—объявила Варенька, — сами съ собой они всегда очень интересно говорятъ про насъ, господъ...

— Можетъ быть, интересно, но едва ли хорошо...— усмѣхнулся Ипполитъ Сергѣевичъ.

— Почему же? Про меня они всегда хорошо говорятъ.

— Поздравляю васъ...

Онъ былъ во власти злого желанія говорить съ ней рѣзко, грубо, оскорблять ее. Сегодня его возмущало ея поведеніе:—тамъ, въ комнатахъ, она долго не обращала на него вниманія, точно не понимая, что онъ пріѣхалъ ради нея и къ ней, а не къ ея безногому отцу и высушенной тёткѣ. Потомъ, признавъ его слабымъ, она стала смотрѣть на него какъ-то снисходительно.

— Что все это значитъ?—думалъ онъ. — Если я не

нравлюсь ей съ внѣшней стороны и не интересенъ съ внутренней—что же влекло ее ко мнѣ? Новое лицо и—только?

Онъ вѣрилъ въ ея тяготѣніе къ нему и думалъ, что имѣетъ дѣло съ кокетствомъ, ловко скрытымъ подъ маской наивности и простодушія.

— Быть можетъ, она считаетъ меня глупымъ... и надѣется, что я поумнѣю...

— А тётя права—дождь будетъ!—сказала Варенька, глядя вдаль, — смотрите, какая туча... и становится душно, какъ всегда передъ грозой...

— Это непріятно...—сказалъ Ипполитъ Сергѣевичъ.— Нужно воротиться и предупредить сестру...

— Зачѣмъ же?

— Чтобъ до дождя возвратиться домой...

— Кто васъ отпуститъ? Да и не успѣете вы доѣхать до начала грозы... Нужно переждать здѣсь.

— А если дождь затянется до ночи?

— Ночевать у насъ... — категорически сказала Варенька.

— Нѣтъ, это неудобно... — протестовалъ Ипполитъ Сергѣевичъ.

— Господи! Развѣ ужъ такъ трудно провести одну ночь неудобно.

— Я не свои удобства имѣю въ виду...

— А о другихъ не безпокойтесь — всякій умѣетъ самъ о себѣ заботиться.

Они спорили и шли впередъ, а навстрѣчу имъ по небу быстро ползла темная туча и уже гдѣ-то далеко глухо ворчалъ громъ. Тяжелая духота разливалась въ воздухѣ, точно надвигавшаяся туча, сгущая весь зной этого дня, гнала его предъ собой. И въ жадномъ ожиданіи освѣжающей влаги листья на деревьяхъ замерли.

— Воротимтесь?—предложилъ Ипполитъ Сергѣевичъ.

— Да, потому что душно... Какъ я не люблю время предъ чѣмъ-нибудь... предъ грозой, предъ праздниками.

Сама гроза или праздники—хорошо, но ожидать, когда это будетъ—скучно. Вотъ если бъ все дѣлалось сразу... ложишься спать — зима, морозъ; проснешься — весна, цвѣты, солнце... или — солнце сіяетъ и вдругъ — тьма, громъ и ливень.

— Можетъ быть, вы хотите, чтобъ и человѣкъ измѣнялся также вдругъ и неожиданно? — усмѣхаясь спросилъ Ипполитъ Сергѣевичъ.

— Человѣкъ всегда долженъ быть интересенъ...— сентенціозно сказала она.

— Да что же значитъ быть интереснымъ? — съ досадой воскликнулъ Ипполитъ Сергѣевичъ.

— Что значитъ? А... это трудно сказать... Я думаю, что люди были бы всѣ интересны, если бы они были... живѣе... да, живѣе! Больше бы смѣялись, пѣли, играли... были бы болѣе смѣлыми, сильными... даже дерзкими... даже грубыми.

Онъ внимательно слушалъ ея опредѣленія и спрашивалъ себя:

— Это она рекомендуетъ мнѣ программу желательныхъ отношеній къ ней?...

— Быстроты нѣтъ въ людяхъ... а нужно, чтобы все дѣлалось быстро, для того, чтобы жилось интересно...— пояснила она съ серьезнымъ лицомъ.

— Кто знаетъ? можетъ быть, вы и правы... — тихо замѣтилъ Ипполитъ Сергѣевичъ... — Т.-е., конечно, не совсѣмъ правы...

— Да не отговаривайтесь! — засмѣялась она.—Какъ это не совсѣмъ? Или ужъ совсѣмъ, или не права... или хорошая, или дурная... или красивая, или уродъ... вотъ какъ надо разсуждать! А то говорятъ: порядочная, миленькая... это просто изъ трусости такъ говорятъ... боятся правды потому что!

— Ну, знаете, съ однимъ этимъ дѣленіемъ на два вы ужъ черезчуръ многихъ обидите!

— Чѣмъ это?

— Несправедливостью...

— Вотъ далась человѣку эта справедливость! Точно въ ней вся жизнь и безъ нея никакъ не обойдешься. А кому она нужна?

Она восклицала съ сердцемъ и капризно, а глаза у нея то и дѣло щурились и метали искры.

— Всѣмъ людямъ, Варвара Васильевна! Всѣмъ, отъ мужика... до васъ... — внушительно сказалъ Ипполитъ Сергѣевичъ, наблюдая ея волненіе и стараясь объяснить его себѣ.

— Мнѣ никакой справедливости не нужно!—рѣшительно отвергла она и даже сдѣлала движеніе рукой, точно отталкивая отъ себя что-то. — А понадобится—я сама себѣ найду ее... Чего вы всегда о всѣхъ людяхъ безпокоитесь? И... просто вы говорите это для того, чтобъ злить меня... потому что вы сегодня важный, надутый...

— Я? злить васъ? Зачѣмъ же?—изумился Ипполитъ Сергѣевичъ.

— Почемъ я знаю? Скуки ради, должно быть... Но— лучше бросьте! Я и безъ васъ... ухъ, какъ заряжена! Меня изъ-за жениховъ цѣлую недѣлю кормили разными рацеями... обливали всякимъ ядомъ... и грязными подозрѣніями... благодарю васъ!

Ея глаза вспыхивали фосфорическимъ блескомъ, ноздри вздрагивали и вся она трепетала отъ волненія, вдругъ охватившаго ее. Ипполитъ Сергѣевичъ съ туманомъ въ глазахъ и съ быстрымъ біеніемъ сердца сталъ горячо оправдываться предъ нею.

— Я не хотѣлъ злить васъ...

Но въ этотъ моментъ надъ ними гулко грянулъ громъ—точно захохоталъ кто-то чудовищно-огромный и грубо-добродушный. Оглушенные могучимъ звукомъ, они оба вздрогнули и остановились на мигъ, но сейчасъ же быстро пошли къ дому. Листва дрожала на деревьяхъ

и тѣнь падала на землю отъ тучи, разстилавшейся по небу мягкимъ бархатнымъ пологомъ.

— Какъ мы, однако, заэспорились... — сказала Варенька на ходу.—Я и не видала, какъ она подкралась.

На крыльцѣ дома стояли Елизавета Сергѣевна и тётя Лучицкая въ большой соломенной шляпѣ на головѣ, что придавало ей сходство съ подсолнухомъ.

— Будетъ страшная гроза, — объявила она своимъ внушительнымъ басомъ прямо въ лицо Ипполиту Сергѣевичу, точно считала своей прямой обязанностью увѣрить его въ приближеніи грозы. Потомъ она сказала:

— Полковникъ уснулъ...—и исчезла.

— Какъ это тебѣ нравится? — спросила Елизавета Сергѣевна, кивкомъ головы указывая на небо. — Пожалуй, намъ придется ночевать здѣсь.

— Если мы никого не стѣснимъ...

— Вотъ человѣкъ!—воскликнула Варенька, смотря на него съ удивленіемъ и чуть ли не съ жалостью.— Все боится стѣснить, быть несправедливымъ... ахъ, ты Господи! Ну и скучно же вамъ, должно быть, жить... всегда въ удилахъ! А по-моему—хочется вамъ стѣснить— стѣсните, хочется быть несправедливымъ—будьте!...

— А Богъ самъ разберетъ, кто правъ... — перебила ее Елизавета Сергѣевна, улыбаясь ей съ сознаніемъ своего превосходства.—Я думаю, нужно спрятаться подъ крышу... а вы?

— Мы будемъ здѣсь смотрѣть грозу—да?—обратилась дѣвушка къ Ипполиту Сергѣевичу.

Онъ изъявилъ ей свое согласіе поклономъ.

— Ну, я не охотница до грандіозныхъ явленій природы... если они могутъ вызвать лихорадку или насморкъ. Ктому же можно наслаждаться грозой и сквозь стекло окна... ай!

Сверкнула молнія; разорванная ею тьма вздрогнула, на мигъ открывъ поглощенное ею, и вновь слилась. Секунды двѣ царила подавляющая тишина, потомъ,

какъ выстрѣлъ, грохнулъ громъ и его раскаты понеслись надъ домомъ. Откуда-то бѣшено рванулся вѣтеръ, подхватилъ пыль и соръ съ земли и все поднятое имъ закружилось, столбомъ поднимаясь кверху. Летѣли соломинки, бумажки, листья; стрижи съ испуганнымъ пискомъ пронизывали воздухъ, глухо шумѣла листва деревьевъ, на желѣзо крыши дома сыпалась пыль, рождая гулкій шорохъ.

Варенька смотрѣла на эту игру бури изъ-за косяка двери, а Ипполитъ Сергѣевичъ, морщась отъ пыли, стоялъ сзади ея. Крыльцо представляло собою коробку, въ которой было темно, но, когда вспыхивали молніи, стройная фигура дѣвушки освѣщалась голубоватымъ призрачнымъ свѣтомъ.

— Смотрите... смотрите,—вскрикивала Варенька, когда молнія рвала тучу...—видѣли? Туча точно улыбается— не правда ли? Это очень похоже на улыбку... есть такіе люди угрюмые и молчаливые... молчитъ, молчитъ такой человѣкъ и вдругъ улыбнется:—глаза загорятся, зубы сверкнутъ... А вотъ онъ—дождь!

По крышѣ барабанили тяжелыя, крупныя капли, сначала рѣдко, потомъ все чаще, наконецъ съ какимъ-то воющимъ гуломъ.

— Уйдемте... — сказалъ Ипполитъ Сергѣевичъ... — васъ замочитъ.

Ему было неловко стоять такъ близко къ ней въ этой тѣсной темнотѣ, неловко и пріятно. И онъ думалъ, глядя на ея шею:

— Что, если я поцѣлую ее?

Сверкнула молнія, озаривъ полнеба, и при блескѣ ея Ипполитъ Сергѣевичъ увидалъ, что Варенька съ восклицаніемъ восторга взмахнула руками и стоитъ, откинувшись назадъ, точно подставляя свою грудь молніямъ. Онъ схватилъ ее сзади за талію и, почти положивъ свою голову на плечо ей, спросилъ ее задыхаясь:

— Что... что... съ вами?

— Да ничего! — воскликнула она съ досадой, освобождаясь изъ его рукъ гибкимъ и сильнымъ движеніемъ корпуса.—Боже мой, какъ вы пугаетесь... а еще мужчина!

— Я испугался за васъ,—глухо сказалъ онъ, отступая въ уголъ.

Прикосновеніе къ ней точно обожгло ему руки и наполнило грудь его неукротимымъ огнемъ желанія обнять ее, обнять до боли крѣпко. Онъ терялъ самообладаніе, и ему хотѣлось сойти съ крыльца и стать подъ дождь, тамъ, гдѣ крупныя капли хлестали по деревьямъ, какъ бичи.

— Я иду въ комнаты,—сказалъ онъ.

— Идемте, — недовольно согласилась Варенька и безшумно скользнувъ мимо него, вошла въ двери.

— Хо-хо-хо! — встрѣтилъ ихъ полковникъ. — Что? По распоряженію командующаго стихіями арестованы впредь до отмѣны приказа? Хо-хо-хо!

— Ужасный громъ,—совершенно серьезно сообщила тётя Лучицкая, пристально разсматривая блѣдное лицо гостя.

— Вотъ не люблю этихъ безумствъ въ природѣ!— говорила Елизавета Сергѣевна съ гримасой пренебреженія на холодномъ лицѣ. — Грозы, вьюги; — къ чему эта безполезная трата такой массы энергіи?

Ипполитъ Сергѣевичъ, подавляя свое волненіе, едва нашелъ въ себѣ силы спокойно спросить сестру:

— Какъ ты думаешь, надолго это?

— На всю ночь,—отвѣтила ему Маргарита Родіоновна.

— Пожалуй что,—потвердила сестра.

— Ужъ вы отсюда не вырветесь! — со смѣхомъ заявила Варенька.

Полкановъ вздрогнулъ, чувствуя что-то фатальное въ ея смѣхѣ.

— Да, придется ночевать,—заявила Елизавета Сер-

гѣевна. — Ночью мы не проѣдемъ Камовымъ перелѣскомъ не изуродовавъ экипажа... въ счастливомъ случаѣ...

— Здѣсь достаточно комнатъ! — изрекла тётя Лучицкая.

— Тогда... я попросилъ бы... извините пожалуйста!... гроза дѣйствуетъ на меня отвратительно!... Я бы желалъ знать... гдѣ я помѣщусь... пойти туда на нѣсколько минутъ.

Его слова, сказанныя глухимъ и прерывающимся голосомъ, произвели общій переполохъ.

— Нашатырный спиртъ!—октавой прогудѣла Маргарила Родіоновна и, вскочивъ съ мѣста, исчезла.

Варенька суетилась по комнатѣ съ изумленіемъ на лицѣ и говорила ему:

— Сейчасъ я покажу вамъ... отведу... тамъ тихо...

Елизавета Сергѣевна была всѣхъ спокойнѣе и, улыбаясь, спрашивала его:

— Закружилась голова?

А полковникъ хрипѣлъ:

— Ерунда! Пройдетъ. Мой товарищъ маіоръ Горталовъ, заколотый турками во время вылазки, былъ молодчина! О! На рѣдкость! Храбрый малый! Подъ Систовымъ лѣзъ на штыки впереди солдатъ такъ спокойно, точно танцами дирижировалъ: — билъ, рубилъ, оралъ, сломалъ шашку, схватилъ какую-то дубину и бьетъ ею турокъ. Храбрецъ, какихъ не много! Но тоже въ грозу нервничалъ, какъ женщина... это было смѣшно! Вотъ такъ же, какъ вы, блѣднѣетъ, шатается, ахъ, охъ! Пьяница, жуиръ, двѣнадцать вершковъ,—вообразите, какъ это къ нему шло?

Ипполитъ Сергѣевичъ смотрѣлъ, слушалъ, извинялся, успокоивалъ всѣхъ и проклиналъ себя. У него дѣйствительно кружилась голова, и когда Маргарита Родіоновна сунула ему подъ носъ какой-то флаконъ и скомандовала:

— Нюхайте!—

онъ схватилъ спиртъ и сталъ усердно втягивать ноздрями его ѣдкій запахъ, чувствуя, что вся эта сцена комична и унижаетъ его въ глазахъ Вареньки.

А въ окно гнѣвно барабанилъ дождь, заглядывали молніи, громъ заставлялъ стёкла испуганно дребезжать, и все это будило у полковника воспоминанія о шумѣ битвъ.

— Въ послѣднюю турецкую кампанію... не помню гдѣ... но вотъ такой же гвалтъ былъ. Гроза, ливень, молніи, пальба залпами изъ орудій, пѣхота бьетъ вразсыпную... поручикъ Вяхиревъ вынулъ бутылку коньяку, горлышко въ губы—буль-буль-буль! А пуля трахъ по бутылкѣ — вдребезги! Поручикъ смотритъ на горло бутылки въ своей рукѣ и говоритъ: чортъ возьми, они воюютъ съ бутылками! хо-хо-хо! А я ему: вы ошибаетесь, поручикъ, турки стрѣляютъ по бутылкамъ, а воюете съ бутылками вы! Хо-хо-хо! Остроумно, а?

— Лучше вамъ? — спрашивала тётя Лучицкая у Ипполита Сергѣевича.

Онъ, стиснувъ зубы, благодарилъ ее, глядя на всѣхъ тоскливо-злыми глазами и замѣчая, что Варенька недовѣрчиво и удивленно улыбается подъ шопотъ его сестры, склонившейся къ ея уху. Наконецъ, ему удалось уйти отъ этихъ людей, и бросившись на диванъ въ маленькой комнаткѣ, отведенной ему, онъ, подъ шумъ дождя, сталъ приводить въ порядокъ свои чувства.

Безсильный гнѣвъ на себя боролся въ немъ съ желаніемъ понять, какъ это случилось, что онъ утратилъ способность самообладанія,—неужели настолько глубоко въ немъ увлеченіе этой дѣвушкой? Но ему не удавалось остановиться на чемъ-либо одномъ и довести свою мысль до конца; въ немъ бушевалъ бѣшеный вихрь возмущеннаго чувства. Сначала онъ рѣшилъ сегодня объясниться съ ней и тотчасъ же откинулъ это рѣшеніе, вспоминая, что за нимъ стоитъ нежелательная ему обязанность вступить съ Варенькой въ опредѣленныя

отношенія, а вѣдь невозможно же жениться на этомъ красивомъ уродѣ! Онъ обвинялъ себя въ томъ, что зашелъ такъ далеко въ своемъ увлеченіи ею и въ томъ, что недостаточно смѣлъ въ отношеніяхъ къ ней. Ему казалось, что она вполнѣ готова сдаться ему и что она холодно играетъ съ нимъ, играетъ, какъ кокетка. Онъ называлъ ее глупой, животной, безсердечной и возражалъ себѣ, оправдывая ее. А въ окно угрожающе стучалъ дождь и домъ весь вздрагивалъ отъ ударовъ грома.

Но нѣтъ огня, который не угасъ бы! Ипполиту Сергѣевичу, послѣ долгой и мучительной борьбы, удалось сжать себя въ тискахъ разсудочности, и всѣ его взволнованныя чувства, отхлынувъ куда-то глубоко въ его сердце, уступили мѣсто смущенію и обидѣ на самого себя.

Дѣвушка, непоправимо испорченная уродливой средой, недоступная внушеніямъ здраваго смысла, непоколебимо твердая въ своихъ заблужденіяхъ,—эта странная дѣвушка въ теченіе какихъ-то трехъ мѣсяцевъ превратила его почти въ животное! И онъ чувствовалъ себя подавленнымъ позоромъ факта. Онъ сдѣлалъ не меньше того, сколько могъ сдѣлать, чтобъ очеловѣчить ее; если же у него не было возможности сдѣлать больше — не онъ виноватъ въ этомъ. Но, сдѣлавъ то, что могъ, онъ долженъ былъ уйти отъ нея, и онъ виновенъ въ томъ, что своевременно не ушелъ, а позволилъ ей возбудить въ себѣ постыдный взрывъ чувственности.

— Человѣкъ менѣе порядочный, чѣмъ я, въ данномъ случаѣ былъ бы, пожалуй, умнѣе меня. Тутъ его больно кольнула одна неожиданная мысль:

— Порядочность ли удерживаетъ меня? Быть можетъ, только безсиліе чувства? Что, если не чувство, а похоть такъ волнуетъ меня? Могу ли я любить вообще... могу ли я быть мужемъ, отцомъ... есть ли во мнѣ то, что нужно для этихъ обязанностей? Живъ ли я?—Думая въ этомъ направленіи, онъ ощущалъ внутри себя холодъ и что-то пугливое, унижавшее его.

Вскорѣ его позвали ужинать.

Варенька встрѣтила его любопытнымъ взглядомъ и ласковымъ вопросомъ: Прошла головка?

— Да, благодарю васъ...—сухо отвѣтилъ онъ, садясь вдали отъ нея и думая про-себя:

— Даже говорить не умѣетъ: „прошла головка“?

Полковникъ дремалъ, покачивая головой и иногда всхрапывая, дамы сидѣли всѣ три рядомъ на диванѣ и говорили о какихъ-то пустякахъ. Шумъ дождя за окнами сталъ тише, но этотъ негромкій настойчивый звукъ явно свидѣтельствовалъ о твердомъ рѣшеніи дождя обливать землю безконечно долго.

Въ окна смотрѣла тьма, въ комнатѣ было душно и запахъ керосина отъ трехъ зажженныхъ лампъ, смѣшиваясь съ запахомъ полковника, увеличивалъ духоту и нервное настроеніе Ипполита Сергѣевича. Онъ смотрѣлъ на Вареньку и размышлялъ:

— Не подходитъ ко мнѣ... почему бы? Ужъ не сообщила ли ей Елизавета... что-нибудь глупое... сдѣлавъ выводъ изъ своихъ наблюденій за мной?

Въ столовой тяжело возилась дородная Ѳекла. Ея большіе глаза то и дѣло заглядывали въ гостиную на Ипполита Сергѣевича, молча курившаго папиросу.

— Барышня! Готово для ужина...— со вздохомъ заявила она, медленно вставивъ свою фигуру въ двери гостиной.

— Идемте ѣсть... Ипполитъ Сергѣевичъ, пожалуйста. Тётя, не надо тревожить папу, пусть останется тутъ и дремлетъ... а тамъ онъ снова будетъ пить.

— Это благоразумно... — замѣтила Елизавета Сергѣевна.

А тётя Лучицкая изрекла вполголоса и пожимая плечами:

— Теперь уже поздно все это... будетъ пить—скорѣе умретъ, зато больше получитъ удовольствія, не будетъ пить — проживетъ годомъ больше, но хуже.

— И это тоже благоразумно...—засмѣялась Елизавета Сергѣевна.

За столомъ Ипполитъ Сергѣевичъ сидѣлъ рядомъ съ Варенькой и подмѣчалъ за собой, что близость дѣвушки снова возбуждаетъ въ немъ смятеніе. Ему очень хотѣлось подвинуться къ ней такъ близко, чтобъ можно было прикоснуться къ ея платью. И по обыкновенію, слѣдя за собой, онъ подумалъ, что въ его влеченіи къ ней есть много упрямства плоти, но нѣтъ силы духа...

— Вялое сердце!—съ горечью воскликнулъ онъ просебя. И вслѣдъ затѣмъ почти съ гордостью отмѣтилъ, что вотъ онъ не боится сказать правду о самомъ себѣ и умѣетъ понять каждое колебаніе своего „я".

Занятый собой, онъ молчалъ.

Варенька сначала обращалась къ нему часто, но получая въ отвѣтъ слова сухія и односложныя, очевидно, утратила желаніе бесѣдовать съ нимъ. Лишь послѣ ужина, когда они случайно остались одинъ на одинъ, она просто спросила у него:

— Вы почему такой унылый? Вамъ скучно или вы недовольны мной?

Онъ отвѣтилъ, что не чувствуетъ ни унынія, ни, тѣмъ болѣе, недовольства ею.

— Такъ что же съ вами?—допрашивала она.

— Кажется, ничего особеннаго...—впрочемъ... иногда излишекъ вниманія къ человѣку утомляетъ его.

— Излишекъ вниманія? — заботливо переспросила Варенька.—Чьего же,—папина? Тётя вѣдь не говорила съ вами.

Онъ чувствовалъ, что краснѣетъ предъ этимъ неуязвимымъ простодушіемъ или безнадежной глупостью. А она, не дожидая его отвѣта, съ улыбкой предложила ему:

— Не будьте такимъ, а? Пожалуйста! Я ужасно не люблю хмурыхъ людей... Знаете что? Давайте играть въ карты... вы умѣете?

— Я плохо играю... и, признаюсь, не люблю этотъ видъ безполезной траты времени...—заявилъ Ипполитъ Сергѣевичъ, чувствуя, что примиряется съ ней.

— И я тоже не люблю... но что же дѣлать? Вы видите, какая у насъ скука!—огорченно заявила дѣвушка.—Я знаю, что вы стали такой именно оттого, что скучно.

Онъ началъ увѣрять ее въ противномъ и чѣмъ болѣе говорилъ, тѣмъ горячѣе у него выходили слова, пока, наконецъ, онъ незамѣтно для себя не закончилъ:

— Если вы захотите, съ вами и въ пустынѣ не будетъ скучно...

— Что же я должна сдѣлать для этого?—подхватила она, и онъ видѣлъ, что ея желаніе развеселить его вполнѣ искренно.

— Ничего не должны вы дѣлать, — отвѣтилъ онъ, глубоко пряча въ себѣ то, что хотѣлъ бы отвѣтить.

— Нѣтъ, право,—вы пріѣхали сюда отдыхать, у васъ такъ много трудной работы, вамъ нужны силы, и передъ вашимъ пріѣздомъ мнѣ Лиза говорила:—вотъ мы съ тобой поможемъ ученому отдохнуть и развлечься... А мы... что я могу сдѣлать? Право... Я... если бъ отъ этого скука ушла... расцѣловала бы васъ!

У него помутилось въ глазахъ и вся кровь такъ бурно хлынула ему къ сердцу, что онъ даже пошатнулся.

— Попробуйте... поцѣлуйте... поцѣлуйте...—глухо говорилъ онъ, стоя передъ ней и не видя ея.

— Ого! Ишь вы какой! — засмѣялась Варенька, исчезая.

Онъ шагнулъ за ней и остановился, схватившись за косякъ двери, и все въ немъ рвалось за ней.

Черезъ нѣсколько секундъ онъ увидалъ полковника: — старикъ спалъ, склонивъ голову на плечо, и сладко всхрапывалъ. Этотъ звукъ и привлекъ вниманіе Ипполита Сергѣевича. Потомъ ему нужно было

убѣдить себя въ томъ, что монотонное и жалобное стонаніе раздается не въ его груди, а за окнами, и что это плачетъ дождь, а не его обиженное сердце. Тогда въ немъ вспыхнула злоба.

— Ты играешь... ты такъ играешь? — твердилъ онъ про-себя, стиснувъ зубы, и грозилъ ей какой-то унизительной карой. Въ груди у него было жарко, а ноги и голову точно острыя льдинки кололи.

Весело смѣясь надъ чѣмъ-то, вошли дамы и, при видѣ ихъ, Ипполитъ Сергѣевичъ внутренно подтянулся. Тётя Лучицкая смѣялась такъ глухо, что, казалось, у нея въ груди лопаются какіе-то пузыри. Лицо Вареньки было оживлено плутоватой улыбкой, а смѣхъ Елизаветы Сергѣевны былъ снисходительно-сдержаннымъ.

— Быть можетъ, это они надо мной! — подумалъ Ипполитъ Сергѣевичъ.

Предложенная Варенькой игра въ карты не состоялась, и это дало возможность Ипполиту Сергѣевичу уйти въ свою комнату, извинившись недомоганіемъ. Уходя изъ гостиной, онъ чувствовалъ на своей спинѣ три взгляда и зналъ, что всѣ они выражаютъ недоумѣніе.

Онъ не смущался этимъ, полный желанія мстить, унизить дѣвчонку, позволявшую себѣ такія выходки, заставить ее плакать, а самому смотрѣть на нее и хохотать надъ ея слезами. Но его чувства не могли долго оставаться на степени такой горячности, онъ привыкъ подчинять ихъ броженіе силѣ разума и всегда выражалъ ихъ уже охлажденными. Его самолюбіе было раздражено до боли увѣренностью, что она играетъ съ нимъ; но рядомъ съ этимъ уже снова росло заглушенное пережитой сценой рѣшеніе отплатить этой дѣвушкѣ полнымъ невниманіемъ къ ея красотѣ. Необходимо дать ей почувствовать, какъ мало значитъ она въ его глазахъ, — это будетъ полезно для нея, но это должно быть урокомъ, а не местью, конечно.

Его всегда нѣсколько успокоивали такіе доводы, но теперь въ груди у него было что-то неустранимое и тяжелое и ему одновременно хотѣлось и не хотѣлось опредѣлить это странное, почти болѣзненное ощущеніе.

— Да будутъ прокляты безымянныя чувства! — восклицалъ онъ про-себя.

А капля воды, падая откуда-то на полъ, монотонно отчеканивала:

— Такъ... такъ...

Просидѣвъ съ часъ въ состояніи борьбы съ самимъ собой, въ безуспѣшномъ стремленіи понять то, что оставалось непонятнымъ и было сильнѣе всего понятаго имъ, онъ рѣшилъ лечь и заснуть съ тѣмъ, чтобъ завтра уѣхать свободнымъ отъ всего, что такъ ломало и унижало его. Но лежа на постелѣ, онъ невольно представлялъ себѣ Вареньку такой, какъ видѣлъ ее на крыльцѣ, съ руками, поднятыми какъ бы для объятій, съ грудью, трепещущей отъ удовольствія при блескѣ молній. И снова думалъ о томъ, что если бъ онъ былъ смѣлѣе съ ней... и обрывалъ себя, доканчивая эту мысль такъ: — то навязалъ бы себѣ на шею безспорно очень красивую, но страшно неудобную, тяжелую, глупую любовницу, съ характеромъ дикой кошки и съ грубѣйшей чувственностью, это ужъ навѣрное!...

Но вдругъ среди этихъ думъ, озаренный одной догадкой или предчувствіемъ, онъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ, быстро вскочилъ на ноги и, подбѣжавъ къ двери своей комнаты, отперъ ее. Потомъ, улыбаясь, снова легъ въ постель и сталъ смотрѣть на дверь, думая про-себя съ надеждой и восторгомъ:

— Это бываетъ... бываетъ...

Онъ читалъ гдѣ-то, какъ однажды это было: она вошла среди ночи и отдалась, ни о чемъ не спрашивая, ничего не требуя, просто для того, чтобы пережить моментъ. Варенька, — вѣдь въ ней есть что-то общее съ героиней разсказа,—она можетъ поступить такъ. Въ ея

миломъ возгласѣ: „Ишь вы какой!"—можетъ быть, въ немъ звучало обѣщаніе, не разслышанное имъ? И вотъ— вдругъ она придетъ, въ бѣломъ, вся трепещущая отъ стыда и желанія!

Онъ нѣсколько разъ вставалъ съ постели, прислушиваясь къ тишинѣ въ домѣ, къ шуму дождя за окнами и охлаждая свое горячее тѣло. Но все было тихо и не раздавалось въ тишинѣ желаннаго звука осторожныхъ шаговъ.

— Какъ она войдетъ? — думалъ онъ и представлялъ ее себѣ на порогѣ двери съ лицомъ рѣшительнымъ и гордымъ. — Конечно, она гордо отдастъ ему свою красоту! Это подарокъ царицы. А можетъ быть, она остановится предъ нимъ съ опущенной головой, смущенная, стыдливая, со слезами на глазахъ. Или, вдругъ, явится со смѣхомъ, съ тихимъ смѣхомъ надъ его муками, которыя она знаетъ, всегда замѣчала, но не показывала ему своего знанія, чтобы помучить его, потѣшить себя.

Въ этомъ состояніи, близкомъ къ бреду безумія, рисуя въ воображеніи сладострастныя картины и ими все болѣе раздражая себѣ нервы, Ипполитъ Сергѣевичъ не замѣчалъ, что дождь прекратился и въ окна его комнаты съ яснаго неба смотрѣли звѣзды. Онъ ждалъ звука шаговъ, шаговъ женщины, несущей ему наслажденіе. Но они не раздавались въ сонной тишинѣ. Порой, и только на краткій мигъ, надежда обнять дѣвушку гасла въ немъ; тогда онъ слышалъ въ учащенномъ біеніи своего сердца упрекъ себѣ и сознавалъ, что состояніе, переживаемое имъ, чуждо ему, позорно для него, болѣзненно и гадко. Но внутренній міръ человѣка слишкомъ сложенъ и разнообразенъ для того, чтобъ нѣчто одно всегда стойко удерживало въ равновѣсіи всѣ стремленія, а потому въ жизни каждаго есть пропасть, въ которую онъ непредотвратимо упадетъ, когда наступитъ время для этого. И осторожные, по горькой ироніи силъ,

управляющихъ жизнью, глубже падаютъ и больнѣе разбиваются.

До утра бредилъ онъ, мучимый страстью, и уже когда солнце взошло — шаги раздались. Онъ сѣлъ на постели, дрожащій, съ воспаленными глазами и ждалъ, и чувствовалъ, что когда явится она — онъ не въ силахъ будетъ даже и одно слово благодарности сказать ей. А шаги приближались къ двери медленные, тяжелые...

И вотъ дверь тихо отворилась... Ипполитъ Сергѣевичъ безсильно откинулся на подушку и, закрывъ глаза, замеръ.

— Али я васъ разбудила? Сапоги мнѣ надо бы ваши... и брюки... — соннымъ голосомъ говорила толстая Ѳекла, медленно, какъ волъ, идя къ постели. Вздыхая, зѣвая и двигая мебель, она забрала его платье и ушла, оставивъ за собою запахъ кухни.

Онъ долго лежалъ, разбитый и уничтоженный, равнодушно отмѣчая въ себѣ медленное исчезновеніе осколковъ тѣхъ образовъ, которые всю ночь истязали его нервы.

Опять пришла баба съ вычищеннымъ платьемъ, положила его и ушла, тяжело вздохнувъ. Онъ сталъ одѣваться, не представляя себѣ, зачѣмъ это нужно такъ рано. Потомъ, не думая, онъ рѣшилъ пойти выкупаться къ рѣкѣ, и это нѣсколько оживило его. Осторожно ступая по полу, онъ прошелъ мимо комнаты, въ которой гудѣлъ храпъ полковника, потомъ еще мимо затворенной двери въ какую-то комнату. Онъ на мигъ остановился передъ ней, но, внимательно взглянувъ на нее, почувствовалъ, что это не та. И, наконецъ, въ полуснѣ, вышелъ въ садъ и пошелъ узкой дорожкой, зная, что она приведетъ его къ рѣкѣ.

Было свѣтло и свѣжо, лучи солнца еще не утратили розовыхъ красокъ восхода. Скворцы оживленно болтали другъ съ другомъ, общипывая вишни. На листьяхъ дро-

жали капли дождя, какъ брильянты; радостными, сверкающими слезами падая на землю, онѣ исчезали. Земля была сырая, но она поглотила всю влагу, упавшую за ночь, и нигдѣ не видно было ни грязи, ни лужъ.—Все кругомъ было чисто, свѣжо и ново—точно все родилось въ эту ночь, и все было тихо и неподвижно, какъ будто еще не освоилось съ жизнью на землѣ и, первый разъ видя солнце, молча изумлялось его дивной красотѣ.

Ипполитъ Сергѣевичъ смотрѣлъ вокругъ себя, а пелена грязи, одѣвшая его умъ и душу за эту ночь, понемногу освобождала его, уступая чистому вѣянію новорожденнаго дня, полному сладкихъ и освѣжающихъ запаховъ.

Вотъ рѣка, еще розоватая и золотая въ лучахъ солнца. Вода, немного мутная отъ дождя, слабо отражаетъ прибрежную зелень въ своихъ волнахъ. Гдѣ-то близко плещется рыба, и этотъ плескъ, да пѣніе птицъ — всѣ звуки, нарушающіе тишину утра. Если бъ не было сыро, можно бы лечь на землю, здѣсь у рѣки, подъ навѣсомъ зелени, и лежать, пока душа не успокоится отъ пережитыхъ волненій.

Ипполитъ Сергѣевичъ шелъ по берегу, причудливо изрѣзанному песчаными мысами и маленькими заливами, окруженными зеленью, и почти каждые пять шаговъ открывали предъ нимъ новую картину. Безшумно шагая около самой воды, онъ такъ и зналъ, что впереди его ждетъ все новое и новое. И онъ подробно разсматривалъ очертанія каждаго залива и фигуры деревьевъ, склоненныхъ надъ нимъ, точно желая твердо знать, чѣмъ именно разнится эта деталь картины отъ той, что осталась сзади его.

И вдругъ, ослѣпленный, онъ остановился.

Предъ нимъ, по поясъ въ водѣ, стояла Варенька, наклонивъ голову и выжимая руками мокрые волосы. Ея тѣло было розовое отъ холода и лучей солнца, на немъ блестѣли капли воды, какъ серебряная чешуя.

Онѣ, медленно стекая по ея плечамъ и груди, падали въ воду, и передъ тѣмъ какъ упасть, каждая капля долго блестѣла на солнцѣ, какъ будто ей не хотѣлось разстаться съ тѣломъ, омытымъ ею. И изъ волосъ ея лилась вода, проходя между розовыхъ пальцевъ дѣвушки, лилась съ нѣжнымъ ласкающимъ ухо звукомъ.

Онъ смотрѣлъ съ восторгомъ, съ благоговѣніемъ, какъ на что-то святое—такъ чиста и гармонична была красота этой дѣвушки, цвѣтущей силой юности, и онъ не чувствовалъ иныхъ желаній, кромѣ желанія смотрѣть на нее. Надъ головой его на вѣткѣ орѣшника пѣлъ и рыдалъ соловей, но для него весь свѣтъ солнца и всѣ звуки были въ этой дѣвушкѣ среди волнъ. И волны тихо гладили ея тѣло, безшумно и ласково обходя его въ своемъ мирномъ теченіи.

Но хорошее такъ же кратко, какъ рѣдко красивое, и то, что видѣлъ онъ—онъ видѣлъ нѣсколько секундъ, ибо дѣвушка вдругъ подняла голову и съ гнѣвнымъ крикомъ быстро опустилась въ воду по шею.

Это ея движеніе отразилось въ его сердцѣ—оно тоже, вздрогнувъ, какъ бы упало въ холодъ, стѣснившій его. Дѣвушка смотрѣла на него сверкающими глазами, а ея лобъ разрѣзала злая складка, исказившая лицо испугомъ, презрѣніемъ и гнѣвомъ. Онъ слышалъ ея негодующій голосъ:

— Прочь... идите прочь! Что вы? Какъ не стыдно!...

Но ея слова долетали до него откуда-то издалека, неясныя, ничего не запрещавшія ему. И онъ наклонялся къ водѣ, простирая впередъ руки, едва держась на ногахъ, дрожавшихъ отъ усилія сдержать его неестественно-изогнутое тѣло, горѣвшее въ пыткѣ страсти. Весь онъ, каждымъ фибромъ своего существа, стремился къ ней, и вотъ, наконецъ, онъ упалъ на колѣни, почти коснувшись ими воды.

Она гнѣвно вскрикнула, сдѣлала движеніе, чтобы плыть, но остановилась, глухо и тревожно говоря:

— Уходите!.. я никому не скажу...

— Я не могу...—хотѣлъ онъ отвѣтить, но его дрожащія губы не выговорили этихъ словъ, ибо не имѣли силы сказать что-либо.

— Берегись... ты! Прочь иди!—крикнула дѣвушка.— Подлый! Низкій...

Что ему были эти крики? Онъ смотрѣлъ ей въ глаза своими сухо горящими глазами и, стоя на колѣняхъ, ждалъ ее. И ждалъ бы, если бъ зналъ, что надъ его головой нѣкто замахнулся топоромъ, чтобы разбить ему черепъ.

— О! ты... гадкій пёсъ... ну, я тебя...—съ отвращеніемъ прошептала дѣвушка и вдругъ бросилась изъ воды къ нему.

Она росла на его глазахъ, росла, сверкая своей красотой,—вотъ вся она до пальцевъ ногъ предъ нимъ, прекрасная и гнѣвная; онъ видѣлъ это и ждалъ ее съ жаднымъ трепетомъ. Вотъ она наклонилась къ нему.., онъ взмахнулъ руками, но обнялъ воздухъ.

И въ то же время ударъ по лицу чѣмъ-то мокрымъ и тяжелымъ ослѣпилъ его и покачнулъ назадъ.

Онъ быстро сталъ протирать глаза—мокрый песокъ былъ подъ его пальцами, а на его голову, плечи, щёки сыпались удары. Но удары—не боль, а что-то другое будили въ немъ, и, закрывая голову руками, онъ дѣлалъ это скорѣе машинально, чѣмъ сознательно. Онъ слышалъ злыя рыданія... Наконецъ, опрокинутый сильнымъ ударомъ въ грудь, онъ упалъ на спину. Его не били больше. Раздался шорохъ кустовъ и замеръ...

Невѣроятно длинны были секунды угрюмаго молчанія, наступившаго послѣ того, какъ замеръ этотъ звукъ. Человѣкъ все лежалъ неподвижный, раздавленный своимъ позоромъ и, полный инстинктивнаго стремленія спрятаться отъ стыда, жался къ землѣ. Открывая глаза, онъ увидѣлъ голубое небо, безконечно-глубокое, и ему казалось, что оно быстро уходитъ отъ него выше,

выше... отъ этого ему стало такъ тяжело дышать, что онъ застоналъ и медленно погрузился куда-то, гдѣ уже не было никакихъ ощущеній.

...Такъ пролежалъ онъ до поры, пока ему не стало холодно; когда онъ открылъ глаза, то увидалъ Вареньку, наклонившуюся надъ нимъ. Сквозь ея пальцы на лицо ему струилась вода. Онъ слышалъ ея голосъ:

— ...Что,—хорошо?... Какъ вы придете въ домъ такой?... весь скверный, грязный, мокрый, оборванный... Эхъ, вы!... Скажите хоть, что въ воду съ берега сорвались... Не стыдно ли?... Вѣдь я могла бы убить... если бъ въ руки попало что другое.

И еще много она говорила ему, но все это нисколько не уменьшало и не увеличивало того, что онъ чувствовалъ. И онъ ничего не отвѣчалъ на ея слова до поры, пока она не сказала ему, что уходитъ. Тогда онъ тихонько спросилъ:

— Вы... больше... я не увижу васъ?

И когда спросилъ это, то вспомнилъ и понялъ, что ему нужно было сказать ей:

— Простите меня...

Но онъ не успѣлъ сказать этого, потому что она, махнувъ рукой на него, быстро скрылась за деревьями.

Онъ сидѣлъ, прислонясь спиною къ стволу дерева или къ чему-то другому, и тупо смотрѣлъ, какъ у ногъ его текла мутная вода рѣки.

А она текла медленно... медленно... медленно...

ТОВАРИЩИ.

(1897.)

I.

Горячее солнце іюля ослѣпительно блестѣло надъ Смолкиной, обливая ея старыя избы щедрымъ потокомъ яркихъ лучей. Особенно много солнца было на крышѣ старостиной избы, недавно перекрытой заново гладко выстроганнымъ тёсомъ, желтымъ и пахучимъ. Было воскресенье, и почти все населеніе деревни вышло на улицу, густо поросшую травой и усѣянную кочками засохшей грязи. Передъ старостиной избой собралась большая группа мужиковъ и бабъ, иные сидѣли на завалинѣ избы, иные прямо на землѣ, другіе стояли, среди нихъ гонялись другъ за другомъ ребятишки, то и дѣло получая отъ взрослыхъ сердитые окрики и щелчки.

Центромъ толпы служилъ высокій человѣкъ съ большими, опущенными внизъ усами. По его коричневому лицу, покрытому густой сивой щетиной и сѣтью глубокихъ морщинъ, по сѣдымъ клочьямъ волосъ, выбившимся изъ-подъ грязной соломенной шляпы,—этому человѣку можно было дать лѣтъ пятьдесятъ. Онъ смотрѣлъ въ землю, и ноздри его большого, хрящеватаго носа вздрагивали, а когда онъ поднималъ голову, бросая взглядъ на окна старостиной избы, видны были его глаза большіе, печальные, даже мрачные, — они глу-

боко ввалились въ орбиты, а густыя брови кидали отъ себя тѣнь на темные зрачки. Одѣтъ онъ былъ въ коричневый, рваный подрясникъ монастырскаго послушника, едва закрывавшій ему колѣни и подпоясанный веревкой. За спиной у него была котомка, въ правой рукѣ длинная палка съ желѣзнымъ наконечникомъ, лѣвую онъ держалъ за пазухой. Окружавшіе осматривали его подозрительно, насмѣшливо, съ презрѣніемъ и, наконецъ, съ явной радостью, что имъ удалось поймать волка раньше, чѣмъ онъ успѣлъ нанести вредъ ихъ стаду. Онъ проходилъ черезъ деревню и, подойдя къ окну старосты, попросилъ напиться. Староста далъ ему квасу и заговорилъ съ нимъ. Но прохожій отвѣчалъ, противъ обыкновенія странниковъ, очень неохотно. Староста спросилъ у него документъ, а документа не оказалось. И прохожаго задержали, рѣшивъ отправить въ волость. Староста выбралъ въ конвоиры ему сотскаго и теперь, въ избѣ у себя, напутствовалъ его, оставивъ арестанта среди толпы, потѣшавшейся надъ нимъ.

Арестантъ какъ былъ остановленъ у ствола ветлы, такъ и стоялъ, прислонясь къ нему своей сутулой спиной.

Но вотъ на крыльцѣ избы явился подслѣповатый старикъ съ лисьимъ лицомъ и сѣдой, клинообразной бородкой. Онъ степенно опускалъ ноги въ сапогахъ со ступени на ступень и круглый его животикъ солидно колыхался подъ длинной рубахой изъ сарпинки. А изъза его плеча высовывалось бородатое четырехугольное лицо сотскаго.

— Понялъ, Ефимушка? — спросилъ староста у сотскаго.

— Чего тутъ не понять? Все понялъ. Обязанъ, значитъ, я, смолянскій сотскій, проводить этого человѣка къ земскому и — больше никакихъ! — проговоривъ свою

рѣчь раздѣльно и съ комической важностью, сотскій подмигнулъ публикѣ.

— А бумага?

— А бумага — она за пазухой у меня живетъ.

— Ну то-то! — вразумительно сказалъ староста и добавилъ, крѣпко почесавъ себѣ бокъ:

— Съ Богомъ, значитъ, айдате!

— Пошли! Шагаемъ что ли, отче? — улыбнулся сотскій арестанту.

— Вы бы хоть подводу дали, — глухо отвѣтилъ тотъ на предложеніе сотскаго. Староста ухмыльнулся.

— Подво-оду? Ишь ты! Вашего брата, проходимца, много тутъ ныряетъ по полямъ, по деревнямъ... лошадей про всѣхъ не хватитъ. Прошагаешь и пѣхтурой. Такъ-то!

— Ничего, отецъ, идемъ! — ободряюще заговорилъ сотскій. — Ты думаешь далече намъ? Дай Богъ, два десятка верстъ! Да, поди-ка, не будетъ. Мы съ тобой, отче, живо докатимъ. А тамъ ты и отдохнешь...

— Въ холодной, — пояснилъ староста...

— Это ничего, — торопливо заявилъ сотскій...— человѣку, который ежели усталъ, и въ тюрьмѣ отдыхъ. А потомъ — холодная-то — она прохладная... послѣ жаркаго дня — въ ней куда хорошо!

Арестантъ сурово оглянулъ своего конвоира — тотъ улыбался весело и открыто.

— Ну-ка айда, отецъ честной! Прощай, Василь Гаврилычъ! Пошли!

— Съ Господомъ, Ефимушка!... Смотри въ оба.

— А зри — въ три! — подкинулъ сотскому какой-то молодой парень изъ толпы.

— Н-ну! Малый я ребенокъ, али что?

И они пошли, держась близко къ избамъ, чтобы идти по полосѣ тѣни. Человѣкъ въ рясѣ шелъ впереди, развинченной, но скорой походкой привычнаго къ ходьбѣ

существа. Сотскій, со здоровой палкой въ рукѣ, шелъ сзади его.

Ефимушка былъ мужичокъ низенькаго роста, коренастый, съ широкимъ добрымъ лицомъ въ рамѣ русой свалявшейся въ клочья бороды, начинавшейся отъ его сѣрыхъ, ясныхъ глазъ. Онъ всегда почти улыбался чему-то, показывая здоровые желтые зубы и такъ наморщивая переносье — точно онъ хотѣлъ чихать. Одѣтъ онъ былъ въ азямъ, заткнувъ его полы за поясъ, чтобъ онѣ не путали ногъ, на головѣ у него торчалъ темнозеленый картузъ безъ козырька, спереди онъ былъ натянутъ до бровей и очень напоминалъ собой арестантскую фуражку.

Его спутникъ шелъ, не обращая на него вниманія, какъ бы совсѣмъ не чувствуя его сзади себя. Шли они по узкой проселочной дорогѣ; она вьюномъ вилась въ волнистомъ морѣ ржи, и тѣни путниковъ ползли по золоту колосьевъ.

На горизонтѣ синѣла грива лѣса, влѣво отъ путниковъ, безконечно далеко вглубь разстилались засѣянныя поля, среди нихъ лежало темное пятно деревни, за ней опять поля, тонувшія въ голубоватой мглѣ.

Справа, изъ-за купы ветелъ, вонзился въ синее небо обитый жестью и еще не выкрашенный шпиль колокольни — онъ такъ ярко блестѣлъ на солнцѣ, что на него было больно смотрѣть.

Въ небѣ звенѣли жаворонки, во ржи улыбались васильки и было жарко — почти душно. Изъ-подъ ногъ путниковъ взлетала пыль.

Ефимушкѣ стало скучно. Отъ природы большой говорунъ, онъ не могъ подолгу молчать и, отхаркнувшись, вдругъ затянулъ фальцетомъ:

Ге-эхъ-да-и съ чего й-то-о о...

Д' и съ чего й-то тоска сердце мое ѣстъ?

— Не хватаитъ голосу-то, дуй его горой! Н-да... а

бывало пѣлъ я... Вишенскій учитель скажетъ — ну-ка, Ефимушка, заводи! И зальемся мы съ нимъ! Правильный парень былъ онъ...

— Кто онъ? — глухимъ басомъ спросилъ человѣкъ въ рясѣ.

— А вишенскій учитель...

— Вишенскій — фамилія?

— Вишенки—это, братъ, село. А то учитель Павлъ Михалычъ. Первый сортъ—человѣкъ былъ. Померъ въ третьемъ году...

— Молодой?

— Тридцати годовъ не было...

— Съ чего померъ-то?

— Съ огорченія, надо полагать.

Собесѣдникъ Ефимушки искоса взглянулъ на него и усмѣхнулся...

— Дѣло, видишь-ты, милый человѣкъ, такое вышло— училъ онъ, училъ годовъ семь кряду, ну и началъ кашлять. Кашлялъ, кашлялъ, да и затосковалъ... Ну, а съ тоски, извѣстно, началъ пить водку. А отецъ Алексѣй не любилъ его, и какъ запилъ онъ, отецъ-отъ Алексѣй въ городъ бумагу и спосылалъ — такъ, молъ, и такъ—пьетъ учитель-то, дескать это одинъ соблазнъ. А изъ города въ отвѣтъ тоже бумагу прислали и учительшу. Длинная такая, костлявая, носъ большущій. Ну, Павлъ Михалычъ видитъ—дѣло швахъ. Огорчился, дескать, училъ я, училъ... ахъ вы, черти! Отправился изъ училища прямо въ больницу да черезъ пять дёнъ и отдалъ душу Богу... Только и всего...

Нѣкоторое время шли молча. Лѣсъ все приближался къ путникамъ съ каждымъ шагомъ, вырастая на ихъ глазахъ и изъ синяго становясь зеленымъ.

— Лѣсомъ пойдемъ? — спросилъ Ефимушкинъ спутникъ.

— Краюшекъ захватимъ, съ полверсты этакъ. А

что? А? Ишь ты! Гусь ты, отецъ честной, погляжу я на тебя!

И Ефимушка засмѣялся, качая головой...

— Ты чего? — спросилъ арестантъ.

— Да такъ, ничего. Ахъ ты! Лѣсомъ, говоритъ, пойдемъ? Простъ ты, милый человѣкъ, другой бы не спросилъ, который поумнѣе ежели. Тотъ бы прямо пришелъ въ лѣсъ да и того...

— Чего?

— Ничего! Я, братъ, тебя насквозь вижу. Эхъ ты, душа ты моя тонка дудочка! Нѣтъ, — ты эту думу — насчетъ лѣсу — брось! Али ты со мной сладишь? Да я троихъ такихъ уберу, а на тебя на одну лѣвую руку выйду... *) Понялъ?

— Понялъ! Дуракъ ты! — кротко и выразительно сказалъ арестантъ.

— Что? Угадалъ я тебя?—торжествовалъ Ефимушка.

— Чучело! Чего ты угадалъ? — криво усмѣхнулся арестантъ.

— Насчетъ лѣсу... Понимаю я! Дескать, я—это ты-то,—какъ придемъ въ лѣсъ, тяпну тамъ его —меня-то, значитъ, — тяпну, да и зальюсь по полямъ, да по лѣсамъ? Такъ ли?

— Глупый ты...—пожалъ плечами угаданный человѣкъ. — Ну куда я пойду?

— Ну ужъ, куда хочешь,—это твое дѣло...

— Да куда? — Ефимушкинъ спутникъ не то сердился, не то очень ужъ желалъ услышать отъ своего конвоира указаніе, куда именно онъ могъ бы идти.

— Я-тѣ говорю, куда хочешь! — спокойно заявилъ Ефимушка.

---

*) „Выйти на одну руку"—значитъ драться съ противникомъ одной рукой, въ то время какъ другая плотно привязана кушакомъ къ туловищу бойца. Противникъ же дѣйствуетъ обѣими руками.

— Некуда мнѣ, братъ, бѣжать, некуда! — тихо сказалъ его спутникъ.

— Н-ну!—недовѣрчиво произнесъ конвоиръ и даже махнулъ рукой. — Бѣжать всегда есть куда. Земля-то, она велика. Одному человѣку на ней всегда мѣсто будетъ.

— Да тебѣ что? Хочется что ли, чтобъ я убѣжалъ?— полюбопытствовалъ арестантъ, усмѣхаясь.

— Ишь ты! Больно ты хорошъ! Развѣ это порядокъ? Ты убѣжишь, а замѣсто тебя кого въ острогъ сажать будутъ? Меня тогда посадятъ. Нѣтъ, я такъ это, для разговору...

— Блаженный ты... а впрочемъ кажется хорошій мужикъ,—сказалъ вздохнувъ Ефимушкинъ спутникъ Ефимушка не замедлилъ согласиться съ нимъ.

— Это точно, называютъ меня блаженнымъ нѣкоторые люди... и что хорошій я мужикъ—это тоже вѣрно. Простой я, главная причина. Иные люди норовятъ все съ подходцемъ да съ хитрецой, а мнѣ чего? Я человѣкъ одинъ на свѣтѣ. Хитровать будешь — умрешь и правдой жить будешь—умрешь. Такъ я все напрямки больше.

— Это ты хорошо!—равнодушно замѣтилъ спутникъ Ефимушки.

— А какъ же? Для че я стану кривить душой, коли я одинъ, весь тутъ. Я, братокъ, свободный человѣкъ. Какъ желаю, такъ и живу, по своему закону прохожу жизнь... Н-да... А тебя какъ звать-то?

— Какъ? Ну... хоть Иванъ Ивановъ...

— Такъ! Изъ духовныхъ, что ли?

— Н-нѣтъ...

— Ну? А я думалъ—изъ духовныхъ...

— Это по одеждѣ-то что ли?

— Вотъ, вотъ! Совсѣмъ ты вродѣ какъ бы бѣглый монахъ, а то разстриженный попъ... А вотъ лицо у тебя не подходящее, съ лица ты вродѣ какъ бы солдатъ...

Богъ тебя знаетъ, что ты за человѣкъ?—И Ефимушка окинулъ странника любопытнымъ взглядомъ. Тотъ вздохнулъ, поправилъ шляпу на головѣ, вытеръ потный лобъ и спросилъ сотскаго:

— Табакъ куришь?

— Ахъ ты, сдѣлай милость! Конечно, курю!

Онъ вытащилъ изъ-за пазухи засаленный кисетъ и, наклонивъ голову, но не останавливаясь, сталъ набивать табакъ въ глиняную трубку.

— На-ко, закуривай!—Арестантъ остановился и, наклонясь къ зажженной конвоиромъ спичкѣ, втянулъ въ себя щёки. Синій дымокъ поплылъ въ воздухѣ.

— Такъ изъ какихъ ты будешь-то? Мѣщанинъ что ли?

— Дворянинъ...—кратко сказалъ арестантъ и сплюнулъ въ сторону на колосья хлѣба, уже подернутые золотымъ блескомъ.

— Э-э! Ловко! Какъ же это ты безъ пачпорта гуляешь?

— А такъ и гуляю.

— Ну-ну! Дѣла! Не свычна, чай, этакая волчья жизнь для твоего дворянства? Э-эхъ ты горюнъ!

— Ну ладно ужъ... будетъ болтать-то,—сухо сказалъ горюнъ.

Но Ефимушка съ возрастающимъ любопытствомъ и участіемъ оглядывалъ безпаспортнаго человѣка и, задумчиво качая головой, продолжалъ:

— А-яй! Какъ судьба съ человѣкомъ-то играетъ, ежели подумать! Вѣдь оно, пожалуй, и вѣрно, что ты изъ дворянъ, потому осанка у тебя этакая великолѣпная. Давно ты живешь въ такомъ образѣ?

Человѣкъ съ великолѣпной осанкой сумрачно взглянулъ на Ефимушку и отмахнулся отъ него рукой, какъ отъ назойливой осы.

— Брось, говорю! Что ты присталъ, какъ баба?

— А ты не сердись! — успокоительно проговорилъ

Ефимушка.—Я по чистому сердцу говорю... сердце у меня доброе очень...

— Ну и твое счастье... А вотъ что языкъ у тебя безъ умолку мелетъ—это мое несчастье.

— Ну инъ ладно! Я коли и помолчу... можно и помолчать, ежели человѣкъ не хочетъ слушать твоего разговору. А сердишься ты все-таки безъ причины... Али моя вина, что тебѣ на бродяжьемъ положеніи пришлось жить?

Арестантъ остановился, и такъ сжалъ зубы, что его скулы выдались двумя острыми углами, а сѣдая щетина на нихъ встала ершомъ. Онъ смѣрилъ Ефимушку съ ногъ до головы загорѣвшимися злобой и прищуренными глазами.

Но раньше, чѣмъ Ефимушка замѣтилъ эту мимику, онъ снова началъ мѣрять землю широкими шагами.

На лицо болтливаго сотскаго легъ отпечатокъ разсѣянной задумчивости. Онъ посматривалъ вверхъ, откуда лились трели жаворонковъ, и подсвистывалъ имъ сквозь зубы, помахивая палкой въ тактъ своихъ шаговъ.

Подходили къ опушкѣ лѣса. Онъ стоялъ неподвижной и темной стѣной — ни звука не неслось изъ него навстрѣчу путникамъ. Солнце уже садилось и его косые лучи окрасили вершины деревьевъ въ пурпуръ и золото. Отъ деревьевъ вѣяло пахучей сыростью, сумракъ и сосредоточенное молчаніе, наполнявшіе лѣсъ, рождали жуткое чувство.

Когда лѣсъ стоитъ предъ глазами теменъ и неподвиженъ, когда весь онъ погруженъ въ таинственную тишину, и каждое дерево точно чутко прислушивается къ чему-то—тогда кажется, что весь лѣсъ полонъ чѣмъ-то живымъ и лишь временно притаившимся. И ждешь, что въ слѣдующій моментъ вдругъ выйдетъ изъ него нѣчто громадное и непонятное человѣческому уму, выйдетъ и заговоритъ могучимъ голосомъ о великихъ тайнахъ творчества природы...

II.

Подойдя къ опушкѣ лѣса, Ефимушка и его спутникъ рѣшили отдохнуть и усѣлись на траву около широкаго дубоваго пня. Арестантъ медленно стащилъ съ плечъ котомку и равнодушно спросилъ сотскаго:

— Хлѣба хочешь?

— Дашь, такъ пожую,—отвѣтилъ Ефимушка улыбаясь.

И вотъ они молча стали жевать хлѣбъ. Ефимушка ѣлъ медленно и все вздыхалъ, посматривая куда-то въ поле влѣво отъ себя, а его спутникъ весь углубился въ процессъ насыщенія, ѣлъ скоро и звучно чавкалъ, измѣряя глазами свою краюху хлѣба. Поле темнѣло, хлѣба уже потеряли свой золотистый колоритъ и стали розовато-желтыми, съ юго-запада на небо всползали лохматыя тучки, отъ нихъ на поле падали тѣни,—падали и ползли по колосьямъ къ лѣсу, гдѣ сидѣли двѣ темныя человѣческія фигуры. И отъ деревьевъ тоже ложились на землю тѣни, а отъ тѣней вѣяло на душу грустью.

— Слава Тебѣ, Господи! — возгласилъ Ефимушка, собравъ съ полы азяма крошки хлѣба и слизавъ ихъ съ ладони языкомъ.—Господь напиталъ—никто не видалъ, а кто и видѣлъ, такъ не обидѣлъ! Другъ! Посидимъ здѣсь часокъ? Успѣемъ въ холодную-то?

Другъ кивнулъ головой.

— Ну вотъ... Мѣсто больно хорошее, памятное мнѣ мѣсто... Вонъ тамъ, влѣво, господъ Тучковыхъ усадьба была...

— Гдѣ?—быстро спросилъ арестантъ, оборачиваясь туда, куда Ефимушка махнулъ рукой...

— А эвона — за тѣмъ мыскомъ. Тутъ все вокругъ ихнее было. Богатѣйшіе господа были, но послѣ воли свихнулись... Я тоже ихній былъ, — мы всѣ тутъ бывшіе ихніе. Большая семья была... Полковникъ самъ-то—

Александръ Никитичъ Тучковъ. Дѣти были: четверо сыновей—куда всѣ теперь подѣвались? Словно вѣтромъ разнесло людей, какъ листья по осени. Одинъ только Иванъ Александровичъ цѣлъ,—вотъ я тебя къ нему и веду, онъ у насъ земскимъ-то... Старый ужъ...

Арестантъ засмѣялся. Смѣялся онъ глухо, какимъ-то особеннымъ внутреннимъ смѣхомъ,—грудь и животъ у него колыхались, но лицо оставалось неподвижнымъ, только сквозь оскаленные зубы вырывались глухіе, точно лающіе звуки.

Ефимушка боязливо поёжился и, подвинувъ свою палку поближе къ рукѣ, спросилъ у него:

— Чего это ты? Находитъ на тебя что ли?... ась?

— Ничего... это такъ, пройдетъ,—сказалъ арестантъ отрывисто, но ласково.—Разсказывай знай...

— Н-да... Такъ вотъ, значитъ, какія дѣла, — были это господа Тучковы, и нѣту ихъ... Которые померли а которые пропали, такъ ни слуху, ни духу о нихъ и нѣту. Особливо одинъ тутъ былъ... самый меньшой. Викторомъ звали... Витей. Товарищи мы съ нимъ были... Въ ту пору, какъ волю объявили, было намъ съ нимъ лѣтъ по четырнадцати... Экій мальчикъ былъ, помяни Господи добромъ его душеньку! Ручей чистый! Такъ вотъ весь день и стремится, такъ это и журчитъ... Гдѣ-то онъ теперь? Живъ или ужъ нѣтъ?

— Чѣмъ больно хорошъ былъ?—тихо спросилъ Ефимушку его спутникъ.

— Всѣмъ!—воскликнулъ Ефимушка.—Красотой, разумомъ, добрымъ сердцемъ... Ахъ ты странній человѣкъ, душа ты моя, спѣла ягода! Посмотрѣлъ бы ты тогда на насъ двоихъ... ай, ай, ай! Въ какія игры мы играли, какая развеселая жизнь была,—люли малина! Бывало крикнетъ — Ефимка! — Идемъ на охоту! Ружье у него было, — отецъ подарилъ въ именины, — и мнѣ бывало стащитъ ружье. И закатимся мы это въ лѣса, да дня па два, на три! Придемъ домой — ему проборка, мнѣ

порка; глядишь, на другой день снова:—Ефимка—по грибы!—Птицы мы съ нимъ погубили—тысячи! Грибовъ этихъ собирали—пуды! Бабочекъ, жуковъ онъ ловилъ, бывало, и въ коробки ихъ, на булавки насаживалъ... Занятно! Грамотѣ меня училъ... Ефимка, говоритъ, я тебя учить буду. Валяйте! Ну и началъ... Говори, говоритъ—а! Я ору—а-а! Смѣхи! Сначала-то мнѣ въ шутку это дѣло было—на што она, грамота-то, крестьянину?... Ну, онъ меня увѣщаваетъ: „на то, говоритъ, тебѣ, дураку, и воля дана, чтобы ты учился... Будешь, говоритъ, грамотѣ знать,—узнаешь, какъ жить надо и гдѣ правду искать“... Извѣстно, малое дитя переимчиво, наслушался видно у старшихъ этакихъ рѣчей и самъ началъ тоже говорить... Пустое, конечно, все... Въ сердцѣ она, грамота-то, сердце и насчетъ правды укажетъ... Оно—глазастое... Такъ вотъ, учитъ онъ меня... такъ присосался къ этому дѣлу, — дохнуть мнѣ не даетъ! Маята! Я—молить! Витя, говорю, мнѣ грамота не въ моготу, не могу, говорю, я ее одолѣть... Такъ онъ на меня ка-акъ рявкнетъ! Папиной нагайкой запорю—учись! Ахъ ты, сдѣлай милость! Учусь... Разъ сбѣжалъ съ урока, прямо вскочилъ да и драла! Такъ онъ меня съ ружьемъ искалъ весь день—застрѣлить хотѣлъ. Послѣ говоритъ мнѣ,—кабы, говоритъ, встрѣтилъ я тебя въ тотъ день—застрѣлилъ бы, говоритъ! Вотъ какой былъ рѣзкій! Непреклонный, огневой—настоящій баринъ... Любилъ онъ меня; пламенная душа... Разъ мнѣ тятька спину вожжами расписалъ, а какъ онъ, Витя-то, увидалъ это, пришедши къ намъ въ избу,—батюшки мои—что вышло! поблѣднѣлъ весь, затрясся, сжалъ кулаки и къ тятенькѣ на полати лѣзетъ. Это, говоритъ, ты какъ смѣлъ? Тятька говоритъ—я-де отецъ! Ага! Ну хорошо, отецъ, одинъ я съ тобой не слажу, а спина у тебя будетъ такая же, какъ у Ефимки. Заплакалъ послѣ этихъ словъ и убѣгъ... И что жъ ты скажешь, отче? Исполнилъ, вѣдь, свое слово. Дворню, видно, подговорилъ,

что ли, только однажды тятенька пришелъ домой, кряхтитъ; сталъ-было рубашку снимать, анъ она присохла къ спинѣ-то у него... Разсердился на меня отецъ въ ту пору — изъ-за тебя, говоритъ, терплю, барскій ты прихвостень. И здоровенную задалъ мнѣ теребачку... Ну, а насчетъ барскаго прихвостня это онъ напрасно,— я такимъ не былъ...

— Вѣрно, Ефимъ, не былъ!—утвердительно сказалъ арестантъ и весь вздрогнулъ,—это видно и сейчасъ, не могъ ты быть барскимъ прихвостнемъ, — какъ-то торопливо добавилъ онъ.

— То-то и оно!—воскликнулъ Ефимушка... — Просто я любилъ его, Витю-то... Такой это таланный ребенокъ былъ, всѣ его любили—не одинъ я... Бывало рѣчи онъ говоритъ разныя... не помню я ихъ, тридцать годовъ слишкомъ прошло съ той поры... Ахъ Господи! Гдѣ-то онъ теперь? Чай, коли живъ, то или высокое мѣсто занимаетъ или... въ самомъ омутѣ кипитъ... Жизнь людская растаковская! Кипитъ она, кипитъ, а все ничего путнаго не сварится... А люди пропадаютъ... и жалко людей, даже до смерти жалко! — Ефимушка, тяжело вздохнувъ, поникъ головой на грудь... Съ минуту длилось молчаніе.

— А меня тебѣ жалко?—весело спросилъ арестантъ. Онъ спрашивалъ именно весело, все лицо у него было освѣщено такой хорошей, доброй улыбкой...

— Да вѣдь чудакъ-человѣкъ! — воскликнулъ Ефимушка, — какъ же тебя не жалѣть? Что ты такое, ежели подумать? Коли ты бродишь, такъ, видно, нѣтъ у тебя ничего своего на землѣ-то, ни угла, ни щепочки... А можетъ еще и великъ грѣхъ ты носишь съ собой — кто тебя знаетъ? Горюнъ ты — одно слово...

— Такъ, — сказалъ арестантъ...

И они снова замолчали. Солнце уже сѣло, и тѣни стали гуще. Въ воздухѣ пахло влажной землей, цвѣтами и лѣсной плѣсенью... Долго сидѣли молча.

— А какъ тутъ ни хорошо — все-таки надо идти... Намъ еще верстъ восемь осталось... Айда-ка, отче, подымайся!

— Посидимъ еще немного, — попросилъ отче...

— Да я ничего, я самъ люблю ночью около лѣса быть... Только когда жъ мы придемъ къ земскому-то? Заругаетъ онъ меня — поздно-де.

— Ничего, не заругаетъ...

— Развѣ ты словечко замолвишь, — усмѣхнулся сотскій.

— Могу.

— Ой ли?

— А что?

— Шутникъ ты! Онъ тѣ задастъ перцу!

— Дерется развѣ?

— Лютъ! И ловокъ—ахнетъ кулакомъ въ ухо, а выходитъ все равно, какъ бы косой по ногамъ.

— Ну, мы ему сдачи дадимъ, — увѣренно сказалъ арестантъ, дружески потрепавъ своего конвоира по плечу.

Это было фамильярно и не понравилось Ефимушкѣ. Какъ ни какъ, а онъ все-таки начальство, и этотъ гусь не долженъ забывать, что у Ефимушки за пазухой есть мѣдная бляха. Ефимушка всталъ на ноги, взялъ въ руки свою палку, вывѣсилъ бляху на самую середину груди и строго сказалъ:

— Вставай, идемъ!

— Не пойду! — сказалъ арестантъ.

Ефимушка смутился и, вытаращивъ глаза, съ полминуты молчалъ, не понимая, съ чего это арестантъ вдругъ сталъ такой шутникъ?

— Ну, не валандайся, идемъ!—уже мягче сказалъ онъ.

— Не пойду! — рѣшительно повторилъ арестантъ.

— То-есть, какъ не пойдешь?—закричалъ Ефимушка въ изумленіи и гнѣвѣ.

— Такъ. Хочу здѣсь ночевать съ тобой... Ну-ка, разжигай костеръ...

— Я-те дамъ ночевать! Я-те такой костеръ на бокахъ у тебя разожгу—любо-дорого!—грозилъ Ефимушка. Но въ глубинѣ души онъ былъ изумленъ. Говоритъ человѣкъ—не пойду,—а сопротивленія никакого не оказываетъ, въ драку не лѣзетъ, лежитъ себѣ на землѣ и больше ничего. Какъ тутъ быть?

— Не ори, Ефимъ,—спокойно посовѣтовалъ арестантъ.

Ефимушка снова замолчалъ и, переминаясь съ ноги на ногу надъ своимъ арестантомъ, смотрѣлъ на него большими глазами. И тотъ на него смотрѣлъ, смотрѣлъ и улыбался. Ефимушка тяжело соображалъ, какъ же теперь нужно ему поступать?

И съ чего этотъ бродяга, все время такой угрюмый и злой, теперь вдругъ разбаловался такъ? А что, если навалиться на него, скрутить ему руки, дать раза два по шеѣ, да и все? И самымъ строго-начальническимъ тономъ, какой только былъ въ его распоряженіи, Ефимушка сказалъ:

— Ну, ты, огарокъ, вотъ что, — покочевряжился, и будетъ! Вставай! А то я тебя свяжу, такъ тогда пойдешь, небойсь! Понялъ? Ну? Смотри — бить буду!

— Меня-то? — усмѣхнулся арестантъ.

— А ты что думаешь?

— Витю-то Тучкова, ты, Ефимъ Грызловъ, бить будешь?

— Ахъ ты — пострѣлитъ-те горой! — изумленно воскликнулъ Ефимушка,—да что ты въ самомъ дѣлѣ? Что ты мнѣ представленья-то представляешь? На-ко-ся!

— Ну, будетъ кричать, Ефимушка, пора тебѣ узнать меня,—спокойно улыбаясь, сказалъ арестантъ и всталъ на ноги, — здравствуй, что ли!

Ефимушка попятился назадъ отъ протянутой къ нему руки и во всѣ глаза смотрѣлъ въ лицо своего арестанта. Потомъ губы у него затряслись и все лицо сморщилось...

— Викторъ Александровичъ... и впрямь что ли вы это? — шопотомъ спросилъ онъ.

— Хочешь—документы покажу? А то,—всего лучше,

— старину напомню... Ну-ка — помнишь, какъ ты въ Раменскомъ бору въ волчью яму попалъ? А какъ я за гнѣздомъ полѣзъ на дерево и повисъ на сучкѣ внизъ головой? А какъ мы у старухи-молочницы Петровны сливки крали? И сказки она намъ говорила?

Ефимушка грузно сѣлъ на землю и растерянно засмѣялся.

— Повѣрилъ?—спросилъ его арестантъ и тоже сѣлъ рядомъ съ нимъ, заглядывая ему въ лицо и положивъ на плечо его свою руку. Ефимушка молчалъ. Вокругъ нихъ стало совсѣмъ темно. Въ лѣсу родился смутный шумъ и шопотъ. Далеко, гдѣ-то въ чащѣ, застонала ночная птица. Туча ползла на лѣсъ чуть замѣтнымъ движеніемъ.

— Что же, Ефимъ, — не радъ встрѣчѣ? Или очень ужъ радъ? Эхъ ты... святая душа! Какъ былъ ты ребенкомъ, такъ и остался... Ефимъ? Да говори что ли, чудовище милое!

Ефимушка началъ усиленно сморкаться въ полу азяма...

— Ну, братъ! Ай, ай, ай! — укоризненно закачалъ головой арестантъ.—Что это ты? Стыдись! чай, тебѣ на пятый десятокъ годы идутъ, а ты этакимъ пустяковымъ дѣломъ занимаешься? Брось!—и онъ, обнявъ сотскаго за плечи, легонько потрясъ его. Сотскій засмѣялся дрожащимъ смѣхомъ и, наконецъ, заговорилъ, не глядя на своего сосѣда:

— Да развѣ я что?... Радъ я... Такъ это вы и есть? Какъ мнѣ въ это повѣрить? Вы, и... такое дѣло! Витя... и въ этакомъ образѣ! Въ холодную... Пачпорту нѣтъ... Хлѣбомъ питаетесь... Табаку нѣтъ... Господи! Вѣдь это развѣ порядокъ? Ежели бы это я былъ... а вы бы хоть сотскій... и то легче! А теперь что же вышло? Какъ мнѣ смотрѣть въ глаза вамъ? Я всегда про васъ съ радостью помнилъ... Витя, — думаешь бывало... Такъ

даже сердце защекочетъ. А теперь — на-ко! Господи... вѣдь это ежели людямъ разсказать—не повѣрятъ...

Онъ бормоталъ свои отрывистыя фразы, упорно глядя на свои ноги, и все хватался рукой то за грудь то за горло.

— А ты людямъ про все это и не говори, не надо. И перестань... развѣ тутъ твоя вина? Насчетъ меня не безпокойся... Бумаги у меня есть, я не показалъ ихъ старостѣ, чтобы не узнали меня тутъ... Въ холодную меня братъ Иванъ не посадитъ, а, напротивъ, поможетъ мнѣ на ноги встать... Останусь я у него, и будемъ мы съ тобой снова на охоту ходить... Видишь, какъ хорошо все устраивается.

Витя говорилъ это ласково, тѣмъ тономъ, которымъ взрослые утѣшаютъ огорченныхъ дѣтей. Навстрѣчу тучѣ, изъ-за лѣса всходила луна, и края тучи, посребренные ея лучами, приняли мягкіе опаловые оттѣнки. Въ хлѣбахъ кричали перепела, гдѣ-то трещалъ коростель... Мгла ночи становилась все гуще.

— Это дѣйствительно... — тихо началъ Ефимушка,— Иванъ Александровичъ родному брату порадѣетъ и вы, значитъ, снова приспособитесь къ жизни. Это все такъ... И на охоту пойдемъ... Только все не то... Я думалъ, вы какихъ дѣловъ въ жизни надѣлаете! А оно— вонъ что...

Витя Тучковъ засмѣялся.

— Я, братъ Ефимушка, надѣлалъ дѣловъ достаточно... Имѣніе, свою часть прожилъ, на службѣ не ужился, былъ актеромъ, былъ приказчикомъ въ торговлѣ лѣсомъ, потомъ самъ держалъ актеровъ... потомъ прогорѣлъ до тла, всѣмъ задолжалъ, впутался въ одну исторію... эхъ! Всего было... И—все прошло!

Арестантъ махнулъ рукой и добродушно засмѣялся.

— Я, братъ Ефимушка, теперь ужъ не баринъ... вылѣчился отъ этого. Теперь мы съ тобой такъ заживемъ! а? да, ну! очнись.

— Я вѣдь ничего... — заговорилъ Ефимушка подавленнымъ голосомъ, — стыдно мнѣ только. Говорилъ я вамъ тутъ разное такое... несуразныя слова и вообще... Мужикъ, извѣстное дѣло... Такъ, говорите, заночуемъ тутъ? Я инъ костеръ разложу...

— Ну-ка, дѣйствуй!...

Арестантъ вытянулся на землѣ кверху грудью, а сотскій исчезъ въ опушкѣ лѣса, откуда тотчасъ же раздался трескъ сучьевъ и шорохъ. Скоро Ефимушка появился съ охапкой хвороста, а черезъ минуту по маленькому холмику изъ мелкихъ сучьевъ уже весело ползала змѣйка огня.

Старые товарищи задумчиво смотрѣли на нее, сидя другъ противъ друга и поочередно куря трубку.

— Совсѣмъ какъ тогда, — грустно говорилъ Ефимушка.

— Только времена не тѣ, — сказалъ Тучковъ.

— Н-да, жизнь-то стала круче характеромъ... Эвона какъ васъ... обломала...

— Ну, это еще неизвѣстно — она меня или я ее... — усмѣхнулся Тучковъ.

Помолчали...

— А? Господи Боже! Витя! Вотъ-те и съ праздникомъ! — огорченно восклицалъ Ефимушка.

— Э, полно! Что было — то прошло, — философски утѣшалъ его Тучковъ.

Сзади ихъ возвышалась темная стѣна тихо шептавшаго о чемъ-то лѣса, весело трещалъ костеръ, вокругъ него безшумно плясали тѣни и надъ полемъ лежала непроглядная тьма.

КОНЕЦЪ ВТОРОГО ТОМА.

